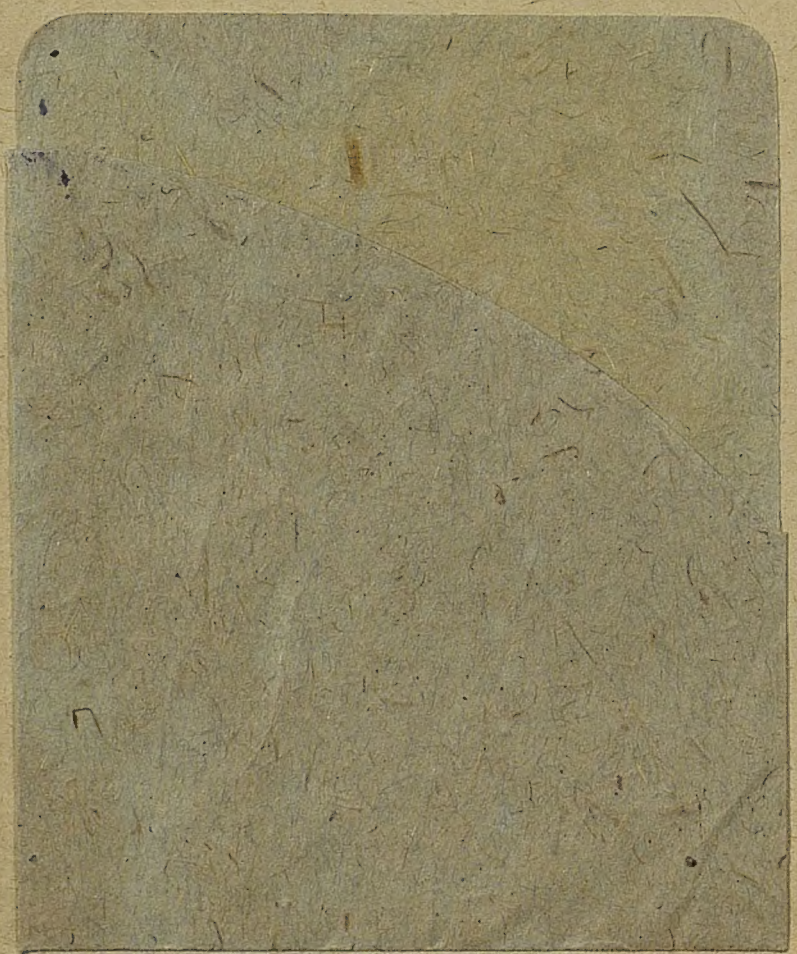
446
444

XIV 3/199



233386
346
444

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

21 ОКТ 1936

Колич. предыд. выдач.....

246
444

К. Дружининъ.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ,

съ приложеніемъ статей:

I. Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія.
II. Крестьянская женщина.
III. „Вы“ и „ты“.
IV. Наказаніе безъ суда.
V. Преобразованный волостной судъ.
VI. Юридическая безпомощность крестьянъ.

БИБЛІОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 30998

Изданіе Юридическаго Книжнаго Магазина **Н. К. Мартынова**,
Коммисіонера Государственной Типографіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1897.

Тп2(21)
Тр(3132)

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
130998

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Интересъ къ крестьянскому дѣлу не ослабѣвалъ у насъ никогда. Сознаніе чрезвычайной важности вопросовъ, относящихся до той массы населенія, которая самой Россіи присваиваетъ наименованіе страны «крестьянской»,—издавна присуще русскому обществу. Независимо отъ обязанностей передъ массою, лежащихъ на образованныхъ слояхъ общества, не могла не представляться, затѣмъ, всегда очевидною тѣсная связь интересовъ этихъ слоевъ съ народомъ,—съ его нуждами и запросами.

Нынѣ-же интересъ къ крестьянскому дѣлу особенно усилился. Самый этотъ интересъ сдѣлался шире, разностороннѣе, глубже. Перестали обращать на себя преимущественное вниманіе вопросы экономическаго положенія крестьянъ. Значительно ослабѣла мысль, что къ экономическому благосостоянію крестьянъ все остальное само-собою приложится, и что, поэтому, всѣ заботы должны быть направлены, прежде всего, на удовлетвореніе экономическихъ нуждъ народа. Крестьянская жизнь признана болѣе сложною. Выступила въ подобающемъ значеніи личность крестьянина со всею совокупностію ея требованій. Связь и зависимость самаго экономическаго благосостоянія отъ различныхъ другихъ элементарныхъ условій существованія—обнаружилась яснѣе. Сказалось и вліяніе школъ, учрежденныхъ для крестьянъ въ значительномъ числѣ при киселевскомъ управленіи министерствомъ государ-

ственныхъ имуществъ и многократно увеличившихся въ послѣдніе тридцать лѣтъ, благодаря дѣятельности земскихъ учрежденій. Въ самомъ народѣ, по силѣ этой и другихъ причинъ,—развились новыя потребности. Съ тѣмъ-же вмѣстѣ, за тридцать пять лѣтъ не могли не обнаружиться и недостатки законодательства о крестьянахъ, созданнаго спѣшно и на переходное время для однихъ освобожденныхъ крестьянъ,—а на дѣлѣ ставшаго постояннымъ и общимъ для всѣхъ разрядовъ сельскихъ обывателей. Реформа 12 іюля 1889 года, имѣвшая внѣшній характеръ, направленная къ упорядоченію сельской жизни посредствомъ учрежденія новыхъ должностныхъ лицъ съ обширною властію,—всѣми своими недостатками въ особенности подчеркнула и на опытѣ ярко обнаружила глубокіе внутренніе недостатки положенія сельскихъ обывателей.

При такихъ условіяхъ, вниманіе общества и правительства, неизбѣжно и естественно, обратилось именно ко всей совокупности крестьянскихъ нуждъ и вопросовъ,—не только къ экономическому благосостоянію, но—въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ прежде,—и къ просвѣщенію народа, и къ устройству его юридическаго быта. Довольно популярными стали, между прочимъ, вопросы о правахъ крестьянъ, общихъ и особенныхъ, личныхъ и сословныхъ, частныхъ и общественныхъ,—равно какъ объ условіяхъ и порядкѣ отвѣтственности ихъ. Создаются предположенія, что скорѣй къ юридическому, нежели къ экономическому, благоустройству, къ обезпеченію крестьянамъ необходимыхъ условій юридическаго существованія и къ упроченію закона и порядка среди нихъ приложится само-собою все остальное, что скорѣй при этомъ, какъ элементарномъ, условіи возвысится и укрѣпится самое экономическое благосостояніе народа... Въ то-же самое время для пересмотра законодательства о крестьянахъ образуется особая коммиссія, въ составъ которой предполагается призвать и общественныя силы. Это-же — новый поводъ, обращающій общественное вниманіе на крестьянское дѣло.

Усиленію вниманія къ общему положенію крестьянъ и къ относящемуся до нихъ законодательству много способствуетъ также въ настоящее время возникновеніе предположеній собственно о преобразованіи волости въ установленіе всесословное,—объ извѣстномъ сліяніи крестьянской массы съ остальными слоями населенія въ различныхъ отношеніяхъ. Не новыя сами по себѣ предположенія эти, серьезно и настоятельно, возникаютъ только нынѣ. Въ то-же время можно имѣть увѣренность въ томъ, что дальнѣйшее обсужденіе настоящаго вопроса приведетъ къ сознанію необходимости преобразованія не только волости, но—что гораздо важнѣе — и сельскаго общества въ установленіе всесословное, къ признанію возможности болѣе тѣснаго сліянія крестьянъ съ остальными слоями населенія, къ уравненію ихъ въ болѣе разнообразныхъ отношеніяхъ и условіяхъ существованія.

Все это въ совокупности позволило намъ думать, что въ настоящее время не будетъ лишнимъ появленіе въ извѣстномъ цѣльномъ видѣ, съ дополненіями и исправленіями, нѣкоторыхъ собственныхъ нашихъ опытовъ по изслѣдованію юридическаго положенія крестьянъ, печатавшихся втеченіе 1889 — 1895 гг. въ нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ («Наблюдателѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Юридическаго Общества»). Недостатокъ въ нашей литературѣ сочиненій по вопросамъ юридическаго быта крестьянъ, по разработкѣ внѣшней и внутренней исторіи, такъ сказать, крестьянскаго права и по анализу его нынѣшняго состоянія—въ особенности подкрѣплялъ эту мысль.

Свойства настоящихъ опытовъ разработки вопросовъ юридическаго быта крестьянъ объясняются, главнымъ образомъ, какъ указаннымъ недостатокъ литературы, такъ и признаніемъ за самое существенное, важное и необходимое — изслѣдованія сыраго матеріала, обширнѣйшаго новѣйшаго законодательства о крестьянахъ. Опыты эти представляютъ собою именно извѣстную самостоятельную обработку названнаго матеріала.

На первомъ планѣ помѣщено собственно изслѣдованіе юридическаго положенія крестьянъ. Стремленіе обозрѣть въ извѣстномъ цѣльномъ видѣ исторію крестьянскаго права, преимущественно за послѣднія 35 лѣтъ, желаніе показать, по крайней мѣрѣ, основныя начала и важнѣйшія стороны обширнаго пореформеннаго законодательства о крестьянахъ и выяснить главнѣйшую и общую потребность сельскаго населенія въ юридическомъ обезпеченіи—все это должно объяснять и оправдывать краткость отдѣльныхъ частей этого само по себѣ короткаго изслѣдованія. Недостатокъ этотъ требовалъ, однако, извѣстнаго восполненія. Въ такихъ видахъ, и помѣщены вслѣдъ за общимъ изслѣдованіемъ опыты болѣе подробной обработки нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ вопросовъ юридическаго положенія крестьянъ:

Капитальнымъ вопросомъ является полная необезпеченность селеній, несоставляющихъ сельскихъ обществъ каждое, и—этому вопросу посвящена особая статья.—Весьма тяжелымъ представляется положеніе женской половины крестьянства, и—къ выясненію недостатковъ этого положенія направлена статья «Крестьянская женщина».—Характерные пріемы завѣдыванія крестьянскими дѣлами обнаруживаются въ употребленіи земскими начальниками мѣстоименія «ты» вмѣсто «вы» въ сношеніяхъ съ крестьянами, и—пріемы эти разсматриваются въ особой замѣткѣ.—Особое общественное вниманіе обратила на себя разнообразными проявленіями дисциплинарная власть, предоставленная земскимъ начальникамъ надъ крестьянами, и—существо вопроса выражено въ особой статьѣ.—Вопросъ о волостномъ судѣ—старый, важный, капитальный вопросъ юридическаго положенія крестьянъ, пріобрѣвшій особое значеніе съ преобразованіемъ 12 іюля 1889 г., и—онъ разработанъ съ значительными подробностями.—Наконецъ, сочтено наиболѣе умѣстнымъ закончить книгу какъ-бы иллюстраціею—вытекающей изъ всего изложеннаго юридической безпомощности крестьянъ... Вотъ и весь ея составъ...

Обширно крестьянское дѣло. Велико вниманіе, котораго

оно требуетъ. Много усилій должно быть сдѣлано для выясненія истинныхъ нуждъ сельской жизни. Разнообразны и многочисленны должны быть силы, долженствующія разрѣшить задачу всесторонняго и окончательнаго выясненія и устройства крестьянскаго быта. Неотложна эта задача. Каждый долженъ безъ замедленія нести сюда свой посильный трудъ... Дѣлаемъ это съ своей стороны,—по глубокому сознанію подобнаго общаго долга и по непоколебимому убѣжденію въ крайней настоятельности правильнаго разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ...

Н. Дружининъ.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

I.

Задачи 19 февраля 1861 г.

Трудность дѣла освобожденія крестьянъ.—Особая важность этой задачи.—Затруднительность одновременнаго разрѣшенія второй задачи,—устройства быта освобожденныхъ.—Положеніе государственныхъ крестьянъ.—Почему крѣпостные крестьяне не были прямо переведены въ положеніе государственныхъ крестьянъ? — Основные недостатки законоположеній 19 февраля 1861 г.

19 февраля 1861 г. были разрѣшены *двѣ* задачи: 1) слишкомъ двадцать милліоновъ крестьянъ освобождены отъ крѣпостной зависимости; 2) цѣлымъ рядомъ законоположеній опредѣлено поземельное устройство освобожденныхъ, учреждены среди нихъ собственный судъ и самоуправленіе и установленъ порядокъ завѣдыванія ихъ дѣлами на мѣстѣ.

Не слѣдуетъ забывать, при общей оцѣнкѣ реформы 19 февраля,—какъ трудна была *первая* задача. По мѣрѣ того какъ развивалось крѣпостное состояніе, государственная власть принимала мѣры къ огражденію подпадавшаго ему населенія. Состояніе это окончательно развилось въ XVIII столѣтіи.—Тогда-же стали возникать мысли объ его отмѣнѣ. Съ конца XVIII вѣка, мысли эти стали болѣе и болѣе опредѣляться и обнаруживаться въ постепенно устанавливавшихся ограниченіяхъ крѣпостнаго состоянія и въ улучшеніяхъ юридическаго положенія помѣщичьихъ крестьянъ. Но до 19 февраля 1861 г.,—все ограничивалось частными мѣрами въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ Малороссіи, Великороссіи, Сибири и Кавказа. Постепенное освобожденіе могло состояться только въ Остзейскомъ краѣ: въ 1816 году—въ Эстляндіи, въ слѣдующемъ году — въ Курляндіи и въ 1819 г.—въ Лифляндіи. Передъ громадностью *общаго* освобожденія крестьянъ остановились какъ мягкій императоръ Александръ I,

такъ и обладавшій желѣзною волею и мужествомъ императоръ Николай Павловичъ, создавшій для Россіи рядъ памятниковъ законодательства и весьма много занимавшійся вопросомъ о дарованіи свободы крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ его царствованіе—говоритъ профессоръ Градовскій («Начала рус. гос. права», т. I, стр. 257) — «издано столько распоряженій объ огражденіи крестьянъ противъ помѣщиковъ, какъ ни въ одно изъ предшествующихъ царствованій». Всего съ 1826 по 1855 г. издано до 108 различныхъ постановленій. Какъ всякому крупному законодательному начинанію, и освободительному дѣлу мѣшали многочисленныя внутреннія и внѣшнія причины, независимо отъ противодѣйствія со стороны тѣхъ, кому было выгодно существованіе крѣпостной зависимости. Великая задача освобожденія была разомъ разрѣшена, по завѣту отца, императоромъ Александромъ II. Только императоръ Александръ II и его правительство, вспомоществуемые духомъ и потребностями времени и общества, оказались способными преодолѣть всѣ трудности и не остановиться передъ коренною мѣрою. Лучше, тверже и рѣшительнѣе выполнить задачу *освобожденія* крѣпостныхъ крестьянъ было бы трудно. И для того времени, быть можетъ, достаточно было бы *узаконенія одного освобожденія.*

Несправедливо требовать такого же твердаго и *одновременнаго* разрѣшенія второй задачи—*устройства быта и управленія освобожденныхъ.* И также было бы несогласно съ истиною считать положенія 19 февраля 1861 г. удовлетворительными. Одно освобожденіе слишкомъ занимало дѣятелей реформы, для того чтобы они могли разъ навсегда обдумать подробности. Положеніе ихъ представляло много затруднительнаго. Ни необходимаго спокойствія, ни времени, ни силъ у нихъ не могло найтись для этого въ достаточной мѣрѣ. Задача была бы *внѣшне* облегчена, еслибъ крѣпостные крестьяне были прямо взяты въ казну, съ распространеніемъ на нихъ правъ государственныхъ крестьянъ. Мысль эта, кстати, была не новая. Она была высказана еще въ Екатерининской законодательной коммиссіи. Сперанскій въ 1826 г. также предлагалъ именно начать съ устройства быта казенныхъ крестьянъ и распространить его на помѣщичьихъ. А начатое въ 1838 году, при гр. Киселевѣ, преобразованіе положенія государственныхъ крестьянъ, несомнѣнно, и было соединено съ такою цѣлью для государя и немногихъ лицъ, сочувствовавшихъ его предположеніямъ. Мысль эта, безъ сомнѣнія, была

и у дѣятелей реформы 19 февраля 1861 г., по ея, такъ сказать, естественности и неизбѣжности. Но этого уравненія крѣпостныхъ крестьянъ съ государственными не было сдѣлано, ибо *по существу* это дѣлало освобожденіе еще затруднительнѣе. Крѣпостные крестьяне пріобрѣли бы слишкомъ много правъ и льготъ, — бывшіе ихъ владѣльцы потеряли бы еще болѣе. На первое время оказалось возможнымъ и подъ силу правительству императора Александра II дать освобожденнымъ крестьянамъ новое, временное, особое поземельное и общественное устройство. Прочее—лучшее—было предоставлено будущему. Сами дѣятели реформы менѣе всего считали выработанныя ими законоположенія достаточными. Это слѣдуетъ изъ одного названія учрежденнаго тогда же главнаго комитета *по устройству сельскаго состоянія*. Комитетъ явился какъ бы пятымъ департаментомъ государственнаго совѣта. Цѣль его составляло приведеніе «къ однимъ *общимъ* началамъ устройства и управленія всего сельскаго или крестьянскаго состоянія въ государствѣ». Возлагалось же на комитетъ, между прочимъ: «разсмотрѣніе разныхъ проектовъ законоположеній, кои *должны быть* составлены въ *дополненіе* изданныхъ положеній о крѣпостныхъ крестьянахъ».

Даже и положеніе государственныхъ крестьянъ, устроивавшееся съ особымъ вниманіемъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ,—и то не казалось тогда законченнымъ. Въ отношеніи размѣровъ землевладѣнія, крестьяне, находившіеся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, къ тому же, пользовались не одинаковымъ положеніемъ. На тотъ же комитетъ и возлагалось составленіе и разсмотрѣніе предположеній объ устройствѣ крестьянъ *государственныхъ*, равно какъ дворцовыхъ, удѣльныхъ, заводскихъ и другихъ крестьянъ. Указомъ 5 марта 1861 г. предложено было также министру государственныхъ имуществъ составить предположенія о примѣненіи *главныхъ началъ* положеній 19 февраля къ государственнымъ и вообще водвореннымъ на земляхъ казенныхъ крестьянамъ,— «въ той мѣрѣ, какъ это будетъ признано возможнымъ и необходимымъ *для вящшаго обезпеченія ихъ быта*». Передъ тѣмъ, сначала крестьянамъ удѣльнымъ—20 іюня 1858 г.—а потомъ, 26 августа 1859 г., крестьянамъ государевыхъ и дворцовыхъ имѣній были предоставлены всѣ личныя и по имуществу права свободныхъ сельскихъ обывателей, находившихся въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ. Указомъ же отъ 5 марта 1861 г.

министру императорскаго двора и удѣловъ также преподано было въ отношеніи крестьянъ удѣльныхъ, государевыхъ и дворцовыхъ: «устроить мірское управленіе и крестьянскіе суды и опредѣлить отношеніе удѣльныхъ конторъ къ сему управленію, примѣняясь къ тѣмъ началамъ, кои приняты для крестьянъ *государственныхъ и водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ*». Выраженіе желательности распространенія на государственныхъ крестьянъ главныхъ началъ положеній, созданныхъ для крѣпостныхъ крестьянъ, при несомнѣнности реакціи, наступившей уже въ то время въ отношеніи учрежденій графа Киселева,—дѣлалось, очевидно, въ смыслѣ, всетаки, весьма *ограниченномъ*. Тогда еще никому и не могло бы придти въ голову, что устройство крѣпостныхъ крестьянъ лучше во всѣхъ частяхъ и въ общемъ устройства государственныхъ крестьянъ,—хотя послѣднее и порицалось всячески помѣщиками. Дѣятели реформы не увлекались выполненіемъ *второй* разрѣшенной ими задачи. Достоинства же положенія госуд. крестьянъ были тогда налицо. О сравненіи не могло быть здѣсь и рѣчи. Государственные крестьяне находились подъ покровительствомъ *особаго* министерства. Мѣстное управленіе ими—губернское и окружное—было организовано на строгихъ началахъ *законности*. Отъ произвола ближайшаго начальства они были ограждены рядомъ стройныхъ *законодательныхъ* опредѣленій, на точномъ основаніи которыхъ дѣйствовали должностныя лица мѣстнаго губернскаго и окружнаго управленія государственными имуществами. Крестьянамъ этимъ было дано также весьма стройное волостное и сельское *самоуправленіе*. Для маловажныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ существовали двѣ соотвѣтствующія степени суда домашняго,—волостная и сельская расправы. Всѣ права и обязанности государственныхъ крестьянъ и должностныхъ лицъ были опредѣлены строго выработаннымъ стройнымъ закономъ. Волостной голова, избираемый волостнымъ сходомъ, утверждался въ должности и увольнялся отъ службы палатою государственныхъ имуществъ съ разрѣшенія начальника губерніи. Прочія избиравшіяся соотвѣтствующими сходами должностныя лица волостнаго и сельскаго управленія утверждались управляющимъ палаты государственныхъ имуществъ. Отвѣтственности подвергались всѣ эти лица на *общемъ основаніи*. установленномъ для службы гражданской, то-есть, ~~и~~ самымъ незначительнымъ взысканіямъ, въ дисциплинарномъ порядкѣ налагаемымъ, замѣчаніямъ и выговорамъ, могли быть подвергаемы не иначе, какъ

по истребованіи отъ нихъ объясненій, подобно всѣмъ прочимъ служащимъ лицамъ. Руководственныя начала относительно ихъ были размѣщены по всѣмъ томамъ Свода Законовъ. Редакторы Свода не боялись повтореній, избѣгали ссылокъ, въ которыхъ нетрудно запутаться. Одно и то-же излагалось въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и найтись въ опредѣленіяхъ закона было весьма легко. Размѣръ надѣла опредѣлялся въ 8 десят. на ревизскую душу въ уѣздахъ малоземельныхъ и въ 15 дес. — въ многоземельныхъ. (Крѣпостные же крестьяне получали среднимъ числомъ на ревизскую душу не болѣе 3-хъ десятинъ). Земли обмежевывались и охранялись отъ посторонніхъ захватовъ, весьма частыхъ дотолѣ со стороны помѣщиковъ, монастырей и пр. Повинности опредѣлялись въ строгомъ соотвѣтствіи съ качествомъ и количествомъ надѣловъ. Въ видахъ уравнительнаго пользованія землею, были учреждены переселенія, строго организованныя, сопровождавшіяся особыми льготами, пособіями и попеченіемъ со стороны правительства. Для всѣхъ государственныхъ крестьянъ облегчались сношенія съ посторонними мѣстами и лицами. Имѣющимъ дѣла въ общихъ судебныхъ мѣстахъ предоставлялось обращаться за безплатными совѣтами и написаніемъ жалобъ и прошеній къ окружнымъ начальникамъ и стряпчимъ. Тѣ и другіе должны были заботиться, освѣдомляться и посѣщать крестьянъ, даже содержавшихся за преступленія и проступки въ общихъ мѣстахъ заключенія.

Сразу дать такое же положеніе всѣмъ освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ было бы, дѣйствительно, слишкомъ трудно и означало бы для послѣднихъ слишкомъ большое пріобрѣтеніе, а для помѣщиковъ — слишкомъ большую потерю. Это значило бы разомъ и окончательно уничтожить прежній порядокъ, не сохранить и временно прежнихъ отношеній и создать такой новый, который слишкомъ билъ-бы въ глаза своимъ отличіемъ отъ прежняго... (Были, конечно, и другія, препятствовавшія этому, причины. Между прочимъ, графъ Киселевъ оставилъ уже свою дѣятельность по министерству государственныхъ имуществъ, и вскорѣ оказалось, что и сами крестьяне, находившіеся въ описанныхъ условіяхъ, силою общаго теченія дѣлъ, отжили свое лучшее время).

Переходныя-же законоположенія 19 февраля 1861 года страдали двумя коренными недостатками и въ этомъ смыслѣ были, дѣйствительно, *переходными*. Можно понимать и объяснить происхож-

деніе недостатковъ реформы 19 февраля въ отношеніи устройства крестьянъ. Но нѣтъ надобности ихъ скрывать. Напротивъ, такъ какъ эти положенія получили значеніе шире предположеннаго и отражаются теперь на *всѣхъ* разрядахъ сельскихъ обывателей, то недостатки ихъ должны быть особенно старательно разбираемы и показываемы. *Безъ этого невозможно общее улучшеніе въ положеніи крестьянъ, столь необходимое нынѣ.* Указываемые-же коренные недостатки заключаются въ томъ, что 1) въ поземельномъ отношеніи на крестьянъ было возложено непосильное, истощившее ихъ, бремя: земля досталась *слишкомъ дорого*; 2) что устройство ихъ во всѣхъ отношеніяхъ было предоставлено почти исключительно мѣстнымъ представителямъ того самаго сословія, изъ-подъ зависимости котораго они только-что вышли, и 3) что вообще *крѣпостнымъ крестьянамъ, дотолѣ безправнымъ, жившимъ внѣ закона, и послѣ освобожденія не было дано прочнаго юридическаго положенія.* И законоположенія 19 февраля не установили ихъ правъ и обязанностей вполнѣ твердо, ясно и опредѣленно. Крѣпостные крестьяне не подпали съ этого момента дѣйствію закона, и только закона, да и съ теченіемъ времени ихъ юридическое положеніе, какъ и прочихъ разрядовъ крестьянъ, не получило этой необходимой опредѣленности и не подчинилось единственно строгому, ясному и точному закону, этому дѣйствительно прочному условію. Въ этомъ отношеніи положеніе вещей осталось совершенно неудовлетворительнымъ, какъ съ точки зрѣнія самыхъ насущныхъ потребностей, такъ и съ точки зрѣнія историческихъ стремленій крестьянъ и юридической сущности русскаго государственнаго устройства и управленія.

Послѣдній *важнѣйшій* вопросъ требуетъ предварительныхъ историко-юридическихъ изысканій,—краткихъ, такъ какъ они не составляютъ нашей теперешней задачи.

II.

Образованіе и развитіе права.

Первоначальное всеобъемлющее значеніе обычая.—Послѣдствія.—Мѣры упроченія общаго юридическаго положенія.

Исторія законодательства и кодификаціи каждой страны, древней, какъ и новой, показываетъ слѣдующее: Первоначально единственнымъ

источникомъ права является *обычай*. Обычаемъ опредѣляются не только отношенія частныхъ лицъ между собою, права на имущества, договоры и обязательства, но и весьма многія публичныя отношенія. Сама постепенно слагающаяся общественная власть дѣйствуетъ по обычаю. И отношенія къ ней также устанавливаются обычаемъ. Всѣ эти обычаи притомъ живутъ въ общемъ сознаніи, сохраняются въ памяти народной и отсюда-же почерпаются при случаѣ. Но права и обязанности оттого оказываются неопредѣленными. Обычай не всегда извѣстенъ. Является необходимость его собрать и записать. Задача эта выполняется какъ частными лицами, такъ и общественною властью. Существованіе сборниковъ обычнаго права доставляетъ гражданамъ болѣе прочное юридическое положеніе. И сложившаяся общественная власть находитъ тутъ свои границы и исходную точку для развитія собственной дѣятельности, направленной къ установленію порядка. Въ сборникѣ, рядомъ съ обычаями, есть уже ея постановленія. Нерѣдко она подтверждаетъ его въ цѣломъ, усвоиваетъ ему оффиціальное значеніе. Нерѣдко такое-же значеніе придается ею даже и теоретической разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ права, исходящей отъ частнаго лица. Или, — за неимѣніемъ такихъ собственныхъ сборниковъ и недостаточностью своихъ постановленій,—ею принимается въ руководство чуждый сборникъ, чужое право, чужіе законы. Затѣмъ, общественная власть болѣе и болѣе дополняетъ обычаи и прочіе источники права своими постановленіями и утверждаетъ вновь открывающіеся или образующіеся обычаи. Съ теченіемъ времени, источники права становятся слишкомъ разнообразными, многочисленными и разбросанными. Судъ, управленіе и всѣ частныя отношенія начинаютъ страдать отъ такого состоянія источниковъ познанія права. Является сильная потребность привести право въ порядокъ, изложить извѣстнымъ образомъ, придать ему систему и сдѣлать возможно общедоступнымъ. Неудовлетворительное состояніе источниковъ познанія правъ и обязанностей особенно невыгодно отражается на *низшемъ классѣ населенія*. Отношенія представителей этого класса между собою, ко всѣмъ тѣмъ, кто стоитъ выше ихъ, и къ самой общественной власти становятся шаткими, неопредѣленными, неясными. Независимо отъ постановленій со стороны общественной власти, само собою, *фактически*, образуются *обычаи*, приводящіе не только къ ограниченіямъ правъ по имуществу для низшихъ классовъ, но и правъ личныхъ, даже къ потерѣ свободы... Сильная государственная власть,

дѣйствительно, стоящая на стражѣ общихъ интересовъ, ставитъ себѣ задачею не только собрать и привести въ порядокъ всѣ источники права, не только сдѣлать ихъ доступными, но сдѣлать общія улучшенія и утвердить *общее юридическое положеніе* на единственно прочномъ основаніи *закона*. Является кодификація въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, составленіе стройныхъ системъ законодательства, кодексы, какъ основы управленія, суда и частныхъ отношеній, отношеній по имуществу — (причемъ послѣднія отношенія имѣютъ свойство особенно долго не входить въ эти предѣлы, но развиваться и складываться и независимо отъ нихъ). Всѣ описанныя задачи оказываются притомъ чрезвычайно трудными. Онѣ выполняются вѣками и, — при разнообразіи пріемовъ и по различію исторіи каждой страны, — далеко не съ одинаковымъ успѣхомъ. Къ разрѣшенію ихъ являются различныя помѣхи: недостатокъ силъ, недостаточно твердое и ясное усвоеніе задачи, какіе-либо внутренніе перевороты или внѣшнія войны и событія. Нѣкоторыя страны и долго остаются на ступени пользованія въ значительной степени записанными и даже еще незаписанными обычаями, равно чуждыми законами и подчасъ крайне неудовлетворительными законодательными сборниками. Между тѣмъ, потребность собрать свое собственное существующее право и создать новое — становится настоятельнѣе и настоятельнѣе. Это — необходимѣйшее условіе *законности* въ управленіи каждой страны, а законность есть необходимое условіе правильности и порядка государственной жизни.

III.

Очеркъ кодификаціи русскаго права.

Первые памятники отечественнаго законодательства. — Уложеніе 1649 г.— Петровскія мѣры. — Коммиссія 1767 г. — Сперанскій и его дѣятельность при Николаѣ I.—Что такое законъ?

Уже къ XIII вѣку относятъ появленіе у насъ того сборника права, который носитъ названіе *Русской Правды*. Происхожденіе его не опредѣлено. Мнѣнія о томъ, есть ли это сборникъ, составленный частнымъ лицомъ самостоятельно, или онъ явился по почину государственной власти, — расходятся. Что-же касается до источниковъ, на которыхъ онъ основанъ, то, какъ это и вполнѣ естественно, Русская Правда, какъ сборникъ преимущественно отношеній част-

ныхъ, заключаетъ въ себѣ: 1) обычаи, которыми въ ту раннюю пору опредѣлялись даже и публичныя отношенія; 2) постановленія общественной власти, также уже нерѣдко издающіяся, и 3) судебныя рѣшенія, имѣвшія тѣмъ большее и общее значеніе, что они произносились весьма часто самимъ княземъ.

Значительное число найденныхъ списковъ Русской Правды, относящихся къ позднѣйшему времени и заключающихъ въ себѣ различныя дополненія,—свидѣтельствуетъ уже объ извѣстномъ поступательномъ движеніи въ этомъ отношеніи, замѣчающемся и въ древней Руси.

Такой-же характеръ имѣетъ *Псковская судная грамота*, составленная, по всей вѣроятности, на вѣчѣ, приблизительно въ XIV столѣтіи. Въ самой грамотѣ находятся указанія, говоритъ профессоръ *Пахманъ*, въ своей «Исторіи кодификаціи гражданскаго права» (т. I, стр. 219), что она не есть такой законодательный памятникъ, который составился одновременно, но представляетъ собою сборникъ законовъ, составлявшійся мало-по-малу, втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Такъ, въ заглавіи сказано, что въ составъ Псковской судной грамоты входятъ выписки изъ двухъ княжескихъ грамотъ и разныя приписки «псковскихъ пошлинъ», т. е., записанные обычаи псковской области, соединенные въ одно цѣлое на вѣчѣ. Кромѣ того, въ составъ грамоты входили также и судебныя рѣшенія, такъ что ее можно характеризовать какъ сборникъ отдѣльныхъ узаконеній, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній, поставовленныхъ въ разное время и тогда же записанныхъ, а впослѣдствіи соединенныхъ въ одно цѣлое. Въ самой-же грамотѣ находятся указанія и на способъ ея пополненія и измѣненія: «А которой строки пошлинной грамоты нѣтъ—говорится здѣсь—и посадникомъ доложити господина Искова, на вѣчѣ, да тоя строка написать. А которая строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамоты». То-же самое слѣдуетъ сказать о Новгородской судной грамотѣ, составленной на вѣчѣ 11 августа 1471 года.

Въ XV вѣкѣ развивается уже въ большой степени изданіе своихъ постановленій вполнѣ сложившеюся княжескою властью. До насъ дошло весьма много относящихся сюда судныхъ и губныхъ грамотъ, жалованныхъ грамотъ, наказовъ, памятей и т. д. Судными грамотами—говоритъ профессоръ Сергѣевичъ («Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права», 1883 г., стр. 600)—опредѣляется поря-

докъ суда и управленія. «Сюда будутъ относиться какъ грамоты, которыми предоставляется мѣстнымъ жителямъ право суда, такъ и тѣ, въ которыхъ судъ предоставляется княжескимъ чиновникамъ. Въ послѣднихъ опредѣляется кормъ, который чиновники вправѣ получать отъ общины, порядокъ суда и судебныя пошлины. Этѣ грамоты даются на имя общинъ и посылаются ихъ представителямъ, для того чтобы они могли *контролировать* дѣятельность чиновниковъ». Сюда же, относятся, напр., уставныя грамоты—бѣлозерская, изданная въ 1488 г., и двинская — въ 1398 г. «Въ обѣихъ грамотахъ—говоритъ профессоръ Пахманъ (тамъ же, стр. 223)—опредѣляются отношенія намѣстниковъ и другихъ должностныхъ лицъ къ мѣстнымъ жителямъ съ тою цѣлью, чтобы *оградить* первыхъ въ полученіи того, чѣмъ они имѣютъ право пользоваться отъ жителей, а этихъ послѣднихъ — отъ намѣстническаго и чиновничьяго *произвола* въ дѣлѣ поборовъ разнаго рода *и вмѣшательства въ тѣ сферы управленія и общественной жизни*, которыя имъ неподвѣдомы».

Далѣе, нѣсколько разбросанные источники права соединяются въ *Судебникахъ* 1497 и 1550 годовъ, хотя и безъ системы. Еще большее послѣдующее развитіе указной дѣятельности государей вызываетъ необходимость составленія особымъ порядкомъ важнѣйшаго памятника нашего законодательства, многія постановленія котораго дѣйствуютъ до-нынѣ,—*Уложенія царя Алексѣя Михайловича*.

Въ 1648 г., по совѣщаніи съ своими приближенными и представителями тогдашнихъ высшихъ учрежденій, Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ составить, на основаніи правилъ св. отцовъ, законовъ греческихъ царей, указовъ и боярскихъ приговоровъ прежнихъ русскихъ государей, старыхъ судебниковъ и вновь предположенныхъ дополнительныхъ статей,—руководственную книгу законовъ, для того чтобы «Московскаго государства *всякихъ* чиновъ людемъ, *отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всѣхъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна*» (Первое Полное Собраніе Законовъ Р. И., т. I, за 1649—1676 гг.). Работа эта была поручена князьямъ Одоевскому и Прозоровскому, окольничему Волконскому и дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. Для разсмотрѣнія же ея, одновременно созывался *соборъ* изъ представителей дворянства, городовъ, черныхъ сотенъ, слободъ и посадовъ, вообще, изъ «добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми

со всѣми выборными людьми *утвердити и на мѣрѣ поставити*, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенію, *впредь были ничѣмъ нерушимы*». Предварительная работа была выполнена весьма быстро: съ 3 октября слѣдующаго 1649 года началось уже чтеніе по статьямъ изготовленнаго уложенія.

Затѣмъ, уложеніе было выслушано на самомъ соборѣ и закрѣплено по особому списку всѣми присутствовавшими на немъ. Послѣ того, было приказано занести его въ особую книгу, — «а съ тое книги, для утвержденія на Москвѣ во всѣ приказы и въ городы, *напечатать многія книги, и всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію*».

Дальше развитіе законодательства пошло путемъ еще болѣе быстрымъ. Петръ Великій издалъ множество законодательныхъ актовъ. Онъ же воспроизвелъ систематически *идею законности*, положилъ ей основаніе, существующее донынѣ. Преобразователь Россіи воспретилъ рѣшать дѣла, на которыя не было яснаго закона. Всѣ дѣйствія властей должны были основываться на законѣ. А для того чтобы обезпечить точное примѣненіе закона, онъ стремился установить и расширить *коллегіальное* начало въ управленіи. Единоличныя власти не внушали ему довѣрія. Приэтомъ правила, имъ преподанныя для совѣщательнаго способа разрѣшенія дѣлъ, настолько жизненны, что до сихъ поръ дѣйствуютъ въ нашемъ законодательствѣ по отношенію къ коллегіальнымъ учрежденіямъ. Но и надъ коллегіальными учрежденіями, при всемъ своемъ довѣріи къ нимъ, онъ старался устроить строгій надзоръ, не только явный, но и тайный. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ принялъ мѣры противъ незаконныхъ распоряженій. Они не должны были исполняться подчиненными. Устанавливался въ извѣстномъ порядкѣ докладъ о таковыхъ распоряженіяхъ, въ видахъ ихъ разъясненія или отмѣны.

Понятно, что особенно сильно должна была занять Петра мысль о приведеніи въ порядокъ законодательства, весьма широко развившагося послѣ изданія Уложенія 1649 г. Безъ этого лучшія стремленія его къ водворенію законности въ государствѣ не могли бы вполнѣ осуществиться. Въ 1700 году имъ учреждается коммиссія объ уложеніи. Въ 1714 г. назначается новая коммиссія, въ виду безуспѣшности работъ прежней. Въ томъ же году издано было имъ распоряженіе печатать во всеобщее свѣдѣніе и указы по генеральнымъ

дѣламъ, дотолѣ разсылавшіеся только по присутственнымъ мѣстамъ въ спискахъ и, слѣдовательно, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Отсюда вообще начинается рядъ такихъ одна за другою слѣдующихъ коммиссій: коммиссіи 1720, 1728, 1730, 1754, 1760 годовъ. Всѣ онѣ дѣйствуютъ съ малымъ успѣхомъ или безъ всякаго успѣха. Тѣмъ не менѣе, задача не оставляется. Она вызывается какъ практическою необходимостью, такъ и образующеюся юридическою сущностью русскаго государственнаго устройства. Идея законности въ управленіи пустила слишкомъ глубокіе корни. Голосъ ея ничѣмъ не заглушается. Законность требуетъ ясныхъ и приведенныхъ въ систему постановленій, и правительство стремится всячески удовлетворить требованію. Задача трудна и къ ней подходятъ съ разныхъ сторонъ. Одинъ и тотъ же монархъ учреждаетъ подчасъ не одну коммиссію и предлагаетъ каждой не одну цѣль. На коммиссіи возлагается или собраніе и дополненіе прежнихъ законовъ, или сочиненіе новыхъ, или то и другое. Наконецъ, восьмою коммиссіею является знаменитая *коммисія о сочиненіи проекта новаго уложенія, созванная Екатериною II въ 1767 г.* Въ манифестѣ объ учрежденіи этой коммиссіи такъ объяснялись причины, ее вызвавшія: 1) недостатокъ законовъ на многіе случаи и излишество ихъ на другіе; 2) смѣшеніе между законами непремѣнными и временными постановленіями; 3) разумъ, въ которомъ прежніе законы составлены были, чрезъ долгое время и частыми перемѣнами, а также и чрезъ пристрастные толки, сдѣлался теменъ и неизвѣстенъ; 4) несходство прежнихъ временъ и обычаевъ съ настоящими («Обозрѣніе историч. свѣд. о Сводѣ Законовъ», стр. 28). Съ подобнымъ положеніемъ вещей императрица, исполненная преобразованій, не могла примириться. Этому въ корнѣ противорѣчилъ и ея взглядъ на законъ и государство. Присвоивая изданіе законовъ высшей государственной власти, политическую свободу она видѣла въ спокойствіи духа, вытекающемъ изъ мнѣнія, которое каждый имѣетъ о своей безопасности; и для того, чтобы граждане имѣли эту свободу, нужно—говорила она—«быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, *а боялися бы всѣ однихъ законовъ*». Потому,—находила она,—и «уложеніе, *всѣ законы* въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цѣну достать можно было *на подобіе букваря*» («Наказъ», ст. 39 и 158).

Коммиссія 1767 г. должна была состоять уже изъ представителей

не только присутственныхъ мѣстъ, дворянства, городовъ, но также изъ представителей и отъ сельскихъ обывателей (изъ числа свободныхъ крестьянъ) и иновѣрцевъ. Такихъ представителей интересовъ почти всего населенія государства и собралось 565 чел. Всѣ они образовали изъ себя общее собраніе и отдѣльныя коммиссіи, составлявшія проекты. Частныхъ коммиссій было 19. Изъ нихъ коммиссія *дирекціонная* назначена была для охраненія порядка и для ревизіи трудовъ отдѣльныхъ коммиссій, прежде внесенія ихъ въ общее собраніе; *экспедиціонная*—для исправленія слога въ проектахъ; коммиссія *наказовъ*—для разбора большаго числа наказовъ, съ которыми явились депутаты, и коммиссія *сводовъ* должна была заниматься собираніемъ прежнихъ законовъ. выписками и сводами.

Коммиссія 1767 г., оставившая глубокій слѣдъ въ исторіи русскаго законодательства, дѣйствовала недолго и не привела непосредственно къ положительнымъ результатамъ. Отчасти помѣшали ей послѣдовавшія затѣмъ войны. Общее собраніе было распущено черезъ пять мѣсяцевъ. Но отдѣльныя коммиссіи продолжали работать еще пять лѣтъ. Отъ нихъ остались планы и нѣсколько проектовъ. За этою коммиссіею слѣдовали еще двѣ другія—1796 и 1804 гг.

Общій неуспѣхъ всѣхъ десяти коммиссій, повидимому, упрочивалъ убѣжденіе въ необходимости предварительно *собрать* всѣ законы, затѣмъ расположить ихъ извѣстнымъ порядкомъ, по предметамъ, въ особомъ *сводѣ*, и только послѣ того думать о *систематическомъ усовершенствованіи* законодательства и упроченіи законности. При той массѣ указовъ, которые были изданы Петромъ Великимъ и послѣ него, при крайнемъ ихъ смѣшеніи и неизвѣстности и вообще при страшной путаницѣ источниковъ познанія права,—положеніе суда и управленія было весьма затруднительно, и населеніе выносило на себѣ весьма чувствительную тяжесть такого положенія дѣлъ. Потребности далеко не удовлетворяли и существовавшіе частные сборники, собранія и указатели, весьма дорого стоившіе. Необходимость дѣйствительной систематизаціи законодательнаго матеріала и его правильной разработки вызывалась и духомъ тѣхъ преобразованій въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, которыя были совершены въ первыя десять лѣтъ царствованія императора Александра I при главнѣйшемъ участіи Сперанскаго. Здѣсь, въ цѣлыхъ большихъ учрежденіяхъ, систематически и органически устанавливалась закономѣрность управленія.

«Съ начала своей дѣятельности до самаго конца ея, въ Петер-

бургѣ и въ ссылкѣ, Сперанскій оставался вѣренъ самому себѣ и не измѣнилъ однажды избранному пути»—говоритъ о немъ профессоръ Дмитріевъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1868 г., въ статьѣ своей: «Сперанскій и его государственная дѣятельность».—«Цѣлью его было создать управленіе стройное, крѣпкое, но окруженное надзоромъ и гласностью, сдержанное въ предѣлахъ уваженіемъ общественныхъ интересовъ и независимымъ устройствомъ мѣстныхъ учрежденій». — Но для правильнаго дѣйствія всякихъ учрежденій, осуществленія дѣйствительной законности въ управленіи,—необходимы были, прежде всего, если не новые законы, то, по крайней мѣрѣ, возможность руководствоваться гражданамъ и представителямъ власти прежними существующими постановленіями. Необходимо было хотя прежніе, существующіе законы—выяснить, собрать, привести въ порядокъ... Вновь, съ особою силою, выступила, такимъ образомъ, задача, тщетно преслѣдовавшаяся упомянутыми десятью коммиссіями. Эту-то задачу и призванъ былъ осуществить Сперанскій въ самомъ началѣ царствованіе императора Николая I. Коммиссія 1804 г. была преобразована 31 янв. 1826 г. во второе отдѣленіе соб. его имп. вел. канцеляріи. Главнымъ дѣятелемъ преобразованнаго учрежденія оказался Сперанскій. Самое это учрежденіе было принято государемъ подъ свое особое покровительство. Дѣятельность-же II отдѣленія была направлена къ указаннымъ тремъ послѣдовательнымъ цѣлямъ: собранію всѣхъ законовъ, составленію свода дѣйствующихъ законовъ и къ усовершенствованію законодательства, путемъ изданія въ дальнѣйшемъ кодексовъ. Въ этихъ коренныхъ вопросахъ сомнѣнія и разногласія, послѣ многочисленныхъ уроковъ прошлаго, уже не было. И работа была выполнена съ тою быстротою, которая заставляетъ глубоко удивляться громаднымъ способностямъ Сперанскаго. Это было настоящее торжество, исполненіе дѣла необъятной важности и трудности.

Уже черезъ полтора года отъ начала работъ составлены были *историческія обозрѣнія* всего движенія и всѣхъ переходовъ нашего законодательства, начиная отъ Уложенія 1649 г. Это была канва для исторіи россійскаго законодательства. Но уже сама по себѣ, заключаясь въ нѣсколькихъ тысячахъ листовъ, она была справедливо названа Николаемъ Павловичемъ «монументальною» работою. Затѣмъ, всѣ законы, начиная съ Уложенія, были собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ, составилось Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, окончившееся послѣд-

нимъ закономъ, утвержденнымъ императоромъ Александромъ I—12 декабря 1825 г. Оно заключалось въ 45 большихъ томахъ или 48 книгахъ. Начато было тогда же Второе Полное Собраніе Законовъ, — съ 13 декабря 1825 г., по тому за каждый послѣдующій годъ. Но руководствоваться и собранными законами было-бы все-же слишкомъ трудно. Въ настоящемъ видѣ, дѣйствующіе законы были смѣшаны съ отмѣненными. Для удобства примѣненія, нужно было распредѣлить собранные законы по ихъ существу и предметамъ, отдѣлить имѣющіе силу отъ утратившихъ ее. Сперанскій со своими помощниками одновременно выполнилъ и это громадное, труднѣйшее дѣло. Изъ 45 томовъ Перваго Полнаго Собранія Законовъ и изъ первыхъ шести томовъ Второго составлено было 15 томовъ общаго Свода Законовъ. Втеченіе менѣе двухъ лѣтъ была и отпечатана вся эта масса законодательнаго матеріала. Въ Сводѣ Законовъ *перваго* изданія —1832 г.—заключалось все, чѣмъ слѣдовало руководствоваться по 1 января 1832 г. Все дѣйствующее законодательство было расположено въ весьма стройной, строго научной системѣ, выработанной совершенно самостоятельно Сперанскимъ и въ общемъ остающейся неизмѣнною и подлежащею сохраненію даже и въ будущемъ *четвертомъ* изданіи Свода.

«Сего требовали первыя существенныя нужды государства: правосудіе и порядокъ управленія — справедливо говорилось въ знаменательномъ указѣ отъ 31 января 1833 г. объ обнародованіи всѣхъ этихъ изданій.—Симъ удостовѣряется сила и дѣйствіе законовъ въ настоящемъ и полагается твердое основаніе къ постепенному ихъ усовершенствованію въ будущемъ. Симъ исполняются желанія предковъ нашихъ втеченіе ста двадесяти шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся».

Такимъ образомъ, было положено наиболѣе твердое основаніе *законности* въ государствѣ. Для дальнѣйшихъ преобразованій образована была весьма ясная исходная точка.

За этимъ общимъ Сводомъ Законовъ слѣдовалъ Сводъ Военныхъ Постановленій (въ 12 томахъ), напечатанный еще при Сперанскомъ и обнародованный уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти. Сперанскій-же, до смерти своей, послѣдовавшей въ 1839 году, успѣлъ сдѣлать весьма многое въ отношеніи Свода Законовъ Губерній Остзейскихъ, обнародованнаго также послѣ его кончины. Совершенно законченъ былъ имъ также сводъ законовъ Западнаго края,—не бу-

дучи вовсе обнародованъ. Извѣстное движеніе было имъ-же дано собиранію законовъ финляндскихъ. Наконецъ, не оставлены были безъ вниманія мѣстные законы и обычаи Бессарабіи, Кавказа и сибирскихъ инородцевъ. Для послѣднихъ былъ составленъ Сводъ Степныхъ Законовъ, обнародованный также послѣ смерти Сперанскаго.

Вообще, въ то памятное время, на всемъ широкомъ пространствѣ Имперіи, по возможности была устранена неопредѣленность и неясность правъ и обязанностей, и законность была обезпечена лучшимъ имѣющимся для нея средствомъ. Эта постепенно складывавшаяся и укрѣплявшаяся идея законности, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, въ рѣдкой полнотѣ нашла и свое выраженіе, и своихъ выразителей: и монарха, глубочайше ею проникнутаго, и его сподвижника съ изумительными дарованіями. *Отнынѣ и крѣпостное состояніе должно было заколебаться съ особою силою. Съ этимъ условіемъ оно не могло долго ужиться. Развивавшееся и получившее твердую опору правосознаніе должно было быстро его подтачивать. Это былъ косвенный, но могущественный шагъ къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ.*

Изданіе указаннаго ряда законодательныхъ памятниковъ, независимо отъ общаго плодотворнаго вліянія на юридическое сознаніе населенія, повлекло также за собою развитіе юридической науки и создало кругъ дѣятелей, которые могли втеченіе извѣстнаго времени продолжить дѣло, получившее столь прочное и широкое основаніе. На этой именно почвѣ явились и замѣчательныя учрежденія и уставы 1818—1839 гг., относящіеся до государственныхъ крестьянъ и созданные по проектамъ П. Д. Киселева.

Общій Сводъ Законовъ, значительно уже развитый и дополненный издававшимися къ нему ежегодными продолженіями, въ 1842 году выпущенъ былъ вторымъ изданіемъ. Съ этого времени къ новому изданію Свода Законовъ стали выпускаться продолженія уже по полугодіямъ, независимо отъ того, что они обнародывались при указахъ сената, печатавшихся въ значительномъ числѣ экземпляровъ и пускавшихся также въ частную продажу по цѣнѣ однѣхъ издержекъ печатанія. Въ 1857 г. послѣдовало третіе изданіе Свода Законовъ. За 1858 г. къ этому послѣднему было издано два продолженія (по 12 мая 1858 г. и съ 13 мая по 31 декабря того же года). Въ предисловіи же къ третьему продолженію (№ I, съ 1 января по 31 марта 1859 г.) изложено было слѣдующее знаменательное пове-

лѣніе новаго государя: «Принять мѣры, чтобы по утвержденіи его величествомъ и обнародованіи новыхъ постановленій, принадлежащихъ къ общему Своду Законовъ Имперіи, были *сколь можно скорѣе* распространяемы подробныя оффиціальныя свѣдѣнія о тѣхъ статьяхъ сего Свода, кои новыми постановленіями дополнены, измѣнены или же вовсе отмѣнены». Вслѣдствіе этого, продолженія стали издаваться за каждые три мѣсяца и выходили очень скоро. Такъ дѣло шло втеченіе 1859 и 1860 гг. Затѣмъ послѣдовало ниже указываемое фактическое весьма существенное измѣненіе, неблагопріятно отразившееся какъ на общемъ положеніи дѣлъ, такъ въ особенности на ходѣ дѣлъ крестьянскихъ...

Что же такое законъ, на твердомъ основаніи котораго должна управляться страна согласно съ изложенными историческими данными? Лучше, цѣльное и живое опредѣленіе ему далъ профессоръ Градовскій:

Подъ именемъ *закона* разумѣется вообще правило, опредѣляющее рядъ однородныхъ отношеній и служащее основаніемъ къ разрѣшенію возникающихъ въ государственной жизни отдѣльныхъ частныхъ случаевъ и вопросовъ. «Ближайшая-же отличительная черта закона— говоритъ онъ («Начала рус. гос. права», т. I, стр. 12), состоитъ въ томъ, что онъ есть *норма правоотношеній*, т. е., имъ устанавливаются извѣстныя *права* и соотвѣтствующія имъ *обязанности*. По идеѣ своей, законъ есть основаніе *всѣхъ отношеній* гражданъ между собою и къ государственной власти. По содержанію своему, онъ есть правило, опредѣляющее ихъ *взаимныя* права и обязанности, т. е., онъ есть *мѣра свободы*, принадлежащей каждому лицу въ обществѣ, съ одной стороны, и *граница власти государства* надъ всею массою гражданъ и надъ каждымъ гражданиномъ въ отдѣльности, съ другой стороны. Основываясь на законѣ, гражданинъ знаетъ мѣру дозволеннаго и недозволеннаго и знаетъ, чего можетъ потребовать отъ него государство. Слѣдовательно, *законъ есть юридическое основаніе всѣхъ правъ гражданина и всѣхъ требованій, обращенныхъ къ нему государственною властью*».

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

IV.

Крѣпостные крестьяне передъ закономъ.

Образованіе крѣпостнойзависимости.—Фактъ—не право.—Какое значеніе могла бы имѣть кодификація права для закрѣпощеннаго крестьянина?—Существо преній о помѣщичьихъ крестьянахъ въ коммиссіи 1767 г.—Куда устремлены были всегда надежды закрѣпощенныхъ крестьянъ?

Но черезъ всю описанную исторію проходитъ отсутствіе или крайній недостатокъ покровительства со стороны закона именно въ отношеніи *крѣпостныхъ крестьянъ*. Такимъ образомъ, и наиболѣе яркой стороной крѣпостнаго состоянія, безъ сомнѣнія, было *невмѣшательство закона и власти* въ отношенія между помѣщиками и крестьянами.

Самая крѣпостная зависимость образовалась, какъ мы уже замѣтили выше, болѣе *фактически*, нежели *юридически*, — больше силою *обычая*, нежели закона. Первоначально всѣ крестьяне были свободны, и неимѣвшіе своихъ земель селились на владѣльческихъ земляхъ, по взаимнымъ добровольнымъ соглашеніямъ. (Право же поземельной собственности, несомнѣнно, было у низшихъ разрядовъ свободныхъ гражданъ въ древней Руси, какъ на это положительно указываютъ оба Судебника 1497 и 1550 гг.). Приэтомъ крестьяне имѣли право перехода съ земель однихъ владѣльцевъ на земли другихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ крестьяне даже и на владѣльческихъ земляхъ жили самоуправляющимися общинами. Они избирали сами изъ своей среды должностныхъ лицъ, утверждаемыхъ и увольняемыхъ правительственною властью, безъ всякаго вмѣшательства сюда помѣщиковъ. Но затѣмъ право перехода ограничивается *силою обычая*. Для него устанавливается извѣстный срокъ. Срокъ этотъ долго соблюдается именно по требованію обычая. Мнѣнія изслѣдователей расходятся по вопросу о томъ, былъ-ли и когда именно изданъ указъ о полномъ воспрещеніи перехода для крестьянъ. Бѣляевъ, Костомаровъ, Сергѣевичъ предполагаютъ, что была предпринята общая законодательная мѣра въ этомъ смыслѣ въ концѣ XVI столѣтія. Но и между ними нѣтъ полнаго согласія въ отношеніи года и самаго указа. Во всякомъ случаѣ, самый указъ въ подлинникѣ до насъ не дошелъ. Съ другой стороны, Погодинъ совершенно отрицаетъ существованіе какого бы

то ни было указа о прикрѣпленіи крестьянъ. Онъ думаетъ именно, что оно совершилось само собою, силою одного обычая, совершенно независимо отъ власти.

Во всякомъ случаѣ, по Уложенію 1649 г. крестьяне оказываются уже крѣпкими землѣ. Однако, ни прикрѣпленіе, ни подтвержденіе его вовсе не обличали намѣренія государственной власти отдать крестьянъ въ распоряженіе помѣщиковъ. Какъ эта, такъ и нѣкоторыя послѣдующія мѣры, напримѣръ, ревизіи Петра Великаго, предпринимались въ финансовыхъ видахъ,—не болѣе. Но изъ нихъ получаются и другія *фактическія* послѣдствія. Уложеніе 1649 г. признаетъ еще за крестьянами весьма значительное число правъ. У нихъ есть извѣстная юридическая личность. Они имѣютъ право собственности, право торговли, право вступать въ договоры и обязательства и т. д. Но съ теченіемъ времени всѣ эти права сокращаются сами собою. Насчетъ юридической личности крестьянъ развивается фактическая власть господина. Прикрѣпленіе ихъ къ землѣ къ этому неизбѣжно приводило. Законъ уже послѣ сокращалъ нѣкоторыя указанныя права, только утверждая укоренившійся *обычай*. Не по закону происходили сначала измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Къ тому же законъ колебался и иногда обнаруживалъ прямо стремленіе къ опредѣленію и охраненію юридической личности крестьянъ. *Цѣль вступиться въ эти отношенія, складывавшіяся подъ слишкомъ большимъ вліяніемъ фактическихъ обстоятельствъ и условій, несомнѣнно, была, и быть можетъ, эта цѣль была бы до нѣкоторой степени осуществлена, еслибы удались работы хотя одной изъ коммиссій собиранія и составленія законовъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, начиная съ 1700 г.* Ухудшеніе положенія крестьянъ и усиленіе зависимости ихъ отъ помѣщиковъ происходило со стороны собственно закона и власти только черезъ *частныя* мѣры, издававшіяся по частнымъ поводамъ. *Общій, на извѣстныхъ научныхъ основаніяхъ, пересмотръ* этихъ частныхъ разновременныхъ узаконеній едвали повелъ бы къ общему ихъ подтвержденію и къ приданію юридическаго значенія тѣмъ грубымъ формамъ, въ которыя постепенно отливались въ жизни отношенія между крестьянами и помѣщиками. Скорѣе такой пересмотръ повлекъ бы за собою изданіе ограничительныхъ постановленій. Не этимъ-ли и объясняется неуспѣхъ избранія дворянъ и офицеровъ для участія

въ работахъ коммиссіи 1728 года? Въ указѣ 5 іюня 1728 г. повелѣвалось: «во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ публиковать печатными указами, дабы бѣглые люди *и крестьяне* безъ всякаго опасенія изъ бѣговъ шли на прежнія жилища и ко владѣльцамъ своимъ, покамѣстъ сочиняющееся уложеніе окончено и публиковано будетъ». Указомъ же 14 мая 1728 г. объ учрежденіи самой коммиссіи требовалось выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ, «*за выборомъ отъ шляхетства*». Однако, къ назначенному сроку никто изъ призываемыхъ не явился (Пахманъ, «Исторія кодификаціи гражданскаго права», т. I, стр. 250). Отсюда — строжайшія понужденія. Должностныя лица въ губерніяхъ за неявку выборныхъ наказываются штрафомъ, выборные же требуются подъ карауломъ! Уклоняющимся грозитъ отобраніе вотчинъ... Однако, нѣкоторые явившіеся, наконецъ, оказываются глухими и хромыми, или старыми и дряхлыми. Затѣмъ, и всѣ присланные выборные отпускаются по домамъ; мѣстному же начальству дается порученіе самому назначить уже другихъ, *болѣе способныхъ* къ сочиненію уложенія людей, по два отъ каждой губерніи.

Вообще, въ области отношеній между крѣпостными крестьянами и помѣщиками, развивалось *не право, а злоупотребленіе имъ;* создавалось не крѣпостное «право» (такого «права» и быть не могло, ибо его не допускаетъ *существо права*),—а фактическія *обычныя* отношенія крѣпостной зависимости. Тутъ не могли помочь и нѣкоторыя *частныя* законодательныя мѣры, къ огражденію крестьянъ предпринятыя. Крестьяне были изолированы отъ отношеній къ правительственной и законодательной власти. Довольно рано (см. дальше) они не имѣли важнѣйшей возможности—*жаловаться,* безъ чего не могутъ быть охраняемы и самыя опредѣленныя права. Напротивъ, тутъ — полный просторъ для дѣйствія произвола. Крестьяне могли быть отдаваемы въ рекруты, ссылаемы въ Сибирь на поселеніе, а потомъ и на каторгу,—безъ всякаго суда и слѣдствія, по простымъ заявленіямъ помѣщиковъ. И въ этихъ случаяхъ административная власть только исполняла приговоръ, произнесенный помѣщикомъ, не входя ни въ какое разсмотрѣніе его правильности. Попытки принесенія жалобъ какъ низшимъ властямъ, такъ и самой верховной власти,—наказывались нещадно.

Совершенно очевидно, куда должны были обращаться всетаки

стремленія крѣпостныхъ крестьянъ и лучшихъ ихъ доброжелателей и выразителей ихъ стремленій. Всѣ надежды крестьянъ могли покоиться только *на законѣ*, и только отъ закона могли ждать они улучшенія своей участи.

Екатерина Великая, встрѣтивъ сильное несочувствіе въ своихъ приближенныхъ къ общему опредѣленію правъ и обязанностей зависимыхъ крестьянъ, предположила сдѣлать, по крайней мѣрѣ, чрезъ посредство коммиссіи 1767 г., «полезное для собственнаго рабовъ имущества».

А въ этомъ отношеніи положеніе крѣпостныхъ крестьянъ еще въ 1724 г. описывалось Посошковымъ («О скудости и богатствѣ», стр. 182) такъ: «Помѣщики налагаютъ на крестьянъ своихъ бремена неудобоносимыя: ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ. Или что положено на крестьянъ оброку и столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ, и который крестьянинъ станетъ мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ; и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола; и тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ». Съ тѣхъ поръ власть помѣщиковъ чрезвычайно усилилась,—указанное же изреченіе возведено было въ систему, настолько распространенную, что Екатерина находитъ необходимымъ опровергать ее въ своемъ Наказѣ, и то довольно слабо: «Многіе, пользуясь удобностію говорить, но не будучи въ силахъ испытать въ тонкости о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: *чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи.* Такъ же то: *чѣмъ большія на нихъ дани наложены, тѣмъ больше они приходятъ въ состояніе платить оныя.* Сіи суть два мудрованія, которыя всегда будутъ причинять погибель монархіямъ».

Какъ и должно было случиться, въ коммиссіи, за слабымъ выраженіемъ мысли объ освобожденіи, при самомъ началѣ поднятаго вопроса о крѣпостныхъ крестьянахъ, рѣчь пошла только о *законодательныхъ ограниченіяхъ* помѣщичьей власти, и объ опредѣленіи

и охраненіи закономъ правъ и обязанностей крестьянъ. Вопросъ объ этомъ поднялъ первымъ канцеляристъ угличскаго духовнаго правленія *Сухопрудскій* (Сергѣевичъ, «Лекціи», стр. 645). Затѣмъ, однодворецъ *Кипенскій* прямо предложилъ ограничить крестьянскія повинности въ пользу помѣщиковъ двумя днями работы въ недѣлю. Въ свою очередь, депутатъ козловскаго дворянства *Коробьинъ*, обращаясь къ разсматривавшемуся тогда вопросу о слишкомъ частыхъ случаяхъ бѣгства крестьянъ отъ помѣщиковъ, нашелъ, что главная причина этого—неограниченная власть помѣщиковъ и происходящія отъ сего злоупотребленія, почему и предложилъ также опредѣлить закономъ объемъ крестьянскихъ повинностей и признать за крестьянами право собственности на принадлежащія имъ движимости. Наоборотъ, депутатъ угличскаго дворянства, генералъ-маіоръ *Опочининъ* не нашелъ полезнымъ имѣть крѣпостныхъ и не касаться ихъ имущества. Другой противникъ облегченія крестьянъ, князь *Щербатовъ*, отвѣчалъ рѣчью о заслугахъ дворянъ. «Только нынѣ дѣло не о томъ идетъ и господа депутаты не на то собраны, чтобы чести себѣ приписывать, — возразилъ ему депутатъ черносошныхъ крестьянъ *Чупровъ*, — но въ сходственность большаго Наказа *о узаконеніи всѣхъ вообще и каждаго особенно*. То посему никакой вещи не надо оставаться безъ узаконенія, и для того *не должно, кажется, оставить безъ опредѣленнаго закона и помѣщичьихъ крестьянъ*». Далѣе, по поводу возраженій, что не всѣ помѣщики худы, Чупровъ опять отвѣчалъ, защищая предложеніе Коробьина, что не о такихъ послѣдній и говоритъ,—«но о безмѣрно мучащихъ крестьянъ своихъ и несносныя дани собирающихъ; по слуху довольно такихъ обрѣтается: недовольны тѣмъ, что по желанію своему, по окладу съ души берутъ деньгами, съ нихъ же еще и съ домашняго произращенія сверхъ денегъ собираютъ, да ихъ же и въ работу берутъ; почему, оный г. депутатъ и правильно желаетъ *узаконить*, въ чемъ помѣщикамъ имѣть власть надъ крестьянами». Защитникъ крестьянской свободы основательно полагалъ, что *при общемъ пересмотрѣ законовъ и систематическомъ устройствѣ положенія крестьянъ*, — зависимость крѣпостныхъ отъ помѣщиковъ должна была неизбѣжно ослабѣть, что *общій законъ*, правильно созданный, зрѣло обдуманный при участіи общественныхъ силъ, — приведетъ не къ подтвержденію, а къ отмѣнѣ *частныхъ* мѣропріятій и обычаевъ, на которыхъ основывалась неволя.

Что, дѣйствительно, *на законъ* покоились всѣ стремленія и надежды крестьянъ—ясно слѣдуетъ изъ поводовъ возмущеній и безпорядковъ, возникавшихъ между ними. Такими поводами служили слухи о новыхъ царскихъ указахъ, объ облегчительныхъ для ихъ участи законахъ. На это указывали всегда и зачинщики. Въ этихъ видахъ, сочинялись и показывались, наконецъ, прямо подложные указы. Значеніе закона, правила, исходящаго единственно отъ высшей государственной власти и немогущаго, по самому своему существу, отдавать одного гражданина въ неволю другому,—было и тогда совершенно ясно для всѣхъ. И вотъ, герои народныхъ возмущеній принимаютъ на себя образъ вѣнчанныхъ государей...

V.

Наканунѣ 19 февраля 1861 г.

Внѣзаконное или безправное положеніе помѣщичьихъ крестьянъ.—Управленіе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.—Повинности крѣпостныхъ крестьянъ.—Имущественное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.—Уголовная отвѣтственность ихъ.

Несмотря на всѣ успѣхи кодификаціи, усовершенствованія въ законодательствѣ вообще и улучшенія въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ XIX вѣкѣ, несмотря и на замѣчательное устройство государственныхъ крестьянъ 1838—1839 гг., въ которомъ была строго и твердо осуществлена *идея законности*, — въ общемъ, въ главнѣйшихъ чертахъ, положеніе крѣпостныхъ крестьянъ измѣнилось не столь существенно даже передъ самымъ освобожденіемъ... Недостатки этого положенія стали только яснѣе, и—тѣмъ скорѣе должны были вызвать исправленіе.

Управленіе. Никакой самостоятельной общинной жизни не было среди крѣпостныхъ. Все управленіе, вся власть сосредоточивалась для нихъ въ лицѣ помѣщика. Даже въ отношеніи обязанныхъ крестьянъ, основанная на зак. 2 апр. 1842 г., ст. 959 т. IX, зак. о сост., изд. 1857 г. постановляла: «Помѣщики учреждаютъ въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ вотчинное управленіе и имѣютъ высшее наблюденіе за сельскою въ нихъ полиціею и за исполненіемъ законовъ о сельскомъ благоустройствѣ; имъ принадлежитъ первоначальный разборъ взаимныхъ между обязанными крестьянами тяжбъ и споровъ. Право суда и расправы въ такихъ преступленіяхъ и про-

ступкахъ обязанныхъ крестьянъ, за которые въ законахъ не полагается лишеніе всѣхъ правъ, принадлежитъ равномѣрно или самимъ помѣщикамъ и управляющимъ ихъ имѣніемъ, или-же полиціи и суду». Только немного болѣе самостоятельности имѣли крестьяне имѣній, жалуемыхъ на правѣ маіоратовъ въ западныхъ губерніяхъ. Здѣсь-же владѣлецъ зато могъ требовать отдачи въ рекруты или выселенія въ отдаленныя губерніи крестьянина,—если онъ «неоднократно замѣченъ будетъ въ проступкахъ и развратномъ поведеніи». Между тѣмъ, обязанные крестьяне долженствовали быть *свободными*. Извѣстно, что въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, по закону 20 февраля 1803 г., помѣщики отпускали крестьянъ весьма рѣдко. Было предположено, что такъ происходитъ отъ того, что они не хотѣли терпѣть неизбѣжную пріэтомъ потерю *права собственности на землю*, съ которою отпускались крестьяне. И вотъ, законъ 1842 г. апрѣля 2, возникшій изъ значительно измѣненнаго проекта гр. Киселева, предлагаетъ—«не стѣсняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ», отпускать крестьянъ крѣпостныхъ въ званіе крестьянъ обязанныхъ, водворенныхъ на земляхъ помѣщичьихъ съ предоставленіемъ земель лишь *въ пользованіе* за опредѣленныя повинности. Неуспѣхъ и другого закона показываетъ, что помѣщики держались за «право» частной собственности *не на землю, а на людей*. Примѣненіе того и другого закона было предоставлено—по выраженію манифеста 19 февраля 1861 г.—«добровольному свободолюбивому дѣйствію помѣщиковъ», и оба они были приведены въ дѣйствіе «въ весьма малыхъ размѣрахъ», какъ указывалось тутъ-же.

Повинности. По ст. 1045 т. IX зак. о сост. изд. 1857 г., владѣлецъ могъ налагать на крѣпостныхъ своихъ людей «всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали чрезъ сіе разоренія и чтобъ положенное закономъ число дней оставляемо было на исправленіе собственныхъ ихъ работъ». Въ сущности, число дней работы на себя не было опредѣлено прямо. Ибо закономъ 29 января 1797 г., изданнымъ имп. Павломъ I и считающимся поворотнымъ—къ лучшему—пунктомъ въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, указано было только, что крестьяне обязаны работать на помѣщика три дня въ недѣлю. А сколько именно дней могли они работать на себя, принимая во вниманіе право помѣщика налагать на нихъ всякія другія повинности и взимать съ нихъ оброкъ? Этого, какъ видно,

не опредѣлялось. Не опредѣлялось также и то, могъ-ли помѣщикъ, не требуя отъ своихъ крестьянъ въ зимнія недѣли трехъ дней работы, заставлять ихъ работать сплошь въ страдное лѣтнее время? Послѣдующими разъясненіями, воспроизводимыми въ ст. 1046 т. IX зак. о сост. изд. 1857 г., вмѣстѣ съ упоминаніемъ объ этихъ трехъ дняхъ установлено было только то, что онъ не могъ заставлять ихъ работать на него въ воскресные дни, а также: въ двенадесятые праздники, 29 іюня, 9 мая, 6 декабря и въ храмовые въ каждомъ селеніи праздники. Этимъ все и ограничивалось. Больше законъ ни въ какой иной формѣ не вступался въ этого рода отношенія между помѣщиками и крестьянами.

Имущественное положеніе. Согласно ст. 1050 т. IX изд. 1857 г.,—«взаимные споры и иски крѣпостныхъ крестьянъ между собою разбираются и судятся владѣльцемъ ихъ окончательно». Понятно, какова была по существу такая форма судебной защиты. Помѣщику не указывалось въ руководство никакихъ законовъ и правилъ. Онъ дѣйствовалъ всецѣло по своему усмотрѣнію. Никакая власть не входила въ разсмотрѣніе правильности его рѣшенія. Это было положеніе не судьи, очевидно, и право прибѣгать къ нему—не право судебной защиты по имуществу.

Съ той-же существеннѣйшей стороны — со стороны судебной защиты—права крѣпостныхъ крестьянъ установлялись пунктомъ 4 ст. 1030 т. IX изд. 1857 г. такъ: крѣпостные крестьяне «подлежатъ общей подсудности и пользуются защитою, въ случаѣ неправильнаго присвоенія движимаго имущества», только — прибавлялось тутъ—«не отъ помѣщика, но отъ посторонняго».

Значитъ, отъ усмотрѣнія помѣщика зависѣло простирать свою власть и на движимое имущество крестьянъ. Статья эта, по изд. 1857 г. тома IX, не касается вовсе недвижимаго имущества крѣпостныхъ крестьянъ. А таковое они и прежде пріобрѣтали *на имя помѣщиковъ*. Закономъ 3 марта 1848 г. имъ было затѣмъ предоставлено пріобрѣтеніе и отчужденіе недвижимаго имущества и прямо на свое имя. Но такъ какъ это возможно было не иначе какъ «съ согласія своихъ помѣщиковъ, надлежащимъ образомъ удостовѣреннаго и до совершенія акта пріобрѣтенія или отчужденія въ присутственномъ мѣстѣ предъявленнаго»,—то благодаря такой строгости въ отношеніи формы, и съ этого времени пріобрѣтенія недвижимой собственности продолжали дѣлаться крестьянами на имя помѣщиковъ.

Но только въ отношеніи случаевъ подобныхъ пріобрѣтеній до изданія закона 1848 г. существовало правило, выраженное въ примѣчаніи къ ст. 1138 т. IX зак. о сост. изд. 1857 г.: «Еслибы нѣкоторыми крѣпостными людьми были въ прежнее время (до распубликованія выс. указа 3 марта 1848 г.) куплены земли, дома или лавки на имя ихъ помѣщиковъ, то никакіе о томъ отъ крѣпостныхъ людей споры не допускаются и никакія по онымъ розысканія не дѣлаются; впрочемъ, помѣщикамъ дозволяется, *по собственному каждаго усмотрѣнію*, выдавать владѣющимъ такими имуществами, если только они не находятся въ залогѣ или составѣ заложенныхъ имѣній, надлежащія купчія крѣпости на гербовой бумагѣ низшаго достоинства, безъ взиманія пошлинъ». Значитъ, помѣщикъ, покупая въ свое время недвижимыя имущества на свое имя, но на крестьянскія деньги,—распоряжался ими, отдавая въ залогъ. Затѣмъ, какъ видно, съ 1848 г. законъ вовсе не предусматривалъ случаевъ пріобрѣтенія недвижимой собственности крестьянами также на имя помѣщиковъ и укрѣпленія ея за настоящими покупщиками. Это какъ бы предоставлялось уже до 19 февраля 1861 г. полнѣйшему усмотрѣнію помѣщиковъ.

Слѣдовательно, крѣпостные крестьяне не были субъектами имущественныхъ правъ. И какъ могло быть иначе, коль скоро они сами были объектами имущественныхъ «правъ»?

Уголовная отвѣтственность. До 1861 года, въ отношеніи расправы надъ крѣпостными, дѣйствовало, между прочимъ, такое правило, въ видѣ ст. 596 т. IX зак. о сост. изд. 1832 г., основанной на законѣ 13 мая 1754 г. и еще на уложеніи 1649 г.: «Для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, онъ (помѣщикъ) имѣетъ право употреблять домашнія средства исправленія и наказанія, по его усмотрѣнію,—но *безъ увѣчья*, и тѣмъ менѣе еще съ опасностью ихъ жизни». Увѣчье же статьею 368 т. XV, ч. 1, изд. 1832 г., такъ же какъ ст. 390 того-же тома изд. 1842 г., опредѣлялось какъ «лишеніе какого-нибудь члена или приведеніе онаго въ бездѣйствіе», причемъ и уложеніе 1845 г. сохранило за нимъ то-же значеніе. Затѣмъ, по ст. 598, только въ случаѣ преступленія «уголовнаго» со стороны крѣпостнаго человѣка, владѣлецъ не долженъ былъ присвоять себѣ судейской власти чрезъ домашнее слѣдствіе или наказаніе, но обязанъ былъ представить виновнаго суду, по приговору котораго онъ подвергался наказанію независимо отъ воли владѣльца. Какія «уголовныя» преступленія тутъ

разумѣлись,—этого не опредѣлялось, но надо полагать, вообще важныя преступленія.

Въ томѣ IX изд. 1857 г., объ увѣчьи, соединенномъ съ опасностью для жизни, какъ *предѣлѣ* права домашняго исправленія за нарушеніе добраго порядка, прямо вовсе не говорилось. По ст. 1051, владѣльцу неопредѣленно вмѣнялось въ обязанность «воздерживать крѣпостныхъ людей своихъ отъ всякихъ пороковъ, ссоръ, дракъ и тому подобныхъ непорядковъ». Право это, безъ указывавшагося прежде болѣе или менѣе точнаго ограниченія, очевидно, оставалось самостоятельнымъ правомъ домашняго исправленія. Затѣмъ, помѣщику представлялась особая карательная власть: «Тѣ изъ проступковъ и преступленій помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые не подвергаютъ ихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, когда сіи преступленія или проступки учинены противъ помѣщика или его семейства, или противъ другихъ его крестьянъ или дворовыхъ людей,—подлежатъ расправѣ самого помѣщика или управляющаго имѣніемъ»... Притомъ виновные могли быть подвергаемы наказанію или розгами до сорока, или палками до пятнадцати ударовъ, или же аресту на время отъ одного до семи дней, а въ другихъ случаяхъ особенной важности, и до двухъ мѣсяцевъ. Подъ статьею находились ссылки, между прочимъ (и вовсе, какъ мы увидимъ, неподлежаще), на то же уложеніе 1649 г.,—то-есть, ограниченіе относительно увѣчья сохранялось, но разыскивать его нужно было уже въ Первомъ Полномъ Собраніи Законовъ...

Опять и здѣсь помѣщику не указывалось никакихъ законовъ, обрядовъ и формъ для руководства, признающихся необходимыми для правильнаго отправленія правосудія. Слѣдовательно, и здѣсь уголовная отвѣтственность крестьянъ не была обставлена извѣстными элементарными условіями...

VI.

Право жалобы и отношеніе къ власти.

Дѣйствительно-ли законъ лишалъ крѣпостныхъ крестьянъ права жалобы на своихъ помѣщиковъ?—Постановленія уложенія 1649 г., неограничивавшія въ этомъ отношеніи даже холоповъ. — Разборъ сенатскаго указа отъ 22 августа 1767 г., неправильно истолковавшаго уложеніе 1649 г.—Ошибка Свода Законовъ перваго и послѣдующихъ изданій.—Невмѣшательство власти въ отношенія крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ помѣщиковъ.

При такой, остававшейся болѣе столѣтія неизмѣнною, *отдаленности закона отъ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ и помѣщиковъ*, передъ самымъ освобожденіемъ, въ существеннѣйшихъ чертахъ,—все-же существовали уже тогда нѣкоторыя *ограниченія* помѣщичьей власти и были установлены извѣстные законные поводы къ вмѣшательству въ эти отношенія со стороны государства. Существовали болѣе или менѣе опредѣленныя постановленія касательно самаго установленія крѣпостного состоянія перекрѣпленія «правъ» на крестьянъ, продажи ихъ въ розницу и безъ земли, ограниченія относительно крестьянъ торгующихъ или отыскивающихъ свободу, и т. д. На помѣщиковъ были возложены, кромѣ того, относительно крѣпостныхъ крестьянъ нѣкоторыя положительныя обязанности: приводить въ лучшее состояніе, не доводить до нищенства, не оставлять на надѣлѣ ниже $4^1/_2$ дес. земли на душу (въ каковомъ случаѣ крестьяне отбирались въ казенное вѣдомство) и пр.

Весь вопросъ въ томъ, какъ было обезпечено исполненіе всѣхъ этихъ постановленій, подчасъ неопредѣленно выраженныхъ и допускавшихъ произвольныя толкованія? Существовало-ли, прежде всего, у крестьянъ *право жалобы* на превышенія помѣщичьей власти и право обращенія вообще къ защитѣ и вмѣшательству правительства? Было-ли и достаточно-ли ясно опредѣлено право самой власти оказывать имъ законную защиту и *вмѣшиваться* въ отношенія ихъ къ помѣщикамъ, коль скоро послѣдними прямо нарушались установленные на то законы?

По первому вопросу, въ ст. 575 т. IX зак. о сост. изд. 1832 г., значилось только слѣдующее: «Ежели крѣпостной человѣкъ, отложась отъ должнаго помѣщику своему послушанія, подастъ на него *недозволенную* жалобу, и въ особенности, если отважится подать таковую непосредственно императорскому величеству, то какъ челобит-

чикъ, такъ и сочинитель жалобы—предаются суду и наказываются по законамъ». То-же самое буквально повторялось въ ст. 1033 т. IX зак. о сост. изд. 1857 г., со ссылкою только на уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., въ которомъ—чѣмъ оно и отличалось, главнымъ образомъ, отъ свода законовъ уголовныхъ, — наказаніе челобитчику и сочинителю полагалось опредѣленное, и весьма значительное. Какія-же жалобы почитались *дозволенными*? Единственнымъ указаніемъ на это служили ссылки подъ приведенною статьею въ томъ и другомъ изданіи Свода Законовъ. Статья-же эта основывалась на ст. 13 гл. II уложенія 1649 г. и на узаконеніи 22 августа 1767 г. Каковъ-же смыслъ ссылочныхъ узаконеній? Мы увидимъ сейчасъ, какое гибельное толкованіе и распространеніе получили они при отсутствіи другихъ необходимыхъ прямыхъ и ясныхъ указаній закона на право принесенія крѣпостными крестьянами жалобъ на своихъ помѣщиковъ.

Глава II уложенія 1649 г. посвящена государственнымъ преступленіямъ и озаглавлена такъ: «О государской чести, и какъ его государское здоровье оберегать». Въ статьѣ 13 значилось: «А будетъ учнутъ извѣщати про государское здоровье, или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ, у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ во крестьянѣхъ, а въ томъ дѣлѣ ничѣмъ ихъ не уличатъ: и тому ихъ извѣту не вѣрити и учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдавати тѣмъ чьи они люди и крестьяне. А опричъ тѣхъ великихъ дѣлъ ни въ какихъ дѣлѣхъ такимъ извѣтчикамъ не вѣрити». Совершенно очевидно, что рѣчь шла здѣсь только о доносахъ. Право жалобы вовсе не предрѣшалось и не отнималось у крестьянъ. Предполагать, что они его вовсе и не имѣли,—не было никакихъ основаній. Правда, объ этомъ правѣ вовсе не говорится въ уложеніи. Но крестьяне и не были тогда въ такомъ положеніи, чтобы слѣдовало оговаривать общее право, несомнѣнно, имъ принадлежавшее и которое тѣмъ менѣе могло отнимать отъ кого-либо государство, стремившееся тогда вообще распространять силу своихъ опредѣленій. Уложеніе вполнѣ различаетъ *крестьянъ*, *кабальныхъ слугъ* и *холоповъ*. Для первыхъ у него нѣтъ другого выраженія, кромѣ—крестьяне. Вторые и третьи еще обозначаются иногда выраженіемъ «человѣкъ», «люди». Но о «крестьянѣхъ» и о «людѣхъ» никогда не говорится и долго послѣ уложенія безразлично. Напротивъ, коль скоро что-либо одинаково разумѣется и въ отношеніи

крестьянъ и холоповъ или кабальныхъ слугъ, то такъ и означается: «крестьянинъ или человѣкъ», «крестьяне или люди». Это показываетъ какъ самая приведенная статья гл. II, такъ ст. 173 и 174 гл. X, 5 и 14 гл. XIX, 26 гл. XX, указъ 27 февраля 1657 г., № 202, 31 марта 1663 г., № 333, 5 іюня 1728 г. и т. д. Скорѣе было-бы оговорено, что права подачи жалобъ на своихъ господъ не имѣютъ холопы ни въ какомъ случаѣ. Или скорѣй можно было-бы вывести отсутствіе у нихъ такого права по той-же статьѣ 13 гл. II уложенія, въ которой слово «люди» относится къ холопамъ и кабальнымъ слугамъ. Но даже и противъ такого предположенія имѣются прямыя опроверженія. Такъ, по ст. 14 гл. XX: «А будетъ кто прикажетъ дѣтямъ своимъ, или братьѣ, или прикащикомъ, по смерти своей, кабальныхъ своихъ людей отпустити на волю, и тѣ дѣти его, или братья, или прикащики тѣхъ его людей на волю не отпустятъ и похотятъ ихъ у себя удержати; и тѣмъ людемъ, которыхъ послѣ умершаго дѣти его или братья, или прикащики на волю не отпустятъ, бити челомъ на нихъ государю, и о томъ подавати челобитныя въ холопьѣ приказѣ». То-же самое указываетъ слѣдующая статья, различающая старинныхъ и кабальныхъ холоповъ и приказывающая,—по челобитнымъ послѣднихъ, отпускать ихъ на волю въ извѣстныхъ случаяхъ, безъ воспрещенія подавать таковыя челобитныя и старинным холопамъ. Наконецъ, по ст. 80 той-же главы: «А кто учнетъ у себя въ дому дѣлати беззаконіе съ рабою, съ женкою или съ дѣвкою, и приживетъ съ нею дѣтей, и въ томъ на него та раба учнетъ государю бити челомъ» и т. д., откуда возникалъ святительскій судъ надъ виновными. Вообще, *право обращенія къ власти уложеніемъ 1649 г. ни отъ кого не отнималось*. Законные поводы предоставляли это *всякому*, даже холопу или рабу. Это было *общее право*, тѣмъ болѣе принадлежавшее крестьянамъ въ отношеніи тѣхъ, «за кѣмъ они живутъ во крестьянѣхъ», что оно не отымалось и отъ холоповъ. Между прочимъ, право жалобы возникало, безъ сомнѣнія, и въ случаяхъ отдачи людямъ подчиненнымъ какихъ-либо незаконныхъ приказаній со стороны господъ. Ибо, согласно ст. 12 гл. XXII уложенія, за учиненіе уже «чьимъ-нибудь человѣкомъ» побоевъ кому-либо по приказанію того, кому онъ служитъ, и по признаніи этого во время пытки,—обоимъ должно было «учинить жестокое наказаніе, бити ихъ кнутомъ по торгомъ и вкинуть ихъ въ тюрьму всѣхъ на мѣсяцъ». Возможно-ли думать, что

получившій незаконное приказаніе, даже холопъ, не могъ обратиться съ жалобою на господина, — въ особенности, если ему приказывалось что-нибудь и болѣе существенное? Тѣмъ несомнѣннѣе право жалобы со стороны *крестьянина*.

Итакъ, слѣдовательно, ст. 13 уложенія говорила единственно о доносахъ, распространительнаго толкованія не допускала и приводилась въ Сводѣ Законовъ *неподлежаще*.

Что же представляло собою *второе* узаконеніе, означаемое числомъ 22 августа 1767 г., на которомъ основывалась ст. 1033 т. IX? Оно именно оказывалось *неправильнымъ толкованіемъ* ст. 13 уложенія, допущеннымъ *сенатомъ въ указѣ отъ 22 августа 1767 года*.

Стремясь къ учрежденію законности въ управленіи и основываясь на указахъ своихъ предшественниковъ, въ особенности Петра Великаго, Екатерина II, въ свою очередь, издала передъ тѣмъ указъ отъ 12 іюня 1762 г. (I Полн. Собр. Зак. за время съ 28 іюня 1762 г. по 1768 г., № 11606) — *о неподачѣ просьбъ и жалобъ на высочайшее имя, минуя надлежащія судебныя мѣста*. Уже одно заглавіе указа говоритъ достаточно ясно объ его содержаніи. Всѣ дѣла должны были проходить извѣстныя судебныя мѣста, въ установленномъ порядкѣ. Повелѣвалось каждому подавать просьбы и жалобы,—«гдѣ кому надлежитъ, въ высшихъ и низшихъ судахъ». За неисполненіе же этого порядка представлявшагося всѣмъ огражденія и защиты правъ,—грозило наказаніе. Указъ касался, главнымъ образомъ, *судебныхъ* мѣстъ. Никого и ни въ чемъ не лишалъ этотъ указъ права обращенія къ государственной власти.

Многочисленныя нарушенія этого указа вызвали, затѣмъ, подтвердительный сенатскій указъ отъ 19 января 1765 г., говорившій о замѣчаемыхъ отступленіяхъ отъ перваго и требовавшій точнаго исполненія послѣдняго.

А за этими двумя указами,—именнымъ и сенатскимъ, подтверждавшимъ первый, — послѣдовалъ и указъ также *сенатскій* отъ 22 августа 1767 г. *о бытіи помѣщичьимъ людямъ и крестьянамъ въ повиновеніи и послушаніи у своихъ помѣщиковъ и о неподаваніи челобитенъ въ собственныя ея императорскаго величества руки*.

Актъ этотъ, получившій чрезвычайное, но неправильное значеніе для крѣпостныхъ крестьянъ,—долженъ быть приведенъ цѣликомъ:

«*Во всенародное извѣстіе.* Хотя по высочайшей ея императорскаго величества конфирмаціи обнародованнымъ отъ сената генваря 19 дня прошлаго 1765 г. указомъ, въ подтвержденіе многихъ прежде изданныхъ, и объявлено, дабы никто въ ея императорскаго величества собственныя руки, *мимо учрежденныхъ на то правительствъ и опредѣленныхъ особо для того персонъ*, челобитенъ подавать отнюдь не отваживался, подъ опасеніемъ предписаннаго въ ономъ указѣ наказанія, а именно: когда кто *не изъ дворянъ и неимѣющихъ чиновъ* осмѣлится высочайшую ея величества особу подачею въ собственныя руки челобитенъ утруждать: то за первое дерзновеніе отсылать таковыхъ въ работу на каторгу на мѣсяцъ, за второе съ наказаніемъ публично, отсылать туда же на годъ, возвращая оныхъ по прошествіи срока на прежнія жилища; а за третіе преступленіе съ наказаніемъ публично плетьми ссылать вѣчно въ Нерчинскъ, *съ зачетомъ крѣпостныхъ помѣщикамъ ихъ въ рекруты.* Но нынѣ не взирая на то, дворовые люди и крестьяне генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Авраама Лопухина и его братьевъ отважились еще нарушить *оный* обнародованный указъ подачею ея величеству въ собственныя руки на помѣщиковъ своихъ челобитенъ не токмо *противныхъ* изображенному въ 13 п. II уложенной главы закону, но *и вовсе онымъ недозволенныхъ*, какъ-то въ *помянутомъ уложенномъ пунктѣ* именно напечатано: «А будетъ учнутъ извѣщати про государское здоровье, или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ въ крестьянѣхъ, а въ томъ дѣлѣ ихъ ничѣмъ не уличатъ: и тому ихъ извѣту не вѣрити и учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне. А опричъ тѣхъ великихъ дѣлъ ни въ какихъ дѣлѣхъ такимъ *извѣтчикамъ* не вѣрити». И хотя во исполненіе вышеизображенныхъ законовъ, нѣкоторые изъ помянутыхъ преступниковъ за сіе ихъ дерзновеніе здѣсь, въ Москвѣ, на разныхъ площадяхъ, публично и жестоко наказаны, причемъ помѣщикамъ отдано на ихъ произволеніе, къ себѣ ли ихъ обратно по наказаніи взять пожелаютъ или согласятся, чтобъ оные отосланы были въ казенную работу въ Нерчинскъ. Равномѣрно и прочіе ихъ сообщники, какъ-то и бригадира Дмитрія Алсуфьева и братьевъ его дворовые люди и крестьяне чрезъ посланныя команды всѣ приведены въ должное помѣщикамъ своимъ послушаніе. Но какъ изъ обстоятельствъ сего

усматривается, что таковыя преступленія больше всего происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, разсѣевающихъ вымышленные ими слухи *о перемѣнѣ законовъ* и собирающихъ подъ симъ видомъ съ крестьянъ поборы, обнадеживая оныхъ исходатайствовать имъ разныя пользы и выгоды, которые вмѣсто того тѣми поборами корыстуются сами, а бѣдныхъ и *незнающихъ законовъ крестьянъ*, отвратя ихъ отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія, приводятъ въ разореніе и крайнее несчастіе,—чего ради правительствующій сенатъ, *по возложенной на него отъ ея императорскаго величества довѣренности*, имѣя попеченіе о сохраненіи въ государствѣ установленнаго порядка, а особливо пользы тѣхъ, кои *не имѣя достаточнаго о узаконеніяхъ знанія* и увѣрясь по простотѣ своей таковыми вымышленными отъ злонамѣренныхъ людей слухами, слѣпо онымъ послѣдуютъ, а черезъ то впадаютъ въ неизбѣжную погибель,—за нужное почелъ симъ ея императорскаго величества указомъ *еще обнародовать*, чтобъ помѣщичьи люди и крестьяне подобнымъ сему ложнымъ разглагольствованіямъ ни подъ какимъ видомъ не вѣрили, но имѣли-бы къ помѣщикамъ своимъ должное повиновеніе и безпрекословное во всемъ послушаніе, какъ о томъ издревле отъ самодержавныхъ ея величества предковъ узаконено, безъ всякой отмѣны, повелѣвая таковыхъ, кто отважится возмущать людей и крестьянъ къ неповиновенію своимъ помѣщикамъ, тотчасъ брать подъ караулъ и приводить въ ближайшія присутственныя мѣста, которымъ безъ продолженія времени поступать съ ними по указамъ, какъ съ нарушителями общаго покоя, безъ всякаго послабленія. А буде, и по обнародованіи сего ея императорскаго величества указа, *которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся, и въ противность выше изображенному 13 пункту, недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, напаче ея императорскому величеству въ собственныя руки подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ* наказаны будутъ кнутомъ и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты. А для повсемѣстнаго о семъ свѣдѣнія и исполненія, сей указъ, съ полученія онаго *чрезъ цѣлый мѣсяцъ*, въ каждомъ мѣстѣ, *въ праздничные и воскресные дни*, а по прошествіи мѣсяца *ежегодно* по одному разу во время *храмовыхъ праздниковъ*,—*читать по всѣмъ церквамъ, дабы никто невѣдѣніемъ*

отговариваться и въ подобное симъ послѣднимъ преступникамъ несчастіе впасть не могъ».

Таковъ этотъ знаменательный указъ сената отъ 22 августа 1767 г. Подтверждая и развивая вначалѣ совершенно правильныя основанія, ставившія гражданамъ никакихъ ограниченій въ отношеніи обращенія къ власти, указъ этотъ, главнымъ образомъ, составляетъ толкованіе на ст. 13 гл. II уложенія 1649 г. О ней упоминается въ немъ два раза. Самая эта статья приводится здѣсь въ буквальныхъ выраженіяхъ. И именно и только на ней сенатъ основываетъ свое мнѣніе о томъ, что никакія жалобы на помѣщиковъ со стороны крѣпостныхъ крестьянъ, кромѣ доносовъ,—закономъ не допускаются. Другихъ основаній не приводится.

Но выше показана вся недостаточность ст. 13 гл. II уложенія, какъ таковаго и единственнаго основанія. Сенатъ вовсе не понялъ эту статью, придавъ ей такой смыслъ, котораго не только не заключалось въ ней, но и не могло заключаться.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ видно, сенатъ, желая содѣйствовать распространенію свѣдѣній о законѣ среди крестьянъ и ихъ несчастія объясняя именно *незнаніемъ законовъ*, принялъ мѣры къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, по настоящему предмету крестьяне не могли заблуждаться. Указомъ этимъ онъ какъ бы вторично и окончательно обнародовалъ законъ, говоря, что теперь уже отговариваться невѣдѣніемъ его — будетъ нельзя. Ради этого, указъ объявляется *всенародно*,—читается во всѣхъ церквахъ и всюду цѣлый мѣсяцъ по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ и повторяется ежегодно по храмовымъ праздникамъ.

Такимъ образомъ, совершенно неправильное толкованіе ст. 13 гл. II уложенія получило широкое распространеніе. Упоминанія же объ ея императорскомъ величествѣ и ея довѣренности могли придавать этому собственно сенатскому указу силу закона или правила, исходящаго отъ верховной власти...

Но это былъ только указъ сената, долженствовавшій основываться на точномъ смыслѣ закона существующаго и которымъ не могло быть установлено никакихъ правъ и обязанностей безъ утвержденія со стороны верховной власти. Екатерина II не поощряла сенатъ къ изданію законодательныхъ постановленій. Совсѣмъ наоборотъ. Въ «секретнѣйшемъ наставленіи» князю Вяземскому она именно выставляла какъ *злоупотребленіе* сенатомъ своею властью то,

что—какъ она говорила тутъ—будучи установленъ «для исполненія законовъ, ему предписанныхъ»... сенатъ... «часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ,—почти все, и утѣснялъ прежнія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ» (Градовскій, «Высшая администрація Россіи XVIII вѣка», стр. 206).

Однако, какъ видно, *ст. 575 т. IX, зак. о сост., изд. 1832 г., или соотвѣтствующая ей ст. 1033 того же тома, изд. 1857 г.,—воспроизводили именно это неправильное толкованіе сенатомъ ст. 13 гл. II уложенія*, почти буквально приводя отмѣченныя курсивомъ слова указа, въ концѣ помѣщенныя: «которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся» и т. д.

Очевидно, кромѣ того, что составители Свода Законовъ — не поняли значеніе этого указа. Съ тѣмъ вмѣстѣ, внося въ Сводъ не законъ, а распоряженіе подзаконной власти, они *не означили этого точно*, вопреки принятому и обязательному для нихъ правилу, «чтобъ тѣмъ отличить его отъ закона и поставить силу его въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, какіе закономъ ему присвоены» («Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ», стр. 177). Наконецъ, они совершенно напрасно сослались еще отъ себя на ст. 13 гл. II уложенія 1649 г.

Ссылки составителей Свода на уложеніе вообще крайне неудачны. Сплошь и рядомъ крестьяне смѣшиваются въ нихъ съ холопами. Такъ въ отношеніи ссылки на ст. 92 гл. XX и ст. 97 гл. XXI, дѣлавшуюся въ ст. 596 т. XI зак. о сост. (см. выше) касательно предѣла домашняго исправленія, предоставлявшагося помѣщику надъ крестьянами. Изъ нихъ послѣдняя статья вовсе не относилась къ дѣлу, такъ какъ устанавливала повинность на устройство тюремъ. Что-же касается до ст. 92 гл. XX, то она гласила слѣдующее: «А кому *бѣглый человѣкъ* изъ приказу отданъ будетъ *въ холопство по прежнему*: и тому, кому бѣглой человѣкъ будетъ отданъ, приказать *накрѣпко*, чтобъ онъ того своего *бѣглаго человѣка до смерти не убилъ, и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ*». Такъ ограничивалась уложеніемъ власть господина *надъ бѣглымъ возвращеннымъ ему холопомъ*. И если крестьяне впослѣдствіи сравнялись съ холопами, то это вовсе не давало редакторамъ Свода Законовъ, въ свою очередь, права распространять на нихъ постанов-

ленія, дѣлавшіяся задолго до того *о холопахъ*, и приписывать крѣпостному состоянію болѣе давнее происхожденіе, чѣмъ какое оно имѣло въ дѣйствительности. Сводъ Законовъ, по составленіи, въ цѣломъ не утверждался законодательною властью, какъ это видно изъ «Обозрѣнія истор. свѣд. о Св. Зак.» (стр. 109—110), — хотя именно это устанавливало одно изъ правилъ Бэкона, принятыхъ въ руководство,—«дабы подъ видомъ законовъ старыхъ не вкрались законы новые». Вмѣсто того, книги Свода подвергались «ревизіи тѣхъ самыхъ мѣстъ управленія, къ коимъ онѣ ближе принадлежатъ», и только, по смыслу правила 5, случаи несходства одной статьи съ другою въ одномъ и томъ же постановленіи — восходили на разрѣшеніе законодательной власти.

Слѣдовательно, ошибки редакторовъ Свода не пріобрѣли значенія закона и—значитъ, по *дѣйствительно существовавшимъ* законамъ, мѣры исправленія помѣщиками крѣпостныхъ крестьянъ, все-же были болѣе ограничены передъ освобожденіемъ и личность крѣпостнаго крестьянина была нѣсколько болѣе ограждена...

Слѣдовательно, также и право жалобы, по *дѣйствительно существовавшимъ законамъ*,—крѣпостнымъ крестьянамъ принадлежало; дозволены были не одни политическіе доносы и доносы за утайку душъ при ревизіи (ст. 577 т. IX изд. 1832 г. или ст. 1036 того-же тома изд. 1857 г.), и вообще крѣпостные крестьяне могли по многимъ законнымъ поводамъ обращаться къ государственной власти и просить ея вмѣшательства... И какъ могло быть иначе, коль скоро, кромѣ того, ст. 1029 т. IX зак. о сост. изд. 1857 г., воспроизводившая буквально ст. 572 того-же тома изд. 1832 г., угрожала крѣпостнымъ крестьянамъ наказаніемъ, какъ за соучастіе въ преступленіи, если они исполняли противозаконное приказаніе помѣщика. Въ какое положеніе ставился порядокъ, еслибъ помѣщикъ за отказъ отъ исполненія такого своего приказанія сталъ чинить крестьянамъ притѣсненія,—а они не могли-бы, подъ страхомъ наказанія, жаловаться на него, и это наказаніе грозило-бы также сочинителямъ ихъ жалобъ?

Однако, *на дѣлѣ крѣпостные крестьяне, благодаря указанному обстоятельству и общему характеру ихъ положенія, оказались вовсе лишенными права жалобы на своихъ помѣщиковъ*... Надъ ними тяготѣли, такимъ образомъ, не одни обычаи и фактическія вліянія и обстоятельства... Сюда присоединялись еще непра-

вильныя толкованія закона сенатомъ и ошибки въ Сводѣ. Послѣдній какъ-бы не предоставлялъ имъ ничего, кромѣ политическихъ доносовъ, обѣщая уже за это отъ себя свободу, и—крѣпостные крестьяне были беззащитны... Не въ ихъ силахъ было разъяснять истинный смыслъ закона, и никто въ то время не нашелъ въ этомъ интереса...

Печально ставить подобную ошибку въ вину творцу Свода Законовъ—Сперанскому. Выполненное имъ составленіе Свода, равно какъ собраніе законовъ, — имѣло громадное значеніе для хода дѣла освобожденія крестьянъ. Самъ онъ принялъ большое участіе въ мысляхъ о послѣднемъ, возникшихъ опять вначалѣ XIX столѣтія. Безъ сомнѣнія, именно при участіи Сперанскаго (за 5 дней до ссылки) состоялось узаконеніе 12 марта 1812 г., имѣвшее весьма большое принципальное значеніе и обличавшее извѣстныя освободительныя стремленія Александра,—узаконеніе о томъ, что «люди, воспользовавшіеся единожды свободою, по отпускной-ли помѣщика или по распоряженію правительства, никогда не могутъ быть возвращены въ крѣпостное состояніе», причемъ даже и *подлогомъ* снискавшіе себѣ свободу подлежали наказанію за подлогъ, но свободы не теряли. Согласно-же составленному имъ плану общаго государственнаго преобразованія, о которомъ кратко сообщаетъ проф. Сергѣевичъ, крѣпостные крестьяне получали право участія въ предположенныхъ къ учрежденію думахъ и могли избирать и быть избираемы. Едвали это совмѣщалось съ крѣпостною зависимостью. Мысль-же объ отмѣнѣ послѣдней была весьма близка императору Александру I. Несомнѣнно, что при обдумываніи имъ вмѣстѣ со Сперанскимъ указаннаго плана—были составлены опредѣленныя предположенія касательно ея осуществленія. Біографъ Сперанскаго,—графъ Корфъ, правда, ничего не сообщаетъ объ этомъ. Но онъ передаетъ едвали лишенное основанія обстоятельство («Жизнь графа Сперанскаго», стр. 123), что мѣстами, и между прочимъ, въ Пензенской губерніи, куда былъ назначенъ въ 1816 г. губернаторомъ уже находившійся въ ссылкѣ Сперанскій,—ходилъ съ самаго 1812 г. довольно громкій говоръ, что государевъ любимецъ (Сперанскій) былъ оклеветанъ, и многіе помѣщичьи крестьяне даже отправляли за него заздравные молебны и ставили свѣчи... «Дослужась—говорили они—изъ грязи до большихъ чиновъ и должностей и бывъ умомъ выше всѣхъ между совѣтниками царскими, онъ *сталъ за крѣпостныхъ*, подалъ государю

проектъ объ освобожденіи ихъ и тѣмъ возмутилъ противъ себя всѣхъ господъ»... Затѣмъ, позднѣе, въ комитетѣ 6 декабря 1826 г. Сперанскій одинъ отнесся сочувственно къ мысли объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, при общемъ несклонномъ къ тому мнѣніи прочихъ членовъ (Сергѣевичъ, стр. 657).—При всемъ томъ, при составленіи Свода, имъ допущенъ столь большой *недосмотръ*. Очевидно, онъ положился тутъ на своихъ помощниковъ, и иного участія въ ошибкѣ не имѣлъ. Онъ прекрасно зналъ и понималъ не только уложеніе 1649 г., но и гораздо болѣе ранніе памятники русскаго законодательства. Всегда старался онъ по возможности глубоко проникать въ исторію предмета, какъ показываютъ его статьи, напечатанныя Калачовымъ въ «Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи» за 1858, 1860—1861 гг. Наконецъ, съ большимъ знаніемъ Сперанскій изслѣдовалъ самое крѣпостное состояніе крестьянъ («Архивъ», 1859 г., кн. 3).

При всѣхъ этихъ условіяхъ, и передъ самымъ днемъ 19 февраля 1861 года, положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, образовывавшееся болѣе силою обычая, нежели закона,—опредѣлялось вполнѣ усмотрѣніемъ помѣщика и было болѣе вопросомъ *факта, нежели права*... Все время—*вмѣсто закона* примѣнялось къ крѣпостнымъ крестьянамъ своего рода *обычное «право»*, отъ котораго имъ не предоставлялось почти никакой защиты...

Понятно,—куда должны были клониться стремленія крестьянъ и передъ самымъ освобожденіемъ. Всѣ ихъ надежды еще въ большей мѣрѣ покоились на *законѣ*, потому что они знали уже о *существованіи* нѣкоторыхъ дѣйствительно благопріятствовавшихъ имъ законахъ. Они желали, чтобы ихъ положеніе было опредѣлено по освобожденіи строгимъ, яснымъ и точнымъ закономъ, и—зависѣло-бы только отъ закона.

Что же касается до второго, поставленнаго выше вопроса—было-ли и достаточно-ли ясно опредѣлено право самой правительственной власти оказывать крѣпостнымъ крестьянамъ законную защиту и вмѣшиваться въ отношенія ихъ къ помѣщикамъ, — то вопросъ этотъ до нѣкоторой степени предрѣшается изложенными выше обстоятельствами. Едвали это могло быть достаточно опредѣлено въ Сводѣ Законовъ... И дѣйствительно, только въ т. XIV, уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, въ ст. 420 и слѣдующихъ, дѣлались указанія о наложеніи опеки на имѣнія помѣщиковъ,

«уличенныхъ» (какъ?) въ жестокомъ обращеніи съ своими крестьянами. Но это зависѣло отъ генералъ-губернаторовъ, по сношеніи съ «дворянскимъ сословіемъ», по составленіи послѣднимъ соотвѣтствующаго «положенія», и только въ случаѣ несогласія сословія,—и собственною властью *главнаго* начальника губерній... Формы и порядокъ такихъ дѣйствій притомъ опредѣлялись весьма слабо. Далѣе, наложеніемъ опеки ограничивалось право распоряженія помѣщика въ своемъ имѣніи,—но преданіе его суду могло состояться только по особенному высочайшему усмотрѣнію...

VII.

Что должно было послужить исходною точкою при освобожденіи.

Необходимость примѣненія начала законности къ освобождавшимся крестьянамъ.—Основныя черты русскаго государственнаго устройства и управленія.—Отношеніе къ нимъ состоянія крѣпостной зависимости.—Ясность задачи,—но трудность ея разрѣшенія.

Творцы законодательства 19 февраля 1861 г. вполнѣ понимали происхожденіе крѣпостного состоянія и его юридическую безсмыслицу:

«Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ государства, Мы усмотрѣли,—говорилось въ манифестѣ объ освобожденіи—что государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и низшія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, *не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ*, такъ названнымъ потому, что они, *частію старыми законами, частію обычаемъ*, потомственно укрѣплены подъ власть помѣщиковъ... Права помѣщиковъ были донынѣ *обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика*».

А такъ какъ становившееся, такимъ образомъ, въ зависимость отъ «произвола», плачевное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ объяснялось тутъ-же еще ихъ «неподвижностью къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ»,—то, казалось, законодательству 19 февраля 1861 г. была вполнѣ ясна и его задача. Она совпадала съ вѣковыми стремленіями крестьянъ къ опредѣленію ихъ положенія *закономъ* и также соотвѣтствовала юридической сущности русскаго государственнаго устройства, выраженной въ Основныхъ Законахъ (т. I,

ч. 1) и заключающейся въ томъ, что страна управляется на твердомъ основаніи законовъ и что никакое право или обязанность не могутъ быть установлены иначе какъ закономъ, единственнымъ руководственнымъ началомъ для дѣятельности всѣхъ. *Всѣ* предначертанія законовъ, прежде утвержденія верховною властью, разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ. Ни въ какомъ иномъ высшемъ учрежденіи не можетъ быть дѣлаемо законодательныхъ постановленій. Прочія высшія государственныя учрежденія, напр., комитетъ министровъ, а послѣ и совѣтъ министровъ, созданы для непосредственнаго дѣйствія верховной власти въ дѣлахъ высшаго управленія. Для обсужденія закона предназначается единственно государственный совѣтъ, и только постановленія по военному и морскому вѣдомствамъ, и то «когда они никакой связи съ прочими частями государственнаго управленія не имѣютъ, или когда и входятъ въ составъ какого-либо общаго государственнаго учрежденія, но относятся *исключительно* до части искусственной или технической»,— восходятъ прямо изъ военнаго и адмиралтействъ совѣтовъ на утвержденіе верховной власти. «Никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія самодержавной власти». «*Предметы* управленія подчиненнаго, *образъ его дѣйствія, степень и предѣлы власти*, ономy ввѣряемой, во *всѣхъ* вообще установленіяхъ, *какъ высшихъ государственныхъ, такъ и низшихъ*, имъ подвѣдомыхъ, опредѣляются *подробно* въ учрежденіяхъ и уставахъ сихъ установленій»: «Министерства установлены на тотъ конецъ, чтобы непрерывнымъ дѣйствіемъ ихъ и надзоромъ *доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное исполненіе*». Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ закона, главнымъ образомъ, предназначается губернаторская власть. Въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ отношеніи министерствъ, опредѣляется значеніе и цѣль учрежденія полиціи. Далѣе. «Въ случаѣ неясности или недостатка существующаго закона, каждое мѣсто и правительство имѣетъ *право и обязанность* представлять о томъ по порядку своему начальству. Если встрѣченное сомнѣніе не разрѣшается *прямымъ смысломъ закона*, тогда начальство обязано представить правительствующему сенату или министерству по принадлежности» «Законъ получаетъ свою силу не прежде, какъ со дня его объявленія». «Законъ, въ *надлежащемъ порядкѣ обнародованный*, долженъ быть свято и ненарушимо исполняемъ

всѣми и каждымъ, какъ подданными, такъ и иностранцами, въ Россіи пребывающими, поколику то до нихъ принадлежать можетъ, *безъ различія званій, чина и пола*». «Законы должны быть исполняемы беспристрастно, не смотря на лица и не внимая ни чьимъ требованіямъ и предложеніямъ». Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія. Всѣ *безъ изъятія* мѣста, *не исключая и высшихъ правительствъ*, во всякомъ случаѣ должны утверждать свои опредѣленія на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада императорскому величеству, *ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій*». «Еслибы въ указѣ, отъ правительствующаго сената послѣдовавшемъ, губернское присутственное мѣсто усмотрѣло что-либо противное законамъ или интересу императорскаго величества: то оно *обязано, не исполняя указа*, представить о томъ правительствующему сенату; если же сенатъ, находя представленное ему заключеніе или сомнѣніе неосновательнымъ, останется при своемъ опредѣленіи и оное подтвердитъ, то учинить уже безмолвное и непремѣнное исполненіе». «Еслибъ предписаніемъ министра, содержащимъ въ себѣ объявленіе высочайшаго повелѣнія, отмѣнялся законъ или учрежденіе, за собственноручнымъ высочайшимъ подписаніемъ изданные, тогда *начальство, ему подчиненное, обязано, не чиня исполненія*, представить о семъ министру. Если же и за симъ представленіемъ предписаніе будетъ подтверждено въ той же силѣ, то начальство обязано *случай сей представить правительствующему сенату* на окончательное разрѣшеніе». «Еслибы въ предписаніи, *непосредственно отъ власти министра исходящемъ*, начальство, ему подчиненное, усмотрѣло отмѣну закона, учрежденія или объявленнаго прежде высочайшаго повелѣнія: тогда оно *обязано* представить о семъ министру. Если же и засимъ предписаніе будетъ *подтверждено* отъ лица министра въ той же силѣ, тогда начальство *обязано* случай сей представить на окончательное разрѣшеніе правительствующему сенату». Вообще, по установившимся въ текущемъ столѣтіи началамъ русскаго государственнаго устройства и управленія, послѣднее должно быть строго *закономѣрно*, и всѣмъ и каждымъ должны исполняться только *законныя* распоряженія, исходящія отъ законныхъ властей въ опредѣленномъ порядкѣ дѣятельности...

Таковы были начала, существовавшія въ дѣйствовавшемъ вовремя освобожденія русскомъ правѣ. Обычное состояніе крѣпостной зависимости съ этими систематизированными Сперанскимъ въ Сводѣ Законовъ весьма ясно и твердо выраженными началами—находилось въ крайнемъ непримиримомъ противорѣчіи. *Начала эти внутренне, общимъ своимъ смысломъ, совершенно уничтожали это состояніе. Рядомъ съ ними оно являлось вопіющею несообразностью. Въ этомъ была сила и освободительное значеніе кодификаціи какъ основныхъ законовъ, такъ и всѣхъ прочихъ частей права.* Крѣпостное состояніе, дѣйствительно, имѣло смыслъ болѣе какъ фактъ. Въ принципѣ всѣ сословія оказывались разными передъ закономъ, никакое право или обязанность не могли быть установлены иначе какъ въ опредѣленномъ *законодательномъ* порядкѣ и всѣ безъ исключенія власти въ государствѣ должны были дѣйствовать даже по *подробнымъ* указаніямъ закона.

Изъ этихъ-то началъ и должно было-бы исходить законодательство 19 февраля 1861 г. Ихъ-то и слѣдовало бы ему примѣнить, наконецъ, къ людямъ крѣпостного состоянія, сдѣлавъ ихъ дѣйствительно такими же свободными, то есть, зависящими только отъ закона, лицами, какъ и прочія сословія. Законъ лучше всего могъ и познакомить крестьянъ съ «волею», и научить ихъ пользоваться ею въ своихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ права и порядка.

Но значеніе крѣпостного состоянія, болѣе какъ факта, было настолько сильно, въ существованіи его было столько лицъ заинтересованныхъ, что и съ подобнымъ фактомъ, столь противорѣчившимъ основнымъ правовымъ началамъ государства, нужно было считаться... до необходимости... опять оставить эти начала безъ полнаго надлежащаго примѣненія, до необходимости и при насажденіи новаго порядка *отступить* отъ нихъ. Разомъ покончить съ такимъ фактомъ оказалось слишкомъ труднымъ. Законодатели 19 февраля 1861 г. поколебались и—оставили дальнѣйшему времени искупать крайнимъ нестроеніемъ грѣхъ ихъ непослѣдовательности, впрочемъ, совершенно понятной и объяснимой.

VIII.

Организація освободительныхъ работъ.

Образованіе губернскихъ дворянскихъ комитетовъ.—Цѣль работъ, имъ предложенныхъ.—Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу.—Редакціонныя комисіи.—Организація ихъ дѣятельности.—Гласность.—Значеніе принятой постановки работъ редакціонныхъ коммисій.

Общимъ примиряющимъ съ ними объясненіемъ недостатковъ законоположеній 19 февраля, какъ уже сказано, нужно считать именно *крайнюю трудность* первой разрѣшавшейся тогда задачи,—самаго *освобожденія личности крѣпостного крестьянина.* Эта задача требовала особой твердой и непреклонной рѣшимости. Такая рѣшимость въ этомъ главнѣйшемъ отношеніи и была проявлена въ мѣрѣ, неоставлявшей желать ничего большаго. Для разрѣшенія второй задачи, для устройства освобожденныхъ, не могло уже вполнѣ достать того же освободительнаго чувства, той же рѣшимости, тѣхъ же силъ. Работы, казалось, были организованы такъ, что и устройство освобожденныхъ должно было создаться въ формѣ совершенной. Но крѣпостное состояніе обезпечивалось такимъ вліяніемъ, пустило въ странѣ столь глубокіе корни, что уничтожить его во всѣхъ формахъ и проявленіяхъ, на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ возможностяхъ—было выше силъ того времени, замѣчательныхъ, исключительныхъ, но все же, какъ всегда, ограниченныхъ. Притомъ же, законодатели 19 февраля стремились создать переходное положеніе, временное устройство, срочнообязанное состояніе, возникавшее изъ надѣленія крестьянъ помѣщичью землю. Они вовсе не думали, что это временное состояніе будетъ долговременнымъ и тѣмъ менѣе, что оно будетъ распространено даже и на другихъ свободныхъ сельскихъ обывателей...

Собственно-же освобожденіе было совершено дѣйствительно съ значительною твердостью и организація работъ была дѣйствительно замѣчательна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (при той, однако, обнаружившейся въ организаціи работъ *односторонности*, что изъ числа общественныхъ силъ были призваны къ непосредственному участію въ составленіи новыхъ законоположеній одни помѣщики). Поэтому-то, не вполнѣ удовлетворительный результатъ этихъ работъ еще ярче свидѣтельствуетъ всѣми своими условіями о трудности первой задачи,

одно помышленіе о которой ставится уже въ большую заслугу прежнимъ государямъ и правительственнымъ дѣятелямъ.

20 ноября 1857 г., дворянству виленской и гродненской губерній разрѣшено было образовать особые комитеты и одну общую коммиссію въ г. Вильно. Комитеты эти должны были состоять изъ представителей по одному отъ каждаго уѣзда, выбираемыхъ мѣстными дворянами—помѣщиками, и изъ двухъ опытныхъ помѣщиковъ каждой губерніи, по назначенію ея начальника. Общая коммиссія, въ свою очередь, образовывалась: изъ двухъ членовъ отъ каждаго изъ трехъ губернскихъ комитетовъ, одного опытнаго помѣщика, по назначенію генералъ-губернатора, и одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателями губернскихъ комитетовъ являлись мѣстные губернскіе предводители дворянства. Предсѣдатель общей коммисіи назначался генералъ-губернаторомъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Задача губернскихъ комитетовъ обозначалась вообще какъ «составленіе проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ». Но тутъ же преподавалось верховною властью такое «главное основаніе» для занятій, которое значительно расширяло эту задачу, далеко выводило ее изъ предѣловъ собственно «улучшенія» быта зависимыхъ: «помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, втеченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику». Выводъ изъ этого былъ ясенъ. Что прежде всего требовалось внутренне, общимъ смысломъ этого положенія,—было совершенно понятно сразу и безъ прямыхъ заявленій....

Вслѣдъ затѣмъ, на такихъ же основаніяхъ, съ такими же главными руководственными началами дѣятельности, прямо выраженными и само собою подразумѣвавшимися,—были послѣдовательно образованы комитеты въ другихъ губерніяхъ.

8 января 1858 г. былъ учрежденъ такъ называемый главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Въ немъ должно было сосредоточиться разсмотрѣніе всѣхъ предположеній, до помѣщичьихъ крестьянъ относящихся. Вслѣдствіе этого, 19 октября 1858 г. было повелѣно, чтобы «министры и главноуправляющіе отдѣльными частями всѣ

вообще возникшіе и возникающіе въ ихъ вѣдомствахъ вопросы и предположенія, относящіеся до измѣненія, дополненія или поясненія дѣйствующихъ нынѣ законовъ о крѣпостныхъ людяхъ, представляли въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу». Нѣсколько же ранѣе того, 15 іюля 1858 г., при означенномъ комитетѣ была образована особая коммисія для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ. Работы свои коммисія эта должна была вносить въ комитетъ. Приэтомъ и въ главный комитетъ, и въ состоявшую при немъ коммисію могли быть приглашаемы члены губернскихъ комитетовъ, командируемые по два отъ каждаго комитета, какъ представители большинства и меньшинства въ послѣднемъ. Отъ нихъ же главный комитетъ и коммисія могли требовать всѣ нужныя свѣдѣнія и объясненія.

Затѣмъ, въ виду развивавшейся дѣятельности и значительнаго числа возникшихъ вопросовъ, 17 февраля 1859 г., были учреждены *редакціонныя коммисіи*,—для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ комитетовъ и для начертанія одного проекта общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, равно для начертанія проектовъ и другихъ, относящихся сюда, мѣстныхъ и частныхъ законоположеній. Одна коммисія образовывалась изъ представителей отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ и изъ представителей отъ II отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи; другая-же заключала въ себѣ представителей отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и экспертовъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ или изъ другихъ опытныхъ помѣщиковъ, по назначенію предсѣдателя обѣихъ редакціонныхъ коммисій, которымъ явился Я. И. Ростовцевъ, безвременно, передъ самымъ окончаніемъ дѣла, потомъ умершій.

27 же апрѣля 1859 г., къ двумъ упомянутымъ редакціоннымъ коммисіямъ была присоединена финансовая коммисія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ того же Ростовцева,—изъ лицъ, спеціально изучившихъ финансовыя науки, и изъ представителей нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Цѣль этой третьей коммисіи заключалась въ разсмотрѣніи предположеній о финансовыхъ мѣрахъ къ облегченію крестьянамъ выкупа земельныхъ угодій и въ обсужденіи способовъ, которые могутъ быть предоставлены со стороны правительства крестьянамъ для содѣйствія въ выкупѣ.

Эти-то коммисіи и вынесли на себѣ наибольшую тяжесть работы. Внутреннее устройство ихъ и порядокъ дѣятельности были поставлены въ зависимость отъ ближайшаго усмотрѣнія предсѣдателя, и первыя двѣ раздѣлились на три отдѣленія: административное, юридическое и хозяйственное. Работы по каждому отдѣленію должны были вноситься на обсужденіе общаго присутствія коммисій. Работы эти предъявлялись также для отзывовъ членамъ губернскихъ комитетовъ, которыхъ предположено было первоначально вызывать для главнаго комитета и состоявшей при немъ коммисіи и которые приглашались два раза въ Петербургъ, по мѣрѣ окончанія работъ въ губернскихъ комитетахъ,—сперва отъ 21 губерніи, потомъ отъ 18. Въ самомъ началѣ уже было предположено печатать работы коммисіи. По мнѣнію Ростовцева, это было весьма важно, между прочимъ, въ такихъ видахъ: «работы коммисій будутъ подвергаться *критикѣ* не по окончаніи, а во время самаго ихъ хода, когда всякая ошибка можетъ быть своевременно исправлена,—что облегчитъ и ускоритъ окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе проектовъ» (т. I, кн. 1 Матеріаловъ, изд. 1, стр. 11).

Въ засѣданіи же 6 апрѣля 1859 г. былъ возбужденъ и прямой общій вопросъ: «какую степень гласности должны имѣть занятія коммисій»?

Слѣдующими замѣчательными словами отвѣтилъ на этотъ вопросъ предсѣдатель коммисій, Ростовцевъ:

«Занятія коммисій—составляютъ дѣло *всей Россіи*,—дѣло, съ которымъ тѣсно связано спокойствіе и благосостояніе цѣлаго государства, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Опытъ показалъ, что хотя поднятый вопросъ и живо затронулъ интересы всего народа, но Россія, въ полномъ довѣріи къ своему государю, осталась спокойною; что спокойствіе это можно частію приписать и нѣкоторой *гласности*, съ которою отъ самаго начала, по высочайшему повелѣнію, было ведено дѣло. Притомъ же коммисіи, совершая трудъ, столь близкій интересамъ *всѣхъ сословій*, обязаны честнымъ отчетомъ *предъ всею Россіею*. Дать этотъ *отчетъ*, успокоить всѣхъ и каждаго можно только посредствомъ *полной откровенности*, потому что гдѣ дѣло ведется открыто, тамъ нѣтъ мѣста ни превратнымъ слухамъ, ни ложнымъ опасеніямъ, ни нелѣпымъ толкованіямъ. Наконецъ, на коммисіяхъ лежитъ святая обязанность уяснить вопросъ и самимъ себѣ *со всѣхъ сторонъ*. Какъ бы ни былъ добро-

совѣстенъ трудъ коммисій, какъ бы ни было велико стремленіе ихъ быть безпристрастными и не односторонними, онѣ, при всей опытности своихъ членовъ, врядъ-ли избѣгнутъ такихъ ошибокъ, которыя при примѣненіи къ дѣйствительной мѣстной жизни, могутъ оказать неблагопріятное вліяніе на успѣхъ дѣла. А потому, и здѣсь необходимо предать себя *общему суду*, призвать на помощь *общее участіе*, которое прольетъ свѣтъ на каждую оставшуюся въ тѣни сторону вопроса, дополнитъ недостающіе факты и исправитъ вовремя каждую ошибку коммисій» (тамъ же, стр. 24).

Затѣмъ, Ростовцевъ предложилъ печатать «*всѣ* журналы и труды коммисій въ значительномъ числѣ экземпляровъ»,—что и было принято общимъ присутствіемъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Вообще, въ редакціонныхъ коммисіяхъ, благодаря принимавшимся ими предложеніямъ предсѣдателя, дѣйствовавшаго во всемъ по совѣщаніи съ членами и не пользовавшагося большою предоставленною ему единоличною властью, — обнаружилась извѣстная ширина взглядовъ и пріемовъ, съ предоставленіемъ открытыхъ и законныхъ путей для вліянія на ходъ дѣла со стороны общества, печати, науки.

Въ этихъ видахъ, при самомъ открытіи коммиссій, по распоряженію Ростовцева, приняты были слѣдующія мѣры: 1) пріобрѣтены спеціальные журналы по крестьянскому дѣлу, а также и *всѣ* статьи по этому-же предмету, помѣщенныя во *всѣхъ* періодическихъ изданіяхъ; 2) выписаны *всѣ* иностранныя сочиненія и брошюры, относящіяся до освобожденія крестьянъ и законоположеній о нихъ въ государствахъ европейскихъ; 3) сдѣлано сношеніе съ редакторами русскихъ журналовъ объ отпечатаніи впредь для коммиссій отдѣльными оттисками *всѣхъ* поступающихъ къ нимъ статей по крестьянскому дѣлу въ числѣ 100 экземпляровъ (тамъ-же, стр. 4).

Ни труды редакціонныхъ коммиссій въ первоначальномъ ихъ видѣ, ни окончательно разсмотрѣнные проекты, получившіе силу закона,—не могли быть совершенны или вполнѣ удовлетворительны. Этому такъ или иначе должно было воспрепятствовать существовавшее состояніе крѣпостной зависимости и сила интересовъ, съ нею связанныхъ. Но безъ сомнѣнія, въ большой степени благодаря именно такимъ пріемамъ и условіямъ работъ, онѣ вышли такими, каковы есть, оказались несравненно лучше, чѣмъ могли-бы быть, еслибъ дѣло велось иначе. Въ нихъ много недостатковъ. Но при другихъ условіяхъ, недостатковъ и болѣе существенныхъ было-бы больше.

IX.

Крѣпостническія вліянія.

Обязательность освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, предписанная губернскимъ комитетамъ.—Глава IX программы для занятій губернскихъ комитетовъ.—Притязанія, ею возбужденныя.—Возраженія, вызванныя этими притязаніями въ средѣ самихъ губернскихъ комитетовъ.—Фактическое устраненіе главы IX.—Вліяніе, ею полученное, въ концѣ конповъ. — Дальнѣйшія притязанія помѣщиковъ.

Глава первая программы занятій губернскихъ комитетовъ, составленной, по высочайшему повелѣнію, главнымъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу, ясно и безъ обиняковъ гласила: «прекращеніе личнаго крѣпостного права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ». (Сборникъ распоряженій по устройству быта крестьянъ за 1857—1875 гг., изд. Чичинадзе, стр. 80). Это-же самое, прямо, не возбуждая никакихъ сомнѣній, истекало изъ приведеннаго выше высочайше указаннаго «главнаго основанія» для занятій губернскихъ комитетовъ. Тамъ не были непосредственно употреблены слова,—«прекращеніе личнаго крѣпостного права», для того, конечно, чтобы не подать чуткой закрѣпощенной массѣ повода истолковать рескрипты въ смыслѣ немедленнаго освобожденія. Но подобный смыслъ «главныхъ основаній» рѣшительно ничѣмъ не затемнялся. При открытіи 4 марта 1859 г. общаго присутствія редакціонныхъ коммиссій, Ростовцевымъ было, кромѣ того, объяснено прямо, что «главная цѣль высочайше указаннаго преобразованія, а слѣдовательно, и возложеннаго на коммиссію труда, есть *прекращеніе крѣпостного состоянія, соединенное съ прочнымъ устройствомъ крестьянскаго быта*» (томъ I, кн. 1 Матеріаловъ, изд. 1, стр. 4).

Итакъ, сомнѣваться было не въ чемъ и нечего. Тутъ все было совершенно ясно. И частнымъ путемъ, безъ всѣхъ этихъ прямыхъ и косвенныхъ указаній, еще раньше даже, чѣмъ они были даны, *всѣмъ было въ точности извѣстно непреклонное намѣреніе Государя—освободить крестьянъ*. Въ этомъ основномъ пунктѣ воля верховной власти не подлежала никакимъ перемѣнамъ. Отступить отъ ея твердаго выраженія не было никакой возможности. Это не былъ совѣтъ, просьба. Это не былъ даже намекъ. Это было прямое требованіе, подлежавшее непремѣнному исполненію. Значеніе и

сила верховной власти выключали даже и самое слабое, отдаленное, самое скромное, какой-бы то ни было изысканной формѣ,—возраженіе. Значеніе и сила верховной власти дѣлали это совершенно немыслимымъ и невообразимымъ. Оттого выраженіе постановленій нѣкоторыхъ комитетовъ о томъ, что дворянство отказывается «добровольно» отъ личнаго крѣпостного «права» на крестьянъ, составляли простой оборотъ рѣчи. Можно было писать о добровольномъ отказѣ «съ радостью», «съ восторгомъ» и т. п., — и никто не ошибся-бы въ оцѣнкѣ этихъ выраженій. Совершенно и всѣмъ понятны были также свойства и значеніе выраженія манифеста 19 февраля 1861 г., что «дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей». Это была своего рода политическая любезность—не болѣе. Въ этомъ отношеніи справедливо выразилось такъ меньшинство самарскаго комитета, доказывая необходимость поручить обнародованіе новаго положенія и уставныхъ грамотъ не помѣщику, а цѣлому присутствію: «Въ глазахъ крестьянъ помѣщикъ не болѣе какъ представитель своего личнаго и сословнаго интереса, а вовсе не органъ правительства, и—*чтобъ ни дѣлалось теперь съ цѣлью придать новому порядку вещей видъ добровольной уступки со стороны дворянства, народъ этому не повѣритъ. Онъ знаетъ, что инициатива идетъ сверху и оттуда ожидаетъ рѣшенія своей судьбы*». (Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій, періодъ третій, часть X, стр. 50).

Но указанное выше колебаніе и затруднительность сразу, во всѣхъ оттѣнкахъ и смыслахъ, разорвать съ прошлымъ и примѣнить къ крѣпостнымъ крестьянамъ вполнѣ основныя начала закономѣрной свободы—выразились въ главѣ девятой упомянутой программы, хотя и *не утвержденной* верховною властью, но исходившей изъ весьма авторитетнаго учрежденія. Глава эта опредѣляла права и отношенія помѣщиковъ. Она гласила: «Присвоеніе помѣщику званія *начальника общества*. Права и отношенія его къ обществу: а) по сельскому благоустройству и порядку; б) по внутренному управленію; в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами; г) по отправленію крестьянами повинностей; д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ». Губернскіе комитеты съ большимъ усердіемъ и развили эту часть программы. Усердіе это было проявлено даже тѣми комитетами, которые къ заявленію объ отказѣ отъ крѣпостного «права» сдѣлали по-

яснительное добавленіе: «добровольно». Глава IX послужила пробнымъ камнемъ искренности «отказа» и степени освободительныхъ чувствъ большинства владѣльцевъ... Да и странно было бы тутъ заблуждаться. Люди—не герои и владѣніе себѣ подобными само по себѣ не только не можетъ развить чувствъ самопожертвованія, но должно дѣйствовать въ совершенно обратномъ направленіи. Дворянство не уклонилось отъ возможности вознаградить себя главою девятою программы за главу вторую. Глава IX—оказалась той кассой, изъ которой можно было получать нѣкоторое возмѣщеніе за лишеніе личнаго крѣпостного «права». Тутъ, такъ сказать, раздавались подарки на память о крѣпостномъ состояніи. Какъ было удержаться не запастись въ достаточномъ числѣ подобными сувенирами? Кстати, они могли быть полезны для послѣдующихъ отношеній. И вотъ, согласно программѣ, губернскіе комитеты широко развиваютъ права и вліяніе помѣщика на освобожденныхъ крестьянъ, чрезмѣрно распространяютъ его власть. *Предлагается рѣшительное вмѣшательство помѣщика во всѣ крестьянскія дѣла, лишеніе крестьянъ всякой самостоятельности...* Согласно программѣ, помѣщикъ и оставляется комитетами начальникомъ сельскаго общества. Затѣмъ, цѣлый рядъ комитетовъ постановляетъ: «крестьяне состоятъ въ полномъ повиновеніи у начальника общества; онъ наблюдаетъ за поведеніемъ ихъ». (Второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій, т. II, кн. 2, стр. 279). По другимъ постановленіямъ, помѣщикъ или начальникъ общества получаетъ *право наказывать* крестьянъ, по собственному своему распоряженію, розгами до 20 ударовъ, арестомъ до 3 дней или штрафомъ до 3 р.; также представляется ему, безъ согласія общества, но съ утвержденія мѣстнаго уѣзднаго присутствія, представлять нѣкоторыхъ порочныхъ и провинившихся крестьянъ въ распоряженіе правительства, *для ссылки въ Сибирь*; по дѣламъ благосостоянія и благоустройства, въ случаяхъ *непониманія* крестьянами пользы какого-либо учрежденія, начальникъ общества можетъ распоряжаться *самъ, безъ согласія общества*. Сельская управа и мірской староста состоятъ *подъ руководствомъ, надзоромъ и повѣркою* начальника общества. Ему подчиняюся *всѣ* должностныя лица. Въ случаѣ же «превратныхъ дѣйствій» ихъ или явной неспособности, помѣщикъ *удаляетъ* ихъ самъ, безъ согласія общества. Начальникъ общества *утверждаетъ всѣ приговоры мірского схода* и сельской управы. Онъ же даетъ разрѣшеніе и на созывъ мірскихъ

сходовъ. Затѣмъ, начальнику общества присвоивается власть *судебная, полицейская* и т. п. И все это присвоивается ему съ правомъ *передачи*, на основаніи довѣренности...

Подкрѣплять какими-либо особыми соображеніями всѣ эти и тому подобныя предложенія—не приходилось. Программа служила достаточнымъ основаніемъ. Вотъ, однако, нѣкоторыя любопытныя соображенія, приводившіяся въ пользу такого расширенія помѣщичьяго вліянія на освобожденныхъ: «Замкнутое въ свою отдѣльную сферу, сельское общество, безъ участія образованнаго сословія,—разсуждалъ вятскій комитетъ (т. II, кн. 2, стр. 303)—дойдетъ-ли до убѣжденія въ необходимости учрежденія учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, сбережется-ли отъ развитія въ средѣ своей безнравственныхъ началъ, будетъ-ли, наконецъ, надежнымъ исполнителемъ правительственныхъ требованій»? Большинство витебскаго комитета также находило, что «помѣщики, составляя высшее и образованнѣйшее сословіе въ государствѣ и, какъ владѣльцы земли, имѣя близкія къ поселеннымъ на ней крестьянамъ отношенія, съ успѣхомъ могутъ направлять новообразующееся свободное сословіе къ познанію священныхъ обязанностей гражданина,—къ исполненію закона» (тамъ-же, стр. 300). Петербургскій комитетъ, въ свою очередь, разсудилъ, что,—«оставляя за помѣщиками право наблюденія надъ судами и расправою въ крестьянскихъ обществахъ, представляется возможность, безъ отступленія отъ общихъ нынѣ существующихъ административныхъ началъ, устроить внутреннее крестьянское управленіе *совершенно просто*, положивъ въ основаніи онаго *не только законъ письменный, но и мѣстные обычаи*» (очевидно, обычаи крѣпостнаго состоянія). Главнымъ образомъ указывалось, впрочемъ, на надѣленіе землею и на вытекающую отсюда якобы необходимость предоставленія помѣщику широкихъ правъ и вліянія, какъ землевладѣльцу.

Къ чести русскаго дворянства, нашлись въ средѣ губернскихъ комитетовъ и люди болѣе искренніе. Видя необходимость и неизбѣжность освобожденія крестьянъ, они не пожелали выговаривавшихся большинствомъ уступокъ, возмѣщеній и наградъ. Эти немногіе представители русскаго дворянства посмотрѣли факту прямо въ глаза и не почли удобнымъ обманывать себя, крестьянъ и верховную власть. Зато, идя противъ программы, они должны были противопоставить ей болѣе подробныя соображенія, не утратившія своего значенія

и понынѣ и допускающія до извѣстной степени примѣненіе, напримѣръ, къ реформѣ 12 іюля 1889 г. Имъ пришлось посчитаться съ этою программою и высказать весьма много безспорныхъ общихъ доводовъ (нѣсколько отступая иногда отъ нихъ въ подробностяхъ),— не оставшихся безъ нѣкотораго вліянія на ходъ дѣла, но и не поборовшихъ вполнѣ крѣпостническія стремленія...

Харьковскій комитетъ призналъ неудобнымъ присвоивать помѣщикамъ званіе начальниковъ обществъ, потому, между прочимъ, что это званіе послужило бы помѣщикамъ новымъ поводомъ къ продолженію, хотя въ другой формѣ, *прежняго произвола* (тамъ же, стр. 302).—Меньшинство нижегородскаго комитета нашло, что, при новомъ положеніи крестьянъ, на помѣщиковъ не можетъ и не должна быть возлагаема исполнительная и административная власть въ сельскихъ обществахъ, потому что *крестьяне и помѣщики будутъ составлять двѣ коммерчески-условливающіяся между собою стороны, и было бы несправедливо отдать одну изъ нихъ подъ прямое полицейское управленіе другой.* Крестьяне должны управляться сами собою, міромъ. Цѣль переходнаго состоянія—«воспитаніе народа къ нравственному и сознательному пользованію гражданскими правами, къ чему, конечно, не приготовитъ его гнетъ постоянной опеки землевладѣльца» (стр. 296—297). — Меньшинство новгородскаго комитета также объясняло, что «устраненіе помѣщика отъ всякаго участія въ управленіи крестьянами, водворенными на его земляхъ, необходимо для обезпеченія крестьянамъ прочнаго и справедливаго управленія, независящаго отъ случая, какъ это неминуемо должно быть, если съ правомъ на владѣніе землею, получаемымъ не по личнымъ достоинствамъ, будетъ соединена начальственная власть, которая *въ благоустроенномъ государствѣ должна поручаться только людямъ, заслуживающимъ общественное довѣріе*» (стр. 304). — Меньшинство рязанскаго комитета выразило, что «власть помѣщика, которая была до сихъ поръ почти не ограничена и основывалась на произволѣ, невозможно преобразовать, и она будетъ постоянно, по старой памяти, *преступать законъ и возвращаться къ старымъ началамъ*» (стр. 306).

Нѣкоторые представители мѣстной административной власти отнеслись также отрицательно къ указаніямъ программы и соотвѣтствующимъ постановленіямъ комитетовъ.

Петербургскій военный генералъ-губернаторъ (Игнатьевъ) почелъ

«однимъ изъ главныхъ препятствій къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ предоставленное помѣщику права вмѣшательства не только по сельскому благоустройству, но и во внутреннее мірское управленіе. Это вмѣшательство, въ случаѣ несогласныхъ отношеній между помѣщикомъ и мірскимъ обществомъ, послужитъ — выразился онъ — источникомъ неудовольствій и безпорядковъ» (стр. 307). — Начальникъ Казанской губерніи прямо замѣтилъ, что «въ основаніи главы IX программы лежитъ *прежнее крѣпостное право*» (часть V Матеріаловъ, дополн. докладъ административнаго отдѣленія, стр. 51).

И высшее правительство вскорѣ замѣтило, какое значеніе получала глава IX. Въ высочайше одобренныхъ 4 декабря 1858 г. по журналу главнаго комитета основаніяхъ для руководства при разсмотрѣніи проектовъ и положеній губернскихъ комитетовъ было даже выражено: «Обратить вниманіе на IX главу программы, сообразивъ: можетъ ли глава сія оставаться въ прежней силѣ или слѣдуетъ ее измѣнить?» Здѣсь же, одновременно, какъ бы вмѣсто этой главы, постановлялось: «Власть надъ личностью крестьянина, по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества, сосредоточивается *въ мірѣ и его избранныхъ*. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей».

Безъ этого уже законодательнаго акта оказались бы въ большомъ затрудненіи редакціонныя коммисіи. Глава IX имѣла для нихъ болѣе обязательное значеніе, чѣмъ для губернскихъ комитетовъ. Онѣ должны были руководствоваться ею при формулировкѣ постановленій этихъ комитетовъ и отвергать несогласныя съ нею начала. Слѣдовательно, имъ пришлось бы прямо отвергнуть и соображенія меньшинства, противопоставленныя означенной главѣ. Между тѣмъ, и для членовъ редакціонныхъ коммисій, въ особенности по ознакомленіи съ возраженіями, должна была сама собою представиться необходимость согласованія столь противорѣчивыхъ началъ главы второй и девятой одной и той же программы.

Въ докладѣ своемъ отъ 25 августа 1859 г., административное отдѣленіе и высказало мнѣніе *о необходимости дать иной видъ постановленіямъ IX главы* (тамъ же, стр. 322 и слѣд.):

«Не говоря о томъ,— разсуждало отдѣленіе, — что прекращеніе личнаго крѣпостного права само собой отстраняетъ всякія постановленія, носящія характеръ *прошедшаго*, должно еще обратить особенное вниманіе на то, что право имѣть сельскихъ начальниковъ по

выбору—не можетъ не быть предоставлено крестьянскимъ обществамъ наравнѣ съ прочими свободными сословіями въ государствѣ. Слѣдственно, рядомъ съ административною и полицейскою властью, вручаемою сходамъ, волостному и мірскому, старостамъ и старшинамъ, нельзя ставить другой власти, основанной на случайныхъ переходахъ собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія... Трудно представить себѣ общество крестьянъ, устроенное на началахъ самоуправленія, въ которомъ начальническое званіе и право вмѣшательства въ общественныя дѣла были бы оставлены за помѣщикомъ. Какое столкновеніе различныхъ несовмѣстныхъ одинъ съ другимъ интересовъ! Какое колебаніе въ самобытности и жизни мірскихъ учрежденій, чисто зависящее отъ *нрава* помѣщика, отъ его болѣе или менѣе частаго пребыванія въ имѣніи и отъ неизбѣжнаго вліянія на подчиненнаго ему старосту! И затѣмъ, какія же послѣдствія, какъ не *безусловное преобладаніе одного сословія надъ другимъ* и стремленіе другого добыть права, которыхъ оно ожидаетъ, въ завершеніе началъ самоуправленія, даруемыхъ ему нынѣшнимъ преобразованіемъ? Не будетъ ли это повтореніемъ большей части явленій *истекающаго крѣпостного права?* Искусственно придавать одинаковое значеніе всѣмъ членамъ помѣщичьяго сословія, безъ всякаго различія, значило бы предполагать въ каждомъ непремѣнность извѣстныхъ нравственныхъ началъ, а во всѣхъ однородность общественнаго положенія. Подобной несообразности никакой законъ не въ силахъ придать права гражданства... Это право вмѣшательства не скоро могло бы потерять характеръ *произвола*, съ которымъ оно срослось, послѣ долгаго навыка. *Власть помѣщичью, сложившуюся вѣками, трудно, почти невозможно преобразовать однимъ почеркомъ пера; она невольно, силою человѣческой натуры и по старой памяти, будетъ переступать постановленные предѣлы и возвращаться къ прежнимъ началамъ.* Съ другой стороны, крестьянину нелегко было бы понять различіе между бывшимъ полновластіемъ помѣщика и званіемъ начальника, присвояемымъ сему послѣднему закономъ. Онъ продолжалъ бы видѣть въ помѣщикѣ того же барина и, не чувствуя приращенія личныхъ правъ, при самомъ началѣ реформы ощутилъ бы разочарованіе, отъ котораго всего шагъ до потери довѣрія»...

«Всякое коренное преобразованіе—оканчивало отдѣленіе свои заключенія—упрочивается не иначе какъ подъ условіемъ точнаго опредѣ-

ленія *закономъ* и яснаго *сознанія* каждымъ сословіемъ даруемыхъ правъ. Изъ этого сознанія проистекаетъ правильность въ пользованіи этими правами, слагающаяся изъ привязанности къ своимъ и уваженія къ чужимъ правамъ. Но здѣсь, необходимое условіе—взаимность. Къ полному уваженію правъ помѣщичьей собственности не поведетъ крестьянъ прививка къ началамъ самоуправленія вліянія прежней власти».

Но послѣ столь основательныхъ сужденій, — подъ видимымъ вліяніемъ, хотя-бы то смягченной главы, IX программы и подъ давленіемъ извѣстнаго враждебнаго хора, административное отдѣленіе, признавъ невозможнымъ предоставленіе помѣщику званія начальника общества и найдя необходимымъ «упрочить за крестьянскими обществами независимое распоряженіе внутренними своими дѣлами, сохранивъ за ними неприкосновеннымъ право имѣть начальниками людей, изъ среды своей избираемыхъ» (стр. 334),— все же, однако, постановило «указать на сохраненіе помѣщикомъ тѣхъ правъ, которыя могутъ служить къ огражденію его *землевладѣльческихъ* интересовъ и споспѣшествовать свободѣ его дѣйствій въ полезномъ для общества направленіи». Особенныя права предложены были приэтомъ владѣльцамъ тѣхъ имѣній, въ которыхъ крестьяне должны были отбывать за землю издѣльную повинность. Затѣмъ, въ то же время, въ противорѣчіе съ самимъ собою, отдѣленіе проектировало и для *всѣхъ* вообще помѣщиковъ тѣ постановленія, которыя составили потомъ въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 г., статьи 148—163, озаглавленныя: «О вотчинной полиціи и попечительствѣ помѣщиковъ въ обществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ».

Это было явное и прямое отступленіе отъ выраженныхъ соображеній. Однако, проявленной умѣренности оказалось недостаточно. Нѣкоторые члены губернскихъ комитетовъ перваго приглашенія, при обсужденіи предположеній административнаго отдѣленія, высказались, правда, что «помѣщикъ не можетъ удержать ни начальства, ни суда надъ сельскимъ обществомъ, иначе прежнія крѣпостныя отношенія, ненавистныя народу и противныя смыслу преобразованія, воскресли бы *и даже еще въ худшемъ видѣ*» (часть XII Матеріаловъ, стр. 3 докладовъ по отзывамъ на работы администр. отдѣленія). Но большинство вовсе не удовольствовалось уступкою. Постановленія отдѣленія по этому предмету подверглись сильнымъ нападеніямъ. Указы-

валось, что эти постановленія не согласуются съ программою. Въ то же время дѣлались разныя клеветническія вылазки и замѣчанія, имѣвшія характеръ доноса... Преувеличивая и извращая предположенія редакціонныхъ коммисій, 36 членовъ втораго приглашенія говорили: «Неоспоримо, что редакціонныя коммисіи имѣли въ особенности въ виду обезпечить освобожденнаго крестьянина отъ предполагаемыхъ притѣсненій со стороны помѣщика. Для этого, хозяйственное отдѣленіе признало нужнымъ лишить сего послѣдняго большей части его поземельной собственности, чтобы обезпечить за крестьянами полную независимость въ земледѣльческомъ отношеніи. Идя далѣе по этому пути, административному отдѣленію оставалось только, въ ожиданіи скораго требованія на вольный трудъ, организовать, подъ именемъ сельскихъ обществъ, какъ бы *постоянную коалицію работниковъ*, и тѣмъ поставить самого землевладѣльца въ прямую зависимость отъ прихоти наемщиковъ...» Съ трудомъ можно вообразить—продолжали они—нынѣшнее крѣпостное населеніе Россіи, раздѣленное на десять тысячъ какихъ-то *республикъ*, съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей *по волѣ народа*, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи, и которое, между тѣмъ, не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право *публичнаго* обвиненія на сходахъ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними *коллективную оппозицію* противъ должностныхъ лицъ» (тамъ же, стр. 7). Здѣсь же дѣлалось нападеніе на устройство государственныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ служило живымъ укоромъ помѣщикамъ и составляло предметъ давнихъ и постоянныхъ завистливыхъ желаній для зависимыхъ крестьянъ. Учрежденія, явившіяся по проектамъ графа Киселева и имъ укрѣпленныя за двадцатилѣтнимъ почти управленіемъ дѣлами министерства государственныхъ имуществъ, назывались «неудачнымъ созданіемъ». «Оно представляетъ—говорили упомянутые члены—самый яркій примѣръ противорѣчія между печатнымъ закономъ и дѣйствительностью, и можно сказать,—не стѣсняясь нимало продолжали они—что это обстоятельство *содѣйствовало даже*, въ послѣдніе два года, *къ поддержанію порядка и тишины въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, вслѣдствіе общаго опасенія крестьянъ подвергнуться такому же благоустроенію*, какимъ пользуются ихъ сосѣди, — государственные

крестьяне» (тамъ же, стр. 7). Въ заключеніе, 36 членовъ втораго приглашенія предлагали, чтобы, по крайней мѣрѣ, дворянинъ-собственникъ, имѣніе котораго составляетъ цѣлую волость, былъ признанъ начальникомъ этой волости. Права и обязанности его должны были состоять, между прочимъ, въ надзорѣ за дѣйствіями волостныхъ сходовъ и волостныхъ правленій, съ правомъ останавливать исполненіе ихъ опредѣленій, разрѣшать собраніе чрезвычайныхъ сходовъ, утверждать избраніе должностныхъ лицъ и *вступаться во всѣ дѣла общей* полиціи, когда онъ, начальникъ-помѣщикъ, сочтетъ нужнымъ взять это на свою отвѣтственность... (тамъ же, стр. 8). Упоминаемые 36 членовъ губернскихъ комитетовъ были наиболѣе яркими выразителями помѣщичьихъ притязаній въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, и, къ сожалѣнію, нѣкоторыя предположенія ихъ осуществились вполнѣ...

X.

Общій характеръ освобожденія.

Законоположенія 19 февраля 1861 г., освободивъ крѣпостныхъ крестьянъ, не дали имъ прочнаго юридическаго положенія.—Особая тяжесть положенія освобожденныхъ крестьянъ въ первые два года.—Добровольные договоры о землѣ, заключавшіеся при подчиненіи одной договаривавшейся стороны другой.—Помѣщики—начальники обществъ освобожденныхъ крестьянъ.

«Коммисіи работали при довольно трудныхъ обстоятельствахъ—говоритъ проф. Градовскій («Начала русск. госуд. права», т. I, стр. 268). Кромѣ объема и сложности своей задачи, имъ приходилось преодолѣвать много внѣшнихъ препятствій, отражать разныя интриги, иногда хитро и искусно направленныя».

При такихъ-то условіяхъ, создавались всѣ частности реформы. Они отразились на всѣхъ переходныхъ законоположеніяхъ 19 февраля. Такимъ-то образомъ создался и главнѣйшій недостатокъ этого законодательства, заключающійся въ томъ, что крѣпостнымъ крестьянамъ, дотолѣ безправнымъ, жившимъ внѣ закона, и послѣ освобожденія не было дано *прочное юридическое положеніе*. И законоположенія 19 февраля 1861 г. не установили ихъ правъ и обязанностей вполнѣ ясно, твердо и опредѣленно. Крѣпостные крестьяне не подпали и съ этого момента дѣйствію закона и только закона... Наоборотъ, во *всѣхъ* положеніяхъ 19 февраля 1861 г. — и въ

общемъ положеніи, и въ положеніи о выкупѣ, и въ положеніи объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, и въ мѣстныхъ положеніяхъ, и въ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе всѣхъ этихъ положеній,—независимо отъ ихъ неясности, удержались еще *прежнія* начала крестьянскаго безправія, безличности, зависимости, приниженности...

Законоположенія 19 февраля 1861 г. не относятся еще къ бывшему крѣпостному крестьянину, какъ къ вполнѣ свободному человѣку. Въ нихъ еще чувствуется, что онъ вчерашній рабъ, не ставшій сегодня свободнымъ гражданиномъ. Да въ первые два года по обнародованіи ихъ, крѣпостные крестьяне не получили даже и всѣхъ тѣхъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, которыя принесло имъ 19 февраля 1861 года. На приведеніе въ дѣйствіе новыхъ положеній полагалось два года. Съ момента обнародованія законоположеній 19 февраля, прекращалось распоряженіе крестьянами какъ частною собственностью, и крестьяне пріобрѣтали нѣкоторыя личныя и по состоянію права. Но втеченіе двухъ лѣтъ дворовые обязывались еще «платить своимъ владѣльцамъ оброкъ или служить имъ... оставаясь въ *полномъ*, на основаніи законовъ, повиновеніи владѣльцевъ» (ст. 9 полож. объ устр. дворовыхъ людей). Впрочемъ, дворовымъ предоставлялось уже прямо право жаловаться, «въ случаѣ *притѣсненій* со стороны владѣльцевъ» (ст. 17). Затѣмъ, если жалоба оказывалась справедливою, помѣщикъ же отказывался выдать жалующемуся присужденное мировымъ посредникомъ удовлетвореніе, а также, «если изслѣдованіе обнаружитъ *важное злоупотребленіе* въ обращеніи владѣльца съ дворовыми людьми», — то они освобождались отъ обязательныхъ отношеній къ нему и до истеченія двухъ лѣтъ. Приэтомъ не указывалось, что же еще возникало для помѣщика въ случаѣ «важнаго злоупотребленія»? Очевидно, онъ оставался безнаказаннымъ. Значитъ, и личность дворовaго была неполна, не ограждалась закономъ, какъ личность свободнаго человѣка; нарушеніе, быть можетъ, и весьма важныхъ правъ ея не разсматривалось какъ преступленіе. Помѣщикъ только устранялся отъ дальнѣйшаго, уже несовмѣстнаго съ объявленнымъ освобожденіемъ, вліянія на него. Затѣмъ, въ отношеніе прочихъ крестьянъ, сверхъ правъ вотчинной полиціи, до учрежденія волостей, помѣщику предоставлялось, «въ предѣлахъ той власти, какая предоставляется по Общему Положенію о крест. (ст. 96—102) волостному суду, разби-

рать и судить взаимные *споры и иски* водворенныхъ на его землѣ крестьянъ, и подвергать ихъ *взысканіямъ и наказаніямъ*, съ тѣмъ чтобы наказаніямъ *тѣлеснымъ* они были подвергаемы не иначе, какъ черезъ полицію» (ст. 14 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ). Здѣсь же, въ ст. 18, постановлялось: «воспрещается подавать жалобы на помѣщиковъ по такимъ дѣламъ и распоряженіямъ, кои совершились въ прежнее, *до обнародованія* положеній о крестьянахъ время, въ силу существовавшаго крѣпостного права». А въ ст. 58 то же самое повторялось въ выраженіяхъ еще менѣе опредѣленныхъ: «посредникамъ воспрещается принимать къ своему разсмотрѣнію *или даже допускать* крестьянъ до представленія ими жалобъ на владѣльца или его уполномоченнаго за прежнее, *до обнародованія* положеній, время».

Вообще,—говорилось въ манифестѣ объ освобожденіи — втеченіе 2 лѣтъ «крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ *прежнемъ повиновеніи* помѣщикамъ и *безпрекословно* исполнять *прежнія* ихъ обязанности».

И вотъ, именно почти при прежнихъ отношеніяхъ, въ первые два года, подлежали составленію уставныя грамоты. Въ послѣднихъ-же должны были опредѣляться будущія права и обязанности между помѣщиками и крестьянами въ отношеніе принятія послѣдними *обязательныхъ* надѣловъ земли,—на основаніи преимущественно *добровольныхъ* соглашеній сторонъ. Но стороны, какъ видно, находились далеко не въ одинаковомъ положеніи. Одна была свободна и властвовала. Другая оставалась еще въ зависимости отъ первой...

Наконецъ, и по истеченіи двухгодичнаго срока, для крестьянъ наступали *временно-обязанныя* отношенія, коренившіяся въ томъ, что 19 февраля 1861 г. въ Россіи было произведено такъ называемое освобожденіе крестьянъ *съ землею*. Помѣщикъ получалъ право вотчинной полиціи надъ крестьянами. Ему подчинялся сельскій староста. Онъ могъ требовать смѣны выборныхъ должностныхъ лицъ въ случаѣ неисправнаго исполненія обязанностей. На крестьянъ налагались нѣкоторыя личныя по отношенію къ помѣщику обязанности. Ему сообщались приговоры сельскаго схода съ правомъ пріостановленія исполненія ихъ. Онъ могъ требовать исключенія изъ общества вреднаго, по его мнѣнію, крестьянина и передачи его въ распоряженіе правительства. Наконецъ, всѣ эти права, и въ цѣломъ и въ части, помѣщикъ могъ *передавать* другимъ лицамъ, по до-

вѣренности. Словомъ, помѣщикъ все же былъ сдѣланъ «начальникомъ» общества, несмотря на то, что это противорѣчило самому существу реформы и что противъ этого были представлены весьма основательныя и энергическія возраженія.

XI.

Первоначальныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Основныя начала, преподанныя первоначально для устройства учрежденій по завѣдыванію дѣлами освобожденныхъ крестьянъ.—Своеобразное примѣненіе этихъ началъ.—Мировые посредники, и ихъ права.—Уѣздные съѣзды мировыхъ посредниковъ и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.—Характеръ мѣстныхъ учрежденій по дѣламъ освобожденныхъ крестьянъ.—Ограниченія права жалобы на дѣйствія этихъ учрежденій.—Государственная власть—въ сторонѣ.

Весьма большое и неблагопріятное значеніе для осуществленія реформы и для новой жизни, открывшейся передъ освобожденнымъ крестьянствомъ,—получило вскорѣ-же признанное неудовлетворительнымъ устройство мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

Въ виду освобожденія, по части будущаго устройства общей уѣздной полиціи и учрежденій для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, въ руководство составителямъ соотвѣтствующихъ законоположеній, были высочайше утверждены первоначально — 25 марта 1859 г. — слѣдующія *главныя начала:* 1) власть судебная должна быть отдѣлена отъ власти исполнительной, съ ограниченіемъ послѣдней исключительно полицейскими обязанностями; 2) для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, учреждаются *мировые судьи* и *уѣздныя расправы;* 3) въ должность мировыхъ судей могутъ быть избираемы только мѣстные потомственные дворяне-помѣщики, владѣльцы недвижимыхъ имѣній; 4) списки кандидатовъ, составленные уѣздными предводителями дворянства и провѣренные дворянскими собраніями,—доставляются *выборщикамъ изъ крестьянъ*, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости; 5) собранія крестьянскихъ выборщиковъ составляются по примѣненію къ нынѣ дѣйствующимъ законамъ о составѣ волостного и сельскаго сходовъ государственныхъ крестьянъ; 6) выборщики изъ крестьянъ избираютъ, въ каж-

домъ участкѣ особо, изъ предъявленнаго имъ списка дворянъ, мирового судью и одного къ нему кандидата, которые утверждаются въ ихъ званіяхъ начальникомъ губерніи; 7) *уѣздная* расправа состоитъ изъ предсѣдателя и двухъ засѣдателей, — одного отъ дворянъ, другого отъ крестьянъ; 8) въ предсѣдатели уѣздной расправы назначается начальникомъ губерніи одинъ изъ избранныхъ въ мировые судьи, получающій званіе уѣзднаго мирового судьи; 9) крестьянскій засѣдатель уѣздной расправы избирается на уѣздномъ собраніи *крестьянскихъ выборщиковъ*.

Начала эти должны были лечь въ основаніе проектовъ законоположеній, которыя поручалось составить министерству внутреннихъ дѣлъ. Приэтомъ положенія о мировыхъ судьяхъ и уѣздныхъ расправахъ подлежали передачѣ на обсужденіе губернскихъ комитетовъ, предварительно внесенія въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу (Сборникъ за 1857—1875 гг., стр. 33).

Безъ сомнѣнія, невозможно было признать желательнымъ это предпочтеніе для должностей мировыхъ судей именно дворянъ и притомъ мѣстныхъ помѣщиковъ, хотя-бы то избираемыхъ и крестьянами. Крестьяне только еще выходили изъ подъ зависимости отъ нихъ. Въ то же время главнѣйшее назначеніе предполагавшихся учрежденій состояло въ установленіи отношеній между крестьянами и помѣщиками *по землѣ*, какъ между землевладѣльцами и арендаторами (обязательными). Помѣщикамъ въ значительной мѣрѣ предоставлялось, такимъ образомъ, устраивать дѣла, въ которыхъ они были весьма существенно заинтересованы. Не вполнѣ естественное положеніе, возникавшее изъ предположенной *обязанности* брать землю, съ одной стороны, и давать ее, съ другой,—должно было, такимъ образомъ, усугубляться еще болѣе. Тутъ, очевидно, нужна была съ особымъ стараніемъ организованная совершенно *независимая* власть, *вполнѣ удаленная отъ мѣстныхъ вліяній*, связей и интересовъ, поставленная въ *строгіе* и *точные предѣлы дѣятельности*, согласно Основнымъ Законамъ.

Но и съ этими слишкомъ умѣренными началами произошло слѣдующее:

Въ нѣсколько своеобразное исполненіе постановленія 25 марта 1859 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ, при циркулярѣ отъ 16-го мая 1859 г. за № 84, были разосланы начальникамъ губерній означенныя главныя начала не только касательно мировыхъ судей

и уѣздныхъ расправъ, но также касательно полиціи, причемъ начала эти оказались изложенными съ большой свободой и въ видѣ болѣе подробнаго проекта устройства еще и губернской расправы для *окончательнаго* разбора дѣлъ по недоумѣніямъ между помѣщиками и крестьянами. Согласно *этимъ* «главнымъ началамъ», мировые судьи подлежали уже избранію прямо *однимъ помѣщиками* даннаго уѣзда, но одинъ изъ засѣдателей уѣздной расправы долженъ былъ избираться крестьянами и имъ могло быть лицо «изъ какого бы то ни было сословія»; лицамъ этимъ вручалась власть *смѣшанная;* въ проектѣ касательно уѣздной полиціи также не упоминалось уже о необходимости отдѣленія власти судебной отъ исполнительной (тамъ же, стр. 86).

Непонятно, откуда возникли подобныя явныя отступленія отъ утвержденныхъ верховною властью главныхъ началъ 25 марта 1859 г. Вообще же, въ концѣ концовъ, въ еще большее отступленіе отъ означенныхъ началъ, и сліянія элемента крестьянскаго и помѣщичьяго даже въ указанномъ смыслѣ *не заключало* въ себѣ Положеніе о губ. и уѣзд. по крест. дѣл. учр. 19 февраля 1861 г. На первые три года, назначеніе мировыхъ посредниковъ (какъ названы были первоначально предположенные мировые судьи) предоставлено было губернаторамъ, *по совѣщаніи* съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства,—изъ числа *мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ-помѣщиковъ.* Въ списки кандидатовъ вносились: 1) лица, владѣющія 500 дес. земли, въ каковомъ случаѣ отъ нихъ не требовалось *никакого* образовательнаго ценза; 2) лица, окончившія курсъ съ правомъ на чинъ XII класса въ учеб. заведеніяхъ, если они имѣютъ также не менѣе 150 дес., и 3) лица, имѣющія вообще право избирательнаго голоса въ дворянскихъ собраніяхъ. Въ случаѣ недостатка дворянъ потомственныхъ, въ названные списки могли быть вносимы и личные дворяне, но отъ нихъ требовалось владѣніе землею въ *двойномъ* количествѣ противъ указаннаго выше.

Предметы вѣдомства и власть назначенныхъ въ этомъ порядкѣ посредниковъ были весьма обширны.

На нихъ возлагалось—*по спорамъ, жалобамъ* и *недоразумѣніямъ*—разсмотрѣніе и разрѣшеніе: исковъ, споровъ и жалобъ, возникающихъ изъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; жалобъ помѣщика на дѣйствія мѣстъ и лицъ крестьянскаго управленія, въ случаѣ нарушенія правъ помѣщика или допу-

щенія сельскимъ старостою безпорядковъ въ исполненіи полицейскихъ обязанностей; жалобъ крестьянъ на помѣщика; жалобъ постороннихъ лицъ и вѣдомствъ на крестьянъ и ихъ общества; жалобъ на дѣйствія сельскихъ должностныхъ лицъ.

Далѣе, къ такъ называемымъ *распорядительнымъ* дѣйствіямъ мировыхъ посредниковъ относились: дѣла по составленію уставныхъ грамотъ и вообще поземельное устройство крестьянъ, пріобрѣтеніе земли въ собственность и пользованіе и установленіе за то повинностей.

Въ то же время посредникамъ предоставлялись: *утвержденіе* волостного старшины въ должности и вообще дѣла по избранію должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія; дѣла по взысканію съ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленій, вслѣдствіе жалобъ на нихъ и вообще нарушенія ими своихъ обязанностей; дѣла по удаленію крестьянъ изъ общества мірскими приговорами, и т. д. Приэтомъ мировой посредникъ могъ: виновныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія за маловажные проступки по должности присуждать къ замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до 5 руб. и аресту до 7 дней; сельскаго старосту и помощниковъ волостного старшины присуждать къ *временному удаленію* или же *окончательному отрѣшенію* отъ должности, волостного старшину къ *временному удаленію*, а съ утвержденія начальника губерніи, и къ окончательному отрѣшенію; въ обществахъ неисправныхъ передъ помѣщикомъ—*смѣнять* должностныхъ лицъ и *назначать другихъ*, по своему усмотрѣнію, и т. д.

На мирового посредника возлагались также дѣла по *судебно-полицейскому* разбирательству, а именно: дѣла по найму землевладѣльцами людей въ услуженіе, по отдачѣ въ наемъ земель, по потравамъ и порубкамъ. Рѣшая окончательно такія дѣла до 30 р., мировой посредникъ могъ лицъ всѣхъ сословій присуждать къ имущественному вознагражденію ущербовъ или къ денежному штрафу до 5 руб., лицъ же податного сословія—къ общественнымъ работамъ до 6 дней или аресту до 7 дней, и даже къ наказанію *розгами* до 20 ударовъ.

Наконецъ, мировой посредникъ являлся нотаріусомъ для крестьянъ и помѣщиковъ,—свидѣтельствуя ихъ соглашенія въ отношеніи земли.

Что же касается до порядка дѣйствій въ предѣлахъ столь ши-

рокихъ правъ, то въ этомъ отношеніи посредникъ былъ освобожденъ отъ многихъ формъ и обрядовъ, признававшихся *и тогда* необходимыми для огражденія личныхъ и имущественныхъ интересовъ гражданъ въ судебныхъ установленіяхъ. Между прочимъ, онъ могъ быть отводимъ отъ разсмотрѣнія *только* такихъ дѣлъ, къ которымъ былъ прикосновененъ лично и которыя касались имѣній его родственниковъ и свойственниковъ всего до *второй* степени включительно. А какъ мѣстный помѣщикъ, онъ имѣлъ весьма многочисленныя и тѣсныя связи въ своемъ участкѣ. Безпристрастіе его подвергалось весьма частому испытанію.

Правила дѣятельности посредника обозначались вообще кратко. Они заключались всего въ 60 статьяхъ. Основанія для рѣшеній были указаны довольно ограниченныя: законоположенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 года и *мѣстные обычаи*, если послѣдніе не противорѣчили указаннымъ и общимъ законамъ. Какіе могли тутъ разумѣться иные обычаи, *кромѣ обычаевъ, образовавшихся при существованіи крѣпостныхъ отношеній?* А такъ какъ положенія 19 февраля во многихъ частностяхъ не отрѣшались отъ прежняго порядка, то слѣдовательно, *и противорѣчія между новыми законами и старыми обычаями не всегда могли быть легко уловлены.* Это оставалось на усмотрѣніи посредника. Съ тѣмъ вмѣстѣ не устанавливалось никакого способа удостовѣренія тѣхъ или другихъ обычаевъ. И это зависѣло отъ самого посредника. Между тѣмъ, при всѣхъ указанныхъ краткихъ условіяхъ дѣятельности, рѣшенія мирового посредника были *окончательными* по нѣкоторымъ дѣламъ. А выраженіе это, понимаясь въ прежнемъ смыслѣ окончательныхъ, то есть, *неподлежащихъ никакому обжалованію*, постановленій помѣщика по дѣламъ гражданскимъ и проступкамъ крѣпостныхъ крестьянъ, *могло казаться исключающимъ* эти дѣла отъ дѣйствія ст. 127 полож. объ учр., предоставлявшей обжалованіе постановленій мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ *по всѣмъ родамъ дѣлъ* въ губернское по крест. дѣламъ присутствіе, «въ случаѣ превышенія власти или несоблюденія ими предписаннаго порядка и установленныхъ правилъ». Но быть можетъ, и самъ законъ исключалъ окончательныя постановленія мировыхъ посредниковъ отъ дѣйствія ст. 127? Это могло казаться тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что такія постановленія подлежали немедленному исполненію, а понятіе о возможности обжалованія и окончательныхъ рѣшеній въ особомъ

(кассаціонномъ) порядкѣ стало развиваться уже по образованіи новыхъ судовъ 1864 г., получая постепенно примѣненіе, больше само собою, силою необходимости, и къ крестьянскимъ дѣламъ. Во всякомъ случаѣ широко было первоначально пониманіе окончательныхъ постановленій посредниковъ въ смыслѣ отсутствія права обжалованія ихъ куда либо и по какимъ либо поводамъ. Но и вообще поводы къ обжалованію могли быть находимы съ большимъ трудомъ, благодаря краткости, неясности и противорѣчивости многихъ статей положеній 19 февраля.

Вторую инстанцію для крестьянскихъ дѣлъ (очевидно, вмѣсто первоначально предположенныхъ уѣздныхъ расправъ) образовали уѣздные мировые съѣзды, составлявшіеся изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ и членовъ отъ правительства, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Но членовъ отъ правительства назначалось *всего* отъ 2 до 4 на цѣлую губернію. Каждый изъ нихъ долженъ былъ участвовать въ нѣсколькихъ съѣздахъ. Не указывалось при этомъ приспособленіе сроковъ засѣданій къ возможности такого участія. Члены отъ правительства должны были находиться въ постоянныхъ и весьма дальнихъ разъѣздахъ и едвали могли быть аккуратными въ исполненіи своихъ обязанностей. Оттого, съ одной стороны, дѣятельность съѣздовъ происходила большею частію самостоятельно, безъ участія члена отъ правительства, которому принадлежало бы *наиболѣе спокойное и безпристрастное* отношеніе къ дѣламъ; съ другой же стороны, отсюда возникали задержки въ засѣданіяхъ, за неприбытіемъ наименьшаго числа членовъ,—трехъ изъ входившихъ вообще въ составъ съѣзда.

Мировымъ съѣздамъ предоставлялся, во-первыхъ, разборъ и разрѣшеніе жалобъ на неокончательныя постановленія мировыхъ посредниковъ и жалобъ на дѣйствія волостныхъ должностныхъ лицъ; во-вторыхъ, имъ принадлежали разныя распорядительныя дѣйствія,—преимущественно по поземельному устройству крестьянъ, по составленію уставныхъ грамотъ, опредѣленію повинностей и т. д.

Правила дѣятельности предписывались съѣзду тѣ же, что и посреднику, но съ значительными сокращеніями. Въ ст. 117 дѣлались только *простыя ссылки* на предшествовавшія статьи, которыми опредѣлялась дѣятельность посредниковъ, — власти единоличной. Къ цѣлому ряду этихъ статей предписывалось съѣзду — установленію коллегіальному — только *примѣняться*. Соображать, какой именно

порядокъ и правила были обязательны для съѣзда, представлялось довольно затруднительнымъ. Между тѣмъ, и рѣшенія съѣзда, по большей части дѣлъ, могли быть обжалуемы въ губернское присутствіе на основаніи той же ст. 127, то есть, въ случаѣ *превышенія власти или нарушенія установленныхъ правилъ*.

При такихъ условіяхъ, и во второй инстанціи, самые существенные интересы крестьянъ, ихъ обществъ и управленія обезпечивались, слѣдовательно, не болѣе, чѣмъ въ первой.

Наконецъ, въ каждой губерніи было образовано губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора и четырехъ членовъ отъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Губернскому присутствію принадлежали слѣдующія права: разборъ жалобъ на мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣзды; разсмотрѣніе и утвержденіе представляемыхъ мировымъ посредникомъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами объ уменьшеніи надѣла; «установленіе всѣхъ *подробностей*, относящихся до приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ», и разныя другія такъ называемыя *распорядительныя* дѣйствія.

Затѣмъ, и въ отношеніи губернскихъ присутствій устанавливался названный послѣ, на практикѣ, кассаціоннымъ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ. Только по дѣламъ распорядительнымъ или утверждалось сдѣланное посредникомъ или съѣздомъ постановленіе, или дѣлалось новое самимъ губернскимъ присутствіемъ. Жалобы же на мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣзды по прочимъ дѣламъ оканчивались здѣсь утвержденіемъ или отмѣною обжалованнаго постановленія, съ предоставленіемъ въ послѣднемъ случаѣ сдѣлать новое постановленіе или *тому же* мировому посреднику, или другому, или мировому съѣзду; въ отношеніе рѣшенія съѣзда также—или *тому же* съѣзду, или другому. Никакихъ основаній для того или другого распоряженія приэтомъ присутствію не указывалось. Оно дѣйствовало тутъ единственно по своему усмотрѣнію.

Указанными односложными правилами ограничивались опредѣленія закона относительно условій дѣятельности губернскихъ присутствій. Были-ли для нихъ обязательны общеустановленныя для коллегіальныхъ учрежденій въ томѣ II, ч. I, общемъ губернскомъ учрежденіи,—условія и порядокъ разрѣшенія дѣлъ и объявленія по-

становленій, обезпечивавшія правильность ихъ дѣйствій? И это не было прямо указано.

При всѣхъ такихъ условіяхъ, теченіе крестьянскихъ дѣлъ *начиналось и оканчивалось* въ мѣстныхъ дворянскихъ учрежденіяхъ. Ни сената, ни какого-либо иного высшаго мѣста, въ отступленіе отъ Основныхъ Законовъ, для разрѣшенія этихъ дѣлъ,—первоначально не было указано. Мѣстнымъ учрежденіямъ этимъ предоставлялось самостоятельное устройство освобожденныхъ крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ,—а *государственная власть оставалась въ сторонѣ*...

Власть государственная была или *считала себя* на столько въ сторонѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, въ циркулярѣ своемъ отъ 2 мая 1862 г. губернаторамъ, предполагавшимъ сдѣлать объѣздъ волостей, въ цѣляхъ наблюденія за примѣненіемъ реформы, высказывая въ руководство свои соображенія и выясняя немногія требованія *закона*, чтобы засѣданія уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ «производились съ полнымъ соблюденіемъ порядка, указаннаго положеніемъ о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ», предлагаетъ губернаторамъ *только* слѣдующее, въ случаѣ отступленій отъ закона: «Вы будете—говоритъ онъ здѣсь—*настоятельно просить* о томъ гг. членовъ мировыхъ съѣздовъ, *если* съѣзды бываютъ рѣже (одного раза въ мѣсяцъ) и *если не всѣ постановленныя правила соблюдаются*». (Сборникъ правит. распоряженій по устр. крестьянъ, съ 1 янв. по 1 іюля 1862 г., изд. земскаго отдѣла, стр. 100). Значитъ, и явныя замѣчаемыя высшею губернскою властью нарушенія вызывали только *просьбы* о ихъ прекращеніи... Каково-же должно было быть положеніе освобождавшихся, но еще не свободныхъ крестьянъ въ такихъ случаяхъ правонарушеній?!.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не осуществилось даже и первоначальное предположеніе объ образованіи мѣстнаго завѣдыванія крестьянскими дѣлами при ближайшемъ участіи самихъ крестьянъ. На началѣ *исключительно помѣстно-дворянскомъ* создались на мѣстахъ для устройства крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ учрежденія съ большою смѣшанною, но не обставленною достаточными законодательными постановленіями властью и съ трудноуловимою юридическою сущностью: *административно-судебно-полицейскія съ политическимъ значеніемъ*. Вообще, и столь умѣренныхъ «главныхъ началъ» 25 марта 1859 г. тутъ было нельзя узнать...

То или иное, положительное или отрицательное, значеніе, которое должны были получить для реформы мировыя посредники,—было очевидно. Это вполнѣ и понимало правительство. Едва-ли, однако, при всѣхъ указанныхъ условіяхъ назначенія и дѣятельности мировыхъ посредниковъ, составъ ихъ сколько-нибудь существенно обезпечивался циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 22 марта 1861 г. (Сборникъ за 1857—1875 гг., изд. Чичинадзе, стр. 162):

«Въ настоящее время,—говорилось здѣсь—успѣхъ избранія мировыхъ посредниковъ составляетъ одну изъ первостепенныхъ заботъ правительства. Отъ удачнаго выбора сихъ лицъ будетъ много зависѣть успѣхъ предпринятаго государственнаго преобразованія, которому, по высочайшей волѣ, выраженной самимъ государемъ императоромъ, должно служить основаніемъ улучшеніе быта крестьянъ, и *улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ*... Каждая ошибка въ этомъ выборѣ будетъ тѣмъ важнѣе, что дѣятельность посредниковъ на мѣстахъ не подлежитъ близкому и постоянному наблюденію губернскаго начальства, и что законъ, облекая посредниковъ обширною властью и полнымъ довѣріемъ, ставитъ ихъ внѣ личной зависимости отъ административныхъ учрежденій. Наконецъ, трудность избранія посредниковъ еще усиливается тѣмъ, что для замѣщенія сихъ должностей потребуется не малое число лицъ... (Поэтому) въ настоящую великую эпоху, столь важную для *всей будущности* нашего отечества, нужно всемѣрно стараться привлечь на открывающіяся вновь должности людей безпристрастныхъ, образованныхъ и *искренно преданныхъ* святому дѣлу, предпринятому всемилостивѣйшимъ нашимъ государемъ... Необходимо пригласить въ посредники лишь такихъ лицъ, какъ изъ числа членовъ бывшихъ губернскихъ комитетовъ, такъ и изъ другихъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, которыя извѣстны *несомнѣннымъ* сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами».

Совершенно очевидно, что *еслибъ* даже губернаторы были вполнѣ свободны въ выборѣ посредниковъ, и то возлагавшаяся на нихъ задача была-бы слишкомъ трудна и даже неразрѣшима. Тѣмъ труднѣе оказалась она при наличныхъ условіяхъ, въ которыя были поставлены губернаторы... Мировые посредники и ихъ дѣятельность, однако, идеализируются. Среди нихъ, дѣйствительно, встрѣчались

люди, преданные дѣлу освобожденія. Но число такихъ людей было весьма невелико. Могло-ли быть иначе?

XII.

Управленіе освобожденныхъ крестьянъ.

Сельскія общества. — Безправность положенія общинъ, не составляющихъ отдѣльныхъ сельскихъ обществъ.—Послѣдствія.—Неосуществившіяся соображенія редакціонныхъ коммисій.—Составъ сходовъ.—Неопредѣленность правъ и обязанностей должностныхъ лицъ.—*Обычаи крѣпостныхъ отношеній.*—Общая шаткость положенія и безправіе освобожденныхъ.

Законоположеніями 19 февраля 1861 г. предоставлялось освобождавшимся крестьянамъ волостное и сельское самоуправленіе. Но послѣднее слово получило тутъ особый, весьма ограниченный смыслъ. Образовывались *сельскія общества* и изъ нихъ—*волости*. Сельское общество составлялось изъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика. Затрудненій не возникало, если такіе крестьяне жили въ одномъ селеніи. Но сельское общество могло составляться также и изъ нѣсколькихъ ближайшихъ между собою поселковъ, «пользующихся всѣми угодьями или нѣкоторыми изъ нихъ сообща, или же имѣющихъ другія общія хозяйственныя нужды». Значитъ, связь такихъ поселковъ между собою могла быть весьма невелика. Между тѣмъ, *только вмѣстѣ* они имѣли значеніе *юридическаго лица*. Юридическаго права рѣшать свои собственныя частныя мірскія дѣла—они не получали. Фактически же постановляемые приговоры отдѣльно по каждому селенію могли быть уничтожаемы, какъ незаконные. Жизнь никакъ не могла войти въ такія рамки. Отдѣльныя поселенія и ихъ юридическая личность никакъ не могли быть сокращены, уничтожены въ самомъ началѣ подобнымъ образомъ. Съ самаго начала и потомъ, все же, происходила юридическая жизнь отдѣльныхъ селеній, не составлявшихъ каждое сельскаго общества. Но положеніе ихъ было крайне шатко и неопредѣленно. Они зависѣли отъ случайностей и терпѣли много невзгодъ и затрудненій... И еще менѣе понятнымъ представляется, какъ могли жить и устраиваться отдѣльныя селенія и сельскія общества по ст. 41 Общ. Пол.: «крестьяне имѣній, въ коихъ числится не болѣе 20 ревизскихъ мужскаго пола душъ,—если крестьяне эти живутъ въ селеніи, принадлежащемъ разнымъ владѣльцамъ, или хотя и въ отдѣльныхъ

разнопомѣстныхъ поселкахъ, но не въ дальнемъ одни отъ другихъ разстояніи,—соединяются въ *одно* сельское общество, либо присоединяются къ другимъ обществамъ, съ согласія сихъ послѣднихъ». Какъ могли сложиться правильныя отношенія между отдѣльными частями такихъ сельскихъ обществъ? Тутъ допускалось соединеніе частей, не имѣвшихъ ничего общаго между собою. И эти части, въ то же время, не имѣли отдѣльно значенія юридическихъ лицъ. Общее Положеніе говорило только о *цѣлыхъ сельскихъ обществахъ*. Какъ могли тутъ собираться сходы? Какъ дѣйствовали, какъ могли приспособляться къ такимъ условіямъ высшей общественной жизни и пользованія публичными правами только что освобожденные и еще невполнѣ лично свободные крестьяне? Такого рода *загадкой* сельское самоуправленіе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ ставилось, на первыхъ же порахъ, въ положеніе безвыходное во многихъ случаяхъ. Тутъ могла оказываться подчасъ безъисходная путаница. Возникали неразъяснимые вопросы... Между тѣмъ, на то же самоуправленіе возлагались задачи, въ высшей степени важныя для освобожденныхъ крестьянъ. Такъ, крестьяне вступали съ помѣщикомъ въ весьма существенные договоры о землѣ, и—всякая путаница въ отношеніи состава и правъ обществъ должна была отражаться на нихъ весьма тяжело. Только въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, гдѣ одни домохозяева отправляли за землю издѣльную повинность, а другіе платили за нее оброкъ,—примѣчаніемъ вторымъ къ ст. 51 предоставлялось тѣмъ и другимъ, независимо отъ общаго сельскаго схода, собираться и на частные сходы, но единственно для обсужденія предметовъ, касающихся *исключительно* до оброка или издѣльной повинности. Постановленія только такихъ частныхъ сходовъ получали юридическое значеніе, а собраніе составлявшихъ ихъ домохозяевъ—являлось юридическимъ лицомъ.

Замѣчательно, что редакціонныя коммисіи вполнѣ понимали различіе между сельскою поземельною общиною и сельскимъ обществомъ, которыя оказались тутъ смѣшанными въ такой полной мѣрѣ. При составленіи Общаго Положенія, административное отдѣленіе прямо ставило такой вопросъ: «Слѣдуетъ ли разграничить кругъ дѣйствій сельскаго общества отъ круга дѣйствій поземельной общины»?—При раздѣленіи крестьянъ на общества по отдѣльнымъ селеніямъ—разсуждало оно—встрѣтятся два случая: либо сельское общество составится изъ нѣсколькихъ поземельныхъ общинъ, либо оно

совпадетъ съ поземельною общиною. «*И въ томъ, и въ другомъ случаѣ*,—находило отдѣленіе—соединеніе въ составляемомъ положеніи сельскаго общества съ поземельною общиною, то есть, *предоставленіе сельскому обществу дѣлъ, связанныхъ съ общиннымъ пользованіемъ землею, представляло бы важныя неудобства*... Перенесеніе на все сельское общество права раздѣла земель, принадлежащихъ въ частности отдѣльнымъ поземельнымъ общинамъ, было бы ничто иное, какъ *уничтоженіе сихъ общинъ*, въ ущербъ матеріальнымъ и нравственнымъ интересамъ многихъ крестьянъ и безъ пріобрѣтенія притомъ какого либо особаго удобства въ административномъ отношеніи». Отдѣленіе признало необходимымъ разграниченіе *даже во второмъ случаѣ*,—то есть, и при совпаденіи сельскаго общества съ поземельною общиною. Вообще, оно рѣшило: «совершенно необходимо *разграничить* въ составляемомъ общемъ положеніи *сколь возможно точнѣе* кругъ дѣйствій сельскаго общества отъ круга дѣйствій поземельной общины» (т. II, кн. 2 Матеріаловъ, стр. 10—13). И тѣмъ не менѣе,—было допущено указанное разрушающее смѣшеніе,—благодаря, надо полагать, силѣ крѣпостническихъ вліяній, усматривавшихъ, какъ мы видѣли, въ сельскихъ обществахъ «республики» и «коалицію работниковъ» противъ землевладѣльца... *) Въ основѣ учрежденнаго самоуправленія лежало представительство крестьянскаго *двора*. Волостной сходъ составлялся изъ выборныхъ отъ каждыхъ десяти дворовъ. Это было всетаки достаточно ясно, хотя понятіе о дворѣ и не представлялось вполнѣ опредѣленнымъ. Но рядъ важнѣйшихъ вопросовъ возникалъ изъ ст. 47 Общ. Пол. Согласно этой статьѣ, въ составъ сельскаго схода входилъ «крестьянинъ-домохозяинъ». *Только* этими двумя словами и опредѣлялось право на участіе въ дѣлахъ сельскаго общественнаго управленія. Кто почитался домохозяиномъ? Могла ли представлять свое хозяйство *женщина?* Статья 47 возбуждала множество сомнѣній и, разрѣшаясь на практикѣ подъ вліяніемъ случайныхъ и произвольныхъ обстоятельствъ и стремленій,—вездѣ вносила уже въ крестьянское самоуправленіе извѣстную шаткость и неопредѣленность. Съ другой стороны, ею — между прочимъ—постановлялось: «съ дворовъ же многотягольныхъ дозволяется присылать на сходъ двухъ или болѣе

*) См. по настоящему вопросу ниже особую статью: *Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія.*

домохозяевъ, если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ». Но какіе могли существовать мѣстные обычаи самоуправленія среди крестьянъ, все управленіе надъ которыми сосредоточивалось въ лицѣ помѣщика и близкихъ ему людей и довѣренныхъ лицъ? Здѣсь открывалось обширное поприще всякому произволу.

Итакъ, составъ сельскаго схода представлялся далеко не опредѣленнымъ. Права и обязанности его также оставались безъ ясныхъ опредѣленій, но означались односложно. Пунктомъ 2 ст. 51, сельскому сходу предоставлялось: «удаленіе изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ его; временное устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ не долѣе какъ на три года». И по этимъ важнѣйшимъ поводамъ законъ не давалъ болѣе никакихъ опредѣленій. Что дѣлало данное лицо вреднымъ и порочнымъ? Что могло подать поводъ ко второму ограниченію въ правахъ состоянія? Вопросы эти оставались безъ всякаго отвѣта, и — тѣмъ открывался широкій путь къ произвольнымъ вліяніямъ, какъ со стороны, такъ и въ средѣ самихъ сельскихъ обществъ. — Примѣчаніемъ къ ст. 21 Общ. Пол., на сельскіе сходы возлагалось, далѣе, попеченіе объ имуществѣ и о личности малолѣтнихъ сиротъ. Приэтомъ постановлялось: «Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями». Но какіе могли образоваться *мѣстные обычаи* относительно имущества малолѣтнихъ сиротъ среди крѣпостныхъ крестьянъ, имущество которыхъ, даже и совершеннолѣтнихъ, строго говоря, не составляло ихъ собственности и не было въ полномъ ихъ распоряженіи? Помѣщикъ могъ отобрать его и отъ своихъ взрослыхъ крестьянъ, не предоставляя приэтомъ противъ себя ни права иска, ни жалобы. Здѣсь царствовалъ полнѣйшій произволъ, недававшій возможности извлечь изъ него какія-либо руководящія начала и правила дѣятельности для освобожденныхъ крестьянъ въ опекунскомъ отношеніи. Далѣе. Пунктомъ 6 ст. 61, сельскому сходу предоставлялись — «дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірскою землею, какъ-то: передѣлъ земель, накладка и скидка тяголъ, окончательный раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные участки *и т. п.*». Но это были *новыя* обязанности и права. Все это прежде производилось помѣщикомъ и его повѣренными. Опредѣленнаго значенія приводимыя выраженія для крестьянъ не имѣли. Права эти естественно должны были быть предоставлены сельскимъ

обществамъ. Но ихъ слѣдовало выяснить, опредѣлить подробнѣе и проще. Отсюда также могли происходить произвольныя дѣйствія.

Согласно пункту 11 статьи 61-ой, на сельскій сходъ возлагалась: «раскладка всѣхъ лежащихъ на крестьянахъ казенныхъ податей, земскихъ и мірскихъ денежныхъ сборовъ, равно какъ земскихъ и мірскихъ натуральныхъ повинностей, и порядокъ веденія счетовъ по означеннымъ податямъ и сборамъ». Никакого опыта не было у крѣпостныхъ крестьянъ и въ этомъ отношеніи до 1861 г. Ст. 282 т. V уст. о подат., изд. 1857 г., постановляла: «Въ деревняхъ помѣщичьихъ внутренняя раскладка на крестьянъ государственныхъ податей оставляется на распоряженіе помѣщиковъ, по личному ихъ хозяйственному усмотрѣнію». Подати собирались, затѣмъ, помѣщикомъ или его повѣреннымъ при «надлежащемъ вспоможеніи» со стороны полиціи, если было нужно, и вносились въ назначенные сроки въ казначейства. Какой либо порядокъ счетоводства, разсчетовъ съ помѣщикомъ, имѣющій *юридическое значеніе*, безъ сомнѣнія, не могъ быть выработанъ. И опять отнынѣ примѣненіе этихъ новыхъ широкихъ правъ могло быть произвольнымъ и весьма невыгоднымъ для крестьянъ.

Сельскимъ сходамъ предоставлялся выборъ должностныхъ лицъ изъ своей среды. Но оговорка о томъ, кого они *не могли* выбирать, формулировалась такъ, что могла подавать поводъ къ произвольнымъ вмѣшательствамъ. Ибо что такое означало, напримѣръ, «завѣдомо развратное поведеніе», препятствовавшее избранію по ст. 114? Это можно было понимать и такъ и иначе, и широко и узко. Волостной старшина утверждался въ должности мировымъ посредникомъ. Далѣе этотъ актъ не шелъ. Совершенно произвольно старшина могъ быть и не утвержденъ. Право же жалобы было крайне неопредѣленно; возможность сдѣлать ее основательною—весьма затруднительною. Прочія должностныя лица вступали въ отправленіе своихъ обязанностей немедленно по избраніи. Но выборы могли быть легко объявлены недѣйствительными и одни должностныя лица замѣнены другими.

Опредѣленіе и увольненіе должностныхъ лицъ, служащихъ по найму, предоставлялось сходамъ и волостному правленію. Но, на основаніи прим. къ ст. 115 Общ. Пол.,—«если помѣщикъ усмотритъ, что въ должность писаря избрано лицо *неблагонадежное*, вопреки изложенному въ сей 115 статьѣ правилу, то, при самомъ назначеніи такого лица, можетъ о *недопущеніи* его къ должности об-

ратиться съ требованіемъ къ мировому посреднику, который, удостовѣрясь въ справедливости требованія помѣщика, *устраняетъ* писаря отъ должности, предлагая сходу назначить вмѣсто него другаго». Очевидно, сельскій сходъ былъ тутъ совершенно несвободенъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ видно, съ самаго начала открытъ былъ путь для столь большаго вліянія помѣщика на должность столь важную... Самая *дѣйствительность* всякаго рода приговоровъ схода неопредѣленно ставилась закономъ въ зависимость отъ двухъ условій: чтобы приговоры эти касались предметовъ, предоставленныхъ сходамъ, и чтобы они были написаны отъ имени установленнаго числа домохозяевъ. Но такъ какъ предметы вѣдѣнія схода означались недостаточно опредѣленно, лица, имѣющія право на участіе въ сельскомъ сходѣ, указывались безъ надлежащей ясности и—самое главное—въ крайне неопредѣленномъ положеніи оказывался вопросъ о томъ, по какимъ именно дѣламъ и отъ какого числа домохозяевъ требовалось для приговоровъ большинство простое или двухъ третей, то *чуть не всякій приговоръ могъ быть объявленъ недѣйствительнымъ и не влекущимъ за собою никакихъ послѣдствій.* Приговоры же должны были передаваться помѣщику или его повѣренному (ст. 149 и 163), и могли быть даже *пріостанавливаемы* въ своемъ исполненіи, буде въ нихъ усматривалось «распоряженіе, противное существующимъ постановленіямъ, или вредное для благосостоянія сельскаго общества, или же нарушающее права помѣщичьи...»

Далѣе. Только права и обязанности волостнаго старшины и сельскаго старосты перечислялись съ опредѣленіемъ ихъ почти одними словами: «исполняетъ», «наблюдаетъ», «понуждаетъ», «принимаетъ мѣры» и т. п., безъ всякаго подробнаго указанія предѣловъ власти, порядка дѣйствій, хотя бы въ наиболѣе существенныхъ и важныхъ отношеніяхъ. Еще короче означеніе обязанностей сборщика податей. На него, по предположеніямъ административнаго отдѣленія, между прочимъ, неопредѣленно возлагалась—«раздача всѣмъ домохозяевамъ окладныхъ книжекъ или бирокъ, или другихъ какихъ либо знаковъ, для помѣтъ о полученіи сборщикомъ денегъ» (ч. XII «Матеріаловъ», стр. 87). Но даже и противъ такихъ, весьма мало выражавшихъ и крайне недостаточныхъ правилъ,—въ особенности при сопоставленіи ихъ съ правилами, дѣйствовавшими среди государственныхъ крестьянъ,—и противъ такихъ правилъ сдѣлано было членами губерн-

скихъ комитетовъ характерное возраженіе. Они находили и столь односложныя правила *излишними:* «Сборъ и взносъ податей—возражали они—совершался доселѣ такъ вѣрно и правильно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что лучше бы не постановлять о семъ правилъ»... Оттого и въ самомъ обнародованномъ положеніи въ ст. 67, проектировавшееся постановленіе, составившее п. 8, оказалось *продолженнымъ* такъ: «*согласно съ принятымъ въ обществѣ порядкомъ*»,—то есть, *согласно съ обычаемъ, существовавшимъ при крѣпостныхъ отношеніяхъ*... «Обязанности всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ, какъ-то: смотрителей хлѣбныхъ магазиновъ, училищъ и больницъ, лѣсныхъ и полевыхъ сторожей, сельскихъ писарей и т. п. — говорилось затѣмъ въ ст. 68 Общ. Пол. — опредѣляются *самымъ названіемъ* должностей»...

Все это, съ одной стороны, должно было приводить *къ произволу дѣйствій должностныхъ лицъ*, Сельскому же старостѣ и волостному старшинѣ предоставлялось право подчиненныхъ лицъ, за неопредѣленно обозначавшіеся «маловажные проступки», подвергать извѣстнымъ наказаніямъ, причемъ указывались только высшіе размѣры, а именно: къ общественнымъ работамъ до 2 дней, аресту до 2 дней и штрафу до 1 руб. И въ тѣхъ же предѣлахъ наказанія могли быть налагаемы волостнымъ старшиною (также за неопредѣленно обозначавшіеся «маловажные проступки по должности») на волостныхъ должностныхъ лицъ, а сельскимъ старостою—на сельскихъ. Съ другой стороны, это же самое право *вполнѣ предоставляло волостнаго старшину и сельскаго старосту усмотрѣнію мироваго посредника, ничѣмъ неограниченному*. За тѣ же неопредѣленно обозначавшіеся «проступки по должности», мировому посреднику предоставлялось подвергать ихъ замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до 5 руб. или аресту до 7 дней. Отвѣтственность могла быть возбуждаема случайно, произвольно,—точно такъ же, какъ случайно и произвольно неправильное дѣйствіе могло быть оставлено безъ взысканія. Какого дѣйствія нельзя было подвести подъ понятіе и выраженіе — «маловажный проступокъ по должности»... по должности съ неизвѣстными правами и обязанностями? На основаніи же п. 2 ст. 30 пол. о губ. и уѣз. учр. по крест. дѣламъ,—сельскаго старосту и помощниковъ волостнаго старшины, «въ случаѣ болѣе важныхъ нарушеній по ихъ должностямъ», мировой посредникъ могъ присуждать «къ временному удаленію или же окон-

чательному отрѣшенію отъ должности»; точно также волостнаго старшину—«къ временному удаленію, а съ разрѣшенія начальника губерніи, испрашиваемаго установленнымъ на то порядкомъ, къ окончательному отъ оной отрѣшенію». Мировому же посреднику предоставлялось предавать всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ суду—«или непосредственно, или по рѣшенію мироваго съѣзда». Въ такомъ же духѣ—согласно ст. 153—«въ случаѣ злоупотребленій и вообще неисправнаго, исполненія своей должности старостою или помощникомъ старшины, помѣщикъ имѣетъ право требовать *смѣны* ихъ; для сего онъ обращается къ мировому посреднику, который, удостовѣрясь въ справедливости требованія, *смѣняетъ* прежняго старосту или помощника старшины и *назначаетъ новыхъ, по своему усмотрѣнію*, на все время, остающееся до истеченія срока службы смѣняемаго».

Понятно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ,—«*міръ и его избранные» оказывались, смотря по обстоятельствамъ, или лишенными всякой самостоятельности, или могли дѣйствовать совершенно произвольно.* Все-же это, безъ сомнѣнія, не могло содѣйствовать упроченію порядка и противорѣчило Основнымъ Законамъ страны.

Вообще, самоуправленіе среди освобожденныхъ крестьянъ стзвилось въ такое шаткое положеніе, что *его какъ бы не существовало.* Понятію о свободѣ и пользованіи правами, равно какъ и объ исполненіи новыхъ гражданскихъ обязанностей, освобожденнымъ крестьянамъ приходилось учиться при условіяхъ весьма неблагопріятныхъ.

XIII.

Надѣленіе землею освобожденныхъ крестьянъ.

Обязательность пріема земельныхъ надѣловъ для крестьянъ.—Облегченіе въ повинностяхъ.—Условія опредѣленія постояннаго размѣра повинностей.---Неравноправность сторонъ.---Ограниченность пользованія и владѣнія надѣльною землею.—Тяжесть обязанностей крестьянъ.—Слишкомъ дорогая цѣна надѣла.—Выкупался ли крестьянами при освобожденіи личный трудъ?

Въ силу законоположеній 19 февраля 1861 г., крестьянамъ,—«для обезпеченія ихъ быта и для исполненія обязанностей ихъ передъ правительствомъ и помѣщикомъ»,—предоставлялось за установленныя повинности, кромѣ усадебной осѣдлости, еще и извѣстное количество полевыхъ угодій «въ постоянное пользованіе». Это пріобрѣтеніе земли въ пользованіе, а по требованію помѣщика, и

въ собственность, путемъ выкупа, было *обязательно* для крестьянъ. Уклоняться отъ этого они никакъ не могли. Приэтомъ немедленно отмѣнялись только «существовавшіе доселѣ добавочные сборы съ крестьянъ или *дани* сельскими произведеніями, какъ-то: птицею, баранами, масломъ, яйцами, ягодами, грибами, разными съѣстными припасами, холстомъ, сукномъ, пряжею, шерстью и т. п.». Немедленно же вводились и нѣкоторыя другія облегченія въ повинностяхъ,—однако, съ сохраненіемъ еще и въ ограничиваемыхъ повинностяхъ дѣйствія «мѣстныхъ обычаевъ» (ст. 7 и 8 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ). Но какіе могли быть и тутъ обычаи, кромѣ *обычаевъ старыхъ крѣпостныхъ отношеній*, предоставлявшихъ крестьянъ полнѣйшему произволу со стороны помѣщиковъ?

«Всѣ неотмѣненныя въ изложенныхъ выше статьяхъ 5—11 повинности,—говорилось къ ст. 12—работами или деньгами, должны быть отбываемы крестьянами въ пользу помѣщиковъ безъ малѣйшаго упущенія»—втеченіе первыхъ двухъ лѣтъ, разумѣлось тутъ, послѣ чего повинности означались въ уставныхъ грамотахъ. Именно, въ четырыхъ особыхъ мѣстныхъ положеніяхъ—великороссійскомъ, малороссійскомъ и двухъ для западныхъ губерній—опредѣлялись дальнѣйшія отношенія между помѣщиками и крестьянами, возникавшія изъ пользованія послѣдними землею первыхъ. Но, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, открывалась возможность повышенія и пониженія опредѣлявшихся закономъ повинностей, по усмотрѣнію мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Самыя эти, устанавливавшіяся закономъ, повинности имѣли значеніе наименьшихъ. Онѣ устанавливались закономъ только тогда, когда не было «добровольныхъ» соглашеній между помѣщиками и крестьянами. Между тѣмъ, такого рода соглашенія должны были заключаться въ первые два года, когда крестьяне далеко не были еще свободны и стороны далеко не представлялись равноправными. Размѣръ надѣла зависѣлъ отъ размѣровъ землевладѣнія помѣщика, такъ же какъ отъ его распоряженій, предшедствовавшихъ освобожденію, и вообще размѣръ этотъ, по фактическимъ и юридическимъ условіямъ, зависѣлъ больше отъ помѣщика. Приэтомъ *количество* земли должно было показываться «приблизительно, по предварительному, хотя примѣрному, *домашнему* измѣренію». Точное же измѣреніе надѣла могло быть требуемо только втеченіе шести лѣтъ по введеніи въ дѣйствіе уставной грамоты. А

при такомъ ограниченіи права предъявлять подобное требованіе, измѣреніе должно было производиться «при первой возможности». которая могла наступить не скоро, при большомъ числѣ требованій. Пропускъ же этого срока для заявленій дѣлалъ совершенно безполезными претензіи крестьянъ по поводу какого бы то ни было недостающаго количества земли. Наконецъ, по крайней неопредѣленности условій надѣленія, крестьянамъ могла съ большимъ удобствомъ нарѣзываться и земля худшаго качества.

Предоставленіе крестьянамъ земли въ пользованіе, все же, оставляло за помѣщикомъ право рыбной ловли и охоты на всемъ пространствѣ имѣнія,—слѣдовательно, и на надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ. Точно также только помѣщикъ получалъ право требовать обязательнаго для крестьянъ *разверстанія угодій*. Крестьянамъ такое право не присвоивалось. Отсюда—крайне нежелательное для крестьянъ *чрезполосное* владѣніе, со всѣми его невыгодными послѣдствіями и, между прочимъ, *съ принудительнымъ сѣвооборотомъ*, такъ какъ крестьянамъ запрещалось «отступать отъ принятаго сѣвооборота тамъ, гдѣ мірскія поля находятся въ чрезполосности съ помѣщичьими». Успѣхъ самаго крестьянскаго хозяйства ставился въ зависимость отъ причинъ случайныхъ и произвольныхъ. Въ то же время предоставлялось помѣщику право *обмѣна* невыкупленныхъ угодій,—въ случаѣ открытія на крестьянскихъ земляхъ минеральныхъ и цѣнныхъ ископаемыхъ и даже торфа; также въ случаѣ желанія помѣщика осуществить какія либо новыя хозяйственныя предположенія и т. п. И это дѣлало шаткимъ пользованіе землею. Самыя усадьбы крестьянъ могли быть *переносимы* въ извѣстныхъ случаяхъ по требованію помѣщика. Далѣе. Обязательное пріобрѣтеніе освобождающимися крестьянами помѣщичьей земли въ пользованіе влекло за собою такія послѣдствія: Сельское общество, обязанное круговою порукою въ платежахъ, получало въ отношеніи неисправнаго плательщика, между прочимъ, право отдачи его или даже кого-либо изъ членовъ его семейства на заработки къ односельному крестьянину и даже на сторону, въ другую губернію; оно могло также подвергнуть его опекѣ, продать принадлежащую ему частную собственность и т. д. Въ свою очередь, если само общество не вносило оброка помѣщику въ назначенный срокъ и также оказывалось неисправнымъ къ новому крайнему сроку, опредѣлявшемуся мировымъ посредникомъ, то послѣдній могъ предписать

сельскому начальству никого не увольнять по паспортамъ изъ селенія безъ письменнаго на то согласія помѣщика, и не возобновлять паспортовъ находящимся въ отлучкѣ крестьянамъ, если помѣщикъ того потребуетъ, равнымъ образомъ, вмѣсто избранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ, назначить другихъ, по своему усмотрѣнію, и т. д. (ст. 262 мѣст. пол. губ. великор.).

Легко понять, какія создавались затрудненія для крестьянъ по распоряженію и усмотрѣнію одного помѣщика и мироваго посредника; какія возникали отсюда стѣсненія, вредъ и убытки, даже разореніе. Между тѣмъ, неисправность могла зависѣть отъ многихъ случайныхъ причинъ и еще болѣе *отъ неправильнаго отношенія повинностей за надѣльную землю къ ея цѣнности и доходности*. Въ большей части случаевъ, *повинности эти, денежныя и въ особенности издѣльныя, прямо превосходили доходность земли*. Платя лишнее, крестьяне находились постоянно подъ опасеніемъ— за малѣйшую оплошность подвергнуться строжайшимъ мѣрамъ взысканія, соединеннымъ съ ограниченіями въ правахъ состоянія, съ отмѣною самоуправленія. Вообще, пользованіе помѣщичьею землею и ссудою отъ правительства для выкупа ея въ собственность (добровольно или по требованію помѣщика, которому именно предоставлялось *превращать обязательныхъ арендаторовъ въ обязательныхъ покупщиковъ*) — могло стоить крайне дорого освобожденнымъ крестьянамъ, и не въ смыслѣ только денежной цѣны, но въ смыслѣ *всѣхъ*, сопряженныхъ съ этимъ, фактическихъ и юридическихъ условій. Дѣйствительно, заходя нѣсколько впередъ, мы видимъ образующееся вскорѣ же крайнее накопленіе недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ, несмотря на всѣ безпощадныя мѣры взысканія. Въ разныхъ степеняхъ, но почти вездѣ обнаруживается несостоятельность крестьянъ. Оказывается, что происходитъ она, притомъ, не изъ небрежности или злонамѣренности, но имѣетъ какія-то глубокія причины. Само собою и по силѣ указанныхъ обстоятельствъ, въ средѣ правительства возникаетъ вопросъ, для разрѣшенія котораго признается необходимымъ обратиться даже къ постороннимъ свѣдущимъ людямъ. Вопросъ и разрѣшается именно признаніемъ, что *земля была пріобрѣтена крестьянами очень дорого*; что *повинности и выкупные платежи за нее превосходятъ ея цѣнность и доходность*. И вотъ, несмотря на то, что, со времени освобожденія крестьянъ, цѣнность и доходность земель всюду зна-

чительно повысились, тѣмъ не менѣе, закономъ 28 декабря 1881 г. объявляется *общее и спеціальное пониженіе* выкупныхъ платежей. Тѣмъ же закономъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать несоразмѣрные платежи, по крайней мѣрѣ, временными, устанавливается съ 1 января 1883 г. *обязательный выкупъ*, то есть, обязательный уже для обѣихъ сторонъ,—и для землевладѣльцевъ, и для крестьянъ. Первые должны были теперь обязательно предоставлять свои земли на выкупъ, послѣдніе же обязывались земли тѣ выкупать уже по требованію не одного помѣщика, но самого государства. Тогда же, въ коммисіи, выражено было и предположеніе, что *оброкомъ и издѣльною повинностью освобожденные крестьяне платили помѣщикамъ не за землю только, но и за тотъ личный трудъ, которымъ владѣльцы перестали прямо пользоваться по составленіи уставныхъ грамотъ, то есть, платили за личную свою свободу...*

Формально предположеніе это было несправедливо. На первыхъ же порахъ занятій губернскихъ комитетовъ, были пресѣчены подобныя стремленія. Выс. утвер. 12 января 1859 г. журналомъ главнаго комитета предписано было начальнику симбирской губерніи—предложить мѣстному комитету, что «принятое большинствомъ онаго рѣшеніе къ выкупу усадебной осѣдлости присоединить *выкупъ крѣпостнаго права*»,—какъ несогласное съ выс. указанными началами и по высочайшимъ повелѣніямъ отвергнутое въ другихъ комитетахъ, не можетъ быть допущено». Вскорѣ же, высоч. утв. 15 мая 1859 г. новымъ положеніемъ комитета было поставлено «на видъ» ставропольскому губернскому комитету, что—«на основаніи выс. указанныхъ началъ, выкупу могутъ подлежать только усадебныя и полевыя земли и угодья, *отнюдь не личность крестьянъ и рабочая ихъ сила*» («Сборникъ постановленій по уст. быта крестьянъ за 1857—1876 гг.»; изд. Чичинадзе, стр. 28 и 41). Такимъ образомъ, невозможно было прямо возложить какіе-либо излишніе платежи на освобожденныхъ, въ видахъ вознагражденія помѣщиковъ за утрачиваемое ими личное «право» на крестьянъ. Такого значенія крестьянскія повинности имѣть не могли, хотя это не помѣшало, впрочемъ, помѣщикамъ и послѣ выражать прямыя требованія выкупа правительствомъ личнаго труда дворовыхъ... Но *по существу* произошло слѣдующее: Хозяйственное отдѣленіе редакціонныхъ комисій, составлявшее мѣстныя положенія, разсмотрѣвъ предположенія губернскихъ комите-

товъ касательно нормальнаго размѣра повинностей, въ докладѣ своемъ отъ 29 августа 1859 г. (т. III, кн. 2 Матеріаловъ, стр, 428), нашло, что «составители отдѣльныхъ проэктовъ исходили изъ *весьма несходныхъ* между собою началъ, а потому, пришли къ *очень различнымъ численнымъ нормамъ повинностей*. Такое различіе *не можетъ быть* достаточно объяснено разнообразіемъ мѣстныхъ условій, — разсуждало отдѣленіе, — потому что является не только въ разнородныхъ, но часто и въ сосѣднихъ, сходныхъ между собою мѣстностяхъ, а нерѣдко большинство и меньшинство одного и того же комитета *далеко* расходятся въ опредѣленіи нормальнаго размѣра повинностей». Съ своей же стороны, — «признавая теоретически справедливымъ соразмѣреніе повинностей съ цѣнностью земли, хозяйственное отдѣленіе пришло къ убѣжденію, что такой способъ опредѣленія повинностей непримѣнимъ на практикѣ, не только по отсутствію у насъ кадастра, но также и потому, что строгое примѣненіе его къ большей части случаевъ *подвергло бы помѣщиковъ слишкомъ большимъ потерямъ*, — а потому, отдѣленіе признало необходимымъ принять *за исходную точку всѣхъ дальнѣйшихъ предположеній относительно размѣра повинностей существующій фактъ*» (тамъ же, стр. 429). «Существующимъ же фактомъ» было тогда *состояніе крѣпостной зависимости*, съ правомъ помѣщика налагать на своихъ крестьянъ «всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣли чрезъ сіе *разоренія*»... (ст. 1045 т. IX, зак. о сост., изд. 1857 г.).

Вообще, поземельное устройство бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ оставляло желать весьма много лучшаго. Слѣдовало освободить крестьянъ именно съ землею. Да иначе и невозможно было совершить освобожденіе. Иначе и не предполагалось его совершить. Освобожденіе безъ земли могло бы поставить, во многихъ случаяхъ, въ затрудненіе самихъ помѣщиковъ. Но нужно было освободить именно съ-землею, *на иныхъ условіяхъ*, — *совершенно разорвавъ съ прошлымъ*... Значеніе подобнаго освобожденія слѣдуетъ вообще разсматривать не со стороны только обезпеченія крестьянъ землею, и не со стороны также высокой платы за нее, но именно со стороны всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, которыя возникали отсюда для существеннѣйшихъ личныхъ правъ крестьянъ и для ихъ самоуправленія... Самое экономическое положеніе крестьянъ, несомнѣнно,

сильно пострадало отъ всѣхъ наличныхъ условій надѣленія землею, потому что послѣднія, потребовавъ отъ крестьянъ страшнаго напряженія въ отношеніе притомъ — сначала — одного дѣйствительнаго пользованія помѣщичьею землею, а не пріобрѣтенія ея, по крайней мѣрѣ, въ собственность,—лишило ихъ, въ значительной степени и надолго, возможности и состоятельности для пріобрѣтенія земельной собственности частнымъ порядкомъ...

XIV.

Имущественныя права освобожденныхъ крестьянъ.

Предѣлы гражданской правоспособности освобожденныхъ.—Условія судебной защиты правъ.—Недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время на имя помѣщиковъ.—Опять «обычаи крѣпостныхъ отношеній».—Неполнота гражданскихъ правъ освобожденныхъ.

Постепенно, съ 19 февраля 1861 г., крѣпостные крестьяне пріобрѣтали извѣстную гражданскую право-и дѣеспособность. Они могли вступать въ бракъ уже безъ согласія помѣщика; получали, затѣмъ, право вчинать иски и отвѣчать за себя въ дѣлахъ гражданскихъ непосредственно, или давать довѣренности другимъ лицамъ, помимо своего помѣщика; могли входить на извѣстныхъ условіяхъ въ договоры и обязательства съ казною, производить безпрепятственно торговлю и открывать фабрики и заводы, подчиняясь общимъ условіямъ. Но на всю область имущественныхъ правъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ должны были въ сильной мѣрѣ подѣйствовать, прежде всего, тѣ отношенія къ помѣщикамъ, которыя возникали для нихъ изъ обязанности брать въ пользованіе и выкупать извѣстные надѣлы земли. Здѣсь крестьяне, по самому существу, не становились имущественно-полноправными лицами. *Добровольно* заключая *обязательнные* договоры, они разомъ занимали тутъ два несовмѣстимыя положенія. Всѣ споры и недоразумѣнія, возникавшія изъ такихъ отношеній, — по существу, споры о правѣ гражданскомъ, — подчинялись не общимъ судебнымъ мѣстамъ, а *особымъ учрежденіямъ смѣшаннаго административно-судебно-политическаго свойства*, состоящимъ изъ представителей того помѣстнаго дворянскаго сословія, изъ-подъ зависимости отъ котораго они только что вышли и которое являлось *стороною* въ этихъ «добровольныхъ соглашеніяхъ». Дальше еще болѣе обнаружилась

неполнота имущественной гражданской личности бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Тогда же за ними признавалось право на движимое имущество. Но у нихъ могло быть также имущество недвижимое, купленное на имя своихъ помѣщиковъ. Что должно было быть съ нимъ? Какова должна была быть его судьба? Положеніемъ главн. комитета по устр. сельск. сост., выс. утв. *только* 11 августа 1862 г., крестьянамъ прежде всего предлагалось заявлять о такихъ имуществахъ мировому посреднику—«не пропуская десятилѣтней давности *со времени пріобрѣтенія*». Очевидно, что, за истеченіемъ давности, посредникъ могъ даже не принять заявленія крестьянъ, предрѣшая свое постановленіе или, такъ сказать, отказывая въ искѣ безъ всякаго предварительнаго производства. Право предъявленія иска ограничивалось,—по общему основанію, которое, однако, совершенно неправильно примѣнялось къ освобожденнымъ крестьянамъ. Они должны были нести невыгодныя послѣдствія того, что не предъявляли пока втеченіе десяти лѣтъ со времени пріобрѣтенія недвижимаго имущества на имя помѣщиковъ. Но гдѣ же было у нихъ самое право предъявленія такого иска? При существованіи крѣпостной зависимости, крестьяне вовсе были лишены права иска относительно своихъ помѣщиковъ. Какже могли бы они соблюдать правила земской давности? Дѣйствіе послѣдней должно было бы быть признано пріостановленнымъ для нихъ, какъ для неправоспособныхъ лицъ,—теченіе давности могло начаться для нихъ лишь съ момента освобожденія. Тѣмъ не менѣе, они должны были расплачиваться теперь за то, что *не пользовались правомъ, котораго не имѣли*... Собственность крестьянъ должна была оставаться у помѣщиковъ... Далѣе, мировой посредникъ долженъ былъ окончательно укрѣплять за освобожденными крестьянами купленныя ими на имя помѣщиковъ недвижимыя имущества, если «владѣлецъ безусловно признаетъ» право крестьянъ на нихъ. А если помѣщикъ того не признавалъ? Тутъ очевидно возникалъ прямой споръ о правѣ гражданствомъ. Однако, разрѣшеніе подобнаго спора предоставлялось тѣмъ же смѣшаннаго свойства учрежденіямъ, съ требованіемъ только письменныхъ доказательствъ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ у крестьянъ именно и не было.

Общее право надлежащей защиты своей собственности, безъ котораго нѣтъ и самой собственности, и по освобожденіи, не предоставлялось крестьянамъ—и не только относительно своихъ помѣщиковъ.

Защита имущественныхъ правъ и другъ противъ друга на сумму до 100 руб.—весьма для нихъ высокую,—предоставлялась передъ ихъ собственными волостными судами съ неопредѣленною подсудностью, безъ всякаго почти обезпеченія закономъ правильности дѣйствій и въ то же время безъ всякаго права обжалованія самыхъ вопіющихъ по несправедливости рѣшеній. Не устанавливалось первоначально отмѣны рѣшеній волостныхъ судовъ даже въ отношеніе дѣлъ явно неподсудныхъ, — напримѣръ, превышающихъ по цѣнѣ иска 100 руб. До образованія же волостей и волостного суда, разсмотрѣніе тяжебныхъ дѣлъ крестьянъ предоставлялось, въ тѣхъ же предѣлахъ, помѣщику. Никакихъ оговорокъ здѣсь притомъ не дѣлалось. Не устанавливалось никакихъ поводовъ къ устраненію помѣщиковъ отъ таковой дѣятельности при существованіи какихъ бы то ни было несоотвѣтственныхъ отношеній къ крестьянамъ, истцу или отвѣтчику, ни при существованіи у самихъ крестьянъ, истца или отвѣтчика, исковыхъ требованій къ помѣщику. И его рѣшеніе,—каково бы оно ни было,—не подлежало вовсе обжалованію.

Далѣе, твердымъ надлежитъ признать право, которое не только можетъ быть защищаемо предъ соотвѣтствующей властью, но которое и основано *на ясномъ законѣ*, или же, по крайней мѣрѣ, на *вполнѣ опредѣленномъ обычаѣ*, удостовѣряемомъ, въ случаѣ надобности, надежнымъ способомъ. Перваго условія, какъ видно, для крестьянъ не существовало. Не было и втораго условія. Прямо на освобожденныхъ крестьянъ, по ст. 21, распространялась только книга первая т. X, ч. I законовъ гражданскихъ—и то недостаточно опредѣленно, словами: «общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ». Тутъ же, однако, дѣлалось указанное выше изъятіе въ пользу «мѣстныхъ обычаевъ", въ отношеніи назначенія и учета опекуновъ и попечителей надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ. Затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ крестьяне подчинялись дѣйствію тѣхъ же обычаевъ, (причемъ—необходимо замѣтить—указанія закона впослѣдствіи были поняты и примѣнялись даже такъ, будто крестьяне вовсе изъяты отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ и всецѣло подчинены обычаю въ отношеніи имущественныхъ правъ). Такъ, «въ порядкѣ наслѣдованія имущества,—постановляла ст. 38,—крестьянамъ дозволяется руководствоваться *мѣстными своими обычаями*». Но какіе обычаи могли образоваться въ этомъ отношеніи среди кресть-

янъ, когда они состояли въ отношеніяхъ крѣпостной зависимости къ своимъ помѣщикамъ? И при жизни они не были тогда субъектами имущественныхъ правъ. Какъ же могли они распоряжаться имуществомъ на случай смерти? Какимъ образомъ открывалось самое наслѣдство и какія права на него могли образоваться у остававшихся въ живыхъ? Очевидно, что защита имущественныхъ правъ и передъ совершенно удовлетворительнымъ учрежденіемъ на подобномъ мнимомъ основаніи не могла быть правильною и даже возможною юридически. Точно также крестьянамъ предоставлялось руководствоваться *мѣстными обычаями* въ назначеніи порядка и сроковъ сдачи надѣловъ увольняемыми (ст. 130). Но очевидно, что здѣсь вовсе не могло быть никакихъ обычаевъ. Никого изъ своей среды бывшіе крѣпостные крестьяне не могли увольнять до 19 февраля 1861 г. Увольнялъ помѣщикъ, но, конечно, помѣщикъ же опредѣлялъ и порядокъ, и сроки сдачи земли увольняемыми—вовсе или на сторону. Самая земля сдавалась односельцамъ развѣ въ томъ случаѣ, когда они всѣ состояли на оброкѣ. Но вообще она возвращалась помѣщику. Такимъ образомъ, и тутъ, послѣ 19 февраля, возникали положенія крайне неопредѣленныя, неразрѣшимыя самими крестьянами или разрѣшаемыя произвольно. И опять здѣсь также могъ возбуждаться споръ о правѣ гражданскомъ. Но, какъ бы признавая подобный споръ неразрѣшимымъ для власти волостнаго суда, Общее Положеніе предоставляетъ его на окончательное усмотрѣніе уѣзднаго мироваго съѣзда.

За всѣмъ тѣмъ, *создавалась юридическая презумпція, что всѣ эти обычаи,* которые не могли и существовать, *хорошо извѣстны крестьянамъ; и съ такою презумпціею не было установлено никакихъ условій удостовѣренія обычаевъ.* Законъ не указалъ вовсе порядка, въ которомъ мѣстные обычаи должны были быть доказываемы. Что было дѣлать, если обѣ тяжущіяся стороны все же ссылались на разные обычаи? Какъ нужно было устанавливать силу и значеніе тѣхъ или другихъ? Могли ли быть допускаемы обычаи, явно противорѣчащіе закону? Наконецъ, что такое обычай въ смыслѣ юридическомъ? Понятіе это, не представляющееся опредѣленнымъ даже для юридически-развитыхъ людей, вовсе не выяснялось въ Общемъ Положеніи.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, гражданскія права освобожденныхъ крестьянъ оказывались въ положеніи, мало обезпеченномъ и зависящемъ вполнѣ отъ разныхъ случайностей.

Неопредѣленными остались не только имущественныя права отдѣльныхъ крестьянъ, физическихъ лицъ, но и лицъ юридическихъ. Совершенно не выяснены были права самихъ сельскихъ обществъ на землю, обязательно взятую отъ помѣщиковъ въ надѣленіе.

XV.

Отвѣтственность освобожденныхъ крестьянъ за проступки.

Дисциплинарная власть надъ освобожденными.—Значеніе приговоровъ и рѣшеній волостного суда, какъ окончательныхъ. — Неопредѣленность подсудности.—Отсутствіе указаній на мѣру дозволеннаго и запрещеннаго.

До образованія волостей, бывшіе крѣпостные крестьяне, подлежа общей подсудности по тяжкимъ преступленіямъ,—оставались въ отношеніе неопредѣленно обозначаемыхъ «маловажныхъ» проступковъ подчиненными своему бывшему помѣщику. Послѣдній дѣйствовалъ въ предѣлахъ той власти, которая была предоставлена Общимъ Положеніемъ волостному суду, то-есть, онъ могъ приговаривать виновныхъ: къ общественнымъ работамъ до 6 дней, штрафу—до 3 руб., аресту до 7 дней и наказанію розгами до 20 ударовъ. Такъ же какъ и будущій волостный судъ, онъ дѣйствовалъ въ этихъ предѣлахъ, не подчиненный никакимъ формамъ и обрядамъ, устанавливаемымъ въ обезпеченіе правильности приговоровъ въ самыхъ зачаточныхъ уставахъ судопроизводства. Приговоры его были *окончательными*, т. е., никакому обжалованію неподлежащими. По учрежденіи волостнаго суда, помѣщикъ передавалъ ему свою судебную власть (оставаясь при правѣ вотчинной полиціи). Еще невполнѣ освободившіеся крестьяне-судьи, вчера подчинявшіеся всецѣло безконтрольной, незнавшей никакихъ формъ, уголовно-исправительной власти помѣщика, начинали въ тѣхъ же предѣлахъ примѣнять подобную власть къ своимъ однообщественникамъ. Такимъ образомъ, при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, должны были происходить опыты практическаго изученія судебно-уголовной дѣятельности. Многимъ тяжело приходилось отъ такихъ опытовъ, но защиты отъ самыхъ несправедливыхъ приговоровъ искать было негдѣ и не у кого. Приговоры волостнаго суда были *окончательные*—т. е., никакому обжалованію первоначально не подлежали.

Приэтомъ еще подсудность освобожденныхъ крестьянъ совершенно расплывалась. Выраженіе «маловажный» проступокъ не освобождало ихъ въ сущности и отъ власти общихъ судебныхъ мѣстъ. Ибо и послѣднія разсматривали также дѣла о маловажныхъ проступкахъ. Сельскому старостѣ также предоставлялось статьею 64 наказывать лицъ, ему подвѣдомыхъ, за «маловажные проступки»,—только въ меньшихъ размѣрахъ, а именно, приговаривая виновныхъ къ общественнымъ работамъ до 2 дней, къ аресту до 2 дней и денежному взысканію до 1 рубля. Въ такихъ же предѣлахъ сельскій староста могъ налагать наказаніе и *за проступки по службѣ* на прочихъ сельскихъ должностныхъ лицъ. Такая же точно власть предоставлялась волостному старшинѣ въ отношеніе всѣхъ крестьянъ волости и *волостныхъ должностныхъ лицъ*, т. е.—можно было заключать, какъ и заключали послѣ,—въ отношеніи *самихъ судей*, независимость которыхъ тѣмъ менѣе была ограждена отъ мироваго посредника. Такимъ образомъ, *нѣсколько лицъ и учрежденій имѣли право наказывать крестьянъ за маловажные проступки.* И всѣмъ этимъ лицамъ и учрежденіямъ, въ то же время, предоставлялось *примѣняться* къ однѣмъ и тѣмъ же статьямъ (440—536) устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ—въ отношеніи «мѣры наказаній», то есть, эти статьи вовсе не были обязательны. Означеніе наказуемыхъ дѣяній предоставлялось обычаю. Но какіе могли быть и тутъ другіе правовые обычаи, кромѣ тѣхъ, которыми опредѣлялась власть помѣщика? Никакого доказательства или удостовѣренія обычаевъ не требовалось. Юридическая презумпція касательно того, что обычаи *хорошо извѣстны* крестьянамъ, была выведена изъ Общаго Положенія *именно относительно уголовныхъ обычаевъ*, въ положеніи главнаго комитета объ устр. сел. сост., 27 іюля 1861 г. Такимъ образомъ, *крестьяне не знали: кому подчиняться, распоряженіе какой власти наиболѣе законно; а сами власти должны были приходить въ постоянныя столкновенія между собою*,—коль скоро начинали дѣйствовать. Вся безвыходность положенія крестьянина выступала съ особенною силою изъ того, что *ни ему, ни властямъ, надъ нимъ стоявшимъ, не была извѣстна мѣра дозволеннаго и запрещеннаго*, ни даже то, что было вообще дозволено или запрещено. Живя до тѣхъ поръ внѣ закона, крѣпостные крестьяне не могли научиться дѣйствовать по закону. Они не знали ни того, къ чему обязаны одинъ въ отно-

шеніи другаго, ни того, чего могли другъ отъ друга требовать. Согласно ст. 25 Общаго Положенія, они не могли быть подвергаемы никакому наказанію «иначе какъ по судебному приговору, или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей». Это есть основное условіе положенія каждаго гражданина. Но никакихъ мѣръ къ обезпеченію законности такихъ приговоровъ и распоряженій установлено не было. Были даны многимъ и большія права относительно освобожденныхъ, но непринято и неуказано никакихъ мѣръ къ тому, чтобы подобными правами извѣстныя лица и учрежденія пользовались правильно и чтобы отсюда не происходило злоупотребленій и крайняго ограниченія личныхъ правъ новаго разряда свободныхъ, по принципу, сельскихъ обывателей... Личность бывшаго крѣпостнаго крестьянина оказалась такъ мало обезпеченною при всѣхъ этихъ условіяхъ, что какъ бы оставалась еще невполнѣ свободною...

XVI.

Продолженіе освободительнаго дѣла.

Общій характеръ постановленій о крѣпостныхъ крестьянахъ Закавказья.— Устраненіе здѣсь безправнаго положенія отдѣльныхъ селеній, не составляющихъ каждое сельскаго общества.

19 февраля 1861 г. принесло съ собою свободу не всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ Россіи. Это не былъ день общаго освобожденія. Знаменательныя слова: «крѣпостное право на крестьянъ отмѣняется навсегда» — были повторены еще нѣсколько разъ и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ: 13 октября 1864 г. относительно Тифлисской губ., 13 октября 1865 г. относительно Кутаисской губ. и 1 декабря 1866 г. относительно Мингреліи. Всѣ освобожденные крестьяне послѣднихъ двухъ мѣстностей получали поземельное и общественное устройство по образцу Тифлисской губ. На крестьянъ же этой губерніи были распространены — Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, положеніе о дворовыхъ людяхъ, правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, положеніе объ учрежденіяхъ, о выкупѣ и т. д. И въ особыхъ мѣстныхъ положеніяхъ воспроизводилось буквально весьма большое число постановленій мѣстнаго положенія губерній Великорос-

сійскихъ, Малороссійскихъ и Бѣлорусскихъ. Вообще, съ особенною силою выразилось здѣсь обнаружившееся послѣ 19 февраля 1861 г. *стремленіе къ единообразному (по образцу бывшихъ помѣщичьихъ) устройству крестьянъ на всемъ широкомъ и разнообразномъ пространствѣ Россіи.*

20 іюня 1865 г. воспослѣдовало утвержденіе правилъ о сельскихъ обществахъ, общественномъ устройствѣ, управленіи и повинностяхъ государственныхъ и общественныхъ въ Тифлисской губерніи. Правила эти были составлены согласно главнымъ основаніямъ, преподаннымъ 13 октября 1864 г. Означенныя правила получили примѣненіе и въ отношеніи другихъ, упомянутыхъ выше, мѣстностей Кавказа. Такимъ образомъ, здѣсь оказались дѣйствующими—и Общее Положеніе о крестьянахъ, и эти особыя правила. Руководствоваться надлежало и тѣми, и другими. Въ новыхъ правилахъ не было ссылокъ на Общее Положеніе. Но послѣднее было прямо распространено на Тифлисскую губернію 13 октября 1864 г. Тутъ могли естественно возникать немалыя затрудненія. Однако, правила 20 іюня 1865 г. представлялись достаточно цѣльными. Въ нихъ заключалась, кромѣ того, одна весьма важная особенность: *волостей среди нихъ не было образовано*; но учреждались сельскія общества—изъ всѣхъ крестьянъ, водворенныхъ *въ одномъ селеніи* какого либо вѣдомства; къ этимъ обществамъ присоединялись селенія малолюдныя, выселки и отдѣльные дворы. Затѣмъ, сельское общественное управленіе составляли: сельскій сходъ, сельскій крестьянскій судъ и сельскій старшина. Сюда вливалось почти все содержаніе Общаго Положенія. Предметы вѣдомства и порядокъ дѣйствій всѣхъ этихъ учрежденій опредѣлялись совершенно такъ же, какъ въ отношеніи сельскаго схода, волостнаго суда и волостнаго старшины. Извѣстныя статьи Общаго Положенія повторялись тутъ буквально. Но приэтомъ не были забыты и оставлены безъ опредѣленія составныя части сельскаго общества. *Придано было значеніе юридическихъ лицъ малолюднымъ селеніямъ и частнымъ*, то есть, разныхъ вѣдомствъ, *крестьянскимъ обществамъ*, въ предѣлахъ собственно ближайшихъ ихъ интересовъ. Въ отличіе отъ Общаго Положенія, статья 21 правилъ 20 іюня 1865 г. постановляла: «Малолюднымъ селеніямъ, а также отдѣльно частнымъ крестьянскимъ обществамъ, входящимъ въ составъ одного сельскаго общества, предоставляется, независимо отъ общаго сельскаго схода, собираться особо, *на частныхъ сходахъ*, для обсужденія

собственно предметовъ, исключительно до ихъ общихъ интересовъ касающихся. Предметы сіи могутъ быть: 1) дѣла, относящіяся до пользованія и распредѣленія земель, состоящихъ въ отдѣльномъ пользованіи тѣхъ селеній или частныхъ крестьянскихъ обществъ; 2) внутренняя раскладка государственныхъ, то есть казенныхъ и земскихъ податей и повинностей; 3) предупрежденіе накопленія на нихъ недоимокъ и самое взысканіе оныхъ; 4) принесеніе куда слѣдуетъ жалобъ и просьбъ по дѣламъ, относящимся исключительно до тѣхъ селеній или частныхъ крестьянскихъ обществъ, назначеніе для сего повѣренныхъ и дача имъ довѣренностей», и т. д. Постановленіе это служило почти буквальнымъ воспроизведеніемъ ст. 4998 т. II ч. I общ. учр. губ. изд. 1857 г. относительно государственныхъ крестьянъ: «Если дѣло касается до исключительныхъ выгодъ или тягостей *не всего сельскаго общества, но одного или нѣсколькихъ онаго селеній*, то въ семъ случаѣ *сельскій сходъ составляется изъ сельскаго старшины и домохозяевъ сихъ селеній, которые одни принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ и въ совершеніи мірскихъ приговоровъ.* Сюда относятся: раскладка податей, повинностей и сборовъ между хозяевами селенія, имѣющаго отъ прочихъ селеній сельскаго общества отдѣльное владѣніе землею; уполномочіе довѣренностью отъ сего селенія для хожденія по дѣламъ онаго; мѣры къ управленію мірскими оброчными статьями, принадлежащими исключительно одному или только нѣкоторымъ селеніямъ общества, *и т. п.*».

Какимъ образомъ,—по крайней мѣрѣ, при примѣненіи этого начала въ 1865 году къ закавказскимъ крестьянамъ,—не было принято во вниманіе то затруднительное положеніе, въ которомъ находились прочіе, уже не одни только бывшіе крѣпостные крестьяне, но, напримѣръ, и удѣльные, руководствовавшіеся Общимъ Положеніемъ? Мы видѣли, что въ послѣднемъ не были предусмотрѣны самыя естественныя и очевидныя условія. Кромѣ общихъ сходовъ изъ крестьянъ подчасъ различныхъ составныхъ частей общества, да частныхъ сходовъ изъ крестьянъ, отбывающихъ издѣльную или оброчную повинность за землю, и то только для обсужденія предметовъ, касающихся *исключительно до оброка или издѣльной повинности*, отбываемыхъ ими порознь, — никакихъ другихъ частныхъ сходовъ для этихъ крестьянъ попрежнему не существовало. Составныя части сложныхъ сельскихъ обществъ, отдѣльныя селенія, попрежнему, не имѣли значенія юридическихъ лицъ, опредѣленной юридической формы.

Обстоятельство это было упущено изъ виду даже и при распространеніи, 18 января 1866 г., на самихъ государственныхъ крестьянъ Общаго Положенія о крѣпостныхъ крестьянахъ. Ст. 4998 не получала и здѣсь своего примѣненія. Отдѣльныя селенія государственныхъ крестьянъ, не составлявшія цѣлаго общества, потеряли свою самостоятельную юридическую жизнь, опредѣлявшуюся закономъ (ст. 4998). А такъ какъ юридическая жизнь ихъ не могла прекратиться,—хотя-бы и по прямому требованію закона,—такъ какъ она была необходима и вызывалась настоятельными житейскими потребностями, — то и эти селенія очутились въ томъ крайне шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи, въ которомъ находились таковыя-же селенія бывшихъ помѣщичьихъ, а также и удѣльныхъ крестьянъ.

Между тѣмъ, неестественность, невозможность подобнаго положенія для многихъ мелкихъ селеній невольно обращала уже на себя вниманіе и тогда. Ибо 17 ноября 1869 г. (прод. 1871 г., ст. 287 Общ. Пол.) законодательнымъ порядкомъ пришлось разъяснять, что *крестьяне, имѣющіе всѣ угодья въ отдѣльномъ владѣніи, не могутъ быть привлекаемы къ круговой отвѣтственности въ исправномъ отбываніи государственныхъ податей и повинностей за другихъ крестьянъ, хотя и состоящихъ въ томъ же обществѣ или селеніи, но не участвующихъ въ означенномъ владѣніи.*

Тутъ, очевидно, разумѣлись именно составныя части сельскихъ обществъ. Разъясненіе-же давалось потому, что встрѣчались случаи привлеченія ихъ къ подобной отвѣтственности. Но, вѣдь, не рѣже встрѣчались гораздо болѣе нелѣпые случаи, какъ послѣдствіе ихъ неестественнаго безправнаго положенія? Тотъ-же законъ устанавливалъ составленіе отдѣльныхъ окладныхъ листовъ для крестьянъ, находившихся въ указанныхъ условіяхъ землевладѣнія. Но значенія юридическихъ лицъ не было придано отдѣльнымъ селеніямъ даже и при столь удобномъ случаѣ, и не только по предметамъ, касавшимся исключительно этихъ селеній, но даже по предмету *раскладки* суммъ, которыя имѣли быть указываемы отнынѣ въ отдѣльныхъ окладныхъ листахъ.

XVII.

Крестьянское дѣло послѣ отмѣны крѣпостной зависимости.

Реакція.—Послѣдующія задачи, препятствовавшія завершенію реформы.—Настоящій моментъ.

Такимъ образомъ, «воля», объявленная крѣпостнымъ крестьянамъ, оказалась весьма условною, и положеніе, для нихъ созданное, — неудовлетворительнымъ въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ... Но все это, однако, было совершенно понятно съ точки зрѣнія громадности задачи общаго освобожденія и существованія сильныхъ крѣпостническихъ вліяній...

Нужно было, по крайней мѣрѣ, ожидать поправокъ въ дальнѣйшемъ. Но, съ изданіемъ въ частности указовъ 5 марта 1861 г. министрамъ государственныхъ имуществъ и императорскаго двора объ устройствѣ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, непосредственно послѣ 19 февраля, у правительства возникла новая задача—*обобщенія законодательства о крестьянахъ и устройства положенія дотолѣ свободныхъ сельскихъ обывателей.* Дѣятельность его сразу распространялась на двѣ стороны, требовавшія особаго усиленнаго вниманія. Выполняя указанную новую задачу, оно должно было слѣдить за примѣненіемъ изданныхъ уже законоположеній, сглаживать затрудненія, неизбѣжно возникавшія изъ учрежденія какого-нибудь юридическаго порядка тамъ, гдѣ все зависѣло до сихъ поръ отъ усмотрѣнія и интересовъ частныхъ лицъ, и дополнять и приводить въ большее совершенство самое законодательство о крѣпостныхъ крестьянахъ.

Всѣ эти задачи требовали времени, громаднаго труда и неусыпнаго вниманія, для того чтобы разрѣшиться вполнѣ удовлетворительно. Сельское состояніе Россіи—девять десятыхъ ея населенія—должно было переживать отнынѣ *трудныя минуты*, когда участь его подлежала надолго рѣшительному измѣненію,— къ худшему или лучшему.

И случилось то, что должно было случиться и что бываетъ обыкновенно. Каждая реформа требуетъ напряженія. Напряженіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире самая реформа. Это—въ естественномъ порядкѣ

вещей. Въ томъ же неизбѣжномъ порядкѣ, за напряженіемъ слѣдуетъ утомленіе, соотвѣтствующее напряженію. Такимъ образомъ, ослабляются интересы выигравшіе. Вниманіе къ нимъ и притупляется, и сознательно уменьшается. Въ то-же время интересы проигравшіе, но еще существующіе, живущіе—ищутъ удовлетворенія. Побѣдитель жалѣетъ побѣжденнаго. А побѣжденный трепещетъ отъ жажды возвратить потерянное. Интересы проигравшіе незамѣтно заступаютъ мѣсто интересовъ выигравшихъ. Теперь они уже требуютъ къ себѣ вниманія, и тѣмъ еще болѣе ослабляютъ вниманіе къ интересамъ, только что выигравшимъ. Въ сложной же области государственной жизни, гдѣ правительству, обыкновенно, и всегда разомъ, представляются многочисленныя задачи, гдѣ одна большая задача слѣдуетъ за другой, гдѣ многочисленныя причины переплетаются съ многочисленными слѣдствіями, — одна задача и не можетъ ни долго сосредоточивать на себѣ напряженную заботливость, ни долго располагать для своего разрѣшенія необходимыми силами, рѣдко встрѣчающимися талантливыми дѣятелями. На эту сложную область вліяютъ еще и внѣшнія, безпрестанно чередующіяся, событія, сильно отвлекающія вниманіе и отъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ и потребностей.

Неизбѣжный поворотъ долженъ былъ послѣдовать и за 19 февраля 1861 г. Реформа была слишкомъ громадна, и этотъ поворотъ могъ сказаться еще сильнѣе, чѣмъ это произошло въ дѣйствительности. 19 февраля дѣйствительно порвалась «цѣпь великая»,— какъ сказалъ поэтъ,—больно ударивъ «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Вниманіе къ крѣпостнымъ крестьянамъ должно было немедленно ослабѣть. А это обстоятельство должно было отразиться само собою и на судьбѣ другихъ крестьянъ, дотолѣ свободныхъ, еслибъ даже относительно ихъ и не были предположены въ столь неудобный моментъ какія-либо мѣропріятія.

Между тѣмъ, 5 марта 1861 г. судьба двухъ обширныхъ разрядовъ сельскихъ обывателей была соединена уже съ судьбою вновь освобожденныхъ крестьянъ. Вскорѣ, къ тому же, вниманіе правительства и общества стало отвлекаться новыми явленіями и задачами. Съ крестьянскою реформою совпало усиленное желѣзнодорожное строительство. Здѣсь стали искать приложенія тѣ-же свободные дворянскіе капиталы, образовавшіеся путемъ передачи освобожденнымъ крестьянамъ земель на выкупъ,—съ содѣйствіемъ и безъ со-

дѣйствія правительства. Это было время, когда, между прочимъ, мнили учредить экономическій прогрессъ, вскорѣ же весьма ощутительно давшій себя почувствовать. Сталъ усиленно развиваться капитализмъ, потребовавшій массу государственныхъ силъ и средствъ и заслонявшій чисто народные интересы. Далѣе, началось польское возстаніе, потребовавшее весьма серьезнаго вниманія; предпринятъ былъ ахалъ-текинскій походъ; возникла русско-турецкая война; втеченіе всего этого времени, правительство и общество волновались внутренними смутами и т. д. Вообще, возникали новые задачи, вопросы и событія, заслонявшіе собою прежніе. Такимъ образомъ, мы пришли къ настоящему состоянію, когда старое требуетъ слишкомъ большихъ исправленій и частичныя мѣропріятія оказываются недостаточными, и когда нужно многое созидать вновь, при одновременномъ вліяніи внѣшнихъ событій, держащихъ все и всѣхъ въ напряженномъ, выжидательномъ состояніи. Въ то же время, идя далѣе такимъ совершенно естественнымъ путемъ,—мы дожили и до прямыхъ требованій со стороны дворянскаго сословія о необходимости устраивать его положеніе, не щадя государственныхъ средствъ, до объясненія имъ всѣхъ своихъ несчастій отмѣною крѣпостнаго «права»...

При такихъ условіяхъ, дѣятельность правительства въ отношеніи сельскаго состоянія выразилась послѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ двухъ направленіяхъ: 1) въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ къ законоположеніямъ 19 февраля 1861 г., и 2) въ обобщеніи и объединеніи законодательства о сельскихъ обывателяхъ. Главнымъ образомъ, заботы оказались обращенными на послѣднее. Но это было, такъ сказать, *упрощенное обобщеніе.* Положенія 19 февраля 1861 г. относительно крѣпостныхъ крестьянъ стали просто распространяться на прочее сельское населеніе. Они показались потомъ лучше, чѣмъ были и считались до тѣхъ поръ... То, что на первое время дѣлало положеніе освобожденныхъ неизмѣримо лучшимъ, чѣмъ только что прожитое состояніе неволи,—показалось достаточнымъ и для такихъ разрядовъ сельскихъ обывателей, которые не только всегда пользовались личною свободою, но *положеніе которыхъ особенно тщательно устраивалось втеченіе предшествовавшихъ десятковъ лѣтъ*, устраивалось даже съ прямо выраженной цѣлью,—*дать хорошій примѣръ помѣщикамъ и впослѣдствіи перевести владѣльческихъ крестьянъ въ то же положеніе.*

XVIII.

„Обобщеніе".

Преобразованіе положенія крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній.—Устройство вольныхъ людей.—Положеніе о башкирахъ.—Новое устройство государственныхъ крестьянъ.—Устройство колонистовъ.—Устройство государственныхъ крестьянъ 9 западныхъ губерній.—Устройство царанъ Бессарабской губерніи.—Устройство государственныхъ крестьянъ Сибири.—Положенія о крестьянахъ губерній Остзейскихъ и Царства Польскаго.

Не далѣе какъ 3 іюня 1863 г. было издано положеніе о крестьянахъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ. Сельское и волостное устройство ихъ, *долженствовавшее*, по указу 5 марта 1861 г., вырабатываться по образцу таковаго же устройства государственныхъ крестьянъ и бывшихъ помѣщичьихъ,—подлежало теперь переустройству *всецѣло* на основаніи Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Это положеніе, въ подлежащихъ статьяхъ, распространялось на нихъ прямо, безъ всякой переработки, хотя, при его примѣненіи, нужно было замѣнять въ умѣ нѣкоторыя понятія другими. Въ свою очередь, поземельное устройство названныхъ крестьянъ, равно какъ приведеніе въ дѣйствіе новыхъ о нихъ положеній,—осуществлялись точно такъ же, какъ совершено было поземельное устройство крѣпостныхъ. Въ мѣстномъ положеніи губерній великороссійскихъ, новороссійскихъ, бѣлорусскихъ были сдѣланы только соотвѣтствующія *замѣны словъ*. Точно такъ же и въ такомъ же размѣрѣ, какъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ расположенія помѣщичьихъ имѣній,—назначались крестьянамъ высшіе и низшіе надѣлы земли. Такъ же, какъ и помѣщичій классъ, удѣльное вѣдомство не обязывалось впослѣдствіи къ отводу новыхъ земель. Въ указываемыхъ размѣрахъ, земли передавались удѣльнымъ крестьянамъ за прежнія повинности, уменьшавшіяся въ томъ случаѣ, если онѣ превосходили оброкъ, положенный въ тѣхъ мѣстностяхъ на помѣщичьихъ крестьянъ. Приэтомъ только крестьяне государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній, въ отличіе отъ помѣщичьихъ, — переходили непосредственно на выкупъ по истеченіи двухъ лѣтъ, назначенныхъ для приведенія въ дѣйствіе новыхъ положеній. Въ такомъ смыслѣ на нихъ распространялось положеніе о выкупѣ. Съ 3 іюня 1865 г. они дѣ-

лались крестьянами-собственниками. Затѣмъ они подчинялись вѣдѣнію губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, образованныхъ для помѣщичьихъ крестьянъ, въ составѣ членовъ, выбранныхъ изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Особая власть, признанная необходимою для освобожденныхъ помѣщичьихъ крестьянъ и устроенная несогласно съ первоначальными предположеніями, особая власть эта оказалась соотвѣтствующею и для крестьянъ, находившихся до того въ иныхъ условіяхъ.

Далѣе, на основаніи правилъ 25 іюня 1864 года, вольные люди западныхъ губерній переставали образовывать особое отъ прочихъ сельскихъ обывателей состояніе и вошли въ общій составъ крестьянскаго сословія. Они дѣлились на 2 разряда: на перечисленныхъ въ сословіе вольныхъ людей послѣ 20 ноября 1857 г., и сдѣлавшихся вольными людьми до этого времени. Вольные люди перваго разряда получали право (но не обязанность) взять надѣлъ наравнѣ съ прочими крестьянами тѣхъ имѣній, изъ которыхъ вышли. Вольные люди втораго разряда получили всѣ права личныя, по имуществу и по состоянію, предоставленныя освобожденнымъ крестьянамъ 19 февраля 1861 г., и причислялись или къ существующимъ волостямъ, или образовывали изъ себя особыя общества. Землю предоставлялось имъ нанимать у помѣщиковъ на добровольныхъ условіяхъ, но взносившаяся ими тогда наемная плата понижалась на 10% до срока заключенныхъ уже договоровъ; если же срока постановлено не было,—то втеченіе года по обнародованіи закона 25 іюня 1864 г.; затѣмъ, договоры должны были заключаться на новые сроки,—не менѣе какъ на 12 л. Послѣ того, землевладѣлецъ могъ отказать съемщику, уплативъ ему сумму, равную двухгодовой наемной платѣ,—за лишеніе участка. Впрочемъ, нанимаемые участки могли быть пріобрѣтаемы вольными людьми втораго разряда въ собственность съ содѣйствіемъ правительства, на основаніи тѣхъ правилъ, которыя—говорилось здѣсь—*будутъ* вслѣдъ за симъ установлены по примѣненію къ положенію о выкупѣ и дополнительнымъ постановленіямъ. Правила эти, однако, изданы были *только* 3 іюня 1882 года въ отношеніи вольныхъ людей губерній: Ковенской, Виленской и Гродненской, и—21 марта 1888 г. относительно нѣкоторыхъ другихъ.

2 іюля 1865 г. воспослѣдовало утвержденіе положенія объ инородцахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ башкиръ, мещеряковъ, тептярей и бобылей, и подъ общимъ наименованіемъ башкирскаго войска.

Это было ничто иное, какъ Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, 19 февраля 1861 г.,—съ самыми незначительными измѣненіями и перемѣною только нѣкоторыхъ словъ. Башкиры подчинялись также мѣстнымъ губернскимъ и уѣзднымъ учрежденіямъ, образованнымъ для завѣдыванія дѣлами освобожденныхъ крестьянъ, съ *одинаковымъ* отношеніемъ къ ихъ новому общественному устройству.

Не далѣе какъ 18 января 1866 г. было утверждено и новое устройство государственныхъ крестьянъ. Съ этого времени, всѣ государственные крестьяне многочисленныхъ наименованій, состоявшіе подъ опекою и попечительствомъ министерства государственныхъ имуществъ,—подлежали постепенной передачѣ въ-вѣдѣніе губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. На нихъ распространялось также въ значительной степени Общее Положеніе 19 февраля 1861 г. Сельское и общественное управленіе ихъ и судъ устраивались всецѣло по названному положенію. Образовались или отдѣльныя волости изъ ихъ сельскихъ обществъ, или послѣднія присоединялись къ волостямъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Также могли образовываться сельскія общества изъ нѣсколькихъ селеній, и также отдѣльныя селенія могли оказываться лишенными самостоятельной юридической жизни, въ отличіе отъ прежняго положенія. Отмѣнялись всѣ прежнія условія, обезпечивавшія личность и собственность государственныхъ крестьянъ. Вмѣсто двухъ степеней суда домашняго, разсматривавшаго гражданскія дѣла ихъ до 15 руб. и дѣйствовавшаго на основаніи закона, приспособленнаго къ пониманію и быту крестьянъ,—водворялся и у нихъ волостной судъ съ большою властью, но почти безъ всякихъ гарантій правильности его дѣйствій. Государственные крестьяне не только подчинялись отнынѣ уголовной власти волостнаго суда, но также дисциплинарной власти своего общественнаго начальства. Послѣднее пріобрѣтало новыя права, но зато само становилось въ крайне неопредѣленныя отношенія къ новымъ сословнымъ учрежденіямъ для мѣстнаго завѣдыванія крестьянскими дѣлами.—Втеченіе трехъ лѣтъ, начиная отъ 18 января 1866 г., крестьяне, нуждающіеся въ землѣ, и лица, обязанныя по закону избирать родъ жизни, оставались при неизмѣнномъ правѣ приписываться къ обществамъ государственныхъ крестьянъ, надѣлъ которыхъ превышалъ 8 дес. въ малоземельныхъ уѣздахъ и 15 дес. въ многоземельныхъ. Но 24 ноября 1866 года были уже утверждены прави-

ла о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 36 губ. На основаніи этихъ правилъ, въ губерніяхъ: Воронежской, Калужской, Казанской, Московской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Ярославской, Астраханской, Екатеринославской, Костромской, Херсонской, Черниговской, Полтавской, Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской и Уфимской, въ разные сроки, подлежали выдачѣ государственнымъ крестьянамъ *владѣнныя записи* на земли, состоявшія доселѣ въ ихъ пользованіи. Крестьяне должны были платить за нихъ государственную оброчную подать, за лѣсные же участки—лѣсной налогъ, и причислялись къ разряду крестьянъ-собственниковъ. Оброчная подать оставалась неизмѣнною втеченіе 20 л.—до 24 ноября 1886 г. Но отъ уплаты ея, съ пріобрѣтеніемъ земель въ собственность, можно было освобождаться обществамъ и владѣльцамъ подворныхъ участковъ путемъ взноса въ казначейство такой суммы, проценты съ которой равнялись бы ежегодному оброку. 31 марта 1867 г. были утверждены правила составленія и выдачи государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей. *Бывшіе государственные крестьяне навсегда отрѣзывались отъ государственныхъ земельныхъ имуществъ.* Уже при самомъ составленіи владѣнныхъ записей, только въ виду исключительно-невыгоднаго положенія крестьянъ, допускалось со стороны послѣднихъ ходатайство о переселеніи или о прирѣзкѣ угодій изъ свободныхъ казенныхъ земель. Затѣмъ, только по признаніи подобнаго ходатайства уважительнымъ со стороны чиновника, предъявляющаго запись, и мироваго посредника, оно представлялось управляющему государственными имуществами, для передачи министру со своими соображеніями. Между тѣмъ, среди государственныхъ крестьянъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, могли нерѣдко оказываться къ этому времени разныя степени невыгоднаго поземельнаго положенія, вслѣдствіе увеличенія съ 19 февраля 1861 г. числа лицъ, имѣвшихъ право приписываться къ обществамъ, не испрашивая согласія,—именно вслѣдствіе пріобрѣтенія такого права дворовыми людьми и крестьянами мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. «Послѣ же выдачи владѣнныхъ записей, ни размноженіе въ какомъ либо обществѣ народонаселенія, ни другія обстоятельства не могутъ дать сельскому обществу права домогаться увеличенія надѣла, предоставленнаго оному во владѣніе»—постановлялось въ ст. 39 правилъ 31 марта 1867 г. Всѣ прежнія

многочисленныя права и льготы въ этомъ отношеніи оказались отнынѣ отмѣненными, хотя, — становясь въ противорѣчіе съ этою отмѣною,—законъ 18 января 1866 г., передавая государственныхъ крестьянъ въ другое вѣдѣніе, вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ: приэтомъ *сохраняются государственнымъ крестьянамъ всѣ тѣ права, коими они доселѣ пользовались*; а равно *не отмѣняются и тѣ особыя преимущества*, которыя дарованы нѣкоторымъ изъ состоящихъ въ вѣдѣніи управленія государственныхъ имуществъ разрядамъ сельскихъ обывателей, на основаніи особыхъ о каждомъ изъ нихъ положеній».

Подобнымъ же образомъ, въ отношеніи общественнаго и поземельнаго устройства, было пересоздано 23 декабря 1869 г. положеніе поселянъ разнаго наименованія, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Бессарабской области. То же самое было произведено по правиламъ 1870 г., іюня 4 — 16, въ отношеніи бывшихъ колонистовъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ губерніяхъ: Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, и въ области Бессарабской.

Подчиненные также дѣйствію Общаго Положенія въ отношеніи общественнаго устройства, государственные крестьяне 9 западныхъ губерній, въ поземельномъ отношеніи, были устроены нѣсколько иначе. Земли и угодья, которыми они владѣли на основаніи правилъ 16 мая 1866 г., предоставлялись имъ въ собственность, по опредѣленіи границъ и платежей особыми люстраціонными коммиссіями. Оброчная подать превращалась затѣмъ въ выкупные платежи, увеличиваясь на одну десятую часть, въ видахъ погашенія капитальной суммы *къ 1 января 1913 года*. По мѣрѣ совершенія люстраціонныхъ актовъ, государственнымъ крестьянамъ выдавались данныя на земли, и они переходили въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ, подчиняясь—въ отношеніи владѣнія и распоряженія землями ихъ надѣла, а равно и обезпеченія платежей, — правиламъ положенія о выкупѣ 19 февраля 1861 г.

По положенію 14 іюня 1868 г., на всѣхъ царанъ Бессарабской губерніи, въ составъ которыхъ вошли первоначально и бывшіе крѣпостные люди мѣстныхъ владѣльцевъ, освобожденные 19 февраля 1861 г., также было распространено Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; поземельное-же

устройство ихъ было преобразовано на основаніи правилъ, воспроизводящихъ буквально большую часть статей мѣстныхъ положеній 19 февраля 1861 г. Точно также на нихъ распространено было дѣйствіе положенія о выкупѣ.

21 ноября 1879 г. Общее Положеніе о крестьянахъ,, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, было распространено въ значительной степени и на государственныхъ крестьянъ Западной Сибири. Наблюденіе за общественныхъ управленіемъ крестьянъ, разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія и наложеніе на нихъ административныхъ взысканій за нарушеніе служебныхъ обязанностей — возлагались, въ предѣлахъ власти, предоставленной положеніемъ 19 февраля 1861 г. мировымъ посредникамъ и ихъ съѣздамъ, на земскихъ засѣдателей и на особыя присутствія, состоявшія подъ предсѣдательствомъ окружнаго судьи, изъ земскаго исправника и окружныхъ стряпчихъ и казначея. Впрочемъ, утвержденіе въ должности старшины предоставлялось губернатору, равно предоставлялось его же утвержденію отрѣшеніе старшины отъ должности и преданіе суду, по постановленіямъ названныхъ присутствій. 1 марта 1883 г. указанныя должностныя лица были замѣнены чиновниками по крест. дѣламъ и окружными по крест. дѣламъ присутствіями. 27 апрѣля 1882 г., на точно такихъ же началахъ и въ такихъ же краткихъ выраженіяхъ, было преобразовано общественное управленіе государственныхъ крестьянъ Восточной Сибири. Они подчинялись также земскимъ засѣдателямъ и особымъ присутствіямъ въ предѣлахъ власти, предоставленной мировымъ посредникамъ и ихъ съѣздамъ.

Словомъ, въ короткое время *Общее Положеніе о крѣпостныхъ крестьянахъ было сдѣлано общимъ для всѣхъ сельскихъ обывателей Россіи. Общими* были сдѣланы и первоначальныя учрежденія по дѣламъ крѣпостныхъ крестьянъ. Безправіе, приниженность и вообще юридическая необезпеченность освобожденныхъ крестьянъ были распространены на все сельское населеніе. Свое прочное юридическое положеніе утратили и тѣ разряды этого населенія, которые до тѣхъ поръ имъ пользовались...

Взаключеніе настоящей главы, слѣдуетъ упомянуть объ устройствѣ 19 февраля 1864 г. положенія крестьянъ губерній Царства Польскаго на началахъ того же Общаго Положенія, съ нѣкоторыми благопріятными особенностями и, между прочимъ, съ сохраненіемъ за отдѣльными деревнями или колоніями значенія юридическихъ лицъ

и съ учрежденіемъ *всесословной волости*, названной здѣсь *гминою*. Нужно упомянуть также о преобразованіи, 19 февраля 1866 г., общественнаго управленія крестьянъ Остзейскихъ губерній, — также лишь съ нѣкоторыми отступленіями отъ началъ Общаго Положенія, и между прочимъ, съ образованіемъ *всесословной волости*, въ составъ которой проживающія въ ея предѣлахъ лица податнаго состоянія зачислялись обязательно, и къ которой лица привилегированнаго сословія могли приписываться добровольно, безъ утраты своихъ особенныхъ правъ.

XIX.

О дальнѣйшемъ развитіи законоположеній 19 февраля 1861 г.

Мѣстныя изъятія. — Расширеніе обычныхъ предѣловъ исполнительной власти.—Крайняя недостаточность развитія, даннаго Общему Положенію о крѣпостныхъ крестьянахъ.

Итакъ, законоположенія 19 февраля 1861 г. давали освобожденнымъ крестьянамъ весьма неудовлетворительное юридическое положеніе. Притомъ, мѣстами, они оказывались слишкомъ краткими и неясными; а мѣстами, наоборотъ, слишкомъ растянутыми и не болѣе ясными. Вообще, обнимая весьма многое, касаясь отношеній, складывавшихся до сихъ поръ независимо отъ закона, и далеко не вполнѣ еще отрѣшаясь отъ прежняго порядка, законоположенія эти возбуждали множество весьма существенныхъ вопросовъ и сомнѣній. Кромѣ того, нѣкоторые предметы и прямо предположено было въ нихъ опредѣлить послѣ. Такимъ образомъ, составленіе общаго сельскаго судебнаго устава откладывалось до полнаго введенія освобожденныхъ крестьянъ въ кругъ и положеніе свободныхъ сельскихъ обывателей. Точно также не было признано необходимымъ, распространяя тогда же освобожденіе на разныя отдаленныя части страны, предусмотрѣть и опредѣлить немедленно особенности ихъ примѣненія въ такихъ случаяхъ,—равно когда впослѣдствіи прочіе свободные сельскіе обыватели стали спѣшно вводиться въ положеніе, созданное для освобожденныхъ крестьянъ, и когда также законы о помѣщичьихъ крестьянахъ внутреннихъ губерній стали распространяться на такія мѣстности, которыя не имѣлись въ виду, при ихъ выработкѣ. Вслѣдствіе этого, вопреки Основнымъ Законамъ, тогда же были предо-

ставлены почти законодательныя правомочія властямъ, учрежденнымъ,—по существу русскаго государственнаго устройства и на основаніи прямыхъ о нихъ постановленій,—*единственно для точнаго исполненія закона существующаго*. Такимъ образомъ, статья 14 дополнительныхъ правилъ для Ставропольской губерніи гласила: «Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ и правила о приведеніи въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ примѣняются къ Ставропольской губерніи по ближайшимъ указаніямъ намѣстника кавказскаго, съ тѣми *измѣненіями*, какія, по мѣстнымъ особенностямъ, будутъ имъ признаны необходимыми». Точно такое же право и въ такихъ же выраженіяхъ, только относительно правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній, заключавшихъ въ себѣ весьма важныя постановленія, предоставлялось генералъ-губернаторомъ восточной и западной Сибири. Наконецъ, въ отношеніи правилъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области, новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору также представлялось, статьею 39 правилъ о названныхъ крѣпостныхъ,—«принять тѣ мѣры, кои будутъ признаны нужными *въ дополненіе* къ симъ правиламъ, безъ отступленія отъ указанныхъ выше основаній» (и только).

Особыхъ условій для обезпеченія правильности дѣйствій со стороны исполнительной власти по такимъ предметамъ—установлено не было. Точно также не указывалось никакихъ особыхъ правилъ о составленіи и приведеніи во всеобщую извѣстность подобныхъ распоряженій, долженствовавшихъ дѣйствовать *наряду съ закономъ*, — и, слѣдовательно, требовавшихъ надлежащаго распространенія. Затѣмъ, такого рода новое начало въ русскомъ законодательствѣ не исчезло и впослѣдствіи, — какъ по силѣ того теченія, которое открылось въ русской государственной жизни по части расширенія полномочій исполнительной власти, такъ и потому, что послѣдующая законодательная дѣятельность относительно крестьянъ совершалась съ неменьшею поспѣшностью. Указанныя выше права намѣстника кавказскаго были сохранены за нимъ правилами 13 октября 1864 г. относительно Тифлисской губерніи. Въ отношеніе Кутаисской губерніи, ему же предоставлялось «преподать подробныя указанія, согласованныя съ положеніями для Тифлисской губерніи». То же самое предоставлялось ему и въ отношеніи остальныхъ губерній и по нѣкоторымъ другимъ немаловажнымъ предметамъ, касав-

шимся, напримѣръ, даже размѣра и порядка выполненія крестьянами ихъ повинностей передъ помѣщиками, то-есть, области частно-гражданскихъ отношеній.

Сокращая такимъ путемъ свои задачи относительно освобожденныхъ крестьянъ, но зато выполняя одно за другимъ важнѣйшія предположенія объ устройствѣ другихъ разрядовъ свободныхъ сельскихъ обывателей,—послѣдующее законодательство не могло придать полноты развитія и первоначальнымъ положеніямъ 19 февраля 1861 г. Это развитіе и дополненіе были предположены даже въ отношеніи освобожденныхъ крестьянъ. Съ распространеніемъ же законоположеній о нихъ на другихъ свободныхъ сельскихъ обывателей, — тѣмъ болѣе требовали развитія и дополненій положеніе о крестьянскихъ учрежденіяхъ и Общее Положеніе. Но зато тѣмъ труднѣе было придать имъ такое развитіе, ибо они постепенно обнимали бо̀льшій и бо̀льшій кругъ предметовъ, касались бо̀льшаго и бо̀льшаго числа особенностей и мѣстныхъ условій, попадали на почву, далеко неодинаково воздѣланную предшествующимъ законодательствомъ и всею исторіею.

Такимъ образомъ, Общее Положеніе 19 февраля 1861 г. о крѣпостныхъ крестьянахъ, постепенно становясь общимъ для всѣхъ сельскихъ обывателей и европейской, и азіатской Россіи, и даже для нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ и иностранцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, втеченіе всего этого времени, да настоящей минуты, получило весьма малое развитіе. Оно было дополняемо только въ такихъ отдѣльныхъ частяхъ, которыя были явно недостаточны и слишкомъ настоятельно требовали измѣненій. Тоже самое нужно сказать о другихъ законоположеніяхъ 19 февраля 1861 г.

XX.

Исключительное положеніе мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. — Безконтрольность мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Постепенно и слабо осуществляющаяся необходимость болѣе близкаго вмѣшательства государственной власти въ дѣла освобожденныхъ крестьянъ.—Земскій отдѣлъ.—Сенатъ.—«Кассаціонный» порядокъ обжалованія постановленій уѣздныхъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ. — Правила обжалованія рѣшеній и приговоровъ волостнаго суда.—Общія замѣчанія о правѣ принесенія жалобъ крестьянами.

Образованному, взамѣнъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, главному комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія, на

основаніи положенія о немъ 19 февраля 1861 г., предоставлялось, между прочимъ, «высшее наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе высочайше утвержденныхъ законоположеній о крестьянахъ и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и недоразумѣній, кои приэтомъ могутъ возникнуть»,—независимо отъ дальнѣйшаго развитія и дополненія названныхъ законоположеній. Тѣмъ же положеніемъ постановлялось: «Ближайшее наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе высочайше утвержденныхъ положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, сосредоточивается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Оно обязано доводить до главнаго комитета о ходѣ этого дѣла вообще и представлять на обсужденіе онаго всѣ тѣ вопросы, кои могутъ приэтомъ возникать и разрѣшеніе коихъ требуетъ предварительнаго разсмотрѣнія въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ».

Но самаго главнаго, — именно *способовъ надзора* и пути, по которому могли бы доходить до министерства и главнаго комитета свѣдѣнія о ходѣ освобожденія,—не было установлено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ положеніи о губ. и уѣздн. по крестьян. дѣл. учрежд. 19 февраля 1861 г. *вовсе не указывалось права обжалованія рѣшеній губернскихъ присутствій.* Дѣла рѣшались здѣсь *окончательно*, опять-таки внѣ какихъ либо установленныхъ формъ и обрядовъ, несмотря на всю громадную важность этихъ дѣлъ. Государственная власть, въ лицѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, соприкасалась тогда по закону съ дѣломъ освобожденія единственно черезъ посредство начальника губерніи, какъ предсѣдателя присутствія. Но отношеніе министерства къ крестьянскому дѣлу черезъ это лицо возникало только въ исключительныхъ случаяхъ. Именно ст. 132 постановляла: «Если по *особенно* важнымъ обстоятельствамъ, заслуживающимъ вниманія высшаго правительства, начальникъ губерніи затруднится исполнить рѣшеніе губернскаго присутствія, то ему предоставляется *пріостановить*, *подъ собственною отвѣтственностью*, исполненіе означеннаго рѣшенія, представивъ въ то же время о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла министру внутреннихъ дѣлъ». Совершенно очевидно, что это могло происходить, дѣйствительно, только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Несогласіе же губернатора съ мѣстнымъ дворянствомъ *и теперь* еще нерѣдко оканчивается не въ пользу высшаго представителя правительственной власти въ губерніи. Не лишена, поэтому, основаній традиція, въ силу которой эти представители считаютъ свое положеніе въ той мѣрѣ проч-

нымъ, въ какой царитъ миръ и согласіе между ними и мѣстнымъ дворянствомъ съ его предводителями...

Такимъ образомъ, *дѣло осуществленія всѣхъ условій освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ* и первоначальнаго ихъ устройства, согласно тому ясному началу, которое проникало положенія 19 февраля 1861 г., *было предоставлено вначалѣ почти безконтрольному усмотрѣнію представителей отъ бывшихъ владѣльцевъ этихъ крестьянъ.* Но такого рода начало было неестественно въ самомъ своемъ существѣ. Государственная власть, освободивъ крѣпостныхъ крестьянъ, сама становилась къ нимъ въ ближайшее отношеніе вмѣсто помѣщиковъ. Какимъ образомъ могла она въ то же время отдаляться отъ крестьянъ, становясь въ сторонѣ отъ самыхъ насущныхъ интересовъ этихъ, какъ бы уже полноправныхъ, членовъ русскаго общества? Дѣло не могло такъ продолжаться, ибо это противорѣчило также и тѣмъ задачамъ, которыя государство поставило себѣ вслѣдъ за освобожденіемъ. Это дѣлало невозможнымъ ни надзоръ, ни дальнѣйшее развитіе законоположеній 19-го февраля. Едвали должно было, поэтому, замедлить какое-либо мѣропріятіе, которымъ еслибъ и не отмѣнялось вовсе подобное неестественное начало, то которымъ оно, по крайней мѣрѣ, хотя-бы нѣсколько ослаблялось. Однако, попытки ослабленія указаннаго начала производились слишкомъ медленно и нерѣшительно даже тогда, когда вѣдѣнію учрежденій, образованныхъ для крѣпостныхъ крестьянъ, подчинены были другіе сельскіе обыватели, никогда несостоявшіе въ крѣпостной зависимости. Преобразованіе учрежденій для завѣдыванія на мѣстахъ крестьянскими дѣлами, почти съ самаго освобожденія, стоитъ на очереди, но и до сихъ поръ составляетъ неразрѣшенный вопросъ, а введеніе крестьянскихъ дѣлъ въ вѣдѣніе общихъ для всѣхъ учрежденій доселѣ остается крайне желательнымъ, но недостижимымъ, подчасъ же и удаляемымъ отъ осуществленія частными обращеніями къ старому порядку...

Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1861 года положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія было, прежде всего, постановлено: «Въ тѣхъ случаяхъ, когда министерство внутреннихъ дѣлъ замѣтитъ неправильность въ распоряженіяхъ губернскихъ присутствій (превышеніе власти, отступленіе отъ законовъ, несогласіе съ духомъ законоположеній), оно принимаетъ немедленно мѣры къ надлежащему направленію дѣйствій сихъ присутствій, входя

въ потребныхъ случаяхъ съ представленіями въ главный комитетъ. Если же въ распоряженіяхъ разныхъ присутствій по предметамъ однороднымъ будетъ замѣчено несогласіе, не оправдываемое мѣстными обстоятельствами, то принимаются мѣры къ предотвращенію на будущее время такихъ несогласныхъ между собою распоряженій; но когда *такія несогласныя между собою постановленія губернскихъ присутствій окажутся несогласными и съ духомъ новыхъ законоположеній*, то министерство внутреннихъ дѣлъ входитъ съ представленіями въ главный комитетъ, а положенія сего комитета, по постановленіямъ одного присутствія, сообщаются для свѣдѣнія и руководства другимъ присутствіямъ». Совершенно очевидно, что подобныя расплывчивыя указанія могли примѣняться весьма рѣдко, что опять-таки только въ исключительныхъ случаяхъ государственная власть могла становиться въ дѣйствительное соприкосновеніе съ дѣлами, интересами и нуждами освобожденныхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно, какъ осторожно и отдаленно приступала государственная власть ко вмѣшательству въ дѣла какъ бы свободныхъ уже крестьянъ. Законъ, съ его точными и буквально исполняемыми требованіями, какъ бы не былъ обязателенъ для мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Неправильныя дѣйствія ихъ, даже превышеніе власти,—не влекли за собою отмѣны тѣхъ постановленій, въ которыхъ обнаруживались. Неопредѣленно обозначавшіяся «мѣры» принимались только къ предотвращенію *на будущее время* нѣкоторыхъ распоряженій. — Губернскимъ присутствіямъ было довольно широко предоставлено, кромѣ того, «установленіе *всѣхъ подробностей*, относящихся до приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ» (ст. 129), а тутъ дѣйствія присутствій, очевидно, были неуловимы и для болѣе строго выраженнаго контроля.

Болѣе рѣшительная мѣра была объявлена въ законѣ 11 іюля 1863 г. Предоставлялось уже приносить въ сенатъ *жалобы* на рѣшенія губернскихъ присутствій — «по дѣламъ объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ, по дѣламъ о раскладкѣ поземельнаго на мировыя учрежденія сбора, по дѣламъ, касающимся правъ крестьянъ: личныхъ, по состоянію, по общественному и волостному ихъ устройству, и по отбыванію ими казенныхъ и земскихъ повинностей». Жалобы же на рѣшенія губернскихъ присутствій «по дѣламъ (какъ распорядительнымъ, такъ и по спорамъ и недоразумѣніямъ) о *поземельномъ* и *хозяйственномъ* устройствѣ крестьянъ»—предоставля-

лось приносить министру внутреннихъ дѣлъ. Однако, подобное разграниченіе дѣлъ было, безъ сомнѣнія, неудобопонятно для крестьянъ-жалобщиковъ. Какъ могли они узнавать, въ какомъ именно порядкѣ могла быть подаваема жалоба въ томъ или другомъ случаѣ, — министру или въ сенатъ, тѣмъ болѣе, что всѣ понятія, выраженныя въ законѣ 11 іюля 1863 г., въ самомъ Общемъ Положеніи были изложены далеко не систематично, и притомъ въ формѣ, неясной для крестьянъ. А отсюда, естественно, должны были возникать весьма частые случаи возбужденія жалобъ не по адресу и многочисленныя затрудненія для крестьянъ, желающихъ обжаловать касающіяся ихъ неправильныя рѣшенія. Жалобы подавались въ самыя присутствія и препровождались послѣдними по принадлежности, вмѣстѣ съ объясненіями. Министръ соглашается съ постановленіемъ присутствія, если не замѣтитъ «ни превышенія власти, ни отступленія отъ законовъ»; въ противномъ случаѣ, «при уничтоженіи обжалованнаго рѣшенія губернскаго присутствія, какъ по дѣламъ распорядительнымъ, такъ по спорамъ и недоразумѣніямъ, не рѣшаетъ дѣла по существу, а направляетъ его согласно положеніямъ о крестьянахъ и дополнительнымъ къ онымъ постановленіямъ». Затѣмъ, жалобы на постановленія самого министра разсматривались въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Какъ видно, и порядокъ дѣйствій министерства не опредѣлялся съ достаточною точностью. Цѣлый рядъ неясностей лишалъ дѣло надлежащей устойчивости. Вѣрно то, что и *министерство образовало изъ себя родъ кассаціонной инстанціи*, каковое значеніе съ этой стороны вообще придавалось учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Оставалось неизвѣстнымъ, въ какой именно составной части министерства сосредоточивались крестьянскія дѣла. Въ учрежденіи министерствъ (т. I, по прод. 1865 г.) не значилось никакихъ дополненій, въ виду возложенія на министра внутреннихъ дѣлъ изложенныхъ выше правъ. Только въ особомъ прил. къ т. IX зак. о сост., въ правилахъ о повѣрочныхъ коммисіяхъ, 9 апрѣля 1863 г.,—слѣдовательно, еще до изданія закона 11 іюля 1863 г.,— выяснилось отношеніе къ нѣкоторымъ крестьянскимъ дѣламъ западныхъ губерній со стороны *земскаго отдѣла* министерства внутреннихъ дѣлъ. Повидимому, въ земскомъ отдѣлѣ и стали сосредоточиваться крестьянскія дѣла. Но самое это учрежденіе—одно изъ наименѣе опредѣленныхъ. По положенію 4 марта 1858 г. (второе полное собр.

зак., № 32826) о центральномъ статистическомъ комитетѣ, послѣдній состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: статистическаго и земскаго. Вѣдѣнію земскаго отдѣла подлежали: «предварительное обсужденіе и разработка всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся *земско-хозяйственнаго* устройства въ имперіи». Положеніемъ 27 іюля 1861 г. земскій отдѣлъ былъ выдѣленъ изъ центральнаго статистическаго комитета. Но въ 9-ти пунктахъ новаго положенія опредѣлялся только составъ земскаго отдѣла. Онъ состоялъ изъ управляющаго, помощника, секретаря, производителей дѣлъ и ихъ помощниковъ. Что же касается до свойства дѣлъ, вѣдѣнію его подлежащихъ, то, со ссылкою на тотъ же законъ 4 марта 1858 г., по прод. 1863 г., въ учрежденіи министерствъ, они обозначались и здѣсь словами: дѣла «о земско-хозяйственномъ устройствѣ въ имперіи». Возстановить понятіе о такого рода дѣлахъ, очевидно, представлялось весьма затруднительнымъ. Слова: «земское» и «хозяйственное» не имѣли точнаго и вполнѣ опредѣленнаго значенія въ нашемъ законодательствѣ. Созданіе же 1 января 1864 г. *земскихъ* учрежденій для завѣдыванія *хозяйственными* нуждами и пользами населенія на мѣстахъ окончательно смѣшивало эти понятія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и назначеніе нѣкоторыхъ другихъ центральныхъ учрежденій. Это же лучше всего показало неопредѣленность употребленія этихъ словъ самимъ законодателемъ. При такихъ обстоятельствахъ, назначеніе земскаго отдѣла стало болѣе понятнымъ только съ изданіемъ постановленія отъ 20 іюня 1865 г., о передачѣ въ земскій отдѣлъ изъ департамента полиціи исполнительной—всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, «возникающимъ изъ взаимныхъ между помѣщиками съ крестьянами отношеній, бывшихъ до 19 февраля 1861 г., и о безпорядкахъ, возникающихъ изъ поземельныхъ отношеній временно-обязанныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, равно изъ неправильнаго пониманія или толкованія законовъ, до устройства сельскаго состоянія относящихся»; и о передачѣ изъ департамента общихъ дѣлъ въ тотъ же земскій отдѣлъ — дѣлопроизводствъ о вопросахъ, возникающихъ между владѣльцами земель и царанами въ Бессарабской области; о передачѣ, затѣмъ, изъ самого земскаго отдѣла въ департаментъ полиціи исполнительной—дѣлъ «о наблюденіи за поступленіемъ государственныхъ податей и другихъ сборовъ съ крестьянъ». Вѣдомство земскаго отдѣла и порядокъ его дѣйствій вообще опредѣлялись больше сами собою, по обычаю. Со стороны завѣдыванія, и въ министерствѣ внутрен-

нихъ дѣлъ крестьянскія дѣла не обезпечивались законодательными постановленіями. Теченіе ихъ и здѣсь оказывалось въ зависимости отъ личнаго состава министерства, то есть, отъ случайныхъ причинъ.—Все это не помѣшало земскому отдѣлу, на основаніи своего рода обычнаго права въ этой области публичныхъ отношеній, оказать крестьянскому дѣлу весьма замѣтную службу. Во время выработки положеній 19 февраля, земскій отдѣлъ своими заключеніями о проэктахъ губернскихъ комитетовъ, своею борьбою противъ крѣпостническихъ тенденцій,—поддерживалъ редакціонныя коммисіи и облегчалъ сохраненіе постановленій именно означенныхъ коммисій, безъ измѣненія ихъ согласно тѣмъ требованіямъ. Цѣлый рядъ, хотя и не всегда правильныхъ, циркуляровъ и инструкцій, въ видахъ точнаго исполненія закона, изданный министромъ внутреннихъ дѣлъ,—вырабатывался въ земскомъ отдѣлѣ, сглаживая шероховатости новыхъ отношеній. Именно земскій отдѣлъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, обнаружилъ весьма важную для дѣла заботливость о распространеніи надлежащихъ свѣдѣній о законоположеніяхъ 19 февраля 1861 г. и о правильномъ ихъ пониманіи, издавъ предшествующія и издавая по полугодіямъ дополнительныя къ нимъ постановленія отдѣльными книжками, пускавшимися въ продажу по весьма доступной цѣнѣ (25 — 30—40 к.). (Такимъ образомъ, составился весьма важный для изученія крестьянскаго дѣла «Сборникъ правительственныхъ распоряженій по крестьянскимъ дѣламъ за 1857 — 1876 г.», быстро разошедшійся, перепечатанный г. Чичинадзе и продолженный имъ же, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ). Вообще, земскій отдѣлъ сдѣлался учрежденіемъ съ весьма обширною и почтенною практикою по крестьянскимъ дѣламъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что дѣятельность его была бы еще успѣшнѣе, еслибъ она была надлежаще организована и обезпечена закономъ.

Что же касается до правительствующаго сената, то въ особомъ приложеніи къ законамъ о сост., по прод. 1864 г., не означалось даже, по какому департаменту должны были производиться новыя дѣла, возложенныя на него закономъ 11 іюля 1863 г. И только въ дополненіи 2 къ ст. 33 самого учрежденія сената по тому же продолженію значилось, что дѣла эти принадлежатъ къ вѣдомству перваго департамента. Никакого особаго порядка производства для этого рода дѣлъ и здѣсь не указывалось закономъ. Но, какъ показали потомъ уже самыя рѣшенія, *и сенатъ образовалъ изъ*

себя родъ кассаціонной инстанціи, толкуя законъ, но не постановляя рѣшеній своихъ по существу, а передавая уничтоженныя постановленія тѣмъ же губ. присутствіямъ, для составленія новыхъ, не стѣсняясь прежними. Такъ формулировались въ заключеніе сенатскіе указы. Слѣдовательно, устройство крѣпостныхъ крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ, не только въ поземельномъ, и тутъ еще возлагалось на мѣстныя учрежденія, вѣдѣнію которыхъ и на такихъ же началахъ вскорѣ подпали и прочіе свободные сельскіе обыватели.

Собственно въ положеніи объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ 19 февраля 1861 г. не упоминалось прямо объ обжалованіи рѣшеній и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ. Только въ ст. 127, относившейся уже къ губернскимъ присутствіямъ, было означено, что вѣдѣнію послѣднихъ подлежитъ: «разсмотрѣніе и разрѣшеніе жалобъ на мировыхъ посредниковъ и уѣздные мировые съѣзды по *всѣмъ* родамъ дѣлъ, въ случаѣ *превышенія власти* или несоблюденія ими предписаннаго *порядка* и установленныхъ *правилъ*». Вообще, право обжалованія, съ большимъ трудомъ выводимое, предоставлялось въ особомъ «кассаціонномъ» порядкѣ и въ весьма ограниченной степени, такъ какъ правила дѣйствій мировыхъ учрежденій, указанныя закономъ, были кратки, власть же мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ не была опредѣлена съ достаточною ясностью. Въ то же время не было установлено ни правилъ для обжалованія, ни способовъ исчисленія сроковъ. А изъ этого естественно должны были проистекать большія затрудненія для крестьянъ. Разсмотрѣніе жалобъ могло оказаться въ зависимости отъ усмотрѣній и случайностей. Недостатокъ этотъ былъ восполненъ только 21 іюля 1864 г. изданіемъ правилъ о порядкѣ принесенія жалобъ на уѣздные мировые съѣзды и изданіемъ, 26 сентября 1865 г., правилъ объ исчисленіи сроковъ для такого обжалованія постановленій съѣздовъ. Этими *постановленіями, какъ бы путемъ аутентическаго толкованія, впервые устанавливалось категорически самое право обжалованія.* Но въ то время большая часть уставныхъ грамотъ была уже утверждена и весьма многіе интересы крестьянъ сложились уже окончательно такъ или иначе, безъ подобнаго огражденія. Многое, что могло бы разрѣшиться правильнѣе, исправлять было уже поздно...

14 февраля 1866 г. сочтено было, наконецъ, необходимымъ установить для крестьянъ право обжалованія приговоровъ и рѣше-

ній волостныхъ судовъ. Однако, и здѣсь, прежде всего, было оговорено, что рѣшенія и приговоры эти—окончательные. Затѣмъ, указывался опять таки своего рода «кассаціонный» порядокъ ихъ обжалованія. Рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ, по просьбамъ заинтересованныхъ лицъ, могли быть отмѣняемы мировыми съѣздами, безъ постановленія своихъ мнѣній по существу, но съ передачею въ тѣ же волостные суды для постановки новыхъ. Возможность же обжалованія рѣшеній и приговоровъ волостнаго суда предоставлялась только въ такихъ исключительныхъ случаяхъ: если судъ постановитъ рѣшеніе или приговоръ «по такому дѣлу, которое не подлежитъ его разбору на основаніи статей 96, 97, 98 и 101 Общаго Положенія о крестьянахъ, или приговоритъ виновныхъ въ совершеніи маловажныхъ проступковъ ко взысканію, либо наказанію, въ мѣрѣ, превышающей указанную въ ст. 102 того же Положенія; или же, наконецъ, постановитъ по дѣлу рѣшеніе безъ вызова участвующихъ въ дѣлѣ лицъ». Но въ то же время, при сравнительно небольшомъ числѣ поводовъ къ обжалованію рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ,—поводовъ, указывавшихся самимъ заинтересованнымъ лицамъ,—тѣмъ же закономъ 14 февраля 1866 г. предоставлено было уже мировому посреднику, безъ чьихъ либо просьбъ и заявленій, самому представлять съѣзду объ отмѣнѣ приговоровъ волостныхъ судовъ по дѣламъ о проступкахъ, когда судъ «*явно* превыситъ власть, предоставленную ему закономъ». А при неопредѣленности выраженія «явно» и самой власти волостного суда, устанавливавшейся въ нѣсколькихъ короткихъ статьяхъ, все это, безъ сомнѣнія, могло приводить къ нежелательному уже, совершенно произвольному, вмѣшательству въ сельское правосудіе со стороны мировыхъ посредниковъ, къ расширенію и безъ того слишкомъ большаго вліянія ихъ на крестьянское самоуправленіе. Изъ всѣхъ учрежденій 19 февраля 1861 г. волостной судъ представляется наименѣе совершеннымъ, хотя для организаціи крестьянскаго суда былъ тогда готовый прекрасный образецъ въ видѣ двухъ степеней суда—сельскаго и волостного—среди государственныхъ крестьянъ. Посвященныя волостному суду, всего *шестнадцать статей* Общаго Положенія составляютъ нарушеніе всякихъ общепринятыхъ началъ устройства суда. Возстановить понятіе объ этой формѣ суда, разсмотрѣть его общія начала—крайне затруднительно. Но, по крайней мѣрѣ, до предоставленія (14 февраля 1866 г.) указаннаго вмѣшательства мировому посреднику, волостной судъ былъ болѣе самостоятеленъ.

Между прочимъ, постановленія мировыхъ съѣздовъ, а потомъ (съ 1874 г.) уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, до 1879 г., были свободно обжалуемы и по дѣламъ, разрѣшавшимся волостными судами,—въ губернскія присутствія, а затѣмъ, въ сенатъ. Но въ этомъ году, черезъ 13 лѣтъ, по дѣлу крестьянокъ Долгановой и Ишпехтуровой, сенатъ нашелъ, что не только до него, но и до губернскихъ присутствій постановленія эти не должны были доходить по закону,—и дальнѣйшее обжалованіе соображеній мировыхъ съѣздовъ по столь сложному предмету было *прекращено* съ разными колебаніями. То есть, произошло, только новымъ путемъ (путемъ противорѣчивой и—кстати сказать, въ данномъ случаѣ, неправильной сенатской практики), то же старое явленіе—*удаленія государственной власти отъ крестьянскихъ дѣлъ и предоставленія ихъ окончательному разрѣшенію мѣстныхъ дворянскихъ учрежденій.*

Характерно разсмотрѣнное явленіе столь слабо развивающагося права жалобы, какъ важнѣйшаго проводника къ государственной власти. Оно напоминаетъ весьма живо о состояніи крѣпостной зависимости. Благодаря ошибочному (разсмотрѣнному выше: гл. VI) помѣщенію редакторами Свода Законовъ,—въ видѣ ст. 575 т. IX Свода, изд. 1832 г.,—неправильнаго сенатскаго толкованія отъ 22 августа 1767 г., крѣпостные крестьяне считались лишенными права жалобы настолько, что высочайше утвержденными 4 декабря 1858 г. главными основаніями указывалось: «при обнародованіи новаго положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ, предоставляются симъ крестьянамъ права свободныхъ сельскихъ обывателей,—личныя, по имуществу и *по праву жалобы*». Но и затѣмъ новый порядокъ, вопреки этимъ *основнымъ началамъ*, все же не былъ установленъ вполнѣ,—потому именно, надо полагать, что онъ былъ слишкомъ новъ, что отрицаніе у крѣпостныхъ крестьянъ права жалобы было слишкомъ распространено. Противникамъ освобожденія оказалось легче опереться въ своихъ видахъ на подобное неправильное мнѣніе, чѣмъ сторонникамъ—на упомянутыя основныя начала.

XXI.

Смѣшеніе властей.

Законъ 25 октября 1865 г.—Дѣла судебнаго свойства.—Оставленіе въ вѣдѣніи административныхъ учрежденій, попрежнему, нѣкоторыхъ дѣлъ судебнаго свойства.

25 октября 1865 г. было постановлено о передачѣ мировыми посредниками въ вѣдѣніе новыхъ судебныхъ установленій—тамъ, гдѣ они учреждались,—всѣхъ споровъ и исковъ «*судебнаго свойства*, не относящихся до исполненія уставныхъ грамотъ и предметовъ, въ нихъ обозначенныхъ, и не истекающихъ изъ тѣхъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, которыя опредѣлены положеніями 19 февраля 1861 г.» Въ то-же время въ слѣдующемъ пунктѣ закона 25 октября 1865 г. казуистически указывалось, что, на этомъ основаніи, отнынѣ подлежатъ разсмотрѣнію судебныхъ установленій: дѣла по жалобамъ постороннихъ лицъ на крестьянскія общества; дѣла судебно-полицейскаго разбирательства; дѣла по всякимъ гражданскимъ искамъ и спорамъ, когда спорящія стороны просятъ о рѣшеніи оныхъ по совѣсти. Всѣ ли дѣла, передававшіяся судебнымъ установленіямъ на основаніи перваго пункта, перечислялись во второмъ? Очевидно, что второй пунктъ точнѣе опредѣлялъ содержаніе перваго, но уже въ смыслѣ *ограниченія* его общаго указанія, въ смыслѣ *уменьшенія* числа дѣлъ судебнаго свойства, исключавшихся изъ вѣдомства мировыхъ посредниковъ. *Отношеніе къ новымъ судебнымъ установленіямъ, въ дѣйствительности, тутъ-же съуживалось.* Такимъ образомъ, согласно первому пункту, казалось бы, вполнѣ подчинялись судебнымъ установленіямъ споры о недвижимыхъ имуществахъ, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ прежнее время на имя помѣщиковъ. Ибо это были вполнѣ дѣла судебнаго свойства, не вытекавшія изъ обязательныхъ отношеній и не касавшіяся ни предметовъ, обезначенныхъ въ уставныхъ грамотахъ, ни порядка ихъ исполненія. Однако, по силѣ ограничительнаго дѣйствія именно втораго пункта, дѣла эти оказались, попрежнему, въ вѣдѣніи мировыхъ посредниковъ. Между тѣмъ, всѣ неудобства и неестественность такого положенія этихъ дѣлъ, повидимому, почувствовались очень скоро, потому что уже 6 мая 1863 г., было предоставлено ми-

нистру внутреннихъ дѣлъ «входить, *по бывшимъ примѣрамъ*, съ представленіями въ главный комитетъ по такимъ искамъ крестьянъ о земляхъ, присвоиваемыхъ ими въ собственность, къ которымъ, по особымъ исключительнымъ обстоятельствамъ, невозможно примѣнить буквально означенныя (установленныя 19 февраля 1861 г., приложенныя къ статьѣ 32 Общ. Пол. и изложенныя нами выше) правила *безъ явнаго нарушенія справедливости*». Таковы, строго говоря, были всѣ иски и споры этого рода. Упоминаемыя правила вообще, были крайне недостаточны. Но теперь и по поводу особо-выдѣляемыхъ исковъ,—какъ такихъ, къ которымъ нельзя было примѣнять извѣстныя правила «безъ явнаго нарушенія справедливости»,—слѣдуетъ сказать, что болѣе или менѣе близкое отношеніе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ къ крестьянскимъ дѣламъ не было установлено; это, въ смыслѣ прямаго предоставленія крестьянамъ права обжалованія постановленій губернскихъ присутствій, сдѣлано было лишь позднѣе—11 іюля 1863 г. Тогда же, т. е. 6 мая 1863 г., отношеніе министерства къ крестьянскимъ дѣламъ было еще крайне ограничено. Тѣмъ не менѣе, какъ видно, *жизнь все же превозмогла формы*: законные интересы крестьянъ были такъ явны и серьезны, что сразу создалось своего рода обычное право—«бывшіе примѣры» въ видѣ передачи подобныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе, частью, даже законодательнаго учрежденія. Однако, несмотря на то, тѣмъ же губернскимъ присутствіямъ, полтавскому—4 марта 1864 г., и кіевскому, волынскому и подольскому—30 іюня 1865 г., было предоставлено *окончательное*, въ качествѣ высшаго совѣстнаго суда, рѣшеніе дѣлъ по искамъ крестьянъ о принадлежности имъ земель, пріобрѣтенныхъ даже и не на имя помѣщиковъ. Приэтомъ, присутствія могли только «не стѣсняться»—какъ говорилось неопредѣленно въ означенныхъ постановленіяхъ—давностью пріобрѣтенія. Тѣмъ естественнѣе, казалось бы, прежнія и вновь возникающія дѣла этого рода исключить 25 октября 1865 г. изъ вѣдомства мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и передать по принадлежности въ новыя судебныя установленія, конечно, съ нѣкоторымъ ослабленіемъ строгости судебныхъ доказательствъ. *Новый судъ съ большею справедливостью разрѣшилъ бы такого рода щекотливыя дѣла.* Права частной собственности крестьянъ получили бы большее огражденіе. А этимъ лучше всего развивалось бы и укрѣплялось въ самихъ бывшихъ крѣпостныхъ уваженіе къ чу-

жой собственности. Въ недостаткѣ же этого уваженія ихъ часто укоряли,—а губернскіе комитеты, именно по этой причинѣ, предлагали, напримѣръ, въ отношеніи охраны лѣсовъ, даже чрезвычайно строгія мѣры.

Явная потребность эта не была, однако, удовлетворена и при преобразованіи мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій по закону 27 іюня 1874 г. Существеннѣйшія права крестьянъ и тутъ не получили достаточнаго признанія.

XXII.

Преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ 1874 г.

Начало предположеній о переустройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Единодушно неблагопріятные отзывы губернаторовъ о мировыхъ посредникахъ.—Преобразованіе 27 іюня 1874 г.—Крайняя неопредѣленность состава новыхъ уѣздныхъ присутствій.—Неопредѣленность въ распредѣленіи правъ и обязанностей между членами.—Полу-законодательныя полномочія уѣздныхъ присутствій.—Порядокъ дѣйствія присутствій.—Опечатка.

Неудовлетворительность первоначальныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ—мировыхъ посредниковъ, мировыхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій—была признана вслѣдъ за 19 февраля 1861 г. Въ полной мѣрѣ *смѣшанная* власть ихъ никакъ не вязалась съ предположеніями о переустройствѣ судебной части на началахъ строгаго отдѣленія судебной власти отъ административной, тѣмъ болѣе, что это раздѣленіе для самихъ учрежденій по завѣдыванію крестьянскими дѣлами было предуказано въ основныхъ началахъ, высочайше утвержденныхъ 25 марта 1859 г. Не могла не дѣйствовать тутъ и весьма ясно представлявшаяся необходимость подчиненія освобождавшихся крестьянъ общимъ административнымъ и судебнымъ мѣстамъ.

Уже въ 1862 г., государственный секретарь сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что, при предварительныхъ соображеніяхъ объ устройствѣ судебной части, возникъ, между прочимъ, вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ быть мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ къ теперешнимъ мировымъ посредникамъ и ихъ съѣздамъ? Въ разрѣшеніе этого вопроса,—объяснялъ при этомъ государственный секретарь—*была принята мысль, что съ учрежденіемъ мировыхъ*

судей едвали представится надобность имѣть еще особыхъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ посредниковъ. Обязанности послѣднихъ, по составленію и приведенію въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, могутъ быть, безъ всякаго затрудненія, возложены на мировыхъ судей,—тѣмъ болѣе, что мировые судьи будутъ избираемы *всѣми* сословіями уѣзда, слѣдовательно, и помѣщиками, и временно-обязанными крестьянами.—Съ своей стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ передалъ вопросъ этотъ на соображеніе самихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, въ циркулярѣ своемъ губернаторамъ отъ 30 октября 1862 г. («Сборникъ правит. распоряженій по устр. быта крестьянъ», 2-е полугодіе 1862 г., изд. земскаго отдѣла, стр. 124). Предположенія эти такъ и не осуществились.

Между тѣмъ, 25 губернаторовъ изъ 28, во всеподданнѣйшихъ отчетахъ своихъ уже за 1868 г., засвидѣтельствовали почти единогласно, что большинство посредниковъ отличается бездѣйствіемъ и равнодушіемъ къ своимъ обязанностямъ. «Многіе изъ нихъ»—говорилось въ обнародованныхъ «соображеніяхъ», принятыхъ въ основаніе закона 27 іюня 1874 г. (см. упомянутый выше сборникъ земскаго отдѣла за 1873—1875 гг., стр. 126) — «втеченіе цѣлаго года *не были ни разу въ нѣкоторыхъ волостяхъ своего участка*; другіе ни одного разу не посѣтили волостныхъ правленій государственныхъ крестьянъ, съ самой передачи послѣднихъ въ ихъ вѣдѣніе. Вмѣсто объѣзда и личныхъ распоряженій на мѣстахъ, посредники живутъ безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ, ограничиваясь или перепискою съ волостными и сельскими начальствами, или вызовами ихъ къ себѣ... По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ прежнее время жалобы на посредниковъ и дѣла о нихъ касались большею частью обвиненія ихъ въ *пристрастіи* къ тому или другому изъ заинтересованныхъ сословій. Въ ближайшее время, подобныхъ обвиненій становится меньше и меньше, и большинство жалобъ и дѣлъ возникаетъ о *медленности и бездѣйствіи.* Между тѣмъ, дѣла о преданіи мировыхъ посредниковъ служебной отвѣтственности и наложеніи на нихъ служебныхъ взысканій, при установленной сложной процедурѣ черезъ правительствующій сенатъ, не могутъ оканчиваться ранѣе полугода, а иногда, безъ особаго промедленія, продолжаются годъ и болѣе. Притомъ, въ случаѣ простаго бездѣйствія или упущеній по службѣ, дѣла оканчиваются, большею частію, замѣчаніемъ или выговоромъ и, слѣдовательно, — не дости-

гается главная цѣль, которая заключается не въ наказаніи, а въ устраненіи бездѣятельнаго лица».

Вообще, преобразованіе было признано неотложнымъ. Оно и было совершено 27 іюня 1874 г., — впрочемъ, только относительно губерній съ земскими учрежденіями. Единоличная власть посредниковъ была частью замѣнена властью коллегіальнаго учрежденія, — уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Послѣднее какъ бы замѣнило собою двѣ инстанціи,—мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздъ, успѣвшій пріобрѣсти къ этому времени еще болѣе рѣзко выраженный сословный характеръ, вслѣдствіе постепеннаго, по закону 18 февраля 1870 г., упраздненія изъ его состава членовъ отъ правительства. Подъ предсѣдательствомъ того же предводителя дворянства, уѣздное присутствіе должно было состоять: изъ непремѣннаго члена, уѣзднаго исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и одного изъ почетныхъ мировыхъ судей, по приглашенію министра юстиціи. Непремѣнный членъ назначался изъ тѣхъ же лицъ, что и мировые посредники, то есть изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Приэтомъ, — такъ сказать, въ воспоминаніе о выс. утв. 25 марта 1859 г. главныхъ началахъ, — избирающимъ крестьянскимъ элементомъ, именно, какъ таковымъ, признано было губернское земское собраніе, представлявшееся, какъ извѣстно, почти исключительно дворянскимъ. Собраніе это должно было избирать, по извѣстному списку, двухъ кандидатовъ на каждую должность непремѣннаго члена. Одинъ изъ нихъ утверждался въ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ, что касается до уѣзднаго присутствія то при наличности чрезвычайно развитаго совмѣстительства въ области мѣстнаго управленія, оно явилось въ такой мѣрѣ неопредѣленнымъ и случайнымъ по своему составу, какъ ни одно изъ прежнихъ или существующихъ учрежденій. Въ большинствѣ уѣздовъ, должность предводителя дворянства (предсѣдателя распорядительнаго органа земства, — уѣзднаго собранія) соединялась съ должностью предсѣдателя управы (исполнительнаго органа). Значитъ, въ такихъ противорѣчившихъ положенію о земскихъ учрежденіяхъ, но весьма распространенныхъ случаяхъ, въ составѣ новаго уѣзднаго присутствія должно было оказываться вмѣсто двухъ лицъ — одно Далѣе, нерѣдко непремѣнный членъ являлся одновременно кандидатомъ предводителя, что и допускалось закономъ. Въ такихъ же случаяхъ, въ отсутствіи предводителя, онъ занималъ его мѣсто,—мѣсто

предсѣдателя присутствія, оставаясь непремѣннымъ членомъ. Опять въ присутствіи вмѣсто двухъ лицъ оказывалось одно. Мировые судьи, по избраніи, довольно медленно утверждаются въ должностяхъ сенатомъ. До тѣхъ же поръ министръ юстиціи не можетъ и приглашать ихъ въ составъ присутствія. А по воспослѣдованіи утвержденія, то есть, черезъ годъ — полтора, проходитъ немало времени, прежде нежели состоится самое приглашеніе, такъ что участіе мировыхъ судей только предполагается. Приглашаются притомъ почетные мировые судьи,—то есть, судьи, которые и къ дѣламъ своего съѣзда относятся совершенно безучастно, занимая большею частію мѣста и не имѣя никакихъ своихъ мнѣній. Наконецъ, всѣ члены, кромѣ непремѣннаго, — люди какъ бы посторонніе для присутствія, поглощенные множествомъ дѣлъ по настоящей своей службѣ. Въ случаѣ же болѣзни или отлучки, они могли замѣщаться лицами, заступающими ихъ по должности,—что̀, при отсутствіи всякаго надзора, и должно было дѣлаться весьма широко и произвольно.

Безъ сомнѣнія, при подобномъ *случайномъ, неопредѣленномъ и безразличномъ составѣ* новаго, хотя бы и коллегіальнаго, учрежденія, — крестьянскія дѣла не должны были идти успѣшнѣе, чѣмъ прежде, въ особенности при сопоставленіи этихъ обстоятельствъ съ исключительными правами присутствія и съ неопредѣленностью его обязанностей.

Непремѣнный членъ долженъ былъ составлять главную рабочую силу въ присутствіи, какъ человѣкъ наиболѣе свободный. Онъ замѣнялъ мироваго посредника по дѣламъ, требующимъ единоличныхъ распоряженій. Но обязанности мироваго посредника, относительно взысканія съ крестьянъ разныхъ платежей и сборовъ, возлагались на уѣзднаго исправника. Послѣдній долженъ былъ испрашивать разрѣшеніе присутствія на продажу движимаго крестьянскаго имущества. Къ нему переходили также нѣкоторыя другія обязанности посредника. Уѣздному же исправнику передавалась и власть посредника относительно наложенія взысканій на должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій за проступки по дѣламъ, ему ввѣреннымъ. Непремѣнный членъ не пріобрѣталъ права дисциплинарной власти, принадлежавшей мировому посреднику. Власть эта дѣлилась нынѣ между присутствіемъ и исправникомъ. За всѣмъ тѣмъ, дѣла прежнихъ учрежденій получили слѣдующее распредѣленіе между непремѣнными членами и присутствіями. На непремѣннаго члена возла-

гались дѣла: по искамъ крестьянъ о недвижимыхъ имуществахъ, пріобрѣтенныхъ ими въ прежнее время на имя помѣщиковъ; по разверстанію угодій, переносу крестьянскихъ усадебъ и обмѣну угодій; по выкупнымъ договорамъ и актамъ; по передачѣ въ казну мелкопомѣстныхъ имѣній; по введенію для государственныхъ крестьянъ владѣнныхъ записей; по разбору и разрѣшенію всѣхъ споровъ и жалобъ, относящихся до уставныхъ грамотъ, и— какъ неопредѣленно говорилось въ законѣ 27 іюня 1874 г.— «всѣ прочія дѣла по земельному устройству крестьянъ, возложенныя по закону на мировыхъ посредниковъ и не передаваемыя, по настоящему положенію, другимъ учрежденіямъ». Вообще, единоличной власти непремѣннаго члена (и уѣзднаго исправника) предоставлялось еще очень многое,— и *вліяніе коллегіальнаго начала, при описанныхъ условіяхъ, было болѣе ограничено, чѣмъ это казалось по существу и цѣли реформы.* Уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, кромѣ дѣлъ прежняго съѣзда мировыхъ посредниковъ, предоставлялись слѣдующія права и обязанности собственно мировыхъ посредниковъ: утвержденіе волостныхъ старшинъ въ должности; наложеніе взысканій на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и преданіе ихъ суду; удаленіе отъ должности неблагонадежныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей; разсмотрѣніе жалобъ на неправильные выборы въ общественныя должности и распоряженіе о производствѣ новыхъ выборовъ; разсмотрѣніе жалобъ помѣщиковъ, обществъ, отдѣльныхъ крестьянъ, постороннихъ лицъ и вѣдомствъ—на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и т. д. Вообще, съ этой стороны, юридическое положеніе должностныхъ лицъ пріобрѣло бо́льшую устойчивость, хотя въ то же время оно ослаблялось чрезмѣрною властію исправника.

При составленіи закона 27 іюня 1874 г., признано было неудовлетворительное состояніе крестьянскаго самоуправленія. Признано было и то, что законоположенія 19 февраля 1861 г., налагая на крестьянскія общества извѣстныя обязанности, не заключаютъ въ себѣ подробныхъ правилъ относительно ихъ выполненія; а съ другой стороны, было признано, что, предоставляя крестьянамъ извѣстныя права, законоположенія эти не указываютъ способовъ ихъ осуществленія. И вотъ, въ восполненіе этихъ недостатковъ, по закону 27 іюня 1874 г., «для руководства волостнымъ и сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ относительно порядка исполненія

возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей, уѣздныя присутствія даютъ *инструкціи*, кои не должны противорѣчить узаконеніямъ, заключающимся въ положеніяхъ о крестьянахъ и въ дополнительныхъ къ нимъ постановленіяхъ, и коими не можетъ быть установляемо обязательныхъ правилъ по предметамъ, предоставленнымъ существующими законами полному вѣдѣнію и усмотрѣнію крестьянскихъ обществъ».

При той крайней зависимости, въ которую было поставлено крестьянское самоуправленіе отъ уѣздныхъ присутствій, подобныя инструкціи должны были получить громадное значеніе въ отношеніи пользованія крестьянскими правами и исполненія обязанностей. *Теперь юридическое положеніе уже всѣхъ сельскихъ обывателей, весьма слабо опредѣлявшееся закономъ до сихъ поръ,—становилось въ зависимость отъ опредѣленій со стороны низшихъ учрежденій.* Всякое распоряженіе, указаніе и разъясненіе со стороны послѣднихъ и прежде сравнивалось для крестьянъ съ закономъ; съ этого-же времени дѣйствію этихъ учрежденій предоставлялось и болѣе широкое поле, и большее юридическое значеніе.

Могли ли присутствія, при составленіи инструкцій, оставаться въ согласіи даже съ самымъ яснымъ и совершеннымъ закономъ? Не должны ли были обнаружиться въ ихъ инструкціяхъ многочисленныя противорѣчія съ закономъ, насчетъ которыхъ дѣлалось здѣсь предостереженіе? Едвали можно отвѣтить на первый вопросъ иначе, какъ въ смыслѣ отрицательномъ, въ смыслѣ очевиднаго, прямаго несоотвѣтствія подобной задачи названнымъ учрежденіямъ, а на второй вопросъ—въ смыслѣ безусловно положительномъ. Въ то время и сенатъ нерѣдко высказывался различно по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, впадая въ крайнія противорѣчія самъ съ собою и съ закономъ. Сенатская же практика давала многочисленные примѣры крайняго непониманія самыхъ простыхъ и ясныхъ требованій закона даже со стороны губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Частные незначительные вопросы разрѣшались ими крайне неудовлетворительно. Какое же могло быть тутъ *общее пониманіе* законоположеній 19 февраля 1861 г.? Какія общія руководящія начала могли преподать крестьянамъ уѣздныя присутствія? Между тѣмъ, инструкціи подлежали утвержденію только губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; дальше онѣ не восходили и, по таковомъ утвержденіи, становились обязательными для крестьянъ. Правда,

вновь образовавшійся составъ губернскихъ присутствій былъ нѣсколько надежнѣе прежняго. Губернаторъ оставался предсѣдателемъ. Затѣмъ, членами присутствія, кромѣ губернскаго предводителя дворянства, являлись: управляющіе казенною палатою и палатою государственныхъ имуществъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель губернской земской управы, прокуроръ и, взамѣнъ упразднявшихся повсемѣстно членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, въ составъ присутствія входилъ непремѣнный членъ, назначавшійся такимъ же порядкомъ, какъ и непремѣнный членъ уѣзднаго присутствія, то есть, изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Утвержденію губернскихъ присутствій въ такомъ составѣ подлежали инструкціи, составляемыя уѣздными присутствіями. Могли ли они исправлять недостатки работы низшихъ учрежденій? Выходили ли инструкціи изъ губернскихъ присутствій дѣйствительно согласными съ закономъ и способными его восполнить? Практика вскорѣ же показала, что новыя губернскія присутствія не ушли дальше прежнихъ въ пониманіи закона. Таково было свойство самаго закона. Самъ сенатъ, съ теченіемъ времени и умноженіемъ дѣлъ, не переставалъ впадать въ противорѣчія. Но едвали и нужно ставить вопросъ о желательности такого распространенія власти низшаго учрежденія въ государствѣ, гдѣ, по Основнымъ Законамъ, законодательная власть строго отдѣлена отъ власти исполнительной, гдѣ предѣлы и порядокъ дѣйствій исполнительной власти должны опредѣляться строгимъ и точнымъ закономъ. Отдѣленіе законодательной власти отъ исполнительной—есть и незыблемое положеніе науки государственнаго права, и истина, у насъ всегда ясно сознававшаяся. Никоимъ образомъ не могло быть принято подобное исключеніе, которымъ еще болѣе фактически, нежели юридически, *распространялось отнынѣ на уѣздныя присутствія право почти законодательныхъ опредѣленій, неподлежавшихъ притомъ ни обнародованію, ни какому либо обсужденію.* Всякое министерство, безъ сомнѣнія, обладаетъ лучшимъ пониманіемъ закона. Между тѣмъ, противорѣчія закону даже со стороны министерствъ слишкомъ часты и извѣстны. Министерство государственныхъ имуществъ, въ циркулярѣ своемъ отъ 27 февраля 1882 г., *само признало*, что изданныя имъ 11 іюля 1877 г. особыя правила о порядкѣ исполненія высоч. утв. инструкцій о поземельномъ устройствѣ крестьянъ сѣверныхъ губерній, «какъ показалъ четырехлѣтній опытъ, недостаточно согласованы

съ основными законоположеніями по поземельному устройству, и вообще страдаютъ такими несовершенствами, которыя въ извѣстной степени *лишаютъ ихъ значенія необходимыхъ руководящихъ указаній* и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *препятствуютъ* правильному производству работъ». («Сборникъ правит. распор. по устр. быта крестьянъ» за 1876—1882 гг., изд. Чичинадзе, ч. 2, стр. 251). Но подобныя правила было еще несравненно легче согласовать съ закономъ и сдѣлать ихъ дѣйствительно руководящими. Въ данномъ же случаѣ, на несравненно менѣе компетентныя учрежденія возлагалась, 27 іюня 1874 г., гораздо болѣе трудная задача. Упомянутыя инструкціи не могли замѣнить утверждаемыхъ верховною властью мнѣній государственнаго совѣта, въ извѣстной степени согласованныхъ съ законами и дѣйствительными потребностями. Ничего подобнаго и не предполагалось. Сельскій судебный уставъ подлежалъ составленію и изданію именно въ законодательномъ порядкѣ. Но вотъ теперь уже десятки милліоновъ сельскаго населенія въ значительной степени лишились общаго условія закономѣрной свободы. *Основные Законы страны оказались какъ бы несуществующими для ея подавляющей народной массы.* Юридическое положеніе всѣхъ сельскихъ обывателей ставилось въ зависимость еще болѣе тяжелую. Не одни только недостатки, неясности или противорѣчія *закона* должны были тяготѣть надъ ними,—но также развивавшія законъ *распоряженія* низшихъ властей весьма неудовлетворительнаго и неопредѣленнаго состава. Власти эти не были уже чисто-сословными,—но продолжали оставаться таковыми попреимуществу, въ весьма значительной степени. Затѣмъ, по своей юридической сущности, онѣ остались попрежнему административно-судебно-полицейскими, съ присоединеніемъ еще правъ почти законодательныхъ. Крестьянство продолжало оставаться подчиненнымъ такого рода особымъ учрежденіямъ. И теперь оно не передавалось вѣдѣнію общихъ учрежденій, не дѣлалось въ этомъ отношеніи равноправнымъ съ прочими членами русскаго общества.

Въ законѣ 27 іюня 1874 г. постановлялось только: «Подлежащимъ судебнымъ установленіямъ, смотря по свойству дѣла и цѣнѣ иска, предоставляется разборъ *всѣхъ вообще споровъ*, возникающихъ между помѣщиками и крестьянами послѣ прекращенія обязательныхъ между ними отношеній». Постановленіе это составило

статью 156 пол. о губ. и уѣз. по крест. дѣл. учр., изд. 1876 г. Статья эта не показана измѣненною по слѣдующимъ продолженіямъ. Между тѣмъ, и отъ заключающагося въ ней начала, столь важнаго и необходимаго, но столь слабо выраженнаго, отступило позднѣйшее законодательство. Статья 2 закона 28 декабря 1881 г. объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ крестьянами совершенно ясно устанавливала прекращеніе таковыхъ отношеній и переходъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьяне-собственники съ 1 января 1883 г. Но ст. 14 того же закона, въ противорѣчіе вышеприведенной статьѣ закона 27 іюня 1874 г., постановляла, что данныя на выкупленный надѣлъ выдаются крестьянамъ, на изложенномъ въ положеніи о выкупѣ основаніи, немедленно по окончательномъ разрѣшеніи выкупной ссуды, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда возникнетъ недоразумѣніе или споръ о соотвѣтствіи дѣйствительнаго владѣнія крестьянъ землею съ надѣломъ, предоставленнымъ имъ по уставной грамотѣ; въ этихъ случаяхъ, данныя выдаются крестьянамъ по разрѣшеніи спора; подобные же споры или недоразумѣнія, *«и по переводѣ крестьянъ на выкупные платежи*, разбираются учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ до тѣхъ поръ, пока выкупленныя крестьянами земли не будутъ окончательно ограничены въ натурѣ по дѣйствующимъ для сего правиламъ и пока крестьянамъ не будутъ выданы на эти земли данныя». Буквально такое же постановленіе содержится и въ положеніи 14 іюня 1888 г. объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ царанами Бессарабской губерніи. Значитъ, *общія судебныя установленія 20 ноября 1864 г. и тутъ оказывались не для крестьянъ.* Эти учрежденія не признавались достаточно компетентными для разрѣшенія такихъ споровъ,—очевидно, вполнѣ гражданскаго свойства. Дѣла эти,—даже вопреки однажды уже выраженному стремленію законодательства къ передачѣ крестьянскихъ дѣлъ вѣдѣнію общихъ для всѣхъ сословій учрежденій,—оставались на усмотрѣніи особенныхъ учрежденій, смѣшанныхъ по свойству власти и сословныхъ по своему составу.

Между тѣмъ, насколько новыя судебныя установленія по праву завоевали себѣ общія симпатіи, оставаясь на высотѣ возложенныхъ на нихъ задачъ, настолько же мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, и послѣ преобразованія ихъ по закону 27 іюня 1874 г., продолжали оставаться неудовлетворительными, по признанію самого правительства. Оттого для крестьянъ оказывалось въ такой же мѣрѣ

желательнымъ подчиняться въ извѣстныхъ случаяхъ общему уголовному и гражданскому суду, въ какой въ ихъ интересахъ дѣлалось необходимымъ выйти изъ зависимости отъ мѣстныхъ, особенныхъ для ихъ дѣлъ, учрежденій.

Что же касается *до порядка дѣйствія* новыхъ учрежденій 1874 г., то, безъ сомнѣнія, въ этомъ отношеніи спѣшно составленныя къ 19 февраля 1861 г. правила для мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ, при большой сложности и разнообразіи ввѣренныхъ имъ дѣлъ, были слишкомъ кратки, неясны и вообще недостаточны. Желательно было теперь развить ихъ и кодифицировать,—благо имѣлся новый образецъ, въ видѣ судебной реформы 20 ноября 1864 г. Но статьею 13-ою закона 27 іюня 1874 г. было постановлено: «относительно разрѣшенія дѣлъ уѣзднымъ присутствіемъ, объявленія рѣшеній онаго и принесенія на сіи рѣшенія жалобъ примѣняются правила, установленныя для съѣздовъ мировыхъ посредниковъ въ статьяхъ 112, 115—122, ст. 130, прим.» Такимъ образомъ, и нѣкоторыя прежнія постановленія были сокращены, безъ замѣны ихъ новыми, болѣе удовлетворительными. Тутъ ходъ крестьянскихъ дѣлъ не могъ уже ничего выиграть. Однако, положеніе не было бы такъ плачевно, еслибъ къ этому не присоединилось случайное, въ высшей степени неблагопріятное обстоятельство, на первый взглядъ могущее показаться маловажнымъ: при изданіи особаго приложенія, въ 1876 г., къ ст. 145 положенія объ учр., въ которую вошла приведенная ст. 13 закона 27 іюня 1874 г., знакъ *тире* между цифрами 115 и 122 былъ замѣненъ, по ошибкѣ, *запятой*. Вслѣдствіе этого, *статьи 116, 117, 118, 119, 120 и 121, вмѣстѣ съ тридцатью одною другими, на которыя дѣлались въ нихъ ссылки,—оказались какъ бы утратившими свою силу для новыхъ учрежденій по крест. дѣламъ.* А въ этихъ-то статьяхъ и заключались важнѣйшія начала, обезпечивавшія до извѣстной степени правильное отношеніе новыхъ учрежденій къ ввѣреннымъ имъ дѣламъ. Это ясно уже изъ словъ ст. 13: «разрѣшеніе дѣлъ, объявленіе рѣшеній, обжалованіе». То, что соблюдалось прежде мировымъ посредникомъ при разборѣ споровъ и недоразумѣній,—то давалось въ обязательное руководство присутствіямъ по всѣмъ дѣламъ. Такъ, ст. 116 вмѣняла въ обязанность предъявлять какъ истцу, такъ и отвѣтчику,—до разбора дѣла,—представляемыя ими дополнительныя объясненія и доказательства, съ пра-

вомъ списывать съ оныхъ копіи; статьею 118 предоставлялось тяжущимся или ихъ повѣреннымъ давать изустныя въ съѣздѣ объясненія; 119 статья устанавливала вполнѣ опредѣленный и удовлетворительный порядокъ объявленія рѣшеній при посторонникъ лицахъ, съ росписью истца и отвѣтчика; статья 117 дѣлала обязательными еще статьи 42—53, относительно вызова спорящихъ сторонъ и свидѣтелей, и также указывала на необходимость примѣняться къ правиламъ статей 54—72, заключающихъ въ себѣ, въ свою очередь, въ высшей степени важныя постановленія касательно разбора дѣлъ: о словесномъ характерѣ этого разбора, о примѣненіи законовъ о крестьянахъ и мѣстныхъ, не противорѣчащихъ имъ, обычаевъ, о правѣ присутствованія постороннихъ, объ отводѣ свидѣтелей, мѣстныхъ дознаніяхъ, объявленіи рѣшеній, выдачѣ копій и т. д. Словомъ, *случайно, новыя учрежденія оказались внѣ обязанности руководствоваться 37 важнѣйшими постановленіями*... То, что предусматривалось закономъ, то предоставлялось теперь фактически усмотрѣнію присутствій. А такъ какъ рѣшенія уѣздныхъ присутствій могли быть обжалованы большею частью въ «кассаціонномъ» порядкѣ, то есть, только въ случаѣ превышенія власти или нарушенія установленныхъ закономъ правилъ, то возможность обжалованія неправильныхъ рѣшеній, понятно, весьма значительно сокращалась для крестьянъ.

Опечатка была исправлена по прод. 1879 г. Но едвали исправленіе это принималось во вниманіе. По той формѣ, въ которой оно было сдѣлано, замѣтить его весьма не легко.

Что сокращенное такимъ образомъ положеніе объ учрежденіяхъ примѣнялось на практикѣ и что этимъ отчасти объясняется всѣмъ извѣстный, крайне безпорядочный характеръ засѣданій присутствій, слѣдуетъ изъ того, что ошибка, сдѣланная въ изданіи 1876 г. особаго прибавленія къ т. IX, повторялась какъ г. Скоровымъ, при изданіи имъ т. I Сборника узак. и распор. правит. о крестьянахъ, такъ даже г. Даниловымъ въ его изданіи положенія о выкупѣ и положенія объ учрежденіяхъ (пока не была болѣе ясно исправлена по прод. 1890 г.). Если же г. Даниловъ, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ во второмъ департаментѣ сената, спеціально занимающійся изданіемъ законоположеній о крестьянахъ и внесшій такою своею дѣятельностью весьма много свѣта въ крестьянское дѣло,—если ужъ г. Даниловъ, перепечатывая въ 1887 г. положе-

ніе объ учрежденіяхъ, не провѣрилъ текста офиціальнаго изданія 1876 года,—то что же думать о мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ? Если ошибка была неизвѣстна г. Данилову, то кому же была она извѣстна? Не впадалъ ли самъ сенатъ въ ошибки при такихъ условіяхъ? Въ довершеніе всего, справка затруднялась какъ по Полному Собранію Законовъ, такъ и по «Собранію узаконеній».

Дѣло въ томъ, что во всемъ изданіи особаго приложенія къ зак. о сост. 1876 г., при упоминаніи о замѣнѣ въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ непремѣнными членами и уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, *вездѣ* означается: *25 іюля 1874 г.* Но законъ о таковомъ преобразованіи былъ утвержденъ *27 іюня 1874 г.*,—и только былъ *обнародованъ при указѣ сената отъ 25 іюля 1874 г.* Числа эти были *смѣшаны* при изданіи въ 1876 г. особаго приложенія, ошибка же до сихъ поръ незамѣчена и *неисправлена*. Провѣрить же ее чрезвычайно трудно даже и человѣку, располагающему Вторымъ Полнымъ Собраніемъ Законовъ. Ибо, очевидно, въ томѣ этого Собранія за 1874 годъ, подъ 25-ымъ іюля 1874 г., онъ ничего не найдетъ и усомнится даже въ томъ, чтобы числомъ этимъ означался дѣйствительно существующій законъ. Не легче навести справку и по «Собранію узаконеній и распоряженій правительства» за 1874 г. Ибо въ томъ же особомъ приложеніи указанъ,—какъ это обыкновенно дѣлается въ цитатахъ,—не № «Собранія узак. и распоряж. правит.», въ которомъ именно былъ обнародованъ законъ якобы 25 іюля 1874 г., а та цифра, подъ которой законъ этотъ напечатанъ въ «Собраніи узаконеній» (859). А по этой цифрѣ найти и выписать подлежащій № (63) «Собранія узаконеній»—невозможно.

XXIII.

Послѣдствія преобразованія 1874 г.

Признаніе недостаточности преобразованія 27 іюня 1874 г.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 декабря 1880 г.—Нужны ли особыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ?

Вскорѣ же сознанная неудовлетворительность измѣненныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ вызвала высоч. утвержденное,

19-го марта 1880 г., постановленіе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія—о передачѣ на обсужденіе губернскихъ присутствій и мѣстныхъ земствъ вопросовъ и предположеній, возникшихъ по предмету преобразованія этихъ учрежденій. Это и было исполнено въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 22-го декабря 1880 г.—Здѣсь, напримѣръ, о непремѣнномъ членѣ, долженствовавшемъ составить главную рабочую силу, говорилось: «спеціально порученныя непремѣнному члену поземельныя дѣла требуютъ отъ него весьма мало времени и притомъ, по мѣрѣ окончанія выкупной операціи, все болѣе сокращаются; нерѣдко дѣятельность непремѣнныхъ членовъ ограничивается тѣмъ, что они пріѣзжаютъ на засѣданія уѣзднаго присутствія, а остальное время проводятъ у себѣ въ деревняхъ. Дѣлопроизводство уѣзднаго присутствія, находясь въ завѣдываніи предсѣдателя,—уѣзднаго предводителя дворянства, который тоже не всегда живетъ въ городѣ,—идетъ медленно и невполнѣ исправно. Въ волостяхъ замѣчаются безпорядки, неправильное и небрежное счетоводство, несвоевременные взносы собранныхъ податей, частыя растраты суммъ должностными лицами. Затѣмъ, въ виду постояннаго пребыванія непремѣнныхъ членовъ у себя въ усадьбахъ, *путешествіе* къ нимъ имѣющихъ до нихъ дѣло должностныхъ и частныхъ лицъ требуетъ времени и значительныхъ издержекъ... Крестьяне, прибывая въ городъ, *не знаютъ, куда имъ обращаться по своимъ дѣламъ*... Нерѣдко непремѣнныхъ членовъ *нельзя найти и въ ихъ усадьбахъ*, такъ какъ они часто, безъ всякаго разрѣшенія, уѣзжаютъ и вовсе изъ уѣзда, и даже изъ губерніи, чего предотвратить нельзя, при отсутствіи обязательнаго мѣстопребыванія», и т. д. (Сборникъ постан. по устр. быта крестьянъ за 1876—1882 г., изд. Чичинадзе, ч. 2, стр. 209).

Преобразовательныя предположенія и обильный матеріалъ, собранный такимъ путемъ, остались, однако, безъ всякаго результата. Вскорѣ возникли новыя предположенія,—и преобразованіе мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ было произведено, какъ мы увидимъ ниже, на тѣхъ самыхъ началахъ, вся несостоятельность которыхъ столь явно обнаруживалась до сихъ поръ, вслѣдствіе противорѣчія ихъ самому существу реформы 19 февраля 1861 г.

Съ учрежденіемъ 30 апрѣля 1885 г. должности податныхъ инспекторовъ, казалось, усиливался составъ присутствій, ибо податному инспектору предоставлялось участвовать съ правомъ голоса въ

засѣданіяхъ мѣстныхъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій по тѣмъ дѣламъ, которыя «имѣютъ отношеніе ко взиманію казенныхъ сборовъ и вообще къ отбыванію населеніемъ денежныхъ повинностей». Но подобныя дѣла переданы были въ 1874 г. единоличной власти уѣзднаго исправника и слишкомъ рѣдко восходили на коллегіальное обсужденіе. Участіе податнаго инспектора стало обусловливаться не закономъ, а тѣмъ, какъ угодно было допустить это участіе прочимъ членамъ присутствія: оно могло быть и значительно, и ничтожно,—въ зависимости отъ отношенія инспектора къ нимъ и къ самому дѣлу.

Несостоятельность губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій становилась столь очевидною, что можно было только желать равноправности крестьянъ съ другими сословіями и подчиненія ихъ общимъ для всѣхъ учрежденіямъ. Особыя для крестьянъ учрежденія предназначались какъ бы къ подготовкѣ освобожденныхъ крестьянъ для передачи ихъ въ общія учрежденія. Общій смыслъ обязанностей мировыхъ посредниковъ—именно говорилось въ «соображеніяхъ», принятыхъ въ основаніе закона 27-го іюня 1874 г.,—составляло упроченіе крестьянскаго управленія на началахъ положеній 19-го февраля 1861 г. въ такой степени, «*чтобы управленіе сіе могло быть со временемъ передано въ вѣдѣніе общихъ для всѣхъ сословій* административныхъ учрежденій». Мировые посредники не выполнили этой задачи. Она была преподана отчасти, 27 іюня 1874 г., вниманію коллегіальныхъ учрежденій. Общее мнѣніе засвидѣтельствовало попрежнему о неудовлетворительности крестьянскаго управленія. Но ясно ли дѣлалось, что всѣ эти особыя учрежденія, организуемыя на сословномъ началѣ, вопреки высоч. утв. основнымъ началамъ, преподаннымъ 25 марта 1859 г., нимало не упрочиваютъ крестьянскаго управленія для передачи его въ вѣдѣніе общихъ установленій. Да и къ чему тутъ особая подготовка, особое упроченіе? Общія учрежденія и были бы сами къ тому предназначены. Безъ сомнѣнія, они оказались бы состоятельнѣе съ самаго начала, въ особенности съ созданіемъ судебныхъ установленій 20 ноября 1864 г. Особыя сословныя учрежденія столь же мало соотвѣтствовали упроченію крестьянскаго общественнаго управленія, сколь неестественно было возложеніе на нихъ, безъ вмѣшательства правительственной власти, установленія обязательныхъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

XXIV.

Большая свобода и новыя ограниченія.

Значеніе обязательнаго выкупа 1881 г. — Переходъ на выкупные платежи государственныхъ крестьянъ.—Расширеніе правъ крестьянъ на землю и сокращеніе права ихъ борьбы съ кабакомъ.—Юридическое и экономическое значеніе пьянства.—«Кабацкая конституція».—Ограничительныя для крестьянъ правила 14 мая 1885 г.—Что нужно?

Независимо отъ облегченія въ платежахъ, несоразмѣрныхъ съ цѣнностью и доходностью земли, полученной отъ помѣщиковъ, законъ объ обязательномъ выкупѣ 28 декабря 1881 г. имѣлъ для бывшихъ крѣпостныхъ весьма важное значеніе. Временно-обязанные крестьяне повсемѣстно уже (кромѣ губерній закавказскихъ) сдѣлались крестьянами-собственниками. Вотчинная власть надъ ними со стороны помѣщика и его довѣренныхъ лицъ отмѣнялась; самоуправленіе ихъ съ этой собственно стороны стало болѣе самостоятельнымъ; вліяніе на него постороннихъ лицъ сократилось, и юридическое положеніе крестьянъ сдѣлалось нѣсколько устойчивѣе. Значеніе реформы въ этомъ отношеніи было ослаблено только излагаемыми ниже обстоятельствами, находящимися въ связи съ кодификаціею законовъ о крестьянахъ. То же самое нужно сказать объ обязательномъ выкупѣ царанами своихъ надѣловъ по закону 14 іюня 1888 г.—Но и тутъ права крестьянъ на землю, попрежнему, остались крайне неопредѣленными.

Закономъ 12 іюня 1886 г., всѣ государственные крестьяне Европейской Россіи также были переведены на выкупные платежи съ 1 января 1887 г. Реформа эта замѣнила собою переоброчку черезъ 30 лѣтъ, предположенную по закону 24 ноября 1866 г. Государственные крестьяне обязывались выкупать тѣ земли, которыми до сихъ поръ только пользовались. 1 января 1931 г. они должны сдѣлаться собственниками этихъ земель. Сумма ежегодныхъ выкупныхъ платежей опредѣлялась въ 49.036,884 руб. Она распредѣлялась законодательнымъ порядкомъ между губерніями, и уже губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями—между уѣздами. Затѣмъ, особыми коммисіями,—изъ податнаго инспектора и двухъ членовъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по выбору коллегіи,—производилась разверстка платежей между отдѣльными селеніями. Разверстка дѣлалась пропорціонально прежнимъ окладамъ

оброчной подати и лѣснаго налога, но съ тѣмъ, чтобы не превосходить означенныхъ окладовъ болѣе, какъ на двѣ трети. Другимъ предѣломъ указывались все еще не ставшіе, между тѣмъ, соразмѣрными съ цѣнностью и доходностью земель,—«оклады выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ ближайшихъ селеніяхъ, находящихся въ одинаковыхъ поземельныхъ условіяхъ». Государственные крестьяне приравнивались къ бывшимъ крѣпостнымъ въ новомъ отношеніи... Затѣмъ, они окончательно отдѣлялись отъ государственныхъ земель. Никакихъ условій для увеличенія ихъ надѣловъ не устанавливалось. Прежнее назначеніе государственныхъ земель, какъ фонда для обезпеченія крестьянъ,—не обнаруживалось ни въ какомъ смыслѣ.

Правила о преобразованіи оброчной подати и замѣняющихъ ее сборовъ, а также лѣснаго налога, въ выкупные платежи, 12 іюня 1886 г., были весьма кратки и устанавливали столь важную окончательную реформу въ общихъ чертахъ. Оттого примѣненіе ея на практикѣ должно было встрѣтить множество вопросовъ, затрудненій и сомнѣній. Но законодательная власть отказывалась и впослѣдствіи опредѣлить ее подробнѣе. Предоставлялось исполнительной власти—министру финансовъ — «дать подлежащимъ учрежденіямъ ближайшія указанія *въ развитіе* изложенныхъ выше правилъ и разрѣшать, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, *когда* въ такомъ соглашеніи окажется необходимость, могущія встрѣтиться при исполненіи сихъ правилъ *недоразумѣнія*». Между тѣмъ, реформа подлежала осуществленію въ самое короткое время. Съ 1 января 1887 г. должно было наступить уже дѣйствіе новаго положенія. Даже и министру финансовъ никогда было примѣнить столь широкія исключительныя права. Тѣмъ большій просторъ получило усмотрѣніе низшихъ властей, поставленныхъ притомъ въ необходимость крайне спѣшить...

Такимъ образомъ, благодаря выкупу, и бывшіе помѣщичьи, и бывшіе удѣльные, и бывшіе государственные крестьяне поставлены, въ концѣ концовъ, въ такое отношеніе къ состоявшей въ ихъ пользованіи землѣ, которое постепенно будетъ превращаться въ право собственности,—впрочемъ, право крайне неопредѣленное, возбуждающее относительно своего объема цѣлый рядъ вопросовъ, неразрѣшимыхъ иначе, какъ въ *законодательномъ порядкѣ* *).

*) См. о правахъ крестьянъ на землю въ статьѣ нашей—*Законъ и общинное землевладѣніе*, напечатанной въ №№ 4, 5 и 6 «Наблюдателя» за 1891 г.

Но въ противорѣчіе этому, ограничено было, втеченіе извѣстнаго времени, весьма существенное право, связанное со владѣніемъ землею,—право, безусловно принадлежавшее крестьянамъ и тогда, когда они были только постоянными арендаторами земли. Рѣчь идетъ *о правѣ борьбы съ кабакомъ*, которое всегда предоставлялось крестьянамъ. Среди причинъ нынѣшняго деревенскаго нестроенія, пьянство считается одною изъ важнѣйшихъ. Значеніе его, на самомъ дѣлѣ, даже еще болѣе гибельно, чѣмъ предполагается. Пьянство—это настоящая язва, разъѣдающая государственный и народный организмъ. Независимо отъ пагубнаго экономическаго значенія, пьянство принижаетъ *личность крестьянина*, его человѣческое достоинство. А такимъ путемъ оно разрушающимъ образомъ отражается на всѣхъ правахъ и отношеніяхъ крестьянина, и въ этомъ смыслѣ влечетъ за собою множество невыгодныхъ для него *юридическихъ* послѣдствій.

Съ признаніемъ гибельнаго значенія пьянства, самымъ естественнымъ образомъ соединяется мысль о необходимости предоставить народу право и возможность бороться съ нимъ, поставить въ зависимость отъ населенія число питейныхъ заведеній и другія условія торговли крѣпкими напитками. При выработкѣ положеній 19 февраля 1861 г., губернскіе дворянскіе комитеты, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ правъ, весьма настойчиво и съ большимъ единодушіемъ добивались оставленія за помѣщиками права питейной торговли на всемъ пространствѣ имѣнія, безъ всякаго вліянія на то крестьянъ. Однако, редакціоннымъ коммисіямъ, совмѣстно съ губернскимъ начальствомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, удалось оградить крестьянъ отъ послѣдствій подобнаго положенія. Помѣщики не получили того права, о присвоеніи котораго усердно хлопотали губернскіе комитеты. Къ несчастію для крестьянъ, примѣненіе новаго питейнаго устава 4 іюня 1861 г.,—названнаго своего рода «кабацкой конституціей» за объявленную имъ свободу торговли виномъ,—совпало съ освобожденіемъ крѣпостныхъ,—и чрезвычайно вредно отразилось на общей жизни крестьянства. Тѣмъ не менѣе, точно, ясно и твердо,—статьею 322 означеннаго уст. о пит. сборѣ, изд. 1863 г.,—устанавливалось, что питейныя заведенія въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ открываются по мірскимъ приговорамъ, съ утвержденія палатъ государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ конторъ, а на земляхъ, отведенныхъ въ постоянное пользованіе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ,—согласно ст. 323,—не иначе какъ

съ согласія мірскаго схода и съ разрѣшенія помѣщика. Приэтомъ, примѣчаніемъ къ ст. 54 Общаго Положенія, для дѣйствительности разрѣшительнаго приговора, требовалось участіе не менѣе двухъ третей домохозяевъ.

Въ полную противоположность этимъ началамъ, статьею 27 правилъ 14 мая 1885 г. о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками устанавливалось, что согласіе на открытіе питейныхъ заведеній въ селеніяхъ изъявляется владѣльцами усадебъ, которые *не обязаны испрашивать дозволенія на то сельскихъ сходовъ.* А такихъ владѣльцевъ къ 1885 году оказывалось уже очень много и число ихъ постоянно и быстро увеличивалось. Совершенно неправильно, но нерѣдко крестьяне отчуждали свои участки и лицамъ постороннимъ. Въ средѣ крестьянъ являлись чуждыя лица, не имѣющія съ ними ничего общаго, преслѣдующія только цѣли наживы насчетъ крестьянскаго разоренія. Статьею 27 крестьяне ставились въ крайнюю зависимость отъ подобныхъ лицъ. Права борьбы съ кабакомъ у крестьянъ не оказывалось болѣе. Сельскимъ обществамъ не предоставлялось: ни воспрещать продажу крѣпкихъ напитковъ, ни изъявлять на это свое согласіе. По ст. 58 правилъ 14 мая 1885 г. «они могли только *ходатайствовать о неразрѣшеніи* въ чертѣ усадебной осѣдлости ихъ селеній какъ раздробительной продажи вообще, такъ и одной только распивочной продажи». Затѣмъ, разрѣшеніе и неразрѣшеніе, удовлетвореніе и неудовлетвореніе такихъ ходатайствъ ставилось въ зависимость отъ уѣзднаго по питейнымъ дѣламъ присутствія, въ составѣ предводителя дворянства, какъ предсѣдателя, непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія, предсѣдателя земской управы, исправника, мироваго судьи и акцизнаго чиновника. Присутствіе же, съ одной стороны, само крайне ограничивалось въ отношеніи запрещеній упомянутой торговли, а съ другой,—могло совершенно свободно отказать крестьянскому обществу въ подобномъ ходатайствѣ и разрѣшить питейную торговлю во всякомъ данномъ мѣстѣ.

На основаніи правилъ 14 мая 1885 г., питейная продажа въ трактирныхъ заведеніяхъ, а также на постоялыхъ дворахъ или корчмахъ, не могла быть воспрещаема въ селеніяхъ, имѣющихъ не менѣе 5 тыс. наличныхъ душъ обоего пола, а изъ селеній съ меньшимъ числомъ населенія,—во всѣхъ базарныхъ, торговыхъ, промышленныхъ и фабричныхъ селахъ, а также при станціяхъ желѣз-

ныхъ дорогъ, у пристаней и перевозовъ большихъ рѣкъ, на проѣзжихъ трактахъ и вообще въ мѣстахъ значительнаго скопленія или проѣзда постороннихъ людей. Очевидно, что столь широкое опредѣленіе, формулируемое въ выраженіяхъ общихъ, дѣйствительно, допускало на практикѣ возможность подвести почти всякое селеніе подъ понятіе селеній, въ которыхъ питейная торговля не можетъ быть воспрещаема. Но, кромѣ того, присутствіе могло отказывать въ удовлетвореніи подобныхъ ходатайствъ, если заявившія ихъ селенія имѣютъ болѣе 500 наличныхъ душъ обоего пола, или представляемыя ими ходатайства, по имѣющимся свѣдѣніямъ, не вызываются стремленіемъ противодѣйствовать развитію пьянства. Какія свѣдѣнія именно могутъ быть признаны достаточными,—это предоставлено разрѣшать самому присутствію. Никакихъ условій, ограниченій и опредѣленій законъ тутъ не ставилъ. Никакого способа повѣрки не указывалось. Такимъ образомъ, могъ быть признанъ убѣдительнымъ и доносъ кабатчика, что крестьяне просили недозволеннаго вознагражденія, онъ не далъ, и—тогда былъ постановленъ приговоръ съ ходатайствомъ. Вообще, мѣры противодѣйствія пьянству, въ самомъ важномъ отношеніи, отнимались у крестьянъ. *Кабакъ могъ оказываться въ средѣ селенія вопреки единодушному желанію всѣхъ домохозяевъ.*

Очень естественно, что при той темнотѣ, которою окутаны крестьянскія права, при неопредѣленности отношеній и зависимости отъ всякихъ вліяній,—подобное тяжелое положеніе еще отягчалось усердіемъ крестьянскихъ властей. Такъ напр., корреспонденція «Сельскаго Вѣстника» (№ 6 за 1889 г.) изъ золотовской волости, Саратовской губерніи, рисовала слѣдующее характерное положеніе: «Здѣшнія сельскія общества составили полюбовные приговоры, чтобы никому не ходить въ винныя лавки и неисполнителей этихъ приговоровъ подвергать штрафу. Волостное правленіе этихъ приговоровъ не утвердило. Но крестьяне стоятъ на своемъ и водку пить не хотятъ. Виноторговцы, получившіе въ праздники немало убытка, думаютъ предъявлять къ обществамъ *судебные иски*, а крестьяне съ усмѣшкой говорятъ: должно быть, скоро наступитъ время, когда десятники будутъ гнать въ кабаки пить водку». Вообще, есть много доказательствъ, что крестьяне готовы вести борьбу съ кабакомъ. Но, сознавая свою слабость, силу порока и вліяніе соблазна,—они желаютъ всякихъ *ограничительныхъ* мѣръ по отношенію къ питей-

ной торговлѣ со стороны правительства. Они идутъ очень далеко въ этомъ отношеніи, нерѣдко выражая желаніе, чтобы была уничтожена вполнѣ питейная торговля... Ни изъ какихъ экономическихъ, финансовыхъ и юридическихъ началъ не могли быть выведены наложенныя на нихъ стѣсненія. Наоборотъ, всякія начала и соображенія приводятъ къ заключенію о правѣ сельскихъ обществъ—безусловно воспрещать питейную торговлю во всякой данной формѣ, во всякое время и во всякомъ данномъ поселкѣ. Во избѣжаніе извѣстнаго соблазна, скорѣе желательно было бы ограниченіе права крестьянъ давать согласіе на открытіе питейныхъ заведеній, чѣмъ указанныя стѣсненія. Подобная государственная опека, имѣющая въ виду трезвость населенія, была бы дѣйствительно благодѣтельной. Съ точки зрѣнія подобной же опеки, слѣдовало бы посмотрѣть и на осуществившіяся въ законѣ 4 іюня 1890 г. мѣры поощренія «сельскохозяйственнаго» винокуренія. Подобная «сельско-хозяйственная» мѣра, несомнѣнно, влечетъ за собою только развитіе пьянства... потому что каждый винокуренный заводчикъ открываетъ большее или меньшее число кабаковъ.

Законъ 5 мая 1892 г. возвратилъ, наконецъ, крестьянамъ право борьбы съ кабакомъ,—предоставилъ имъ право не разрѣшать питейной торговли въ селеніяхъ. Но затѣмъ введеніе казенной продажи вина вновь и совершенно лишило ихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ этого необходимаго права. Опять питейныя заведенія могутъ быть открываемы въ селеніяхъ безъ согласія крестьянъ... Только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ винная монополія вводится съ дополнительными правилами 19 февраля 1896 г., крестьяне нѣсколько,—весьма, впрочемъ, мало,—обезпечены отъ открытія противъ ихъ воли питейныхъ заведеній въ селеніяхъ...

XXV.

Измѣненія въ порядкѣ высшаго завѣдыванія крестьянскими дѣлами.

Упраздненіе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.—Новое признаніе недостатковъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Образованіе особаго департамента для крестьянскихъ дѣлъ въ сенатѣ.—Значеніе новыхъ преобразованій.—Необходимость законодательныхъ указаній.

Въ 1882 году послѣдовало измѣненіе въ порядкѣ высшаго завѣдыванія крестьянскими дѣлами. Высочайше утвержденнымъ, 10

мая 1882 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта и именнымъ указомъ 25 мая 1882 г.—упразднялся главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Всѣ законодательные вопросы по крестьянскому дѣлу передавались въ подлежащіе департаменты государственнаго совѣта. Сокращалось и отношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ къ мѣстнымъ учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Крестьянскія дѣла сосредоточивались въ особомъ отдѣленіи, образовавшемся въ составѣ перваго департамента сената. Въ измѣненіе изложенныхъ выше правилъ 11 іюля 1863 г., предоставлялось приносить жалобы на губернскія присутствія исключительно въ сенатъ. Присутствіямъ же вмѣнялось въ обязанность,—«вмѣстѣ съ объявленіемъ своихъ рѣшеній участвующимъ въ дѣлѣ сторонамъ, объяснять имъ о срокѣ и порядкѣ обжалованія сихъ рѣшеній, а равно и о томъ, что жалобы подаются на простой бумагѣ». Возможность обжалованія, конечно, облегчалась этимъ. Здѣсь же было вновь выражено весьма яркое признаніе несовершенства законоположеній о крестьянахъ. Губернскимъ присутствіямъ, независимо отъ дѣлъ, по которымъ поступаютъ жалобы, вмѣнялось въ обязанность передавать самимъ въ сенатъ «тѣ дѣла, какъ по земельному и хозяйственному устройству крестьянъ, такъ и по правамъ крестьянъ—личнымъ, по состоянію, по общественному и волостному ихъ устройству и пр.,—при разсмотрѣніе которыхъ присутствіе встрѣтитъ: или *отсутствіе* закона, или *сомнѣніе* въ истинномъ смыслѣ онаго, или же, наконецъ, признаетъ, что буквальное примѣненіе закона къ данному случаю было бы *невозможно*; и, во-вторыхъ, тѣ дѣла по искамъ крестьянъ о земляхъ, купленныхъ на имя ихъ помѣщиковъ, о коихъ упоминается въ примѣчаніи къ ст. 9 прил. къ ст. 132 Общ. Пол.»—то есть, тѣ именно, къ которымъ, «по особымъ исключительнымъ обстоятельствамъ, невозможно примѣнить означенныя (приложенныя къ ст. 32) правила» и по которымъ до сихъ поръ только министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ съ представленіями въ главный комитетъ.

Первая часть узаконенія также весьма ясно показываетъ, какою исключительною властью, вопреки Основнымъ Законамъ, пользовались губернскія присутствія. На будущее время, по крайней мѣрѣ, крестьянскія права признано было нужнымъ оградить общими постановленіями въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ это было сдѣлано 11 іюля 1863 г. Но въ прямомъ противорѣчіи съ узаконеніями 10 и 25 мая 1882 г., расширявшими вліяніе высшей власти на ходъ крестьян-

скихъ дѣлъ, находилось возлагавшееся въ законѣ 10 мая на министра юстиціи порученіе: «обсудить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли право обжалованія рѣшеній губернскихъ присутствій правительствующему санату *ограничить* какими либо условіями, напримѣръ, родомъ или свойствомъ самыхъ дѣлъ, цѣною иска и т. п., и затѣмъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, внести по сему предмету представленіе въ установленномъ законодательномъ порядкѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что подобное ограниченіе никоимъ образомъ не могло быть желательно (но, какъ мы увидимъ ниже, осуществилось весьма полно съ реформою 12 іюля 1889 г.).

Закономъ 10 мая 1882 г. министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось также составить соображенія о томъ,—«не слѣдуетъ ли измѣнить ст. 130 пол. о губ. и уѣздн. учр. по крест. дѣламъ, въ смыслѣ предоставленія губернскимъ по крест. дѣламъ присутствіямъ права не только *отмѣнять* несогласныя съ узаконенными порядкомъ и правилами рѣшенія низшихъ инстанцій, но и *замѣнять оныя своими рѣшеніями*, коль скоро постановленіе низшей инстанціи будетъ признано со стороны присутствія неправильнымъ по существу». Такого рода узаконеніе, само по себѣ, было весьма желательно. Наименѣе соотвѣтствуетъ крестьянскимъ дѣламъ тотъ своего рода «кассаціонный» порядокъ, въ которомъ они обыкновенно разсматривались высшими, въ порядкѣ инстанцій, учрежденіями. Чѣмъ меньше примѣненія получаетъ такой порядокъ и чѣмъ больше значенія пріобрѣтаетъ порядокъ апелляціонный,—тѣмъ лучше. Но ясно также, что *не частныхъ измѣненій требовало крестьянское дѣло...*

То благопріятное общее значеніе, которое могла бы получить реформа 10 и 25 мая 1882 г. для крестьянъ, состояло въ сближеніи крестьянскихъ дѣлъ съ общимъ порядкомъ высшаго производства дѣлъ. Усиленіе состава государственнаго совѣта замѣнило бы упраздненіе главнаго комитета, служившаго какъ бы пятымъ департаментомъ совѣта. Но другимъ, мало обѣщавшимъ началомъ реформы было признаніе, выраженное въ законѣ 25 мая, что «главный комитетъ *уже исполнилъ* особую задачу, возложенную на него высоч. указомъ 19 февраля 1861 г.» Скорѣе задача эта—устройство сельскаго состоянія вообще—сдѣлалась шире и труднѣе; возложенная же на комитетъ частная задача—«составленіе и разсмотрѣніе общаго сельскаго устава»—и вовсе осталась безъ исполненія..

При наличности же указаннаго признанія, не было произведено и усиленія состава государственнаго совѣта. Мало того, предположено было достаточнымъ только одно особое для крестьянскихъ дѣлъ отдѣленіе въ составѣ перваго департамента сената.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, крестьянскія дѣла разрослись въ такой мѣрѣ, что 24 января 1884 г. признано было полезнымъ, для ихъ «безостановочнаго теченія», учредить изъ особаго отдѣленія въ составѣ перваго департамента—цѣлый *второй департаментъ исключительно для крестьянскихъ дѣлъ.*

Крестьянская жизнь требовала большаго и большаго вниманія. Несмотря на трудности обращенія къ высшей власти, на недостаточность указанныхъ закономъ поводовъ, на отсутствіе знающихъ ходатаевъ и сочинителей жалобъ въ средѣ, гдѣ съ трудомъ встрѣчаются бумага и чернила,—все же, крестьянскіе интересы, не находя удовлетворенія на мѣстахъ, прокладывали путь къ разрѣшенію ихъ высшею властью. Но и высшая подзаконная власть—сенатъ—немного могла сдѣлать для крестьянъ. *Законы были недостаточны*, и самъ сенатъ крайне затруднялся въ нихъ. *Требовались разъясненія въ законодательномъ порядкѣ, созданіе новыхъ соотвѣтствующихъ законовъ,—вообще, исключительное систематическое вниманіе къ крестьянскому дѣлу со стороны законодательной власти.*

Съ точки зрѣнія этой-то существеннѣйшей, основной, важнѣйшей стороны положенія крестьянъ—*недостаточности законовъ*—и нужно, главнымъ образомъ, оцѣнивать реформу 12 іюля 1889 г.,—ниже разсматриваемую съ особыми подробностями, въ виду того, что она представляетъ собою нынѣ—дѣйствующій законъ, весьма чувствительно отражающійся на многихъ сторонахъ русской жизни...

XXVI.

Отношеніе со стороны общества къ реформѣ 12 іюля 1889 г.

Ожиданія реформы.—Широкій интересъ къ ней.—Какіе факты изъ дѣятельности вновь учрежденныхъ властей привлекали особое общественное вниманіе?—Выводы.

Рѣдко какой законъ возбуждалъ у насъ столько противоположныхъ чувствъ, разочарованій и надеждъ, сколько вызвано было за-

комъ 12 іюля 1889 г. о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ установленій.

Русское общество въ широкомъ смыслѣ этого слова, можно сказать даже, все русское населеніе—долго находилось въ напряженномъ состояніи, ловя съ жадностью каждое сообщеніе о ходѣ извѣстныхъ законодательныхъ предположеній, возникшихъ одновременно съ празднованіемъ столѣтняго юбилея дарованія жалованной грамоты дворянству въ 1885 г. и долженствовавшихъ какъ бы открыть собою «дворянскую эру»: самая продолжительность движенія этого дѣла усиливала напряженность и дѣлала нетерпѣливѣе ожиданія того или инаго конца. Послѣдовавшая, въ самую рѣшительную минуту для реформы, смерть ея виновника, графа Д. А. Толстаго, въ ряду другихъ причинъ, замедлявшихъ ея ходъ, произвела свое извѣстное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что съ личностью покойнаго соединялись представленія неодинаковаго содержанія. Дѣломъ готовившейся реформы затрогивались и чувства непосредственныя, всѣмъ доступныя, и чувства, осложнявшіяся разными исходными точками зрѣнія.

Въ составлявшихся законодательныхъ предположеніяхъ были стороны, дѣйствительно возбуждавшія интересъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ населенія. Одни видѣли и желали видѣть въ нихъ болѣе или менѣе прямое возвращеніе къ сословно-дворянскимъ привилегіямъ. Предъявлялся рядъ желаній—о направленіи государственной дѣятельности въ сторону пользъ и нуждъ дворянства, экономическихъ, умственныхъ, нравственныхъ и даже политическихъ. Осуществлявшіяся же въ этомъ направленіи нѣкоторыя законодательныя мѣропріятія позволяли всему остальному населенію представлять положеніе дѣлъ въ ненадлежащемъ и даже подчасъ нелѣпомъ свѣтѣ [1]). Въ нѣкоторой части самого заинтересованнаго сословія все это порождало чувство печали за возникшую вновь, только что заглохшую передъ тѣмъ, рознь между сословіями, и вызывало

---

[1]) «Когда—замѣчаетъ А. А. Анастасьевъ—въ печать и въ общество стали проникать сначала неясные и сбивчивые слухи о готовящемся какомъ-то новомъ законодательномъ актѣ, то многіе изъ русскихъ лэдей легко повѣрили, что *будущій законъ уничтожитъ созданное предыдущими законами положеніе крестьянскаго и судебнаго дѣла*... Пророчили гибель судебныхъ уставовъ 1864 г. и чуть не гибель положенія о крестьянахъ 1861 г.». (*Руководство по административнымъ и судебнымъ дѣламъ для земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ, волостныхъ судовъ, волостныхъ и сельскихъ сходовъ*, томъ I, предисловіе).—Во многихъ мѣстахъ возникали еще болѣе нелѣпые толки.

необходимость уклоняться даже и отъ молчаливой содидарности съ черезчуръ безцеремонными вожделѣніями. Въ то же время обширный кругъ лицъ, сознательно усвоившихъ себѣ юридическую сторону реформъ прошлаго царствованія, внимательно обсуждая предполагавшіяся преобразованія, находилъ въ нихъ серьезныя отступленія отъ безспорныхъ и испытанныхъ научныхъ основаній. Еще два новыхъ круга лицъ ссылались на отечественную исторію: одни—въ доказательство того, что исторія не оправдываетъ составлявшихся предположеній; другія—въ подтвержденіе благотворности возврата къ старинѣ.

При такихъ условіяхъ, все, что такъ или иначе разносилось молвою относительно готовившихся преобразованій,—заставляло всѣхъ такъ или иначе чувствовать, думать и говорить по этому поводу. Предметомъ чувства, мысли и слова были приэтомъ—*реформа*, *законъ*, *измѣненіе въ соотношеніи властей*, *сословій*, *въ порядкѣ управленія*, *суда и расправы* и пр. Для русскаго населенія наставало не совсѣмъ обычное положеніе: съ особенною силою пробуждалось *политическое чувство*, *зрѣла юридическая мысль*, звучало *слово* изъ значительно расширившагося круга людей, сознательно относившихся къ вопросамъ государственной важности. Какъ ни сильно возбуждался происходившими тогда нѣкоторыми событіями интересъ къ политикѣ внѣшней, но политика внутренняя явно сосредоточила на себѣ интересъ болѣе живой и постоянный.

Общій широкій интересъ къ готовившемуся преобразованію особенно ярко выразился въ томъ распространеніи, которое сразу же получилъ законъ 12 іюля 1889 г. и дополнительныя къ нему постановленія отъ 29 декабря того же года. Соотвѣтствующія законодательныя предположенія получали довольно широкую огласку еще во время составленія и обсужденія ихъ. По утвержденіи же и обнародованіи, всѣ газеты перепечатали новые законы цѣликомъ. Одна газета выпустила оба закона даже отдѣльными брошюрами, дабы читатели могли сразу ознакомиться съ реформою. Брошюры эти поступили одновременно въ отдѣльную продажу по самой доступной цѣнѣ (5 коп.). Въ значительномъ числѣ экземпляровъ разошлись тотчасъ же и нумера «Собранія узаконеній и распоряженій правительства», въ которыхъ были доведены до всеобщаго свѣдѣнія новые законы. Тѣ же законы выпустилъ, въ послѣдовательномъ рядѣ изданій, земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Кодификаціон-

ный отдѣлъ при государственномъ совѣтѣ, въ свою очередь, сдѣлалъ то, чего никогда прежде не дѣлалъ: выпустилъ названныя законоположенія отдѣльно, а не въ составѣ ближайшаго продолженія къ Своду Законовъ, не откладывая дѣла до выхода послѣдняго. Скоро послѣдовало и самое это продолженіе 1890 г. Въ то же время появился рядъ частныхъ изданій новыхъ законовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ статей прочихъ узаконеній, на которыя дѣлались въ нихъ ссылки. Словомъ, образовалась обширная литература сборниковъ и толкованій. Никогда законы о крестьянахъ не имѣли столько издателей и истолкователей. Никогда не дѣлалось столько опытовъ изложенія прежнихъ и новыхъ законовъ о крестьянахъ,—то-есть, того, что всегда было необходимо.

И вотъ, то, что такъ глубоко и сильно интересовало русское населеніе, сдѣлалось всѣмъ и вполнѣ доступнымъ. Всѣми этими правительственными и частными усиліями каждому предоставлено было легко познакомиться съ новыми законоположеніями, вдуматься въ нихъ, судить о нихъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія, полагать ихъ въ руководство для собственной дѣятельности и провѣрять по нимъ дѣятельность новыхъ властей. Юридическая мысль не только была пробуждена, но въ то же время получила возможность и развиваться подъ вліяніемъ немаловажнаго условія. Явилась для русскаго населенія всѣмъ доступная школа,—нѣкоторымъ образомъ, съ учебными пособіями, каковы бы ни были ихъ достоинства.

Вниманіе же и интересъ къ реформѣ,—не ослабѣвавшіе при послѣдовательномъ примѣненіи ея въ разныхъ губерніяхъ,—ясно показали, затѣмъ, что такимъ образомъ въ русскомъ населеніи развивалось и крѣпло драгоцѣннѣйшее въ гражданскомъ обществѣ чувство,—*чувство законности*. Какіе факты изъ дѣятельности земскихъ начальниковъ составляли преимущественный предметъ разсужденій, бесѣдъ, разсказовъ и иныхъ проявленій общественнаго вниманія къ реформѣ? Именно факты, оскорблявшіе чувство законности, являвшіеся нарушеніемъ нормальныхъ юридическихъ условій существованія, незыблемыхъ личныхъ правъ, необходимыхъ началъ порядка, непреложныхъ правилъ управленія. Вниманіемъ своимъ къ подобнымъ фактамъ общество лучше всего показывало, что *ихъ не должно быть*, что они невозможны теперь, что они остаются далеко позади происшедшаго уже въ русской жизни прогрессивнаго движенія. Скажутъ, можетъ быть, что подобное вниманіе было односторонне, что въ дѣ-

ятельности земскихъ начальниковъ были факты обратнаго свойства, факты симпатичные и почтенные. Совершенно вѣрно. Но эти другіе факты были тѣмъ, чѣмъ они и должны быть, — представляли умѣлое выполненіе служебнаго долга и не нуждались въ лучшемъ направленіи. Плодотворнѣе было вниманіе къ фактамъ перваго рода, и общество было совершенно право, направляя его въ эту сторону по преимуществу. Притомъ же, общество и печать не замалчивали хорошихъ сторонъ въ дѣятельности новыхъ установленій. Появлялись иногда цѣлыя характеристики [1]). Земскій начальникъ Протопоповъ,

---

[1]) Такъ, напримѣръ, «*Судебная Газета*», вовсе не стоявшая въ принципѣ за реформу, дала въ № 1 за 1891 г. мѣсто слѣдующимъ строкамъ корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи: «Прежде всего, скажемъ, что у насъ есть земскіе начальники, о которыхъ крестьяне иначе не отзываются, какъ съ похвалой и одобреніемъ. «Се гарный панъ—говорятъ они—и распитае про все и растолкуе, якъ слідъ, и діло разбере до ладу. И все робить такъ тихо, мирно, такъ его слушаютъ, уважаютъ, и боятся ослушаться. Спасибо ему: и судьи волостные не пьютъ водки, и рішаютъ дѣла по правдѣ, и молодежь стала тише, вѣрливѣе, больше шануетъ стариковъ, и на сходахъ порядку стало больше. Словомъ—продолжаетъ корреспондентъ—по отзывамъ крестьянъ, иные земскіе начальники пришлись имъ какъ разъ по душѣ и, дѣйствительно, выполняютъ миссію установителей порядка въ селахъ, искоренителей сельскихъ общественныхъ золъ, ближайшихъ и безкорыстныхъ руководителей крестьянства въ обыденныхъ запросахъ его жизни. Ѣздятъ эти господа по селамъ часто, но безъ шума и криковъ, не выдѣляя себя ничѣмъ внѣшнимъ изъ окружающей среды, не предъявляя излишнихъ требованій о ломаніи передъ ними шапокъ и поклонахъ въ поясъ, о сворачиваніи съ дороги, и пр., и пр. Пріѣдутъ они въ волость и творятъ свое дѣло чинно, безъ рисовки, часто сидятъ при разборѣ дѣлъ волостнымъ судомъ, но невидимо, въ сторонкѣ, и въ разбирательство не вмѣшиваются; но зато послѣ разбора указываютъ судьямъ ихъ промахи и ошибки, если таковые были, и судьи принимаютъ ихъ указанія къ свѣдѣнію, причемъ волостные суды въ участкахъ такихъ земскихъ начальниковъ стали совсѣмъ неузнаваемы».

Такова характеристика одного разряда земскихъ начальниковъ. Затѣмъ, тотъ же корреспондентъ прибавляетъ: «Есть зато земскіе начальники и *совсѣмъ другаго типа*, и ихъ легко отличить въ публикѣ, потому что они и сами ревниво заботятся о томъ, чтобы ихъ отличали, чтобы быть всюду и вездѣ «замѣтными, многозначущими». Господа эти подкатываютъ на лихой тройкѣ къ уѣзднымъ съѣздамъ; по проселочнымъ дорогамъ требуютъ непремѣнно «сворачивать съ дороги», хотя бы встрѣчныя фуры переполнены были кладью, а также сниманія шапки, кто бы ни встрѣчался «въ простой одёжѣ»; расхаживаютъ по городскимъ базарамъ съ цѣлью «надзора» за «моими крестьянами» (т. е., крестьянами ихъ участка); вообще вмѣшиваются во все, шумятъ побольше и постоянно твердятъ «своимъ крестьянамъ»: «я вамъ—и отецъ, и начальникъ, и самый старшій надъ всѣми—я вамъ все». Употребляютъ эти господа въ послѣдней фразѣ и болѣе крупные для своей особы епитэты, но мы

судившійся за цѣлый рядъ правонарушеній,—въ своей апеляціи на обвинительный приговоръ харьковской судебной палаты, горько жаловался на то отношеніе, въ которое стало къ нему общественное мнѣніе. Онъ называлъ общественное мнѣніе... «неразборчивымъ»... потому что оно было крайне неблагопріятно для него... [1]) «*Общественное мнѣніе было бы, дѣйствительно, неразборчиво, еслибы его не смущалъ образъ дѣйствій Протопопова* и еслибы оно находило его заурядным и нестоющимъ вниманія фактомъ»... — возражалъ на это въ сенатѣ, при разборѣ жалобы Протопопова, оберъ-прокуроръ А. Ѳ. Кони, поставленный въ необходимость изъяснить въ своей обвинительной рѣчи, такъ сказать, юридическую азбуку, элементарныя начала дѣятельности должностнаго лица, предписываемыя ему закономъ и грубѣйшимъ образомъ нарушенныя подсудимымъ.

Общественное мнѣніе, осуждая нѣкоторые факты изъ дѣятельности земскихъ начальниковъ, совершенно ясно показывало,—что намъ нужно, что должно служить исходною точкою всякихъ желаній и предположеній.

ихъ не приводимъ, по крайней ихъ неумѣстности. А между тѣмъ, эти безбородые «отцы» въ дѣла внутреннихъ распорядковъ села вникать вовсе не спѣшили, въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ больше всего рекомендовали держаться «розги», и требовали исключительно того, «чтобъ у меня поменьше было дѣлъ, этой канцелярской белиберды». Главное у нихъ—натискъ, быстрота и распорядительность. По дѣламъ, свидѣтелей «требуютъ» они обыкновенно «словомъ», «приказомъ», а эти «глупыя повѣстки», по ихъ мнѣнію, только «развращаютъ народъ». Разумѣется, при разборѣ дѣлъ не только «у себя», въ камерѣ, но и въ уѣздномъ съѣздѣ, говорятъ непремѣнно «ты»: это—принципъ, его же не прейдеши, какая бы почтенная личность (крестьянская, мѣщанская или даже купеческая) ни фигурировала на судѣ», и т. д.

[1]) Протопоповъ былъ преданъ суду харьковской судебной палаты по обвиненію въ томъ, что въ сентябрѣ 1890 г., въ харьковскомъ уѣздѣ, при исполненіи обязанностей земскаго участковаго начальника: 1) грозилъ полицейскимъ городовымъ «бить морды», если не будутъ дѣлать ему чести; 2) на сельскомъ сходѣ грозилъ, если будетъ продолжаться шумъ, перебить половину собравшихся крестьянъ (бывшихъ въ числѣ около 700 человѣкъ), а крестьянамъ, которые будутъ обращаться съ жалобами и прошеніями, угрожалъ, что «жалобы будутъ на мордѣ, а прошенія—на задней части тѣла»; 3) на сельскомъ сходѣ объявилъ крестьянамъ, что каждаго, совершившаго похищеніе и не уважающаго родителей и старшихъ, будетъ до суда жестоко бить; 4) ударилъ крестьянина Ворвуля за то, что тотъ, не замѣтивъ его, Протопопова, идущаго по площади, не снялъ передъ нимъ шапки; 5) арестовалъ крест. Слѣпущенко безъ соблюденія установленныхъ въ законѣ правилъ, и нанесъ ему же побои; 6) нанесъ побои крест. Сѣрому и также арестовалъ его безъ соблюденія порядка, и 7) на сельскомъ сходѣ ударилъ палкою крест. Старченко.

Судьба крестьянства оказалась ближе соединенною новыми законоположеніями съ судьбою и положеніемъ всѣхъ слоевъ населенія, чѣмъ казалось, и—для всѣхъ стала яснѣе необходимость въ одинаковомъ обезпеченіи со стороны *закона*. Законъ долженъ служить руководствомъ для исполнительной власти, безъ всякой возможности для нея—отступать отъ него и дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Власть должна имѣть точныя указанія относительно своихъ правъ и обязанностей. Въ свою очередь, населеніе должно находить въ законѣ совершенно ясныя указанія на объемъ своихъ правъ и на размѣръ и предѣлы своихъ обязанностей. Нужно, чтобы каждому воздавалось должное, чтобы каждый занималъ опредѣленное мѣсто и дѣйствовалъ свободно въ извѣстныхъ законныхъ границахъ. Необходима для всѣхъ возможность широкаго обращенія къ власти, для осуществленія и возстановленія порядка въ случаяхъ его нарушенія. Въ общественномъ сознаніи утвердились незыблемыя исходныя точки для такихъ началъ юридическаго порядка, при которыхъ онъ можетъ создаваться медленно, но постоянно, отливаясь въ форму твердую и удовлетворительную. То, что есть уже въ нашемъ государственномъ устройствѣ и управленіи, въ Основныхъ Законахъ,—будетъ отнынѣ твердо развиваться на почвѣ живаго общественнаго сознанія. *Законность* составляла основу этого устройства и управленія, и—основа эта сдѣлалась жизненною. Изъ тѣсныхъ стѣнъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ она иногда замирала, законность вырвалась на вольный воздухъ; съ запыленныхъ страницъ законодательныхъ сборниковъ—законность сдѣлала большой шагъ въ общественное сознаніе и стала вліять на развитіе тѣхъ или иныхъ законодательныхъ мѣръ [1]).

[1]) Между прочимъ, по обвиненію Протопопова въ превышеніи власти, оберъ-прокуроръ высказалъ: «Казалось бы, что объ этомъ обвиненіи не можетъ быть и спора. Что такое всѣ судимыя дѣянія Протопопова, какъ не одно сплошное превышеніе ввѣренной ему власти? Законъ не можетъ предусмотрѣть заранѣе всѣхъ разнообразныхъ случаевъ и способовъ злоупотребленія чиновниковъ своими правами. Эти злоупотребленія обусловливаются мѣстомъ и временемъ. По существу своему, административная дѣятельность объемлетъ такія разнообразныя стороны практической жизни, такъ живо и близко соприкасается со всѣми сторонами быта, что законодатель никогда не могъ бы выполнить задачу, рѣшивъ заранѣе перечислить всевозможные случаи превышенія власти въ области административныхъ дѣйствій. Потребности и условія жизни быстро растутъ, видоизмѣняясь и развиваясь, а законъ вырабатывается съ осторожною оглядкою и вдумчивостью. Онъ лишенъ возможности заранѣе отмѣтить все, что можетъ сдѣлать органъ власти, но судъ даетъ послѣднему, въ рядѣ своихъ постановленій, общія руководящія начала и основныя правила дѣятель-

А. Ѳ. Кони, въ своей рѣчи по дѣлу Протопопова, находилъ солидную опору въ составѣ общаго законодательства, изъясняя, какъ именно должна дѣйствовать власть по правиламъ, предписываемымъ ей закономъ. Но онъ не могъ найти дѣйствительной опоры только въ законоположеніяхъ 12 іюля 1889 г., потому что они не были согласованы съ общею системою и основными началами этого законодательства и, имѣя благую цѣль (а какую иную цѣль можетъ имѣть законъ?), указывали для достиженія ея несоотвѣтствующія средства, и характеризовались больше этими средствами, нежели цѣлью. Находя опору только въ основахъ общаго законодательства, А. Ѳ. Кони могъ, все же, истолковывать самыя законоположенія 12 іюля 1889 г. въ смыслѣ иномъ противъ того, въ которомъ они принимались многими,—въ смыслѣ ненарушимости основныхъ правомѣрныхъ началъ установленнаго у насъ управленія, потому что эти начала прямо не были ими отмѣнены. И этими началами именно и

ности; онъ вручаетъ ему своего рода компасъ, которымъ всегда и при всѣхъ условіяхъ указываетъ, гдѣ сѣверъ и какъ надо направлять свой путь. Поэтому, и наше уложеніе о наказаніяхъ, въ общей главѣ о превышеніи власти и о противозаконномъ ея бездѣйствіи, перечисляя въ ст. 334—350 отдѣльные, точно обозначенные, случаи превышенія власти, вовсе не упоминаетъ о таковыхъ же случаяхъ бездѣйствія, а въ ст. 338 по 343, опредѣливъ общее понятіе и условія превышенія и бездѣйствія власти, назначаетъ за то и другое, смотря по обстоятельствамъ и послѣдствіямъ, различныя наказанія. Должностное лицо признаётся, между прочимъ,—говоритъ ст. 338,—превысившимъ власть, ему ввѣренную, когда, выступивъ изъ предѣловъ и круга дѣйствій, предписанныхъ ему по званію или должности, учинитъ что либо въ отмѣну или вопреки существующихъ узаконеній, или предпишетъ или приметъ мѣру, которую могъ бы установить лишь новый законъ, и т. д. *Дѣйствуй по закону, а не вопреки ему,*— говоритъ эта статья человѣку, — *не присвоивай себѣ права, принадлежащаго лишь власти законодательной; а если ты находишь нужнымъ сдѣлать какое либо распоряженіе, на которое у тебя нѣтъ прямаго полномочія отъ твоего высшаго начальства, то испроси таковое, а не дѣйствуй съ самонадѣяннымъ самоволіемъ.* Это требованіе указываетъ съ достаточною полнотою на образъ дѣйствій должностнаго лица, ставя основаніемъ ему *законъ или основанное на законѣ же разрѣшеніе высшаго начальства*... Вотъ почему уголовный кассаціонный департаментъ еще въ 1870 г., въ рѣшеніи по дѣлу Егорова, высказалъ, что нарушеніе основныхъ формъ и обрядовъ, установленныхъ для дѣятельности должностнаго лица, есть превышеніе власти, предусмотрѣнное ст. 338 уложенія. А что же, какъ не рядъ дѣйствій, вопреки закону и съ нарушеніемъ всякихъ допустимыхъ закономъ формъ и пріемовъ, представляютъ всѣ тѣ мѣры, которыми знакомитъ крестьянъ съ «новыми правами» Протопоповъ? Эти мѣры выросли, какъ сильные и быстрые побѣги, изъ бывшей ихъ зерномъ мысли: что для водворенія того, что подсудимый называлъ «порядкомъ», *никакой законъ не писанъ, никакая власть не имѣетъ предѣловъ* въ своемъ усмотрѣніи»...

слѣдуетъ всегда руководствоваться при разрѣшеніи вопросовъ, возбуждаемыхъ законоположеніями 12 іюля 1889 г.

Для всѣхъ стало яснымъ, желательнымъ и необходимымъ именно то, чего не дали законоположенія 12 іюля 1889 г., въ особенности въ ихъ примѣненіи. И—каковы бы ни были отрицательныя свойства этихъ законоположеній,—остается громадной и въ высшей степени плодотворной для нашего развитія наличность общественнаго сознанія, вступившаго въ столь тѣсный союзъ съ Основными Законами имперіи, общими началами права и непремѣнными основаніями управленія. Это сознаніе не есть мертвый капиталъ или голый фактъ, не обѣщающій никакихъ послѣдствій. Подобное общественное сознаніе, къ которому не можетъ не присоединиться и высшее правительство, отразится, безъ сомнѣнія, на дальнѣйшей законодательной дѣятельности по переустройству положенія сельскихъ обывателей. *Законность* ляжетъ въ основаніе этого переустройства, подобно тому какъ она лежала нѣкогда въ основаніи устройства государственныхъ крестьянъ по проэктамъ графа Киселева. Обнявъ же собой отношенія наибольшей массы населенія, законность окончательно воплотится и въ жизнь.

XXVII.

Настоящее положеніе учрежденій 12 іюля 1889 года.

Вліяніе, произведенное на реформу 12 іюля 1889 г. общественнымъ мнѣніемъ и новыми формами жизни.—Благодѣтельное предостереженіе.—Законность, какъ явно и особо настоятельно необходимое нынѣ средство для излеченія недуговъ мѣстнаго управленія.

Разсматривая ниже, въ послѣдовательномъ порядкѣ, *основныя* стороны законоположеній 12 іюля 1889 г., мы не будемъ слишкомъ часто иллюстрировать своихъ выводовъ объ ихъ несостоятельности многочисленными фактическими данными, обнаружившимися за семь лѣтъ дѣятельности новыхъ установленій. Это завело бы насъ слишкомъ далеко и нарушило бы стройность разсужденія. Притомъ же, эти данныя достаточно извѣстны, и всевозможные вопросы и недоразумѣнія, возбужденныя преобразованіемъ, у всѣхъ въ памяти. Произошло то, что должно было произойти. Указываемые ниже недостатки, коренящіеся въ самомъ законѣ, не могли не дать соотвѣтственныхъ послѣдствій. И—этого органическаго проис-

хожденія недостатковъ, обнаружившихся въ примѣненіи реформы, ненужно скрывать. Напротивъ, на него именно и нужно указывать. Ибо, въ концѣ концовъ, отсюда возникаетъ поводъ къ глубокому утѣшенію...

Дѣйствительно, тридцать пять лѣтъ назадъ, реформа 19 февраля 1861 г. могла быть значительно извращена жизнью, еще недостаточно окрѣпшей, еще невполнѣ воспитанной закономѣрною свободою,—ибо такое воспитаніе вовсе не примѣнялось до тѣхъ поръ къ третьей части русскаго населенія, а существованіемъ крѣпостной зависимости подрывалось въ своемъ значеніи и для остальныхъ двухъ третей. Но—вотъ, является реформа, преслѣдующая благую цѣль нѣсколько иными средствами и понятая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ особомъ духѣ. И что же?—жизнь столь далеко шагнула впередъ, что производитъ на нее могущественное вліяніе въ единственно справедливомъ направленіи,—стремится согласовать ее съ основными началами общаго законодательства, съ нормальными условіями жизни, съ необходимыми требованіями государственнаго порядка, съ общепризнанными непремѣнными его чертами.

Жизнь, дѣйствительно, подчинила себѣ реформу 12 іюля 1889 года во многихъ отношеніяхъ. Всякій, кто наблюдалъ примѣненіе ея,—хотя бы втеченіе одного года,—не могъ этого не замѣтить. Земскіе начальники постепенно покидали то исключительное положеніе, которое приписали было себѣ, постепенно разубѣждались въ особыхъ чрезвычайныхъ полномочіяхъ, которыя,—какъ казалось сначала нѣкоторымъ изъ нихъ,—возложены на земскихъ начальниковъ. Дѣло Протопопова, въ позднѣйшее время, въ особенности содѣйствовало этому. Получивъ широкую огласку, оно разразилось подобно очистительному грому. Постепенно земскіе начальники стали подчиняться общимъ условіямъ дѣятельности должностныхъ лицъ въ закономѣрномъ государствѣ, — условіямъ, принятымъ всецѣло и у насъ, и столь отчетливо указаннымъ А. Ѳ. Кони. Нижегородскій губернаторъ Н. М. Барановъ, съ своей стороны, въ извѣстной лукояновской продовольственной исторіи, далъ хорошо понять, что земскіе начальники не пользуются и не могутъ пользоваться какими либо особыми полномочіями, что они—чиновники, обязанные руководствоваться во всемъ закономъ и находящіеся въ опредѣленномъ подчиненіи къ губернской власти. Рѣчи гг. губернаторовъ: воронежскаго, петербургскаго, смоленскаго и нѣкоторыхъ другихъ—также достаточно-выра-

зительно указывали на законъ, какъ на руководство, обязательное для земскихъ начальниковъ въ равной мѣрѣ со всѣми [1]). Въ выразительныхъ указаніяхъ въ этомъ смыслѣ со стороны высшей власти—не было недостатка. «Уѣздное», такъ сказать, пониманіе реформы было скоро разбито наголову.—Правда, перемѣна, въ концѣ концовъ, дала мало положительнаго,—ибо произошла лишь въ смыслѣ осуществленія первой части проницательнаго замѣчанія Г. А. Евреинова о томъ, что—«при такомъ хаотическомъ состояніи законовъ о состояніяхъ, вновь назначенные земскіе начальники будутъ по необходимости или бездѣйствовать, или проявлять свою власть въ произволѣ» («Замѣтки о мѣстной реформѣ», 44). Но важно и то уже, что значительно уменьшилось число отрицательныхъ явленій въ дѣятельности земскихъ начальниковъ, что очевидными, на опытѣ доказанными оказались—и недостатки реформы 12 іюля 1889 г., и средства къ исправленію этихъ недостатковъ, къ измѣненію положенія лицъ сельскаго состоянія. Смутно промежуточное состояніе, нынѣ наступившее! Весьма мало соотвѣтствуетъ оно назрѣвшимъ потребностямъ сельской жизни, ея наболѣвшимъ вопросамъ. Но оно все же составляетъ ступень впередъ и лучше прежняго,—лучше пройденной ступени, когда предполагалось возможнымъ излѣчивать болѣзненныя явленія сельской жизни широкими полномочіями новыхъ исключительно сословныхъ властей.

Признаки предстоящей реформы уже имѣются. Выяснено значительное число недостатковъ въ реформѣ 12 іюля 1889 г. и яви-

---

[1]) «Новое Время» говорило, между прочимъ, о рѣчи воронежскаго губернатора: «Земскіе начальники призваны, по словамъ губернатора, дѣйствовать «возможно самостоятельнѣе». Но самостоятельность земскихъ начальниковъ вовсе не должна заключаться въ произвольномъ отступленіи отъ закона и всякихъ законныхъ формъ. Воронежскій губернаторъ рѣшительно выступаетъ противъ такого толкованія. Заслуживаютъ особаго вниманія заключительныя слова его рѣчи, которая посвящена разъясненію этой важной стороны дѣятельности и поведенія земскихъ начальниковъ: «вполнѣ свободна и самостоятельна можетъ быть только одна державная воля, выражающаяся для всѣхъ одинаково въ формѣ закона. Въ исполненіи этого закона, по крайнему разумѣнію, независимо отъ всякихъ личныхъ и иныхъ сочувствій и вліяній, въ отрѣшеніи отъ всякихъ постороннихъ умствованій, и лежитъ та самостоятельность, которую разумѣетъ представитель власти». «Подъ иными *сочувствіями и вліяніями*—замѣтило въ заключеніе «Новое Время»—слѣдуетъ понимать также сочувствія и вліянія сословныя, которыя устраняются, какъ несовмѣстныя съ правильнымъ примѣненіемъ закона, для всѣхъ одинаково обязательнаго, для крестьянъ и дворянъ, для управляемыхъ и начальниковъ».

лись предположенія о различныхъ измѣненіяхъ въ законодательномъ порядкѣ. Прямо предполагается не расширять усмотрѣніе земскихъ начальниковъ, а съуживать, подчиняя его закону. Вырабатывается инструкція земскимъ начальникамъ, перерабатываются временныя правила о волостномъ судѣ, составляется сельскій уставъ и пр. Создается особая коммисія для систематическаго пересмотра законовъ о крестьянахъ. Образованіе коммисіи по пересмотру судопроизводственныхъ законовъ вполнѣ позволяетъ также разсчитывать на правильную постановку судебной части, какъ необходимаго средства для учрежденія законности [1]). Устраненіе произведеннаго 12 іюля 1889 г. смѣшенія судебной власти съ административною представляется неизбѣжнымъ, необходимымъ.

---

[1]) Въ своей рѣчи, произнесенной 29 мая 1894 г., при открытіи окружнаго суда въ Петрозаводскѣ, г. министръ юстиціи весьма ярко выразилъ основанія новаго судебнаго строя, вводившагося въ Олонецкой губ. Оно зиждется, по царственному завѣту, «на господствѣ и взаимодѣйствіи великихъ началъ правды и милости». Что же такое правда? «*Правда*—по образному выраженію Н. В. Муравьева,—какъ основа праваго суда,—это не та узкая своекорыстная правда, которую всякій судящійся понимаетъ по своему, потому что для него она совпадаетъ съ его личной выгодой. Нѣтъ,—это безличная правда истиннаго разума, закона и неподкупной, ясной и чистой судейской совѣсти,—та правда, которую всѣ честные люди живо чувствуютъ и чутко сознаютъ, какъ только въ судѣ раздается ея величавый и безстрастный голосъ... Правда суда водружаетъ законность тамъ, гдѣ оказалось зло, безправное своеволіе. Она какъ бы говоритъ гражданину: «Исполняя законы, живи спокойно, не обижай никого, но и никого не страшись—я заступлюсь за тебя: за то не жди отъ меня послабленія, если самъ сойдешь съ этой прямой закономѣрной дороги». Но правды мало, нужна еще *милость*, ея неразлучный спутникъ въ добромъ судѣ» и т. д.—Привѣтствуя эту рѣчь и коментируя ее, «Юридическая Газета» (№ 44, за 1894 г.) замѣчаетъ, съ своей стороны: «Если гармоническое господство правды и милости есть идеалъ праваго суда, то осуществленіе правды, какъ безстрастнаго и неподкупнаго голоса закона составляетъ *минимумъ* тѣхъ требованій, которымъ должно удовлетворять правосудіе. Между тѣмъ, нельзя отрицать наличность въ нашей общественной жизни такихъ вѣяній и стремленій, которыя грозятъ этому минимуму замѣтнымъ умаленіемъ. Элементарная истина о жизнестроительномъ значеніи начала законности, о необходимости для жизни точныхъ и неизмѣнныхъ устоевъ, общепризнанныхъ и чтимыхъ, которые бы обуздывали игру личныхъ страстей и усмотрѣній, взглядовъ и похотѣній,—эта элементарная истина, составляющая органическій законъ культурныхъ обществъ, нуждается еще у насъ въ апостолахъ и проповѣдникахъ, которые бы проводили ее во всеобщее сознаніе». Несомнѣнно, однако, что эта истина за послѣдніе годы получила въ населеніи особо широкое распространеніе.

XXVIII.

Общія черты реформы 12 іюля 1889 г.

Естественность положительнаго результата, вытекающаго изъ отрицательныхъ условій.—Доведеніе до крайности началъ, по существу и исторически несостоятельныхъ.

Итакъ, что же именно представляетъ собою въ ея цѣломъ, въ существѣ и примѣненіи, реформа 12 іюля 1889 г.?

Разсмотрѣнные нами недостатки нынѣшняго положенія крестьянъ, характеризующіеся отсутствіемъ въ немъ началъ законности, правильнаго юридическаго обезпеченія лицъ сельскаго состоянія,—весьма велики. Но законоположенія 12 іюля 1889 г. не исправляютъ этихъ недостатковъ. Наоборотъ, они усиливаютъ ихъ и дѣлаютъ яснѣе, и—въ этомъ заключается ихъ положительное свойство. Какія же отрицательныя стороны названныхъ законоположеній приводятъ къ подобному общему положительному результату?

Неожиданность этого результа не должна лишать его естественности. Онъ возникаетъ изъ тѣхъ условій, при которыхъ въ спорѣ извѣстное мнѣніе опровергается иногда путемъ доведенія его до крайности. Въ разсматриваемыхъ же законоположеніяхъ именно доведены до крайности такія начала, которыя отвергались новѣйшею исторіею развитія русскаго общества и положеніемъ крестьянскаго дѣла, и противорѣчили тѣмъ необходимымъ, прямымъ выводамъ, которые можно было сдѣлать по даннымъ этой исторіи и по основнымъ чертамъ этого положенія.

Не напрасно законоположенія 12 іюля и 29 декабря 1889 г. вызвали къ себѣ столь общій и широкій интересъ. Ими созданы измѣненія въ юридическомъ положеніи не однихъ крестьянъ, но существенно затронуты интересы и другихъ сословій,—притомъ интересы не только деревни, но и города. А именно, названными законоположеніями произведено:

1) крайнее смѣшеніе властей;

2) измѣненіе въ отношеніи отвѣтственности за преступленія и проступки,—въ смыслѣ ослабленія наказанія для крестьянъ и постоянно проживающихъ въ селеніяхъ мѣщанъ, посадскихъ, цѣховыхъ и ремесленниковъ,—съ оставленіемъ тѣхъ же наказаній, за тѣ же дѣянія, для повсемѣстно живущихъ лицъ прочихъ сословій, равно

какъ для крестьянъ, мѣщанъ, посадскихъ, цеховыхъ и ремесленниковъ, проживающихъ въ городахъ;

3) измѣненіе въ порядкѣ уголовнаго и гражданскаго суда для всего населенія тѣхъ губерній, на которыя они распространены,—измѣненіе въ смыслѣ отмѣны для населенія нѣкоторыхъ весьма важныхъ гарантій правильности суда;

4) установленіе дисциплинарной отвѣтственности передъ новою властью для крестьянъ;

5) ослабленіе юридическаго положенія должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія;

6) сокращеніе правъ сельскихъ и волостныхъ обществъ.

Всѣ эти измѣненія произведены путемъ преобразованія мѣстныхъ судебныхъ установленій и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Взамѣнъ участковыхъ мировыхъ судей, созданы участковые земскіе начальники, городскіе судьи и уѣздные члены окружнаго суда, и, ради той же замѣны, расширена власть волостнаго суда. Земскіе начальники совмѣщаютъ съ *судебною* властью также *административную* власть надъ сельскимъ населеніемъ, замѣняя съ этой стороны непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и самыя эти присутствія по нѣкоторымъ дѣламъ, вновь переданнымъ единоличной власти, вмѣсто коллегіальной. Затѣмъ, на нихъ же возложена и власть собственно *полицейская*, съ полномочіями постоянными и временными. Волостной судъ остается судебною властью коллегіальнаго устройства. Что же касается до городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, то они представляютъ собою власть исключительно судебную. Далѣе, уѣздныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и съѣзды мировыхъ судей замѣнены также коллегіальнымъ установленіемъ,—уѣзднымъ съѣздомъ, составляющимся, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства: для административныхъ дѣлъ—изъ всѣхъ земскихъ начальниковъ уѣзда, исправника, предсѣдателя мѣстной уѣздной земской управы, иногда изъ податнаго инспектора; для дѣлъ же судебныхъ—изъ уѣзднаго члена окружнаго суда (предсѣдательствующаго за отсутствіемъ предводителя), почетныхъ мировыхъ судей (которые сохранены), городскихъ судей и земскихъ начальниковъ. Сообразно съ замѣненными имъ учрежденіями, уѣздный съѣздъ представляется, такимъ образомъ, въ видѣ смѣшанной административно-судебной власти коллегіальнаго устройства. Наконецъ, взамѣнъ губернскаго по

крестьянскимъ дѣламъ присутствія, для дѣлъ административныхъ, а также, отчасти, взамѣнъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, для дѣлъ судебныхъ,—создано губернское присутствіе. Подъ предсѣдательствомъ губернатора, оно составляется: для дѣлъ административныхъ—изъ вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, прокурора окружнаго суда или его товарища, двухъ непремѣнныхъ членовъ, управляющаго казенною палатою, управляющаго государственными имуществами и предсѣдателя губернской земской управы; для дѣлъ же судебныхъ,—вмѣсто трехъ послѣднихъ лицъ, изъ предсѣдателя или члена мѣстнаго окружнаго суда. Вообще, учрежденіе это является смѣшаннымъ учрежденіемъ коллегіальнаго устройства.

XXIX.

Смѣшеніе властей, произведенное реформою 12 іюля 1889 года.

Инструкціи для крестьянскихъ обществъ и должностныхъ лицъ.—Правила дѣлопроизводства уѣздныхъ съѣздовъ.—Непосильная задача.—Восполненіе правилъ волостнаго суда.

Указанное нами на первомъ планѣ смѣшеніе властей, представляемое новыми установленіями, идетъ въ сущности дальше совмѣщенія судебной, административной и полицейской властей, несогласованнаго ни съ теоріею права, ни съ данными нашего законодательства. На новыя установленія возложены полномочія, которыя нельзя не признать законодательными,—что обнаруживаетъ эту несогласованность въ еще большей степени. Эти установленія въ еще большей мѣрѣ — административно-судебно-полицейскія съ политическимъ значеніемъ, чѣмъ прежнія.

Краткость и многочисленныя недомолвки какъ въ законоположеніяхъ 12 іюля 1889 г., такъ и во всемъ законодательствѣ о крестьянахъ, съ его,—по выраженію г. Евреинова,—«хаотическимъ» положеніемъ, и сами собою, фактически, должны были приводить къ тому, что новыя установленія, въ видахъ безостановочнаго производства дѣлъ, стали-бы нерѣдко обходиться безъ указаній закона въ тѣхъ случаяхъ, когда требовались-бы именно такія указанія. Законъ и такъ легко могъ замѣняться постановленіями той самой власти, которая должна была-бы руководствоваться имъ, какъ необходимымъ объективнымъ основаніемъ для своей дѣятельности. Но и юридически

права новыхъ установленій расширены въ этомъ смыслѣ. Такимъ образомъ, въ ст. 87 положенія о зем. начал. постановляется: «Уѣздный съѣздъ составляетъ и представляетъ въ губернское присутствіе, на утвержденіе, инструкціи сельскимъ и волостнымъ обществамъ и должностнымъ лицамъ крестьянскаго общественнаго управленія—относительно порядка исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей».

Постановленіе это не представляетъ собою, въ общемъ, чего либо совсѣмъ новаго для учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Оно соотвѣтствуетъ разсмотрѣнной выше ст. 15 положенія 27 іюня 1874 г. о преобразованіи названныхъ учрежденій. Сознаніе недостаточности законодательства 19 февраля 1861 г. привело въ 1874 г. къ мысли о восполненіи его такимъ путемъ. Можно сказать, однако, что подобныя инструкціи низшимъ властямъ не могли замѣнить тѣхъ законодательныхъ опредѣленій правъ и обязанностей крестьянъ, которыхъ недоставало. Новыя учрежденія, въ свою очередь, не представляютъ условій, которыя сравнительно больше обезпечивали-бы вѣрное разрѣшеніе задачи, возложеніе которой на нихъ такъ мало согласуется съ Основными Законами. Наоборотъ, обремененные гораздо большимъ числомъ дѣлъ, уѣздные съѣзды, уже по одному этому, не могутъ съ успѣхомъ разрѣшить ее. А кромѣ того, самая эта задача представляется для нихъ значительно расширенною. Съ одной стороны, увеличилось число лицъ, подчиненныхъ крестьянскому общественному управленію; съ другой стороны, увеличенъ объемъ власти волостнаго суда. Въ то-же время законъ 12 іюля 1889 г., съ своей стороны, не выяснилъ сельскимъ и волостнымъ обществамъ и должностнымъ лицамъ порядокъ исполненія ихъ прежнихъ и новыхъ обязанностей. *Законодательство о сельскомъ состояніи не сдѣлалось совершеннѣе; наоборотъ, въ него внесено еще больше неясностей, и теперь оно возбуждаетъ еще больше вопросовъ и сомнѣній, неразрѣшимыхъ иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ.* Понятно, что и задача, возложенная на уѣздный съѣздъ, — соотвѣтственно расширилась.

Подобная, несвойственная съѣзду, задача расширена и инымъ путемъ, сравнительно съ прежнимъ закономъ. Въ ст. 87 положенія о земскихъ начальникахъ нѣтъ ограничительныхъ словъ закона 27 іюня 1874 г. о томъ, что названныя инструкціи «не должны противорѣчить заключающимся въ положеніяхъ о крестьянахъ и дополнительныхъ къ нимъ постановленіяхъ узаконеніямъ, и ими не можетъ

быть установляемо обязательныхъ правилъ по предметамъ, предоставленнымъ существующими законами полному вѣдѣнію и усмотрѣнію крестьянскихъ обществъ». Нельзя, конечно, понимать ст. 87 въ смыслѣ предоставленія ею уѣзднымъ съѣздамъ права становиться въ прямое противорѣчіе съ закономъ. Но нетрудно видѣть, что инструкціи съѣздовъ, при указываемомъ условіи, могутъ дѣйствовать наряду съ закономъ, восполняя по своему его недостатки, развивая его и пр. А такъ какъ, далѣе, законоположеніями 12 іюля 1889 г. самостоятельность крестьянскихъ обществъ весьма ограничена, то очевидно, что и новыя инструкціи, при наличности подобнаго новаго начала и при отсутствіи прежняго предостереженія, легко могутъ нарушать самостоятельность крестьянскихъ обществъ и вторгаться съ своими указаніями въ ихъ внутреннюю жизнь.

Впрочемъ, невозможно установить точный смыслъ ст. 87. По существу своему очень важная, она представляется наименѣе опредѣленною по своимъ выраженіямъ (такова, вообще, особенность законоположеній 12 іюля 1889 г.: то, что наиболѣе важно, то означено въ нихъ наименѣе ясно, въ выраженіяхъ особо широкихъ). Это, конечно, не улучшаетъ положенія дѣлъ, создаваемаго названною статьею. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что уѣздные съѣзды понимаютъ ее въ ограничительномъ смыслѣ. Наоборотъ, неопредѣленность этой статьи скорѣе приводитъ къ расширенію ея смысла въ примѣненіи къ практикѣ. Въ крестьянскомъ дѣлѣ — это явленіе не новое. Цѣлый рядъ учрежденій, начиная съ высшихъ и кончая низшими, расширялъ, а не ограничивалъ свои полномочія въ примѣненіи недостаточныхъ и неясныхъ постановленій.

Утверждая указываемыя инструкціи, губернское присутствіе, въ свою очередь, едвали можетъ вносить въ нихъ ограничительныя поправки. Занимая положеніе еще болѣе высокое и вліятельное сравнительно съ прежними губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, — оно само склонно преувеличивать какъ свое значеніе для мѣстной жизни, такъ и значеніе уѣзднаго съѣзда. А затѣмъ, никакой дальнѣйшей повѣркѣ инструкціи не подлежатъ, такъ что если прежнія инструкціи должны были представляться въ министерство внутреннихъ дѣлъ «для свѣдѣнія», въ силу циркуляра отъ 30 мая 1875 г., то относительно новыхъ инструкцій не установлено даже и подобнаго условія.

Каково же на дѣлѣ содержаніе инструкцій новыхъ установленій?

Какъ, въ дѣйствительности, разрѣшили уѣздные съѣзды трудную задачу, возложенную на нихъ закономъ? Насколько извѣстно, уѣздные съѣзды, за весьма рѣдкими исключеніями, и не приступали къ ея разрѣшенію. Крайняя затруднительность задачи также останавливаетъ нынѣ съѣзды, какъ останавливала прежнія присутствія. Послѣднія и въ двадцать лѣтъ весьма мало подвинулись въ ея разрѣшеніи. Тѣмъ труднѣе сдѣлать это новымъ установленіямъ въ болѣе короткое время. Но и это бездѣйствіе чрезвычайной власти, предоставленной съѣздамъ, отнюдь не улучшаетъ дѣла. Наоборотъ, создается положеніе, еще менѣе удовлетворительное. Недостатки, недомолвки и неясности законодательства въ извѣстныхъ отношеніяхъ, не восполняемые и инструкціями, восполняются нынѣ простымъ «усмотрѣніемъ» земскихъ начальниковъ,—усмотрѣніемъ, разнообразящимся по участкамъ, постоянно мѣняющимся и совершенно неуловимымъ [1]).

Такимъ образомъ, начало *смѣшенія властей*, доводимое до крайности юридически, идетъ фактически и еще дальше. И то же начало проявляется въ другихъ постановленіяхъ 12 іюля 1889 г., и—приводитъ къ тѣмъ-же результатамъ.

---

[1]) Недостатокъ подобнаго положенія дѣлъ вызвалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, необходимость особыхъ совѣщаній представителей новыхъ судебно-административныхъ установленій. Одно изъ такихъ совѣщаній происходило въ нижегородской губерніи, подъ предсѣдательствомъ губернатора Н. М. Баранова, при участіи непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій, уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, предводителей дворянства и земскихъ начальниковъ. «Цѣлью совѣщанія—говоритъ «Судебная Газеты» (№ 17 за 1891 г.), со словъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—было объединить взгляды земскихъ начальниковъ на задачи и пріемы ихъ дѣятельности, а также устранить недоразумѣнія, возникшія при примѣненіи положенія 12 іюля 1889 г. А такихъ недоразумѣній, какъ оказывается, возникло немало въ кратковременной практикѣ новыхъ установленій. Лишенные твердыхъ руководящихъ указаній закона и зачастую предоставленные самимъ себѣ, земскіе начальники не только различныхъ уѣздовъ, но одного и того же уѣзда, толкуютъ свои полномочія не одинаково,—то въ слишкомъ распространительномъ смыслѣ, широко и самоувѣренно, то съ нерѣшительностію, мѣшающею правильному ходу дѣла. Личный произволъ играетъ здѣсь если не первостепенную, то и не послѣднюю роль .. При такихъ условіяхъ, законъ, долженствующій быть равнымъ для всѣхъ,—замѣчаетъ газета—въ дѣйствительности, для однихъ является источникомъ благополучія, а для другихъ - источникомъ невзгодъ и злоключеній. *Законъ уступаетъ мѣсто произволу. Гражданскій бытъ лишается твердой точки опоры и становится предметомъ капризной игры случайностей. Нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Нѣтъ надежнаго обезпеченія правъ. Все зависитъ отъ личныхъ качествъ власть имущаго лица».*

Такъ, ст. 91 пол. о зем. нач. постановляетъ: «Уѣздный съѣздъ составляетъ предположенія о дѣлопроизводствѣ и внутреннемъ распорядкѣ въ ономъ и представляетъ ихъ въ губернское присутствіе на разсмотрѣніе. Предположенія сіи предварительно обсуждаются въ распорядительномъ засѣданіи съѣзда». Ст. 118 соотвѣтственно указываетъ: «Губернское присутствіе разсматриваетъ и исправляетъ, въ чемъ нужно, составленныя уѣздными съѣздами предположенія о дѣлопроизводствѣ и внутреннемъ распорядкѣ въ сихъ установленіяхъ, и затѣмъ представляетъ названныя предположенія на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, который наблюдаетъ притомъ за соблюденіемъ необходимаго однообразія по изъясненнымъ предметамъ».

Подобнаго рода предположенія подчинены, такимъ образомъ, большему контролю, чѣмъ инструкціи. Нельзя, однако, приравнивать ихъ къ наказамъ для судебныхъ мѣстъ, составляемымъ въ порядкѣ ст. 166—173 учрежденія судебныхъ установленій, хотя и этими наказами также имѣются въ виду правила, относящіяся до внутренняго распорядка и дѣлопроизводства. Наказы судебныхъ мѣстъ, дѣйствительно, не могли идти дальше опредѣленія мелочей внутреннихъ занятій въ судебныхъ мѣстахъ. Права частныхъ лицъ не могли ими затрогиваться. Какія либо важныя стороны публичной дѣятельности судебныхъ установленій никакъ не могли ими опредѣляться. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. представляли собою достаточно стройное и подробное руководство. Въ нихъ все предусматривалось въ должной мѣрѣ и должномъ смыслѣ. При всемъ томъ, самое составленіе наказовъ обставлялось условіями, въ большей мѣрѣ обезпечивавшими ихъ законность. Составлялся общій наказъ и по немъ особые наказы. Въ утвержденіи-же подобныхъ постановленій участвовалъ правительствующій сенатъ.

Инымъ представляется право уѣздныхъ съѣздовъ. Законъ весьма коротко опредѣлилъ ихъ дѣятельность. Значитъ, дальнѣйшія опредѣленія могутъ и даже, по необходимости, должны дѣлаться въ самостоятельно составляемыхъ правилахъ. Но точнаго образца въ отношеніи, напримѣръ, разрѣшенія административныхъ дѣлъ—передъ съѣздами не имѣется. Правда, законъ 12 іюля 1889 г. указываетъ въ руководство правила административной дѣятельности прежнихъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ. Но если въ этихъ правилахъ нѣкоторые существенные, возникающіе въ этой области, вопросы могутъ найти извѣстные отвѣты, то, вопервыхъ, не безъ труда, не

безъ недоразумѣній и сомнѣній; вовторыхъ же, самыя эти правила предписаны въ руководство уѣзднымъ съѣздамъ въ выраженіяхъ недостаточно опредѣленныхъ. «По дѣламъ административнымъ—говорится въ ст. 83—уѣздные съѣзды исполняютъ всѣ обязанности, лежащія, по силѣ дѣйствующихъ узаконеній, на съѣздѣ мировыхъ посредниковъ, съ нижеслѣдующими измѣненіями и дополненіями (ст. 84—88)». Но узаконенія о съѣздахъ мировыхъ посредниковъ осложнены постановленіями о непремѣнныхъ членахъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ. Должны ли же послѣднія приниматься во вниманіе? Въ какой силѣ, затѣмъ, оставлены всѣ эти постановленія о съѣздахъ и присутствіяхъ дѣлающимися въ статьяхъ 84—88 новаго положенія—измѣненіями и дополненіями? Какъ, въ какомъ видѣ представляются статьи закона, на которыя дѣлается простая ссылка? Какъ разрѣшаются эти вопросы?—Житейская настоятельная потребность не допускаетъ медленнаго возбужденія и разрѣшенія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Отвѣты на нихъ требуются тотчасъ же. Тотчасъ же они и даются во всѣхъ случаяхъ, когда новыя учрежденія, дѣйствительно, оказываются въ житейской, практической невозможности уклониться отъ обязанностей, несвойственныхъ низшимъ учрежденіямъ. Законъ даетъ широкія полномочія новымъ учрежденіямъ; своею же крайнею неясностью, краткостью и неопредѣленностью—законъ предоставляетъ этимъ полномочіямъ еще большее фактическое расширеніе. Неудобства подобнаго положенія сразу и почувствовались. Не далѣе, какъ 29 декабря 1889 г., законъ внесъ уже дополненія по настоящему предмету. «Предоставить—говорилось въ немъ—министру внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, по взаимному между ними соглашенію, давать земскимъ начальникамъ, уѣзднымъ съѣздамъ и губернскимъ присутствіямъ надлежащія указанія о внутреннемъ распорядкѣ въ сихъ установленіяхъ и подробностяхъ дѣлопроизводства по *судебнымъ* дѣламъ».

Но существо дѣла и этимъ постановленіемъ не измѣнено. Въ немъ заключалось признаніе возможности, что новыя учрежденія станутъ на первыхъ же порахъ лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, слишкомъ важныхъ, для того чтобы они могли быть разрѣшены тѣми же учрежденіями самостоятельно. Но законъ не далъ тутъ же отъ себя разрѣшенія затрудненій и сомнѣній, которыя успѣли уже выясниться втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вмѣсто этого, за-

конъ лишь расширилъ полномочія той же исполнительной, хотя и гораздо выше поставленной,—министерской власти. А за всѣмъ тѣмъ, не сокращены и не выяснены ограничительно постановленія, возбудившія видимыя опасенія, которыя, поэтому, далеко и не устранены. И послѣ того уѣздные съѣзды не лишились, значитъ, возможности, весьма широко проявлять свои полномочія.

При всемъ томъ, указанія центральной исполнительной власти могутъ касаться лишь отправленія судебныхъ дѣлъ новыми мѣстными административно-судебными установленіями, подробности же производства административныхъ дѣлъ, какъ уѣздными съѣздами, такъ и земскими начальниками, предоставляются опредѣленію тѣхъ же мѣстныхъ учрежденій. Но опять таки важная задача, приходящаяся явно не по силамъ новымъ административно-судебнымъ установленіямъ, представляется неразрѣшенною и въ этомъ порядкѣ. Въ огромномъ большинствѣ съѣздовъ и у земскихъ начальниковъ не существуетъ *никакихъ опредѣленныхъ, объективно-обязательныхъ для нихъ, правилъ* внутренняго распорядка, и весьма важныя стороны дѣла опредѣляются чисто-случайными мѣняющимися вліяніями. Отмѣтимъ только одинъ весьма обстоятельный и удачно составленный наказъ,—наказъ вятскаго губернскаго присутствія [1]). О существованіи же наказовъ въ другихъ губерніяхъ ничего не слышно. Такимъ образомъ создается еще болѣе неудовлетворительное положеніе. Многіе весьма существенные интересы остаются вовсе не обезпеченными [2]).

---

[1]) Напечатанъ въ №№ 42–46 «Судебной Газеты» за 1893 г. Между прочимъ, первый же параграфъ этого наказа указываетъ какъ на недостаточность законоположеній 12 іюля и 29 декабря 1889 г., такъ и на то, чего могутъ касаться подобные наказы. «Настоящія предположенія — говорится въ вятскомъ наказѣ—опредѣляютъ дѣлопроизводство и внутренній распорядокъ въ уѣздныхъ съѣздахъ, главнымъ образомъ, *въ тѣхъ чертахъ, которыя недостаточно опредѣлены закономъ 12 іюля 1889 г.*». И, дѣйствительно, въ немъ встрѣчаются опредѣленія, которыя подлежали бы установленію не иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ.

[2]) Между прочимъ, г. бессарабскій губернаторъ, въ отчетѣ своемъ о ревизіи новыхъ установленій («Юридическая Газета», № 23 за 1894 г.), замѣтилъ: «Что же касается дѣлъ административныхъ, то разбирательство ихъ,—*при отсутствіи въ законѣ ясно опредѣленнаго порядка и правилъ на этотъ случай*, — отличается разнообразіемъ и неопредѣленностью, и это представляетъ для населенія много неудобствъ и затрудненій». На это же указалъ и г. смоленскій губернаторъ («Юридическая Газета», № 25 за 1892 г.). Онъ установилъ, между прочимъ, *гласность* въ разбирательствѣ административныхъ

Слѣдующее постановленіе носитъ такой же характеръ *измѣненія существующаго соотношенія властей*: «Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи,—говорилось въ предварительныхъ постановленіяхъ къ законоположеніямъ 12 іюля 1889 г.—преподать въ руководство волостнымъ судамъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ будетъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, наставленіе относительно примѣненія устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, къ дѣламъ о проступкахъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, на основаніи временныхъ о немъ правилъ».

Разрѣшеніе же подобной задачи требуетъ возложенія на министра внутреннихъ дѣлъ правъ чрезвычайныхъ. Дѣло въ томъ, что власть волостнаго суда возвышалась временными о немъ правилами отъ 12 іюля 1889 г. Увеличивалось число лицъ и дѣлъ, ему подвѣдомственныхъ. Самыя дѣла, входившія въ предѣлы вѣдомства преобразованнаго волостнаго суда, представлялись болѣе важными. Не одни крестьяне, и вообще тотъ разрядъ населенія, который въ томѣ IX Св. Зак. называется «сельскими обывателями», подчинялись волостному суду. Подвѣдомственными ему дѣлались также цѣлые разряды городскихъ обывателей: мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, имѣющіе постоянное жительство въ селеніяхъ. Въ то же время, въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, волостному суду объявлялся подсуднымъ цѣлый рядъ *дѣяній*, предусматривавшихся въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Но, вѣдая дѣянія, наказуемыя по извѣстнымъ статьямъ устава, волостные суды не могутъ, однако, налагать за нихъ тѣхъ же самыхъ

дѣлъ. Наоборотъ, въ наказѣ вятскаго губернскаго присутствія говорится относительно уѣздныхъ съѣздовъ: «административныя и (распорядительныя) дѣла происходятъ всегда *при закрытыхъ дверяхъ*, съ допущеніемъ во время административныхъ засѣданій явки сторонъ и нужныхъ для спроса лицъ».—Замѣтимъ, кстати, что это совершенно противорѣчитъ указу правительствующаго сената отъ 21 декабря 1890 г., хотя и касающемуся прежнихъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, но получающему значеніе и для новыхъ административно-судебныхъ установленій, — почему указъ этотъ и приводитъ А. К. Анастасьевъ въ своемъ «Руководствѣ по административнымъ и судебнымъ дѣламъ для земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ, волостныхъ судовъ, сельскихъ и волостныхъ сходовъ» (томъ II, стр. 718). Началомъ гласности въ производствѣ подобныхъ дѣлъ нужно тѣмъ болѣе дорожить, что оно объявлено, еще ранѣе 20 ноября 1864 г.,—въ законоположеніяхъ 19 февраля 1861 г., будучи, какъ мы видѣли выше, нарушено опечаткою...

наказаній, какія опредѣляются мировыми судьями. Власть волостныхъ судовъ *повышена* противъ прежней въ отношеніи размѣровъ наказаній, но *не сравнена* съ властью мировыхъ судей. Наоборотъ, между мировымъ и волостнымъ судомъ проведено въ этомъ отношеніи большое различіе. Мировой судья могъ приговорить за кражу предмета цѣною не свыше 300 р., при нѣкоторыхъ отягчающихъ обстоятельствахъ, *къ заключенію въ тюрьмѣ на время не свыше одного года.* Волостному суду подсудно то же дѣяніе и съ тѣми же отягчающими обстоятельствами, если цѣна похищеннаго не свыше 50 р. Но волостной судъ не можетъ приговорить виновнаго къ тюремному заключенію даже и на нѣсколько дней. Ему предоставлено приговаривать къ задержанію лишь въ видѣ ареста на время не свыше 15 дней и лишь въ одномъ случаѣ до 30 дней. Наконецъ, волостному суду, попрежнему, предоставлено налагать и такой видъ наказанія, какой не указанъ мировымъ судьямъ,—сохранено именно, грубое наказаніе розгами до 20 ударовъ.

Какъ же теперь долженъ дѣйствовать волостной судъ въ общихъ, указанныхъ ему, предѣлахъ наказаній, по отношенію къ опредѣленно называемымъ закономъ наказуемыми дѣяніямъ? Цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ, отсюда возникавшихъ, повидимому. и предоставлялось именно разрѣшить министру въ названномъ наставленіи. Такимъ путемъ волостные суды должны быть выведены изъ того крайняго затрудненія, въ которомъ они оказываются. Какая же власть возлагалась тѣмъ самымъ на министра? Это не есть власть судебная, такъ какъ министръ не участвуетъ въ рѣшеніи какихъ либо опредѣленныхъ дѣлъ, въ примѣненіи закона къ отдѣльнымъ случаямъ. Онъ даетъ только наставленіе, руководство. Но это не есть и право разъясненія закона въ исполнительномъ порядкѣ, такъ какъ такое право, принадлежащее начальству высшему надъ подчиненнымъ вѣдомствомъ, опредѣляется общимъ закономъ. Да и въ буквальныхъ выраженіяхъ настоящаго постановленія не заключается подобнаго смысла. Министру присвоивается здѣсь какъ бы власть создавать новыя подробныя правила уголовной отвѣтственности. Но это есть уже не только выраженіе крайняго смѣшенія властей, но и нарушеніе одного изъ основныхъ началъ уголовнаго права, признаваемаго и нашимъ законодательствомъ: ибо правомъ наказанія можетъ пользоваться лишь верховная власть, осуществляющая подобное право въ *законодательномъ* порядкѣ.

Подобная задача и самому центральному установленію, обезпеченному надлежащими силами, справедливо показалась столь трудною, что до сихъ поръ волостнымъ судамъ *не преподано руководства въ указанномъ порядкѣ*. Еще труднѣе, конечно, разрѣшить ее уѣзднымъ съѣздамъ въ инструкціяхъ, которыя имъ предоставлено издавать (и которыя, какъ мы говорили, не издаются), или земскимъ начальникамъ въ ихъ ближайшихъ распоряженіяхъ. Такимъ же образомъ создается столько уголовныхъ кодексовъ, сколько имѣется земскихъ начальниковъ, — кодексовъ, мѣняющихся съ увольненіемъ и перемѣщеніемъ этихъ должностныхъ лицъ. Правда, извѣстное однообразіе внесено въ примѣненіе правилъ о волостномъ судѣ «Руководствомъ» Н. В. Муравьева, широко распространившимся. Но это «Руководство», по своему существу, какъ научное пособіе, — конечно, не могло замѣнить опредѣленій закона, восполнить крайній недостатокъ законодательныхъ предписаній.

XXX.

Судъ по законоположеніямъ 12 іюля 1889 г.

Различія въ уголовной отвѣтственности въ зависимости отъ подсудности и подвѣдомственности. — Раздробленіе подсудности и подвѣдомственности. — Обиліе судебныхъ установленій. — Различіе судебныхъ гарантій для лицъ разныхъ сословій, — и общее уменьшеніе этихъ гарантій. — Безпомощность населенія. — Усиленіе вліянія канцеляріи на ходъ судебныхъ дѣлъ.

Однимъ изъ основныхъ началъ уголовнаго права является также *равенство наказаній* для всѣхъ гражданъ государства, на случай совершенія ими преступныхъ дѣяній. Законоположенія 12 іюля установили, наоборотъ, въ этомъ отношеніи такое глубокое различіе между разными сословіями, какое не было извѣстно русскому законодательству. Въ дѣйствовавшихъ уголовныхъ постановленіяхъ, наказаніе въ весьма рѣдкихъ случаяхъ полагалось неодинаковое для дворянъ, священнослужителей, монашествующихъ и почетныхъ гражданъ, сравнительно съ прочими сословіями. Нынѣ же установлено весьма большое различіе въ настоящемъ отношеніи, простирающееся притомъ на весьма разнообразные случаи неодинаковой важности. За одно и то же дѣяніе обыватель несетъ то или иное наказаніе, смотря по тому, дѣйствуетъ ли въ мѣстѣ совершенія преступленія положеніе о земскихъ начальникахъ, или Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. и

волостной судъ, образованный 19 февраля 1861 г.; а также смотря по тому, подлежитъ ли обыватель волостному суду или земскому начальнику.

Между разными, вновь создаваемыми, властями судебныя дѣла распредѣляются, въ общихъ чертахъ, слѣдующимъ образомъ. Волостному суду подлежатъ, за нѣкоторыми исключеніями, гражданскія дѣла до 300 рублей (наслѣдственныя — на еще большую сумму) и дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, предусмотрѣннымъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ статьяхъ устава о наказаніяхъ, — коль скоро всѣ эти дѣла относятся до крестьянъ и нѣкоторыхъ городскихъ обывателей, проживающихъ въ селеніяхъ, а также коль скоро потерпѣвшія, не подчиненныя волостному суду, лица ищутъ удовлетворенія именно въ немъ, по предоставленному имъ праву. Далѣе, земскому начальнику и городскому судьѣ подлежатъ всѣ гражданскія дѣла до 300 р., нѣкоторыя дѣла того же свойства по найму земельныхъ угодій и по потравамъ до 500 р., и дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, предусматриваемымъ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, за исключеніемъ указанныхъ въ ст. 170, коль скоро всѣ эти дѣла относятся до лицъ прочихъ сословій. Всѣ прочія болѣе важныя уголовныя и гражданскія дѣла, разрѣшавшіяся мировыми судьями, — подлежатъ уѣздному члену окружнаго суда.

Порядокъ производства дѣлъ всѣми этими судебными властями устанавливается *совершенно различный*. Волостные суды дѣйствуютъ на основаніи временныхъ о нихъ правилъ. Выше упомянуто уже о той сторонѣ въ положеніи преобразованнаго волостнаго суда, которая относится до его карательной власти. Кромѣ того, дѣла отправляются здѣсь на основаніи правилъ, не получившихъ развитія, которое соотвѣтствовало-бы усиленію значенія и власти волостнаго суда. Какъ и прежде, въ нихъ несоблюдены и непримѣнены основныя начала устройства судебной части, общепринятыя условія, которыми обезпечивалась-бы правильность дѣйствій судебнаго мѣста [1]). При такихъ условіяхъ, дѣятельность волостныхъ судовъ оказывается столь несовершенною, что приходится даже мириться съ указаннымъ крайнимъ неравенствомъ наказаній, возникающимъ изъ распредѣленія уголовныхъ дѣлъ между нѣсколькими судебными учрежденіями съ различ-

[1]) См. дальше статью: «Преобразованный волостной судъ», подробно разсматривающую вопросы новаго волостнаго суда.

ною карательною властью. Создалось-бы положеніе слишкомъ печальное, невозможное, — еслибы волостной судъ въ настоящемъ своемъ положеніи не былъ ограниченъ въ отношеніи объема карательной власти, еслибы онъ могъ приговаривать къ тюрьмѣ, къ трехмѣсячному аресту или къ трехсотрублевому штрафу.

Земскіе начальники и городскіе судьи, въ свою очередь, получаютъ въ руководство особыя правила, составляющія сколокъ съ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 г. съ нѣкоторыми, большею частью неудачными, измѣненіями, направленными, главнымъ образомъ, къ расширенію усмотрѣнія новыхъ судей. Но Судебные Уставы, несмотря на всю стройность, ясность и подробность, вызвали большое число сенатскихъ разъясненій, составляющихъ *необходимое* руководство. Сколько-же разъясненій требуютъ правила 29 декабря 1889 г., вдобавокъ крайне неопредѣленно редактированныя?..

Наконецъ, уѣздный членъ окружнаго суда остается властью, дѣйствующею всецѣло на основаніи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.

Во *второй* инстанціи такія-же глубокія различія. Всѣ правила касательно разсмотрѣнія уѣзднымъ съѣздомъ дѣлъ, разрѣшенныхъ волостными судами, первоначально ограничивались постановленіемъ временныхъ правилъ о томъ, что съѣздъ—«отмѣняетъ рѣшенія, постановленныя съ нарушеніемъ подсудности, а по остальнымъ или оставляетъ въ силѣ рѣшеніе волостнаго суда, или постановляетъ новое рѣшеніе по существу, или-же передаетъ дѣло въ другой волостной судъ, для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія». Вывести какія-либо обязанности для новаго уѣзднаго съѣзда изъ правилъ для дѣятельности прежнихъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ — было чрезвычайно трудно, такъ какъ, вопервыхъ, правила эти дѣйствовали и раньше, чѣмъ было установлено обжалованіе постановленій волостныхъ судовъ, то есть, и до 1866 г.; а вовторыхъ, и вообще установить обязательность или необязательность какихъ-либо изъ этихъ правилъ для новыхъ съѣздовъ—почти невозможно. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, вскорѣ былъ замѣченъ. Статьи 128 и 236 позднѣйшихъ правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ земскими начальниками и городскими судьями, 29 декабря 1889 г., дали возможность разрѣшить нѣкоторые относящіеся сюда вопросы, но недостаточно ясно, тѣмъ болѣе, что самое существованіе этихъ статей совсѣмъ въ дру-

гомъ законѣ можетъ быть открыто далеко не всякимъ заинтересованнымъ лицомъ. Такимъ образомъ, вопросы о порядкѣ обжалованія приговоровъ и рѣшеній преобразованнаго волостнаго суда являются, по общему признанію, *труднѣйшими* вопросами изъ числа возбуждаемыхъ законоположеніями 12 іюля 1889 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ съѣздахъ наблюдается разбирательство дѣлъ по жалобамъ на приговоры и рѣшенія волостныхъ судовъ, отличное отъ разбирательства прочихъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, судебныхъ дѣлъ. Преимущественно уѣздные съѣзды усвоиваютъ себѣ по отношенію къ дѣламъ волостнаго суда тотъ-же характеръ «кассаціонной» инстанціи, который имѣли и прежнія уѣздныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Ст. 98 объявляетъ, затѣмъ, постановленія съѣзда по жалобамъ на рѣшенія и приговоры волостнаго суда—окончательными и подлежащими исполненію. Вопросъ о дальнѣйшемъ обжалованіи опредѣленій уѣзднаго съѣзда—рѣшается различно. Во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ допускается обжалованіе опредѣленій уѣзднаго съѣзда въ губернское присутствіе, — и послѣднее имѣетъ также характеръ «кассаціонной» инстанціи. Такимъ образомъ, крестьяне и другія лица подчиненныя волостному суду, вмѣсто мироваго судьи, съѣзда судей и сената, пріобрѣли лишь одну инстанцію, разсматривающую по существу дѣла—немаловажныя для бѣдной части населенія, такъ какъ искъ не только въ 300, но и въ 50 р. — нерѣдко затрогиваетъ здѣсь все состояніе. Губернскія присутствія, въ свою очередь, являются замѣною кассаціонныхъ департаментовъ сената для окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній уѣздныхъ съѣздовъ по дѣламъ лицъ прочихъ сословій. Лица, подлежащія суду и расправѣ означенныхъ властей, пріобрѣли въ видѣ губернскаго присутствія—*высшую кассаціонную инстанцію*. Самые поводы для просьбъ объ отмѣнѣ, обращаемыхъ въ губернское присутствіе (какъ и въ уѣздный съѣздъ по дѣламъ, разрѣшеннымъ окончательно земскими начальниками и городскими судьями),—*ограничены*, напр., по сравненію съ уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената. Одинъ поводъ, излагаемый въ пун. 2 ст. 129,—«допущеніе при производствѣ или рѣшеніи дѣла *столь существеннаго нарушенія закона*, что вслѣдствіе сего приговоръ невозможно признать въ силѣ судебнаго рѣшенія»,—замѣнилъ собою два главнѣйшихъ повода, относящихся къ сенату: «явное нарушеніе прямаго смысла закона или *непра-*

вильное его *толкованіе*, нарушеніе *обрядовъ* и *формъ* судопроизводства, столь существенныхъ, что, вслѣдствіе несоблюденія ихъ, невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія» (пп. 1 и 2 ст. 792 уст. гр. судопр. и пп. 1 и 2 ст. 912 уст. угол. судопр.). Разница становится еще рѣзче при сопоставленіи уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 г. съ правилами производства судебныхъ дѣлъ 29 декабря 1889 г. Какъ и относительно сената,—участвующія въ дѣлѣ лица не вызываются, но лишь выставляется заблаговременно въ помѣщеніи губернскаго присутствія или уѣзднаго съѣзда списокъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію присутствія. Участвующія въ дѣлѣ лица должны сами справляться о днѣ разбирательства. Самыя засѣданія присутствія, въ отличіе уже отъ сената, происходятъ при *закрытыхъ* дверяхъ. «Постороннія лица въ засѣданія губернскихъ присутствій не допускаются»—гласитъ ст. 135. Ею *не воспрещается* только присутствовать при слушаніи дѣла участвующимъ въ немъ, такъ какъ невозможно было въ такой полной мѣрѣ отказаться отъ гласности судопроизводства, какъ незыблемаго, необходимаго и общепризнаннаго начала судопроизводства. Слѣдующая статья предполагаетъ и словесныя объясненія сторонъ, безъ всякаго, однако, опредѣленія существа и предѣловъ правъ тяжущихся въ этомъ отношеніи. Затѣмъ, постановленія присутствія не подлежатъ и тому оглашенію, которое установлено для сената. — Никто, конечно, не рѣшится сравнивать гарантіи, представляемыя сенатомъ, съ гарантіями губернскаго присутствія [1])...

Всѣ гарантіи, предоставляемыя Судебными Уставами императора Александра II тяжущимся, обвиняемымъ и обвинителямъ, — сохраняются для тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію уѣзднаго члена окружнаго суда, затѣмъ окружнаго суда, какъ второй инстанціи по существу для дѣлъ важныхъ и кассаціонной—для маловажныхъ, и, наконецъ, сената, какъ высшаго кассаціоннаго суда.

Таковы *чрезвычайныя*, вновь созданныя, различія въ порядкѣ суда и расправы. Частное лицо не только ставится въ большое за-

---

[1]) Составляя для «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права» свою статью о законѣ 12 іюля 1889 г. до изданія правилъ 29 декабря того-же года, г. Башмаковъ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, ставилъ вопросъ: «Неужели губернскія присутствія замѣнятъ кассаціонные департаменты сената»? («Ж. Г. и У. П.», № 1 за 1890 г.).

трудненіе относительно подсудности того или инаго дѣла, но оно должно также сообразоваться и съ совершенно различными судопроизводственными правилами. Участіе повѣренныхъ,—которыхъ, между прочимъ, вообще мало зналъ мировой судъ, какъ близкій, простой и достаточно всѣмъ знакомый въ отношеніи производства дѣлъ,—это участіе становится необходимымъ по отношенію къ новымъ судебно-административнымъ мѣстамъ. Между тѣмъ, правила о повѣренныхъ 29 декабря 1889 г. — далеко не обезпечиваютъ надежнаго состава ходатаевъ по дѣламъ, разрѣшаемымъ новыми установленіями. Власть съѣзда по пріему въ число повѣренныхъ и дисциплинарная власть его надъ принятыми такъ велика, а, главное, безконтрольна, и, вообще, положеніе повѣренныхъ въ такой мѣрѣ унизительно, что лучшія силы не могутъ и рѣшаться на попытки къ пріобрѣтенію подобнаго званія. Соглашаться на устанавливаемыя для этого условія могутъ только люди, готовые на все ради куска хлѣба. Тяжущіеся, обвинители и обвиняемые ставятся, такимъ образомъ, между двухъ огней: и самимъ трудно вести дѣла въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ, и вручить свои интересы по довѣренности — некому. Отсюда-же,—какъ и въ силу нѣкоторыхъ другихъ причинъ, — наблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усиленіе адвокатуры тайной и, такъ сказать, уже совершенно безправной, которая, какова-бы она ни была, становится необходимою для возбужденія дѣлъ передъ высшею властью и безъ которой положеніе дѣлъ было-бы еще печальнѣе.

Въ то-же время, въ дѣлѣ разрѣшенія не только административныхъ, но и судебныхъ дѣлъ, усилилось значеніе канцеляріи, столь старательно устранявшейся Судебными Уставами 20 ноября 1864 г. отъ всякаго вліянія. Усилилась на этотъ разъ канцелярія болѣе неопредѣленная и случайная по своему составу, чѣмъ дореформенная, а потому, еще менѣе надежная.

Законоположенія 12 іюля 1889 г., установивъ должности секретарей уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій, и ни однимъ словомъ не опредѣливъ ихъ обязанностей, — упомянули лишь о томъ, что при уѣздныхъ съѣздахъ и при губернскихъ присутствіяхъ состоятъ «канцеляріи». Ассигновавъ, далѣе, по тысячѣ восьмисотъ руб. на канцелярію и хозяйственные расходы каждаго съѣзда и по четыре тысячи на канцелярію и хозяйственные расходы каждаго губернскаго присутствія, законъ не далъ никакого опредѣленія для дѣятельности канцелярій съѣздовъ и присутствій. Весьма важному

учрежденію этому предстояло образовываться подъ вліяніями чисто случайными, произвольными. И канцеляріи, въ особенности уѣздныхъ съѣздовъ, тѣмъ менѣе могли быть обезпечены надлежащими силами, что назначенная на нихъ и на хозяйственные расходы сумма была слишкомъ незначительна. Со стороны уѣздныхъ съѣздовъ раздавались настоящіе вопли по этому поводу. Пришлось не только платить гроши, и за гроши находить соотвѣтствующихъ работниковъ, но еще жить отчасти «въ долгъ». Канцелярія оказывалась совершенно необезпеченною, поставленною въ необходимость промышлять, чѣмъ ей угодно. Лишь въ 1893 г. новыя административно-судебныя установленія были обезпечены большими средствами на устройство канцелярій и хозяйственные расходы. Но такъ или иначе образовавшійся за это время составъ канцелярій успѣлъ приспособиться къ своей необезпеченности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтя опытность въ дѣлахъ, сдѣлаться необходимымъ и остаться неизмѣнно на своихъ мѣстахъ. Вліяніе канцеляріи на ходъ даже судебныхъ дѣлъ должно было неизбѣжно вытечь уже изъ сліянія въ одномъ учрежденіи дѣлъ административныхъ съ судебными. Притомъ, мѣста секретарей съѣздовъ заняли секретари прежнихъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Эти же лица не могли примѣнить къ ходу судебныхъ дѣлъ иныхъ обычаевъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ сами они посѣдѣли. Далѣе, въ новыхъ административно-судебныхъ установленіяхъ стало скопляться подавляющее количество дѣлъ, и собственно члены ихъ оказались физически не въ состояніи приготовлять ихъ къ докладу вполнѣ самостоятельно [1]). Канцелярія должна была неизбѣжно помогать въ этомъ больше, чѣмъ это могъ бы допустить законъ. Наконецъ, самымъ засѣданіямъ губернскихъ присутствій приданъ негласный канцелярскій характеръ. Докладъ дѣлъ возлагается на дѣлѣ на двухъ непремѣнныхъ членовъ. Прочіе члены являются только для участія въ засѣданіяхъ, и входить въ ближайшее отношеніе къ дѣламъ присутствія не могутъ уже потому, что всѣ они—люди, заня-

[1]) Въ № 94 «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1892 г. объявлено было, напримѣръ, о 56 дѣлахъ, назначавшихся на 8 декабря того же года для разрѣшенія мѣстнымъ губернскимъ присутствіемъ; въ № 16 тѣхъ же «Вѣдомостей» за 1893 г.—о 48 гражданскихъ дѣлахъ и о 33 уголовныхъ, назначавшихся на 9 марта, и въ № 64 за тотъ же годъ—о 56 гражданскихъ и 19 по частнымъ производствамъ, а всего: о 76, назначавшихся на 27 августа. Едвали какому-либо установленію приходилось разрѣшать въ нѣсколько часовъ такую массу дѣлъ!

тые множествомъ собственныхъ дѣлъ. И вотъ,—какъ сообщаетъ «Судебная Газета» (№ 2 за 1891 г.),—«нѣкоторыя губернскія присутствія, какъ намъ пишутъ изъ разныхъ мѣстъ, *совсѣмъ не мотивируютъ своихъ резолюцій*». Отсюда же, разумѣется, вытекаетъ и то, что практика губернскихъ присутствій крайне разнообразна; но какія начала каждое изъ нихъ преподаетъ и какъ ихъ обосновываетъ—это остается совершенно въ тѣни. Отсутствіе мотивировки постановленій замѣчалось и въ прежнихъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ по производству ими административныхъ дѣлъ; но цѣлый рядъ сенатскихъ указовъ привелъ къ возстановленію въ нихъ, въ свое время, законнаго порядка. При большей же независимости нынѣшнихъ губернскихъ присутствій, труднѣе возстановить теперь правильный порядокъ, — несмотря на нарушеніе очень важныхъ интересовъ, соприкасающихся съ разбираемыми въ губернскихъ присутствіяхъ не только административными, но и судебными дѣлами. При всемъ томъ, подобная практика губернскихъ присутствій можетъ оказывать вліяніе и на уѣздные съѣзды и на земскихъ начальниковъ. И вотъ, по настоящему предмету, въ дѣятельности земскихъ начальниковъ замѣчено слѣдующее г. смоленскимъ губернаторомъ въ отчетѣ о ревизіи, произведенной имъ въ 1891 г., какъ этотъ отчетъ излагается «Юридическою Газетою» (№ 23 за 1892 г.): «Требованія отъ приговора и рѣшенія въ окончательной формѣ, изложенныя въ ст. 94 и 204 правилъ произв. суд. дѣлъ, такъ несложны, что выполненіе ихъ не можетъ затруднять земскаго начальника; резолюція же, которая и этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ, не можетъ считаться рѣшеніемъ дѣла. Резолюціи, которыя замѣчены у нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ и которыя такъ и остаются въ дѣлахъ безъ замѣны ихъ рѣшеніями въ окончательной формѣ, не удовлетворяютъ иногда требованіямъ, которыя должны быть предъявлены къ самой краткой судебной резолюціи. Такъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, напримѣръ, нерѣдко пишется только: «по указу его императорскаго величества, приговорилъ такого-то къ аресту на три дня»; въ дѣлахъ гражданскихъ: «по указу его величества, опредѣлилъ взыскать съ такого-то пятьдесятъ три рубля». Подобныя резолюціи не содержатъ необходимой части всякаго рѣшенія,—указанія, въ чемъ обвиняемый признанъ виновнымъ, и какіе факты, дающіе основаніе иску, признаны доказанными. Могутъ ли такія рѣшенія впослѣдствіи,—въ случаѣ если понадобится

доказать, что по извѣстному дѣлу состоялось рѣшеніе, — служить тому доказательствомъ? Могутъ ли они, будучи прочитаны на судѣ и не будучи никогда облечены въ форму мотивированнаго рѣшенія, внушить сторонамъ увѣренность, что всѣ ихъ доводы, всѣ обстоятельства дѣла приняты земскимъ начальникомъ въ соображеніе при постановленіи рѣшенія? Что же послѣ этого остается сказать о резолюціи, если она, несмотря на краткость и неопредѣленность ея, написана еще и не собственноручно земскимъ начальникомъ, а изложена его письмоводителемъ»?

Понятно, какъ при такихъ условіяхъ должны сказываться тѣ разсмотрѣнныя выше свойства законоположеній 12 іюля и 29 декабря 1889 г., которыми открывался широкій просторъ *усмотрѣнію* новыхъ властей и установленій и усиленію канцеляріи въ ея фактическомъ составѣ.

XXXI.

Дисциплинарная власть земскихъ начальниковъ и отношеніе ихъ къ приговорамъ сходовъ.

Судья въ собственномъ дѣлѣ.—Зависимость должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія отъ земскихъ начальниковъ.—Неопредѣленность и недостаточность права обжалованія постановленій земскихъ начальниковъ о дисциплинарной отвѣтственности должностныхъ лицъ.—Уменьшеніе самостоятельности крестьянскихъ сходовъ.

Статьею 39-ою положенія, на земскаго начальника возлагается попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка по предметамъ вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ; статьею 42 возлагается на него, въ свою очередь, приведеніе въ исполненіе постановленій и распоряженій губернскаго присутствія и уѣзднаго съѣзда по административнымъ дѣламъ. Затѣмъ, помимо нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ же правилъ и обязанностей, возлагается на него статьею 24-ою надзоръ—во время отсутствія на мѣстѣ уѣзднаго исправника или становаго пристава—за дѣйствіями волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ по охраненію безопасности, благочинія и общественнаго порядка, равно по предупрежденію и пресѣченію преступленій и проступковъ.

Такимъ образомъ, земскій начальникъ явился и властью *полицейскою*, съ довольно обширнымъ кругомъ вѣдѣнія, не опредѣлен-

нымъ достаточно, при отсутствіи указаній относительно порядка дѣйствій, даже путемъ ссылокъ на дѣйствующія постановленія, касающіяся упомянутыхъ отношеній. При такихъ же условіяхъ, дѣйствительныя полномочія, возложенныя на него закономъ, легко могли быть преувеличиваемы, и, осуществляя эти полномочія, новая власть легко могла выходить изъ предѣловъ закона. Въ то же время ст. 61 постановляла, что въ случаѣ неисполненія законныхъ требованій земскаго начальника лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, онъ имѣетъ право подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей. При всемъ томъ, ст. 64 объявляла подобное распоряженіе земскаго начальника окончательнымъ и подлежащимъ немедленному исполненію. Понятно, какой широкій просторъ открывался для примѣненія земскими начальниками подобной власти. Легко и часто могъ возникать произволъ въ примѣненіи ея. И практика дѣла вполнѣ доказала это. Наиболѣе нареканій вызвала дѣятельность земскихъ начальниковъ именно въ этомъ отношеніи, по примѣненію ст. 61.

Юридическое положеніе должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія также значительно ослабляется законоположеніями 12 іюля 1889 г. Волостные старшины подлежатъ уже утвержденію въ должности земскимъ начальникомъ, подобно тому какъ прежде — мировымъ посредникомъ. Затѣмъ, въ ст. 62 постановляется: «Земскій начальникъ, вслѣдствіе разсмотрѣнія жалобъ, принесенныхъ ему на дѣйствія должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленій (ст. 28), а также въ случаѣ непосредственно усмотрѣнныхъ имъ самимъ маловажныхъ проступковъ означенныхъ лицъ по должности, имѣетъ право подвергать ихъ, безъ всякаго формальнаго производства, одному изъ слѣдующихъ взысканій: замѣчанію, выговору, денежному взысканію не свыше пяти руб. или аресту на время не свыше семи дней. За болѣе важныя нарушенія земскому начальнику предоставляется временно устранять всѣхъ означенныхъ должностныхъ лицъ, — въ томъ числѣ и волостныхъ судей, — отъ должности и входить съ представленіями въ уѣздный съѣздъ о совершенномъ увольненіи ихъ отъ службы или о преданіи ихъ суду». Постановленіемъ же этимъ не только возстановлена, но и значительно расширена власть прежняго мироваго посредника, въ свое время переданная коллегіальному установленію — уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію — въ ви-

дахъ обезпеченія болѣе правильнаго примѣненія дисциплинарной отвѣтственности крестьянскихъ должностныхъ лицъ. Посредникъ разсматривалъ самъ только жалобы на сельскихъ должностныхъ лицъ, жалобы же на волостныхъ старшинъ онъ передавалъ съѣзду мировыхъ посредниковъ. Кромѣ того, въ законоположеніяхъ 19 февраля 1861 г. не говорилось, чтобы дисциплинарныя взысканія на должностныхъ лицъ налагались посредникомъ безъ всякаго формальнаго производства. Въ то же время, на основаніи ст. 127 положенія, разсмотрѣнію губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій подлежали жалобы на мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣзды «по всѣмъ родамъ дѣлъ, въ случаѣ превышенія власти или несоблюденія предписаннаго порядка и установленныхъ правилъ». Въ виду же этого, съ разными колебаніями въ сенатской практикѣ, дѣлалось возможнымъ, и довольно широко практиковалось, — обжалованіе постановленій посредника о дисциплинарныхъ взысканіяхъ. Подобнаго же рода постановленія земскихъ начальниковъ объявляются окончательными и подлежащими немедленному исполненію. Обжалованіе ихъ, поэтому, пробиваетъ себѣ дорогу на практикѣ съ гораздо большимъ трудомъ. Между тѣмъ, дѣйствія земскихъ начальниковъ и въ этомъ отношеніи далеко не всегда оказываются правильными и не нуждающимися въ повѣркѣ высшею властью, Это также засвидѣтельствовано довольно многочисленными данными на практикѣ.

Существенно уменьшена, далѣе, по законамъ 12 іюля 1889 г., самостоятельность сельскихъ и волостныхъ обществъ,—уменьшена тѣмъ контролемъ и правомъ вмѣшательства, которые предоставлены земскому начальнику относительно ихъ приговоровъ. Конечно, въ принципѣ контроль надъ приговорами крестьянскихъ сходовъ не можетъ быть признанъ излишнимъ. Приговоры эти касаются иногда слишкомъ важныхъ предметовъ, для того чтобы всегда и во всѣхъ случаяхъ немедленно приводить ихъ въ исполненіе. Но подобный контроль можетъ быть правиленъ, полезенъ и не излишне стѣснителенъ — на условіи предварительнаго точнаго опредѣленія правъ и обязанностей крестьянскихъ обществъ. Этотъ же предметъ не сталъ яснѣе съ изданіемъ законоположеній 12 іюля. Между тѣмъ, неопредѣленность правъ и обязанностей крестьянъ и до сихъ поръ приводила ко вмѣшательству въ распоряженія сходовъ и къ отмѣнѣ и измѣненію ихъ приговоровъ, хотя самостоятельность ихъ и больше обезпечивалась закономъ. Извѣстная практика въ настоящее время

узаконена и расширена. При такихъ же условіяхъ, *крестьянскіе сходы еще менѣе знаютъ, что имъ предоставлено и что не входитъ въ предѣлы ихъ вѣдѣнія. Дѣятельность ихъ стала еще менѣе устойчивою, и крестьянское управленіе еще менѣе возможно теперь приравнивать къ «самоуправленію».*

XXXII.

Составъ и отвѣтственность земскихъ начальниковъ.

Общее сокращеніе права обжалованія дѣйствій установленій 12 іюля 1889 г.— Неорганизованныя ревизіи. — Случайность надзора и отвѣтственности. — Помѣстно-дворянскій составъ новыхъ установленій.—Порядокъ назначенія земскихъ начальниковъ.—Законъ и личность.

Въ дальнѣйшемъ, правильность дѣйствій административно-судебныхъ установленій зависитъ отъ условій *надзора, отвѣтственности* и *личнаго состава.*

Ближайшимъ и самымъ вѣрнымъ путемъ къ установленію надзора по отношенію ко всякимъ должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ является, безъ сомнѣнія,—широкое для частныхъ лицъ *право обжалованія* относящихся къ нимъ постановленій. Но въ данномъ случаѣ всегда сокращавшееся право это оказывается еще болѣе сокращеннымъ... И этого недостатка не могутъ возмѣстить установляемыя въ законоположеніяхъ 12 іюля 1889 г. мѣры надзора.

Земскіе начальники обязываются представлять съѣзду ежегодные отчеты о своей дѣятельности. Въ свою очередь, съѣздъ долженъ представлять каждый годъ губернскому присутствію отчеты о своей дѣятельности и о дѣятельности земскихъ начальниковъ. Далѣе, земскіе начальники подчиняются ревизіи уѣзднаго предводителя дворянства. Затѣмъ, и земскіе начальники, и съѣзды подлежатъ ревизіи членовъ губернскаго присутствія, по его назначенію, и губернатора. Соотвѣтственно этому, на основаніи данныхъ ревизіи, предоставлено губернскому присутствію входить въ правительствующій сенатъ съ представленіями объ отмѣнѣ окончательныхъ постановленій земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ по дѣламъ административнымъ,— когда ими принято къ разсмотрѣнію дѣло, не подлежащее ихъ вѣдомству, и когда постановленіе состоялось съ превышеніемъ власти или явнымъ нарушеніемъ закона.

Такимъ образомъ, законъ, поставивъ надъ земскими начальниками цѣлый рядъ ревизіонныхъ инстанцій, тѣмъ самымъ призналъ важность и необходимость надзора за ними. Иначе и быть не могло, въ виду широты правъ, возложенныхъ на земскихъ начальниковъ, и въ виду того, что реформа подлежала распространенію не одновременно на всѣ губерніи, а постепенно, какъ бы въ видѣ опыта, ради ближайшей повѣрки ея на дѣлѣ. Ревизіи и должны были давать всѣ необходимыя указанія въ этомъ отношеніи.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, одно упоминаніе о ревизіяхъ, безъ прямого опредѣленія ихъ обязательности, срочности, порядка производства и пр.,—не обезпечило стремленій закона. Сколько извѣстно, никакихъ ревизій предводители не производятъ,—да ревизіи ихъ и не могли бы имѣть особаго значенія, по недостаточности ихъ собственной подготовки, потому что, по своему образовательному цензу, они стоятъ нерѣдко ниже земскихъ начальниковъ и потому, наконецъ, что, благодаря большому вліянію, которое они имѣютъ на избраніе земскихъ начальниковъ, послѣдніе являются нерѣдко какъ бы ихъ собственными излюбленными людьми. Въ свою очередь, ревизія членовъ губернскихъ присутствій возможна лишь по особымъ постановленіямъ присутствій, такъ что срочность и обязательность ея не предполагаются и въ самомъ законѣ. Притомъ, въ виду большаго числа собственныхъ дѣлъ у членовъ губернскихъ присутствій, ревизія не можетъ быть на дѣлѣ возлагаема, да и не возлагается, ни на кого изъ нихъ, кромѣ непремѣнныхъ членовъ. Но послѣднихъ только два. Какъ докладчики губернскихъ присутствій, они крайне обременены текущими занятіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, избираемые изъ тѣхъ же лицъ, что и земскіе начальники, они едвали и могутъ съ успѣхомъ ревизовать послѣднихъ. Очень естественно, что и о ревизіяхъ со стороны членовъ губернскихъ присутствій также неслышно,—и онѣ выродились въ производство дознаній непремѣнными членами о какихъ либо особо беззаконныхъ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ земскихъ начальниковъ. Остается губернаторъ, какъ ревизоръ. Но послѣдній, производя ревизію дѣятельности уѣздныхъ съѣздовъ и земскихъ начальниковъ «на общемъ основаніи» и одновременно съ ревизіею многочисленныхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій, не можетъ удѣлять достаточно вниманія собственно земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ съѣздамъ. Притомъ же, такъ какъ губернаторъ болѣе, нежели всякое иное лицо въ губерніи, обремененъ текущими дѣлами, то и

ревизіи его, равнымъ образомъ, не могутъ быть достаточно подробными. Такимъ образомъ, не получили особаго значенія и губернаторскія ревизіи *). Сами по себѣ губернаторскія ревизіи — это быстрыя передвиженія по губерніи, обыкновенно отъ одного города до другаго, съ рѣдкимъ посѣщеніемъ даже и очень большихъ поселеній, обставляемыя большою торжественностью и тѣмъ менѣе обезпечивающія осуществленіе собственно ближайшаго непосредственнаго надзора за дѣятельностію должностныхъ лицъ, и пріемъ губернаторомъ, напримѣръ, жалобъ (въ такихъ случаяхъ даже неподлежащихъ, по закону, гербовому сбору), что эти лица окружаютъ его тутъ непроницаемою стѣною. Дисциплинарная же власть земскаго начальника надъ подвѣдомственными ему лицами въ особенности ведетъ къ загражденію ихъ устъ... Какъ жаловаться на земскаго начальника, когда онъ стоитъ тутъ, около самого губернатора, оттѣсняя даже исправниковъ съ ихъ значеніемъ начальниковъ уѣзда, и имѣя видъ настоящаго «хозяина въ своемъ участкѣ»?.

Вообще, *надзоръ* за дѣятельностью земскихъ начальниковъ не организованъ въ желательномъ смыслѣ и является почти случайнымъ. Самые отчеты представляются ими не губернскому присутствію непосредственно, а съѣзду. Условіями же надзора опредѣляется и отвѣтственность. Случайною можетъ оказываться и отвѣтственность, хотя по отношенію къ земскимъ начальникамъ она и установлена на основаніяхъ, повидимому, болѣе опредѣленныхъ, чѣмъ это было сдѣлано относительно мировыхъ посредниковъ и непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. (Такимъ же образомъ, подъ судомъ мы и видѣли до сихъ поръ одного Протопопова). Между прочимъ, дисциплинарное производство можетъ возбуждаться предложе-

---

*) Нельзя не отмѣтить только ревизій гг. смоленскаго и бессарабскаго губернаторовъ, отчеты о которыхъ печатались въ «Юридической Газетѣ» за 1892—1894 гг.—Не можемъ притомъ не выразить недоумѣнія по поводу поощренія г. смоленскимъ губернаторомъ дѣятельности земскихъ начальниковъ по части соединенія мелкихъ сельскихъ обществъ въ болѣе крупныя. Число отдѣльныхъ селеній, не составляющихъ каждое сельскаго общества, такимъ образомъ, значительно увеличивается. При безправности же положенія подобныхъ селеній, неизбѣжно долженъ усиливаться безпорядокъ въ ихъ внутренней жизни. Капитальнѣйшій вопросъ крестьянской жизни разрѣшается такимъ образомъ административною практикою въ направленіи какъ разъ обратномъ тому, какое было настоятельно необходимо и единственно справедливо. (См. по этому вопросу статью: «Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія»).

ніями губернатора или постановленіями губернскаго присутствія. Послѣднему же предоставлено входить къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ объ увольненіи земскаго начальника въ довольно многочисленныхъ случаяхъ, — напримѣръ, если земскій начальникъ, несмотря на взысканія, которымъ подвергался по постановленіямъ губернскаго присутствія за упущенія по службѣ, обнаруживаетъ явное нерадѣніе или неспособность къ успѣшному исполненію возложенныхъ на него обязанностей; если земскій начальникъ дозволитъ себѣ внѣ службы такіе противные нравственности или предосудительные простуцки, которые лишаютъ его довѣрія и уваженія, и пр.

Затѣмъ, почти всѣ постановленія самого губернскаго присутствія объявлены окончательными. Какъ бы въ возмѣщеніе того, ст. 128 пол. 12 іюля 1889 г., буквально повторяя ст. 132 пол. о губ. и уѣз. учр. по кр. дѣл. 19 февраля 1861 г., постановляетъ: «Если, во вниманіе къ особо важнымъ обстоятельствамъ, губернаторъ затруднится допустить исполненіе постановленія губернскаго присутствія по административному дѣлу, то, остановивъ подъ собственною отвѣтственностью приведеніе означеннаго постановленія въ исполненіе, представляетъ дѣло, по которому оно состоялось, на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ». Но, какъ и прежде, при тѣхъ же условіяхъ, поводы къ подобному надзору могутъ возникать слишкомъ рѣдко, по исключенію. Въ свою очередь, ст. 129 весьма близко воспроизводитъ примѣчаніе къ той же ст. 132 пол. объ учр., основанное на законѣ 14 іюня 1861 г.,—постановляя: «Когда министръ внутреннихъ дѣлъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ или жалобамъ, убѣдится въ допущенной губернскимъ присутствіемъ неправильности въ его распоряженіяхъ или постановленіяхъ по дѣламъ *административнымъ*, то принимаетъ мѣры къ возстановленію законнаго теченія дѣлъ, входя, въ надлежащихъ случаяхъ, въ правительствующій сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ неправильнаго постановленія или распоряженія. Въ случаѣ отмѣны того или другаго сенатомъ, дѣло возвращается, для новаго разсмотрѣнія, подлежащему губернскому присутствію». Подобный надзоръ надъ губернскимъ присутствіемъ учреждался положеніемъ 12 іюля по отношенію только къ дѣламъ административнымъ. По дѣламъ же судебнымъ губернское присутствіе не подчинялось ему, означеннымъ положеніемъ, являясь высшимъ кассаціоннымъ судомъ. Но 29 декабря 1889 г. было постановлено, въ виду явной въ томъ необходимости, что когда ми-

нистръ юстиціи, изъ дошедшихъ до него свѣдѣній, усмотритъ, что губернское присутствіе, при разбирательствѣ или рѣшеніи судебнаго дѣла, допустило отступленіе отъ истиннаго смысла закона, то, по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ предлагаетъ о семъ сенату, для установленія правильнаго и единообразнаго примѣненія закона и возстановленія нарушеннаго порядка. Для такихъ дѣлъ въ сенатѣ образуется соединенное присутствіе перваго и гражданскаго или уголовнаго департаментовъ, смотря по свойству дѣла, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго подлежащаго департамента, изъ трехъ сенаторовъ перваго и трехъ сенаторовъ уголовнаго или гражданскаго департамента.—Очевидно опять, что и надзоръ сената подобнымъ сложнымъ порядкомъ можетъ возникать лишь крайне рѣдко,—относительно дѣлъ административныхъ, какъ и судебныхъ. Все это опять довольно ярко и обнаружилось уже на практикѣ.

Не могутъ почитаться благопріятными для *личнаго состава* новыхъ установленій и условія назначенія на должности земскихъ начальниковъ и непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій. Права на государственную службу до сихъ поръ опредѣляются у насъ преимущественно *происхожденіемъ*. Они принадлежатъ лицамъ, главнымъ образомъ, дворянскаго сословія. Запрещается, по уставу о службѣ гражданской, принимать на государственную службу даже почетныхъ гражданъ, тоесть,—по крайнему противорѣчію,—лицъ именно того званія, которое пріобрѣтается въ значительной степени образованіемъ и на которое даетъ право чинъ XIV класса, полученный на государственной службѣ. Сословныя преграды къ службѣ гражданской разрушаются только высшимъ образованіемъ, да еще не всякимъ, такъ что правъ государственной службы не имѣютъ, напримѣръ, мѣщанскія или крестьянскія дѣти, окончившія курсъ въ технологическомъ институтѣ. Среднее образованіе, за весьма рѣдкими исключеніями, не даетъ лицамъ низшихъ сословій даже тѣхъ правъ, какія присвоиваются дворянамъ, вовсе не получившимъ образованія. Служба же по крестьянскимъ учрежденіямъ обставлялась съ самаго 19 февраля 1861 г. *особымъ ограниченіемъ*. На должности мировыхъ посредниковъ, а затѣмъ непремѣнныхъ членовъ, могли быть назначаемы только потомственные дворяне, и лишь за недостаткомъ ихъ,—дворяне личные. Учрежденіе порядка въ сельской средѣ и до сихъ поръ зависѣло отъ дворянскаго сословія. Это же ограниченіе не только сохраняется, но еще болѣе съуживается по

отношенію къ земскимъ начальникамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ утверждаетъ кандидатовъ, избираемыхъ и представляемыхъ ему губернаторомъ, по совѣщаніи съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства,—изъ числа именно мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ. Не найдя возможнымъ утвердить кого-либо изъ представленныхъ кандидатовъ, министръ предлагаетъ губернатору представить ему для утвержденія другое лицо въ томъ же самомъ порядкѣ и изъ числа тѣхъ же мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ. Такимъ образомъ, какъ это ни странно, въ выборѣ кандидатовъ на должности земскихъ начальниковъ оказывается стѣсненною не только высшая губернская правительственная власть, но и власть центральная. Очень часто земскіе начальники получаютъ назначеніе, главнымъ образомъ, по ходатайству и рекомендаціи сословной власти,—уѣзднаго предводителя дворянства. И лишь при извѣстныхъ условіяхъ, обнаруживающихъ недостатокъ подходящихъ кандидатовъ, министру предоставляется назначать на должности земскихъ начальниковъ и другихъ лицъ,— съ соблюденіемъ, однако, общихъ правилъ о службѣ гражданской,—имѣющихъ указанный выше сословный характеръ. Только въ губерніяхъ Астраханской, Вятской, Олонецкой, Пермской и нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской, земскіе начальники могутъ быть назначаемы министромъ внутреннихъ дѣлъ по представленію губернатора изъ числа лицъ, получившихъ высшее или среднее образованіе,—но опять-таки съ тѣмъ же ограничительнымъ соблюденіемъ общихъ сословныхъ правилъ о службѣ гражданской. При всемъ томъ, какъ бы для укрѣпленія должностей земскихъ начальниковъ именно за мѣстными потомственными дворянами, вслѣдствіе затрудненій, встрѣченныхъ уже въ центральныхъ губерніяхъ со значительнымъ дворянскимъ представительствомъ, находить кандидатовъ изъ числа этихъ лицъ со среднимъ образованіемъ,—закономъ 29 декабря 1889 года предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ назначать на должности земскихъ начальниковъ лицъ, не имѣющихъ и средняго образованія [1]).

[1]) При такихъ условіяхъ, не представлялась основательною и вовсе не оправдалась надежда, выраженная въ свое время „Юридическою Лѣтописью“ (мартъ 1890 г.): «Для современной Россіи нѣтъ практическихъ основаній сословнымъ привилегіямъ. Поэтому, мы полагаемъ, что сословный характеръ совершающейся реформы есть лишь кажущійся; онъ исчезнетъ самъ собою, незамѣтно, безъ возраженій, притомъ на точномъ основаніи закона, по силѣ ст. 16 положенія. Подъ нимъ нѣтъ почвы, а за нимъ нѣтъ гарантіи. Онъ лишь стѣ-

Но исключительно сословный—дворянскій—составъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ не обезпечивалъ до сихъ поръ удовлетворительности этихъ учрежденій. Не было никакого основанія ожидать, что такой же составъ, съ пониженіемъ образовательнаго ценза и со стѣсненіемъ въ отношеніи замѣщенія должностей для центральной власти,—окажется болѣе благопріятнымъ для новыхъ установленій.

Нерѣдко говорятъ, что извѣстная *личность* и при несовершенныхъ законахъ можетъ сдѣлать много полезнаго, и, наоборотъ, прекрасные законы—оставить втунѣ. Но когда имѣется въ виду первый случай, то съ тѣмъ вмѣстѣ имѣется въ виду случай *исключительный*. Еще рѣже долженъ встрѣчаться подобный случай, по описаннымъ условіямъ, въ области настоящаго послѣдняго преобразованія [2]). А потому, свойства исполнителей, вообще говоря, не имѣютъ первостепеннаго значенія, тѣмъ болѣе, что они составляютъ явленіе, независящее отъ законодателя. Онъ можетъ только призвать на службу всѣхъ способныхъ лицъ, безъ различія сословій. Но сдѣлать такъ, чтобы въ этомъ широкомъ кругу сразу оказалось больше способныхъ лицъ, чѣмъ имѣется въ дѣйствительности, законодатель не можетъ. *Центръ тяжести всякихъ преобразованій долженъ заключаться въ учрежденіяхъ, въ законахъ.* Хорошіе законы и учрежденія оказываютъ благотворное вліяніе на самихъ людей. Между людьми и законами есть всегда извѣстное взаимодѣйствіе. Совершенные законы дѣлаютъ болѣе совершеннымъ исполнителя, и наоборотъ. Одинъ и тотъ же исполнитель дѣйствуетъ болѣе или менѣе успѣшно и правильно, смотря по свойству тѣхъ законовъ,

---

сняетъ нѣсколько, да и то немного, органы правительственной власти, и для нихъ не нуженъ».—Стѣсненія оказываются, какъ видно, болѣе значительными, и правъ былъ г. Башмаковъ, высказавъ въ свое время въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права» (№ 1 за 1890 г.), что—«естественно можетъ статься, что институтъ земскихъ начальниковъ, набирая свои силы изъ ограниченнаго разсадника, оскудѣетъ»—и что «стѣснительная для министерства обязательность губернаторскаго представленія еще болѣе съуживаетъ кругъ возможныхъ назначеній, способствуя оскудѣнію личнаго состава такого института, которому и безъ того грозятъ анемія и худосочіе».

[1]) Смоленскій губернаторъ, въ отчетѣ о произведенной имъ въ 1893 г. ревизіи, и указывалъ, какъ на единственный примѣръ,—на земскаго начальника 3-го участка Гжатскаго уѣзда,—(какъ оказалось потомъ, г. Чернова, обратившаго на себя вниманіе книгою «Наброски соображеній изъ волостной юстиціи», въ которой онъ *всесторонне* показалъ всю несостоятельность тѣлеснаго наказанія).

которыми руководится. Судебные Уставы возвышали своихъ исполнителей и поднимали нравственный уровень населенія.

Съ этой важнѣйшей стороны, власти, созданныя законами 12 іюля 1889 г., поставлены въ положеніе, мало обѣщающее. Для того чтобы дѣйствовать вполнѣ успѣшно и благотворно въ указанныхъ имъ широкихъ предѣлахъ, нужно имѣть такъ много знаній, дарованій и любви къ дѣлу, сколько едвали можетъ встрѣтиться и въ весьма немногихъ представителяхъ преобразованныхъ установленій. Въ настоятельныхъ интересахъ порядка, и должно было быть обращено исключительное вниманіе на переработку этого законодательства,—съ началами закономѣрной свободы. На этой почвѣ и нужно было сѣять сѣмена порядка, для того чтобы они дали для всѣхъ желанный плодъ.

Между тѣмъ, крестьянство не только, какъ мы видѣли, страдало въ отношеніе состава и существа самыхъ законовъ, имѣвшихся для него, отъ ихъ несовершенствъ и недостаточности,—но какъ мы увидимъ ниже, и отъ состоянія внѣшнихъ источниковъ этихъ законовъ, отъ недостатковъ ихъ кодификаціи...

XXXIII.

Нѣкоторыя общія замѣчанія.

Улучшилось ли юридическое положеніе сельскихъ обывателей?—Неодинаковое значеніе въ этомъ отношеніи разныхъ законодательныхъ актовъ.

Изложенными выше узаконеніями ограничиваются главнѣйшія перемѣны, сдѣланныя въ законоположеніяхъ 19 февраля 1861 г. Спѣшно составленныя и подлежавшія дальнѣйшему развитію, они получили его въ весьма слабой степени. Самою законодательною властью были признаны они недостаточными для руководства волостныхъ и сельскихъ управленій въ 1874, 1882 и 1889 гг. Отсюда—инструкціи уѣздныхъ присутствій и съѣздовъ и обязательность представленія въ сенатъ нѣкоторыхъ дѣлъ въ 1882 г. губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Выиграла-ли втеченіе тридцати пяти лѣтъ *личность бывшаго крѣпостнаго крестьянина?* Это далеко не представляется яснымъ. Какъ видно, личность крестьянина получила бо̀льшее обезпеченіе, съ осуществленіемъ обязательнаго выкупа и прекращеніемъ временно-обязанныхъ

отношеній; но одновременно, она становилась и въ болѣе шаткое положеніе чрезъ предоставленіе особыхъ, почти законодательныхъ полномочій даже не губернскому уже, а уѣздному учрежденію въ 1874 и 1889 гг., и съ подчиненіемъ дисциплинарной власти земскаго начальника.

Долго подготовлявшаяся паспортная реформа должна была-бы, казалось, принести съ собою нѣкоторую долю свободы личности крестьянина. Произошло, однако, какъ разъ наоборотъ. Крестьянинъ оказался лишеннымъ положеніемъ о видахъ на жительство 4 іюня 1894 г. и того права передвиженія, которое имѣлъ до тѣхъ поръ: неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ воспрещалось здѣсь выдавать паспорта безъ согласія старшихъ членовъ, и рѣшеніе земскаго начальника по предмету столь существенному объявлялось окончательнымъ...

Юридическое положеніе бывшаго крѣпостнаго крестьянина если и упрочивалось, то больше съ распространеніемъ *народнаго образованія*, съ поднятіемъ уровня нашей общественности, съ развитіемъ *общаго правосознанія* и понятій о закономѣрной свободѣ. Личность крестьянина выигрывала благодаря лишь тѣмъ общимъ условіямъ, по силѣ которыхъ ослаблялись исключительное значеніе и особый духъ реформы 12 іюля 1889 г. Прежнее прочное юридическое положеніе не возвращалось только бывшимъ государственнымъ крестьянамъ. Они вполнѣ уже и во всемъ дѣлили участь бывшихъ крѣпостныхъ; послѣдніе же ни въ какомъ отношеніи не возвышались до прежняго положенія государственныхъ крестьянъ. Точно также всѣ вообще сельскіе обыватели Закавказскаго края утратили и то юридическое положеніе, которое было дано имъ первоначально. Въ то время какъ они до сихъ поръ остаются во временно-обязанныхъ отношеніяхъ, закономъ 9 іюня 1887 г., объ измѣненіи предѣловъ власти главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ и пр.—предоставлено главноначальствующему «лишать сельскія общества Закавказскаго края, *за неблаговидные поступки и дѣйствія*, права выбора одного сельскаго старшины или *всѣхъ* должностныхъ лицъ сельскаго управленія». Какіе же «неблаговидные поступки и дѣйствія» могли повести здѣсь къ отмѣнѣ самоуправленія? Какимъ порядкомъ должно было опредѣляться свойство такихъ дѣйствій и возникать подобное послѣдствіе? Эти и множество другихъ не менѣе важныхъ вопросовъ законъ 9 іюня 1887 г. вовсе

не предусматривалъ. Все это какъ бы предоставлялось административному усмотрѣнію, обстоятельствамъ, обычаю. Такимъ образомъ. закавказскіе сельскіе обыватели ставились въ положеніе особенно шаткое.

Что касается прочихъ частей законодательства, то немаловажное значеніе для крестьянъ получилъ законъ 1 января 1874 г. о всеобщей воинской повинности. Имъ была уравнена, разложена на всѣ сословія тяжесть рекрутскаго набора, лежавшая дотолѣ на однихъ податныхъ сословіяхъ. Закономъ 28 мая 1885 г. объ отмѣнѣ подушной подати со всѣхъ плательщиковъ имперіи, кромѣ Сибири, крестьяне освобождались отъ несправедливаго обложенія и также приравнивались къ прочимъ сословіямъ съ 1 января 1887 г. Такимъ образомъ, палъ главный признакъ различія между податными и привилегированными сословіями.

Но если нѣкоторыя новѣйшія узаконенія представляли извѣстное благопріятное значеніе для юридическаго положенія крестьянъ, то значеніе ихъ ослаблялось измѣнившимися, какъ разъ послѣ 19 февраля 1861 г., условіями обнародованія и изданія законовъ, крайними недостатками кодификаціи, а также послѣдовавшею 9 іюня 1884 г. отмѣною права частнаго законодательнаго почина.

XXXIV.

Законность управленія и кодификація права.

Условія законности.—О формѣ законодательныхъ проектовъ.—Отмѣна представленія законодательныхъ проектовъ въ кодификаціонное учрежденіе.—Несогласованность законовъ о крестьянахъ.—Возможность крупныхъ недоразумѣній.—Неопредѣленность порядка дѣятельности кодификаціоннаго учрежденія.—Усиленіе вліянія исполнительной власти.

Согласно съ законностію управленія и обязанностію всѣхъ безъ изъятія установленій утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не измѣняя въ нихъ *ни единой буквы*,—въ ст. 199 учрежденія министерствъ и въ примѣчаніи 2-омъ къ ст. 227 учрежденія правительствующаго сената указывалось (т. I изд. 1857 г.), чтобы представленія о необходимости новаго закона заключали въ себѣ: точное указаніе на существующіе законы или учрежденія; недостатокъ ихъ или важныя неудобства, опытомъ удостовѣренныя; проектъ закона или учрежденія, и означеніе тѣхъ статей прежняго

закона, которыя новымъ узаконеніемъ получаютъ отмѣну или иное измѣненіе, причемъ означеніе это должно было дѣлаться кратко, слѣдующими опредѣленными словами: *въ поясненіе* такой-то статьи, *въ дополненіе*, *въ отмѣну*, *въ перемѣну* и т. д.

Это—коренное, существеннѣйшее правило, необходимое условіе обезпеченія правъ, которому несомнѣнно принадлежало мѣсто въ Основныхъ Законахъ страны. Въ 1862 году, въ указываемыхъ же видахъ, начало это было еще болѣе обезпечено. Измѣненная, по прод. 1863 г., ст. 200 учрежденія министерствъ устанавливала для министра обязанность, прежде внесенія въ указываемомъ видѣ составленныхъ законопроектовъ въ государственный совѣтъ, передавать ихъ во второе отдѣленіе соб. е. и в. канцеляріи, для соображенія здѣсь каждаго проекта: «вопервыхъ, *по существу*, то-есть, въ отношеніи соотвѣтственности его съ общимъ духомъ и разумомъ нашего законодательства, и, вовторыхъ, *по формѣ*, т. е., въ отношеніи къ редакціи, въ которой предполагаемый законъ долженъ войти въ Сводъ и его продолженія». Новое дополнительное правило вызвано, безъ сомнѣнія, замѣчавшимися отступленіями отъ того основнаго положенія, развитіемъ котораго оно служило. Оно было весьма существенно, и также вполнѣ могло занимать мѣсто въ Основныхъ Законахъ страны. Однако, правило это существовало недолго. 30 іюня 1866 года, министру, подготовляющему проектъ, предоставлялось входить въ указанное сношеніе со вторымъ отдѣленіемъ *только* въ тѣхъ случаяхъ, когда, «по важности или роду предмета, онъ признаетъ то нужнымъ».

Та цѣль, ради которой были изданы правила 1862 г., далеко не всегда достигалась и во время дѣйствія ихъ. А до изданія этихъ правилъ не получала полнаго примѣненія ст. 199 учрежденія министерствъ. Такимъ образомъ, законоположенія 19 февраля 1861 г., введенныя въ Сводъ,—правда, въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ которыхъ они были утверждены, ибо представлялись цѣльными,—въ то же время *не заключали въ себѣ указаній на прямую отмѣну многихъ, содержавшихся въ Сводѣ Законовъ, статей о крѣпостныхъ крестьянахъ*. Отмѣну или измѣненіе тѣхъ статей само собою предоставлялось произвести редакторамъ Свода въ кодификаціонномъ порядкѣ. Но тутъ встрѣчались случаи, когда желательно было распоряженіе со стороны именно законодательной власти, необходимы были ея указанія. Такъ, до извѣстной степени требо-

вала этого статья 1107 т. IX зак. о сост., въ силу которой подлежали передачѣ въ казенное вѣдомство крѣпостные крестьяне, оказывавшіеся надѣленными землею въ количествѣ, меньшемъ четырехъ съ половиною десятинъ на душу. Освобожденіе застало слишкомъ много такихъ крестьянъ, ибо упомянутый законъ примѣнялся весьма слабо, какъ и другіе облегчительные для крестьянъ законы, благодаря фактическому лишенію ихъ права жалобы и невмѣшательству власти въ отношенія ихъ къ помѣщикамъ. Что было дѣлать съ такими крестьянами, при наличности ст. 1107? Не должно ли было переводить ихъ въ разрядъ государственныхъ со всѣми тѣми льготами, которыми пользовались послѣдніе? Но этого не дѣлалось, и статья 1107 по прод. 1863 г., со ссылкою на 19 февраля 1861 г., была показана *отмѣненною* въ кодификаціонномъ порядкѣ.

Положеніе объ устройствѣ крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній отличалось тѣмъ же отсутствіемъ точнаго и постояннаго означенія отмѣняемыхъ или измѣняемыхъ статей закона. И здѣсь неблагопріятное значеніе этого обстоятельства имѣло еще ту особенность, что весьма немногія законоположенія о крестьянахъ входили до сихъ поръ въ общій Сводъ Законовъ, составляя особый сборникъ. Прежнія узаконенія отмѣнялись и измѣнялись по новымъ положеніямъ въ общихъ выраженіяхъ.

Еще большимъ недостаткомъ въ этомъ отношеніи отличалось положеніе 18 января 1866 г. о передачѣ въ вѣдѣніе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ сельскихъ обывателей, находившихся дотолѣ подъ попечительствомъ министерства государственныхъ имуществъ. Въ разныхъ томахъ Свода Законовъ имѣлось весьма большое число статей, касавшихся этого разряда сельскихъ обывателей. Вопреки народной пословицѣ, относящейся, очевидно, къ крѣпостнымъ крестьянамъ, *законъ для государственныхъ крестьянъ былъ писанъ*. Но въ новомъ положеніи, вопреки ст. 199 учрежденія министерствъ и дѣйствовавшимъ еще правиламъ 1862 г., не указывалось точно и ясно, что же должно было произойти съ этѣми статьями: отмѣнялись ли онѣ совершенно, измѣнялись только, или замѣнялись? Выводить прямо отмѣну изъ смысла новыхъ узаконеній представлялось возможнымъ далеко не всегда. Наоборотъ, здѣсь уже весьма часто встрѣчались случаи, называвшіе большія сомнѣнія. И по выходѣ изъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, — говорилось въ ст. 1 положенія 18 января 1866 г.—«*со-*

храняются государственнымъ крестьянамъ всѣ тѣ права, которыми они доселѣ пользовались, а равно *не отмѣняются* и тѣ особыя преимущества, которыя дарованы нѣкоторымъ изъ состоящихъ въ вѣдѣніи управленія государственныхъ имуществъ разрядамъ сельскихъ обывателей, на основаніи особыхъ о каждомъ изъ нихъ положеній».

Редакторамъ Свода Законовъ также само собою предоставлялось и тутъ, при самомъ внесеніи въ Сводъ новаго положенія, самостоятельно соображать, какія изъ прежнихъ статей отмѣнялись или сохранялись. И еще бо̀льшая свобода давалась имъ при внесеніи въ Сводъ тѣхъ новыхъ узаконеній, которыя выходили по отмѣнѣ въ 1866 году обязательныхъ сношеній министерствъ со вторымъ отдѣленіемъ касательно существа и формы проектовъ. Новыя узаконенія еще менѣе оказывались сообразованными съ дѣйствовавшими до тѣхъ поръ постановленіями. Они еще рѣже заключали въ себѣ, между тѣмъ, точныя указанія на производимыя ими въ Сводѣ измѣненія или на мѣсто, которое должны были занимать въ немъ. Съ теченіемъ времени, чаще и чаще они обнародовались со словами: «въ измѣненіе подлежащихъ узаконеній, постановить...» Эти «подлежащія» узаконенія должно было открывать уже само кодификаціонное учрежденіе,—до 1882 г. «второе отдѣленіе», а съ 23 января 1882 г. кодификаціонный отдѣлъ при государственномъ совѣтѣ (и нынѣ особое отдѣленіе государственной канцеляріи).

При такихъ условіяхъ, *стало постепенно образовываться большое число отмѣненныхъ, замѣненныхъ и исключенныхъ статей, — въ кодификаціонномъ порядкѣ, вмѣсто законодательнаго.* Вмѣстѣ-же съ тѣмъ, самыя правила такого рода дѣятельности, какъ и вообще дѣятельности кодификаціоннаго учрежденія, оставались неопредѣленными, неясными.

Такъ, по прод. 1868 г., со ссылкою на 18 января 1866 г., показана была *отмѣненною*, въ ряду множества другихъ, статья 226 т. XII, ч. 2, устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, которая только воспроизводила остающуюся незыблемою статью 62 Законовъ Основныхъ: «никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ законовъ, но всякій обязанъ исполнять ихъ въ совершенной точности». Вся крайняя неопредѣленность этого важнѣйшаго дѣла сказалась вообще въ томъ, что *въ продолженія 1869, 1871 и 1872 гг. вовсе не вводится никакихъ указаній относительно устава о благоустройствѣ,* подъ тѣмъ прямо выставляемымъ

предлогомъ, что государственные крестьяне переданы въ вѣдѣніе губ. и уѣз. по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. *Но, начиная съ продолженія 1876 г., указанія эти опять вводятся,* хотя означенный предлогъ нимало не измѣнился. Вообще, во всѣхъ томахъ Свода Законовъ дѣлаются многочисленныя, но не всегда правильныя измѣненія въ кодификаціонномъ порядкѣ. Съ другой стороны, уже послѣ, въ законодательномъ порядкѣ, нерѣдко признаются подлежащими исключенію, за силою изданныхъ прежде узаконеній, нѣкоторыя статьи, на которыя не распространилось своевременно такого же рода распоряженіе со стороны самихъ редакторовъ Свода. Въ Сводъ Законовъ вносятся, наконецъ, чаще и чаще сенатскія разъясненія, не всегда съ указаніемъ, что это суть именно сенатскія разъясненія, а не новыя законодательныя постановленія (что, впрочемъ, ограничено закономъ 5 ноября 1885 г., о выпускѣ новаго изданія Свода). Словомъ, въ этомъ важнѣйшемъ отношеніи оказывается полнѣйшая неясность, отъ которой крайне терпитъ *и общее юридическое положеніе*...

Рядомъ съ этимъ обнаружилось и другое весьма неблагопріятное обстоятельство.

Установленный послѣ выхода Свода Законовъ въ третьемъ изданіи порядокъ выпуска продолженій по полугодіямъ и по четвертямъ года, для скорѣйшаго распространенія новыхъ узаконеній,—примѣнялся только втеченіе 1859 и 1860 гг. Послѣ того, само собою, произошелъ переворотъ, *какъ разъ совпавшій съ реформою 19 февраля 1861 г.* Слѣдующее продолженіе къ Своду Законовъ было выпущено только въ 1863 году. Положенія 19 февраля составили въ немъ впервые особое приложеніе къ законамъ о состояніяхъ. За этимъ продолженіемъ вскорѣ послѣдовало продолженіе 1864 г. Дальше же, только черезъ три года, вышло продолженіе 1868 г. Потомъ изданы продолженія 1869, 1871, 1872 гг. Затѣмъ, опять черезъ четыре года, въ 1876 г., были выпущены въ новомъ изданіи нѣкоторые томы и части Свода, и въ томъ числѣ особое приложеніе съ положеніями о сельскомъ состояніи. Дальше слѣдовали продолженія 1879, 1881, 1883, 1886, 1887, 1889, 1890, 1891, 1893, 1895 гг. Выпущены, кромѣ того, въ 1886, 1887, 1890, 1882 и 1893 гг. отдѣльныя изданія нѣкоторыхъ частей Свода. Новаго же полнаго Свода Законовъ до сихъ поръ нѣтъ. Между тѣмъ, черезъ 40 лѣтъ, образовалась въ немъ настоятельнѣйшая потреб-

ность. *Дѣйствующее право утонуло, запуталось во множествѣ продолженій и въ разновременныхъ отдѣльныхъ несогласованныхъ между собою изданіяхъ.* Но упомянутый законъ 5 ноября 1885 г. и въ этомъ отношеніи предоставляетъ кодификаціонному учрежденію выпустить четвертое изданіе Свода, *по усмотрѣнію*, или во всѣхъ томахъ одновременно, или постепенно.

При такихъ условіяхъ, практика находится въ большомъ затрудненіи. Разбираться въ теперешнихъ источникахъ законодательства стало доступно не всегда и не всѣмъ. Въ изданіяхъ законовъ принимаются условные знаки, дѣлающіеся понятными только послѣ продолжительнаго ознакомленія со Сводомъ и его продолженіями. Являются частыя ошибки и изъ нихъ только нѣкоторыя показываются въ опечаткахъ. Многія продолженія, въ особенности существенныя для крестьянскаго дѣла, позабыты и ихъ не имѣется въ продажѣ. Само кодификаціонное учрежденіе, выпуская прод. 1876 г., называетъ его въ предисловіи *седьмымъ*, тогда какъ оно — *одиннадцатое.*

По мѣрѣ утвержденія, новыя узаконенія обнародуются въ «Собраніи узак. и расп. правительства». До выхода слѣдующаго продолженія, то есть, *иногда втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, законы должны примѣняться въ подлинномъ видѣ.* Упомянутое сенатское изданіе остается до тѣхъ поръ единственнымъ источникомъ руководящихъ правилъ. Но, съ одной стороны, оно весьма мало распространено и обращеніе съ нимъ крайне затруднительно. *Новые законы остаются оттого малоизвѣстными.* Съ другой-же стороны, такъ какъ, по изложеннымъ выше обстоятельствамъ, отмѣны и измѣненія, вносимыя въ Сводъ новыми узаконеніями, не обозначаются точно и ясно,—то тутъ уже не кодификаціонное учрежденіе, а *примѣнители закона*, и *самые низшіе*, — сами соображаютъ всѣ эти важнѣйшія обстоятельства, доступныя пониманію только хорошо образованнаго юриста *).

Наконецъ, указанная въ свое время слишкомъ большая зависимость крестьянъ отъ усмотрѣнія подзаконныхъ властей, замѣнявшаго законъ, съ теченіемъ времени усугублялась тѣмъ общимъ условіемъ, что вообще *исполнительная власть начала пріобрѣтать у насъ весьма быстро значеніе, расширяющее предѣлы, усвоен-*

*) См. объ этомъ нашу статью—*Законность управленія и кодификація права,* напечатанную въ № 4 «Наблюдателя» за 1894 г.

ные ей Основными Законами. Въ этихъ Законахъ и въ главныхъ постановленіяхъ учрежденія министерствъ не было сдѣлано прямыхъ измѣненій. До сихъ поръ, согласно остающейся и по послѣднему изданію т. I неизмѣнною статьѣ 81 т. I, ч. 1 Законовъ Основныхъ «*предметы* управленія подчиненнаго, *образъ его дѣйствія, степень* и *предѣлы власти,* ономy ввѣряемой, во *всѣхъ* вообще установленіяхъ, какъ высшихъ государственныхъ, такъ и низшихъ, имъ подвѣдомыхъ, опредѣляются подробно въ учрежденіяхъ и уставахъ сихъ установленій»,—то-есть, *законодательнымъ порядкомъ.* Но, въ дѣйствительности, отъ этого начала, обезпечивавшаго закономѣрную свободу, сдѣлано множество отступленій за послѣднія 30 лѣтъ во всѣхъ томахъ Свода. Новые уставы и учрежденія весьма кратки. Весьма многое опредѣляется усмотрѣніемъ непосредственнаго начальства. Единоличное и бюрократическое начало въ управленіи получаетъ въ то же время бо́льшее и бо́льшее преобладаніе надъ коллегіальнымъ. Постепенно расширяющееся право обязательныхъ постановленій, наказовъ, инструкцій, правилъ и т. п., издаваемыхъ въ исполнительномъ, а не въ законодательномъ порядкѣ, въ развитіе закона,—дѣлаетъ болѣе и болѣе шаткимъ общее юридическое положеніе, въ особенности же юридическое положеніе крестьянъ...

XXXV.

Недостатки кодификаціи собственно крестьянскихъ законовъ.

Какимъ требованіямъ должны удовлетворять источники познанія законовъ о крестьянахъ? — Свойства особаго приложенія къ законамъ о сост., изданнаго въ 1876 г.—Ошибки и упущенія.

Крестьяне въ особенности нуждались въ подчиненіи *именно закону.* Точно также особенно необходима была для нихъ доступность источниковъ познанія закона. Крестьяне могутъ руководствоваться только книгою законовъ, излагающею послѣдовательно и ясно, безъ ссылокъ на другіе источники, ихъ права и обязанности. Въ противномъ случаѣ, они оказываются въ совершенной зависимости отъ учрежденнаго для нихъ управленія, отъ всѣхъ, кто стоитъ выше ихъ и, наконецъ, отъ разныхъ темныхъ личностей.

Указанное выше, въ общихъ чертахъ, внутреннее состояніе крестьянскаго законодательства, неуловимаго и для высшихъ учрежденій, дѣлало его тѣмъ менѣе доступнымъ для самихъ крестьянъ. Съ внѣшней же стороны, эти источники не были вполнѣ доступны и спеціалистамъ. Они вообще оставались малодоступными и для всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ выше крестьянъ и входилъ съ ними въ соприкосновеніе, — въ частности же, для мѣстнаго управленія крестьянскими дѣлами. Чѣмъ ниже учрежденіе, тѣмъ менѣе могло оно руководствоваться закономъ и тѣмъ болѣе юридическое положеніе крестьянъ зависѣло отъ чисто фактическихъ и произвольныхъ вліяній. *Юридическая личность крестьянъ, даже и выигрывая съ изданіемъ нѣкоторыхъ новыхъ узаконеній, — проигрывала отъ состоянія источниковъ законодательства о крестьянахъ.* Таковымъ источникомъ, въ настоящее время, является особое приложеніе къ т. IX зак. о сост., изд. 1876 г. Но къ нему имѣется уже девять продолженій—1879, 1881, 1883, 1886, 1887, 1889, 1890, 1891 и 1893 гг. При этомъ, съ одной стороны, въ Сводъ Законовъ *вовсе не вошли* нѣкоторыя узаконенія о крестьянахъ. Съ другой стороны, въ это изданіе *не вошли* находящіяся въ изданіи 1863 года: положеніе объ устройствѣ дворовыхъ людей; дополнительныя правила о крестьянахъ Сибири и Бессарабіи; оба мѣстныя положенія для губерній югозападныхъ; положеніе о крестьянахъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ; дополнительныя правила о крестьянахъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ; правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній и нѣкоторыя другіе законы послѣдующаго времени. Между тѣмъ, всѣ эти законоположенія не только въ 1876 году, но и до сихъ поръ не потеряли своей силы. Ссылки на нихъ дѣлаются въ новѣйшихъ узаконеніяхъ. По нимъ продолжается устройство нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ. Они необходимы для уразумѣнія условій общаго положенія сельскихъ обывателей. Но прежнихъ положеній уже не существуетъ въ продажѣ. Оттого нынѣ нѣкоторыя важнѣйшія и весьма часто необходимыя законоположенія нужно разыскивать во Второмъ Полн. Собраніи Законовъ, то-есть, въ источникахъ уже совсѣмъ недоступныхъ, весьма рѣдко встрѣчающихся и чрезвычайно дорого стоющихъ.

Какъ сказано, изданіе особаго приложенія 1876 г. не заключаетъ въ себѣ положенія объ устройствѣ дворовыхъ людей. Оно исключено въ кодификаціонномъ порядкѣ. Но до сихъ поръ не исключена

та часть пункта 10 ст. 84 Общ. Пол., которою волостному старшинѣ предоставлено получать съ дворовыхъ людей «установленный сборъ, для внесенія куда слѣдуетъ». Сборъ же этотъ,—въ размѣрѣ одного рубля, *для призрѣнія престарѣлыхъ, дряхлыхъ, страждущихъ душевными и тѣлесными недугами и круглыхъ малолѣтнихъ сиротъ изъ уволенныхъ дворовыхъ людей*,—статьею 33 положенія о дворовыхъ людяхъ 19 февраля 1861 г. возлагался на каждое способное къ работѣ лицо мужескаго пола отъ 18 до 45 лѣтъ, до истеченія льготнаго срока,—то-есть, для приписавшихся къ волостямъ до истеченія шести, а для приписавшихся къ городскимъ обществамъ до истеченія двухъ лѣтъ, считая, отъ окончанія двухлѣтняго срока пребыванія въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Значитъ, для перваго разряда дворовыхъ людей обязанность выплачивать указываемый однорублевый сборъ оканчивалась въ 1869 г., а для втораго разряда—въ 1865 году. Между тѣмъ, министерство внутр. дѣлъ, въ циркулярѣ по хозяйственному департаменту, отъ 24 іюня 1877 г., усмотрѣло изъ вѣдомостей, ежегодно представляемыхъ губернаторами, что сборомъ этимъ «бывшіе дворовые люди по многимъ губерніямъ облагаются и до *настоящаго времени*». (Сборникъ узак. и расп. по устр. быта крестьянъ за 1876 — 1882 гг., изд. Чичинадзе, ч. 2, стр. 52). Но жизнь ушла и еще дальше... Циркуляръ министра финансовъ отъ 17 января 1878 г., показываетъ, что «нѣкоторыя казенныя палаты продолжаютъ облагать и по настоящее время рублевымъ сборомъ тѣхъ изъ дворовыхъ людей, которые, по прекращеніи обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, остались малолѣтними сиротами» (тамъ же, ч. 2, стр. 72). То есть, казенныя палаты около 1878 г. облагали еще сборомъ *тѣхъ самыхъ лицъ изъ числа дворовыхъ, въ пользу которыхъ именно и былъ установленъ самый сборъ* [1]).

Статьями 18 и 148—163 Общаго Положенія предоставляются помѣщику весьма обширныя права по вотчинной полиціи въ отношеніи временно-обязанныхъ крестьянъ. Ему подчиняются сельскіе старосты, и ему же принадлежитъ большое вліяніе на ходъ крестьянскаго самоуправленія. По требованію помѣщика, мировой посредникъ

---

[1]) На одномъ изъ волостныхъ сходовъ Ярославской губерніи, въ 1896 году, изъ прочитаннаго вслухъ доклада учетчиковъ, мы, лично, узнали, что въ распоряженіе волостнаго старшины поступило, между прочимъ,—«съ бывшихъ дворовыхъ 2 р. 80 к.».

имѣетъ право смѣнить старосту или помощника старшины и назначить новыхъ, по своему усмотрѣнію. Сенатъ неоднократно разъяснялъ (хотя статьи закона, въ которыхъ это говорилось, не должны были бы подавать поводъ къ недоразумѣніямъ), что право вотчинной полиціи принадлежитъ помѣщику только въ отношеніи временно-обязанныхъ крестьянъ, но что въ отношеніи крестьянъ-собственниковъ оно уже не имѣетъ примѣненія. Значитъ, затрудненія и недоразумѣнія встрѣчались нерѣдко. Тѣмъ не менѣе, указанныя статьи до сихъ поръ еще не измѣнили своего мѣста въ особомъ приложеніи. Между тѣмъ, съ 1 января 1883 г. временно-обязанные крестьяне остались только на Кавказѣ. Очевидно, что и статьи 18 и 148—163 должны были быть размѣщены соотвѣтствующимъ образомъ, въ пол. о крест. Закавк., дабы не подавать повода къ недоразумѣніямъ. Но до сихъ поръ не исключена даже статья 158, которою предоставлялось помѣщику предлагать крестьянскимъ обществамъ объ исключеніи изъ своей среды и о предоставленіи въ распоряженіе властей лицъ, признаваемыхъ имъ вредными; въ случаѣ же несогласія на то обществъ,—ходатайствовать объ этомъ передъ губ. по крест. дѣл. присутствіемъ. Между тѣмъ, это право принадлежало помѣщику *только впродолженіе первыхъ девяти лѣтъ* по утвержденіи Общаго Пол. 19 февраля 1861 г., то есть, до 1870 г. Ст. 158 подлежала исключенію еще по прод. 1871 г. Однако, какъ сказано, она не только вошла въ особое приложеніе 1876 г. и не исключена по послѣдующимъ продолженіямъ вплоть до настоящаго времени, но въ изданіи 1876 г. подъ нею была сдѣлана ссылка на законъ 27 іюня 1874 г. о преобразованіи учрежденій по крест. дѣламъ (то есть, собственно, ссылка *по ошибкѣ* на несуществующій законъ 25 іюля 1874 г., какъ вездѣ означенъ законъ 27 іюня 1874 г.,—что мы выше и указывали подробнѣе). Ссылка же эта какъ бы указывала только на измѣнившійся,—со введеніемъ уѣздныхъ присутствій по крест. дѣламъ,—порядокъ осуществленія помѣщикомъ этого *несуществующаго права*...

Высочайше утвержденнымъ, 23 января 1879 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта разъяснено было (Собраніе узак. и расп., № 51 за 1879 годъ), что, «на основаніи положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г., мировымъ посредникамъ предоставлено право налагать наказанія, перечисленныя въ пунктѣ 2 ст. 32 полож. объ учрежд. по крест. дѣл., лишь по дѣламъ судебно-полицейскаго раз-

бирательства, указаннымъ въ ст. 31 того же положенія, и что, съ передачею сихъ дѣлъ въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ установленій, означенное право мировыхъ посредниковъ, — а, слѣдовательно, и право присуждать лицъ податнаго состоянія къ тѣлеснымъ наказаніямъ,—должно считаться утратившимъ свою силу». Значитъ, на практикѣ возникали вопросы этого рода, столь близко касающіеся правъ крестьянъ, личныхъ и по состоянію. Какъ же они разрѣшались? Безъ сомнѣнія, весьма разнообразно, и, между прочимъ, *въ смыслѣ неправильнаго присужденія къ тѣлеснымъ наказаніямъ, изъ чего возникало потомъ ограниченіе въ правахъ состоянія,—именно по избранію въ общественныя должности.* Вопросъ былъ настолько затруднителенъ, что въ государственный совѣтъ онъ перешелъ вслѣдствіе разногласія въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи. Какія же разногласія должны были происходить въ средѣ низшихъ учрежденій?! Но и послѣ того возможность недоразумѣній не можетъ почитаться устраненною, благодаря внутреннимъ и внѣшнимъ свойствамъ законоположеній о крестьянахъ, требующимъ большаго, даже не кодификаціоннаго, а законодательнаго труда. Въ пунктѣ 2 закона 23 января 1879 года было притомъ постановлено: «Для тѣхъ мѣстностей, гдѣ, вслѣдствіе невведенія мировыхъ судебныхъ установленій, вѣдѣнію мировыхъ посредниковъ подлежатъ еще дѣла судебно-полицейскаго разбирательства, указанныя въ ст. 31 положенія объ учр. по крест. дѣламъ, изъ числа поименованныхъ въ пунктѣ 2 ст. 32 того же положенія наказаній (общественныя работы, арестъ, розги до 20 ударовъ), наложеніе коихъ предоставлено власти мироваго посредника,—*тѣлесное наказаніе исключить*». Со ссылкою на приведенный законъ, п. 2 ст. 32 по прод. 1881 г. изложенъ такъ: «Непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а также мировой посредникъ, гдѣ таковые существуютъ, присуждаетъ лицъ податнаго состоянія къ общественнымъ работамъ до 6 дней или аресту до 7 дней». Но дѣлъ, указанныхъ въ ст. 31, *не могло уже быть* у непремѣнныхъ членовъ, такъ какъ они учреждены были въ 1874 г. тамъ, гдѣ существовали мировыя и земскія учрежденія; дѣла же, указанныя въ ст. 31, были переданы въ мировыя судебныя установленія еще въ 1865 году. Очевидно, что кодификаціонное учрежденіе, упустивъ изъ виду и повергнувъ практику въ странное затрудненіе, сдѣлало

ошибку,—ошибку понятную по крайней трудности разбираться въ положеніи о крест. учрежденіяхъ. Ошибка эта до нѣкоторой степени была исправлена тѣмъ, что, по продолженію 1886 г. (а затѣмъ, по прод. 1890 г.),—пунктъ 2 ст. 32 получилъ, со ссылкою на тотъ же законъ, новое изложеніе: «По дѣламъ, поименованнымъ въ предшедшей (31) статьѣ, чиновникъ по крест. дѣламъ (ср. ст. 133, прим. 1 по прод.), а также земскій засѣдатель (ср. VII, пол. о гос. кр., ст. 1, прим. 2, прил., по прод.) присуждаетъ лицъ податнаго состоянія къ общественнымъ работамъ до 6 дней или аресту до 7 дней». Но изложенное такимъ образомъ разъясненіе отъ 23 января 1879 г. *затемнялось* и здѣсь тѣмъ, что по прод. 1886 г. осталось попрежнему прим. 2 къ ст. 32: «не могутъ быть вовсе приговариваемы къ тѣлесному наказанію лица, поименованныя въ прим. 2 къ ст. 102 Общаго Положенія».

Прежде всего, разъясненіе отъ 23 января 1879 г., очевидно, совершенно отняло у какихъ бы то ни было представителей учрежденій по крест. дѣламъ право примѣнять тѣлесное наказаніе къ лицамъ податнаго состоянія. Самый этотъ родъ наказанія—исключенъ вовсе (оставленный лишь въ рукахъ волостнаго суда). Къ чему же тогда это примѣчаніе? То, что составляло льготу для нѣкоторыхъ лицъ въ отношеніи упомянутыхъ властей, распространено было въ 1879 г. на всѣхъ. Примѣчаніе же это, говоря объ исключеніи, давало возможность предполагать и общее правило существующимъ. (Оно было устранено лишь изъ прод. 1890 г.).

Въ то же время, даже какъ означеніе льготы, ссылка на примѣчаніе 2-е къ ст. 102 Общаго Положенія, изд. 1876 г., была недостаточна. Согласно этому послѣднему примѣчанію, освободились отъ тѣлеснаго наказанія, между прочимъ, изъ лицъ женскаго пола: достигшія 50-лѣтняго возраста; получившія образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ; занимающія должности повивальныхъ бабокъ, смотрительницъ больницъ, сельскихъ учительницъ и школъ, и принадлежащія къ семействамъ изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія. Между тѣмъ, еще по закону 17 апрѣля 1863 г., лица женскаго пола *всѣ и вовсе* изъяты отъ тѣлеснаго наказанія... Поэтому,—хотя только по прод. 1879 г., то есть черезъ 16 лѣтъ,—присоединено было въ такомъ смыслѣ къ ст. 102 Общаго Положенія примѣчаніе 5-е, а по продолженію 1886 г. примѣчанія 2 и 5 были слиты въ одно прим. 2,—

но, какъ видно, въ прим. 2 къ ст. 32 пол. объ учр., по прод. 1886 г., сдѣлана ссылка на прим. 2 къ этой статьѣ Общ. Пол. *по изданію 1876 г.*, а *не по прод. также 1886 г.* (что въ такихъ случаяхъ кодификаціоннымъ учрежденіемъ означается въ скобкахъ: *по прод.*, при чемъ разумѣется—*по тому же продолженію*). Понятно, что при такихъ условіяхъ *тѣлесное наказаніе должно было удерживаться иногда и тамъ, гдѣ было отмѣнено*; что оно, наконецъ, должно было примѣняться въ самыхъ грубыхъ формахъ—къ женщинамъ, еще въ 1863 г. освобожденнымъ отъ него... Указанія на это и имѣются.

Какъ мы сказали уже, во всемъ изданіи особаго приложенія 1876 г., при упоминаніи о замѣнѣ въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями мировыхъ посредниковъ уѣздными по крест. дѣламъ присутствіями,—вездѣ означается: *25 іюля 1874 г.*, то есть, указывается, что преобразованіе это совершено по закону 25 іюля 1874 г. Но законъ о таковомъ преобразованіи былъ высочайше утвержденъ 27 іюня 1874 г. и составляетъ *именно законъ 27 іюня 1874 г.* Затѣмъ, законъ этотъ только былъ обнародованъ при указѣ сената отъ 25 іюля 1874 г. Числа эти были смѣшаны при изданіи въ 1876 году особаго прибавленія. Мы указали также, какъ трудно исправить эту ошибку чрезвычайной важности, на практикѣ даже и незамѣчаемую. Между тѣмъ, неправильныя ссылки на законъ 1874 г. о преобразованіи мѣстныхъ учрежденій по крест. дѣламъ встрѣчаются весьма часто и ведутъ къ недоразумѣніямъ, неразрѣшимымъ и не по одной этой причинѣ. Ссылки дѣлаются при каждомъ изъ многочисленныхъ упоминаній о мировыхъ посредникахъ и ихъ съѣздахъ. Въ скобкахъ ставится въ такихъ случаяхъ: «ср. III, пол. учр. объ крест., *ст. 1—133*», затѣмъ идетъ неправильная цитата: «25 іюля 1874 г.». Но, въ дѣйствительности, подразумѣваемый тутъ законъ 27 іюня 1874 г. занимаетъ статьи 134—159 пол. объ учр. по крест. дѣл. Слѣдовательно, и сравненіе нужно искать *не въ статьяхъ 1—133, гдѣ говорится о мировыхъ посредникахъ и ихъ съѣздахъ, а въ статьяхъ 134—159*, гдѣ рѣчь идетъ о непремѣнныхъ членахъ уѣздныхъ по крест. дѣламъ присутствій о самыхъ этихъ присутствіяхъ. Извѣстно, кромѣ того, что непремѣнные члены не замѣнили въ точности мировыхъ посредниковъ, а уѣздныя присутствія не замѣнили мировыхъ съѣздовъ. Между тѣми и другими существуютъ большія различія. Многія обязанности

и права единоличной власти мировыхъ посредниковъ переданы исправнику или уѣздному присутствію. Значитъ, такого рода ссылки, даже и вѣрныя, объяснили бы весьма мало касательно распредѣленія обязанностей мировыхъ посредниковъ между новыми учрежденіями и лицами. Безъ сомнѣнія, слѣдовало бы точно означить *въ каждомъ данномъ случаѣ*, кто замѣнилъ теперь мировыхъ посредниковъ въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями, въ отношеніи тѣхъ или другихъ дѣлъ. Но кодификаціонное учрежденіе сдѣлать это невиправѣ, насколько извѣстны тѣ начала, которыми оно руководствуется (до 1885 г. начала эти оставались, впрочемъ, почти неизвѣстными, да и теперь не получили особаго распространенія). Это долженъ былъ бы сдѣлать именно самый законъ 27 іюня 1874 г. Между тѣмъ, общія указанія его требуютъ тутъ разъясненія не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Дѣйствительно, согласно ст. 11 названнаго закона (ст. 143 пол. объ учр. изд. 1876 г.), вѣдѣнію уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій подлежатъ всѣ вообще дѣла уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ, а также нѣкоторыя дѣла, предоставлявшіяся мировому посреднику. Далѣе, дѣла послѣдняго и перечисляются въ 13 пунктахъ. Въ пунктѣ же 14-мъ говорится, что съѣзду передаются также: «прочія обязанности мировыхъ посредниковъ, за исключеніемъ дѣлъ по поземельному устройству, возлагаемыхъ на непремѣннаго члена уѣзднаго присутствія (ст. 151) и предметовъ, предоставляемыхъ по настоящему положенію (ст. 153, 155 и 157) другимъ учрежденіямъ». Но и при исчисленіи обязанностей непремѣннаго члена пунктъ 6 ст. 151 продолжаетъ также, что ему принадлежатъ: «прочія дѣла по земельному устройству крестьянъ, возложенныя по закону на мировыхъ посредниковъ и не передаваемыя, по настоящему положенію, другимъ учрежденіямъ». Итакъ, *точнаго распредѣленія дѣлъ между новыми учрежденіями не сдѣлано*. Но мировымъ посредникамъ и ихъ съѣздамъ принадлежали и такія дѣла, какихъ нынѣ уже не возникаетъ. Дѣла эти, однако, перечисляются еще въ положеніи объ учрежденіяхъ. Такъ напримѣръ, и по послѣднему продолженію, остается неизмѣннымъ пунктъ 8 ст. 129, вмѣняющій въ обязанность губернскому присутствію, — «опредѣленіе размѣра денежнаго пособія, которое владѣльцы обязаны выдавать дворовымъ людямъ, неспособнымъ къ работѣ, если они увольняются втеченіе общаго срока обязательныхъ отношеній»; а также пунктъ 13 той же статьи: «разсмотрѣніе и утвержденіе при-

говоровъ мировыхъ посредниковъ о немедленномъ увольненіи дворовыхъ людей, буде они того пожелаютъ, отъ обязательныхъ отношеній по случаю обнаруженныхъ злоупотребленій въ обращеніи владѣльца съ дворовыми людьми», и т. д. Примѣровъ немало. Понятно, какъ трудно не только крестьянамъ, но и высшимъ учрежденіямъ и лицамъ опредѣлять и распредѣлять крестьянскія дѣла, и признавать одни «подлежащими», другія — «неподлежащими». Понятно также, какое печальное значеніе должны получать невѣрныя ссылки и указанія. И еще яснѣе, при этихъ условіяхъ, станетъ значеніе указанной выше *опечатки* въ положеніи объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, которою были сокращены *тридцать семь* важнѣйшихъ постановленій...

Положеніе объ обязательномъ выкупѣ 28 декабря 1881 г., составившее, по прод. 1883 г., приложеніе къ ст. 1 положенія о вык., также внесло весьма значительныя измѣненія въ послѣднее. Нѣкоторыя статьи прямо подлежали бы исключенію. Другія требуютъ согласованія съ указаннымъ новымъ закономъ. И таковое согласованіе не замѣняется тѣмъ, что кодификаціонное учрежденіе дѣлаетъ въ этихъ случаяхъ ссылку на положеніе 28 декабря 1881 г. Безъ сомнѣнія, и первоначально слѣдовало издать этотъ законъ въ составѣ переработаннаго въ законодательномъ порядкѣ положенія о выкупѣ. Такого рода переработка требовалась еще и ранѣе, при преобразованіи мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ 1874 году. Тѣмъ настоятельнѣе эта потребность теперь.

Приведеніе въ систему законовъ о крестьянахъ въ простомъ кодификаціонномъ порядкѣ такъ трудно, что, напримѣръ, предпринятый въ этомъ смыслѣ бывшимъ II отдѣленіемъ нѣкоторый опытъ соединенія постановленій о крестьянахъ разныхъ закавказскихъ губерній едвали можно признать удачнымъ. По крайней мѣрѣ, на бывшихъ зависимыхъ сословіяхъ Сухумскаго отдѣла (нынѣ округа) опытъ этотъ долженъ былъ отразиться печально. Уничтожившій послѣдніе остатки рабства въ Россіи и подвергшійся наибольшему вліянію реакціи, законъ объ этихъ сословіяхъ 8 ноября 1870 г. былъ обнародованъ почти черезъ пять лѣтъ,—въ 1875 году. II отдѣленіе прямо ввело его въ составъ особаго приложенія изд. 1876 г. Онъ былъ раздѣленъ на двѣ части и помѣщенъ въ приложеніяхъ. Приэтомъ правила о поземельномъ устройствѣ оказались сокращенными ровно на 20 статей. Вмѣсто 31 постановленія, приведено 11 и—самое глав-

ное — *выпущенными оказались нѣкоторыя существеннѣйшія правила объ устройствѣ зависимыхъ людей и сохранены правила о надѣленіи землею привилегированныхъ владѣльческихъ фамилій.*

Мы ограничиваемся немногими замѣчаніями изъ того многочисленнаго ряда, который возможно было бы представить по настоящему предмету. Эти же указываемыя и другія опущенныя особенности положеній 19 февраля дѣлаютъ ихъ *нынѣ совершенно неудобными къ руководству для всѣхъ тѣхъ разрядовъ крестьянъ, среди которыхъ они дѣйствуютъ, даже для бывшихъ крѣпостныхъ, для которыхъ они именно составлялись.* Легко понять, какъ трудно руководствоваться Общимъ Положеніемъ, съ его упоминаніями о крѣпостныхъ отношеніяхъ, о помѣщикѣ, издѣльной повинности и т. п., для тѣхъ свободныхъ сельскихъ обывателей, на которыхъ оно распространено безъ переработки, напримѣръ, для государственныхъ крестьянъ. Здѣсь возможенъ (и происходитъ) *безчисленный рядъ недоразумѣній.*

Башкиры гораздо счастливѣе. Общее Положеніе распространено на нихъ не путемъ ссылокъ на извѣстныя статьи, но путемъ извѣстной инкорпораціи его въ самыхъ положеніяхъ объ этихъ инородцахъ. Затѣмъ, только для крестьянъ закавказскихъ переработано въ законѣ 2 декабря 1870 г. положеніе объ учрежденіяхъ, которое не было, однако, введено въ новомъ видѣ въ ближайшія продолженія 1871 и 1872 гг. и оказалось только въ особомъ приложеніи 1876 г. Ни для одного разряда прочихъ сельскихъ обывателей оно не переработано такъ же, какъ для названныхъ крестьянъ. Именно первоначальное положеніе въ первоначальной редакціи примѣняется теперь и тамъ, гдѣ, — какъ напримѣръ, въ Тобольской и Томской губерніяхъ, — вмѣсто мировыхъ посредниковъ или непремѣнныхъ членовъ присутствій, дѣйствуютъ чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, окружныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и пр., обязанности же губернскихъ присутствій возложены на губернскій совѣтъ. А надзоръ, способы и средства разъяснять недоразумѣнія въ такомъ отдаленномъ краѣ, безъ сомнѣнія, гораздо затруднительнѣе. Не переработано, какъ мы видѣли, положеніе объ учрежденіяхъ въ этой части и для руководства земскихъ начальниковъ.

Вообще, велико и печально значеніе, которое получили для крестьянскаго дѣла кодификаціонныя свойства законоположеній 19

февраля... *Изслѣдователи должны постоянно имѣть въ виду законъ, его источники и ихъ внѣшнее состояніе.* Только такимъ образомъ открываются общія условія дѣла, опредѣляется, отчего оно страдаетъ, и выясняется то, въ чемъ оно именно нуждается. Особеннаго вниманія заслуживаютъ, поэтому, именно источники непосредственнаго практическаго руководства закономъ, то есть Сводъ Законовъ. Изъ ряда другихъ опечатокъ и прямыхъ ошибокъ можно указать здѣсь еще на двѣ важнѣйшія:

Крайне невѣрно излагался законъ 1 февраля 1887 г. объ опекахъ въ крестьянствѣ, введенный въ текстъ ст. 51 пункта 4 Общаго Положенія по прод. 1879 г. По прод. 1886 г., ошибка въ Общемъ Положеніи была исправлена тѣмъ, что—законъ этотъ, какъ и слѣдовало сдѣлать раньше, — былъ просто приведенъ цѣликомъ. Но зато прежде только сокращенно, но вѣрно излагавшій этотъ законъ пунктъ 4 ст. 2196 т. II, ч. I, общаго учрежденія губерній по прод. 1879 г.—оказался, по прод. 1886 г., точнымъ воспроизведеніемъ неправильнаго, но исправленнаго пункта 4 ст. 51 Общаго Положенія. Какъ это произошло—непостижимо.

Законъ 14 февраля 1866 г. устанавливалъ просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній волостныхъ судовъ по нарушенію статей *96—98, 101 и 102* Общаго Положенія, какъ правильно показывало «продолженіе» 1869 г. Изданіе же особаго прибавленія 1876 г. указываетъ поводы къ тому въ нарушеніи *статей 96, 98—101*, т. е., *сокращаетъ* статью 97—важнѣйшую, и *прибавляетъ* 99 и 100, касающіяся третейскаго по совѣсти суда, котораго означенный законъ вовсе и не имѣлъ въ виду, то есть, прибавляетъ статьи, къ дѣлу не идущія. Ошибка эта остается еще *неисправленною.*

Итакъ, официальные источники законовъ для крестьянъ, предназначающіеся для непосредственнаго руководства, крайне неудовлетворительны. *Не только, слѣдовательно, законы о крестьянахъ недостаточны, но и существующіе законы неудобопонятны и подчасъ неизвѣстно гдѣ находятся.* Къ счастью, здѣсь,—какъ это бывало не разъ въ исторіи кодификаціи русскаго права,—пришла на помощь частная дѣятельность. Такимъ образомъ, явились изданія г. Данилова, въ видѣ Общаго Положенія, положенія о выкупѣ, о крестьянскихъ учрежденіяхъ, о государственныхъ крестьянахъ и мѣстныхъ положеній. Г. Даниловъ, впрочемъ, не исправилъ ошибокъ официальныхъ изданій. Но онъ коментировалъ статьи

разъясненіями и привелъ также подъ ними тѣ общіе законы, на которые дѣлаются ссылки въ положеніяхъ о крестьянахъ. Изданія его явились, правда, только въ сравнительно недавнее время, но очень кстати и оказываются очень полезными. Большую пользу оказало также и болѣе раннее изданіе г. Скоровымъ «Сборника узак. и расп. правит. о крестьянахъ», въ которомъ приводились законоположенія о крестьянахъ по официальному изданію особаго приложенія 1876 г., съ дополненіями по послѣдующимъ продолженіямъ, съ извлеченіями статей изъ другихъ томовъ Свода Законовъ и съ большимъ числомъ разъясненій сената, министерствъ и «Сельскаго Вѣстника». Изданіе это весьма полно,—хотя менѣе удобно для практическаго руководства въ средѣ крестьянъ. Но и въ немъ также неисправлены ошибки официальнаго изданія. Наконецъ, весьма большое значеніе получилъ въ позднѣйшее время выдержавшій два изданія «Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія», составленный г. Горемыкинымъ (нынѣшнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ). Трудно сказать, во что превращалась-бы *практика закона* безъ этихъ частныхъ пособій къ его познанію.

Итакъ, недостаточность законовъ о крестьянахъ проявлялась во всей ея полнотѣ. Скоро-же устранено было и одно изъ важныхъ условій, до нѣкоторой степени обезпечивавшихъ надлежащее восполненіе законовъ вообще.

XXXVI.

Отмѣна права частнаго законодательнаго почина.

Что такое частный законодательный починъ?—Прежнія опредѣленія по этому предмету.—Ограничительныя правила 9 іюня 1884 г.—Особое значеніе частнаго законодательнаго почина для крестьянъ въ настоящее время.

По опредѣленію профессора Градовскаго, «*починъ закона есть официальное и обращенное къ законодательной власти заявленіе о необходимости изданія новаго закона или отмѣны устарѣвшаго и неудобнаго*». Существенная черта этого момента опредѣляется словами: «обращенное къ законодательной власти». Заявленія о разныхъ общественныхъ нуждахъ и неудобствахъ законодательства, выраженныя, напримѣръ, путемъ печати, не имѣютъ значенія иниціативы закона, именно потому, что они не обращены къ

верховной власти и, слѣдовательно, не имѣютъ офиціальнаго значенія. Поэтому, право иниціативы разсматривается, какъ самостоятельное право, отличное отъ права обсужденія законодательныхъ вопросовъ въ обществѣ и въ печати. Починъ закона можетъ исходить или отъ членовъ самого правительства, или отъ общества и частныхъ лицъ: «*Въ первомъ случаѣ, инициатива имѣетъ значеніе офиціальной, во второмъ—частной*». («Начала русскаго государственнаго права», т. I. изд. 1875 г., стр. 19).

Право частнаго законодательнаго почина имѣетъ весьма важное значеніе для общаго опредѣленія юридическаго положенія гражданъ въ государствѣ. Особенно же важное значеніе пріобрѣтаетъ оно въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣста и лица, пользующіяся правомъ офиціальнаго почина, обнаруживаютъ медленность въ возбужденіи вопросовъ о законодательныхъ измѣненіяхъ. Затѣмъ, самое осуществленіе права частнаго законодательнаго почина зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ степени правосознанія гражданъ и отъ того, въ какой мѣрѣ дѣйствующіе законы представляются удовлетворительными. *Чѣмъ меньше эти законы удовлетворяютъ потребностямъ и чѣмъ болѣе развито въ населеніи сознаніе своихъ правъ и обязанностей*, тѣмъ чаще должно осуществляться право частнаго законодательнаго почина и тѣмъ плодотворнѣе это право для общей государственной жизни. Ибо правительство не можетъ всегда въ достаточной мѣрѣ услѣдить за развивающимися потребностями и отвѣчать вѣрно на запросы жизни. Заявленія частныхъ лицъ должны тутъ представляться особенно полезными и необходимыми.

До 9 іюня 1884 г. законъ и допускалъ у насъ также право частнаго, какъ и офиціальнаго законодательнаго почина. Именно со стороны офиціальнаго почина соотвѣтствующія заявленія о законодательныхъ измѣненіяхъ могли быть дѣлаемы сенатомъ, синодомъ и министерствами (ст. 49 Законовъ Основныхъ). Право это и остается до сихъ поръ неизмѣннымъ. Въ свою очередь, *частный* законодательный починъ опредѣлялся въ учрежденіи комиссіи прошеній 18 января 1835 г. (т. I, ч. I, изд. 1857 г.), но былъ отмѣненъ съ изданіемъ замѣнившихъ это учрежденіе «временныхъ правилъ» о порядкѣ принятія и направленія прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, 9 іюня 1884 г.

Согласно ст. 1 учрежденія комиссіи прошеній 18 января 1835 г., она являлась мѣстомъ для разсмотрѣнія вообще «жалобъ и проше-

ній, приносимыхъ Его Императорскому Величеству». Затѣмъ, изъ ст. 27 оказывалось, что хотя комиссія прошеній «не входитъ безъ особаго высочайшаго повелѣнія въ разсмотрѣніе жалобъ по дѣламъ, рѣшеннымъ высочайше утвержденными мнѣніями государственнаго совѣта и положеніями комитета министровъ, и вообще по дѣламъ, высочайшими указами оконченнымъ», но—говорилось здѣсь—«изъ сего изъемлется одинъ токмо тотъ случай, когда жалоба приносится не на самое рѣшеніе, въ мнѣніи или указѣ постановленное, но на противное самому событію изложеніе въ оныхъ обстоятельствъ дѣла и когда сіе утверждается актами или достовѣрными доказательствами». Вообще, право обращенія съ жалобами къ самой верховной власти предоставлялось весьма широкое. Ему подлежали рѣшенія всѣхъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ въ государствѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, и прошенія могли касаться весьма многихъ предметовъ. Между прочимъ, учрежденіе комиссіи прошеній предусматривало и *«прошенія съ представленіемъ проектовъ»*—законодательнаго свойства (ст. 57—61). Именно изъ нихъ, по ст. 60,—«если комиссія признаетъ проектъ заслуживающимъ вниманія, то испрашиваетъ высочайшее повелѣніе на внесеніе его въ государственный совѣтъ».

Такимъ образомъ, право частнаго законодательнаго почина устанавливалось весьма твердо и ясно. Положеніе дѣлъ совершенно измѣняется съ изданіемъ временныхъ правилъ 9 іюня 1884 г. (что, страннымъ образомъ, не замѣчено А. Д. Градовскимъ, при изданіи имъ вновь т. II «Началъ» въ 1887 году).

Статья 5 названныхъ правилъ, по изданію 1886 г., точно опредѣляетъ жалобы, которыя могутъ быть приносимы на Высочайшее Имя. Это: жалобы на опредѣленія департаментовъ правительствующаго сената, кромѣ кассаціонныхъ; жалобы на дѣйствія и распоряженія министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и генералъ-губернаторовъ, когда таковыя дѣйствія и распоряженія не подлежатъ, по закону, обжалованію правительствующему сенату; прошенія о дарованіи милостей въ особыхъ случаяхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общаго закона, когда симъ не нарушаются ничьи интересы и гражданскія права, и прошенія о помилованіи и смягченіи участи лицъ, осужденныхъ или отбывающихъ наказанія. Опредѣленіе это, очевидно, ограничительное. Право высшаго обжалованія далеко не устанавливается съ прежнею широтою. *Съ тѣмъ*

вмѣстѣ, о прошеніяхъ съ представленіемъ проектовъ не упоминается вовсе, и ни подъ одинъ изъ разрядовъ допускаемыхъ прошеній такія прошенія не могутъ быть подведены. А по ст. 11, «оставляются *безъ послѣдствій*, властью командующаго императорскою главною квартирою, безъ представленія на Высочайшее усмотрѣніе—между прочимъ—жалобы и прошенія, *не предусмотрѣнныя* въ ст. 5».

Редакція 21 марта 1890 г. правилъ принятія и направленія прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, точно также ставитъ настоящій вопросъ...

Такимъ образомъ, право частнаго законодательнаго почина съ 1884 года не существуетъ болѣе. Между тѣмъ, въ послѣдніе годы оно могло бы чаще осуществляться именно изъ среды крестьянъ. Съ одной стороны, крайніе недостатки касающагося ихъ законодательства давали основаніе ко множеству законодательныхъ вопросовъ и перемѣнъ. Съ другой стороны, подлежащія мѣста осуществляли весьма медленно и рѣдко право офиціальнаго законодательнаго почина. Съ третьей же стороны, весьма замѣтно развивалось именно въ послѣднее время сознаніе своихъ правъ и обязанностей въ крестьянахъ, и также шире стали распространяться среди нихъ юридическія свѣдѣнія. Наконецъ, чаще и чаще крестьянство начало выдвигать изъ своей собственной среды людей, достигшихъ большаго умственнаго развитія и образованія, а, слѣдовательно, способныхъ съ пользою выражать интересы своего сословія. Вообще, теперь-то въ особенности, могли бы быть направлены на общую государственную пользу сокровища народнаго духа, весьма богатаго юридическими представленіями и гораздо болѣе занятаго ими, чѣмъ думаютъ.

XXXVII.

Что нужно нынѣ крестьянамъ?

Коренная нужда крестьянъ, указываемая и Основными Законами.—Та же потребность, указываемая современной безурядицей въ сельской жизни. — Значеніе чувства законности въ крестьянствѣ.—Необходимость мѣстнаго изслѣдованія юридическаго положенія крестьянъ, какъ основы коренной реформы. — Неотложныя мѣропріятія.

При всѣхъ указанныхъ условіяхъ, жизнь сельскихъ обывателей Россіи не можетъ идти правильно. Всѣ они настоятельно нужда-

ются въ томъ, чего недоставало до 19 февраля 1861 г. однимъ крѣпостнымъ крестьянамъ. Тотъ, кто прислушивался къ голосу и — можно сказать — къ воплямъ и вздохамъ деревни, не можетъ ошибиться въ ея первенствующей потребности: *сельскіе обыватели Россіи нуждаются въ твердомъ, ясномъ, достаточно подробномъ и заключающемся въ доступныхъ источникахъ познанія, законѣ, который давалъ бы имъ вполнѣ прочное юридическое положеніе* и ставилъ-бы въ опредѣленные предѣлы дѣятельность властей, надъ ними учреждаемыхъ. Сельскіе обыватели составляютъ главнѣйшую массу гражданъ страны, и если подобная потребность огражденія и опоры въ законѣ признается необходимою въ отношеніи прочихъ обывателей, то тѣмъ настоятельнѣе должна быть признаваема она въ отношеніи наибольшей и притомъ *наиболѣе темной и наименѣе способной защищать свое положеніе группы населенія.* Къ этому приводятъ всякаго рода теоретическія соображенія о задачахъ и цѣляхъ государства, о правахъ и обязанностяхъ гражданъ. На это указываютъ историческія стремленія крестьянъ. Того-же требуетъ юридическая сущность русскаго государственнаго устройства, выраженная въ нашихъ *Основныхъ Законахъ.*

Въ настоящемъ неестественномъ и противорѣчивомъ порядкѣ коренятся всѣ существующія крестьянскія неурядицы. Нельзя объяснять неудовлетворительное состояніе крестьянскаго самоуправленія и вообще деревни ни однѣми лишь экономическими причинами, ни свойствами самой крестьянской природы. Нельзя было, поэтому, въ 1889 году разсчитывать на установленіе порядка путемъ учрежденія новыхъ начальниковъ съ единоличною смѣшанною властью, или путемъ сокращенія предметовъ вѣдомства крестьянскаго самоуправленія и расширенія вліянія администраціи. Крестьянство нуждается не въ новыхъ начальникахъ. Ихъ у него слишкомъ много и теперь. Крестьянство нуждается именно въ *законѣ*. Только законъ, а не новыя должностныя лица могутъ водворить среди него порядокъ. Этого порядка нѣтъ теперь въ крестьянскомъ самоуправленіи. Но, при наличныхъ условіяхъ, здѣсь могъ-бы быть гораздо большій безпорядокъ, еще большая неурядица. *Ни одно сословіе, ни одинъ классъ населенія, — смѣло можно сказать, — не былъ бы въ состояніи устроиться при настоящихъ условіяхъ такъ, какъ съумѣло устроиться крестьянство.* Самостоятельное стремленіе

къ порядку, сознаніе его необходимости, глубоко живущія въ народѣ начала правды и справедливости — только и избавили деревню отъ состоянія ада кромѣшнаго, въ которомъ люди только что не поѣдаютъ другъ друга. Они лишь и предохранили ее отъ многихъ напастей. *Удовлетворительный законъ и соотвѣтствующія учрежденія сдѣлали бы чудеса въ такой средѣ.* Изъ всѣхъ сокровищъ русскаго духа—уваженіе къ закону, готовность ему подчиниться и на немъ основывать свою дѣятельность,—сокровище наидрагоцѣннѣйшее. Необходимо бережно относиться къ этому сокровищу, не подвергать слишкомъ продолжительному испытанію это дорогое чувство. Цѣлое поколѣніе выросло уже внѣ закона. Новое поколѣніе, которое отъ него произойдетъ, не будетъ представлять тѣхъ-же условій учрежденія порядка. И вообще, чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе будетъ выработать и примѣнить новый лучшій законъ.

Необходима *дѣйствительная и общая реформа,* которая отвѣтила-бы на всѣ настоятельные вопросы, удовлетворила-бы всѣ нужды крестьянъ,—юридическія, экономическія, нравственныя.

Но такая реформа не можетъ быть выработана въ кабинетѣ; она можетъ и должна быть основана на строгомъ, систематическомъ и общемъ *изслѣдованіи на мѣстахъ по опредѣленной широкой программѣ положенія крестьянъ.* Невозможно строить реформу на неясныхъ впечатлѣніяхъ, на ходячихъ изреченіяхъ о необходимости власти, обузданія и пр. И не столь трудные и настоятельные вопросы приводили къ необходимости широкихъ изслѣдованій: изслѣдовалось положеніе сельскаго хозяйства, податнаго дѣла, волостнаго суда; земство изслѣдуетъ экономическое положеніе населенія. Все это вполнѣ въ духѣ русскаго законодательства; такіе пріемы указываются въ немъ, какъ необходимые, хотя примѣняются весьма рѣдко... На непосредственномъ отношеніи къ дѣлу стремится оно основывать всѣ свои начинанія. Отсюда — допущеніе *посторонних*ъ лицъ во всѣ, и особенно высшія учрежденія, для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ. Отсюда постоянныя требованія, обращаемыя закономъ къ мѣстному начальству,—объ изслѣдованіи, прямомъ наблюденіи, о ближайшей повѣркѣ. Отсюда эти объѣзды, обязательные какъ для высшей губернской власти, такъ и для представителей уѣздной. Отсюда и вмѣненіе всѣмъ властямъ въ обязанность быть доступными къ голосу жизни, къ непосредственнымъ заявленіямъ.

Начала эти особо слабо примѣнялись только къ вопросамъ, относящимся до положенія крестьянъ. Изслѣдованіе юридическаго положенія крестьянъ, и въ самомъ ограниченномъ смыслѣ, не предпринималось ни правительствомъ, ни частными лицами, ни общественными учрежденіями. Поручалось иногда только тѣмъ же уѣзднымъ и губернскимъ учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ собрать свѣдѣнія по тѣмъ или другимъ частнымъ вопросамъ. Такъ было сдѣлано это и въ 1894 г. Исключеніемъ изъ этого правила является только учрежденіе въ 1871 г. коммисіи для изслѣдованія положенія волостныхъ судовъ.

Нынѣ должна быть произведена обширная реформа, и—безъ выясненія практики существующихъ законовъ о крестьянахъ, безъ широкаго изслѣдованія того, какъ опредѣляется и складывается въ настоящее время крестьянская жизнь, поставленная въ теперешнее шаткое юридическое положеніе, дѣйствительно, невозможно дать этой жизни ту твердую опору, въ которой она крайне нуждается и безъ которой представляется необезпеченнымъ даже и общій государственный порядокъ.

На такой именно почвѣ, на почвѣ общаго широкаго изслѣдованія на мѣстахъ положенія крестьянъ, съ призваніемъ къ этому всѣхъ лучшихъ общественныхъ силъ,—должна быть разрѣшена вся подавляющая масса юридико-экономическихъ вопросовъ, относящихся до сельскихъ обывателей. Многіе вопросы этого рода требуютъ такой предварительной работы и допускаютъ промедленіе,—ради окончательнаго и вполнѣ удовлетворительнаго разрѣшенія. Но въ то же самое время цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, какъ вопросовъ особо настоятельныхъ и достаточно выясненныхъ всею исторіею крестьянскаго дѣла и общими современными потребностями, недопускающими никакихъ исключеній,—долженъ получить разрѣшеніе безотлагательно, на основаніяхъ, подробности которыхъ могутъ быть выработаны нынѣ же, при участіи общественныхъ силъ (не исключительно, однако, изъ среды помѣстнаго дворянства, при *односторонемъ* участіи котораго составлялись законоположенія 19 февраля 1861 г.).

Нынѣ-же желательны и необходимы именно слѣдующія мѣры:

1) Распространеніе обязательнаго выкупа надѣловъ на крестьянъ закавказскихъ губерній,—съ пониженіемъ для всѣхъ состоящихъ на выкупѣ крестьянъ платежей, равно—роста на капитальный долгъ до размѣровъ, допускаемыхъ настоящимъ состояніемъ денежнаго рынка.

2) Отмѣна круговой поруки и всѣхъ тѣхъ мѣръ взысканія платежей съ крестьянъ, которыя падаютъ на самую личность плательщика (арестъ, наложеніе опеки, отдача въ заработки, лишеніе права передвиженія и пр.).

3) Отмѣна тѣлеснаго наказанія.

4) Преобразованіе волостнаго суда на началѣ всесословности.

5) Скорѣйшее отдѣленіе вообще въ области сельскаго правосудія власти судебной отъ административной,—въ интересахъ законности.

6) Замѣщеніе должностей земскихъ начальниковъ и непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій—лицами съ высшимъ юридическимъ образованіемъ безотносительно къ ихъ происхожденію и вообще устраненіе сословно-дворянскаго начала изъ области управленія крестьянскими дѣлами.

7) Учрежденіе крестьянскихъ повѣренныхъ изъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ,—съ обязанностями по изслѣдованію на мѣстахъ юридическаго быта крестьянъ.

8) Ревизія дѣятельности всѣхъ нынѣшнихъ административно-судебныхъ установленій.

9) Приданіе значенія юридическаго лица каждому селенію, несоставляющему отдѣльнаго сельскаго общества, — съ образованіемъ въ его средѣ особаго деревенскаго схода, вѣдающаго дѣла, исключительно до этого селенія относящіяся.

10) Допущеніе въ составъ крестьянскихъ сходовъ,—деревенскихъ, сельскихъ и волостныхъ,—лицъ всѣхъ сословій, живущихъ въ околоткѣ, но пока лишь съ совѣщательнымъ голосомъ (впредь до окончательнаго преобразованія крестьянскаго общественнаго управленія на началѣ всесословности, безусловно требующей здѣсь широкаго примѣненія).

11) Принятіе на счетъ государственнаго казначейства мірскихъ расходовъ на содержаніе общественнаго крестьянскаго управленія, какъ получившаго уже и имѣющаго получить въ еще большей мѣрѣ общегосударственное значеніе, и—увеличеніе общегосударственныхъ средствъ на народное образованіе.

Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія.

I.

При составленіи законоположеній 19 февраля 1861 г., по вопросу о сельскихъ обществахъ освобождавшихся крестьянъ, административнымъ отдѣленіемъ редакціонныхъ коммисій, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, 5 мая 1859 г., было справедливо высказано: «Одно изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самаго выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости заключается въ замѣнѣ прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика—правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ. Кромѣ непосредственнаго вліянія на будущее благосостояніе освобождаемыхъ крестьянъ, вопросъ о лучшемъ въ семъ отношеніи устройствѣ ихъ имѣетъ первостепенную важность и въ видахъ сохраненія общаго порядка и спокойствія» (Матеріалы ред. коммисій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, т. II. кн. 2, стр. 9). Тогда же отдѣленіе признало по настоящему вопросу, что «устройство сельскаго общества должно быть наиболѣе общимъ выраженіемъ даруемыхъ крестьянамъ правъ гражданскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіемъ, охраняющимъ и обезпечивающимъ сіи права» (стр. 16). Тѣмъ не менѣе, вопреки подобной основной точкѣ зрѣнія, въ положеніи освобожденныхъ крестьянъ, а послѣ и другихъ разрядовъ сельскихъ обывателей, устроенныхъ на одинаковыхъ съ ними основаніяхъ,—оказались въ отношеніи именно сельскихъ обществъ весьма большіе недостатки, печально отражающіеся до сихъ поръ на *всѣхъ* сторонахъ крестьянской жизни. Между прочимъ, допущено было

безправное положеніе цѣлаго ряда селеній,—лишеніе ихъ естественной самостоятельности и совершенно необходимаго для нихъ значенія юридическаго лица.

Губернскіе дворянскіе комитеты, составляя предположенія объ устройствѣ сельскихъ обществъ, не могли, конечно, быть особенно благорасположены къ нимъ, въ виду указаннаго назначенія обществъ. Напротивъ, весьма значительная часть членовъ губернскихъ комитетовъ, встрѣчая, однако, рѣзкій отпоръ въ своей собственной средѣ, со стороны лучшей части тогдашняго дворянства, предполагала предоставить помѣщику званіе «начальника общества» съ правомъ наказывать крестьянъ, по собственному безотчетному распоряженію,—арестомъ, штрафомъ и розгами до 30 ударовъ; съ правомъ также предоставлять порочныхъ, по его мнѣнію, крестьянъ въ распоряженіе правительства для ссылки въ Сибирь; съ правомъ надзора надъ сельскими обществами и полномочіями по назначенію и удаленію отъ должностей сельскихъ властей; съ правомъ довольно широкаго распоряженія по хозяйственнымъ дѣламъ крестьянъ, безъ всякаго согласія обществъ, и пр., вплоть до права передавать всѣ эти полномочія и другимъ лицамъ по довѣренности; при всемъ томъ въ отношеніи порядка образованія обществъ предполагалось губернскими комитетами предоставить исключительное вліяніе помѣщику, или предводителю дворянства, или особой коммисіи, и—ни въ одномъ проектѣ комитетовъ не указывалось на необходимость справляться съ желаніями самихъ крестьянъ и сообразоваться съ общегосударственными видами, такъ ясно выраженными въ приведенномъ выше замѣчаніи административнаго отдѣленія редакц. коммисій. (Матеріалы, т. I, кн. 2; т. II, кн. 2; ч. IV; ч. VII).

Всѣ эти мѣстныя стремленія, весьма чувствительно отражавшіяся на дѣятельности центральныхъ коммисій, ярче всего сказались въ слѣдующихъ специфическихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ 36-ю депутатами второго приглашенія отъ губернскихъ комитетовъ на предположенія редакціонныхъ коммисій. «Неоспоримо—говорили они, между прочимъ,—что редакціонныя коммисіи имѣли въ особенности въ виду обезпечить освобожденнаго крестьянина отъ предполагаемыхъ притѣсненій со стороны помѣщика. Для этого хозяйственное отдѣленіе признало нужнымъ лишить послѣдняго большей части его поземельной собственности, чтобы обезпечить за крестьянами полную независимость въ земледѣльческомъ отношеніи. Идя далѣе

по этому пути, административному отдѣленію оставалось только, въ ожиданіи скораго требованія на вольный трудъ, *организовать подъ именемъ сельскихъ обществъ какъ бы постоянную коазацію работниковъ* и тѣмъ поставить самого землевладѣльца въ прямую зависимость отъ прихоти наемниковъ»... «Съ трудомъ можно вообразить—продолжали эти депутаты,—нынѣшнее крѣпостное населеніе Россіи, раздѣленное на десять тысячъ какихъ-то *республикъ съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ*, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи, и которое, между тѣмъ, не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходкахъ, предоставленное членамъ волости, поддерживаютъ и развиваютъ между послѣдними коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ» (Матеріалы, ч. XII, доклады по отзывамъ на работы администр. отд.).

Обсуждая—при такихъ характерныхъ условіяхъ—предположенія губ. комитетовъ, административное отдѣленіе почло необходимымъ—*поземельную общину*, какъ единицу хозяйственную, отдѣлить отъ *сельскаго общества*, какъ административной единицы. По его мнѣнію, одинаково неудобно было бы какъ *соединеніе* нѣсколькихъ общинъ въ одно сельское общество, такъ и *совпаденіе* общины съ обществомъ. Соединеніе нѣсколькихъ общинъ въ одно сельское общество и перенесеніе, такимъ образомъ, на все сельское общество права раздѣла земель, напримѣръ, составляло бы, по вѣрному замѣчанію отдѣленія,—«ничто иное, какъ *насильственное уничтоженіе сихъ общинъ*, въ ущербъ матеріальнымъ и нравственнымъ интересамъ крестьянъ». Противъ же соединенія поземельной общины съ сельскимъ обществомъ, то-есть, противъ того, чтобы одинъ и тотъ же міръ рѣшалъ дѣла административныя и дѣла, соединенныя съ общиннымъ пользованіемъ землею, отдѣленіе,—безъ всякихъ подробныхъ соображеній и доказательствъ,—выставило одно якобы «коренное различіе сихъ дѣлъ, изъ коихъ первыя объемлютъ отношенія крестьянъ къ правительству, а вторыя—собственно поземельныя» (Матер., т. II, кн. 2, стр. 12). Притомъ отдѣленіе рѣшительно высказалось также противъ учрежденія волостного управленія, находя послѣднее «не только излишнимъ, но и вреднымъ» (тамъ же, стр. 17).

Въ то же самое время, административное отдѣленіе сдѣлало по-

пытку разграниченія предметовъ вѣдомства между поземельной общиной и сельскимъ обществомъ. По его мнѣнію, *поземельная община* должна была обсуждать и рѣшать: 1) пріемъ и увольненіе членовъ; 2) выборъ въ общинныя должности; 3) раздѣлъ, передѣлъ и вообще распредѣленіе полей и угодій, отведенныхъ міру; 4) внутреннюю между членами общины раскладку, какъ государственныхъ податей и земскихъ повинностей, такъ и повинностей за пользованіе землею; 5) установленное согласіе съ помѣщикомъ о пріобрѣтеніи міромъ въ собственность поземельнаго надѣла; 6) разверстку между членами общины слѣдующей помѣщику выкупной ссуды; 7) прочія дѣла, касающіяся интересовъ общины. Къ предметемъ же вѣдомства *сельскаго общества* должны были принадлежать, по соображеніямъ отдѣленія: 1) дѣла, касающіяся личнаго состава общества; 2) выборы въ должности по обществу; 3) мѣстная административная и исполнительная полиція съ правомъ удаленія, на основаніи законовъ, вредныхъ членовъ общества; 4) раскладка, согласно закону, между поземельными общинами и наблюденіе за исправнымъ отбываніемъ ими казенныхъ податей и земскихъ повинностей; 5) общественное хозяйство или завѣдываніе общественнымъ имуществами и казною; 7) вообще дѣла, касающіяся интересовъ всего общества.

Съ своей стороны, общее присутствіе редакціонныхъ коммисій, въ засѣданіи 30 мая 1859 г., утвердило всѣ изложенныя соображенія административнаго отдѣленія, *назвавъ только поземельную общину мірскимъ обществомъ, а сельское общество — волостью и*, сообразно съ тѣмъ, постановивъ, безразлично по отношенію къ общинному, какъ и подворному землевладѣнію, что—«мірское общество составляется изъ крестьянъ одной деревни, поселенныхъ на землѣ одного помѣщика, или же изъ однопомѣстныхъ крестьянъ, хотя живущихъ въ нѣсколькихъ смежныхъ деревняхъ, но имѣющихъ одинъ общій надѣлъ» (Матер., т. I, стр. 74).

Это можно назвать *первичнымъ* постановленіемъ редакц. коммисій, относящимся до образованія сельскихъ обществъ. Въ части же VIII Матеріаловъ, то же самое постановленіе значилось въ нѣсколько иной редакціи: «крестьяне—говорилось въ п. 1—выходящіе изъ крѣпостной зависимости, соединяются въ *сельскія общества* по единству ихъ *хозяйственныхъ* выгодъ». Тутъ, какъ видно, произошла новая перемѣна названія собственно поземельной общины, наимено-

ванной однажды мірскимъ обществомъ. *Поземельная община нынѣ окончательно наименовывалась сельскимъ обществомъ* (по тѣмъ соображеніямъ, что и волость, и мірское общество составляютъ міръ и что примѣненіе этого названія особо къ одному изъ крестьянскихъ обществъ могло бы вызывать недоразумѣнія). Существо первичнаго предположенія, однако, сохранялось вполнѣ и здѣсь, въ этомъ—назовемъ его такъ—*вторичномъ* постановленіи. Сельское общество, попрежнему, выставлялось какъ единица хозяйственная и п. 3 гласилъ: «одно или нѣсколько сельскихъ обществъ образуютъ по дѣламъ *собственно - административнымъ*—волость». Объ условіяхъ же образованія и сельскихъ обществъ (или мірскихъ обществъ или поземельныхъ общинъ) во 2 п: говорилось: «Сельское общество составляется изъ поселенной на землѣ одного помѣщика цѣлой деревни, или части деревни (въ случаѣ разнопомѣстности сей послѣдней), или изъ нѣсколькихъ мелкихъ, по возможности смежныхъ и во всякомъ случаѣ ближайшихъ другъ отъ друга, деревень, также поселенныхъ на землѣ одного помѣщика».—Нетрудно замѣтить существенную разницу собственно въ отношеніи образованія обществъ—между настоящимъ и приведеннымъ выше первичнымъ постановленіемъ, составлявшимъ также несомнѣнное отступленіе отъ соображеній администрат. отдѣленія касательно разрушительнаго вліянія на общину, которое могло быть оказано соединеніемъ нѣсколькихъ изъ нихъ въ одну: тамъ допускалось, по крайней мѣрѣ, соединеніе «смежныхъ» деревень, здѣсь требовалось для такого соединенія только, чтобы деревни были «по возможности» смежны; тамъ подобное соединеніе могло быть относительно деревень, имѣющихъ «одинъ общій надѣлъ»,—здѣсь требовалось для этого только, чтобы онѣ были «поселены на землѣ одного помѣщика».

Очевидно, что *еслибъ* даже было установлено самымъ удачнымъ способомъ отграниченіе хозяйственныхъ предметовъ вѣдомства поземельной общины (мірского или сельскаго общества) отъ административныхъ предметовъ вѣдомства сельскаго общества (или волости), то и тогда допускавшееся здѣсь соединеніе нѣсколькихъ деревень, не имѣвшихъ, быть можетъ, и одного надѣла съ общиннымъ пользованіемъ имъ и, слѣдовательно, общихъ интересовъ хотя бы въ этомъ отношеніи,—должно было приводить къ тѣмъ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ, къ тому самому *разрушенію общинъ*, котораго опасалось администр. отдѣленіе. Между тѣмъ, даже и первичное разгра-

ниченіе предметовъ вѣдомства между единицей хозяйственной и единицей административной—совершенно уничтожалось въ послѣдующихъ предположеніяхъ. Повидимому, редакц. коммисіи сами были поставлены въ затрудненіе этими разнообразными наименованіями одного и того же понятія,—понятія не новаго, но имѣвшаго вполнѣ опредѣленный смыслъ по учрежденію управленія госуд. крестьянъ, гдѣ существовали и сельскія общества, и волости, гдѣ сельское общество, какъ и волость, являлось и хозяйственною и административною единицею, гдѣ оно заключало въ своихъ предѣлахъ, кромѣ того, и первую степень суда домашняго. Кромѣ того, коммисіи, по самой естественной необходимости, не могли не отступить отъ той *ошибочной* мысли, по которой административному отдѣленію казалось неудобнымъ соединеніе въ одной единицѣ поземельныхъ или хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ.

Дѣйствительно, довольно трудно и даже невозможно представить себѣ селеніе, какъ извѣстный союзъ, съ одними поземельными правами безъ права разныхъ административныхъ полномочій, вытекающихъ изъ поземельныхъ же отношеній и изъ существа его положенія, какъ нѣкотораго цѣлаго, имѣющаго своеобразныя нужды и потребности. Понятно, почему и въ первичныхъ предположеніяхъ редакц. коммисій не могло быть проведено такое разграниченіе предметовъ вѣдомства между поземельной общиной и сельскимъ обществомъ, при которомъ община представлялась-бы только единицею хозяйственною, а сельское общество—только единицею административною. Разсмотримъ-же теперь означенную выше первичную попытку такого разграниченія. Безъ труда можно замѣтить, что пріемъ и увольненіе членовъ общины или выборы въ общинныя должности вовсе не представляются дѣйствіями хозяйственнаго свойства, хотя бы они и опредѣлялись хозяйственными соображеніями. Производя также, согласно п. 4, внутреннюю раскладку между своими членами податей и повинностей, общины одинаково призывались къ выполненію административныхъ правъ и обязанностей, такъ какъ превращались этимъ въ извѣстные органы финансоваго управленія. Что разумѣло, далѣе, отдѣленіе подъ выраженіями п. 7—«прочія дѣла, касающіяся интересовъ общины»? Безъ колебаній можно сказать, что еслибы оно тогда-же указало точнѣе на подобныя возможныя въ общинѣ дѣла (какъ сдѣлало послѣ), то тогда-же и обнаружилось бы, что у общины могутъ быть дѣла и еще болѣе рѣзко выражен-

наго административнаго значенія, помимо хозяйственныхъ, и что, слѣдовательно, не только возможно и вполнѣ удобно, но даже *неизбѣжно и необходимо соединеніе единицы административной съ хозяйственною.*—То же самое обнаружилось на приведенномъ выше первичномъ опредѣленіи предметовъ вѣдомства сельскаго общества. Выставлявшееся единицею административною и переименованное потомъ въ волость, оно получило и хозяйственное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, п. 5 прямо относилъ къ вѣдѣнію общества «общественное хозяйство или завѣдываніе общественными имуществами». Далѣе, раскладка податей и земскихъ повинностей между общинами, съ точки зрѣнія самого отдѣленія, представлялась полномочіемъ хозяйственнаго свойства, такъ какъ она возлагалась и на поземельную общину (на самомъ дѣлѣ, будучи полномочіемъ административнаго характера, при каковомъ опредѣленіи только и устраняется явное противорѣчіе между признаніемъ административнымъ отдѣленіемъ подобнаго полномочія хозяйственнымъ въ примѣненіи къ поземельной общинѣ и административнымъ въ примѣненіи къ сельскому обществу,—какъ будто юридическое существо означеннаго полномочія можетъ мѣняться въ томъ и другомъ случаѣ). Наконецъ, еслибы отдѣленіе выразило точнѣе, что разумѣетъ оно подъ выраженіями п. 7—«вообще дѣла, касающіяся интересовъ всего общества», то и здѣсь явно обнаружилось-бы, что и у общества (или волости) могутъ быть разныя иныя дѣла прямо хозяйственнаго свойства, кромѣ административныхъ.—Да и въ томъ уже, что, при существованіи въ составѣ редакціонныхъ коммисій особаго хозяйственнаго отдѣленія, предметы вѣдомства поземельной общины, какъ единицы хозяйственной, опредѣлялись административнымъ отдѣленіемъ,—заключается явное указаніе на невозможность устранить *необходимое* смѣшанное административно-хозяйственное значеніе за крестьянскими союзами.—Какое, наконецъ, какъ не административное (даже политическое) значеніе приписывалось сельскому обществу (или поземельной общинѣ) въ соображеніяхъ отдѣленія о томъ, что общество должно быть учрежденіемъ «охраняющимъ и обезпечивающимъ права освобожденныхъ крестьянъ»?

Новыя, послѣдовавшія не далѣе какъ черезъ полтора мѣсяца, предположенія административнаго отдѣленія касательно предметовъ вѣдомства *мірского схода* (или схода поземельной общины) и показываютъ именно, что, точнѣе опредѣляя на сей разъ эти пред-

меты въ настоящихъ *вторичныхъ* предположеніяхъ, само отдѣленіе не могло остаться вѣрнымъ воззрѣнію своему на мірское общество (или поземельную общину, по первичному наименованію), какъ на единицу только хозяйственную. Въ засѣданіи 20 іюня 1859 г., отдѣленіе относитъ уже къ вѣдѣнію мірского схода слѣдующіе предметы весьма разнообразнаго свойства: 1) мірскіе выборы; 2) предварительное заключеніе и приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ членовъ; 3) увольненіе и пріемъ членовъ; 4) назначеніе опекуновъ и повѣрку ихъ дѣйствій; 5) разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ; 6) устройство вообще всѣхъ дѣлъ, относящихся до мірского хозяйства, какъ-то: передѣлъ полей, накладку тяголъ, разверстываніе всѣхъ мірскихъ повинностей и т. п.; 7) совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, мѣрахъ благоустройства, призрѣнія и распространенія грамотности; 8) принесеніе жалобъ черезъ выборныхъ на всѣхъ должностныхъ и частныхъ лицъ; 9) назначеніе сборовъ на мірскія потребности и учетъ должностныхъ лицъ, мірскимъ обществомъ избираемыхъ; 10) раскладку между членами мірского общества всѣхъ сборовъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностей, помѣщичьихъ, общественныхъ, казенныхъ, а также и рекрутской тамъ, гдѣ общество будетъ составлять отдѣльный рекрутскій участокъ; 11) принятіе мѣръ ко взысканію и предупрежденію недоимокъ; 12) назначеніе ссудъ изъ запасныхъ магазиновъ и всякаго рода вспомоществованій; 13) дачу довѣренностей на хожденіе по дѣламъ общественнымъ (Матер., т. II, кн. 2, стр. 117). Не дѣлается-ли общество съ такими полномочіями еще рѣзче административною единицею тамъ, гдѣ не предполагается общиннаго землевладѣнія и гдѣ, вслѣдствіе этого, оказывается меньше дѣлъ собственно хозяйственныхъ? — Затѣмъ, тогда-же къ вѣдомству *волостного схода* (или, по первичному наименованію, схода сельскаго общества) относились отдѣленіемъ слѣдующіе предметы также разнообразнаго и смѣшаннаго, административно-хозяйственнаго, а не административнаго только значенія: 1) волостные выборы; 2) удаленіе вредныхъ и порочныхъ членовъ общества; 3) постановленія о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до управленія волостью; 4) мѣры общественнаго призрѣнія и воспитанія, учреждаемыя для цѣлой волости и распоряженія по хлѣбнымъ магазинамъ волостнымъ; 5) принесеніе жалобъ черезъ выборныхъ на всѣхъ должностныхъ лицъ, входящихъ въ составъ волостного управленія, а также учреждаемыхъ правительствомъ;

6) назначеніе сборовъ на общественныя потребности волостного управленія; 7) повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, волостію избираемыхъ; 8) раскладка между мірскими обществами, составляющими волость, всѣхъ сборовъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностей; 9) дача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ (тамъ-же, стр. 118). Въ части VIII Матеріаловъ предположенія эти излагаются въ томъ-же самомъ видѣ, съ извѣстною лишь замѣною названія мірского общества и мірского схода—сельскимъ обществомъ и сельскимъ сходомъ. Сельское общество (поземельная община), какъ и волостное (первоначально сельское общество) являлись со *смѣшаннымъ* значеніемъ. Вопреки прежнимъ опасеніямъ отдѣленія, касательно соединенія хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ, постановлялось затѣмъ имъ же, что при совпаденіи волости съ сельскимъ обществомъ всѣ предметы вѣдомства волостного схода подлежатъ вѣдѣнію сельскаго схода (стр. 15 предположеній администр. отд.). *Окончательный* проектъ положеній, составленный редакціонными коммисіями (Матеріалы, томъ XVIII), сохраняетъ тѣ-же опредѣленія въ статьяхъ 50 и 76 Общаго Положенія, съ прибавленіемъ, между прочимъ, къ полномочіямъ сельскаго общества права временно устранять крестьянъ отъ участія въ сходахъ, — каковое право, конечно, еще менѣе дѣлало сельское общество единицею только хозяйственною и еще болѣе и ярче оттѣняло его смѣшанное значеніе. Опредѣленія же окончательнаго проекта прошли безъ всякихъ измѣненій по существу черезъ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, состоявшую при немъ коммисію и черезъ государственный совѣтъ, и почти въ первоначальномъ видѣ, съ нѣкоторыми лишь редакціонными измѣненіями, были утверждены верховною властію, составивъ статьи 51 и 78 Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Такимъ образомъ, самъ законъ дѣлалъ сельское общество (по первичному названію, поземельную общину) учрежденіемъ не только хозяйственнымъ, а волость (или, по первичному названію, сельское общество) учрежденіемъ не административнымъ только. Поэтому, лишь недосмотромъ, спѣшностію составленія и несогласованностію законоположеній 19 февраля 1861 г. можно объяснить существованіе въ Общемъ Положеніи ст. 17 о томъ, что — «вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне составили, по дѣламъ хозяйственнымъ, сельскія общества, а для ближайшаго управленія и суда

соединены въ волости». Подобное опредѣленіе ни въ какомъ отношеніи не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла и не согласуется съ содержаніемъ статей 51 и 78. Самый поверхностный взглядъ показываетъ это положительно и совершенно ясно. Такое напоминаніе о первичныхъ, вовсе не выдержанныхъ предположеніяхъ административнаго отдѣленія, конечно, вполнѣ излишне. Оно иногда лишь вводитъ въ заблужденіе лицъ, не дающихъ себѣ труда поближе разсмотрѣть и опредѣлить юридическое существо статей 51 и 78 и безсознательно повторяющихъ ошибку, которой легко было бы избѣжать.

II.

Такъ или иначе, но предметы вѣдомства сельскихъ обществъ были опредѣлены вполнѣ удовлетворительно. Общество было вооружено достаточными полномочіями. Совпало ли теперь въ законѣ понятіе о *селеніи* съ понятіемъ о *сельскомъ обществѣ*? Вопросъ чрезвычайно важный. Ибо легко понять, что *каждое селеніе должно нуждаться въ полномочіяхъ для разрѣшенія почти всѣхъ дѣлъ сельскаго общества*, перечисленныхъ въ проектѣ, а потомъ и въ самомъ законѣ. Въ селеніи съ малымъ числомъ жителей подобныхъ дѣлъ можетъ быть меньше; въ большомъ селеніи число такихъ дѣлъ будетъ значительнѣе. Но какъ бы ни было мало поселеніе, все же, жителей его должны и могутъ соединять не только поземельныя, но и иныя отношенія, — словомъ, не одно «единство хозяйственныхъ выгодъ». Въ селеніяхъ подворнаго владѣнія общихъ хозяйственныхъ выгодъ между обывателями можетъ быть даже весьма немного и, однако, они могутъ нуждаться въ правѣ собираться и составлять изъ себя особые законные сходы для обсужденія разныхъ дѣлъ и для постановленія рѣшеній съ извѣстною обязательною силою. Нѣтъ сомнѣнія притомъ, что всѣ перечисляемые предметы столь своеобразны, что они могутъ быть пріурочиваемы *именно къ каждому отдѣльному селенію*. Два смежныя селенія не могутъ сговориться относительно всѣхъ предметовъ, и ихъ общее постановленіе далеко не всегда можетъ соотвѣтствовать интересамъ и видамъ каждаго въ отдѣльности. Въ тѣхъ «республикахъ», которыми угрожали 36 членовъ-депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ второго приглашенія, не было ничего страшнаго. Такія «республики» не составляли и чего либо новаго. Среди государственныхъ крестьянъ, во время самаго

составленія положеній 19 февраля, существовали сельскія и волостныя общества съ большою самостоятельностію и широкою дѣятельностію. Кромѣ того, ст. 4998 т. II, ч. 1, изд. 1857 г., допуская *особые* сходы, придавая самостоятельное значеніе *каждому отдѣльному селенію*, дѣлая его во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ *юридическимъ лицомъ*, съ правомъ обязательныхъ постановленій въ предѣлахъ его собственныхъ интересовъ,—постановляла: «если дѣло касается до исключительныхъ выгодъ или тягостей *не* всего сельскаго общества, но одного или нѣсколькихъ *селеній*, то въ семъ случаѣ сельскій сходъ составляется изъ сельскаго старшины и *домохозяевъ сихъ селеній*, которые *одни* принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ и въ совершеніи мірскихъ приговоровъ». Къ предметамъ же такихъ особыхъ сходовъ статьею 4998 относились: «раскладка податей, повинностей и сборовъ между хозяевами селенія, имѣющаго отъ всѣхъ прочихъ селеній сельскаго общества отдѣльное владѣніе землею; уполномочіе довѣренностію отъ сего селенія для хожденія по дѣламъ онаго; мѣры къ управленію мірскими оброчными статьями, принадлежащими исключительно одному или только нѣкоторымъ селеніямъ общества, и *тому подобное*». Послѣднія выраженія этого существовавшаго тогда закона именно обнаруживали, что законодатель не считалъ возможнымъ перечислить точно всѣ тѣ разнообразные случаи, когда данное селеніе могло составлять изъ себя особый сходъ и самостоятельно рѣшать свои собственныя дѣла, и допускалъ это каждый разъ, какъ только обнаруживалось какое либо дѣло, касавшееся именно одного даннаго селенія. Существовавшимъ же до 1838 г. учрежденіемъ управленія госуд. крестьянъ правильно допускалось еще болѣе широкое образованіе самостоятельныхъ общественныхъ единицъ, со всѣми необходимыми для нихъ полномочіями. Согласно ст. 1097 т. II перваго изданія 1832 г. Свода Законовъ, основанной еще на узаконеніяхъ 9 мая 1805 г.,—«въ *каждомъ селеніи* казеннаго вѣдомства учреждается мірской сходъ». Этому же сходу, въ числѣ прочихъ необходимыхъ полномочій, вручалось еще и право «сужденія маловажныхъ проступковъ казенныхъ поселянъ и назначенія за то наказаній» (п. 8 ст. 1103). Члены-депутаты угрожали «десятью тысячами республикъ», а между тѣмъ, въ самыхъ естественныхъ интересахъ крестьянъ и въ видахъ общаго порядка и спокойствія, нужно было желать законнаго образованія и среди освобожденныхъ крестьянъ столько такихъ «республикъ», сколько было

отдѣльныхъ селеній. *Каждое селеніе* имѣло право на самостоятельное существованіе въ предѣлахъ своихъ собственныхъ интересовъ. Своеобразность интересовъ каждаго не исключала, конечно, существованія и между нѣсколькими смежными и даже ближайшими селеніями другихъ общихъ интересовъ, дѣлъ и отношеній, а слѣдовательно, не исключала желательности соединенія и этихъ смежныхъ селеній въ особое общество, съ особымъ сходомъ и самостоятельными въ соотвѣтственныхъ предѣлахъ распоряженіями. Наконецъ, въ видахъ образованія возможно большаго числа самоуправляющихся единицъ и въ самыхъ естественныхъ интересахъ населенія, могло быть желательно и вполнѣ согласно съ государственными видами образованіе тѣхъ административно-хозяйственныхъ центровъ, которымъ въ учрежденіяхъ госуд. крестьянъ было усвосно наименованіе волостей и противъ образованія которыхъ административное отдѣленіе возражало безъ достаточныхъ основаній, оказавшись, однако, силою естественной необходимости, вынужденнымъ до извѣстной степени ихъ воспроизвести. Такъ, въ маломъ селеніи можетъ оказаться невозможнымъ учредить первую степень суда, но подобное учрежденіе можетъ быть желательно и возможно въ средѣ нѣсколькихъ селеній, соединенныхъ для такой и иныхъ цѣлей въ одно цѣлое. Или, для одного селенія можетъ быть затруднительно или неудобно устройство одного хлѣбо-запаснаго магазина, но это можетъ быть легко сдѣлано нѣсколькими селеніями, соединяемыми для этого въ особый законный сходъ. Въ маломъ селеніи можетъ быть затруднительно дать школьному дѣлу желательную первоначальную постановку,—но это вполнѣ возможно для нѣсколькихъ селеній. Далѣе, если представляется желательнымъ организовать въ средѣ самихъ крестьянъ собственный особенный судъ въ двухъ степеняхъ, то вторая инстанція съ полнымъ удобствомъ можетъ быть учреждена именно въ такомъ болѣе обширномъ обществѣ, какова волость (какъ это и было среди госуд. крестьянъ, гдѣ существовали двѣ расправы,—сельская и волостная). Въ волости же, составленной изъ нѣсколькихъ обществъ и располагающей особымъ органомъ, въ видѣ волостного схода, дѣлается вполнѣ удобнымъ и возможнымъ учрежденіе больницы, фельдшерскаго или врачебнаго пункта, школы съ болѣе широкимъ объемомъ преподаванія, богадѣльни и пр.

Но если подобное расширеніе значенія и увеличеніе числа самостоятельно управляющихся въ извѣстныхъ предѣлахъ и отношеніяхъ

единицъ весьма желательно, то, повторяемъ, *приданіе извѣстнаго независимаго значенія каждому отдѣльному селенію представляется уже положительно необходимымъ.* Болѣе обширные союзы можно составлять *только изъ обществъ самостоятельныхъ сами по себѣ*, въ своей исключительной дѣятельности. Иначе это будетъ дѣло съ продолженіемъ и концомъ, но безъ начала; зданіе многоэтажное, но не имѣющее фундамента. *Каждое малое селеніе должно быть сдѣлано независимымъ и самостоятельнымъ, свободно входящимъ въ составъ другихъ послѣдовательныхъ болѣе обширныхъ союзовъ, — вотъ необходимое начало дѣла, фундаментъ для дальнѣйшихъ построеній.* Стремясь создать поземельную общину, административное отдѣленіе основательно усматривало возможность *разрушенія* этой общины и самыхъ существенныхъ ея интересовъ въ томъ случаѣ, когда бы такая община получила юридическое значеніе только въ соединеніи съ нѣсколькими другими, — то-есть, не получила бы самостоятельнаго значенія *только* въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, не пріобрѣла бы лишь въ этомъ отношеніи правъ и значенія юридическаго лица. Въ послѣдующихъ предположеніяхъ, перешедшихъ въ законъ, отдѣленіе признало, по силѣ неотразимой необходимости, за общиною, названною сельскимъ обществомъ, существованіе не однихъ хозяйственныхъ, но и цѣлаго ряда другихъ разнообразныхъ интересовъ, дѣлавшихъ ее сложнымъ своеобразнымъ цѣлымъ. Какія же послѣдствія могло повлечь за собою *соединеніе* вмѣстѣ такихъ цѣлыхъ, такихъ, по естественнымъ условіямъ, самостоятельныхъ единицъ,— соединеніе, при которомъ права естественнаго цѣлаго переносились бы на цѣлое искусственное, при которомъ самостоятельное живое *цѣлое* дѣлалось бы *частію*, сама по себѣ незначущею, но пріобрѣтающею смыслъ только въ составѣ нѣсколькихъ другихъ такихъ же живыхъ, но насильственно подавляемыхъ частей? Тутъ уже, очевидно, могло происходить *разрушеніе* не однихъ общинно-хозяйственныхъ интересовъ, но и всѣхъ тѣхъ другихъ интересовъ, которые могли быть у естественно самостоятельнаго цѣлаго, немыслимаго иначе, какъ живущимъ, прежде всего, особою жизнію.

Между тѣмъ, въ самыхъ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. было допущено именно такое *соединеніе, разрушительное для основной клѣточки сельско-общественной жизни,*—соединеніе, лишавшее подобную клѣточку ея *естественно-необходимой самостоятельности.*

Зародыши подобнаго разрушенія были указаны уже въ приведенныхъ выше первичномъ и въ особенности вторичномъ постановленіяхъ редакціонныхъ коммиссій о томъ, что сельское общество (поземельная община) можетъ быть составлено и «*изъ нѣсколькихъ* мелкихъ, по возможности, смежныхъ деревень». Окончательный же проектъ Общаго Положенія допускалъ подобное разрушительное условіе въ гораздо большей степени. Ст. 39 проекта (Матер., т. XVIII, стр. 21) воспроизводила собственно вторичное постановленіе съ добавленіемъ, что подъ ближайшими и по возможности смежными поселками разумѣются: выселки, починки, хутора, застѣнки, односелья или отдѣльные дворы и т. п. Затѣмъ, слѣдующая ст. 40 представляла собою новое постановленіе, значительно расширявшее то же начало, неблагопріятное для правильной общинной жизни: «Крестьяне — говорилось въ ней—мелкопомѣстныхъ имѣній (въ которыхъ числится не болѣе 20 ревиз. мужескаго пола душъ), если крестьяне эти живутъ въ селеніи, принадлежащемъ разнымъ владѣльцамъ, или хотя и въ *отдѣльныхъ разнопомѣстныхъ* поселкахъ, но не въ дальнемъ одни отъ другихъ разстояніи, соединяются въ одно сельское общество, либо присоединяются къ другимъ сельскимъ обществамъ, съ согласія сихъ послѣднихъ». Такимъ образомъ, здѣсь допускалось уже соединеніе *разнопомѣстныхъ* деревень, — не только не имѣющихъ одного общаго надѣла, но даже и не поселенныхъ на землѣ одного помѣщика. Требовалось только, чтобы онѣ находились одна отъ другой не въ «дальнемъ» разстояніи, безъ опредѣленія притомъ наибольшаго разстоянія, при которомъ допускалось соединеніе [1]). Такія деревни могли не образовать изъ себя отдѣльнаго общества. Допускалось присоединеніе ихъ къ другимъ сложившимся обществамъ, безъ упоминанія уже о разстояніи. Самое присоединеніе могло состояться съ согласія только этихъ другихъ обществъ, согласія же собственно самихъ присоединяемыхъ деревень не требовалось.

Обѣ эти статьи окончательнаго проекта вошли въ законъ, составивъ статьи 40 и 41 Общаго Положенія. Въ ст. 40 послѣдняго, противъ соотвѣтствующей ей ст. 39 проекта, добавлялось только, что соединяемые въ одно общество поселки должны пользоваться всѣми угодьями или нѣкоторыми изъ нихъ сообща, или же должны имѣть

[1]) Нѣкоторые губернскіе комитеты, въ своихъ предположеніяхъ, установляли предѣльное разстояніе между селеніями, соединяемыми въ одно общество, въ 25 верстъ (ч. VIII Матеріаловъ).

другія общія *хозяйственныя* выгоды. Упускалось изъ виду, что сельское общество, по самому свойству предоставленныхъ его вѣдѣнію интересовъ, вовсе не было органомъ только хозяйственной дѣятельности и что, слѣдовательно, для такого соединенія должна была бы, по крайней мѣрѣ, требоваться наличность общихъ интересовъ въ другихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, и это имѣвшее нѣкоторое значеніе добавленіе совершенно уничтожалось тѣмъ, что ст. 40 проекта вошла въ законъ безъ всякихъ измѣненій.

При такихъ условіяхъ, *только вмѣстѣ съ другими, соединяемыя селенія, не составлявшія каждое отдѣльнаго сельскаго общества, образовывали сельскій сходъ и получали право разрѣшать разнообразныя и многочисленныя дѣла, предоставленныя вѣдѣнію сельскаго общества.* Разрѣшать самостоятельно свои собственныя отдѣльныя дѣла они не получили права. Все нужно было переносить на усмотрѣніе искусственнаго учрежденія, составленнаго подчасъ изъ совершенно чуждыхъ частей. Согласно съ проектомъ, прим. 2 къ ст. 61 Общаго Положенія постановляло только, что въ сельскихъ обществахъ, гдѣ нѣкоторые домохозяева платятъ оброкъ, а другіе отбываютъ издѣльную повинность, тѣмъ и другимъ предоставляется,—«независимо отъ общаго сельскаго схода, собираться въ свободное отъ сельскихъ работъ время отдѣльно на *частныхъ сходахъ*, для обсужденія предметовъ, касающихся *исключительно* до оброка или издѣльной повинности, отбываемыхъ ими порознь». Такіе сходы могли имѣть, слѣдовательно, весьма ограниченное значеніе. Никакихъ же иныхъ частныхъ сходовъ, для обсужденія иныхъ предметовъ, имѣвшихъ для разныхъ селеній и значеніе различное,—законъ не допускалъ прямо, формулируя и настоящее постановленіе въ столь строгихъ и точныхъ выраженіяхъ, недопускавшихъ распространительнаго толкованія.

III.

Весь вредъ и вся неестественность положенія отдѣльныхъ безправныхъ, по буквѣ закона, селеній, соединенныхъ въ одно сельское общество, должны были бы, по крайней мѣрѣ, быть немедленно замѣчены и исправлены. Но случилось какъ разъ наоборотъ. Въ 1863 году послѣдовало представленіе министра внутреннихъ дѣлъ главному комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія, образован-

ному 19 февраля 1861 г., не по поводу затрудненій, претерпѣваемыхъ отдѣльными безправными селеніями, а по поводу «затрудненій, возникающихъ вслѣдствіе мелкаго состава сельскихъ обществъ». Съ своей стороны, настоящій вопросъ, касавшійся самой *основы* устройства крестьянскаго общественнаго управленія, слѣдовательно, вполнѣ *законодательный*, главный комитетъ разрѣшилъ въ порядкѣ исполнительномъ, представивъ простое журнальное постановленіе свое, помимо общаго собранія государственнаго совѣта, прямо на утвержденіе верховной власти, каковое утвержденіе и состоялось 15 августа 1863 г. Здѣсь постановлялось, что мелкія части *разнопомѣстныхъ* селеній, а также отдѣльныя селенія *разныхъ владѣльцевъ* могутъ быть соединяемы въ одно сельское общество, либо присоединяемы къ другимъ обществамъ,—«хотя бы заключали въ себѣ и болѣе 20 душъ». Приэтомъ опять неопредѣленно требовалось только, чтобы они находились не въ «дальнемъ» одни отъ другихъ разстояніи, или же имѣли «общія хозяйственныя выгоды». Какія, напримѣръ? «Общія пастбища, выгоны, водопои, общее пользованіе топливомъ, общій наемъ пастуха и *тому подобное*». Такимъ образомъ, опять упускалось изъ вида, что каждое селеніе можетъ имѣть не одни хозяйственные самостоятельные или общіе съ другими интересы, и даже въ хозяйственномъ отношеніи признавалась достаточною связь столь слабая и непостоянная, какъ обладаніе однимъ пастухомъ,—хотя вмѣсто одного на слѣдующій же годъ могутъ быть наняты два разные пастуха, и подобная связь можетъ прекратиться, соединеніе же, ради нея допущенное,—оставаться въ силѣ...

Понятно, что при такихъ опредѣленіяхъ, практика крестьянскаго дѣла на мѣстахъ могла уйти дальше въ установленіи условій, разрушительныхъ для основной ячейки сельской общественной жизни. И дѣйствительно, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 февраля 1882 г., засвидѣтельствовано, между прочимъ, что въ общества «соединялись иногда селенія, находящіяся въ разстояніи *нѣсколькихъ* верстъ одно отъ другого и *никакихъ* общихъ хозяйственныхъ выгодъ не имѣющія» («Сборникъ узак. и расп. по устр. крестьянъ» за 1876—1882 гг., изд. Чичинадзе).

Столь существенный недостатокъ въ положеніи освобожденныхъ крестьянъ центральныхъ губерній былъ устраненъ въ отношеніи крестьянъ губерній Царства Польскаго. Ст. 5 указа объ устрой-

ствѣ сельскихъ гминъ 19 февраля 1864 г. постановляла, что — единицы хозяйственныя, какъ и административныя, — «деревни и колоніи образуютъ *отдѣльныя* сельскія общества». Всѣмъ такимъ поселеніямъ давалось, слѣдовательно, значеніе юридическихъ лицъ.

Тотъ же вопросъ до извѣстной степени разрѣшался и для освобожденныхъ крестьянъ Закавказья въ правилахъ 20 іюня 1865 г. о сельскихъ обществахъ, общественномъ управленіи и повинностяхъ крестьянъ Тифлисской губ., каковыя правила были постепенно распространены на всѣ прочія губерніи Закавказскаго края. Волостей здѣсь не учреждалось. Образовывались прямо сельскія общества изъ всѣхъ крестьянъ, водворенныхъ въ одномъ селеніи какого-либо вѣдомства. Къ этимъ селеніямъ присоединялись также селенія малолюдныя, выселки и отдѣльные дворы. Однако, послѣднія составныя части сельскаго общества не оставались безъ опредѣленія, не упускались изъ вида. Придано было значеніе юридическихъ лицъ малолюднымъ и «частнымъ», то-есть разныхъ вѣдомствъ, крестьянскимъ поселеніямъ въ предѣлахъ ихъ ближайшихъ интересовъ. Именно, ст. 21 названныхъ правилъ указывала: «Малолюднымъ селеніямъ, а также отдѣльно частнымъ крестьянскимъ обществамъ, входящимъ въ составъ одного сельскаго общества, предоставляется, независимо отъ общаго сельскаго общества, собираться особо на *частныхъ сходахъ*, для обсужденія собственно предметовъ, исключительно до ихъ общихъ интересовъ касающихся», то-есть, и совершенно правильно, интересовъ вообще, а не однихъ только хозяйственныхъ. Ст. 21 перечисляла, далѣе, самые эти предметы общаго значенія. Такими предметами именно могли быть: 1) дѣла, относящіяся до пользованія и распредѣленія земель, состоящихъ въ отдѣльномъ пользованіи тѣхъ селеній или частныхъ крестьянскихъ обществъ; 2) внутренняя между ними раскладка казенныхъ и земскихъ повинностей и податей; 3) предупрежденіе накопленія недоимокъ и самое взысканіе послѣднихъ; 4) принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ и просьбъ, назначеніе для этого повѣренныхъ и дача имъ довѣренностей; 5) дѣла, которыя особыми постановленіями возложены на крестьянскія общества отдѣльныхъ вѣдомствъ, и 6) предварительное совѣщаніе по такимъ предметамъ, которые должны быть обсуждаемы въ общемъ сельскомъ сходѣ.

Какъ видно, настоящая статья правилъ 20 іюня 1865 г. воспроизводитъ почти дословно приведенную выше ст. 4998 тома II,

ч. 1, изд. 1857 г., которою также предоставлялась извѣстная самостоятельность и значеніе юридическаго лица каждому и малому селенію госуд. крестьянъ во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ. Признано было желательнымъ заимствовать это постановленіе изъ учрежденія общественнаго управленія госуд. крестьянъ, для наилучшаго устройства крестьянъ закавказскихъ. Но вскорѣ же ст. 4998 была отмѣнена для самихъ государственныхъ крестьянъ. Замѣчательное устройство послѣднихъ было предметомъ ненависти для крѣпостническихъ силъ, потому что кололо глаза помѣщичьей власти и потому что крѣпостныхъ крестьянъ, несомнѣнно, предполагалось, при императорѣ Николаѣ, перевести въ положеніе государственныхъ, и помѣщичьи крестьяне мечтали объ этомъ издавна. Тѣ же упоминавшіеся 36 членовъ-депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, дѣлая извѣстныя клеветническія замѣчанія, не могли удержаться и отъ вылазки противъ учрежденій, созданныхъ по проектамъ графа Киселева, быть можетъ, стремясь предупредить всякія заимствованія оттуда.

Называя эти учрежденія «созданіемъ неудачнымъ», они, нимало не стѣсняясь, объясняли тишину и порядокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ за послѣдніе два года ничѣмъ инымъ, какъ «опасеніемъ» крѣпостныхъ крестьянъ «подвергнуться такому же благоустроенію, какимъ пользуются ихъ сосѣди—государственные крестьяне»... (Матеріалы, ч. XII). Противъ учрежденій 1838 г., естественно, велась борьба. Сильнѣйшимъ образомъ и были они поколеблены вскорѣ же послѣ оставленія графомъ Киселевымъ министерства государственныхъ имуществъ—краткими постановленіями отъ 7 сентября 1859 г., 28 октября того же года и 19 сентября 1860 г. 18 же января 1866 г. явилось новое, болѣе рѣшительное преобразованіе, составившее вмѣстѣ съ закономъ 24 ноября того же года (о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ) столь яркое выраженіе реакціи, постигшей крестьянское дѣло вслѣдъ за 19 февраля 1861 г. Сельскія общества и все общественное управленіе госуд. крестьянъ преобразовывались—«на основаніи постановленій, изложенныхъ въ ст. 40—147 Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости».

Трудно представить себѣ, какъ могли быть примѣнены къ госуд. крестьянамъ статьи 40 и 41 Общаго Положенія,—вѣроятно, и съ примѣчаніемъ отъ 15 августа 1863 г.—статьи, явившіяся указаннымъ выше путемъ и подъ вліяніемъ соображеній, основывавшихся,

главнымъ образомъ, на совершенно чуждомъ госуд. крестьянамъ началѣ *однопомѣстности*. Во всякомъ случаѣ, многія селенія, имѣвшія право составлять особые сходы для разрѣшенія извѣстныхъ дѣлъ, согласно ст. 4998, лишались своей самостоятельности въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ. Они перестали пользоваться правами юридическихъ лицъ и, подобно многимъ, находившимся въ такомъ же положеніи селеніямъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, только вмѣстѣ съ другими получали юридическое значеніе, составляли полноправное цѣлое. Уже соединеніе въ одно общество селеній, состоявшихъ изъ однихъ государственныхъ крестьянъ, должно было порождать большую путаницу отношеній и приводить здѣсь, какъ и среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, къ предсказанному административнымъ отдѣленіемъ *разрушенію* административно-хозяйственныхъ основныхъ единицъ крестьянской общественной жизни. Между тѣмъ, практика допускала соединеніе въ одно общество селеній государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. При такихъ же условіяхъ, упомянутое разрушеніе должно было происходить еще сильнѣе. Можно сказать даже, что госуд. крестьяне ставились въ положеніе еще худшее, чѣмъ бывшіе крѣпостные. Немедленно послѣдовавшій законъ 24 ноября 1866 г. о поземельномъ ихъ устройствѣ предписывалъ выдачу владѣнныхъ записей «каждому обществу». Но какимъ образомъ возможно было это по отношенію къ сложнымъ селеніямъ-обществамъ, заключавшимъ въ своихъ предѣлахъ селенія бывшихъ госуд. и бывш. помѣщичьихъ крестьянъ вмѣстѣ? Несообразность подобнаго положенія была слишкомъ очевидна и, произведя извѣстную путаницу, была вскорѣ замѣчена и до извѣстной степени исправлена въ правилахъ 31 марта 1867 г. о составленіи и выдачѣ владѣнныхъ записей. Здѣсь, съ нѣкоторыми противорѣчіями и обнаруженіемъ смѣшенія понятій о селеніи и сельскомъ обществѣ, въ ст. 6, все же говорилось, что «владѣнныя записи составляются по *каждому селенію* особо». Однако, правъ хотя бы только поземельной или хозяйственной общины за каждымъ селеніемъ, не составлявшимъ сельскаго общества, и въ настоящихъ правилахъ не устанавливалось (какъ и не имѣвшихъ значенія учредительнаго закона). Только въ одномъ случаѣ предоставлялось бывшимъ государственнымъ крестьянамъ образовывать изъ себя особые сходы, помимо сходовъ сельскаго общества. А именно: п. 2 ст. 30 допускалъ разрѣшать споры о землевладѣніи между нѣсколькими

селеніями, не разграниченными между собою формальнымъ порядкомъ,—«на сельскомъ сходѣ, составляемомъ изъ домохозяевъ всѣхъ селеній, участвующихъ въ пользованіи сими (неразграниченными) землями». Самыя отдѣльныя селенія во всѣхъ случаяхъ оставались безправными.

Новый законъ 17 ноября 1869 г. до нѣкоторой степени подошелъ къ вопросу объ образовавшемся такимъ путемъ тяжеломъ положеніи для многочисленныхъ разрядовъ сельскихъ обывателей, на которыхъ было распространено общественное устройство бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Утверждая прежній порядокъ составленія окладныхъ листовъ на каждое общество, настоящій законъ постановлялъ: «но въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одномъ обществѣ заключаются селенія, имѣющія свой особый надѣлъ и другія угодья, *за податную единицу* для составленія окладнаго листа принимается не все общество, а *каждое селеніе*». Значитъ, отнынѣ подобныя селенія должны были уплачивать собственно на нихъ падавшій сборъ отдѣльно отъ другихъ, съ которыми составляли сельскія общества. Но какимъ же образомъ не было прямо предоставлено имъ тогда же и право *раскладки* тѣхъ сборовъ, которые они должны были уплачивать по особому окладному листу? Если же предположить, что подобное право подразумѣвалось само собою за селеніемъ, какъ за податною единицею, то какъ же должно было оно дѣйствовать, осуществляя это право, въ какомъ составѣ домохозяевъ, подъ чьимъ предсѣдательствомъ и пр.? Явно должны были произойти тутъ серьезныя недоразумѣнія (впослѣдствіи и отразившіяся на сенатской практикѣ), ибо право раскладки составляло собою право *сельскаго общества*, входило въ составъ предметовъ вѣдомства *сельскаго схода*, согласно п. 11 ст. 51 Общ. Пол.; составныя же части сельскаго общества—отдѣльныя селенія—этого права не имѣли. Вотъ почему отдѣльныя селенія привлекались и къ круговой отвѣтственности за другихъ, съ которыми были соединены въ одно общество, не имѣя вовсе общаго землевладѣнія или общаго объекта обложенія. Тотъ же законъ 17 ноября 1869 г. освобождалъ, по крайней мѣрѣ, на будущее время такія селенія отъ подобной отвѣтственности въ отношеніи государственныхъ податей и повинностей. Но, какъ показывала уже въ то время сенатская практика, возникало немало другихъ, еще болѣе несообразныхъ положеній изъ соединенія въ одно сельское общество нѣсколькихъ селеній и изъ безправнаго положенія

послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе, законъ 17 ноября 1869 г. не попытался разрѣшить болѣе ни одного недоразумѣнія. Мало того, даже и настоящее затрудненіе не было устранено имъ совершенно, ибо оказалось, что практика поняла этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что имъ уничтожалась круговая отвѣтственность отдѣльныхъ селеній за другихъ, съ которыми они соединены въ одно общество, только—«въ подушныхъ податяхъ». Именно такое воззрѣніе было проведено въ упоминавшемся уже циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 февраля 1882 г., хотя оно было едвали правильно, такъ какъ въ законѣ томъ было прямо сказано: «въ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ». И вотъ, изъ того же циркуляра обнаружилось, что и «въ настоящее время (въ 1882 году), круговая во взносѣ выкупныхъ платежей порука остается въ силѣ для *значительнаго* числа селеній, хотя и имѣющихъ отдѣльные отъ другихъ надѣлы, но получившихъ выкупныя ссуды въ одной общей суммѣ и принадлежащихъ къ одному сельскому обществу». Министерство признало, что это есть условіе—«крайне стѣснительное, которое притомъ и несправедливо»; что, благодаря ему, путаются счета сельскихъ обществъ и само правительство ставится иногда въ разныя затрудненія. Въ видахъ же устраненія подобныхъ явленій, министерство признало необходимою «общую мѣру»,—то есть, распространеніе постановленія отъ 17 ноября 1869 г. и на выкупные платежи. Казалось бы, что такою общею мѣрою могъ быть только новый законъ, разъ министерство не усматривало подобнаго смысла въ самомъ означенномъ постановленіи. Но, по обычаю, установившемуся относительно крестьянскихъ дѣлъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, разрѣшило вопросъ собственною властью, предписавъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ распредѣлить общія суммы выкупныхъ платежей по отдѣльнымъ селеніямъ, сообразно надѣленной каждому изъ нихъ землѣ. Такое же предписаніе своевременно разослало и министерство финансовъ казеннымъ палатамъ. Если же принять во вниманіе признанную уже бездѣятельность прежнихъ губернскихъ по крест. дѣламъ присутствій и неудовлетворительность мѣстныхъ органовъ финансоваго управленія, то окажется вполнѣ вѣроятнымъ, что полнаго практическаго примѣненія не получилъ не только министерскій циркуляръ, но и самый коснувшійся столь слабо вопроса законъ 17 ноября 1869 г., кстати, не совсѣмъ правильно понятый и во всякомъ слу-

чаѣ весьма ограниченный по своему значенію, такъ какъ касался однѣхъ государственныхъ податей и повинностей, не упоминая о земскихъ и мірскихъ сборахъ. Притомъ и въ этомъ смыслѣ названный законъ могъ получить примѣненіе больше къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, ибо чаще всего селенія этихъ крестьянъ имѣли отдѣльное отъ другихъ землепользованіе; надѣленіе же, напримѣръ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ совершалось на началѣ однопомѣстности, съ отведеніемъ одного надѣла подчасъ многимъ селеніямъ.

24 апрѣля 1887 г. послѣдовалъ существенный законъ о *раздѣлѣ* одного сельскаго общества на два или нѣсколько сельскихъ обществъ. Съ установленіемъ, наконецъ, хотя порядка такого раздѣла многолюдныхъ обществъ, облегчалась, по крайней мѣрѣ, возможность подобнаго раздѣленія. Благодаря ему, могло образовываться, при извѣстныхъ условіяхъ, больше отдѣльныхъ обществъ изъ такихъ селеній, которымъ было крайне неудобно существовать юридически въ соединеніи съ другими. Однако, положеніе множества селеній, къ которымъ не былъ примѣненъ установленный порядокъ раздѣленія и которыя продолжали составлять вмѣстѣ съ другими сельскія общества, оставалось опять неопредѣленнымъ. Самостоятельнаго юридическаго значенія не получили они и тутъ, хотя, очевидно, законъ 24 апрѣля 1887 г. особенно близко подошелъ къ вопросу.

IV.

Такимъ образомъ, цѣлая масса отдѣльныхъ селеній оставалась съ самаго освобожденія крестьянъ въ неестественномъ, въ высшей степени неудобномъ и вредномъ для нихъ, *безправномъ* положеніи,—вслѣдствіе полнаго молчанія о нихъ со стороны закона, установившаго лишь сельскія и волостныя общества. Но, конечно, самостоятельная юридическая жизнь отдѣльныхъ селеній, не составлявшихъ каждое особаго сельскаго общества, не могла быть этимъ совершенно устранена. Убить ее вовсе — законъ не могъ не только путемъ оставленія безъ всякаго опредѣленія, но и путемъ прямого воспрещенія. Тутъ онъ безсиленъ. Законъ такъ же не можетъ приказать, чтобы такой жизни не было, какъ не можетъ приказать, чтобы солнце не свѣтило или земля не вертѣлась. Юридическая жизнь отдѣльныхъ селеній все же должна была происходить, — *по силѣ неотразимой внутренней юридической необходимости*, коре-

нящейся въ томъ, что законъ не есть единственная форма права и что онъ не создаетъ отношеній, а долженъ слѣдить за возникающими въ жизни отношеніями и во-время формулировать и регулировать ихъ по началамъ правды и справедливости. Но зато жизнь эта, при отсутствіи опредѣленій со стороны закона, должна была *крайне страдать*. Положеніе отдѣльныхъ селеній, въ ихъ самостоятельныхъ юридическихъ отправленіяхъ, оказывалось фактическимъ, случайнымъ, шаткимъ и неопредѣленнымъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій, оно должно было колебаться каждый разъ, когда такъ или иначе могъ возбуждаться вопросъ о томъ, вправѣ ли данное селеніе, не составляющее особаго сельскаго общества, дѣйствовать въ извѣстномъ дѣлѣ самостоятельно, на правахъ сельскаго общества. Возраженія могли встрѣчаться нерѣдко, а оттого и большая путаница въ крестьянскихъ отношеніяхъ должна была возникать очень легко и очень часто.

Данныя практики перваго и второго департаментовъ сената — насколько они извѣстны изъ сборниковъ гг. Горемыкина и Данилова (а помѣщены въ этихъ сборникахъ сравнительно весьма немногія рѣшенія) — и показываютъ, къ какимъ уродливымъ явленіямъ все это приводило въ дѣйствительности; какъ на самомъ дѣлѣ страдала юридическая жизнь отдѣльныхъ селеній; какъ терпѣли ихъ существеннѣйшіе интересы—при подобныхъ условіяхъ, при такой неопредѣленности положенія, при такомъ, такъ сказать, *загадочномъ* существованіи. Данныя этой практики показываютъ также, какъ медленно сенатъ приходилъ къ заключенію о неестественности положенія отдѣльныхъ селеній, не составлявшихъ особыхъ сельскихъ обществъ,— или примѣняя жесткій законъ въ его буквальномъ смыслѣ и, такимъ образомъ, лишая такія селенія самыхъ естественныхъ и необходимыхъ правъ, или же уклоняясь отъ буквальнаго смысла закона и, на основаніи разныхъ неподходящихъ постановленій, признавая за ними нѣкоторыя незначительныя права, и во всѣхъ этихъ случаяхъ отдаляя *законодательное* разрѣшеніе настоящаго печальнаго вопроса. Такъ было и послѣ 1882 г., когда, по закону 25 мая, губернскимъ по крест. дѣламъ присутствіямъ было вмѣнено въ обязанность представлять самостоятельно въ сенатъ тѣ дѣла, къ которымъ буквальный смыслъ закона примѣнить *невозможно* (для того, конечно, чтобы сенатъ, въ порядкѣ ст. 227 дѣйствовавшаго тогда изданія 1857 г. учрежденія правит. сената, могъ составлять *проектъ раз-*

рѣшенія и давать ему надлежащій законодательный ходъ). Буквальный-же смыслъ закона именно невозможно примѣнить къ отдѣльнымъ селеніямъ, — невозможно не признать ихъ самостоятельнаго существованія, какъ представляющагося совершенно очевиднымъ.

Въ рѣшеніи отъ 20 января 1873 г. сенатъ отвергъ жалобу починка Будзимуръ на причисленіе къ нему, безъ его согласія, новаго члена сходомъ Уменьшуртскаго сельскаго общества, къ составу котораго принадлежалъ починокъ. Черезъ годъ, 20 марта 1875 г., буквальный смыслъ закона оказалось, однако, невозможнымъ примѣнить къ однородному по существу дѣлу, такъ какъ случай встрѣтился слишкомъ нелѣпый. Двѣ деревни, Щеболова и Волкова, составлявшія вмѣстѣ одно сельское общество, спорили о землѣ, и отъ повѣреннаго истца была потребована губернскимъ по крест. дѣламъ присутствіемъ довѣренность и отъ отвѣтчика... Сенатъ, не высказавшись, впрочемъ, опредѣленно по этому вопросу, призналъ, что нельзя было отказывать въ пріемѣ ходатайства повѣреннаго одной изъ деревень по тому только, что онъ не имѣлъ довѣренности отъ всего сельскаго общества. Въ извѣстномъ согласіи съ этимъ рѣшеніемъ и противорѣчіи съ рѣшеніемъ отъ 20 января 1873 г., сенатъ высказалъ 10 ноября 1875 г., что «право пользованія и распоряженія общинною землею, отведенною каждому селенію, принадлежитъ только крестьянамъ этого селенія, а не всему сельскому сходу». Но вотъ, въ рѣшеніи отъ 19 октября 1878 г. было признано, что скидка и накладка тяголъ зависитъ не отъ каждаго селенія, а отъ схода всего общества, къ которому принадлежатъ селенія. Наоборотъ, 3 марта 1881 г. высказано, что каждое селеніе, имѣющее отдѣльный надѣлъ, можетъ распоряжаться имъ безъ участія крестьянъ другихъ селеній того же общества. 18 августа того же года сенатъ пошелъ дальше и своею властью создалъ цѣлый юридическій институтъ, выразивъ, что распоряженіе землею, надѣленною особо какому либо селенію, принадлежитъ именно «селенному» сходу этого селенія, а не сходу всего общества. Въ рѣшеніи отъ 24 ноября 1881 г., сенатъ повторилъ то же наименованіе особаго схода, не предусмотрѣннаго въ законѣ. Права отдѣльныхъ деревень на распоряженіе землею признаны были имъ также въ рѣшеніи отъ 1 февраля 1882 г. Таковы воззрѣнія перваго департамента. Образованный 24 января 1884 г., второй департаментъ, въ рѣшеніи отъ 1 мая 1884 г., въ свою очередь, нашелъ, что вопросъ о скидкѣ тяголъ можетъ быть

разрѣшаемъ «единственно домохозяевами той деревни, которымъ земля отведена въ надѣлъ, а не всѣмъ сельскимъ сходомъ, въ который, замѣтилъ сенатъ, нерѣдко входятъ и другія деревни и села, по поземельному своему устройству *ничего общаго* съ даннымъ не имѣющія». То же самое высказано было въ рѣшеніи отъ 21 декабря 1884 г. — 22 апрѣля 1886 г., подтверждая право отдѣльнаго селенія распоряжаться отведенною ему землею, сенатъ нѣсколько расширилъ права такого селенія, признавъ, что ему «слѣдуетъ предоставить и раскладку между своими домохозяевами всѣхъ земельныхъ повинностей», хотя если подобный выводъ и можно было сдѣлать изъ упоминавшагося выше закона 17 ноября 1869 г. о составленіи окладныхъ листовъ по селеніямъ (на каковой законъ сенатъ, впрочемъ, не ссылался), то, какъ мы видѣли, это естественнѣйшее право раскладки сборовъ, причитавшихся по такому листу, отдѣльному селенію тѣмъ закономъ прямо не было предоставлено, откуда, очевидно, и возникла для сената необходимость разрѣшать настоящее практическое затрудненіе.—Въ рѣшеніи отъ 15 сентября 1887 г., сенатъ опредѣлилъ до извѣстной степени и порядокъ дѣйствій отдѣльныхъ селеній при передѣлахъ земель, выразивъ, что на сходахъ этихъ селеній голосъ сельскаго старосты не долженъ идти въ счетъ.

Однако, при всей, казалось, твердости установившейся, по крайней мѣрѣ, съ 80 годовъ, практики по вопросу о правахъ отдѣльнаго селенія, не составляющаго особаго сельскаго общества, хотя бы то лишь на надѣльную землю, и о представительствѣ этихъ правъ, вопросъ о выдачѣ довѣренностей по приговорамъ такихъ отдѣльныхъ селеній, все же, 8 февраля 1881 г., оказался дошедшимъ до общаго собранія перваго, второго и кассаціонныхъ департаментовъ. Значитъ, не такъ казался ясенъ законъ по вопросу объ этихъ только правахъ. Но и здѣсь сенатъ остался вѣренъ самому себѣ. Право отдѣльнаго селенія уполномочивать повѣреннаго однимъ собственнымъ приговоромъ, помимо сельскаго схода, было признано, безъ возбужденія, законодательнаго вопроса. Только разрѣшить этотъ вопросъ оказалось возможнымъ уже не на основаніи тѣхъ или иныхъ *различныхъ* въ отдѣльныхъ случаяхъ указывавшихся статей, а на основаніи общаго смысла закона, на основаніи смысла статей, выбиравшихся не изъ Общаго Положенія, а изъ другихъ положеній 19 февраля 1861 г., *хотя это былъ вопросъ, относившійся до учрежденія обще-*

ственнаго управленія крестьянъ и могъ быть разрѣшенъ или не разрѣшенъ только и прежде всего въ Общемъ Положеніи.

Такъ или иначе, съ нѣкоторыми противорѣчіями вначалѣ, но въ послѣдніе годы довольно однообразно, выносились сенатомъ, по нѣкоторымъ частностямъ вопроса о правахъ отдѣльныхъ селеній, рѣшенія, согласныя, если не съ явно недостаточнымъ закономъ, то съ жизнію и ея настоятельнѣйшими неотразимыми потребностями. Такъ поступали въ иныхъ случаяхъ и низшія учрежденія. Такимъ образомъ, между прочимъ, изъ отчетовъ о дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка оказывается, что ссуды на покупку земли выдавались сельскимъ и «селеннымъ» обществамъ, при чемъ эти ссуды составляли одинъ общій разрядъ ссудъ, отличный отъ разряда ссудъ, выдаваемыхъ товариществамъ, хотя несуществующія вовсе въ законѣ «селенныя» общества суть ни болѣе, ни менѣе, какъ товарищества съ точки зрѣнія закона... буквальный смыслъ котораго примѣнить невозможно... Положеніе отдѣльныхъ селеній было бы безвыходно, еслибы они постоянно встрѣчали возраженія противъ хотя нѣкоторыхъ правъ самостоятельнаго юридическаго существованія и дѣятельности. Оно и бывало безвыходно въ случаяхъ такихъ возраженій. Отдѣльныя селенія и претерпѣвали тогда огромныя затрудненія. Мѣстныя изслѣдованія могли бы дать поразительные примѣры совершенно невозможнаго положенія иногда такихъ селеній. Мѣстныя изслѣдованія могли бы также показать, что въ спокойномъ состояніи, *по обычаю*, отдѣльныя селенія, не составлявшія особыхъ сельскихъ обществъ, пользовались всѣми правами сельскихъ обществъ и даже большими правами иногда, а именно правами и судебной власти, карающей и разрѣшающей вопросы о правѣ гражданскомъ; что они именно называются «селенными» обществами въ иныхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Псковской губ.; см. книгу Сазонова—«Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ у.», стр. 167), какъ назвалъ ихъ и сенатъ, въ другихъ же губерніяхъ (напримѣръ, въ Ярославской, по нашимъ наблюденіямъ)—«селенскими» или «деревенскими» обществами съ особыми же «селенскими» или «деревенскими» старостами, и проч. Давно желательно, кстати сказать, чтобы мѣстныя изслѣдованія были направляемы не въ одну только сторону экономическаго положенія крестьянъ, но и въ болѣе широкую сторону *юридическаго* положенія, весьма пагубно вліяющаго, по своей неудовлетворительности, и на экономическій бытъ сельскаго населенія.

Кажущееся благопріятнымъ, какъ согласное съ обычаемъ, вліяніе послѣднихъ сенатскихъ указовъ на положеніе отдѣльныхъ селеній, однако, весьма незначительно. Во-первыхъ, указы эти утверждали за отдѣльными селеніями только *незначительную* часть совершенно необходимыхъ для нихъ правъ, а именно, лишь внутреннее распоряженіе землею, раскладку податей и дачу довѣренностей. Во-вторыхъ, они разсылались только въ подлежащія губерн. присутствія по крест. дѣламъ и особаго распространенія не получали. Такимъ образомъ, и послѣдній указъ общаго собранія отъ 8 февраля 1888 г. не былъ доведенъ до всеобщаго свѣдѣнія черезъ «Собраніе узакон.» и вошелъ впервые лишь въ сборникъ И. Л. Горемыкина въ 1889 г. Кромѣ того, послѣднія сенатскія рѣшенія противорѣчили первымъ, и сила ихъ черезъ то ослаблялась. Они не имѣли также и особой убѣдительности, потому что не сопровождались (и не могли сопровождаться) надлежащими ссылками на законъ. *Было бы несравненно полезнѣе, еслибы, при первомъ обнаруженіи печальнаго положенія отдѣльныхъ селеній, возбужденъ былъ сенатомъ законодательный вопросъ. Положеніе ихъ было бы обезпечено тогда общимъ правиломъ закона.* Законъ именно не могъ бы не признать ихъ самостоятельности.

Между тѣмъ, благодаря тому, что сенатъ и всѣ прочія учрежденія старались покончить съ вопросомъ своею властью, не возбуждая законодательнаго дѣла, отдѣльныя селенія были позабыты и при изданіи въ законодательномъ порядкѣ правилъ 30 мая 1888 г. о крестьянскихъ поземельныхъ товариществахъ, пріобрѣвшихъ землю съ помощію крестьянскаго поземельнаго банка. Для рѣшенія дѣлъ такихъ товариществъ, учреждались особые *сходы товарищей*. Для сохраненія же должнаго порядка на сходѣ, руководительства сужденіями, для счета подаваемыхъ голосовъ, а равно для исполненія рѣшеній схода, создавался особый *выборный*, съ присвоеніемъ ему знака, установленнаго для сельскихъ старостъ, и пр. Вообще, *товарищества пріобрѣли значеніе юридическихъ лицъ*. Второй же послѣ сельскихъ обществъ разрядъ пріобрѣтателей земли съ помощію банка — «селенныя общества», о которыхъ говорилось въ отчетахъ банка, и здѣсь опять остался въ прежнемъ положеніи. Но товарищества страдали отъ неопредѣленности своего положенія гораздо менѣе отдѣльныхъ селеній, не составлявшихъ особыхъ сельскихъ обществъ. Товарищества могли, по крайней мѣрѣ, опереться хотя и на весьма неудобныя для нихъ

постановленія т. X, ч. I, Законовъ Граждан., на статьи 543—556 о правѣ собственности общемъ. Юридическая же (по обычаю) личность отдѣльнаго селенія совершенно утопала въ законныхъ правахъ сложнаго сельскаго общества, въ составъ коего оно входило. Внѣ сельскаго общества отдѣльное селеніе не имѣло ни формы, ни вида, ни правъ, ни обязанностей. Упомянутая, все же существовавшая для поземельныхъ товариществъ, опора въ гражданскихъ законахъ была хотя не сразу, но признана недостаточною. Недосмотръ замѣненъ и исправленъ. Поземельныя товарищества, хотя черезъ семь лѣтъ, получили права, до извѣстной степени соотвѣтствовавшія ихъ насущнымъ интересамъ. А отдѣльныя селенія, сотни тысячъ отдѣльныхъ селеній — и черезъ тридцать лѣтъ продолжаютъ страдать, безъ нужды и повода, находя пощаду только въ обычаѣ, примѣненіе котораго ничѣмъ не обезпечено, такъ какъ, тѣмъ болѣе, это обычай, фактически, а не по прямому разрѣшенію со стороны закона существующій, и на дѣлѣ, постепенно, въ сильнѣйшей степени ослабляющійся...

Нѣтъ сомнѣнія, что съ введеніемъ земскихъ начальниковъ, настоящій вопросъ сталъ особенно жгучимъ.

Законоположенія 12 іюля 1889 г. значительно усиливаютъ вмѣшательство административной власти во внутреннюю жизнь крестьянскихъ обществъ и въ обычно-правовыя отношенія крестьянъ; въ то же время законоположенія эти сами по себѣ не даютъ достаточныхъ руководящихъ указаній для разрѣшенія многочисленныхъ вопросовъ крестьянской жизни, въ частности же и настоящаго; прочіе нынѣ дѣйствующіе законы о крестьянахъ, по ихъ неясности, неопредѣленности и недостаточности, сами, въ свою очередь, не могутъ служить надлежащимъ правильнымъ руководствомъ для земскихъ начальниковъ и обезпечивать законность ихъ дѣйствій въ массѣ предъявляемыхъ имъ запросовъ; отсюда же дѣлается почти неизбѣжнымъ произвольное разрѣшеніе многочисленныхъ вопросовъ, нуждающихся въ законодательныхъ опредѣленіяхъ,—тѣмъ болѣе, что у насъ вообще упускается изъ вида настоящій объемъ права толкованія законовъ, предоставленнаго административнымъ властямъ; при всемъ же томъ, и учрежденіе, стоящее во главѣ подзаконнаго управленія,—сенатъ, разъясненія котораго, какъ наиболѣе компетентныя и безстрастныя, были такъ дóроги крестьянскому дѣлу,—получилъ гораздо болѣе рѣдкую возможность высказываться по труднымъ и сложнымъ вопросамъ крестьянской жизни,—почему разрѣшеніе послѣднихъ, и юридически, и фактически,

въ большей мѣрѣ зависитъ нынѣ отъ мѣстныхъ органовъ. Въ довершеніе же всего, въ пол. о зем. нач. особо упомянуто объ обязанности земскаго начальника представлять на утвержденіе съѣзда со своимъ заключеніемъ, между прочимъ, приговоры сельскихъ обществъ о *соединеніи* съ другими (ст. 32), но не имѣется такого же особаго упоминанія объ обязанности по примѣненію закона 24 апрѣля 1887 г. о *раздѣленіи* большихъ обществъ на мелкія. Конечно, примѣненіе этого закона, вошедшаго въ продолженія 1887 и 1890 гг. къ Общему Положенію, также лежитъ на обязанности земскаго начальника, и земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ именно указываетъ на эту обязанность его при перечисленіи вообще обязанностей земскаго начальника, выводимыхъ изъ закона («Сборникъ», изд. 2, стр. 23). Но вопервыхъ, въ «Руководствѣ для земскихъ начальниковъ», составленномъ черниговскимъ губернаторомъ, г. Анастасьевымъ, вовсе не упоминается о продолженіяхъ къ Общему Положенію, вышедшихъ послѣ продол. 1886 г., а слѣдовательно, и о законѣ 24 апрѣля 1887 г. [1]); вовторыхъ, особое упоминаніе въ пол. о зем. нач. о соединеніи мелкихъ обществъ и умолчаніе о раздѣленіи крупныхъ легко можетъ подавать поводъ къ предположеніямъ иными земскими начальниками, что на нихъ именно возлагается особое попеченіе о таковомъ соединеніи, почему они могутъ обнаруживать и особое (столь нежелательное) усердіе въ этомъ отношеніи; наконецъ, втретьихъ, соединеніе мелкихъ обществъ и поглощеніе ихъ самостоятельности и правильной юридической жизни можетъ состояться, на основаніи пол. о зем. нач., по приговору сходовъ, утвержденному уѣзднымъ съѣздомъ, раздѣленіе же большихъ обществъ, по закону 24 апрѣля 1887 г., обставлено болѣе сложными условіями и можетъ состояться только съ утвержденія приговоровъ губернскимъ присутствіемъ, по повѣркѣ ихъ земскимъ начальникомъ.

Въ № 22 «Сельскаго Вѣстника» за 1891 г. сообщается характерный фактъ, прямо относящійся къ настоящему вопросу въ его нынѣшнемъ положеніи. Ставя редакціи народной газеты цѣлый рядъ

[1]) Хотя въ «Руководствѣ» и усвоивается перечисленіе обязанностей земскаго начальника, сдѣланное земскимъ отдѣломъ, и упоминается на стр. 93 тома I о настоящей обязанности, но безъ всякихъ объясненій и со ссылкою на приложеніе № 1 къ «Руководству», то есть, на Общее Положеніе, помѣщенное въ томѣ II, именно, на прим. 4 къ ст. 51,—каковое примѣчаніе, излагающее упомянутый законъ и внесенное въ прод. 1887 г., именно и не приводится въ приложеніи № 1, несмотря на ссылку.

вопросовъ, крестьянинъ дер. Исаихи Бѣльшевской волости, Варнавинскаго уѣзда, Костромской губ., Смирновъ, разсказываетъ: «Деревни Исаиха и Пирожиха получили одинъ общій надѣлъ; въ 1872 году между ними возникъ споръ о надѣлѣ, который окончился въ 1877 году мировой сдѣлкой, по приговору общественнаго схода; владѣніе по мировой сдѣлкѣ продолжалось до 1889 г., когда крестьяне д. Пирожихи возобновили споръ, который и былъ переданъ Варнавинскимъ уѣзднымъ съѣздомъ на сельскій общественный сходъ, для соглашенія спорящихъ селеній; земскій начальникъ, для приведенія въ извѣстность количества десятинъ надѣла обѣихъ деревень, вызвалъ землемѣра, который составилъ актъ, что у крестьянъ дер. Исаихи оказалось лишку 31 дес., каковая земля и должна поступить въ надѣлъ крестьянъ д. Пирожихи, несмотря на то, что у крестьянъ этой деревни недоставало до полнаго надѣла только 12 дес.; на этомъ основаніи, крестьяне дер. Пирожихи требуютъ отрѣзки отъ крестьянъ д. Исаихи 31 дес.; земскій начальникъ, согласно заключенію землемѣра, и приказалъ отрѣзать отъ земель дер. Исаихи 31 дес., а когда крестьяне д. Исаихи на это не согласились, подвергъ ихъ за это аресту при волостномъ правленіи на трое сутокъ».

Дѣло это похоже на дѣло крестьянъ деревень Щеболовой и Волковой, разрѣшенное сенатомъ въ упоминавшемся выше опредѣленіи отъ 20 марта 1875 г. и обнаружившемъ крайнее неудобство для правильнаго веденія подобныхъ споровъ, возникающее изъ неясности уже одного права избирать спорящимъ селеніямъ разныхъ повѣренныхъ и приводящее къ требованіямъ, чтобы повѣренный истца имѣлъ довѣренность и отъ отвѣтчика... Новое дѣло это доказываетъ только, что, при недостаточности закона, сенатское рѣшеніе не устранило печальныхъ затрудненій на будущее время и что широкія и вдобавокъ преувеличиваемыя полномочія новыхъ властей также не замѣнятъ закона...

Отвѣчая въ данномъ случаѣ на запросы своего подписчика, редакція «Сельскаго Вѣстника» основательно предположила, что деревни Исаиха и Пирожиха составляютъ одно сельское общество. Въ виду же этого, для разрѣшенія возникшихъ между ними затрудненій, редакція указала на необходимость *раздѣлиться* обѣимъ деревнямъ, образовать изъ себя отдѣльныя самостоятельныя общества въ порядкѣ, установленномъ упоминавшимся выше закономъ 24 апрѣля 1887 г. Указаніе совершенно правильное. Трудность положенія на-

званныхъ селеній въ томъ, дѣйствительно, и состояла, что каждое въ отдѣльности они не имѣли значенія юридическаго лица. Однако, это указаніе не разрѣшаетъ общаго вопроса. Положимъ, что теперь крестьяне этѣхъ деревень, споривше уже сначала пять лѣтъ и нынѣ во второй разъ спорящіе два года, выдержавъ, кромѣ того, трехдневный арестъ безъ законныхъ основаній, добьются такимъ, указаннымъ только въ 1887 году, путемъ права самостоятельнаго существованія и раздѣла. Но въ точно такомъ же положеніи находится еще цѣлая масса селеній. И этому безчисленному множеству селеній также необходимо право самостоятельнаго независимаго существованія. Невозможно утѣшаться тѣмъ, что и они могутъ возбудить ходатайства о раздѣлѣ и о приданіи каждому изъ нихъ значенія сельскаго общества. Подобныя ходатайства затруднительны и, кромѣ того, могутъ быть и неуважены мѣстными учрежденіями. Но допустима ли зависимость сотенъ тысячъ селеній отъ низшихъ учрежденій въ столь важномъ основномъ отношеніи и желательно ли обремененіе этихъ и безъ того заваленныхъ дѣлами учрежденій разрѣшеніемъ массы однородныхъ ходатайствъ?

Кажется, очевидна *необходимость приданія общимъ правиломъ закона самостоятельнаго положенія, значенія юридическаго лица и всѣхъ требуемыхъ административно-хозяйственныхъ полномочій—всѣмъ селеніямъ, не составляющимъ отдѣльныхъ сельскихъ обществъ*. Медлить съ разрѣшеніемъ этого вопроса, до сихъ поръ находящагося въ забвеніи, невозможно. Самые естественные, существенные и законные интересы крестьянъ страдаютъ отъ этого.

Крестьянская женщина.

I. Условія возникновенія вопросовъ о правахъ женщины на участіе въ дѣлахъ и отношеніяхъ сельскаго общества.—Важное значеніе этого вопроса для самаго крестьянскаго общественнаго устройства и управленія.—Общій широкій смыслъ ст. 47 Общаго Положенія о крестьянахъ.—Домохозяинъ, какъ представитель двора, и дворъ, какъ юридическое лицо.—Постановленіе 22-го ноября 1875 г.—Истинный его смыслъ.—Условія примѣненія на мѣстахъ крестьянскихъ законовъ и выводы, сдѣланные на практикѣ изъ постановленія 22-го ноября 1875 г.—Уродливыя явленія, замѣчаемыя въ одной губерніи.—Невозможность разрѣшенія вопросовъ о правахъ женщины обыкновеннымъ путемъ и необходимость законодательныхъ разъясненій и опредѣленій.—II. Сенатское разъясненіе по дѣлу Тифановой, и особенности этого дѣла.—III. Сущность разъясненія по дѣлу Тифановой и сопоставленіе его съ разъясненіемъ по дѣлу Суковатиковой.—Невозможность предполагать, чтобы разрѣшеніе настоящихъ вопросовъ законъ предоставлялъ обычаю.—IV. Разъясненія сената по дѣламъ Петровой, Кулимановой, Симаковой и Бызиной.—V. Общее заключеніе о значеніи сенатскихъ разъясненій по настоящимъ вопросамъ.—Теоретическое предположеніе о томъ, какъ разрѣшаются эти вопросы въ жизни, на дѣлѣ.—Подтвержденіе этого предположенія со стороны бытовыхъ чертъ, рисующихся въ указанныхъ сенатскихъ разъясненіяхъ.—Характерный порядокъ осуществленія правъ на усадьбу.—VI. Какая постановка желательна для настоящихъ вопросовъ?

I.

Среди многочисленныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, по которому были устроены потомъ и всѣ прочіе разряды свободныхъ сельскихъ обывателей, — однимъ изъ важнѣйшихъ представляется безспорно вопросъ о законномъ составѣ сельскаго схода.

Согласно ст. 47, сельскій сходъ составляется, между прочимъ, изъ «крестьянъ-домохозяевъ». Кто же именно — прямо и точно — долженъ почитаться домохозяиномъ, полноправнымъ участникомъ схода, высказывающимся по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію? Можетъ ли принимать участіе въ сельскомъ сходѣ, напри-

мѣръ, *женщина?* Вѣдѣнію сельскаго схода предоставленъ цѣлый рядъ существенныхъ предметовъ. Допущеніе женщины къ участію въ мірскихъ дѣлахъ и устраненіе ея отъ этого участія—естественно—должно приводить къ неодинаковымъ постановленіямъ и распорядкамъ. Приговорами сходовъ могутъ затрогиваться немаловажныя права самой женщины. Имѣетъ ли она возможность лично представительствовать за свои интересы, располагаетъ ли для этого правомъ голоса? Вообще, вопросъ объ участіи женщины въ общественныхъ дѣлахъ можетъ возбуждаться очень часто. Отъ того или иного разрѣшенія его зависитъ сила и нерушимость самыхъ постановленій сельскихъ сходовъ. Для законности и дѣйствительности ихъ требуется, чтобы они исходили отъ установленнаго числа домохозяевъ. Въ однихъ случаяхъ, необходимо для этого большинство двухъ третей всѣхъ членовъ схода, въ другихъ—достаточно простаго большинства наличныхъ членовъ, явившихся въ числѣ не менѣе половины всѣхъ, числящихся въ обществѣ. Но какъ можетъ опредѣляться то или иное большинство, когда нѣтъ ясныхъ указаній о томъ, *кто именно* считается домохозяиномъ и какое именно число составляютъ лица, имѣющія въ данномъ обществѣ право на участіе въ сельскомъ сходѣ? Понятно, что, при неопредѣленности этихъ вопросовъ, могутъ возникать частыя вмѣшательства извнѣ во внутреннюю жизнь общества. Приговоры сходовъ могутъ свободно отмѣняться, и общественное крестьянское устройство и управленіе можетъ попадать въ положеніе шаткое, неустойчивое.

То обстоятельство, что въ ст. 47-ой говорится какъ бы только о представителяхъ мужскаго пола, какъ участникахъ схода («крестьяне-домохозяева»), само по себѣ не доказываетъ исключенія женщинъ изъ числа членовъ общественныхъ собраній. Въ законахъ гражданскихъ также говорится какъ бы только о мужчинахъ, могущихъ, напримѣръ, быть свидѣтелями при завѣщаніяхъ, потому что вездѣ употребляется слово «свидѣтель» и нѣтъ вовсе указаній относительно «свидѣтельницъ»; тѣмъ не менѣе, всѣми безъ разногласія признается, что законъ подразумѣваетъ здѣсь и женщинъ. Затѣмъ, сама по себѣ статья 47 Общаго Пол. 19-го февраля 1861 г. не установляетъ какихъ либо особыхъ требованій отъ участника схода, ибо, въ случаѣ отлучки, болѣзни и вообще невозможности лично явиться на сходъ, домохозяину предоставлялось присылать вмѣсто себя «*кого-либо* изъ членовъ своего семейства». Можно считать,

что въ выборѣ представителей въ подобныхъ случаяхъ домохозяинъ не стѣсненъ никакими требованіями, кромѣ тѣхъ естественныхъ условій, что замѣститель его долженъ обладать слухомъ, рѣчью, нормальными умственными способностями, и — согласно примѣчанію 2 къ ст. 47—не долженъ быть лишенъ всѣхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ или отданъ подъ надзоръ общества, по распоряженію судебныхъ мѣстъ. Вообще домохозяинъ, по Общему и по прочимъ положеніямъ 19 февраля 1861 г., есть членъ схода, какъ *представитель своего двора, являющагося, по смыслу закона, юридическимъ лицомъ*. Право это не присвоивается постоянно и во всѣхъ случаяхъ одному и тому же лицу, напримѣръ, мужчинѣ, главѣ семьи. Сходъ сельскаго общества, въ случаѣ неисправности въ платежахъ домохозяина, можетъ на основаніи ст. 188 Общаго Положенія, назначить «старшимъ въ домѣ другаго члена той же семьи». Приэтомъ, конечно, и участіе въ сходѣ переходитъ ко вновь назначенному домохозяину. Представительство все-таки остается *за членами того же двора*. Только лицо, имѣющее непосредственный интересъ въ дѣлахъ и отношеніяхъ даннаго двора, можетъ представлять этотъ дворъ, по Общему Положенію 19 февраля 1861 г. Оттого, въ своемъ рѣшеніи отъ 27 ноября 1886 г., сенатъ правильно высказалъ, что «временное устраненіе со схода (на основаніи п. 2 ст. 51 Общ. Пол.), подобно совершенному устраненію изъ среды общества, есть взысканіе *личное*, вслѣдствіе котораго крестьянскій дворъ, къ которому принадлежитъ устраненный, не лишается права прислать на сходъ другаго члена, на основаніи ст. 47». («Сборникъ рѣшеній правит. сената по крестьянскимъ дѣламъ», Горемыкина, стр. 397). Итакъ, взысканіе, налагаемое на естественнаго представителя крестьянскаго двора, есть личное, простирающееся лишь на того, на кого оно именно наложено; право же представлять интересы двора на сходѣ — въ существѣ своемъ, принадлежитъ не одному домохозяину, но всему двору, который лишь передаетъ это право своему старшему члену, если онъ лично способенъ къ тому, и замѣняетъ его другимъ членомъ, коль скоро способность принимать на себя подобныя права и обязанности утрачена первымъ въ силу постановленія схода о наложеніи на него взысканія, согласно пункту 2 ст. 51, которымъ именно предоставляется сходу «временное устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ, не долѣе, какъ на три года». По разъясненію сената, и здѣсь, какъ

въ случаяхъ назначенія новаго домохозяина вмѣсто неисправнаго въ платежахъ, представительство двора остается въ *средѣ его членовъ*, не передаваясь никакому постороннему лицу. Опять только членъ семьи можетъ заступить мѣсто устраненнаго. Съ этой стороны, не представляетъ ничего несообразнаго, съ юридической точки зрѣнія, право передачи домохозяиномъ своего участія въ сходѣ кому либо изъ членовъ своего семейства, въ случаѣ невозможности явиться на сходъ лично. Подобное право не пріобрѣтаетъ оттого характера *частнаго* гражданскаго права, передаваемаго общеустановленнымъ порядкомъ, и остается правомъ *публичнымъ*, общественнымъ, потому что оно и не было у *передающаго* личнымъ, исключительнымъ,—и *имѣлось* у *принимающаго*, какъ члена одного и того же семейства. Представительство *перемѣщается* лишь, и—для большаго удобства — по непосредственному распоряженію самого законнаго, прямаго представителя двора. Въ то же время, какъ видно, передача права въ подобныхъ случаяхъ не ограничивается никакимъ срокомъ. Какъ бы ни была продолжительна отлучка, болѣзнь или невозможность лично присутствовать на сходѣ, — право, переданное домохозяиномъ, не утрачивается у того, кто его пріобрѣлъ. И это опять вполнѣ послѣдовательно вытекало изъ положенія домохозяина, какъ представителя двора, и двора, какъ настоящаго субъекта права.

Женщины, очевидно, никакъ не могли быть исключаемы, — по закону, — изъ числа лицъ, могущихъ, по крайней мѣрѣ, заступать домохозяевъ, по порученію послѣднихъ.

Такъ представляется вопросъ въ теоріи. Но *на дѣлѣ*, иногда, подъ вліяніемъ распоряженій со стороны учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, женщины, даже въ качествѣ заступающихъ прямыхъ домохозяевъ, устранялись отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Не опираясь ни на какія основанія, подобное устраненіе доказывало общее правило о возможности примѣнять произвольно крестьянскіе законы. Тѣмъ легче было не признавать права женщины участвовать въ сходѣ не по препорученію отъ прямаго домохозяина, а *самостоятельно*, въ качествѣ лица, пользующагося земельнымъ надѣломъ и ведущаго хозяйство. Право такого участія, какъ видно, не признавалось прямо за женщиной означенною статьею; но оно также и не отвергалось ею, оставаясь лишь неопредѣленнымъ. Упомянутое же выше косвенное благопріятное указаніе могло быть безъ труда отвергаемо, какъ слишкомъ общее, уже съ самаго начала при-

веденія въ дѣйствіе положеній 19 февраля, въ особенности въ виду того, что помѣщикамъ, подъ именемъ правъ вотчинной полиціи, предоставлялось весьма широкое вліяніе на общественныя дѣла временно-обязанныхъ крестьянъ. Новымъ же положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, высочайше утвержденнымъ 22 ноября 1875 г., было постановлено: «Для устраненія затрудненій въ составленіи сельскихъ сходовъ въ указанномъ составѣ, по случаю продолжительной отлучки домохозяевъ, предоставить отлучающимся на полгода и болѣе домохозяевамъ, не имѣющимъ въ своей семьѣ лицъ, могущихъ, по ст. 47 Общ. Пол., замѣнить ихъ на сельскомъ сходѣ,—право передавать свой голосъ на сходѣ кому-либо изъ своихъ однообщественниковъ, съ тѣмъ, однако, чтобы никто изъ членовъ схода не имѣлъ на ономъ болѣе двухъ голосовъ: одного за себя и одного по уполномочію. О такой передачѣ голоса должно быть словесно объявлено въ волостномъ правленіи и записано въ особую книгу, указаннымъ въ ст. 91 порядкомъ». По изданію особаго приложенія къ т. IX (1876 г.) постановленіе это составило примѣчаніе 3 къ ст. 47. (Кстати сказать, настоящее постановленіе означено здѣсь состоявшимся 15 декабря 1875 г., тогда какъ оно утверждено именно 22 ноября 1875 г., и лишь распубликовано было при указѣ сената отъ 15 декабря).

Вліяніе, оказанное настоящимъ постановленіемъ на примѣненіе указанныхъ началъ 19 февраля 1861 г. (хотя и весьма неясно выраженныхъ), показываетъ, какъ не соотвѣтствуетъ ни свойству крестьянскихъ законовъ, ни условіямъ ихъ примѣненія, присоединеніе къ отдѣльнымъ статьямъ *цѣльныхъ узаконеній*—новыхъ частныхъ примѣчаній, съ цѣлью опредѣлить одну подробность изъ числа многихъ, выраженныхъ въ слишкомъ *общемъ* прежнемъ постановленіи,—вмѣсто послѣдовательной и *цѣльной* же переработки всѣхъ узаконеній, сюда относящихся. Само по себѣ, подлинное постановленіе 22-го ноября 1875 г. не вводило особо важныхъ измѣненій въ представительство на сходѣ крестьянскаго двора. Право домохозяина относительно передачи участія на сходѣ «кому либо» изъ членовъ своего семейства, по буквальному смыслу его, опять не подчинялось никакимъ правиламъ. Новое правило касалось лишь домохозяевъ,—«не имѣющихъ въ своей семьѣ лицъ, могущихъ, по ст. 47 Общ. Пол., замѣнить ихъ на сходѣ». Имѣющіе же кого-либо для подобной замѣны оставались въ сторонѣ. Статья 47-я оставалась неиз-

мѣнною. Постановленіе 22-го ноября 1875 года имѣло, очевидно, въ виду тотъ *частный* случай, когда у домохозяина не только не было кого-либо способнаго, по общимъ условіямъ, замѣнить его на сходѣ, въ случаѣ продолжительной отлучки, но еще, кромѣ того, когда въ данномъ обществѣ, вслѣдствіе сильнаго развитія отхожихъ промысловъ, не всегда могъ составиться сходъ въ надлежащемъ числѣ домохозяевъ («въ указанномъ составѣ»—говорилось въ постановленіи 22-го ноября 1875 г.—то есть, надо полагать, въ наибольшемъ числѣ, требуемомъ статьею 54 для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ,—въ числѣ двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ). Тамъ-же, гдѣ «затрудненій» подобнаго рода не возникало, тамъ, можно думать, и отлучающійся домохозяинъ могъ даже обходиться безъ всякой передачи своего голоса.

Что постановленіе 22-го ноября 1875 г. имѣло именно такой ограниченный смыслъ и частное значеніе—доказывается и порядкомъ его изданія. Именно оно состоялось въ исполнительномъ порядкѣ,—было поднесено на высочайшее утвержденіе прямо изъ главнаго комитета, а не передано предварительно въ общее собраніе государственнаго совѣта, что требовалось для дѣлъ законодательныхъ статьею 15 учрежденія комитета. Новое постановленіе не составляло закона, которымъ измѣнялось бы ст. 47, и потому оно было издано не въ законодательномъ порядкѣ. Но, хотя постановленіе 22-го ноября 1875 г., ни по юридическому существу своему, ни по порядку изданія, не вносило никакихъ измѣненій въ представительство крестьянскаго двора на сходѣ, тѣмъ не менѣе, въ особенности, какъ измѣненное при внесеніи въ особое приложеніе изд. 1876 г., оно могло породить гораздо большія послѣдствія, сравнительно съ тѣми, на которыя было разсчитано.—Практика закона на мѣстахъ обыкновенно не различаетъ постановленій, издаваемыхъ въ исполнительномъ и законодательномъ порядкѣ. Обыденная практика съ большимъ трудомъ и далеко не всегда отличаетъ отъ закона даже сенатскія рѣшенія и циркуляры исполнительныхъ властей. Все, что вносится въ Сводъ, принимается огромнымъ большинствомъ за законъ, безъ всякихъ исключеній. Обыденная практика не вникаетъ также въ сущность постановленія, въ общій его смыслъ, и не устанавливаетъ связи его съ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, юридически-неразвитое большинство способно принимать всякій законъ скорѣе въ смыслѣ устанавливаемыхъ имъ ограниченій, нежели въ духѣ предоста-

вляемой имъ свободы дѣятельности. То, что не запрещено, далеко не признается дозволеннымъ, и всякое новое постановленіе легко принимается за запрещеніе. Въ особенности же такова практика крестьянскихъ законовъ, по условіямъ той темной среды, въ которой они примѣняются, и по неудовлетворительности мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

При такихъ же условіяхъ, постановленіе 22-го ноября могло быть понято—и, дѣйствительно, было понято въ одной губерніи—далеко не въ истинномъ своемъ смыслѣ. И прежде того право домохозяина посылать на сходъ кого-либо изъ членовъ своего семейства возбуждало здѣсь разныя сомнѣнія и сталкивалось съ ограниченіями. И передъ тѣмъ женщина нерѣдко не допускалась къ участію на сходѣ даже въ качествѣ замѣстительницы своего мужа. Новое постановленіе, имѣя въ виду домохозяевъ *семейныхъ*, говорило о случаяхъ, когда у нихъ *не было*, однако, въ семьяхъ лицъ, могущихъ, по ст. 47 Общ. Пол., замѣнить ихъ. Значитъ,—выводилось отсюда—далеко *не всѣ* члены семьи могутъ замѣнять домохозяина на сходѣ. Стали предполагать, что для этого они должны удовлетворять извѣстнымъ условіямъ, и условія эти начали представляться еще болѣе строгими и ограничительными, чѣмъ это вытекало изъ буквальнаго смысла ст. 47-ой. Гораздо чаще стали признавать, между прочимъ, что женщина,—хотя бы и жена домохозяина—не можетъ замѣнять его на сходѣ. Сильнѣе и сильнѣе начало развиваться требованіе, чтобы отлучающійся домохозяинъ передавалъ всегда свой голосъ однообщественнику, то-есть, такому же полноправному домохозяину. Въ средѣ самихъ обществъ являлись лица, заинтересованныя въ такомъ толкованіи относящихся сюда опредѣленій. Многимъ стало выгодно принимать на себя порученія отлучающихся объ участіи за нихъ на сходѣ. Ибо такимъ образомъ, съ одной стороны, пріобрѣталось усиленное вліяніе на общественныя дѣла; съ другой же,—получалось вознагражденіе за исполненіе подобнаго, нимало не отяготительнаго порученія. Вознагражденіе это достигало мѣстами до семи-восьми рублей и составляло весьма выгодный и пріятный заработокъ. Отсюда и стали возникать весьма уродливыя явленія. Отлучающійся домохозяинъ чаще и чаще оказывался въ необходимости, помимо членовъ своего семейства, передавать свой голосъ: или постороннему лицу, которое предполагало воспользоваться имъ ради своекорыстныхъ разсчетовъ, за небольшое вознагражденіе, или

за болѣе значительное вознагражденіе другому, кто, съ своей стороны, не предполагалъ торговать на сходѣ чужимъ голосомъ и не соглашался, однако, оказывать даромъ извѣстную услугу. Бывали даже такіе случаи, когда жена домохозяина, отлучавшагося безъ передачи голоса, не допускалась къ непосредственной замѣнѣ его на сходѣ, но и ей предоставлялось—«нанять» для этого однообщественника. Передача участія на сходѣ превратились изъ публичнаго права, принадлежащаго домохозяину, лишь какъ представителю двора,—въ тягостную обязанность, возложенную лично на домохозяина, въ полное противорѣчіе съ дѣйствительнымъ своимъ значеніемъ. Приэтомъ проигрывали частныя лица, терпѣли интересы двора, нарушались выгоды и пользы общественныя, и—выигрывали немногіе члены сельскихъ сходовъ.

Условія примѣненія крестьянскихъ законовъ почти одинаковы въ разныхъ губерніяхъ, а потому, и настоящія явленія, замѣченныя въ одной губерніи, безъ сомнѣнія, сплошь да рядомъ повторяются во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ.

Вообще, вопросъ объ участіи на сходѣ крестьянской женщины, не разрѣшаясь прямымъ закономъ, еще болѣе былъ запутанъ практикою низшихъ учрежденій. Въ то же время, для рѣшенія этого вопроса, невозможно было прибѣгать и къ общему смыслу законовъ, къ *общему духу* законодательства, ибо ст. 65 Законовъ Основныхъ,—предписывая, въ огражденіе отъ произвольнаго примѣненія законовъ, руководствоваться *буквальнымъ* ихъ смысломъ,—во второй части допускаетъ разрѣшать дѣла по общему духу законовъ только весьма рѣдко, въ исключительныхъ, строго опредѣленныхъ, случаяхъ. Это возможно только тогда, когда извѣстный предметъ опредѣляется двумя или нѣсколькими постановленіями, между собою противорѣчащими, неясными. Нельзя, напротивъ, обращаться къ общему духу законодательства тогда, когда на какой-либо предметъ вовсе нѣтъ закона, когда онъ совсѣмъ непредусмотрѣнъ. Вопросъ, возникающій при такихъ условіяхъ, долженъ признаваться неразрѣшимымъ обыкновеннымъ путемъ, въ *исполнительномъ* порядкѣ, и требуетъ законодательнаго вмѣшательства. Въ данномъ случаѣ, кромѣ того, безполезно и прибѣгать къ общему духу законодательства, даже еслибы это было правильно, потому что и такимъ путемъ нельзя вывести строго опредѣленныхъ заключеній. Гдѣ, въ какихъ частяхъ законодательства слѣдовало бы разыскивать нужныхъ указаній? Не явился ли

бы отвѣтъ результатомъ соображеній, вызванныхъ лишь обстоятельствами даннаго частнаго случая? Не пришлось ли бы мѣнять заключенія при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ другаго частнаго случая? Притомъ же вопросъ этотъ неразрывно связанъ съ вопросомъ *о правахъ крестьянской женщины на надѣльную землю*, — а этотъ вопросъ представляется столь же неопредѣленнымъ и также неразрѣшимымъ обыкновеннымъ путемъ, помимо того, что крестьянскія отношенія вообще опредѣлены закономъ слишкомъ недостаточно.

Однако, несмотря на отсутствіе прямаго закона по этому предмету, сенатъ принялъ на себя разрѣшеніе нѣсколькихъ случаевъ. Приэтомъ естественно получились заключенія, не только не убѣдительныя, но и противорѣчащія одно другому.

II.

Изъ числа рѣшеній, сдѣлавшихся извѣстными, благодаря изданію сборниковъ сенатскихъ разъясненій по крестьянскимъ дѣламъ, гг. Данилова и Горемыкина,—первымъ и основнымъ рѣшеніемъ является рѣшеніе отъ 13 іюня 1878 г. по дѣлу Тифановой. Рѣшеніе это въ высшей степени любопытно. По дѣлу Тифановой высказался цѣлый рядъ учрежденій. Обнаружилось слишкомъ рѣдкое для мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ стремленіе — по возможности правильно понять законъ, проникнуть въ его настоящій смыслъ, дабы именно согласно съ закономъ разрѣшить данныя отношенія. Заинтересованныя стороны также выказываютъ рѣдкую энергію. Дѣло проводится черезъ всѣ обыкновенныя инстанціи. (Оно не вносится только, къ сожалѣнію, въ чрезвычайную инстанцію, — въ коммисію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, откуда оно могло бы быть направлено въ первое общее собраніе сената, изъ котораго, еслибы здѣсь встрѣтилось разногласіе, могло бы перейти въ государственный совѣтъ, и получить, наконецъ, законодательное разрѣшеніе, въ которомъ именно нуждался этотъ вопросъ). Крестьянка Тифанова и ея сельское общество не уступаютъ другъ другу. Каждая сторона упорно стоитъ на своемъ, и — обращаясь къ закону, основывая въ немъ свои права,—дѣйствуютъ съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. Законъ не можетъ стоять одновременно на сторонѣ Тифановой и ея общества. Но крайняя неопре-

дѣленность закона допускаетъ обосновываніе на немъ совершенно противоположныхъ интересовъ именно съ видомъ правоты и согласія съ законными требованіями. При такихъ же условіяхъ, самый вопросъ исчерпывается довольно обстоятельно, хотя и не разрѣшается, ибо, — какъ сказано выше, — обыкновеннымъ путемъ, въ исполнительномъ порядкѣ, онъ и *не можетъ быть разрѣшенъ*, вслѣдствіе недостаточности указаній со стороны закона. Настоящее опредѣленіе сената,—какъ оно излагается съ обстоятельствами дѣла въ сборникѣ рѣшеній за 1861—1879, г. Данилова,—состоитъ въ слѣдующемъ (стр. 211):

Крестьянская вдова Нижнеборецкаго общества, Кургоминской волости, Аксинья *Тифанова* жаловалась мировому посреднику 2 участка Шенкурскаго уѣзда на свое сельское общество, которое отказываетъ ей какъ въ выдѣлѣ въ частную собственность земли на два душевыхъ надѣла, оставшихся послѣ смерти ея мужа и сына, за которые она внесла въ казначейство выкупные платежи въ 1861 г., такъ и въ пользованіи тѣми участками, съ насѣяннымъ озимовымъ руномъ, лишая ее чрезъ это, съ двумя дочерьми, средствъ къ пропитанію. Разсматривая это дѣло, мировой посредникъ принялъ въ соображеніе: 1) что нѣтъ въ виду закона, который предоставлялъ бы женщинамъ право выкупать поступившія въ надѣлъ общественныя земли, такъ какъ самый надѣлъ произведенъ только по числу душъ мужскаго пола; 2) что по наслѣдству можетъ переходить только имущество, принадлежащее умершему въ собственность, а какъ мужъ и сынъ просительницы не имѣли права собстеенности на состоявшій въ ихъ пользованіи земельный участокъ, а владѣли имъ, какъ члены общества, на основаніи надѣла по уставной грамотѣ, данной на все общество, — то участокъ этотъ переходу по наслѣдству подлежать не можетъ, ибо собственникомъ его считается все мірское общество; 3) что, поэтому, общество вправѣ отказать просительницѣ въ выдѣлѣ участка, не только въ частную собственность, но и въ пользованіе. Въ виду вышеизложеннаго и на основаніи ст. 23 полож. о кр. учр., мировой посредникъ постановилъ: ходатайство просительницы Тифановой о выдѣлѣ ей въ частную собственность земельнаго участка оставить безъ послѣдствій. Что-же касается посѣяннаго просительницею озимоваго руна и вывезеннаго подъ яровое навоза, то такъ какъ эти предметы составляютъ ея частную собственность, то общество невправѣ отнимать ихъ у нея и пере-

давать другимъ крестьянамъ, безъ ея согласія. Относительно же обезпеченія пропитаніемъ семейства просительницы, законъ обязываетъ общество давать это обезпеченіе вообще лицамъ, не могущимъ снискивать себѣ пропитанія и не имѣющимъ къ тому никакой возможности; поэтому, просительница можетъ просить о семъ общество.

Крестьянка Тифанова обжаловала это рѣшеніе мировому съѣзду, объясняя, между прочимъ, что общество вправѣ отобрать участокъ отъ отдѣльнаго домохозяина только въ такомъ случаѣ, когда владѣющій землею окажется неисправнымъ плательщикомъ податей и повинностей (ст. 188 Общ. Пол.), или оставить за собою, когда послѣ умершаго домохозяина не останется никакихъ наслѣдниковъ. Отказъ посредника какъ въ выдѣлѣ, такъ и въ пользованіи участкомъ земли, оставшимся послѣ смерти ея мужа и сына, неосновательенъ, потому что она владѣла таковымъ болѣе 10 лѣтъ и *считалась по обществу домохозяйкой*, управляя сама хозяйствомъ. Ежели нѣтъ въ виду закона, которымъ бы предоставлялся женщинамъ выкупъ земли, то точно также нѣтъ и закона, который воспрещалъ бы имъ выкупать земли, чрезъ взносъ въ казначейство соотвѣтствующей суммы.

Мировой съѣздъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что ходатайство Тифановой о выдѣлѣ изъ общественной въ частную собственность земельнаго участка на два душевыхъ надѣла, а также и о правѣ пользованія имъ въ общемъ владѣніи, основано на правѣ наслѣдованія послѣ умершаго мужа и сына; но, принимая во вниманіе 160 ст. пол. о вык. и 113 ст. пол. мѣстн., слѣдуетъ считать общественныя земли собственностью всего общества, и на нихъ не можетъ быть распространено право частнаго семейнаго наслѣдства, за исключеніемъ земель подворныхъ или усадебныхъ, которыя считаются собственностью двора, по ст. 110 мѣстн. пол. Въ силу этого закона, общество считается собственникомъ общественныхъ земель и имѣетъ право общаго пользованія и разверстки между своими членами, согласно 51 ст. Общ. Пол. и 160 ст. пол. о вык. Хотя, по ст. 165 пол. о вык., разрѣшается отдѣльнымъ домохозяевамъ выкупать земельные участки въ собственность, но подъ словомъ «домохозяевамъ» слѣдуетъ понимать *одно мужское народонаселеніе*, по числу душъ котораго общества надѣлены землями по уставнымъ грамотамъ. Здѣсь неминуемо затрогивается вопросъ о *равноправности* половъ крестьянскаго народонаселенія. По существующей системѣ, государство,

призывая *мужское* народонаселеніе къ отбыванію разныхъ государственныхъ повинностей, натуральныхъ и денежныхъ, предоставляетъ этому народонаселенію способы къ отбыванію повинностей и право на самоуправленіе, разсчитываясь съ обществомъ посредствомъ мужскихъ душъ подъ круговою порукою; *женское же народонаселеніе не призывается къ отбыванію никакихъ повинностей*, но зато и не предоставлено ему никакого участія въ общественномъ управленіи и пользованіи общественными угодьями. Отсюда истекаетъ неравноправность женскаго народонаселенія, по отношенію къ мужскому, какъ по самоуправленію, такъ и въ пользованіи общественными угодьями, за исключеніемъ правъ семейныхъ и права частнаго наслѣдства. При существующей подушной податной системѣ, допущеніе женщинъ до выкупа земель въ собственность неминуемо повлечетъ за собою разстройство не только этой системы относительно круговаго ручательства, которое обезпечивается землями, но и лишитъ мужское народонаселеніе полнаго обезпеченія его быта и исполненія обязанностей передъ правительствомъ. По праву семейнаго представленія, Тифанова съ дочерьми могла бы имѣть право на землю по наслѣдству послѣ мужа и сына, *когда бы* послѣдніе при жизни воспользовались правомъ, предоставленнымъ 165 ст. пол. о вык., или когда бы общественныя земли были раздѣлены обществомъ на подворные участки, согласно 115 ст. мѣстн. полож. Но какъ мужъ и сынъ жалобщицы не воспользовались при жизни выдѣломъ участка, а въ обществѣ не существуетъ подворнаго участковаго раздѣла земель, то Тифанова съ дочерьми не имѣетъ никакого права ни на выдѣлъ, ни на пользованіе общественными землями, безъ согласія общества. На этомъ основаніи, мировой съѣздъ опредѣлилъ: въ просьбѣ Тифановой—*отказать*.

Это рѣшеніе Тифанова обжаловала архангельскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, чрезъ повѣреннаго своего, крестьянина Ивана Никитина, который просилъ о возложеніи на общество обязанности — предоставить его вѣрительницѣ на выкупъ два душевые участка послѣ умершихъ ея мужа и сына, за внесенную выкупную сумму, согласно 165 ст. пол. о вык., и о воспрещеніи обществу отбирать изъ пользованія Тифановой тѣ участки, такъ какъ она владѣетъ ими болѣе 10-ти лѣтъ.

Губернское присутствіе, разсмотрѣвъ 8 октября 1876 г. настоящее дѣло, нашло, что надѣлъ крестьянъ землею по уставнымъ грамотамъ

произведенъ лишь на *ревизскія мужскія души*, а потому всѣ законы, опредѣляющіе права членовъ общества на выкупъ земли и обязанности самыхъ обществъ въ предоставленіи членамъ надѣловъ, *относятся лишь до крестьянъ мужчинъ*; женщинамъ же, хотя не воспрещается пріобрѣтать себѣ въ собственность земли, но не иначе, какъ по добровольнымъ сдѣлкамъ съ лицами собственниками или обществами, а не по праву на надѣлъ и не по обязанности обществъ отводить его женщинамъ. Соображенія просителя, въ подкрѣпленіе своего ходатайства, не имѣютъ никакихъ законныхъ основаній. Онъ приводитъ право на землю по наслѣдству. Но наслѣдовать можно только собственность умершаго, а не чужое имущество, бывшее лишь въ пользованіи. Право же собственности на участки мужа и сына довѣрительницы просителя всегда состояло и состоитъ за обществомъ, которому земли даны въ надѣлъ, а не за ними, такъ какъ они участковъ тѣхъ не выкупили и общество раздѣла на подворные и наслѣдственные участки (ст. 163 пол. о вык. и 115 ст. мѣстн. пол.) не производило; слѣдовательно, мужъ и сынъ только временно пользовались участками по разверсткѣ общества, которое всегда имѣло право, съ согласія домохозяевъ, измѣнить порядокъ пользованія (ст. 160). Указаніе просителя на 1 п. 169 ст. совершенно неумѣстно, такъ какъ въ ней говорится объ участкахъ, пріобрѣтенныхъ въ *личную собственность* отдѣльныхъ крестьянъ, а *не о землѣ общественной*; объ отчужденіи же послѣдней говорится въ ст. 162. Затѣмъ,—разсуждало присутствіе—указаніе просителя, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ и *женщины привлекаются къ исполненію повинностей*, не имѣетъ никакого значенія въ вопросѣ объ обязанности обществъ надѣлять женщинъ землею,—такъ какъ если женщины и исправляютъ иногда повинности, то лишь *вслѣдствіе пользованія землею, по добровольному согласію съ обществомъ, и притомъ повинности не за себя, а за мужскія души;* значитъ, это исполненіе имѣетъ видъ *вознагражденія* за предоставленіе въ пользованіе земли, а не выражаетъ обязанности женщинъ нести повинности, которыхъ законъ на нихъ не возлагаетъ. Ссылка просителя, что его *вѣрительница числилась домохозяиномъ въ обществѣ, съ правомъ голоса на сходѣ, участвовала въ выборахъ и сужденіяхъ* показываетъ только незаконность дѣйствій должностныхъ лицъ Кургоминской волости, но не можетъ укрѣпить за его вѣрительницею тѣхъ правъ, которыхъ ей законъ не предоставилъ.

Указаніе просительницы на 10-лѣтнюю давность и на самовольное отобраніе обществомъ земли, съ подборомъ разныхъ статей закона и кассаціонныхъ рѣшеній прав. сената, не имѣетъ къ настоящему случаю никакого отношенія: во 1), потому что для закрѣпленія имущества по давности надо владѣть имъ на правѣ собственности, а не по предоставленію отъ хозяина имущества, какъ въ данномъ случаѣ, когда земля была предоставлена отъ общества *только въ пользованіе*, а *не въ собственность* вѣрительницы или ея мужа, по общественному раздѣлу; во 2), всякое фактическое владѣніе, хотя и неправильное, охраняется закономъ за владѣльцемъ до отчужденія въ такомъ только случаѣ, если права сторонъ на имущество подлежатъ судебному разбирательству; настоящее же дѣло не составляетъ тяжбы Тифановой съ обществомъ о правѣ собственности на землю, а только—вопросъ объ обязательномъ для обществъ правѣ женщинъ выкупать надѣлы ихъ умершихъ мужей или односемьянъ,—вопросъ, подлежащій разрѣшенію не судебныхъ, а административныхъ учрежденій, которыя никакихъ имуществъ не отчуждаютъ, а указываютъ только порядокъ законнаго ими пользованія, и въ 3), здѣсь нѣтъ со стороны общества ничего самовольнаго въ преступномъ значеніи этого слова, такъ какъ общество не нарушило ни въ чемъ правъ вѣрительницы, распоряжаясь землею, какъ своимъ достояніемъ, на основаніи 37 и 34 стт. Общ. Пол., и изъ обстоятельствъ дѣла не видно, чтобы оно, предоставляя вѣрительницѣ пользованіе, ограничило себя срокомъ или какими либо другими условіями на возвращеніе земли; слѣдовательно, могло распоряжаться ею во всякое время и безъ всякихъ разрѣшеній со стороны какой либо власти, такъ какъ законъ не предоставляетъ никакому учрежденію завѣдыванія общественною землею. На этомъ основаніи, губернское присутствіе, въ свою очередь, опредѣлило: жалобу Никитина *оставить безъ послѣдствій.*

На это постановленіе губернскаго присутствія энергическая крестьянка принесла правительствующему сенату жалобу, по выслушаніи которой, сенатъ, указомъ отъ 28 февраля 1878 года, за № 9998, предписалъ архангельскому губернатору доставить свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо заявленіе Тифановой о взносѣ ею въ 1866 г. выкупныхъ платежей, и о томъ, спорило ли при этомъ сельское общество о правахъ Тифановой на означенные надѣлы. Во исполненіе этого указа сената, губернаторъ, при рапортѣ отъ 12 мая 1876 г., за № 517, представилъ квитанцію шенкурскаго казначей-

ства во вносѣ крестьянкою Тифановою, въ 1866 г., денегъ за выкупаемые ею два душевые надѣла земли и приговоръ нижнеборецкаго сельскаго общества, отъ 20 апрѣля 1878 г., въ которомъ общество, между прочимъ, объясняетъ: 1) что означенныя деньги внесены Тифановою въ казну безъ вѣдома о томъ сельскаго схода; 2) что объ отказѣ ей въ выдѣлѣ тѣхъ участковъ въ собственность приговора составлено не было, и 3) что крестьяне землю Тифановой пустили въ общій раздѣлъ общества и она по сіе время получаетъ съ нихъ обратно изъ внесенныхъ ею выкупныхъ платежей причитающуюся часть. Разсмотрѣвъ изложенное, сенатъ нашелъ, что крестьянская вдова Тифанова жаловалась шенкурскому мировому съѣзду на отказъ нижнеборецкаго сельскаго общества: во 1), въ выдѣлѣ ей въ собственность земли на два душевыхъ надѣла, оставшихся послѣ смерти ея мужа и сына, за которые она внесла въ казначейство выкупные платежи въ 1866 г., и во 2), въ пользованіи означенными участками. По первой части жалобы Тифановой, изъ доставленныхъ архангельскимъ губернаторомъ свѣдѣній обнаруживается, что взносъ денегъ Тифановой въ казначейство за выкупаемые надѣлы былъ совершенъ безъ вѣдома общества, а, слѣдовательно, безъ соблюденія установленныхъ на сей предметъ правилъ въ 165 ст. и дополнительномъ примѣч. къ ней по прод. 1869 г. пол. о вык., и потому жалоба просительницы относительно послѣдовавшаго затѣмъ отказа общества въ выдѣлѣ ей земли, въ виду указаннаго съ ея стороны упущенія, не заслуживаетъ уваженія, причемъ отъ Тифановой не отъемлется осуществленіе права выкупа, по исполненіи въ точности означенныхъ законоположеній. Что же касается права Тифановой на пользованіе означенными участками, то, принимая во вниманіе, что просительница со смерти мужа и сына, *въ теченіе десяти лѣтъ*, владѣла тою землею *безъ всякаго спора со стороны общества, отбывая исправно всѣ падавшія на землю повинности, и даже,* по объясненію просительницы, не опровергнутому по дѣлу, *участвуя въ собраніяхъ схода наравнѣ съ прочими домохозяевами;* что, по точной силѣ 6 п. 188 ст. Общ. Полож., общество можетъ отобрать надѣлъ отъ домохозяина лишь въ случаѣ неисправности его въ платежѣ податей и повинностей, и что *положенія о крестьянахъ допускаютъ участіе женщинъ въ качествѣ домохозяевъ (см. 110 ст. мѣстн. полож.),* равно предоставляютъ принимать во вниманіе существующіе *мѣстные у крестьянъ обычаи (38, 47 и 107 ст. Общ. Полож., и*

110 ст. мѣстн. пол.), на основаніи которыхъ Тифанова и могла быть терпима въ обществѣ, какъ домохозяйка, за смертью лицъ мужскаго пола въ ея семействѣ,—правительствующій сенатъ призналъ распоряженіе сельскаго общества, неоформленное притомъ надлежащимъ приговоромъ объ изъятіи изъ пользованія Тифановой находившихся у нея въ теченіе многихъ лѣтъ двухъ надѣловъ,—несогласнымъ съ приведенными указаніями. На этомъ же основаніи, признавая, что шенкурскій мировой съѣздъ, не обративъ вниманія на изложенное, а архангельское губернское по кр. дѣл. присутствіе, оставивъ опредѣленіе мироваго съѣзда въ силѣ, поступили неправильно, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: постановленіе архангельскаго губернскаго по кр. дѣл. присутствія,—въ чемъ оно съ вышеизложеннымъ несогласно,—отмѣнить, предписавъ губернскому присутствію постановить новое опредѣленіе, не стѣсняясь прежнимъ.

III.

Таковъ этотъ знаменательный указъ сената отъ 13 іюня 1878 года. Г. Даниловъ, приводя его подъ ст. 47 Общаго Положенія своего изданія, дѣлаетъ изъ него слѣдующій выводъ: «Положенія о крестьянахъ допускаютъ *участіе женщинъ*, въ качествѣ домохозяевъ, *въ пользованіи землею* и въ отбываніи за нее повинностей, допускаютъ и *присутствіе ихъ на сходахъ съ правомъ голоса, наравнѣ съ мужскимъ населеніемъ*».—Едвали, однако, можно сдѣлать подобный выводъ изъ приведеннаго рѣшенія въ томъ смыслѣ, чтобы сенатъ извлекъ именно *изъ закона* такія права крестьянской женщины. Смыслъ этихъ словъ совершенно иной. Сенатъ вовсе не опровергнулъ тѣхъ ссылокъ на законъ, которыя сдѣланы были въ настоящемъ дѣлѣ въ пользу сельскаго общества, равно не подкрѣпилъ указаній на законы, сдѣланныхъ Тифановою. Да сенатъ и не кладетъ законовъ въ основаніе своего заключенія. Онъ полагаетъ возможнымъ разрѣшить дѣло *по обычаю*. Сенатъ полагаетъ именно, что законъ допускаетъ здѣсь дѣйствіе обычая. Признавая неправильнымъ распоряженіе сельскаго общества, не оформленное притомъ надлежащихъ приговоромъ, сенатъ указываетъ лишь на *фактъ* пользованія женщиною правами полнаго домохозяина,—но въ то же время не высказывается вовсе о *законности*

такого факта. Ссылаясь же на статьи 38, 47, 107 Общаго Положенія и на ст. 110 мѣстнаго положенія губерній великороссійскихъ, сенатъ употребляетъ даже выраженіе, что именно на основаніи *обычаевъ*, указываемыхъ въ означенныхъ статьяхъ, Тифанова—«могла быть *терпима* въ обществѣ, какъ домохозяйка, за смертью лицъ мужскаго пола въ ея семействѣ». То, что Тифанова владѣла землею безъ всякаго спора со стороны общества больше десяти лѣтъ на правахъ полнаго домохозяина, признано доказательствомъ, *удостовѣреніемъ* обычая, существовавшаго въ данномъ сельскомъ обществѣ. Еслибы, слѣдовательно, споръ зашелъ вначалѣ пользованія Тифановою правами домохозяина, то сенатъ могъ бы не признать обычая удостовѣреннымъ и отвергнуть притязанія просительницы. Точно также сенатъ отвергъ бы ея притязанія и въ томъ случаѣ, еслибы было доказано, что она *не была терпима* въ обществѣ, то-есть, что обычай въ пользу женщинъ здѣсь не сложился.

Что сенатъ основалъ настоящее свое опредѣленіе *на обычаѣ, а не на законѣ*, признавъ, что дѣла этого рода должны разрѣшаться именно такимъ образомъ,—доказательствомъ служитъ, кромѣ существа рѣшенія, также и слѣдующее за первымъ, второе рѣшеніе по однородному дѣлу крестьянки Суковатиковой, вынесенное 26 марта 1881 г. («Сборникъ рѣшеній сената по крестьянскимъ дѣламъ, за 1879—1882 г.», изд. Данилова, стр. 295).—Подобно Тифановой, крестьянка Вологодской губерніи, села Кубенскаго, Суковатикова, внесла было 200 рублей для выкупа двухъ душевыхъ надѣловъ земли, оставшихся послѣ ея умершаго мужа. Между тѣмъ, общество названнаго села дало отзывъ, что на надѣлы эти «она права не имѣетъ» и—составило приговоръ объ отобраніи отъ нея земли. Мѣстное уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, однако, отмѣнило этотъ приговоръ. Въ свою очередь, и губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе признало за Суковатиковою право на выкупъ мужниныхъ надѣловъ земли. Тогда кубенское сельское общество принесло по настоящему дѣлу жалобу въ сенатъ.—Еслибы сенатъ разрѣшалъ дѣло Тифановой на основаніи закона, имѣющаго повсемѣстно одинаковую силу, то, конечно, и здѣсь притязаніе Суковитиковой было бы признано имъ правильнымъ, а распоряженіе сельскаго общества было бы объявлено неосновательнымъ. Вмѣсто же того, сенатъ высказалъ, что — «крестьянка Суковатикова, *до признанія*

за нею кубенскимъ сельскимъ сходомъ права на состоявшіе въ пользованіи ея мужа два полевыхъ надѣла земли, не могла выкупать тѣ надѣлы единовременнымъ взносомъ въ казначейство, такъ какъ, на основаніи 6 п. 51 ст. Общ. Пол., *отъ сельскаго схода* зависѣло оставить означенные надѣлы въ ея пользованіи или же предоставить таковые въ пользованіе другаго члена общества, по бездѣтности Суковатиковой». Итакъ, въ первомъ рѣшеніи права женщины признаны, во второмъ отвергнуты. Притомъ, то обстоятельство, что Суковатикова была бездѣтна, а у Тифановой были двѣ дочери, вовсе не объясняетъ втораго рѣшенія. Въ соображеніяхъ сената по дѣлу Тифановой совсѣмъ не говорится о томъ, что она обременена дѣтьми. Во всѣхъ послѣдующихъ рѣшеніяхъ вопросъ также разрѣшается безотносительно къ тому, есть или нѣтъ дѣти у данной женщины. Въ одномъ изъ этихъ, указываемыхъ ниже, рѣшеній (по дѣлу Кулимановой) признаются права на землю за женщиною, у которой нѣтъ сыновей. Вообще, какъ это и надлежитъ, сенатъ вездѣ ставитъ вопросъ принципіально,—имѣютъ ли женщины вообще права на землю. Такая же, а не иная постановка дается вопросу и въ дѣлѣ Суковатиковой, и бездѣтность ея не имѣетъ существеннаго значенія.

Съ принципіальной точки зрѣнія, казалось бы, что рѣшенія по дѣлу Тифановой и Суковатиковой противорѣчатъ одно другому. На самомъ же дѣлѣ, противорѣчія нѣтъ. То и другое рѣшеніе вполнѣ между собою согласны,—потому что оба рѣшенія сенатъ основалъ *на обычаѣ*, оба раза полагая, что обычай, а не законъ долженъ служить тутъ руководствомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ сенатъ какъ бы одинаково заключилъ, что *женщина имѣетъ право на землю, если это допускаетъ обычай, и не имѣетъ, если онъ не предоставляетъ ей такого права.* Для заинтересованныхъ же женщинъ то и другое рѣшеніе получило совершенно *различное* значеніе потому, что въ обстоятельствахъ перваго дѣла сенатъ усмотрѣлъ существованіе обычая, благопріятнаго для женщины; во второмъ же случаѣ, обычай представился совершенно невыясненнымъ,—и сенатъ, въ концѣ концовъ, дѣйствуя въ качествѣ кассаціонной инстанціи, т. е., не дѣлая постановленій по существу и не производя повѣрки существованія или отсутствія того или иного обычая, предоставилъ сельскому сходу—разрѣшить дѣло согласно выработавшимся въ немъ порядкамъ. Общество же, конечно, сохранило

свое первоначальное распоряженіе и не признало за женщиною права на землю.

Можно ли, однако, думать, что отсутствіе прямыхъ указаній въ законѣ по настоящему предмету,—въ особенности же по вопросу объ участіи женщины въ дѣлахъ сельскаго схода,—означало предоставленіе *обычаю* опредѣлять таковое участіе, и признавать или отвергать его? Едвали. Рѣчь идетъ здѣсь о предметѣ слишкомъ большой важности. Отъ обычая здѣсь ставилось бы въ зависимость все *сельское общественное устройство* крестьянъ въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ отношеній. Съ тѣмъ вмѣстѣ, обычаемъ опредѣлялись бы *личныя и по состоянію права женщины*. Правда, Общее Положеніе и допускаетъ дѣйствіе обычая не въ однихъ частныхъ имущественныхъ отношеніяхъ: обычаю предоставлено также дѣйствовать и на нѣкоторыя публичныя отношенія, напримѣръ, на отвѣтственность за преступленія и проступки. Но всетаки эти отношенія не представляются столь же важными, какъ личныя и по состоянію права женщины. Послѣднія еще болѣе нуждаются въ опредѣленіи ихъ именно закономъ, въ предупрежденіе всякаго произвола и различій въ положеніи женщины, не опирающихся на достаточныя основанія. Наконецъ, еслибы столь важныя отношенія ставились закономъ въ зависимость отъ одного обычая, то объ этомъ и было бы прямо упомянуто, подобно тому, какъ упомянуто въ той же ст. 47, что отъ многотягольнаго двора можетъ присутствовать на сходѣ и нѣсколько членовъ,—«если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ». *Молчаніе закона можетъ быть признано въ данномъ случаѣ лишь доказательствомъ его недостаточности и необходимости восполненія.* Скорѣе именно *законъ* допускаетъ женщинъ къ участію въ сельскомъ сходѣ и къ пользованію бщинною землею, наравнѣ съ мужскимъ населеніемъ, отнюдь не ставя ихъ въ зависимость отъ неяснаго, измѣнчиваго обычая, неодинаковаго въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ и могущаго примѣняться совершенно произвольно. Чувство справедливости нарушалось бы одинаково, еслибъ, при совершенно равныхъ условіяхъ, за одною женщиною извѣстное право признавалось, притязанія же другой—отвергались. Такъ, и по настоящему вопросу можетъ быть только *одинъ* отвѣтъ: или и Тифанова, и Суковатикова имѣютъ извѣстныя права, или же обѣ эти женщины предъявляютъ неправильныя притязанія, и противящіяся имъ общества, наоборотъ, правы. Тифанова и Суковатикова принадлежатъ къ разнымъ губерніямъ. Не болѣе ли на-

стоятельнымъ представился бы утвердительный отвѣтъ касательно ихъ правъ, еслибы онѣ принадлежали къ сосѣднимъ смежнымъ сельскимъ обществамъ одной и той же губерніи, уѣзда, волости?...

IV.

Въ тѣхъ послѣдующихъ рѣшеніяхъ, которыя напечатаны въ трехъ сборникахъ гг. Данилова и Горемыкина, нѣтъ ни одного новаго рѣшенія, съ разъясненіемъ вопроса собственно о правѣ участія женщины въ сельскомъ сходѣ. Но есть нѣсколько рѣшеній по вопросу о правахъ женщины на надѣльную землю, то есть, по тому же вопросу, который разрѣшался въ дѣлѣ Суковатиковой. А такъ какъ и въ дѣлѣ Тифановой вопросъ этотъ разрѣшался нераздѣльно съ вопросомъ объ участіи въ сельскомъ сходѣ, то можно считать, что то или иное рѣшеніе вопроса о поземельныхъ правахъ женщины до нѣкоторой степени опредѣляетъ и ея права на участіе въ дѣлахъ общества. Въ самомъ дѣлѣ, хотя законъ не указываетъ, кто именно можетъ почитаться домохозяиномъ, должно ли для этого имѣть не только усадебную, но и пахотную землю и вести самостоятельное хозяйство,—но, во всякомъ случаѣ, легче могутъ быть признаны права женщины на участіе въ сельскомъ сходѣ, если она владѣетъ полными надѣлами и ведетъ хозяйство, чѣмъ когда рѣчь идетъ о бобылкѣ. По крайней мѣрѣ, права мужчины, владѣющаго одною усадьбою, не разъ подвергались сомнѣніямъ,—тогда какъ права крестьянина, пользующагося и пахотною землею, всегда признавались безспорными.

Какъ видно, тотъ и другой вопросъ въ дѣлахъ Тифановой и Суковатиковой оставлены въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, сенатъ, въ двухъ послѣдующихъ рѣшеніяхъ, находитъ возможнымъ прямо ссылаться на рѣшеніе по дѣлу Тифановой, какъ будто бы оно исчерпывало всѣ законные доводы, какъ будто сила этого рѣшенія опиралась на законъ, а не была перенесена на обычай. Вообще, сенатъ призналъ послѣ за означеннымъ рѣшеніемъ тотъ же смыслъ, какой приданъ ему г. Даниловымъ въ приведенномъ выше извлеченіи. Въ этихъ послѣдующихъ случаяхъ, поземельныя права женщинъ ограждаются сенатомъ отъ нарушенія ихъ со стороны обществъ. Приэтомъ, не только законъ опредѣленно не указывается, но также не упоминается и то, что заинтересованная женщина пользовалась

до того извѣстными правами, что, слѣдовательно, обычай допускалъ ее въ качествѣ домохозяйки. Сенатъ просто ссылается на то, что «*положенія о крестьянахъ*, какъ было уже разъяснено по дѣлу Тифановой, допускаютъ женщинъ въ качествѣ домохозяекъ въ пользованіи землею и отбываніи за нее повинностей, *наравнѣ* съ мужскимъ населеніемъ». Такой выводъ былъ именно сдѣланъ изъ означеннаго разъясненія первымъ департаментомъ сената, 28 мая 1882 г., при разрѣшеніи дѣла костромской крестьянки Петровой, и вторымъ департаментомъ, 30 мая 1885 г., при разрѣшеніи дѣла нижегородской крестьянки Кулимановой («Сборникъ» Данилова за 1879—1882 гг., стр. 185, «Сборникъ» Горемыкина, стр. 279). Распоряженія сельскихъ обществъ объ отобраніи земли у означенныхъ крестьянокъ признаны были сенатомъ неправильными.

Очевидно, что эти два рѣшенія противорѣчатъ рѣшенію по дѣлу Тифановой, въ самомъ ихъ *основаніи*, такъ какъ, безъ приведенія закона, они опираются на законъ, а не на обычай; также точно противорѣчатъ они рѣшенію по дѣлу Суковатиковой и по *послѣдствіямъ* ихъ для заинтересованныхъ женщинъ, ибо права Суковатиковой поставлены въ зависимость отъ сельскаго схода и не получили законнаго огражденія.

Въ нижеслѣдующемъ случаѣ также дѣлается неопредѣленная ссылка на положенія о крестьянахъ. Отъ крестьянки Симаковой былъ отобранъ обществомъ ея надѣлъ, оставшійся послѣ мужа, который находился въ безвѣстной отлучкѣ. Буинское уѣздное присутствіе признало, однако, приговоръ общества неправильнымъ и отмѣнило его, потому что—разсуждало оно—крестьянскимъ обществамъ предоставлено, по закону, право отбирать отъ своихъ однообщественниковъ землю только при общихъ передѣлахъ и въ случаѣ накопленія недоимки; въ данномъ же случаѣ передѣла не было и недоимокъ за Симаковою не состоитъ. Принося на это постановленіе жалобу въ симбирское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, повѣренный крестьянскаго общества, крестьянинъ Гордѣевъ, объяснилъ, между прочимъ, что — «женщины не могутъ считаться за членовъ общества, ибо онѣ, по ст. 187 Общ. Пол., не входятъ въ круговую поруку, почему, въ случаѣ накопленія Симаковою недоимки, таковую должно уплачивать общество». — Губернское присутствіе утвердило постановленіе уѣзднаго. Повѣренный общества принесъ тогда жалобу въ сенатъ, объясняя, что надѣлъ отобранъ отъ Симаковой за не-

доимку, не уплаченную ея безвѣстноотсутствующимъ мужемъ, и что Симакова начала ходатайствовать о возвращеніи надѣла лишь по случаю возвышенія цѣнъ на землю. Приэтомъ повѣренный общества, со ссылкою на статьи 36 и 47 Общ. Пол., 107 и 109 мѣст. пол. и на ст. 165 пол. о вык., повторилъ прежнее заявленіе о томъ, что — «женщины-крестьянки не имѣютъ права, по закону, пользоваться надѣломъ».—Сенатъ призналъ, что—«*положенія о крестьянахъ* дозволяютъ женщинамъ пользованіе землею, когда онѣ являются, напримѣръ, наслѣдницами послѣ выбывшихъ изъ состава семействъ лицъ мужскаго пола и заступаютъ мѣсто домохозяевъ, и что, по силѣ 6 п. 188 ст. Общ. Пол., общество можетъ отобрать надѣлъ отъ домохозяина лишь въ случаѣ неисправности въ платежѣ податей и отбываніи повинностей». Вслѣдствіе этого, постановленія уѣзднаго и губернскаго присутствій были признаны правильными, притязанія же сельскаго общества—неосновательными.

Слѣдовательно, съ тѣмъ вмѣстѣ, и крестьянка Симакова была признана полноправнымъ членомъ общества. Вновь права женщины, въ противоположность рѣшенію по дѣлу Тифановой, признаются какъ бы установляемыми закономъ, независимо отъ обычаевъ. Но насколько неубѣдительно настоящее рѣшеніе и въ какой слабой мѣрѣ могло оно сдѣлаться руководящимъ,—ясно слѣдуетъ изъ того, что, вопервыхъ, по принципіальному вопросу о правахъ крестьянской женщины, благопріятное для нея заключеніе показано истекающимъ изъ положеній о крестьянахъ *вообще*, тогда какъ повѣренный общества основывалъ свои обратныя притязанія на *опредѣленныхъ* статьяхъ этихъ положеній; вовторыхъ, и самое это благопріятное заключеніе весьма ограничительно, такъ какъ не указываетъ какого либо общаго права, а лишь поименовываетъ, что женщины имѣютъ право на землю въ *частныхъ* случаяхъ, напримѣръ, когда онѣ являются наслѣдницами и заступаютъ мѣсто домохозяевъ; наконецъ, данный случай даже не подходитъ подъ ограничительное заключеніе, такъ какъ рѣчь шла не о наслѣдствѣ, не о заступленіи, а о *совершенно самостоятельномъ правѣ* Симаковой на земельный надѣлъ. Недоумѣнія могли возникнуть уже въ примѣненіи настоящаго разъясненія къ данному частному случаю.

Послѣднее рѣшеніе, относящееся къ настоящему предмету, есть рѣшеніе отъ 23 сентября 1883 г., вынесенное особымъ отдѣленіемъ въ составѣ перваго департамента сената, образованнымъ 25

мая 1882 г. и преобразованнымъ 24 января 1884 г. во второй департаментъ исключительно для крестьянскихъ дѣлъ (Сборникъ Горемыкина, стр. 92). Ссылокъ на опредѣленныя статьи и здѣсь не дѣлается. «Положеніями о крестьянахъ»—вообще, говорится въ немъ—лица женскаго пола *не устраняются* отъ участія въ тѣхъ правахъ и обязанностяхъ, какія предоставлены въ имущественномъ отношеніи лицамъ мужскаго пола, а слѣдовательно, — заключаетъ сенатъ изъ настоящей, столь недостаточной посылки — онѣ вправѣ пріобрѣтать, по ст. 165 положенія о выкупѣ, въ собственность состоящіе въ ихъ пользованіи земельные участки, чрезъ единовременный взносъ причитающихся за землю выкупныхъ платежей». Вслѣдствіе этого, притязанія подобнаго рода нижегородской крестьянки Бызиной были удовлетворены, жалоба же сельскаго общества ея признана неосновательною. Какъ и въ дѣлѣ Симаковой, права крестьянской женщины признаны здѣсь въ смыслѣ весьма ограниченномъ, а именно — признаны лишь права *имущественныя*. Что же касается до личныхъ правъ и правъ по состоянію — до правъ, напримѣръ, на участіе въ сельскомъ сходѣ, — то вовсе не сказано, чтобы женщины не устранялись отъ этихъ правъ, принадлежащихъ лицамъ мужскаго пола.—Дѣло это совершенно однородно съ дѣломъ Тифановой. И тамъ, и здѣсь рѣчь идетъ не только о правѣ на землю вообще, но именно объ одномъ и томъ же проявленіи этого права,—о правѣ на выкупъ земли по ст. 165 положенія. Право на выкупъ земли признается и за Тифановою, и за Бызиною. Но въ дѣлѣ Тифановой выставляются основаніемъ обычаи; здѣсь же вовсе не упоминается объ обычаяхъ. Не указанъ также и опредѣленный законъ, въ подкрѣпленіе даваемаго разъясненія.—Дѣло Бызиной также однородно съ дѣломъ Суковатиковой, ибо и послѣдняя добивалась выкупа земли по ст. 165. Но въ то время какъ за Суковатиковой такое право не было признано, — за Бызиною оно признается.

V.

Такимъ образомъ, положеніе настоящихъ вопросовъ въ законѣ вполнѣ отразилось на попыткахъ сената къ ихъ разъясненію. Учрежденіе, стоящее во главѣ подзаконнаго управленія и обезпечивающее правильный ходъ крестьянскаго дѣла,—насколько это возможно при

настоящемъ положеніи послѣдняго, — въ данномъ случаѣ не даетъ необходимаго твердаго указанія для регулированія отношеній, запутывающихся, между тѣмъ, слишкомъ часто. Нечего и говорить о томъ, что мѣстныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ ни въ какой мѣрѣ не соотвѣтствуютъ тѣмъ задачамъ, которыя возникаютъ для нихъ изъ настоящихъ отношеній. Всегда признававшіяся неудовлетворительными и не улучшенныя преобразованіемъ 12-го іюля 1889 года, эти учрежденія не могутъ найти опоры въ тѣхъ чрезвычайныхъ правахъ и вліяніи, которыя имъ предоставлены. Наоборотъ, тѣмъ печальнѣе положеніе настоящихъ вопросовъ, если они, не получая законодательнаго разъясненія, могутъ разрѣшаться по простому усмотрѣнію низшей власти, или совершенно произвольно въ средѣ самихъ крестьянскихъ обществъ... Когда бы эти послѣднія были предоставлены самимъ себѣ, и вполнѣ ограждены отъ всесильнаго вліянія мѣстныхъ учрежденій, — то и тогда едвали можно было бы разсчитывать, что все устроится само собою, къ пользѣ и благополучію женщины, въ полномъ согласіи съ правдою. Отношенія мужа къ женѣ не опредѣлены яснымъ закономъ, ограждающимъ личность женщины. Имъ также предоставлено опредѣляться нравами и обычаями. Что же вытекаетъ отсюда?—угнетенное положеніе жены, терпящей побои и находящей законную защиту только тогда, когда побои эти—тяжкіе, когда они составляютъ изувѣченіе или грозятъ опасностью жизни... Такое положеніе можетъ создаваться и въ другой сферѣ. Положеніе *жены* опредѣляется *частною* волею, проявляющеюся въ закрытой для всѣхъ домашней жизни, — волею, не только не встрѣчающей препятствій въ господствующихъ нравахъ и обычаяхъ, но, наоборотъ, поощряемой ими къ жестокости обращенія. Положеніе же *домохозяйки-женщины* ставится въ зависимость отъ *общества* людей, умѣющаго создавать правильные распорядки при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отъ общества, прямо обязаннаго дѣйствовать по праву и выражающаго свою волю въ открытыхъ постановленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ только общество праведниковъ можетъ не нуждаться для правильности своихъ дѣйствій во внѣшнихъ правовыхъ опредѣленіяхъ, то и положеніе женщины-домохозяйки, не обезпечиваемое закономъ, должно уподобляться положенію жены, тѣмъ болѣе, что всякія бываютъ сельскія общества и не всегда они выражаютъ свою волю свободно, независимо отъ вліяній внутреннихъ и внѣшнихъ.

Съ полнымъ основаніемъ можно предположить слѣдующее. Когда земля была дешева, а платежи за нее взимались высокіе, — тогда женщина являлась желательною участницею въ землепользованіи и, пожалуй, въ относящихся сюда дѣлахъ схода. Въ очень многихъ мѣстахъ земля не окупала платежей и вмѣстѣ съ тѣмъ, до обязательнаго выкупа, не было надежды на то, что платежи эти когда-либо прекратятся. Здѣсь, пожалуй, сельскія общества бывали готовы даже «наваливать» на женщину сообразный съ ея силами надѣлъ. Но вотъ,—платежи уменьшаются, объявляется обязательный выкупъ, а съ нимъ платежи эти дѣлаются срочными. Является надежда—въ теченіе извѣстнаго времени окончательно погасить ихъ и пріобрѣсть землю въ собственность. Тѣмъ временемъ, самая земля значительно возвышается въ цѣнѣ. Соотвѣтственно такимъ новымъ обстоятельствамъ, и картина должна измѣниться. Отдѣльныя лица не стремятся уже «свалить» съ себя лишнія «души». Наоборотъ, они готовы принять на себя новыя. Въ свою очередь, другія лица, чувствующія недостатокъ въ землѣ, начинаютъ усиленно хлопотать объ его восполненія; возбуждаются вопросы о равненіи, но уже не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они возбуждались прежде,—не въ смыслѣ разложенія на всѣхъ поровну *тяжелыхъ поземельныхъ повинностей*, а въ смыслѣ предоставленія всѣмъ одинаковаго участія *въ выгодахъ землепользованія*. Если до сихъ поръ трудно было уклониться отъ *обязанности* держать землю, то теперь, когда рѣчь идетъ о прямыхъ выгодахъ, еще труднѣе отстоять *право* на землю. Нужно, чтобы это право было совершенно ясно, твердо, никѣмъ неоспариваемо. Посмотрите, насколько ясно и прямо установлено закономъ право большинства двухъ третей передѣлять землю. Между тѣмъ, статистики въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что подчасъ и огромное большинство встрѣчаетъ неодолимыя препятствія къ этому со стороны небольшой, но сильной кучки «широкодачниковъ» въ обществѣ. Участь всякихъ сомнительныхъ спорныхъ правъ должна быть печальна. Такъ и тутъ и теперь женщина уже не встрѣчаетъ прежняго пріема. Земля, а съ нею и разныя права на участіе въ дѣлахъ общества уходятъ у нея изъ подъ ногъ. Нужно имѣть сильную поддержку, средства и энергію, для того чтобы повести съ успѣхомъ борьбу за собственныя, столь неопредѣленныя права... Слабость, бѣдность и полное невѣдѣніе правъ и обязанностей—плохіе помощники. Если же,—какъ въ данномъ отношеніи,—не оказы-

вается поддержки ни въ законѣ, ни въ разъясненіяхъ высшаго учрежденія; если вопросъ и для самаго внимательнаго изслѣдователя погруженъ въ темноту непроницаемую, — то положеніе женщины должно сдѣлаться совсѣмъ безнадежнымъ... Что касается, затѣмъ, вопроса о правахъ женщины на участіе въ общественныхъ дѣлахъ, то тутъ возможны самыя разнообразныя вліянія извнѣ и внутри сельскаго круга, не обусловливаемыя даже болѣе или менѣе опредѣленными экономическими причинами.

Заключеніе это отчасти оправдывается уже тѣми бытовыми чертами, которыя можно вывести изъ приведенныхъ сенатскихъ рѣшеній. Характерно, прежде всего, что первое (изъ обнародованныхъ) дѣло касательно правъ женщины доходитъ до сената лишь въ 1878 году. Подобныя дѣла должны были возникать и раньше, такъ какъ не вездѣ платежи за землю превосходили ея доходность и не вездѣ женщина принималась охотно, какъ участница въ землепользованіи. Однако, такихъ дѣлъ было гораздо меньше вначалѣ, а изъ всѣхъ вообще дѣлъ до сената доходитъ лишь самое незначительное число, такъ какъ, помимо матеріальныхъ средствъ, обжалованіе разныхъ дѣлъ затруднено еще и другими обстоятельствами. Къ восьмидесятымъ годамъ цѣнность земли мѣняется, возникаютъ болѣе частые споры между женщинами-домохозяйками и ихъ обществами, и—до сената доходитъ первое дѣло; затѣмъ, число ихъ въ 1885 г. увеличивается до пяти, и—далѣе, по приведеннымъ рѣшеніямъ видно уже, какъ затруднительна для женщины борьба съ ея сельскимъ обществомъ, и какъ упорна она съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, здѣсь участвуютъ *женщины-вдовы*, имѣющія возможность такъ или иначе основывать свои права на правахъ умершихъ мужей или сыновей, а также ссылающіяся подчасъ на необходимость кормить дѣтей. Почему нѣтъ ни одного рѣшенія, въ которомъ рѣчь шла бы о *дѣвушкѣ?* Да потому, вѣроятно, что для дѣвушки борьба еще менѣе по силамъ. Кромѣ того, она не можетъ сознавать за собою и такого права на землю и на участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какъ женщина, бывшая замужемъ. Дѣвушка живетъ, притомъ, болѣе замкнутою жизнью, и у нея не можетъ быть ни такого интереса къ землѣ, ни такой энергіи въ борьбѣ за свое поземельное право. Вдовая женщина можетъ располагать необходимыми сельско-хозяйственными орудіями и скотомъ. У дѣвушки этого, большею частью, нѣтъ. Вдова чаще живетъ полнымъ домомъ. Дѣвушка почти всегда живетъ въ «кельѣ».

Вообще, въ бытовомъ отношеніи, есть большая разница между положеніемъ вдовы и дѣвушки, а этимъ должна обусловливаться разница и въ юридическомъ ихъ положеніи,—опредѣляется ли оно закономъ, или обычаемъ, или складывается по чисто произвольнымъ вліяніямъ.

Имѣющіяся у насъ отрывочныя данныя касательно той же губерніи, о которой говорилось выше, также вполнѣ подтверждаютъ сдѣланное теоретическое предположеніе. Вообще говоря, замѣчается извѣстное различіе между разрѣшеніемъ настоящихъ вопросовъ въ прежнее и новѣйшее время. Права женщины чаще и чаще встрѣчаютъ возраженія. Затѣмъ, представляется не одинаковымъ положеніе дѣвицъ, вдовъ бездѣтныхъ, вдовъ съ дочерьми и вдовъ съ сыновьями. Наиболѣе обезпеченнымъ,—хотя не вездѣ одинаково, — оказывается положеніе вдовъ съ сыновьями. За такою вдовою земля обыкновенно оставляется, если она вноситъ за нее подати и сборъ безъ недоимокъ. Но и здѣсь она—*временная* владѣлица, какъ бы представительница сына, пользующаяся его правами. Владѣніе ея землею—съ нѣкоторымъ видомъ владѣнія за себя—простирается только до тѣхъ поръ, пока сынъ не подростетъ настолько, чтобы самостоятельно оплачивать подати. Для этого ненужно достиженія имъ гражданскаго совершеннолѣтія. Довольно, если онъ всталъ на собственныя ноги, пристроился къ дѣлу, оказался «стоющимъ». Съ этого времени, владѣніе землею отходитъ отъ вдовы прямо къ нему. Онъ можетъ не жить дома, и все же мать остается лишь прямою его представительницею, и всякій слабый видъ самостоятельнаго владѣнія, землею утрачивается. Втеченіе всего этого времени, она участвуетъ обыкновенно и въ дѣлахъ своей деревни, въ деревенской сходкѣ. А хотя самостоятельное юридическое положеніе, значеніе юридическаго лица не придано закономъ отдѣльному селенію, не составляющему цѣлаго сельскаго общества (см. ст. «Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія»), — но, тѣмъ не менѣе, фактически и при весьма тяжкихъ условіяхъ, такія селенія живутъ самостоятельною юридическою жизнью, и въ ихъ средѣ составляются особые сходы, именуемые *селенскими* или *деревенскими*, въ отличіе отъ признаваемыхъ закономъ только *сельскихъ* и *волостныхъ* сходовъ. Именно, въ этихъ *селенскихъ* сходахъ (весьма многочисленныхъ въ этой губерніи, такъ какъ поселенія здѣсь большею частью маленькія и десятки деревень бываютъ нерѣдко соеди-

нены въ одно сельское общество) женщина и принимаетъ участіе болѣе или менѣе постоянно, хотя нерѣдко лишь съ правомъ совѣщательнаго, а не рѣшающаго голоса. Затѣмъ, къ непосредственному участію собственно въ *сельскомъ* сходѣ женщина и при такихъ условіяхъ допускается уже гораздо рѣже. Однако, иногда, считается необходимымъ, чтобы ея дворъ имѣлъ представительство и на сельскомъ сходѣ. Отсюда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выработалась довольно тяжкая для нея повинность — «нанимать» за себя, для участія на сельскомъ сходѣ, мужчину. Затѣмъ, коль скоро сынъ такой женщины живетъ дома и правитъ хозяйствомъ,—то онъ вступаетъ и во всѣ права домохозяина, совершенно устраняя мать. Если онъ, далѣе, женатъ, то—обыкновенно—въ случаяхъ отлучекъ и отсутствія, мѣсто его заступаетъ жена, а не мать. Приэтомъ, опять рѣже и рѣже признается и за его женою-хозяйкою право на участіе въ *сельскомъ* сходѣ; но и она участвуетъ болѣе или менѣе свободно въ *селенскомъ* или *деревенскомъ* сходѣ.—Положеніе вдовы, оставшейся съ дочерьми, уже гораздо менѣе опредѣленно. Признаніе ея правъ почти совершенно зависитъ отъ благорасположенія общества. Довольно земли, достаетъ ея на всѣхъ, и—она пользуется надѣломъ, соотвѣтственно ея силамъ. Мало земли, и — надѣлъ отъ такой вдовы отбирается, хотя бы она была совершенно исправна въ платежахъ. Отстаивать свои притязанія на землю бываетъ ей настолько затруднительно, что она ограничивается слезами и разговорами объ учиненной несправедливости. Затѣмъ, коль скоро вдова съ дочерьми участвуетъ въ землепользованіи, то приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вдова съ сыновьями; участвуетъ она въ *селенскомъ* сходѣ и нерѣдко несетъ повинность по отношенію къ *сельскому* сходу.—Еще менѣе признаются права на землю со стороны бездѣтной вдовы, и въ еще большей мѣрѣ участіе ея въ землепользованіи зависитъ отъ простаго благорасположенія сосѣдей.—Наконецъ, вовсе уже нѣтъ никакого сознанія правъ на пахотную землю со стороны дѣвушки. Дѣвушка всегда можетъ получить только мѣсто для постройки кельи на усадьбѣ семейства, къ которому она принадлежитъ. Конечно, однимъ изъ весьма важныхъ основаній для общепризнаваемыхъ правъ ея на часть усадьбы служитъ ст. 110 мѣстнаго положенія великор. губ., по которой усадебная земля находится въ наслѣдственномъ пользованіи проживающаго на томъ дворѣ семейства. Существованіе этого закона даетъ женщинѣ весьма твердую опору въ подобныхъ притя-

заніяхъ. Но свое право, вытекающее изъ этого закона, она осуществляетъ вовсе не въ томъ порядкѣ, какой предписывается довольно распространенными воззрѣніями на усадьбу, какъ на частную собственность. Она не требуетъ мѣста отъ хозяина того двора, не предъявляетъ къ нему иска, для осуществленія своего частнаго права, но—обращается къ обществу. И именно это общество, не въ качествѣ судебнаго мѣста, разрѣшающаго споръ о правѣ гражданскомъ, а въ качествѣ субъекта извѣстныхъ *общинныхъ* правъ, простирающихся и на усадебную землю,—именно оно, своею собственною, почти никогда не оспариваемою властью, *отводитъ* дѣвушкѣ, выдѣляетъ извѣстное пространство. Такія же права на усадьбу признаются и за всѣми прочими женщинами, и въ такомъ же порядкѣ осуществляются. Женщина же, вышедшая замужъ за лицо не-крестьянскаго сословія, наоборотъ, лишается правъ на какое-либо участіе въ пользованіи усадьбою роднаго семейства. Затѣмъ, женщины, владѣющія однѣми усадьбами, въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, нерѣдко не признаются права ихъ на участіе въ пастбищныхъ угодьяхъ. За то, чтобы имѣть право пускать единственную корову въ общее пастбище, съ нихъ требуется иногда непомѣрная плата. Нѣкоторыя общины стремятся подобными взносами со стороны «бобылокъ» — окупить всѣ расходы на пастуха. Вообще, тутъ происходятъ явленія крайне печальныя.

VI.

Изъ всего изложеннаго выше должно представляться совершенно очевиднымъ: что вопросъ о правахъ крестьянской женщины на надѣльную землю и на участіе въ общественныхъ дѣлахъ, дѣйствительно, требуетъ *законодательнаго разъясненія*; что онъ крайне нуждается именно въ подробномъ и ясномъ опредѣленіи,—ибо, если во многихъ обществахъ и разрѣшается самъ собою удовлетворительно, то, вопервыхъ, и здѣсь положеніе женщины, не опираясь на законъ, не можетъ считаться обезпеченнымъ; а, вовторыхъ, въ иныхъ мѣстахъ положеніе женщины прямо плачевно и не можетъ быть оставляемо на произволъ судьбы; втретьихъ, наконецъ, необходимо, чтобы вообще настоящія отношенія разрѣшались съ полнымъ сознаніемъ *права*, однообразно, а не въ зависимости отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Общій духъ нашего законодательства

также требуетъ именно такой постановки для настоящаго столь важнаго предмета.

Какъ же именно должны быть разрѣшены настоящіе вопросы? Изъ вышеизложеннаго также должно быть очевидно, что вопросы эти чрезвычайно сложны. Едвали кто прямо признаетъ, что права женщины, напримѣръ, на землю должны быть одинаковы съ правами мужчины. Тѣ возраженія, которыя дѣлались противъ правъ Тифановой, не лишены справедливости. Отношеніе ея къ государству и обязанности къ общинѣ представляютъ значительныя различія. Притомъ же, то обстоятельство, что въ обнародованныхъ сенатскихъ рѣшеніяхъ не встрѣчается дѣлъ о возложеніи на женщину обязанности держать землю противъ ея желанія, — показываетъ до извѣстной степени, что она и не дѣлила постоянно съ мужчиною прежнихъ невыгодъ землевладѣнія, не несла продолжительнаго бремени обработыванія земли, не окупающей высокихъ платежей. Вопросъ этотъ долженъ представляться тѣмъ сложнѣе, что въ ближайшемъ времени произойдутъ еще болѣе значительныя измѣненія въ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ, такъ какъ скоро будутъ окончательно погашены выкупные платежи крестьянъ-собственниковъ, б. государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній; затѣмъ, собственниками, погасившими эти платежи, сдѣлаются крестьяне бывшіе государственные девяти западныхъ губерній, и т. д. Строго говоря, остаются далеко невыясненными поземельныя права крестьянскихъ обществъ даже въ настоящее время, когда выкупные платежи еще не погашены. Еще менѣе опредѣленными представляются тѣ права, которыя крестьянскія *общества* получатъ по окончательномъ погашеніи выкупныхъ платежей. Соотвѣтственно тому, еще болѣе неясными оказываются поземельныя права несомнѣнно полноправныхъ *членовъ обществъ*. Насколько же былъ бы неопредѣленъ вопросъ объ объемѣ правъ на землю со стороны женщины, еслибъ эти права были ей предоставлены путемъ короткаго примѣчанія къ одной изъ статей положеній о крестьянахъ, безъ стройной обработки всѣхъ постановленій, относящихся до поземельныхъ правъ? Поэтому, вопросъ о поземельныхъ правахъ крестьянской женщины, какъ *частный* вопросъ,—можетъ и долженъ быть разрѣшенъ только въ связи съ *общимъ* выясненіемъ и опредѣленіемъ поземельныхъ правъ крестьянскихъ обществъ и ихъ членовъ. Приэтомъ, женщинѣ безспорно могутъ быть предоставлены извѣстныя права на земли,

хотя бы не равныя съ мужчинами и не одинаковыя для дѣвицъ, вдовъ съ дѣтьми и бездѣтныхъ. Правильное обезпеченіе существованія правомъ на землю — для женщины крайне необходимо, такъ какъ возможность добывать средства къ жизни не земледѣльческимъ, а инымъ трудомъ и промысломъ, не дома, а на сторонѣ,—значительно ограничена для женщины. Между тѣмъ, она въ весьма большой степени несетъ бремя воспитанія и содержанія дѣтей. Къ тому же, и изъ общаго духа нынѣ дѣйствующаго законодательства можетъ быть выведено право женщины на землю,—такъ какъ и прежде, среди государственныхъ крестьянъ, и впослѣдствіи, среди освобождавшихся, земля отводилась не на одно лицо въ семействѣ, а на все семейство, на весь крестьянскій дворъ въ совокупности, такъ что дворъ этотъ представлялся юридическимъ лицомъ, а домохозяинъ—лишь представителемъ его интересовъ. Все это не было только выяснено въ достаточной степени.

Разрѣшеніе вопроса о поземельныхъ правахъ крестьянской женщины составитъ уже до нѣкоторой степени разрѣшеніе вопроса и о правахъ ея на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Коль скоро она получитъ опредѣленныя права на землю, то тѣмъ самымъ точнѣе опредѣлятся ея права и въ общественныхъ отношеніяхъ (хотя вовсе нѣтъ надобности ставить участіе въ сходахъ въ зависимость отъ обладанія землею). Однако, здѣсь необходимо особое, еще большее вниманіе. Желательно прямое предоставленіе крестьянской женщинѣ равныхъ съ мужчиною правъ на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. По отношенію къ губерніямъ Царства Польскаго, указъ объ устройствѣ сельскихъ гминъ, 19 февраля 1864 г., такъ и разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ ст. 100: «*крестьянки*, владѣющія усадебными участками (то-есть, вообще крестьянскими участками и съ пахотною землею) и самостоятельно управляющія хозяйствомъ, могутъ, буде пожелаютъ, участвовать въ сельскихъ сходахъ, *наравнѣ съ прочими домохозяевами*». Но права женщины и въ настоящемъ отношеніи еще менѣе могутъ быть опредѣлены и установлены сами по себѣ, независимо отъ существующихъ указаній касательно состава сельскаго схода. Вся статья 47 Общ. Пол. должна быть, прежде всего, подвергнута полной переработкѣ. Но и этого недостаточно. Вопросы, относящіеся сюда, неразрывно связаны съ иными вопросами крестьянской жизни. Таково уже нынѣшнее положеніе крестьянскаго дѣла: оно нуждается не въ однихъ частныхъ исправленіяхъ;

нельзя обратить вниманіе на одинъ вопросъ, безъ того чтобы не усмотрѣть печальнаго положенія другихъ не меньшей важности. *Положеніе крестьянъ требуетъ цѣльнаго и исключительнаго вниманія*, послѣдовательной работы,—и притомъ на началахъ относительно новыхъ для этого разряда населенія, на началахъ *закономѣрной свободы*. Необходимо полное, ясное и подробное выясненіе правъ и обязанностей крестьянъ. Нынѣ положеніе всего сельскаго схода, даже прямыхъ его членовъ, является весьма шаткимъ. Какъ же стала бы отстаивать свое положеніе, какъ члена схода, крестьянская женщина, при неизмѣнности всѣхъ прочихъ условій юридическаго положенія крестьянъ, поставленнаго въ слишкомъ большую и рѣшительно противорѣчащую Основнымъ Законамъ зависимость—отъ усмотрѣнія ближайшаго начальства?

„Вы“ и „ты“.

«Надлежитъ—обрѣтающимся въ сенатѣ, синодѣ, коллегіяхъ и канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего государства судьямъ и пришедшимъ предъ судъ—*чинно поступать*»...
Указъ Петра Великаго отъ 27 января 1724 г., начертанный на *зерцалѣ*.

I.

По газетнымъ извѣстіямъ, сообщавшимся въ свое время, при введеніи въ дѣйствіе законоположеній 12 іюля 1889 г. въ Екатеринославской губерніи, земскіе начальники «въ особомъ собраніи» постановили, между прочимъ: въ сношеніяхъ съ подчиненными и непривилегированными лицами употреблять *второе лицо единственнаго числа*,—или, другими словами, говорить имъ «ты»,—вмѣсто «вы». Въ № 10 «Судебной Газеты» за 1891 годъ корреспондентъ изъ г. Павлограда той же губерніи отмѣчаетъ соотвѣтствующую, по его выраженію, «поражающую» особенность въ засѣданіяхъ мѣстнаго уѣзднаго съѣзда, возникшую, очевидно, изъ указаннаго постановленія. Особенность эта—говоритъ онъ—«безграничное, абсолютное *тыканье* и свидѣтелямъ и сторонамъ по всякому дѣлу и всѣми земскими начальниками; только иногда уѣздный членъ или почетный судья обмолвится на «вы»... Непривычное ухо—замѣчаетъ Павлоградскій корреспондентъ—сильно рѣжетъ эта дисгармонія въ сравненіи съ прежними мировыми съѣздами, и кажется, будто самому правосудію жутко становится отъ этого *повальнаго топтанія въ судѣ человѣческаго достоинства*»... «Неужели — спрашиваетъ

корреспондентъ—въ этой перемѣнѣ «вы» на «ты» усматривается какой либо смыслъ, какой либо способъ воздѣйствія, какая либо мѣра обузданія?»

На подобные вопросы корреспондента можетъ быть данъ, конечно, одинъ только отрицательный отвѣтъ. Но здѣсь представляется другой вопросъ, а именно: насколько основательно и *законно* было упомянутое постановленіе и вправѣ ли были земскіе начальники его дѣлать? представляются ли *законными* описываемыя дѣйствія членовъ уѣзднаго съѣзда, эти примѣняемые ими способы «воздѣйствія» и «мѣры обузданія»?.

Прежде всего, въ формальномъ отношеніи, подобное постановленіе, будь оно по существу правильно или неправильно, не можетъ имѣть никакой обязательной силы для самихъ земскихъ начальниковъ, ибо законоположенія 12 іюля 1889 г. не установляютъ какихъ либо особыхъ собраній земскихъ начальниковъ и тѣмъ самымъ не предоставляютъ имъ права какихъ-либо постановленій въ подобномъ порядкѣ. Законными являются лишь распорядительныя засѣданія уѣзднаго съѣзда и засѣданія его по судебнымъ и административнымъ дѣламъ, въ составѣ земскихъ начальниковъ и другихъ лицъ. Затѣмъ, и уѣздный съѣздъ также не могъ бы дѣлать подобныхъ постановленій, такъ какъ хотя ему и предоставлено статьею 91-ою составлять предположенія о дѣлопроизводствѣ и внутреннемъ распорядкѣ касательно предметовъ его вѣдомства,—но сюда, конечно, никакъ не можетъ войти опредѣленіе настоящаго предмета, какъ относящагося не къ внутреннему распорядку или дѣлопроизводству, а къ *правамъ состоянія*, извѣстнаго разряда гражданъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о томъ, могутъ ли тѣ или иныя должностныя лица говорить обращающимся къ нимъ «ты» вмѣсто «вы»,—есть именно вопросъ о правахъ состоянія и, слѣдовательно, вопросъ чисто *законодательнаго* свойства. Только *новымъ закономъ* можетъ быть установлено такое право для должностныхъ лицъ, если они его не имѣютъ нынѣ, равно только новымъ закономъ можетъ быть оно отмѣнено.

Съ полнымъ же основаніемъ можно думать, что существующіе законы, съ одной стороны, даютъ всѣмъ гражданамъ безъ различія и отъ всѣхъ право на извѣстные знаки внѣшняго уваженія къ ихъ личности, а съ другой—обязываютъ должностныхъ лицъ къ оказанію подобнаго уваженія, и что, въ частности, граждане имѣютъ *право*

требовать обращенія къ нимъ на «вы»,—должностныя же лица *обязаны* въ сношеніяхъ съ ними употреблять именно мѣстоименіе *во второмъ лицѣ не единственнаго, а множественнаго числа*.

Частный вопросъ этотъ, конечно, буквально не разрѣшается закономъ; но общій смыслъ закона приводитъ слишкомъ рѣшительно именно къ такому заключенію.

По общимъ началамъ права, каждый человѣкъ имѣетъ право на извѣстную *честь и доброе имя*, каковое право можетъ быть отнято отъ него лишь судебнымъ приговоромъ. Это такое же неотъемлемое *право личности*, какъ право личной свободы. Нарушеніе подобнаго права со стороны всякаго лица составляетъ обиду, за которую потерпѣвшее лицо можетъ преслѣдовать обидчика судебнымъ порядкомъ. И нашъ законъ идетъ въ предоставленіи личности подобной охраны такъ далеко, что, напримѣръ, установляетъ статью 271 уст. о содержащихся подъ стражею, изд. 1890 г., какъ особое дисциплинарное взысканіе, налагаемое на чиновныхъ лицъ, содержащихся въ тюрьмѣ,—званіе ихъ «однимъ только именемъ, при крещеніи даннымъ, а не по отчеству»,—то есть, другими словами, законъ обязываетъ тюремщиковъ называть такихъ заключенныхъ по имени и отечеству, если они не подверглись означенному взысканію. Неужели же въ такомъ случаѣ всѣ прочія лица, не подвергающіяся за преступленія тюремному заключенію, но пользующіяся личною свободою и входящія въ сношеніе съ извѣстными должностными лицами, не имѣютъ, съ своей стороны, по крайней мѣрѣ, права на то, чтобы лица эти обращались съ ними на «вы? Это есть, несомнѣнно, *общее право состоянія*. Но положимъ даже, что въ отношеніи правъ на честь и доброе имя лица разныхъ состояній поставлены закономъ различно, что даже и это естественное право принадлежитъ имъ, по нашему, въ значительной степени еще сословному, законодательству, не въ одинаковомъ размѣрѣ. Всетаки, ни для какихъ должностныхъ лицъ не можетъ быть повода обращаться къ однимъ подвѣдомственнымъ лицамъ на «вы» и къ другимъ—на «ты», ибо, согласно ст. 718 т. III устава о службѣ гражд., изд. 1876 г., «никто изъ служащихъ, въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, не долженъ смотрѣть ни на какое лицо». Званіе и состояніе лицъ, съ которыми должностное лицо входитъ въ сношенія, должно быть для него совершенно безразлично. И—если судопроизводственными законами установленъ порядокъ отобранія на дому

показаній отъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ (членовъ госуд. совѣта, министровъ, сенаторовъ и пр.), то, надо полагать, здѣсь вовсе не имѣется въ виду, что достоинство ихъ было бы нарушаемо обязанностью являться въ судъ или къ слѣдователю лично, но что служебныя дѣла ихъ могутъ въ иныхъ случаяхъ дѣлать неудобною личную явку, почему и установляется спросъ на дому не какъ общее правило, но лишь какъ исключеніе на тѣ именно случаи, когда означенныя лица въ извѣстный срокъ заявятъ желаніе о спросѣ ихъ въ такомъ порядкѣ. За всѣмъ же тѣмъ, при производствѣ допроса, означенныя лица не пользуются никакими противъ всѣхъ прочихъ особыми правами и преимуществами.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что право на честь и доброе имя въ настоящемъ его выраженіи есть общее право состоянія, ибо, по нашимъ законамъ о состояніяхъ, лица разныхъ сословій пользуются не одинаковыми правами и несутъ различныя обязанности въ отношеніяхъ совершенно иныхъ, въ области *особенныхъ правъ состоянія*, въ области различныхъ привилегій.

Разсмотрѣніе уголовныхъ постановленій касательно оскорбленій чести показываетъ это положительно. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, угрожаетъ извѣстными взысканіями за обиды совершенно безотносительно къ званію обиженнаго. Возвышеннымъ наказаніемъ ограждается честь женщины, и совершенно безразлично, къ какому бы сословію она ни принадлежала. Нанесеніе обиды «лицу женскаго пола» считается, по смыслу ст. 131, одинаково отягчающимъ вину обстоятельствомъ, будетъ-ли это лицо крестьянка или дворянка. Отягчающимъ вину обстоятельствомъ считается также, по этой статьѣ, нанесеніе обиды лицу, имѣющему, по особымъ къ обидчику отношеніямъ, право и на особое уваженіе. И тутъ имѣются въ виду отношенія между обидчикомъ и обиженнымъ не какъ между членами разныхъ сословій, а какъ между лицами, находящимися между собою именно въ *особыхъ* отношеніяхъ, по закону или по договору. Такимъ образомъ, между прочимъ, временно-обязанный крестьянинъ, нанесшій обиду своему помѣщику или члену его семейства, наказывался, согласно ст. 154 Общаго Положенія 19 февраля 1861 г., усиленно—не потому, что обида наносилась потомственному дворянину, а потому что помѣщику принадлежало право вотчинной полиціи и онъ являлся по отношенію къ оскорбителю должностнымъ лицомъ. Усиленное наказаніе и опредѣ-

лялось именно по статьямъ 394 и 395 уложенія о наказаніяхъ, раздѣла пятаго, главы девятой, посвящаемой *преступленіямъ и проступкамъ въ сношеніяхъ между начальниками и подчиненными*. Вообще, слова ст. 131 устава о наказаніяхъ принимаются въ смыслѣ настолько ограниченномъ, что съ изданіемъ положенія 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы найдено было необходимымъ присоединить къ уставу статью 131, опредѣляющую усиленное наказаніе сельскому рабочему, между прочимъ, за грубость противъ нанимателя или члена его семейства, хотя смыслъ означенныхъ выше словъ ст. 131 и такъ, можно полагать, дѣлалъ это обстоятельство отягчающимъ вину обидчика. Опять и тутъ нимало не имѣется въ виду то, что наниматель принадлежитъ обыкновенно къ высшему сословію, сравнительно съ нанимаемымъ. Отягчающимъ вину обстоятельствомъ является въ данномъ случаѣ именно наличность особыхъ отношеній между обидчиковъ и обиженнымъ, такъ что еслибы возникла жалоба объ обидѣ со стороны нанимателя—крестьянина, направленная противъ его работника—дворянина, то и такой обидчикъ понесъ бы усиленное наказаніе. Затѣмъ, особыми отношеніями, обусловливающими усиленное наказаніе, являются отношенія по родству, опекѣ и пр.—Если, далѣе, при требованіи обиженнымъ гражданскаго вознагражденія за безчестье, ст. 667 т. X ч. 1, изданія 1887 г., установляетъ присужденіе таковаго вознагражденія въ размѣрѣ отъ одного до пятидесяти рублей,—«смотря по состоянію или званію обиженнаго»,—то опять и здѣсь имѣется лишь въ виду, что собственно вредъ и убытки, наносимые обидою, не одинаковы для тѣхъ или иныхъ лицъ и могутъ различаться матеріально для потерпѣвшихъ, по ихъ званію и состоянію.

Итакъ, уголовный законъ *одинаково* охраняетъ своими постановленіями честь лицъ всѣхъ состояній. Но понятіе объ обидѣ лицъ разныхъ сословій, званій, классовъ и положеній неодинаково: то, что обидно для одного лица, то можетъ быть не обидно для другаго, и наоборотъ. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ чувство чести его можетъ легче и сильнѣе нарушаться дѣйствіями, направленными противъ его личности. Наличность обиды, оскорбленія обусловливается вообще цѣлымъ рядомъ условій и обстоятельствъ. Въ каждомъ данномъ случаѣ возможны и необходимы особыя соображенія. Законъ, поэтому, не устанавливаетъ казуистически, какія именно дѣйствія и для кого

должны быть признаваемы обидными, составляющими для одного преступленіе, для другаго—оскорбленіе. Законъ говоритъ лишь: «за нанесеніе обиды, на словахъ или на письмѣ, виновные подвергаются» и т. д. (ст. 130 устава) и, установляя, такимъ образомъ, различіе между обидами словомъ и дѣйствіемъ, ничѣмъ не ограничиваетъ судью въ признаніи обиднымъ того или иного дѣянія. Несомнѣнно, однако, что если какое либо лицо жалуется, какъ на обиду, на такое направленное противъ него слово или дѣйствіе другаго, которое, заключая въ себѣ вообще нѣчто обидное, могло бы быть признано не составляющимъ обиды по отношенію именно къ данному лицу, въ виду, положимъ, низшаго его состоянія,—то всегда самая *наличность жалобы*, прямое заявленіе лица о томъ, что оно обижено даннымъ дѣйствіемъ, должны служить для судьи достаточнымъ основаніемъ для признанія подобнаго дѣянія на самомъ дѣлѣ обиднымъ и влекущимъ за собою для обидчика соразмѣрное взысканіе. Такъ можно полагать примѣнительно къ ст. 303 устава уголовнаго судопроизводства, по которой жалоба со стороны лица потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка составляетъ для судебнаго слѣдователя достаточное основаніе къ начатію слѣдствія.

Никто не затруднится признать обиднымъ по отношенію къ лицу извѣстнаго развитія обращеніе къ нему на «ты». Въ рѣшеніяхъ: за 1870 г., № 1625, и за 1874 г., № 694,—уголовный кассаціонный департаментъ сената и выразилъ, что обращеніе къ кому либо съ словомъ «ты» можетъ составить наказуемую обиду при наличности того необходимаго для существованія обиды общаго условія, которое заключается въ намѣреніи выразить этимъ словомъ презрѣніе, нанести оскорбленіе. Никто, далѣе, не будетъ утверждать, что для всякаго дворянина «ты» составляетъ обиду, и наоборотъ, что ни одинъ крестьянинъ или мѣщанинъ не можетъ быть обиженъ обращеніемъ къ нему съ этимъ словомъ. Возможно, что нѣкоторыя лица и высшаго сословія не будутъ обижены этимъ словомъ. и также возможно, что лицо низшаго сословія увидитъ себя обиженнымъ имъ. Чувство чести и личнаго достоинства вообще сильно развилось подъ вліяніемъ «эпохи великихъ реформъ». Это чувство можетъ быть въ особенности развито среди крестьянъ бывшихъ государственныхъ и мѣщанъ, какъ всегда пользовавшихся личною свободою. За тридцать же пять лѣтъ успѣло въ значительной степени изгладиться и дѣйствіе вѣковаго приниженія, тяготѣвшаго надъ

бывшими крѣпостными крестьянами. Помимо того, отдѣльныя лица изъ среды низшихъ сословій, путемъ самообразованія и благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, ушли довольно далеко въ умственномъ развитіи. При такихъ же условіяхъ слишкомъ возможны даже нерѣдкіе случаи, когда обращеніе со стороны лица должностнаго къ лицу низшаго сословія со словомъ «ты» составило бы въ глазахъ послѣдняго прямую обиду и вызвало бы жалобу, которую судъ могъ бы признать вполнѣ основательною. Но, понятно, что занятіе какой бы то ни было должности, не исключая и высшей, не можетъ почитаться уполномочивающимъ на такое обращеніе съ гражданами, которое можетъ вызывать въ нихъ чувство обиды и оскорбленнаго достоинства. *Никакое должностное лицо не можетъ, поэтому, почитать себя вправѣ говорить подвѣдомственнымъ ему лицамъ «ты» и, въ частности, не можетъ принадлежать подобное право земскимъ начальникамъ.*

II.

Таковы теоретическія основанія настоящаго вопроса. Практика послѣдняго тридцатилѣтія, съ своей стороны, всегда безусловно признавала тѣ же начала. Какое бы высокое положеніе ни занимало извѣстное лицо,—оно никогда не позволитъ себѣ обратиться къ кому либо съ словомъ «ты». Всякій, допрашиваемый въ мировомъ судѣ, окружномъ, судебной палатѣ, можетъ быть увѣренъ въ томъ, что къ нему обратятся не иначе какъ съ словомъ «вы«. Подобное обращеніе обезпечено каждому, въ какомъ бы кто качествѣ ни давалъ суду своихъ объясненій, въ качествѣ ли свидѣтеля или обвиняемаго въ тяжкомъ преступленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что судья остановитъ всякаго, кто, получивъ отъ него разрѣшеніе предложить вопросъ свидѣтелю крестьянину, употребитъ приэтомъ слово «ты». Всѣ лица, къ какому бы сословію они ни принадлежали, безусловно и совершенно одинаково ограждены въ этомъ отношеніи во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ, какъ они должны быть ограждены вездѣ, ибо это служитъ, между прочимъ, однимъ изъ признаковъ *нелицепріятія.*

Подобная практика извѣстнымъ образомъ *воспитывала* населеніе, и еслибы даже она не имѣла прямаго основанія въ законѣ всетаки, тѣмъ не менѣе, каждое учрежденіе само собою должно ста-

вить себѣ эту задачу подъема въ населеніи чувства чести и личнаго достоинства и обезпеченія населенію этого развитія, такъ какъ самыя цѣли управленія облегчаются, коль скоро учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ приходится имѣть дѣло съ развитымъ населеніемъ и съ уважающими себя его представителями. Въ особенности же, конечно, подобную задачу должны преслѣдовать учрежденія и лица, несущія обязанности съ характеромъ судебнымъ или полицейскимъ.

Такая задача, въ частности, должна быть признана весьма близкою земскимъ начальникамъ. Какимъ же образомъ могутъ они идти вразрѣзъ съ практикою нынѣшнихъ учрежденій и не только не продолжать оказывать на населеніе то же вліяніе, но наоборотъ, разрушать и то, что уже сдѣлано. Какъ было бы странно въ чисто практическомъ отношеніи, еслибы земскій начальникъ сталъ различать обращающихся къ нему лицъ, говоря однимъ «вы» и другимъ «ты»! Какъ было бы еще болѣе странно, еслибы стали возникать жалобы на него по начальству за подобное обращеніе и судебныя преслѣдованія за обиду... Не менѣе было бы съ чѣмъ либо сообразно и то, что губернаторъ данной губерніи, въ сношеніяхъ съ обращающимися къ нему лицами, сталъ бы говорить попрежнему «вы», а новыя, гораздо ниже стоящія его власти, подчиненныя ему, позволяли бы себѣ обращеніе на «ты». Прямымъ доказательствомъ основательности жалобы по этому поводу на земскаго начальника тому же губернатору служило бы то, что губернаторъ могъ бы сдѣлать жалобщику нѣсколько вопросовъ, и приэтомъ, конечно, употребить «вы» вмѣсто слова «ты», которое употреблялъ земскій начальникъ...

Усвоивъ себѣ обращеніе съ подвѣдомственными лицами на «ты», земскіе начальники стали бы, такимъ образомъ, въ противорѣчіе съ основанными на законѣ и укоренившимися обычаями высшихъ должностныхъ лицъ и учрежденій. Наоборотъ, обнаружилось бы сходство ихъ съ нѣкоторыми низшими должностными лицами, улучшеніе состава которыхъ весьма сильно занимаетъ правительство. Обнаружилось бы именно сходство между земскими начальниками и становыми приставами и урядниками. Указываемыя должностныя лица, дѣйствительно, далеко не всегда руководствуются примѣромъ своего начальства. «Приказываю тебѣ немедленно явиться въ станъ по касающему дѣлу»—писалъ одинъ становой приставъ крестьянкѣ, причемъ «касающее дѣло» состояло въ передачѣ ей бумаги изъ казенной па-

латы съ исчисленіемъ причитавшейся съ нея наслѣдственной пошлины. «Сотскій, приказываю тебѣ взыскать съ такого-то мѣщанина 22 коп. недоимки земскаго сбора, а въ случаѣ неуплаты этой суммы, доставь его ко мнѣ въ станъ немедленно»—писалъ другой становой приставъ, имѣя въ виду средняго уѣзднаго землевладѣльца—мѣщанина... Таковы нерѣдкія проявленія практики становыхъ. Понятно, какъ мало соотвѣтствовало бы достоинству и назначенію земскихъ начальниковъ, еслибы они стали уподобляться становымъ и урядникамъ въ обращеніи съ подвѣдомственными лицами на «ты». А такъ какъ земскій начальникъ въ иныхъ случаяхъ замѣняетъ становаго пристава или исправника и является прямымъ начальствомъ для урядниковъ, а иногда и для становыхъ приставовъ, то подобные пріемы могли бы лишь укоренять ту указываемую грубую практику названныхъ должностныхъ лицъ, которая объясняется лишь ихъ неудовлетворительнымъ составомъ и неразвитостью...

По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ, должно считать, что указываемое постановленіе земскихъ начальниковъ не только незаконно, но неудобно и вредно въ чисто практическомъ отношеніи,—что также и описываемыя выше дѣйствія нѣкоторыхъ членовъ павлоградскаго уѣзднаго съѣзда—неправильны, какъ *незаконныя*.

НАКАЗАНІЕ БЕЗЪ СУДА.

I.

Взысканія, налагаемыя безъ суда, предполагаютъ пораженіе столь важнаго права, что примѣненіе ихъ должно быть допускаемо съ особою осторожностію. Право такихъ дисциплинарныхъ взысканій естественно въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ; но и здѣсь оно постепенно до извѣстной степени ограничивается, съ развитіемъ человѣческаго общества. При существованіи крѣпостной зависимости, право дисциплинарныхъ взысканій принадлежало помѣщику и уживалось только съ юридическою безсмысленностію самой этой зависимости, какъ общаго «права» одного человѣка на подобныхъ себѣ. Право дисциплинарныхъ взысканій не представляетъ особаго противорѣчія съ юридическимъ порядкомъ, будучи примѣняемо и начальникомъ къ подчиненнымъ, ибо здѣсь существуютъ постоянныя служебныя отношенія, интересы опредѣленнаго дѣла, могущіе иногда требовать немедленнаго огражденія, внѣ формальнаго порядка. Право это можетъ быть признано также соотвѣтствующимъ отношеніямъ въ средѣ военно-служащихъ, по особенностямъ ихъ положенія, назначенія и условій дѣятельности. Оно понятно и въ отношеніяхъ тюремнаго начальства къ осужденнымъ арестантамъ: послѣдніе доказали свое нежеланіе или неспособность жить при условіяхъ свободной жизни и ихъ неудобно предавать каждый разъ суду за маловажные проступки, совершаемые въ тюрьмѣ,—тюремному начальству и вручается надъ ними дисциплинарная власть, строго, однако, опредѣляемая закономъ.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, въ особенности когда право дисциплинарныхъ взысканій предоставляется должностному лицу надъ обыкновенными гражданами,—оно должно быть признаваемо *чрезвычайнымъ*, оправдываемымъ только какими-либо особыми условіями и обстоятельствами. Здѣсь нѣтъ постоянныхъ отношеній, нѣтъ и личнаго подчиненія. Граждане вообще являются подчиненными непосредственно и ближайшимъ образомъ *закону*. Должностное лицо для нихъ лишь исполнитель закона, предъявляющій требованія на точномъ основаніи послѣдняго, безъ всякаго права проявлять свое усмотрѣніе и заявлять требованія, неимѣющія объективнаго основанія. Судъ и наказаніе, и притомъ наказаніе лишь по закону и въ порядкѣ суда,—таковы для гражданъ нормальныя послѣдствія неисполненія возлагаемыхъ на нихъ закономъ обязанностей и совершенія дѣяній, закономъ запрещенныхъ. Это есть *общее* для нихъ правило. Подвергаться какимъ-либо, хотя бы и незначительнымъ, взысканіямъ и пораженіямъ правъ внѣ этого порядка,—значитъ подпадать дѣйствію *исключеній* изъ указаннаго основнаго правила, опредѣляющаго *необходимое юридическое положеніе гражданъ въ государствѣ*. Исключенія эти и могутъ быть устанавляемы только при достаточныхъ для нихъ основаніяхъ,—когда они, дѣйствительно, необходимы.

Но и при наличности подобныхъ основаній (если только они могутъ быть),—одновременно съ предоставленіемъ дисциплинарной власти, должны быть устанавливаемы надлежащія мѣры, которыми обезпечивалась бы правильность дѣйствій лица, облеченнаго указанною властію. Въ числѣ такихъ мѣръ должно быть, вопервыхъ, обязательное соблюденіе должностнымъ лицомъ извѣстнаго *опредѣленнаго порядка* при осуществленіи предоставленнаго ему права. Соблюденіе такого порядка, хотя бы несложнаго и отличнаго по отсутствію многихъ формальностей отъ судебнаго порядка разсмотрѣнія вины и наложенія наказаній,—съ одной стороны, составляетъ для должностнаго лица поводъ поразмыслить надъ предпринимаемою имъ мѣрою и оправдать ее необходимыми правомѣрными основаніями, а съ другой стороны, оно обусловливаетъ образованіе извѣстныхъ *слѣдовъ* должностнаго дѣйствія и сохраненіе извѣстныхъ знаковъ и данныхъ для повѣрки этого дѣйствія высшею властію. Вовторыхъ, въ числѣ мѣръ, обезпечивающихъ правильность дѣйствій должностнаго лица, облеченнаго правомъ наложенія на гражданъ дисциплинарныхъ взы-

сканій, должно быть *право обжалованія* этихъ дѣйствій высшей власти, предоставляемое лицу, къ которому примѣняется дисциплинарное взысканіе, *въ самой широкой мѣрѣ*.

Таковы общія научныя основанія настоящаго вопроса. Какъ они ни необходимы, тѣмъ не менѣе, въ новѣйшее время сдѣлано отъ нихъ существенное отступленіе...

II.

Еще закономъ 3 октября 1779 г., въ видахъ обезпеченія личныхъ правъ крестьянъ государственныхъ, было постановлено, что они могутъ быть наказываемы не иначе, какъ по приговору суда (Заблоцкій-Десятовскій: «Графъ Киселевъ и его время», т. II, 31). Реформа положенія государственныхъ крестьянъ 1838 — 1839 гг., созданная по проектамъ гр. Киселева, не могла нарушить подобнаго начала, — на дѣлѣ, передъ тѣмъ, далеко необезпеченнаго и не получавшаго точнаго примѣненія. Напротивъ, это начало ближайшимъ образомъ соотвѣтствовало существу названной реформы, какъ имѣвшей въ виду примѣненіе *законности* къ дѣлу устройства крестьянскаго быта. Притомъ же Киселевъ, горячій сторонникъ законности, естественно былъ противникомъ совмѣщенія власти административной съ судебною, изъ котораго въ значительной степени и проистекаетъ право наказанія безъ суда.

Такимъ образомъ, по учрежденію управленія государственныхъ крестьянъ (т. II ч. I Свода Законовъ, изд. 1857 г.), ближайшей къ крестьянамъ власти,—окружному начальнику, облеченному многочисленными и строго опредѣленными обязанностями и несшему серьезную отвѣтственность, — не было предоставлено надъ крестьянами никакихъ дисциплинарныхъ полномочій, никакого права подвергать ихъ хотя бы самому незначительному наказанію непосредственно, по собственному усмотрѣнію, безъ суда. Окружной начальникъ, во всѣхъ случаяхъ, вызывавшихъ необходимость извѣстнаго воздѣйствія на крестьянина, долженъ былъ обращаться къ сельской расправѣ и предавать виновнаго ея суду. Волостной голова, согласно ст. 4945, въ дѣлахъ о проступкахъ крестьянъ также долженъ былъ только дѣлать предложеніе о преданіи виновныхъ суду сельской расправы. Своею собственною властію онъ не могъ подвергать ихъ какому-либо взысканію. «Сельскій старшина—говорилось далѣе, въ ст. 5112—

отсылаетъ подвѣдомственныхъ ему государственныхъ крестьянъ, сдѣлавшихъ полицейскіе проступки, въ сельскую расправу, для слѣдующаго съ нихъ взысканія». То же самое точно установлялось и въ ст. 5117. Только въ одномъ случаѣ сельскому старостѣ предоставлялось подвергать государственныхъ крестьянъ дисциплинарному взысканію,—въ предѣлахъ, однако, лишь простаго *внушенія*. На основаніи ст. 5202, онъ могъ примѣнить эту мѣру въ тѣхъ случаяхъ, когда усматривалъ, что молодые и младшіе не почитаютъ старыхъ и старшихъ и государственные крестьяне вообще не почитаютъ своихъ начальниковъ. Тогда онъ внушалъ имъ быть внимательнѣе на будущее время. «Въ случаѣ же неисправленія, — говорилось въ указанной статьѣ—сельскій староста доводитъ объ ихъ поступкахъ до свѣдѣнія сельской расправы, для *надлежащаго* съ нихъ взысканія». Значитъ, въ сравнительно недалекомъ прошломъ, государственные крестьяне должны были отвѣчать за свои проступки *единственно по суду, въ строго опредѣленномъ порядкѣ разслѣдованія ихъ вины, на точномъ основаніи закона.* Между тѣмъ, установленіе иного порядка для остававшихся свободными сельскихъ обывателей было именно тѣмъ возможнѣе тогда, когда другая половина крестьянъ находилась въ крѣпостной зависимости, была совершенно обездолена и лишена существеннѣйшихъ правъ,—когда законность могла и во многихъ случаяхъ дѣйствительно существовала только на бумагѣ, и когда, по словамъ г. Джаншіева («Русская Мысль», № 5 за 1893 г., статья — «Законъ и справедливость»), одинъ «типичный» губернаторъ наглядно выразилъ безсиліе закона, положивъ Сводъ Законовъ *подъ себя*... Тѣмъ не менѣе, однако, государственные крестьяне незыблемо пользовались извѣстными общими правами состоянія *).

При освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ 19 февраля 1861 г., мировой посредникъ также не получилъ права дисциплинарной власти

---

*) Въ бумагахъ гр. Киселева найдена была записка, составленная въ 1843 г. и указывавшая, что неблагопріятные толки о министерствѣ государственныхъ имуществъ исходили, между прочимъ, отъ тѣхъ, которые въ отнятіи *возможности* (именно возможности, такъ какъ *права* этого рода не было) наказывать произвольно крестьянина видятъ разрушеніе всякой подчиненности и оскорбленіе правъ чиновника, а въ предоставленіи крестьянину всякой возможности съ жалобами своими достигать до высшихъ властей—гибель всякаго порядка... Такіе люди—говорилось, далѣе, въ запискѣ—не могутъ понять, что *основаніе порядка есть законность, а чувство законности внушается прежде всего ненарушимостію закономъ дарованныхъ правъ*"... (Заблоцкій, т. IV, 196).

надъ ними. Но такая власть была уже предоставлена сельскому старостѣ и волостному старшинѣ. Они получили право подвергать подвѣдомственныхъ имъ лицъ за «маловажные проступки», безъ суда, непосредственно, слѣдующимъ взысканіямъ: общественнымъ работамъ до двухъ дней, денежнымъ взысканіямъ до одного рубля и аресту до двухъ дней. Замѣчаніе, выговоръ и внушеніе признавались мѣрами слишкомъ мягкими по отношенію къ бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ и — неспособными дѣйствовать на нихъ. О такого рода взысканіяхъ даже не упоминалось. Должностныя лица вновь образованнаго крестьянскаго общественнаго управленія вооружались правомъ болѣе чувствительнаго дисциплинарнаго воздѣйствія на подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ. Освобожденныхъ крестьянъ, подчиненныхъ прежде личному, ничѣмъ неопредѣлявшемуся усмотрѣнію помѣщиковъ, казалось бы, слѣдовало сразу пріучать къ отвѣтственности за все по суду и закону, какъ лицъ, вводившихся въ общій составъ гражданъ. Отвѣтственность передъ судомъ, и только передъ судомъ, скорѣй могла бы воспитать ихъ въ духѣ, соотвѣтствующемъ государственному состоянію и ихъ новому положенію. Сдѣлано было, однако, иначе...

Но допустимъ, что установленіе отвѣтственности въ дисциплинарномъ порядкѣ передъ волостными старшинами и сельскими старостами для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ не представлялось особымъ противорѣчіемъ съ порядкомъ — при *переходномъ* состояніи, въ которое они вступали въ ихъ новомъ званіи «временно-обязанныхъ крестьянъ». Быть можетъ, привыкшіе къ воздѣйствіямъ со стороны помѣщичьей власти и ко внушеніямъ безъ всякихъ формальностей, «на конюшнѣ», не словомъ, а розгами, временно-обязанные крестьяне могли бы остаться нечувст къ вительными воздѣйствію судомъ, разсчитанному на развитое чувство чести и человѣческаго достоинства? Но, вѣдь, отвѣтственности въ дисциплинарномъ порядкѣ подчинялись вмѣстѣ съ бывшими крѣпостными крестьянами и лица прочихъ податныхъ состояній, проживавшія на надѣльныхъ земляхъ. Она же распространилась и на *удѣльныхъ крестьянъ* въ 1863 г. и на *государственныхъ крестьянъ* въ 1866 г., когда къ нимъ примѣнено было общественное устройство, созданное для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Какимъ же образомъ упомянутыя лица и названные крестьяне, отвѣчавшіе до тѣхъ поръ только по суду, до извѣстной степени воспитанные уже въ

духѣ законом'ѣрной свободы и вовсе не требовавшіе иныхъ м'ѣръ воздѣйствія на нихъ,—могли быть подчинены воздѣйствіямъ, постановленнымъ для крестьянъ крѣпостныхъ, жившихъ прежде при совершенно иныхъ условіяхъ?.. Какъ бы то ни было, это произошло именно такъ, если не юридически, то фактически,—и составило для государственныхъ крестьянъ несомнѣнное *ограниченіе въ правахъ и лишеніе извѣстнаго права состоянія, имъ до тѣхъ поръ принадлежавшаго.* Хотя въ законѣ о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе учрежденій, образованныхъ для завѣдыванія дѣлами бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и говорилось, что приэтомъ имъ сохраняются «всѣ права, коими они доселѣ пользовались»,—тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ, и они стали подвергаться взысканіямъ безъ суда со стороны сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. При томъ настроеніи, которое явилось тогда по отношенію къ крестьянскому дѣлу, это не возбудило никакого вопроса, никакихъ предположеній, что, быть можетъ, законъ и не имѣлъ въ виду по отношенію къ нимъ отмѣны прежняго права исключительно судебной отвѣтственности за проступки...

Сверхъ того, и передъ волостнымъ судомъ, созданнымъ по Общему Положенію 1861 г., государственные крестьяне вмѣстѣ съ бывшими крѣпостными также перестали отвѣчать за дѣянія, опредѣленно указанныя закономъ въ качествѣ дѣяній наказуемыхъ. Волостному суду не было дано для обязательнаго руководства какого либо опредѣленнаго уголовнаго кодекса. Ему преподано было только указаніе, что къ сельско-судебному уставу онъ долженъ... «примѣняться» въ отношеніе «мѣры наказанія». Вслѣдствіе же этого, какъ бывшіе помѣщичьи, такъ и государственные крестьяне, и въ порядкѣ суда, должны были нести неопредѣленныя наказанія за неопредѣленные проступки...

III.

Понятно, что все это не могло содѣйствовать установленію правильнаго юридическаго порядка въ сельской средѣ и обезпеченію правъ частныхъ лицъ. Отсутствіе этого порядка здѣсь и было признано въ совершенно ясныхъ выраженіяхъ указомъ правительствующему сенату объ обнародованіи законоположеній 12 іюля 1889 г. Именно эти послѣднія законоположенія и должны были восполнить указанный недостатокъ.

Лучшимъ лекарствомъ противъ такого органическаго недуга, въ числѣ прочихъ средствъ, могло бы послужить точное установленіе правъ и обязанностей крестьянъ и установленіе отвѣтственности за несогласныя съ порядкомъ дѣянія передъ судомъ и закономъ. Но законоположенія 12 іюля 1889 г., не разрѣшивъ цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, не удовлетворили и этому необходимому началу.

Прежде всего, ими затемнена и затруднена отвѣтственность по суду и закону вообще, вслѣдствіе крайняго раздробленія и неопредѣленнаго обозначенія уголовной подсудности, а равно и вслѣдствіе неуказанія, попрежнему, волостному суду точной мѣры налагаемыхъ имъ взысканій за каждое данное дѣяніе, при данныхъ обстоятельствахъ. Вовторыхъ, въ законоположеніяхъ 12 іюля 1889 г., по отношенію къ отвѣтственности крестьянъ внѣ судебнаго порядка, введено новое постановленіе, едвали оправдываемое исторіею и современными обстоятельствами и несогласное съ указанными выше необходимыми научными основными началами.

Дисциплинарная отвѣтственность крестьянъ не только не уменьшена и не замѣнена въ должной мѣрѣ отвѣтственностію по суду и закону, а, напротивъ, еще усилена, и притомъ съ совершенно новой стороны, до тѣхъ поръ русскому праву неизвѣстной. Право наложенія на крестьянъ дисциплинарныхъ взысканій предоставлено уже земскому начальнику. Согласно ст. 61 положенія о земскихъ начальникахъ,—«въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника лицами подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, онъ имѣетъ право подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей».

И до изданія положенія 12 іюля 1889 г., отъ всѣхъ вообще требовалось повиновеніе законнымъ распоряженіямъ властей, но—повиновеніе закономѣрное. Въ случаѣ неисполненія этихъ распоряженій, виновные привлекались къ отвѣтственности передъ судомъ и подвергались наказанію лишь въ томъ опредѣленно установлявшемся случаѣ, если неисполненныя требованія, дѣйствительно, были законны. Иной власти—суду—предоставлялось провѣрять *законность* требованій и распоряженій администраціи, оставшихся неисполненными. Такимъ образомъ, разрѣшался у насъ важный вопросъ управленія, приводящій въ нѣкоторыхъ странахъ къ учрежденію особыхъ

административныхъ судовъ. Въ законоположеніяхъ же 12 іюля 1889 г., изъ всѣхъ обывателей выдѣлены крестьяне, а изъ всѣхъ должностныхъ лицъ поставлены въ особое положеніе земскіе начальники, какъ совмѣщающіе судебную власть съ административною. Требованія земскаго начальника, обращенныя именно къ крестьянамъ, въ случаѣ ихъ неисполненія, не приводятъ виновныхъ къ отвѣтственности передъ судомъ и не требуютъ повѣрки послѣднимъ ихъ законности, какъ въ другихъ случаяхъ, по отношенію къ другимъ лицамъ. Эти требованія предполагаются во всѣхъ случаяхъ законными, и самъ же земскій начальникъ получаетъ право наказывать крестьянъ за ихъ неисполненіе,—дѣлается какъ бы судьею въ собственномъ дѣлѣ...

Но при большомъ числѣ имѣющихся у насъ законовъ, при ихъ неразработанности и запутанности, весьма затруднительно предполагать, чтобы всѣ требованія и распоряженія даннаго должностного лица могли быть законными. Ни одно должностное лицо и не предъявитъ притязаній на такое знаніе законовъ, чтобы самому никогда не усумниться въ правильности своихъ распоряженій, въ особенности же, когда распоряженія и требованія эти касаются нынѣшнихъ наименѣе совершенныхъ законовъ о крестьянахъ и сельскихъ отношеніяхъ. Несмотря, однако, на то, что распоряженія земскаго начальника легко могутъ оказываться, поэтому, въ иныхъ случаяхъ незаконными и исполненіе подобныхъ распоряженій само можетъ составлять нарушеніе закона,—постановленіе земскаго начальника о наложеніи взысканія по ст. 61 объявлено въ ст. 64 окончательнымъ и подлежащимъ немедленному исполненію. По смыслу этой статьи, въ какомъ она большею частью понимается, подобное распоряженіе не подлежитъ, затѣмъ, свободному обжалованію. Земскому начальнику въ ст. 61 предписывается только составлять при этомъ протоколъ. Требуется лишь, чтобы остались извѣстные слѣды состоявшагося распоряженія. Для чего? Для того единственно (коль скоро, дѣйствительно, право обжалованія здѣсь такъ ограничено, какъ оно понимается), чтобы дѣйствія земскаго начальника въ подобномъ случаѣ могли быть повѣрены въ порядкѣ надзора, при ревизіи его дѣлопроизводства высшею властію. Но ревизіи дѣятельности земскихъ начальниковъ не организованы, какъ нѣчто періодически обязательное, непремѣнное. Онѣ являются дѣломъ случайнымъ. Ревизія можетъ оказаться и строгою, и слабою, и внимательною, и

поверхностною. Неправильное распоряженіе можетъ быть и замѣчено, и упущено изъ вида. Приэтомъ законъ вовсе не указываетъ, что именно должно быть заносимо въ протоколъ. При такихъ условіяхъ, протоколъ можетъ быть не составленъ или и составленъ, но такъ, что и самый строгій ревизоръ не усмотритъ никакихъ неправильностей въ дѣйствіяхъ составителя. Конечно, за подвергшимся взысканію можно предполагать право требовать копіи протокола, но это право особо и точно закономъ ему, однако, не предоставлено, и на практикѣ онъ можетъ легко получить, и получаетъ иногда, отказъ въ подобномъ своемъ требованіи. Это же еще менѣе обезпечиваетъ правильность составленія протокола. Но допустимъ, что неправильность распоряженія о наложеніи дисциплинарнаго взысканія такъ или иначе будетъ замѣчена высшею властію. Дальнѣйшее, однако, не можетъ утѣшить потерпѣвшаго. Губернское присутствіе обязано тогда войти въ сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ окончательнаго постановленія земскаго начальника. Но лицо, къ которому примѣнена дисциплинарная власть, понесло уже наказаніе. Отсюда понятно, что и подобныя представленія могутъ быть дѣлаемы лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по особымъ обстоятельствамъ.

IV.

Въ какихъ же именно случаяхъ земскій начальникъ можетъ примѣнять предоставленное ему право подвергать дисциплинарнымъ взысканіямъ подвѣдомственныхъ ему лицъ? Несомнѣнно, лишь тогда, когда онъ замѣняетъ полицію, исправника или станового пристава, при отсутствіи послѣднихъ въ мѣстѣ его пребыванія. Вступая въ право полицейскихъ распоряженій въ опредѣленныхъ случаяхъ, предъявляя отдѣльнымъ частнымъ лицамъ извѣстныя требованія, *основанныя на законѣ*, земскій начальникъ можетъ встрѣчаться тогда съ неисполненіемъ его законныхъ требованій. И вотъ, на таковые случаи ему предоставлено право наложенія на виновныхъ крестьянъ извѣстныхъ взысканій. Взысканія эти значительно ниже тѣхъ, какія могутъ быть наложены въ общеустановленномъ порядкѣ привлеченія полиціею виновныхъ въ неисполненіи ея распоряженій къ отвѣтственности передъ тѣмъ же земскимъ начальникомъ, для постановленія приговора въ судебномъ засѣданіи. Но зато дисципли-

нарныя взысканія налагаются безъ соблюденія тѣхъ гарантій, формъ и обрядовъ, которые считаются необходимыми для судебнаго приговора, и-соотвѣтствующія распоряженія приводятся притомъ въ исполненіе немедленно.

Однако, вмѣсто этихъ, по крайней мѣрѣ не слишкомъ широкихъ предѣловъ, въ которыхъ, по смыслу закона, предоставлено земскимъ начальникамъ примѣнять ст. 61, въ дѣйствительности наблюдается обращеніе ихъ къ дисциплинарному воздѣйствію на крестьянъ въ столь разнообразныхъ случаяхъ, что, очевидно, земскіе начальники считаютъ свое право почти безграничнымъ. Какъ нимало еще освѣщена гласностью дѣятельность земскихъ начальниковъ, тѣмъ не менѣе, пятилѣтній опытъ примѣненія законоположеній 12 іюля 1889 года уже доказываетъ это многими знаменательными фактами.

Земскіе начальники примѣняютъ, напр., право дисциплинарныхъ взысканій въ случаяхъ, когда подвѣдомственное имъ лицо не сняло вовремя шапки, при встрѣчѣ съ ними, или оставалось въ шапкѣ, вступивъ съ ними въ какія-либо объясненія (хотя это явно неправильно, такъ какъ, съ одной стороны, никакія прямыя постановленія или общій смыслъ дѣйствующихъ законовъ не вмѣняютъ въ обязанность гражданамъ снимать шапки передъ начальствующими, а тѣмъ болѣе—объясняться съ ними не иначе, какъ съ обнаженными головами; уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, заключая въ себѣ множество мелочныхъ требованій, ни слова не говоритъ въ пользу существованія подобной обязанности; неисполненіе ея не объявляется наказуемымъ и въ уголовныхъ кодексахъ; съ другой стороны, въ такихъ случаяхъ нѣтъ распоряженія, а слѣдовательно, и неисполненія его,—нѣтъ вообще наличности существеннѣйшихъ обстоятельствъ, при которыхъ земскимъ начальникомъ могла бы быть примѣнена дисциплинарная власть; здѣсь оказывается лишь *совершившееся* уже *дѣйствіе*, представляющееся обиднымъ для земскаго начальника и предоставляющее ему право искать удовлетворенія судебнымъ порядкомъ, если только такое удовлетвореніе предоставляется закономъ). Случаи примѣненія земскими начальниками ст. 61 при подобныхъ обстоятельствахъ оказываются столь многочисленными — хотя они и наименѣе оправдываются закономъ—что о нихъ засвидѣтельствовано оффиціально въ отчетѣ о ревизіи смоленскаго губернатора, сдѣлавшемся достояніемъ печати

(«Юридическая Газета», №№ 19, 23, 25 и 27 за 1892 г.) [1]). Тамъ же указано, что наказанію по ст. 61 подвергались крестьяне, являвшіеся къ земскому начальнику «въ одной рубашкѣ»...—Въ корреспонденціи «Судебной Газеты» изъ Екатеринославской губерніи (№ 1 за 1891 г.), приводились примѣры примѣненія ст. 61 къ ямщику, который везъ земскаго начальника недостаточно быстро, и къ крестьянамъ, несворачивавшимъ съ дороги, хотя бы и съ тяжело нагруженными возами... [2]). Попытки что-либо возражать земскимъ начальникамъ, равнымъ образомъ, вызываютъ примѣненіе ст. 61. Въ «Недѣлѣ» за 1892 г. разсказывался случай о земскомъ начальникѣ Порховскаго уѣзда, который пригрозилъ отправить «въ холодную» студента духовной академіи, сына крестьянина, за его совершенно законное желаніе выступить повѣреннымъ отца, съ согласія и въ присутствіи послѣдняго, въ судебномъ засѣданіи... Въ Московской губерніи, въ извѣстномъ дѣлѣ Черкасова, обнаружилось, что, когда земскій начальникъ провелъ Черкасова въ предсѣдатели волостнаго суда и когда крестьяне стали пытаться заявлять земскому начальнику, что за послѣднія десять лѣтъ уѣздныя

---

[1]) Требованія относительно сниманія шапокъ предъявлялись, впрочемъ, и ранѣе непремѣнными членами уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Исполненіе такихъ требованій обезпечивалось тогда также и наказаніями, но не непосредственно налагаемыми, потому что дисциплинарной власти у непремѣнныхъ членовъ не было, а чрезъ посредство волостного старшины, облеченнаго подобною властію... Покойный Астыревъ рисуетъ такую картину («Въ волостныхъ писаряхъ», изд. 1, стр. 93): Непремѣнный членъ Щукинъ («капитанъ въ отставкѣ, чистокровный бурбонъ, глупъ, золъ, драчливъ и высокомѣренъ»)—провѣряетъ приговоръ, при полномъ сходѣ, и—вдругъ разражается, задѣтый за живое:... «Эй, кой тамъ чортъ въ шапкѣ стоитъ? Забываться стали, канальи!... Бариномъ захотѣлось быть? Старшина, разыскать и посадить въ арестантскую на сутки мерзавца!...»—Изъ разсматривавшагося въ январѣ 1895 г. въ казанской судебной палатѣ дѣла крестьянъ Фетисова, Звѣрева и Зяблова обнаружилось также, что и въ весьма недавнее время простой производитель работъ по составленію и выдачѣ владѣнныхъ записей, Пацевичъ, подъѣзжая къ волостному правленію, около котораго собрался сходъ, крикнулъ: «шапки долой»!...—Вообще, подобныя притязанія были въ нравахъ нашего чиновничества, и лишь разцвѣли особо пышнымъ цвѣтомъ въ средѣ земскихъ начальниковъ...

[2]) У г. Короленко («Въ голодный годъ», 123) читаемъ: «Возвращаясь съ базара, я встрѣтилъ двѣ тройки, увязавшія въ снѣгу. Ямщики были украшены бляхами, обозы торопливо сворачивали съ наѣзженной колеи и мужики обѣими руками сволакивали съ головъ свои шапки... Мнѣ объяснили, что это мѣстное начальство всякихъ ранговъ выѣзжало за границу уѣзда—встрѣчать губернатора»...

власти всегда отстраняли Черкасова отъ выборовъ, какъ человѣка несоотвѣтствовавшаго назначенію,—многіе изъ нихъ поплатились арестомъ за смѣлость своихъ заявленій... Смоленскій губернаторъ, въ отчетѣ за 1892—1893 гг., замѣчаетъ, что менѣе всего способствуютъ усиленію вліянія земскаго начальника на сходѣ штрафы, внушенія и аресты за возраженія ему («Юридическая Газета», № 41 за 1894 г.). Значитъ, такіе способы воздѣйствія на крестьянъ примѣнялись земскими начальниками и въ Смоленской губерніи, несмотря на производимыя тамъ особо тщательныя ревизіи дѣятельности земскихъ начальниковъ... — Г. Короленко («Въ голодный годъ», 38—39) передаетъ разсказъ земскаго начальника Нижегородской губ.— «молодаго человѣка съ высшимъ военнымъ образованіемъ»—о томъ, какъ онъ, при повѣркѣ списковъ нуждающихся въ хлѣбной ссудѣ, наткнулся на богатаго крестьянина, получавшаго по первому разряду, и разсердившись, посадилъ его подъ арестъ; на слѣдующій день приходитъ жена и проситъ выпустить мужа; оказалось, что арестованный вовсе и не просилъ ссуды, — его внесли въ списокъ такъ. «Надо отпустить»—заключилъ земскій начальникъ, выдержавъ человѣка подъ арестомъ безъ разбора дѣла... Онъ же разсказалъ г. Короленко, на вопросъ послѣдняго о томъ, какіе обыски производили они въ видахъ правильнаго составленія списка нуждающихся: «Просто обыски въ домахъ у крестьянъ, въ амбарахъ,—ну, всюду, гдѣ только можетъ быть хлѣбъ. Это называлось «повѣркой имущества»... Недавно у бабенки при такой повѣркѣ отыскали хлѣбъ. Стала кричать: «Ваше ли дѣло по клѣтямъ шарить»... «Посадилъ подъ арестъ», — замѣтилъ разсказчикъ (засвидѣтельствовавъ, очевидно, о новомъ примѣненіи ст. 61), — а всетаки скверно»... Насколько широко поняли земскіе начальники полномочія, возложенныя на нихъ статьею 61, показываютъ заявленія, которыя дѣлали нѣкоторые изъ нихъ, при вступленіи въ должность. Такъ, въ свое время, изъ Воронежской губерніи сообщалось въ «Новое Время»: «Вступая въ должность, большая часть земскихъ начальниковъ заявляла на крестьянскихъ сходахъ, что новое положеніе устанавливаетъ и новыя отношенія крестьянъ къ своему непосредственному начальству, что отъ нихъ требуется теперь безусловное повиновеніе распоряженіямъ земскихъ начальниковъ, а всякому ослушнику грозитъ (даже!) тѣлесное наказаніе»... [1]) Въ рѣчи одного земскаго на-

*) По первоначальному проекту, земскимъ начальникамъ и предполагалось

чальника, напечатанной въ № 327 „Гражданина“, за 1890 г., говорилось, между прочимъ: «Ослушниковъ своихъ требованій и распоряженій земскій начальникъ можетъ наказывать арестомъ до трехъ дней или штрафомъ до шести рублей, безразлично, до какой бы стороны крестьянской жизни ни касалось неисполненное требованіе или распоряженіе начальника, причемъ на такую мѣру наказанія жалобъ никуда не допускается»...—Въ «Саратовскомъ Дневникѣ» за 1894 г. передавался слѣдующій фактъ, составляющій, очевидно, примѣненіе ст. 61:» Для обсужденія вопроса о замѣнѣ общественныхъ запашекъ денежнымъ сборомъ и раскладки по душамъ необходимой на молотьбу суммы, назначался на 2 октября въ слободѣ Покровской сельскій сходъ, который, однако, не состоялся, такъ какъ большинство крестьянъ было въ полѣ. За неявку, *до семисотъ хозяевъ*, по постановленію мѣстнаго земскаго начальника, подвергнуто аресту»... Въ одномъ изъ волостныхъ правленій Ярославской губерніи въ 1894 г., висѣло объявленіе: «По распоряженію земскаго начальника, будутъ подвергаемы штрафу или аресту тѣ, кто не придетъ на сельскій сходъ или уйдетъ со схода, не подписавъ приговора»...—Судъ надъ земскимъ начальникомъ Протопоповымъ показалъ, что онъ подвергъ аресту, по ст. 61, одно лицо послѣ кулачной расправы съ нимъ за дѣйствія, показавшіяся ему непочтительными по отношенію къ его особѣ [1]). Оказывается, кромѣ того, что земскіе начальники поль-

---

предоставить право подвергать крестьянъ тѣлеснымъ наказаніямъ въ разсматриваемомъ дисциплинарномъ порядкѣ... Въ засѣданіи Спб. юридическаго общества, 26 февраля 1891 г., во время преній по нашему (ниже печатаемому) докладу «Преобразованный волостной судъ», — одинъ изъ членовъ общества разсказалъ объ одномъ земскомъ начальникѣ, который, вступивъ въ должность, настоятельно требовалъ отъ своего письмоводителя, чтобы тотъ показалъ ему «ту статью закона, по которой онъ, земскій начальникъ, можетъ сѣчь»... и — очень опечалился, узнавъ, что такой статьи—нѣтъ... Это, очевидно, также послѣдствіе упомянутыхъ предположеній и возбужденныхъ ими ожиданій...

[1]) Напомнимъ, что земскій начальникъ Протопоповъ обвинялся и былъ осужденъ почти по всѣмъ пунктамъ харьковскою судебною палатою и уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената въ томъ, что: 1) грозилъ полицейскимъ городовымъ «бить морды», если не будутъ дѣлать ему чести; 2) на сельскомъ сходѣ грозилъ, если будетъ продолжаться шумъ, перебить половину собравшихся на сходъ крестьянъ (около 700 человѣкъ), а крестьянамъ, которые будутъ обращаться съ жалобами и прошеніями, угрожалъ, что «жалобы будутъ на мордѣ, а прошенія на задней части тѣла»; 3) на сельскомъ сходѣ объявилъ крестьянамъ, что каждаго совершившаго похищеніе и оказавшаго неуваженіе родителямъ и старшимъ, будетъ «до суда жестоко бить»; 4) ударилъ крестьянина Ворвуля за то, что тотъ, не замѣтивъ его, Протопопова-

зуются иногда своею дисциплинарною властію для огражденія не только собственной своеобразно понимаемой чести, но и для внушенія населенію большаго почтенія къ помѣщикамъ. Такъ, въ «Недѣлѣ» за 1892 г. сообщалось объ отдачѣ однимъ земскимъ начальникомъ, для прочтенія на сходахъ, письменнаго «приказа», которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ крестьянамъ и мѣщанамъ участка, «при встрѣчѣ съ помѣщиками, сворачивать съ дороги и снимать шапки». За неисполненіе же этого «приказъ» угрожалъ арестомъ,—очевидно, по ст. 61.—Значительное число характерныхъ примѣровъ примѣненія дисциплинарной власти земскихъ начальниковъ приводитъ внутренній обозрѣватель «Вѣстника Европы» въ іюньской книжкѣ за 1894 г. [1]).—«Русскія Вѣдомости» въ № 1 за 1895 годъ указываютъ, что взысканія по ст. 61 налагались земскими начальниками на всѣхъ домохозяевъ деревни за потраву луговъ, на вольнонаемнаго почтаря за неаккуратную доставку почты, на лицо, высказавшееся на сходѣ противъ прибавки жалованья писарю, за подачу «неправильнаго прошенія», за «неумѣстныя объясненія», за «пустые разговоры» и пр. Незабвенныя страницы исторіи дѣятельности саратовскаго земскаго начальника г. Жеденева, естественно, изобилуютъ всевозможными примѣрами примѣненія ст. 61-ой...

Причины описанныхъ и многихъ иныхъ проявленій дисциплинарной власти земскихъ начальниковъ многочисленны. Онѣ коренятся въ тѣхъ условіяхъ русской жизни, при которыхъ и самый ясный законъ можетъ замѣняться нерѣдко произволомъ; въ исключительномъ составѣ земскихъ начальниковъ; въ извѣстномъ духѣ, въ какомъ была принята и понята реформа 12 іюля 1889 г. на мѣстахъ; въ приниженности населенія и недостаткѣ въ немъ правоваго сознанія, и пр. Сверхъ того, несомнѣнно, оказываютъ большое вліяніе и указанные выше недостатки закона о примѣненіи зем-

---

идущаго по площади, не снялъ передъ нимъ шапки; 5) арестовалъ крестьянина Слѣпушенко безъ соблюденія правилъ и нанесъ ему же побои; 6) нанесъ побои крестьянину М. Сѣрому и арестовалъ его безъ соблюденія установленныхъ правилъ, и 7) на сельскомъ сходѣ ударилъ палкою крестьянина Старченко... («Русская Жизнь», №№ 61 и 62 за 1893 г.).

[1]) Внутренній обозрѣватель «В. Е.», касаясь въ упомянутой книжкѣ настоящаго вопроса и основываясь отчасти на изслѣдованіи проф. Коркунова «Указъ и законъ»,—справедливо отвергаетъ, между прочимъ, право земскихъ начальниковъ издавать *общія распоряженія*, обязательныя въ предѣлахъ ихъ участковъ и подающія частые поводы къ примѣненію ст. 61.

скими начальниками предоставленной имъ дисциплинарной власти, заключающіеся въ томъ, что отсутствуютъ какія-либо формальности производства и существуетъ легкая и соблазнительная возможность обращенія къ дисциплинарному воздѣйствію на населеніе, и что примѣненіе этого воздѣйствія кажется неподлежащимъ обжалованію и въ этомъ смыслѣ почти всюду понимается на практикѣ [1]).

---

[1]) Неопредѣленность вопроса довольно ясно вытекаетъ изъ сопоставленія нижеслѣдующихъ высказанныхъ на него воззрѣній:

Оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, А. Ѳ. Кони, въ извѣстной рѣчи своей по дѣлу Протопопова, замѣтилъ, между прочимъ: «Несомнѣнно, что арестованный по ст. 61 не можетъ жаловаться въ порядкѣ инстанцій на наложеніе взысканія по ст. 61, опровергая дѣйствительность оказаннаго имъ неисполненія законныхъ требованій земскаго начальника; но если это требованіе вовсе не было предъявлено, или было въ явномъ противорѣчіи съ закономъ, не вытекало изъ правъ земскаго начальника и составляло превышеніе имъ власти, то есть, преступное съ его стороны дѣйствіе, то арестованный имѣетъ точно также несомнѣнное право, на точномъ основаніи 66, 121, 132, 135 и 137 статей положенія о зем. нач. и ст. 1085[1] устава угол. судопр., обратиться къ начальству земскаго начальника, — губернатору или губернскому присутствію, — съ жалобою или съ просьбою о вознагражденіи за вредъ и убытки».—Черниговскій губернаторъ г. Анастасьевъ. съ своей стороны, разъяснялъ («Руководство по администр. и судеб. дѣламъ для зем. нач., уѣздн. съѣздовъ, волостныхъ судовъ», т. I, 210): «Такъ какъ, по ст. 127 пол. о зем. нач., губернскому присутствію предоставляется входить въ правительствующій сенатъ съ представленіями объ отмѣнѣ окончательныхъ постановленій земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ въ случаяхъ, указанныхъ въ той же статьѣ (когда сими должностными лицами или учрежденіями принято къ разсмотрѣнію дѣло, неподлежащее ихъ вѣдомству, равно когда постановленіе состоялось съ превышеніемъ власти или съ явнымъ нарушеніемъ закона), то само собою, на окончательныя постановленія земскаго начальника могутъ быть приносимы жалобы заинтересованными лицами, но не уѣздному съѣзду, а губернскому присутствію, въ которомъ, согласно ст. 113 настоящаго положенія, сосредоточенъ надзоръ за успѣшнымъ исполненіемъ земскими начальниками и уѣздными съѣздами возложенныхъ на нихъ обязанностей». Точно также земскій начальникъ г. Беэръ («Комментарій провинціальныхъ учрежденій», ч. I, 186) говоритъ по настоящему предмету; «Недовольный распоряженіемъ земскаго начальника или признающій его требованіе незаконнымъ можетъ, въ крайнемъ случаѣ, подчинившись означенному требованію, обжаловать распоряженія земскаго начальника установленнымъ порядкомъ (ст. 66 и 127 пол. о зем. нач.), и въ случаѣ превышенія власти послѣднимъ, добиться признанія своего права, отмѣны незаконнаго распоряженія и подлежащаго удовлетворенія». — Наоборотъ, земскій начальникъ г. Сысоевъ («Книга для крестьянъ», 35) находитъ, что распоряженія земскаго начальника о наложеніи взысканій по ст. 61 «обжалованію совсѣмъ не подлежатъ». Вообще, *въ административной средѣ воззрѣнія гг. Анастасьева и Беэра представляются единичными.* При всемъ томъ указываемый ими путь можетъ дать желаемые результаты только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ нужно

Скажутъ, можетъ быть, что въ случаяхъ, въ родѣ приведенныхъ, и нѣтъ надобности въ ясно и положительно выраженномъ правѣ обжалованія дѣйствій земскихъ начальниковъ; что здѣсь имѣются, большею частію, всѣ признаки преступленій по должности; что жалобы могутъ быть вполнѣ замѣняемы заявленіями о таковыхъ преступленіяхъ губернскому присутствію, для привлеченія виновнаго должностнаго лица къ отвѣтственности, и что отмѣна неправильнаго распоряженія можетъ послѣдовать, какъ результатъ обвиненія земскаго начальника въ дисциплинарномъ или судебномъ порядкѣ преслѣдованія [1]). Но, вопервыхъ, крестьяне едвали могутъ знать о существованіи подобнаго выхода, могущаго привести къ нѣкоторому возстановленію нарушенныхъ правъ; вовторыхъ, существенная зависимость во многихъ отношеніяхъ отъ земскихъ начальниковъ не благопріятствуетъ вчинанію жалобъ даже на ихъ приговоры и рѣшенія по судебнымъ дѣламъ, и тѣмъ менѣе допускаетъ жалобы, право на подачу которыхъ представляется неяснымъ; втретьихъ, привлеченіе виновныхъ къ отвѣтственности за преступленія по должности, дѣлающееся въ особомъ, а не въ общемъ порядкѣ, сопряжено у насъ съ большими затрудненіями; вчетвертыхъ, наконецъ, подобный выходъ возможенъ лишь по отношенію къ случаямъ, имѣющимъ болѣе или менѣе явный характеръ должностныхъ преступленій, и непримѣнимъ къ другимъ случаямъ, не столь явно нарушающимъ права частныхъ лицъ и, однако, вызывающимъ необходимость отмѣны не-

---

слишкомъ много данныхъ, для того чтобы губернское присутствіе стало входить въ сенатъ со своими представленіями объ отмѣнѣ распоряженій подвѣдомственныхъ ему установленій.

[1]) Такой смыслъ, какъ видно, имѣютъ слова А. Ѳ. Кони, приведенныя въ предыдущемъ примѣчаніи. Слова эти представляютъ, такимъ образомъ, обжалованіе дисциплинарныхъ распоряженій земскихъ начальниковъ въ довольно ограниченныхъ предѣлахъ,—и, быть можетъ, его мнѣніе наиболѣе соотвѣтствуетъ закону. Можно сказать, однако, что законъ столь неопредѣленъ, что представляется крайне *затруднительнымъ*, почти невозможнымъ высказываться положительно по настоящему предмету. А такое положеніе вопроса имѣетъ ту выгоду, что дѣлаетъ необходимымъ *законодательное* его разрѣшеніе. При послѣднемъ же, личныя права крестьянъ, можно надѣяться, получатъ лучшую оцѣнку и признаніе, чѣмъ это было въ 1889 г. Вслѣдствіе этого, нельзя привѣтствовать попытки хотя бы и благопріятныхъ толкованій вопроса; онѣ безсильны передъ практикою, которой можетъ быть съ извѣстнымъ успѣхомъ противопоставленъ только новый законъ; притомъ такія толкованія во всякомъ случаѣ не могутъ быть въ *желаемой* мѣрѣ благопріятны для личныхъ правъ крестьянъ.

правильныхъ распоряженій и возстановленія нарушенныхъ правъ. Недостатки положенія дѣла, кажется, представляются вообще очевидными со всѣхъ сторонъ.

V.

Коль скоро земскому начальнику, наименованному властію, «близкою къ народу», было предоставлено законоположеніями 12 іюля 1889 г. право дисциплинарнаго воздѣйствія на крестьянъ, то едвали оставались достаточныя основанія къ оставленію и въ рукахъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ права такого же воздѣйствія на подвѣдомственныхъ имъ лицъ. Не только не имѣется доказательствъ полезнаго вліянія дисциплинарной власти, предоставленной сельскому старостѣ и волостному старшинѣ надъ сельскими обывателями, но, наоборотъ, въ каждомъ упоминаніи о ней свидѣтельствуется обыкновенно и о злоупотребленіи ею. Тѣмъ не менѣе, законоположенія 12 іюля 1889 г. вовсе не коснулись этого предмета, и—оставили за сельскими старостами и волостными старшинами ихъ полномочія всецѣло.

Нельзя не обратить, кромѣ того, вниманіе на существованіе въ отношеніи дисциплинарной власти крестьянскихъ должностныхъ лицъ одного крупнаго недоразумѣнія, до сихъ поръ остающагося въ тѣни, какъ и многое, относящееся до существеннѣйшихъ сторонъ юридическаго положенія крестьянъ. Оно характеризуетъ только что указанными чертами (отсутствіемъ надлежащихъ гарантій и неясностію права обжалованія) необезпеченность положенія личности крестьянина и со стороны его собственныхъ выборныхъ общественныхъ властей [1]).

Въ ст. 86 Общаго Положенія о крестьянахъ постановляется: «За маловажные проступки, совершенные лицами, подвѣдомственными волостному старшинѣ, онъ можетъ подвергать виновныхъ взысканіямъ въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ сіе предоставлено сельскому старостѣ». Приэтомъ, въ скобкахъ, дѣлается ссылка, на ст. 64, которая заключаетъ въ себѣ двѣ части: въ первой указываются роды и мѣры наказаній, налагаемыхъ сельскимъ старостою въ дисциплинарномъ порядкѣ, а во второй устанавливается право обжалованія въ

[1]) На положеніе крестьянъ съ этой стороны у насъ вовсе не обращалось и не обращается вниманія,—а между тѣмъ, произволъ можетъ принимать тутъ формы не менѣе тягостныя.

семидневный срокъ указанныхъ въ первой части распоряженій старосты. Возникаетъ вопросъ, подлежатъ ли обжалованію подобныя же распоряженія собственно волостнаго старшины — со стороны лица, считающаго себя подвергнутымъ дисциплинарному взысканію неправильно? Не дѣлается ли въ 86 ст. ссылка на ст. 64 лишь въ отношеніи первой части послѣдней. Сверхъ того, въ ст. 65 предписывается сельскому старостѣ къ соблюденію извѣстный порядокъ, при наложеніи имъ личныхъ взысканій, при обыскахъ, при задержаніи или взятіи кого-либо подъ стражу и пр. Онъ обязанъ въ такихъ случаяхъ «непремѣнно» приглашать двухъ свидѣтелей, преимущественно изъ числа стариковъ мѣстнаго сельскаго общества. Статья эта находится въ тѣсной связи со ст. 64. Однако, на нее нѣтъ ссылки въ ст. 86. Обязателенъ ли также и для волостнаго старшины этотъ порядокъ при наложеніи имъ взысканія по ст. 86?

Сомнѣваться въ утвердительномъ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ едвали возможно. Извѣстныя условія, обезпечивающія правильность дѣйствій, такъ же необходимы къ соблюденію волостными старшинами, какъ и сельскими старостами. Личныя права крестьянъ одинаково требуютъ этого какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Указанный порядокъ дѣйствій, можно полагать, обязателенъ и для волостнаго старшины въ случаяхъ наложенія имъ дисциплинарныхъ взысканій на подвѣдомственныхъ ему лицъ, какъ онъ безусловно обязателенъ для него и въ случаяхъ участія въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, когда старшина призывается къ этому при опредѣленныхъ обстоятельствахъ, въ качествѣ представителя мѣстной полицейской власти. Точно также можно считать, что дѣйствія старшины по наложенію дисциплинарныхъ взысканій подлежатъ обжалованію на одинаковыхъ основаніяхъ съ дѣйствіями сельскаго старосты, что косвенно и подтверждается, между прочимъ, положеніемъ о башкирахъ, составляющимъ какъ бы копію съ Общаго Положенія о крестьянахъ: въ этомъ положеніи прямо установляется обжалованіе распоряженій старшины по настоящему предмету.

Такъ или иначе, но на практикѣ очень часто наблюдалось уклоненіе волостныхъ старшинъ отъ порядка, установленнаго для примѣненія дисциплинарной власти сельскими старостами, и ограниченіе права обжалованія ихъ карательныхъ постановленій... Иначе и быть не могло: неясность закона особенно ощутительна для сельской среды, гдѣ только то право можетъ считаться въ извѣстной

степени обезпеченнымъ, которое вполнѣ опредѣленно, твердо и несомнительно выражено въ законѣ; притомъ же предоставленіе дисциплинарной власти вообще не благопріятствуетъ закономѣрному развитію дѣятельности должностныхъ лицъ.

Съ введеніемъ положенія о земскихъ начальникахъ, разсматриваемый вопросъ еще болѣе затемнился и существеннѣйшія права сельскихъ обывателей нынѣ оказываются еще менѣе обезпеченными. То обстоятельство, что распоряженія земскихъ начальниковъ о наложеніи дисциплинарныхъ взысканій объявлены окончательными и подлежащими немедленному исполненію, приводитъ къ болѣе частому истолкованію въ томъ же смыслѣ и вопроса о полномочіяхъ волостного старшины. Сверхъ того, земскіе начальники, обезпечивая себѣ спокойное прохожденіе службы, нерѣдко стараются присвоить сельскимъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ положеніе настоящихъ своихъ помощниковъ и не принимаютъ жалобъ на ихъ распоряженія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, или же не предоставляютъ по такимъ жалобамъ надлежащаго удовлетворенія заинтересованнымъ лицамъ. Въ то-же время и по той-же причинѣ, земскіе начальники крайне расширяютъ предѣлы полицейской власти волостнаго и сельскаго начальства. Духъ, въ которомъ примѣняется реформа 12 іюля 1889 г., вообще не благопріятствуетъ ненарушимости личныхъ правъ сельскихъ обывателей 1)...

---

1) Въ этомъ отношеніи въ высшей степени характерны и наводятъ на размышленія разсужденія земскаго начальника г. Беэра, автора «Комментарія провинціальныхъ учрежденій 12 іюля 1889 г.» (68—70):

«Сельскій староста—говоритъ онъ, между прочимъ,—долженъ въ особенности строго взыскивать за всякое ослушаніе своихъ требованій и приказаній, подвергая виновнаго *немедленно* заслуженному наказанію въ предѣлахъ своей административно-карательной власти... Въ этомъ отношеніи — замѣчаетъ далѣе г. Беэръ—земскій начальникъ долженъ особенно *поддерживать* сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ *даже и въ томъ случаѣ, еслибы ему данное распоряженіе показалось не вполнѣ цѣлесообразнымъ, непрактичнымъ или слишкомъ строгимъ, и по возможности не отмѣнять распоряженія низшихъ должностныхъ лицъ, ибо иначе они не будутъ имѣть должнаго авторитета.* Если должностное лицо приняло *энергическія мѣры* къ возстановленію нарушеннаго порядка, то земскій начальникъ долженъ наказывать его *только тогда, когда онъ усмотритъ явное пристрастіе или злонамѣренность,* и, наоборотъ, *особенно строго* взыскивать за бездѣйствіе власти, *не принимая во вниманіе возраженій, что староста или старшина не зналъ и не могъ узнать, кто правъ былъ и кто виноватъ, а потому не могъ ничего сдѣлать..* Для избѣжанія покражъ, порубокъ, потравъ и т. п. преступленій — продолжаетъ г. Беэръ—слѣдуетъ всѣмъ сельскимъ старостамъ установить во ввѣренныхъ ихъ попеченію обществахъ такой порядокъ, *чтобы никто безъ дозволенія сельскаго*

Въ виду всѣхъ приведенныхъ данныхъ, можно, кажется, считать положительно необходимымъ самый внимательный пересмотръ постановленій, относящихся до права дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ должностными лицами на сельское населеніе. При этомъ же пересмотрѣ едвали можетъ оказаться желательнымъ оставленіе названнаго права за какими-либо должностными лицами, а тѣмъ болѣе оставленіе его безъ надлежащаго огражденія въ отношеніи правильнаго примѣненія. Безъ сомнѣнія, настала уже пора поставить сельскихъ обывателей въ нормальныя юридическія условія существованія, предоставивъ крестьянамъ то право состоянія, которое можетъ быть признано не только общимъ, но естественнымъ и основнымъ, безъ котораго немыслимъ гражданинъ современнаго государства,—право отвѣчать за свои дѣйствія не иначе, какъ по суду и закону, съ полнымъ огражденіемъ отъ произвола. Личность, чувство

старосты и вообще не сказавшись ему или лицу, заступающему его мѣсто, не отлучался ночью изъ деревни, а если кому надо на ночь или днемъ отлучиться на сутки и болѣе, тотъ обязанъ сказать объ этомъ старостѣ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, а за всякую отлучку безъ спроса должно подвергать виновнаго наказанію... Караульщики и ночные сторожа должны донести утромъ сельскому старостѣ о всякомъ отлучившемся или отлучавшемся ночью изъ деревни и староста долженъ его *спросить* и, смотря по обстоятельствамъ дѣла, *наказать за ослушаніе, хотя бы въ его отлучкѣ ничего подозрительнаго и предосудительнаго не оказалось*».

Вотъ какъ понимаются нынѣ личныя права крестьянъ и права и обязанности должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія! И если принять во вниманіе, что это говоритъ земскій начальникъ, бывшій мировымъ и городскимъ судьею, кандидатъ правъ, лицо, составившее «комментарій» къ законоположеніямъ 12 іюля 1889 г., то можно себѣ представить, какъ же понимаютъ эти предметы другіе земскіе начальники, менѣе подготовленные къ своей дѣтельности...

Любопытно, кстати, названіе книжки.

«Комментарій провинціальныхъ учрежденій 12 іюля 1889 года составленъ примѣнительно къ рѣшеніямъ 2-го и другихъ департаментовъ Правительствующаго Сената и циркуляровъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, кандидатомъ правъ, бывшимъ участковымъ мировымъ судьею уѣзднаго и столичнаго мироваго съѣзда, городскимъ судьею и нынѣ земскимъ начальникомъ, В. А. Беэръ. Часть первая, положеніе о земскихъ начальникахъ и ихъ административный порядокъ дѣлопроизводства»... Не менѣе любопытно предисловіе къ «комментарію», по своей внѣшней формѣ и по той характеристикѣ, какую оно даетъ реформѣ 12 іюля 1889 г. «Одинъ изъ недостатковъ редакціи положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ—говоритъ въ немъ г. Беэръ—это чрезвычайно большое количество ссылокъ на различныя статьи свода законовъ и другихъ узаконеній, такъ что даже опытному человѣку въ высшей степени трудно, имѣя подъ руками весь сводъ законовъ, оріентироваться въ ссылкахъ и уяснить себѣ вполнѣ права и обязанности земскаго начальника

собственнаго достоинства, сознаніе извѣстной чести—настолько развились въ крестьянствѣ, что взысканія, налагаемыя безъ суда, становятся столь же несвоевременными, какъ и тѣлесное наказаніе, налагаемое по суду. Да и исторія, какъ мы видѣли, не оправдываетъ существованія въ настоящее время подобныхъ взысканій, указывая только одно состояніе крестьянъ, въ которомъ они примѣнялись,—состояніе крѣпостныхъ крестьянъ.

возложенныя на него положеніемъ 12 іюля 1889 года. Съ внутренней стороны положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ представляетъ собою законъ весьма цѣльный, законченный и хорошо обдуманный, вслѣдствіе чего и на практикѣ, въ особенности для опытнаго человѣка, онъ оказался въ высшей степени удобопримѣнимымъ и цѣлесообразнымъ, такъ что не только сельское населеніе стало обращаться къ земскому начальнику за разрѣшеніемъ и совѣтомъ по самымъ частнымъ и интимнымъ вопросамъ своей жизни (съ каковыми просьбами *они* никогда не обращались къ мировымъ судьямъ), но и всѣ какъ высшія, такъ и низшія учрежденія по всѣмъ вопросамъ, которымъ они придаютъ особенное значеніе, не только не могутъ обойтись безъ содѣйствія земскихъ начальниковъ, но часто всецѣло возлагаютъ на земскихъ начальниковъ совершенно чуждыя и не свойственныя имъ обязанности, вопреки точнаго смысла закона, что, конечно, приноситъ большой ущербъ ихъ дѣятельности, отвлекая ихъ отъ дѣла»...

Преобразованный волостной судъ [1]).

I.

Долго ждетъ своего преобразованія волостной судъ, образованный по Общему Положенію о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, которое постепенно превратилось въ Общее Положеніе для всѣхъ сельскихъ обывателей. Неудовлетворительность этого суда была сознана вскорѣ же послѣ 19 февраля 1861 г. Желательное преобразованіе было обезпечено тогда и условіями, соотвѣтствовавшими важности такого предмета, какъ устройство судебной части для многомилліоннаго сельскаго населенія. 16 декабря 1871 г., по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, было Высочайше повелѣно—предоставить учрежденной передъ тѣмъ комиссіи для обсужденія вопроса о волостныхъ судахъ: 1) изслѣдовать положеніе волостныхъ судовъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи; 2) истребовать по вопросамъ, возникающимъ при исполненіи ея работъ, отзывы лицъ, входящихъ въ составъ волостныхъ судовъ, а также мнѣнія другихъ лицъ, которыя комиссія признаетъ для себя полезными, и 3) разсматривать подлинныя производства какъ волостныхъ судовъ, такъ и съѣздовъ мировыхъ посредниковъ и судей,—послѣднихъ по дѣламъ, имѣющимъ какое-либо отношеніе къ разсматриваемому вопросу («Собраніе узак. и распор. прав.» 1872 г., № 10).

Такимъ образомъ, дѣло ставилось на широкую почву, на почву *мѣстнаго непосредственнаго изслѣдованія*. Комиссія и воспользовалась вполнѣ предоставленными ей полномочіями. Положеніе волостныхъ судовъ было изслѣдовано во многихъ и весьма разнооб-

[1]) Докладъ, читанный въ уголовномъ отдѣленіи Спб. Юридическаго Общества 26 февраля 1891 г.

разныхъ мѣстностяхъ. Громадный собранный матеріалъ былъ, затѣмъ, отпечатанъ. Было на чемъ основать преобразованіе, и произведенная тогда же реформа могла бы быть вполнѣ удовлетворительною. Однако, изъ всѣхъ работъ комиссіи сенатора Любощинскаго не вытекло никакихъ послѣдствій для волостнаго суда. Не прибавилось ни одной статьи въ правилахъ о немъ 19 февраля, не заключавшихъ въ себѣ и основныхъ началъ устройства судебной части. Почти 20 лѣтъ послѣ того, неудовлетворительность волостнаго суда все еще остается общимъ мѣстомъ. Наконецъ, новое теченіе, возобладавшее со времени празднованія столѣтняго юбилея дворянской грамоты, дало толчокъ преобразованію 12 іюля 1889 г. Положеніе волостнаго суда въ мѣстностяхъ, гдѣ вводятся земскіе начальники, *совершенно измѣняется*, хотя и на основаніи лишь *временныхъ* о немъ правилъ. Почти одновременно—9 іюля 1889 г.—но независимо отъ этого теченія, состоялось преобразованіе крестьянскаго суда прибалтійскихъ губерній, также до тѣхъ поръ весьма неудовлетворительнаго.

Какъ же разрѣшается обоими преобразованіями столь жгучій, столь важный вопросъ? По сравненію съ волостнымъ судомъ 9 іюля 1889 г. въ прибалтійскихъ губерніяхъ, равно съ волостнымъ судомъ 19 февраля 1861 г. и съ прочими, существовавшими до того и созданными послѣ, формами сельскаго крестьянскаго суда, посмотримъ: 1) *какъ учреждается* волостной судъ 12 іюля 1889 г.? 2) каковы его *подсудность и предѣлы власти;* 3) *порядокъ производства дѣлъ;* 1) *условія обжалованія его приговоровъ и рѣшеній, и* 5) *порядокъ исполненія приговоровъ и рѣшеній?*

II.

Между временными правилами 12 іюля 1889 г. о волостномъ судѣ внутреннихъ губерній и волостнымъ судебнымъ уставомъ для прибалтійскихъ губ. 9 іюля того же года существуетъ *глубокое различіе*. Послѣдній уставъ долженъ быть признанъ замѣчательнымъ памятникомъ новѣйшаго законодательства. Подобныхъ явленій законодательство наше давно уже не представляло. Общественная мысль можетъ остановиться на немъ съ особымъ удовольствіемъ. Закономъ этимъ прекрасно разрѣшена задача устройства простѣйшаго сельскаго суда. Добавить къ тому, что дано въ немъ,—остается весьма

немного. 9 іюля 1889 г. явился такой образецъ крестьянскаго суда, который, конечно, будетъ примѣненъ къ преобразованію всѣхъ существующихъ формъ сельскаго суда, а въ томъ числѣ и къ переработкѣ временныхъ правилъ 12 іюля 1889 г. Сила внутренняго вліянія его велика и неустранима.

Волостной судебный уставъ для прибалтійскихъ губерній отмѣченъ совершенно опредѣленными основными *началами*. Каковы же эти начала, столь сильно отличающія волостной судъ 9 іюля 1889 г. отъ волостнаго суда 12 іюля того же года?

Первое важнѣйшее различіе между правилами о волостномъ судѣ внутреннихъ и прибалтійскихъ губерній состоитъ въ *отношеніи тѣхъ и другихъ къ Судебнымъ Уставамъ*. «Въ основу правилъ—прежде всего и прямо, говорится въ представленіи министра юстиціи государственному совѣту отъ 18 апрѣля 1888 г.—положены *начала Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II*. Постановленія сихъ уставовъ удерживались вездѣ, гдѣ было возможно; отступленія же допускались лишь тамъ, гдѣ этого требовали, съ одной стороны, необходимость простоты правилъ и процессуальныхъ формъ, а съ другой,—мѣстныя условія прибалтійскаго края» [1]). То же самое повторяется въ объяснительной запискѣ министра, подъ правилами производства уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Подобной связи съ Судебными Уставами не существуетъ въ отношеніи волостнаго суда внутреннихъ губ. Въ этомъ состоитъ коренное различіе между преобразованіемъ мѣстныхъ учрежденій внутреннихъ губ. и преобразованіемъ тѣхъ же учрежденій прибалтійскихъ губ.,—въ ихъ *цѣломъ* и во всѣхъ частяхъ, а не въ отношеніи только волостнаго суда. Къ прибалтійской окраинѣ вообще примѣнялись Судебные Уставы. Въ нихъ находила выраженіе даже извѣстная *національная идея*. Судебные Уставы какъ бы выдвигались, въ видахъ устраненія исключительнаго положенія этой окраины. Но въ то же время тѣ же Судебные Уставы какъ бы объявлялись непригодными для внутреннихъ губ. Возникало предположеніе о замѣнѣ ихъ совершенно иными судопроизводственными законами даже въ отношеніи общесословныхъ судебныхъ учрежденій.

[1]) «Положеніе о преобразованіи судебной части и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ прибалтійскихъ губ. и правила о приведеніи въ дѣйствіе означенныхъ положеній, съ изложеніемъ соображеній, на коихъ они основаны». Сост. А. Гасманъ и бар. А. Нолькенъ. 2-ое испр. и дополн. изданіе министерства юстиціи. Спб. 1890 г. Стр. 428.

Мировые судьи, создававшіеся въ прибалтійскихъ губ., упразднялись во внутреннихъ, съ замѣною ихъ земскими начальниками, городскими судьями, уѣздными членами окружнаго суда и волостными судами. Правда, правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ земскими начальниками и городскими судьями, 29 декабря 1889 г., сохранили немало точекъ соприкосновенія съ Судебными Уставами. Тѣмъ не менѣе, правила эти составляютъ особый судопроизводственный законъ. Въ нихъ же установлена связь съ временными правилами о волостномъ судѣ, едвали предполагавшаяся вначалѣ. Связь эта, однако, не можетъ быть признана даже и косвеннымъ, посредственнымъ со отношеніемъ временныхъ правилъ къ Судебнымъ Уставамъ, такъ какъ и съ самими правилами 29 декабря временныя правила соединены весьма неопредѣленно, причемъ возбуждаются существеннѣйшія недоразумѣнія, какъ мы увидимъ ниже.

Второе отличіе правилъ 9 іюля отъ правилъ 12 іюля 1889 г., находящееся въ связи съ первымъ отличіемъ, состоитъ въ томъ, что, относительно прибалтійскихъ губерній, въ устройствѣ волостнаго суда, какъ и прочихъ судебныхъ установленій, обнаруживалось стремленіе *отдѣлить судъ отъ администраціи*. Такимъ путемъ имѣлось въ виду исправить недостатки прежняго устройства волостнаго суда, отличительною чертою котораго было, между прочимъ,— по словамъ объяснительной записки министра юстиціи,—«смѣшеніе администраціи и суда» (стр. 424). Въ цѣляхъ устраненія такого смѣшенія, самый надзоръ надъ волостнымъ судомъ вручался мировымъ съѣздамъ. Предполагалось именно, что онъ можетъ быть «гораздо успѣшнѣе осуществляемъ *органами судебной власти*, чѣмъ учрежденіями административными» (стр. 455). Коммиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ, какъ административная власть, оставался, поэтому, совершенно въ сторонѣ отъ дѣятельности волостнаго суда. Наоборотъ, во внутреннихъ губерніяхъ создавалось именно смѣшеніе администраціи съ судомъ даже и въ отношеніи болѣе важныхъ дѣлъ, чѣмъ тѣ, которыя предоставлялись волостному суду. Самыя учрежденія, создававшіяся 12 іюля, получили—вполнѣ отвѣчавшее существу ихъ—наименованіе «судебно-административныхъ». Имъ вручался надзоръ надъ волостнымъ судомъ, обозначаемый Н. В. Муравьевымъ прямо словомъ «начальство» [1]).

[1]) «Руководство для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники», изд. 2, 1891 г., стр. 9.

Изъ перваго и втораго начала само собою вытекаетъ третье, особо имѣвшееся въ виду составителями вол. суд. устава. Начало это—*объединеніе судопроизводственныхъ законовъ.* Въ основѣ своей судопроизводство въ волостномъ судѣ, въ верхнемъ крестьянскомъ судѣ, у мировыхъ судей, въ съѣздахъ судей и далѣе, относительно прибалтійскихъ губерній, совершенно одинаково. Разница состоитъ только въ относительно большей или меньшей простотѣ формъ и подробностей. При такихъ условіяхъ, понятно значеніе примѣчаній къ первымъ статьямъ о производствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ: что мировой съѣздъ, составляющій высшую кассаціонную инстанцію для волостнаго суда, встрѣтивъ какія-либо сомнѣнія при разрѣшеніи дѣлъ по жалобамъ на волостной судъ, разрѣшаетъ ихъ по соображенію подробныхъ постановленій уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Начало это чрезвычайно важно. Имъ облегчается толкованіе законовъ и создается, такъ сказать, *экономія средствъ суда и надзора.* Тутъ соблюдаются интересы закона вполнѣ согласно съ государственными видами и частными пользами. Отсюда же и весьма существенное практическое послѣдствіе: судопроизводственные законы легче усвоиваются населеніемъ, глубже проникаютъ въ его сознаніе; судъ дѣлается близокъ и доступенъ; населеніе воочію убѣждается въ выгодѣ и легкости обращаться къ посредству суда въ своихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, вмѣсто того чтобы обращаться къ самосуду и самоуправству или нести послѣдствія беззаконія и безнаказанности. Такимъ же образомъ осуществляется прямая задача государства и оправдываются естественныя ожиданія отъ него со стороны населенія: отношенія между лицами становятся строго юридическими, разрѣшаясь всегда на почвѣ права и закона, и населеніе, обращающееся за таковымъ разрѣшеніемъ къ государственнымъ установленіямъ, безъ труда находитъ его. — Такого начала, столь необходимаго для нынѣшней сельской жизни, не проведено во временныхъ правилахъ 12 іюля 1889 г. Правила эти составляютъ собою явленіе совершенно самостоятельное. Будучи временными, они далеко отступаютъ и отъ прежнихъ правилъ Общаго Положенія 19 февраля 1861 г. Нѣтъ также связи между врем. правилами и прочими существовавшими и существующими формами простѣйшаго сельскаго суда. Населеніе должно усвоивать правила 12 іюля, какъ нѣчто вполнѣ новое. Всѣ средства къ пониманію ихъ заключаются въ нихъ самихъ. Они не освѣщаются

ни съ какой стороны. Нѣтъ внутренней органической связи временныхъ правилъ и съ правилами 29 декабри 1889 г. о производствѣ судебныхъ дѣлъ земскими начальниками и городскими судьями. Законъ не указываетъ ни для какого случая возможности разрѣшать какія-либо сомнѣнія, возникающія въ уѣздномъ съѣздѣ, — второй инстанціи, — по соображенію съ правилами 29 декабря 1889 г. Дѣла, подлежащія волостному суду, именно должны разрѣшаться на основаніи правилъ 12 іюля 1889 г., какъ спеціальнаго закона. Между тѣмъ, правила 12 іюля возбуждаютъ цѣлый длинный рядъ существеннѣйшихъ вопросовъ. Оттого примѣнители ихъ часто оказываются въ положеніи безвыходномъ... Отсюда же является возможность совершенно *произвольнаго* разрѣшенія этихъ вопросовъ, что никакъ не можетъ содѣйствовать развитію юридическаго сознанія въ сельской средѣ, и можетъ, наоборотъ, благопріятствовать дѣйствію самоуправства и самосуда.

Четвертое начало, проникающее волостной суд. уставъ и также ярко отличающее послѣдній отъ временн. правилъ, — есть *соблюденіе научныхъ требованій въ устройствѣ низшаго народнаго суда.* Начало это, конечно, находится въ связи съ первыми, такъ какъ, съ одной стороны, въ основу Судебныхъ Уставовъ, примѣняемыхъ къ народному суду, положены научныя требованія; съ другой, и первыя указанныя начала истекаютъ изъ того же источника. Значеніе же этого начала въ примѣненіи къ народному суду особенно велико, потому что ново. До сихъ поръ относительно устройства народной жизни осуществлялась та мысль, что въ сельской средѣ такъ все просто, патріархально, чуждо всякихъ формъ и обрядовъ, что народную жизнь нельзя обставлять сколько-нибудь подробными правилами. Это—святая святыхъ обычая, и законъ долженъ держаться въ сторонѣ... Искренній народолюбецъ обнаруживалъ тутъ трогательное единеніе съ лукавымъ крѣпостникомъ... Первый восторгался передъ обычаемъ и сыпалъ пренебрежительные отзывы о законѣ (имѣя смутныя понятія о томъ и о другомъ). Второй, съ иными цѣлями и иными побужденіями, поддерживалъ обычай и устранялъ дѣйствіе закона. Обоими законъ выставлялся, какъ бюрократическое измышленіе, не выдерживающее никакого сравненія со «свѣтлыми проявленіями народнаго духа, съ живою струею народнаго убѣжденія» и пр. Искренніе сторонники обычая забывали, что то время, когда законъ и государственная власть не вступались

со своими опредѣленіями въ народныя отношенія, когда помѣщикъ могъ говорить крестьянину: «законъ для тебя—это я»...—что это время было временемъ *полнаго личнаго и имущественнаго закрѣпощенія крестьянъ*, основывавшагося, главнымъ образомъ, на свободно развивавшемся *обычаѣ*, что раскрѣпощеніе настало только съ того времени, какъ въ знаменательномъ манифестѣ 19 февраля 1861 г. было провозглашено: «Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ государства, мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и низшія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, *не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ*, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію *обычаемъ*, потомственно укрѣплены подъ власть помѣщиковъ... Права помѣщиковъ были донынѣ весьма обширны и *не опредѣлены въ точности закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика*». Сторонники обычая упускали также изъ виду, что и законодательство 19 февраля не предусмотрѣло всего и многое предоставило дѣйствію обычая, по желанію и предложеніямъ, дѣлавшимся *со стороны помѣщиковъ*, черезъ посредство губернскихъ комитетовъ; что эти предложенія и любовное отношеніе къ обычаю имѣли совсѣмъ не тотъ смыслъ, который соединяютъ съ обычаемъ они, искренніе доброжелатели народа... Они забывали, что законъ не есть нѣчто установившееся, что въ него можно влить всякое содержаніе, развить и укрѣпить имъ хорошій обычай и уничтожить дурной... Такъ или иначе, мысль о необходимости охранять народную жизнь отъ «ломки закономъ»—столь различно звучавшая въ разныхъ устахъ—получила широкое распространеніе, въ особенности благодаря слабому знанію законовъ и легкости критиковать ихъ. Подобная точка зрѣнія воспрепятствовала развитію законодательства 19 февраля въ предуказанномъ ему направленіи. Эта же точка зрѣнія, облегчивъ задачу устройства народнаго суда, какъ сводившуюся къ тому, чтобы предоставить его самому себѣ, мѣшала и дальнѣйшему его развитію. Факты доказываютъ, однако, что она не обезпечивала народнаго правосудія. На дѣлѣ народный судъ не могъ даже оставаться предоставленнымъ самому себѣ и развиваться такъ или иначе, но свободно. Въ дѣйствительности онъ подпалъ подъ вліяніе поставленныхъ надъ крестьянами административныхъ властей,—вліяніе, не

поддававшееся притомъ никакому контролю. *На мѣсто и закона, и обычая становились распоряженія низшихъ властей весьма неудовлетворительнаго состава.* Это не могло обезпечить законныхъ интересовъ,—и вотъ, естественно, возникли жалобы на недостаточную защиту правъ въ сельской средѣ. Стали перечисляться всевозможныя причины. Но—самая главная и была забыта. Безпорядки въ правосудіи не нашли нужнымъ устранять путемъ подробнаго опредѣленія, на научныхъ основаніяхъ, устройства суда. Опредѣленій закона прибавлено къ прежнимъ слишкомъ мало. Вліяніе же на него ближайшей власти не въ мѣру расширено. И вотъ, народный судъ еще менѣе, чѣмъ прежде, предоставленъ самому себѣ, и еще въ большей мѣрѣ становится для него на мѣсто закона и обычая усмотрѣніе ближайшаго начальства. Въ опредѣленіяхъ закона не выразились и не могли выразиться научныя требованія отъ устройства судебной части. Законоположенія 12 іюля отмѣчены совершенно особою чертою. Преобразованіе мѣстныхъ учрежденій вообще должно было совершаться безъ всякихъ предустановленныхъ основаній. Составители проектовъ законоположеній 12 іюля 1889 г. думали именно уловить требованія самой жизни и отвѣтить имъ... Лица же и органы печати, взявшіе на себя защиту и истолкованіе преобразованія 12 іюля, не удерживались даже отъ прямыхъ вылазокъ и рѣзкихъ обвиненій противъ науки, подъ именемъ «теоріи», «доктрины» и пр. Совершенно правильно, поэтому, обозначаетъ г. Башмаковъ словомъ «недоумѣніе» то впечатлѣніе, которое производятъ законоположенія 12 іюля 1889 г. (№ 1 «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права» за 1890 г.). «Школа—говоритъ онъ—научила насъ мыслить по категоріямъ, а въ новомъ законѣ категоріи нарушены»... Въ наибольшей же мѣрѣ слова эти могутъ быть примѣнены къ устройству волостнаго суда. Невидно, чтобы въ немъ были приняты во вниманіе не только научныя требованія отъ устройства судебной части, но даже и тѣ вполнѣ жизненныя данныя и указанія, которыя заключались въ практикѣ сената и другихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Нѣкоторые вопросы разрѣшены независимо отъ сенатской практики и—менѣе удовлетворительно, чѣмъ разрѣшались до сихъ поръ сенатскими разъясненіями, въ виду молчанія закона. Другіе вопросы, имѣющіе уже длинную исторію, попрежнему, остались безъ всякаго разрѣшенія, и удручающая народный судъ исторія ихъ повторится опять. Жизнь, пла-

чевное состояніе которой ярко обнаруживалось въ массѣ извѣстныхъ случаевъ и примѣровъ, и на будущее время не получитъ облегченія—вслѣдствіе того, что эти случаи и примѣры не были приняты во вниманіе. Почему? Потому именно, что не была, попрежнему, примѣнена къ устройству новаго суда научная точка зрѣнія, единственно стремящаяся основывать свои выводы на изученіи всѣхъ возможныхъ данныхъ, охватить предметъ широко, со всѣхъ сторонъ. Но именно на эту точку зрѣнія стало законодательство 9 іюля 1889 г. относительно волостнаго суда прибалтійскихъ губерній. Оно доказало, что научныя изысканія, выводы и данныя такъ же пригодны для народа, какъ и для высшихъ классовъ; что и для народа ненужно совершенно особаго устройства суда; что правильная защита правъ въ сельской средѣ можетъ быть построена только на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыя считаются безъ всякаго спора необходимыми для защиты лицъ иныхъ состояній. Но, примѣняя здѣсь впервые вполнѣ научныя требованія, законодательство 9 іюля 1889 г. не поступало слѣпо, не стремилось только выразить извѣстныя теоретическія формулы. Нѣтъ, новый судъ устраивался съ глубокимъ знаніемъ дѣла,—особенностей крестьянской среды, сельской жизни. Необходимыя отступленія отъ выработавшихся и общепринятыхъ формъ дѣлались каждый разъ, когда этого ясно требовали указанныя особенности и условія. Приэтомъ, строжайшимъ образомъ принимались во вниманіе какъ исторія крестьянскаго суда въ прибалтійскихъ и внутреннихъ губерніяхъ, такъ и всѣ указанія, заключавшіяся въ практикѣ сената и иныхъ учрежденій. Тѣ вопросы, которые возникали до сихъ поръ въ практикѣ прежняго волостнаго суда прибалтійскихъ губерній, не упущены изъ виду и получили разрѣшеніе. Новое устройство и дѣятельность суда прибалтійскихъ губерній, и прежде не опредѣлявшіяся лаконически, получили значительный объемъ, развиты съ извѣстными подробностями. Но эти подробности могутъ только принести пользу, и слѣдующія слова министра юстиціи звучатъ глубокой правдой: «*Чѣмъ неразвитѣе среда, для которой предназначается тотъ или иной законодательный актъ, тѣмъ подробнѣе, точнѣе и яснѣе должно быть изложеніе послѣдняго. Сжатость изложенія закона, понятная образованному человѣку, является недостаткомъ въ томъ случаѣ, когда законъ долженъ служить преимущественно руководствомъ для людей малоразвитыхъ и неопыт-*

ныхъ въ толкованіи и изъясненіи законодательныхъ опредѣленій» (стр. 428).

Въ этихъ же словахъ, столь простыхъ и неоспоримыхъ, выражается пятое начало, весьма послѣдовательно и твердо проводимое въ волостномъ суд. уставѣ. Начало это—*возможная простота изложенія*. Правила новаго суда прибалтійскихъ губ. выражены въ короткихъ статьяхъ, въ точныхъ и общепонятныхъ опредѣленіяхъ. Учрежденіе суда, правила производства уголовныхъ дѣлъ и правила производства дѣлъ гражданскихъ—составляютъ отдѣльныя главы. То и другое судопроизводства не смѣшаны между собою. Всѣ постановленія расположены, притомъ, въ строго систематическомъ порядкѣ. Правила, заимствованныя изъ устава о наказаніяхъ и изъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ, не указываются въ новомъ вол. суд. уставѣ путемъ ссылокъ, предпосылающихъ къ самымъ источникамъ заимствованія. Эти правила воспроизводятся здѣсь же—*въ упрощенной и понятной редакціи*. Министръ юстиціи, въ представленіи своемъ государственному совѣту, выразилъ: «При составленіи правилъ имѣлось въ виду, чтобы они были просты, ясны и немногочислены, и такимъ образомъ, представлялись вполнѣ доступными для не-юристовъ». Задача эта достигнута вполнѣ. Пониманіе новыхъ правилъ, дѣйствительно, облегчено въ возможной степени. При всемъ томъ, мы имѣемъ и соображенія, принятыя во вниманіе при составленіи правилъ, равно соображенія, высказанныя государственнымъ совѣтомъ при ихъ обсужденіи. Цитировавшееся нами уже не разъ, составленное гг. Гасманомъ и Нолькеномъ, изданіе министерства юстиціи—въ особенности представляетъ вол. суд. уставъ, какъ живое цѣлое, какъ трудъ вполнѣ научный. Во временныхъ же правилахъ 12 іюля 1889 г. не соблюдено и настоящее столь необходимое начало, хотя населеніе внутреннихъ губерній значительно менѣе развито, чѣмъ населеніе губерній прибалтійскихъ. Правила уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ въ нихъ смѣшаны. Отдѣльныя статьи страдаютъ утомительными длиннотами, затрудняющими пониманіе закона. Самыя опредѣленія не имѣютъ надлежащей точности, влѣдствіе безразличнаго употребленія нѣкоторыхъ словъ вполнѣ установившагося значенія. На статьи, заимствуемыя изъ устава о наказаніяхъ, дѣлается простая ссылка и никакой переработкѣ онѣ не подвергаются. Самыя ссылки также не представляются точными въ желаемой мѣ-

рѣ, и возбуждаютъ весьма существенныя недоразумѣнія. При всемъ томъ, остаются неизвѣстными соображенія, принятыя во вниманіе при составленіи правилъ и при обсужденіи ихъ въ государственномъ совѣтѣ. Вообще, *ни одинъ законъ не дѣлаетъ толкованія въ такой мѣрѣ затруднительнымъ и даже иногда невозможнымъ*: статьи врем. правилъ, отступая отъ всѣхъ общепринятыхъ началъ, въ то же время не выставляютъ достаточно ясно какихъ либо своеобразныхъ новыхъ началъ и даже часто не подходятъ, по своему содержанію, къ тѣмъ главамъ, въ которыя размѣщены. Одинъ и тотъ же предметъ опредѣляется въ разныхъ главахъ; указанія относительно его, дѣлаемыя одною статьею, прерываются нѣсколькими послѣдующими и продолжаются въ какихъ-либо ниже или выше стоящихъ статьяхъ. Ни одинъ законъ не дѣлаетъ, поэтому, толкованій въ такой мѣрѣ *произвольными*, въ особенности, если они исходятъ отъ низшихъ учрежденій...

При всѣхъ этихъ условіяхъ, практическое значеніе временныхъ правилъ зависитъ отъ того, будутъ-ли примѣнены къ нимъ устанавливаемыя нашими Основными Законами начала исполненія и толкованія законовъ, состоящія въ томъ, что 1) страна наша управляется «на твердомъ основаніи законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ» (ст. 47); 2) что «въ случаѣ неясности или недостатка существующаго закона, каждое мѣсто и правительство имѣетъ право и обязанность представить о томъ по порядку своему начальству» (ст. 52), каковымъ путемъ сомнѣнія доходятъ до разрѣшенія ихъ министерствомъ или сенатомъ, или же до законодательнаго разрѣшенія (какъ въ большинствѣ случаевъ только и могутъ быть разрѣшены вопросы, возникающіе изъ врем. правилъ); 3) что «законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія»,—прибѣгать же къ общему смыслу законовъ для разрѣшенія возникающихъ вопросовъ возможно только тогда, когда встрѣчается затрудненіе въ примѣненіи къ данному вопросу того или иного закона, а не тогда, когда на данный предметъ вовсе нѣтъ закона (ст. 65). Низшія учрежденія, въ средѣ которыхъ, главнымъ образомъ, возникаютъ вопросы по примѣненію новыхъ правилъ, должны въ особенности имѣть въ виду эти начала *законности*. Только въ такомъ случаѣ всѣ вопросы, возбуждаемые временными правилами, получатъ правильное, единообразное и твердое разрѣшеніе; только

тогда въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ получится богатый и живой матеріалъ, который ускоритъ переустройство волостнаго суда и посодѣйствуетъ выработкѣ для него правильныхъ началъ. Жизнь не будетъ метаться изъ стороны въ сторону, терзаемая неопредѣленностію постановки существеннѣйшихъ вопросовъ. Законные интересы получатъ правильное и своевременное огражденіе. Не возникнетъ и того *подрыва уваженія къ закону*, который неизбѣженъ во всѣхъ случаяхъ, когда истинный смыслъ закона не изъясняется компетентною властью; когда законъ примѣняется неодинаково и разными властями; когда подчасъ одна и та же власть, одно и то же учрежденіе высказываетъ въ разныхъ дѣлахъ объ одномъ и томъ же законѣ неодинаковое сужденіе; когда, вслѣдствіе этого, населеніе теряетъ самое сознаніе того, что власть руководится закономъ...

Примѣненіе указанныхъ началъ въ исполненіи и толкованіи закона — въ особенности необходимо потому, что министерство внутреннихъ дѣлъ едвали склонно истолковывать самостоятельно или изготовлять проекты законодательнаго толкованія положеній 12 іюля 1889 г. въ томъ духѣ, въ которомъ они составлялись... Извѣстныя умѣряющія и смягчающія начала уже и вносились въ нихъ, — въ то время какъ на мѣстахъ, въ особенности въ тѣсной средѣ земскихъ начальниковъ, обнаруживались обратныя стремленія, носившія на себѣ слѣды первоначальныхъ, еще болѣе своеобразныхъ предположеній, не получившихъ, однако, выраженія въ законѣ...

III.

Въ преобразованномъ видѣ, волостной судъ *перестаетъ быть выборнымъ судомъ* даже и въ томъ видѣ, въ какомъ представлялся выборнымъ судъ 19 февраля 1861 г. Какъ ни затруднительно было тогда—при дѣйствіи крайнихъ крѣпостническихъ вліяній — установленіе какихъ-либо условій свободы и независимости для управленія освобождавшихся крестьянъ, однако, волостной судъ былъ, — по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, — обезпеченъ въ этомъ отношеніи. Судьи, въ числѣ отъ 4 до 12, по временамъ мѣняющіеся и выбывающіе, избирались волостнымъ сходомъ, и немедленно же, безъ всякаго утвержденія какою-либо властью, вступали въ отправленіе своихъ обязанностей. „Они же — говорилось въ „Извлеченіи“ изъ

всеподданнѣйшихъ писемъ Ростовцева, заключавшемъ въ себѣ основныя предположенія по освобожденію, — *міромъ и утверждаются*". („Матеріалы редакціонныхъ комиссій", т. 2, кн. 2, стр. 240). Новый судъ, вмѣсто того, образуется изъ четырехъ *постоянныхъ* судей, назначаемыхъ на три года. Число это признается достаточнымъ одинаково для всѣхъ волостей, хотя населенность ихъ колеблется между 300 и 2,000 ревизскихъ душъ крестьянъ и еще болѣе различна въ отношеніи прочихъ подчиненныхъ волостному суду лицъ,— а составъ судебнаго учрежденія, естественно, долженъ сообразоваться съ пространствомъ его вѣдѣнія и съ числомъ лицъ, ему подсудныхъ (къ каковымъ условіямъ и могло вполнѣ приспособляться прежнее учрежденіе волостнаго суда). Новое учрежденіе создаетъ, впрочемъ, еще кандидатовъ волостныхъ судей, но лишь на случай выбытія судей изъ должности до истеченія трехлѣтняго срока службы или на случай временнаго отсутствія ихъ, а не для облегченія наличныхъ судей, для чего предназначаются, напримѣръ, добавочные мировые судьи. Каждому сельскому обществу предоставляется именно избирать *кандидата* въ волостные судьи. Такихъ кандидатовъ должно быть не менѣе восьми. Но нѣкоторыя волости могутъ состоять изъ меньшаго числа обществъ. Въ такомъ случаѣ, кандидаты, недостающіе до означеннаго „комплекта", избираются тѣми обществами, которымъ это будетъ предоставлено уѣзднымъ съѣздомъ (чѣмъ, кстати сказать, порождается неравенство въ положеніи разныхъ обществъ, не обусловливаемое ничѣмъ, кромѣ простаго усмотрѣнія названнаго учрежденія). И вотъ, изъ опредѣленнаго числа указанныхъ обществами кандидатовъ въ волостные судьи, четверо *утверждаются* земскимъ начальникомъ въ должностяхъ, а остальные назначаются имъ кандидатами въ судьи на тотъ же трехлѣтній срокъ. Такимъ образомъ, одна и та же статья временныхъ правилъ употребляетъ слово «кандидатъ» въ двухъ *неодинаковыхъ* значеніяхъ. Такъ или иначе, непосредственно самихъ судей крестьянскія общества не избираютъ болѣе, — назначеніе же судей не какою-либо высшею или дальше поставленною властью, а властью ближайшею, никакъ не можетъ обезпечивать имъ должной независимости.

Утвержденные судьи новаго волостнаго суда принимаютъ общую судейскую присягу. Какъ ни велико дѣйствіе присяги на крестьянина, тѣмъ не менѣе, она не была установлена для волостныхъ судей по Общему Положенію. Печальное упущеніе это исправлено и

для мѣстностей, гдѣ не введены земскіе начальники, только закономъ 19 ноября 1890 г., устанавливающимъ присягу судей и порядокъ приведенія къ ней. Однако, такъ какъ законъ этотъ изданъ въ дополненіе къ ст. 121 Общаго Положенія, то волостные судьи среди башкиръ и сельскіе судьи Закавказскаго края, попрежнему, не подчиняются этому условію,—несомнѣнно, въ извѣстной степени, обезпечивающему справедливость и безпристрастіе суда.

Одинъ изъ недостатковъ прежняго суда исправленъ временными правилами 12 іюля. Судъ этотъ получаетъ предсѣдательствующаго, но также *по назначенію*—именно уѣзднымъ съѣздомъ—изъ числа наличныхъ судей. Приэтомъ допускается назначеніе предсѣдателемъ суда волостнаго старшины, въ противоположность Общему Положенію 19 февраля, которое не допускало даже присутствія волостнаго старшины (и сельскаго старосты) «при обсужденіи дѣлъ». Впрочемъ, совершенно непонятно, какимъ образомъ волостной старшина могъ бы быть назначенъ предсѣдательствующимъ, коль скоро таковымъ можетъ быть, по ст. 1, *одинъ изъ назначенныхъ четырехъ судей*,—статья же 3 не допускаетъ совмѣщенія должности судьи съ какою-либо иною должностью по волостному или сельскому управленію,—почему, волостной старшина, очевидно, не можетъ входить въ самый составъ лицъ, изъ которыхъ долженъ быть назначенъ предсѣдатель... Первая же статья «правилъ» возбуждаетъ, такимъ образомъ, столь крупное недоразумѣніе... Смыслъ этой статьи можно было бы еще понять, еслибы вторая часть ея была помѣщена въ примѣчаніи. Тогда было бы болѣе или менѣе ясно, что, при общемъ правилѣ назначенія предсѣдательствующаго изъ числа наличныхъ судей, съѣздъ можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, по своему усмотрѣнію, назначать предсѣдателемъ волостнаго старшину,—то есть, изъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу наличныхъ судей, такъ какъ, по точному смыслу ст. 3, старшина не можетъ быть судьей. Если ужъ признать возможнымъ толкованіе ст. 1, то скорѣе всего и теперь можно принять ее именно въ этомъ смыслѣ. Съ меньшимъ основаніемъ можно думать, что старшина можетъ быть назначаемъ судьею или что допускается совмѣстительство его должности съ должностью судьи,—какъ, повидимому, полагаетъ г. Муравьевъ, перечисляя на стр. 6 своего «Руководства»,—кто не можетъ быть судьею и *не упоминая* о волостномъ старшинѣ.

Во всякомъ случаѣ, предполагаемый составъ новаго суда напоминаетъ, въ общемъ, предложенія 36 членовъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ втораго приглашенія, представленныя ими въ видѣ *возраженія* на проектъ административнаго отдѣленія редакціонныхъ комиссій. Названные члены именно предлагали: «для разбора маловажныхъ дѣлъ, разрѣшаемыхъ на основаніи *обычнаго* права, учредить волостные суды изъ 4 постоянныхъ (однако, выборныхъ) членовъ, подъ предсѣдательствомъ волостнаго старшины и подъ особеннымъ наблюденіемъ мироваго судьи» (такъ предполагалось назвать должностныхъ лицъ для разбора жалобъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами въ высоч. утвержденныхъ 25 марта 1859 года главныхъ началахъ устройства установленій по крестьянскимъ дѣламъ,—каковое названіе впослѣдствіи было замѣнено другимъ: мировой посредникъ). Тѣ же члены возражали и противъ недопущенія волостнаго старшины въ засѣданія суда на томъ основаніи, что, по ихъ мнѣнію, это можетъ отнять у волостнаго суда и послѣдній признакъ законности въ глазахъ населенія.

Административное отдѣленіе отвѣтило, что «законность вол. суда, и по понятіямъ народа, заключается не въ присутствіи старшины (что, напротивъ,—замѣтило оно,—можетъ отнять у суда надлежащую независимость), а въ возможно большей свободѣ отъ постороннихъ вліяній». Отдѣленіе отстаивало также и предположенное имъ возложеніе суда на очередныхъ, ежегодно мѣняющихся выборныхъ, такъ какъ, по его мнѣнію,—«очередные домохозяева представляютъ болѣе ручательства въ безпристрастіи и независимости, нежели постоянные выборные, всегда наклонные изъ общественныхъ обязанностей своихъ дѣлать ремесло» («Матеріалы», ч. XII, стр. 108). Но, отстаивая такимъ образомъ независимость суда, какъ условіе, обезпечивавшее личныя и имущественныя права крестьянъ, административное отдѣленіе само, впрочемъ, возложило было на старшину *предложеніе* дѣлъ суду,—что вовсе не вязалось съ воспрещеніемъ присутствовать въ засѣданіяхъ («Матеріалы», т. II, кн. 2, стр. 262); вовторыхъ, оно же предположило возложить на старшину право наказанія за маловажные проступки по должности волостныхъ должностныхъ лицъ вообще,—право, также не согласовавшееся съ ихъ независимостью; втретьихъ, отдѣленіе нашло возможнымъ возложить на волостнаго старшину и сельскаго старосту право наказывать подвѣдомственныхъ имъ прочихъ лицъ

за маловажные полицейскіе проступки,—вовсе не выяснивъ въ то же время различіе подсудности крестьянъ суду или означеннымъ властямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ. Изъ этого же возникла крайняя шаткость положенія для крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, а затѣмъ, по мѣрѣ распространенія Общаго Положенія о нихъ, и для прочихъ сельскихъ обывателей.

Запрещеніе волостному старшинѣ присутствовать въ засѣданіяхъ суда именно дало основаніе сенату, 15 апрѣля 1875 г.—при прежнемъ положеніи—оградить судей отъ дисциплинарной власти старшины, путемъ того вывода, что дѣятельность судей поставлена внѣ контроля старшины («Сборникъ рѣшеній 1 деп. сената за 1862—1879 гг.», изд. 3, Данилова, стр. 197). Коль скоро же настоящія временныя правила допускаютъ даже предсѣдательство въ судѣ волостнаго старшины, то рушится и указанное сенатомъ основаніе къ огражденію судей отъ власти старшины... То же рѣшеніе сената установило, что волостные судьи не подлежатъ дисциплинарной отвѣтственности предъ мировыми посредниками, что было весьма неясно выражено въ законѣ. Вмѣсто того, временныя правила прямо подчиняютъ волостныхъ судей,—въ отношеніи отвѣтственности, временнаго устраненія и удаленія отъ должности,—тѣмъ же условіямъ, которыя установлены для волостныхъ старшинъ. Положеніе же о земскихъ начальникахъ предоставляетъ послѣднимъ статьею 62: волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ (особо упоминая уже и о *волостныхъ судьяхъ*) подвергать за маловажные проступки по должности,—«безъ всякаго формальнаго производства», замѣчанію, выговору, денежному взысканію не свыше 5 руб. или аресту на время не свыше 7 дней; за болѣе же важныя нарушенія—временно устранять отъ должности и входить съ представленіями въ уѣздный съѣздъ о совершенномъ удаленіи. Затѣмъ, статьи 64 и 98 объявляютъ такого рода постановленія земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ окончательными и подлежащими немедленному исполненію. Такимъ образомъ, независимость волостныхъ судовъ временными правилами 12 іюля 1889 г. обезпечена *значительно менѣе*, нежели Общимъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г.

Статья 3-я вноситъ неясность въ вопросъ о правѣ избранія сельскими обществами и кандидатовъ,—а, слѣдовательно, неопредѣленность и въ самое положеніе избираемыхъ. На должность волост-

наго судьи—говорится въ ней—избираются крестьяне-домохозяева, достигшіе 35 л. отъ роду, пользующіеся уваженіемъ своихъ односельцевъ и, по возможности, грамотные. Не могутъ быть избираемы: лица, судившіяся за кражу, мошенничество, присвоеніе или растрату чужаго имущества и судебными приговорами не оправданныя, а равно подвергшіяся по суду тѣлесному наказанію, заключенію въ тюрьмѣ или иному болѣе строгому наказанію; содержатели трактировъ и питейныхъ заведеній, и лица, занимающія другія должности по волостному или сельскому управленію. Прежде всего, является вопросъ: въ руководство кому преподаются эти правила,—сельскому сходу или земскому начальнику? Говорится объ условіяхъ осуществленія *права избранія на должность волостнаго судьи*. Но такого права сельскимъ обществамъ и не предоставлено. Они могутъ избирать лишь *кандидатовъ*,—изъ числа которыхъ собственно судьи *назначаются* уже земскимъ начальникомъ. Сомнѣніе, къ которому подаетъ поводъ неудовлетворительная редакція закона, въ данномъ случаѣ требовавшаго особой ясности выраженія,—сомнѣніе это можетъ быть, впрочемъ, разрѣшено въ смыслѣ обязательности статьи 3-й и для сельскаго схода, и для земскаго начальника, ибо излагаемыя здѣсь положительныя и отрицательныя условія такъ же необходимы для кандидата, какъ и для судьи. Но что такое, далѣе, «крестьянинъ-домохозяинъ»? Понятіе это не ново. Употребленное въ ст. 47 Общаго Положенія, оно давно уже возбуждаетъ разногласія и создаетъ затрудненія своею неясностью. Тѣмъ болѣе нужно было выяснить его обстоятельнѣе. Статья 31 пол. о зем. нач. требуетъ согласія приговоровъ крестьянскихъ обществъ съ закономъ и, ставя дѣятельность сходовъ подъ контроль земскихъ начальниковъ, предоставляетъ послѣднимъ останавливать исполненіе приговора, несогласнаго съ закономъ, и представлять его на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда, который, въ свою очередь, окончательно отмѣняетъ или утверждаетъ подобный приговоръ. Всякая неопредѣленность въ означеніи правъ обществъ въ этомъ, какъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ,—лишаетъ приговоры сходовъ всякой устойчивости. При всемъ желаніи дѣйствовать въ полномъ согласіи съ закономъ, крестьяне могутъ впадать въ невольныя ошибки. Сама власть, стоящая надъ ними, при такихъ же условіяхъ, можетъ преувеличивать свое право вмѣшательства создавать безполезныя затрудненія для себя, обществъ и съѣздовъ. Настоящая же статья

возбуждаетъ и дальнѣйшія сомнѣнія. Что такое, напримѣръ, «пользующіеся уваженіемъ своихъ односельцевъ»? Какими признаками должна опредѣляться въ глазахъ земскаго начальника наличность подобнаго условія, кромѣ простаго *факта* избранія даннаго лица въ кандидаты? Очевидно, что это условіе еще менѣе опредѣленно, чѣмъ отрицательный признакъ, препятствующій избранію и указываемый въ статьѣ 114 Общаго Положенія: «завѣдомо развратное поведеніе». Само по себѣ неудобно существованіе нынѣ въ Общемъ Положеніи двухъ статей, изъ которыхъ одна (статья 114) опредѣляетъ условія избранія вообще должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія, въ томъ числѣ и судей,—а другая (ст. 3 врем. прав.) указываетъ условія избранія только судей. По крайней мѣрѣ, обѣ эти статьи слѣдовало бы согласовать между собою. Статья 114, къ тому же, давно требовала надлежащаго разъясненія, имѣя еще иную (въ кодификаціонномъ порядкѣ измѣненную) редакцію въ соотвѣтствующей ей ст. 2226, т. II, ч. 1, изд. 1876 г.: «неоправданные судебнымъ приговоромъ»—вмѣсто «оставленные судомъ въ подозрѣніи». Смыслъ первоначальнаго или лучше подлиннаго и донынѣ въ законодательномъ порядкѣ неизмѣненнаго выраженія, очевидно, менѣе широкъ, нежели смыслъ этого выраженія въ кодификаціонномъ измѣненіи, такъ какъ извѣстно, что оставлялись въ подозрѣніи, по прежнимъ уголовнымъ законамъ, лица, неуличенныя вполнѣ въ совершеніи болѣе или менѣе тяжкихъ преступленій,—неоправданный же судебнымъ приговоромъ въ дѣяніи, караемомъ штрафомъ или непродолжительнымъ арестомъ, не можетъ подвергаться такимъ же ограниченіямъ,—почему, напримѣръ, относительно лицъ, избираемыхъ въ мировые судьи, неоправданіе судебнымъ приговоромъ имѣетъ силу только при предъявлявшемся противъ нихъ обвиненіи въ совершеніи дѣянія, караемаго тюрьмою или и строже (ст. 21 учр. суд. уст.). Кромѣ того, безъ указываемаго согласованія выходитъ, что члены суда могутъ быть избираемы при однихъ условіяхъ, предсѣдательствующій же при другихъ, и допускается возможность, что при членахъ не моложе 35 л. предсѣдатель будетъ не моложе лишь 25 л., хотя именно требованіе извѣстнаго пожилаго возраста новый законъ признаетъ, повидимому, существеннымъ, сокращая, едвали къ пользѣ дѣла, требованіе отъ судей грамотности.

Представляется весьма цѣлесообразнымъ устраненіе отъ судей-

скаго званія содержателей трактировъ и питейныхъ заведеній. Но, по существу, это не ново. Правила 14 мая 1885 г. о раздробительной продажѣ крѣпкихъ напитковъ не дозволяли открытія заведеній для такой продажи не только должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія, но также и ихъ женамъ и неотдѣленнымъ сыновьямъ. И вотъ, при прежнемъ положеніи дѣлъ, кабатчикъ, избранный въ судьи и обязанный принять должность, вынужденъ былъ закрывать заведеніе,—нынѣ же стоитъ только лицу, опасающемуся избранія въ судьи, открыть кабакъ, для того чтобы освободиться отъ тяжелой повинности. Кабатчики и прежде не могли быть судьями. Не будетъ ихъ и нынѣ. Но можно опасаться, какъ бы не стало больше кабаковъ.

Измѣненіе порядка назначенія не сопровождается измѣненіемъ *характера должности*. Для новаго судьи, какъ и для прежняго выборнаго, принятіе должности обязательно, и отправленіе правосудія также является *повинностью* (за исключеніями, указанными въ общемъ неизмѣняющемся правилѣ ст. 119 Общаго Положенія). Но судьямъ обязательно назначается теперь жалованье. Однако, размѣръ его уже не предоставляется усмотрѣнію волостнаго схода, какъ прежде. Опредѣляется, что устанавливаемый уѣзднымъ съѣздомъ, съ утвержденія губернскаго присутствія, годовой окладъ предсѣдательствующаго не долженъ превышать 100 р., а волостнаго судьи 60 р. Слѣдовательно, повинность эта для многихъ можетъ оказаться тяжелою и съ этой стороны,—почему и будетъ нерѣдко проявляться стремленіе уклоняться отъ службы. Жалованье работника, пользующагося хозяйскимъ содержаніемъ, зачастую превышаетъ сто рублей въ крестьянскомъ же хозяйствѣ. Избираемый въ судьи весьма нерѣдко можетъ лишиться и гораздо болѣе выгоднаго занятія. Оттого, указанный выше предѣльный размѣръ вознагражденія судьи является слишкомъ ограниченнымъ, въ особенности при сопоставленіи со множествомъ дѣлъ, которыя подлежатъ нынѣ волостному суду. Но большій размѣръ составлялъ бы слишкомъ тяжкій мѣстный налогъ на крестьянъ въ пользу другихъ лицъ; содержаніе же судей возложено именно на *мѣстныя* средства,—на волостныя суммы. Крестьяне оплачиваютъ теперь услуги правосудія, оказываемыя ихъ судомъ и тѣмъ новымъ лицамъ, которыя прямо дѣлаются подсудными волостному суду, а также и тѣмъ, которыя получаютъ факультативное право вчинать свои дѣла въ немъ. Никакой соотвѣтственной денежной повинности

съ новыхъ лицъ, подсудныхъ волостному суду, не устанавливается. Волостныя кассы не получаютъ пособій не только изъ государственныхъ, но и изъ общихъ мѣстныхъ средствъ, т. е., земскихъ. Самыя копіи по дѣламъ подлежатъ выдачѣ безплатно, какъ крестьянамъ, такъ и другимъ лицамъ. Дѣлопроизводство же въ судѣ по каждому дѣлу значительно осложняется, требуя отъ крестьянъ соотвѣтствующихъ новыхъ затратъ на увеличеніе жалованья судьямъ противъ того размѣра, въ которомъ они обыкновенно получали его прежде, на наемъ лишнихъ писарей и на канцелярскія принадлежности. При такихъ же условіяхъ, предѣльный незначительный размѣръ жалованья судей можетъ оказываться даже слишкомъ большимъ. Крестьяне станутъ обнаруживать естественное стремленіе къ экономіи, въ виду и безъ того большихъ мірскихъ расходовъ, — уѣздные же съѣзды будутъ входить въ положеніе судей. Возникнутъ весьма отяготительныя и безполезныя препирательства. Бо́льшее достоинство прежнихъ правилъ, когда крестьяне сами могли сообразовать вознагражденіе судей со своими средствами, представляется совершенно очевиднымъ. Временныя правила не предусматриваютъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Этимъ же усугубятся и тѣ постоянныя затрудненія, которыя возникаютъ изъ стремленій сельскихъ и волостныхъ сходовъ обложить проживающихъ въ селеніяхъ не-крестьянъ извѣстными сборами за многія услуги, которыми они пользуются на мірской счетъ. Нынѣ эти лица, принадлежащія къ податному сословію, вообще подчинены общимъ для сельскаго состоянія правиламъ въ отношеніи *полиціи и суда*. Крестьянскимъ обществамъ даются, значитъ, новыя основанія къ подобнымъ притязаніямъ. Но осуществленіе такихъ притязаній, какъ незаконныхъ, будетъ еще чаще влечь за собою вмѣшательство посторонней власти въ приговоры сходовъ и лишать ихъ послѣдняго характера устойчивости.

Временныя правила, наконецъ, упраздняютъ учрежденіе волостнаго суда *по обычному праву*. Въ нихъ не содержится постановленія, заключавшагося въ прим. 2-мъ ст. 93 Общаго Положенія: «въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ уже существуетъ учрежденный, по мѣстнымъ обычаямъ, судъ, тамъ онъ сохраняется, но съ тѣмъ, чтобы въ избраніи судей участвовала вся волость». Едвали и желательно было 19 февраля 1861 г. сохраненіе суда, образовавшагося при существованіи крѣпостной зависимости. Крѣпостные крестьяне всецѣло находились во власти своихъ помѣщиковъ, развивавшейся фактически гораздо

дальше ея юридическихъ, весьма не точныхъ предѣловъ; въ частности судебная власть была учреждена для нихъ въ лицѣ помѣщика. Какъ же могли тутъ образовываться мѣстные обычаи, достойные сохраненія? Но когда Общее Положеніе о крѣпостныхъ было распространено, напримѣръ, на государственныхъ крестьянъ, то примѣчаніе 2 къ статьѣ 93 могло получить благотворное примѣненіе, такъ какъ среди этихъ крестьянъ могъ возникнуть ранѣе правильный обычный судъ и могъ также развиваться въ дальнѣйшемъ, вслѣдствіе крайней неудовлетворительности волостнаго суда, образованнаго по положенію 19 февраля 1861 г. Сохраненіе же обычнаго суда тѣмъ болѣе было желательно теперь, по той же усиливающейся причинѣ,—неудовлетворительности офиціальнаго суда.

Третейскій судъ сохраняется, однако, и временными правилами. Но ими не прибавляется ни одного новаго постановленія къ статьямъ 99 и 100 Общаго Положенія. Между тѣмъ, практика,—обнаружившая уже весьма много затрудненій, вопросовъ и сомнѣній,—давно требовала надлежащихъ указаній, допустивъ, напримѣръ, вовсе непредусмотрѣнное закономъ, обжалованіе рѣшеній этого суда *на тѣхъ же* неясныхъ основаніяхъ, какія установлены 14 февраля 1866 г. для рѣшеній волостнаго суда. (Рѣшенія перваго департ. отъ 5 декабря 1878 г., 2 ноября 1877 г., 15 ноября 1879 г. и пр. Сборникъ Данилова). Впрочемъ, рѣшенія эти едвали можно признать правильными. Они объясняются, вѣроятно, тѣмъ, что на заключенія сената повліяла *ошибка*, сдѣланная въ особомъ приложеніи къ законамъ о состояніяхъ, изд. 1876 г. Именно, высоч. утвержденное 14 февраля 1866 г. положеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія устанавливало просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ по нарушенію статей *96–98, 101 и 102* Общаго Положенія; особое же приложеніе изд. 1876 г., въ которомъ означенное положеніе составило прибавленіе къ ст. 109 Общ. Пол., указываетъ поводы къ тому въ нарушеніи статей 96, 98—101, то-есть, *сокращаетъ* статью 97—важнѣйшую—и *прибавляетъ* 99 и 100, къ дѣлу неидущія, такъ какъ онѣ касаются третейскаго по совѣсти суда, котораго положеніе 14 февраля 1866 г. вовсе не имѣло въ виду.

Всѣ указанные вопросы, сомнѣнія и недоразумѣнія, существовавшіе относительно волостнаго суда 19 февраля 1861 г. и неустраненные относительно суда 12 іюля 1889 г., — вполнѣ и весьма

удачно разрѣшены относительно новаго волостнаго суда прибалтійскихъ губерній.

Волостной судъ не пріурочивается здѣсь къ волости, такъ какъ населенность волостей неодинакова. Образуются волостные судебные участки, въ которые могутъ входить одна или нѣсколько волостей. Наблюдается только, чтобы число жителей каждаго участка было не менѣе тысячи и не болѣе двухъ тысячъ душъ, а также, чтобы разстояніе отъ самыхъ дальнихъ населенныхъ пунктовъ участка до мѣста нахожденія суда не превышало двѣнадцати верстъ. При всемъ томъ допускаются прямо ходатайства волостныхъ обществъ объ измѣненіи границъ судебныхъ участковъ, такъ что населеніе можетъ вполнѣ сообразоваться со своими интересами и средствами, и учреждать судъ еще болѣе близкій, чѣмъ это обусловливается указаннымъ наибольшимъ разстояніемъ его отъ самыхъ отдаленныхъ поселковъ. Самый судъ состоитъ изъ предсѣдателя, судей и кандидатовъ къ нимъ. Число же судей и кандидатовъ опредѣляется сходами. Судей только не должно быть менѣе четырехъ. Затѣмъ, къ замѣщенію должностей членовъ суда примѣняется *избирательное начало* въ гораздо болѣе правильномъ и чистомъ видѣ, нежели это было — юридически и фактически — относительно волостнаго суда 19 февраля. Судьи и кандидаты къ нимъ именно избираются сходами путемъ *закрытой* подачи голосовъ. Указываются только, точно и *несомнительно,* положительныя и отрицательныя условія, которымъ должны удовлетворять избираемые. Между прочимъ, они должны принадлежать къ членамъ волостнаго общества, исповѣдывать христіанскую вѣру, быть въ возрастѣ не менѣе 25 лѣтъ и умѣть читать и писать на томъ мѣстномъ языкѣ, на которомъ говоритъ большинство населенія. Къ числу отрицательныхъ условій не отнесено только, къ сожалѣнію, содержаніе трактировъ и питейныхъ заведеній. Но устранены всякія неопредѣленныя условія, въ родѣ: „пользующіеся уваженіемъ своихъ односельцевъ“, или „завѣдомо развратнаго поведенія“, или — какъ это было относительно прежняго суда прибалтійскихъ губ.—подвергавшіеся взысканіямъ „за дурное поведеніе“. Избиратели хорошо знаютъ, кого они могутъ и кого не могутъ призывать къ отправленію правосудія. Избираемые утверждаются въ должностяхъ мировымъ съѣздомъ. Но послѣдній не можетъ устранить всякое данное лицо произвольно, подобно тому какъ это происходило съ членами волостнаго суда 19 февраля 1861 г., при неясности

положительныхъ и отрицательныхъ условій. Съѣздъ можетъ отказать въ утвержденіи *лишь* въ томъ случаѣ,—говорится прямо въ ст. 13 раздѣла перваго,—если при выборахъ былъ нарушенъ установленный порядокъ, или „если избранное лицо не удовлетворяетъ требованіямъ, изложеннымъ въ статьяхъ 8—11». Что же касается до предсѣдателя, то послѣдній также избирается, и притомъ самими судьями изъ своей среды, и утверждается въ должности въ томъ же порядкѣ.

Строго и точно опредѣлена также отвѣтственность предсѣдателя волостнаго суда и судей прибалтійскихъ губ. въ дисциплинарномъ порядкѣ. Отвѣтственности этой они подлежатъ передъ мировыми съѣздами. Послѣднимъ предоставлено право налагать на нихъ извѣстныя незначительныя взысканія. Но, до постановленія о каждомъ такомъ взысканіи, отъ обвиняемаго требуется объясненіе на письмѣ, или же онъ вызывается для словесныхъ показаній. Право жалобы предоставлено, впрочемъ, только въ случаяхъ присужденія виновнаго къ аресту. Но, во всякомъ случаѣ,—согласно ст. 62—они могутъ быть „исключаемы изъ службы и отрѣшаемы или удаляемы отъ должности *только по приговору уголовнаго суда*“. Вообще, судьи пользуются здѣсь достаточною независимостью. Болѣе опредѣленное, самостоятельное и независимое положеніе занимали также добросовѣстные сельской и волостной расправы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, сравнительно съ условіями отправленія должности судьями новаго суда. Избираемые закрытою подачею голосовъ изъ лицъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ, они утверждались въ должностяхъ палатою государственныхъ имуществъ, и въ отношеніи дисциплинарной отвѣтственности подчинялись „общимъ правиламъ“ устава о службѣ гражданской.

Какъ мы увидимъ ниже, волостному суду 12 іюля 1889 г. дѣлаются подвѣдомственными не одни крестьяне. Приблизительно также опредѣлено вѣдомство новаго суда и въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Но здѣсь, какъ и относительно станичнаго суда у казаковъ или гминнаго суда въ губерніяхъ Царства Польскаго, имѣется для этого такое основаніе, какого не установлено относительно внутреннихъ губерній. Дѣло въ томъ, что, по положенію 19 февраля 1866 г., въ прибалтійскихъ губ. волость сдѣлана *всесословною* въ томъ смыслѣ, что въ нее обязательно входятъ лица низшихъ сословій, кромѣ крестьянъ, а также могутъ причисляться къ ней, дѣлаться членами

волостнаго общества, и лица всѣхъ высшихъ сословій, съ сохраненіемъ своихъ правъ. Вслѣдствіе же этого, съ одной стороны, лица прочихъ сословій могутъ быть избираемы въ составъ суда, а съ другой, — они несутъ до извѣстной степени расходы за предоставляемыя имъ услуги правосудія, уплачивая опредѣленный сборъ.

Далѣе, получая меньшую власть, волостной судъ прибалтійскихъ губерній ставится закономъ въ болѣе удовлетворительное внѣшнее положеніе, нежели новый судъ внутреннихъ губ. Предсѣдатель его вооружается дисциплинарною властью относительно присутствующихъ въ засѣданіяхъ. Между прочимъ, относительно суда 9 іюля 1889 г., какъ учрежденія, занимающаго опредѣленное мѣсто между другими оффиціальными учрежденіями и имѣющаго эмблему государственной власти—зерцало—постановлено, что переписка его пересылается по почтѣ *безплатно*. Такого постановленія нѣтъ относительно волостнаго суда внутреннихъ губерній, и—на дѣлѣ, конечно, этому суду или придется оплачивать почтовые расходы по разсылкѣ его переписки, которая, кстати сказать, будетъ весьма обширна, или же придется обращаться къ менѣе надежному посредничеству разсыльныхъ, когда именно возможно было бы воспользоваться почтовымъ сообщеніемъ. Во всѣхъ случаяхъ, слѣдовательно, на мірскія крестьянскія средства будутъ падать такіе расходы, которые, по всей справедливости и въ интересахъ порядка, подлежали бы сокращенію *).

IV.

Точное, ясное и краткое опредѣленіе подсудности есть одно изъ важнѣйшихъ условій для дѣятельности всякаго суда. При такомъ условіи, судебное установленіе легче остается въ предѣлахъ своей власти; съ другой же стороны, частныя лица получаютъ возможность точно знать, съ какими дѣлами могутъ они обращаться къ тому или иному органу судебной власти. Въ противномъ случаѣ,— возникаетъ рядъ безплодныхъ пререканій.

*) На практикѣ волостной судъ пользуется во многихъ мѣстахъ, всетаки, безплатною казенною пересылкою документовъ,—но не отъ своего имени, а чрезъ посредство и за бланками волостнаго правленія, благодаря тому, что переписка послѣдняго принимается въ почтовыхъ учрежденіяхъ къ безплатной пересылкѣ,—по силѣ простаго имѣющагося по этому предмету циркуляра. Недоразумѣнія по настоящему поводу, однако, весьма многочисленны.

Волостной судъ, по положенію 19 февраля, страдалъ именно отъ неудовлетворительнаго опредѣленія подсудности. Краткость этого опредѣленія не обезпечивала ему достаточной ясности и точности. Въ свою очередь, временныя правила 12 іюля 1889 г. не только не устраняютъ подобнаго недостатка, но еще и усугубляютъ его. Прежде всего, не въ настоящихъ правилахъ, а въ новомъ особо излагаемомъ въ законоположеніяхъ 12 іюля 1889 г. дополненіи къ т. IX законовъ о сост. устанавливается общая съ сельскими обывателями подсудность для мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, постоянно пребывающихъ въ селеніяхъ. Временныя же правила не только объ этомъ не упоминаютъ, но вносятъ сомнѣніе въ то, дѣйствительно ли для этихъ лицъ (называемыхъ въ законѣ городскими обывателями) опредѣлена общая по всѣмъ дѣламъ подсудность, наравнѣ съ сельскими обывателями. Ст. 15 постановляетъ, что изъ числа гражданскихъ дѣлъ, вѣдомству преобразованнаго волостнаго суда подлежатъ: 1) споры и тяжбы между крестьянами о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла; 2) всякаго рода споры и тяжбы между лицами, подвѣдомственными волостному суду, цѣною до 300 руб., за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ; 3) означенные въ пунктѣ 2-мъ споры и тяжбы, предъявляемые къ лицамъ, подвѣдомственнымъ волостному суду, истцами, этому суду неподвѣдомственными, въ томъ случаѣ, когда послѣдніе пожелаютъ разбираться въ волостномъ судѣ; 4) дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ между наслѣдниками крестьянскаго имущества: а) безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла, и б) когда наслѣдственное имущество, находящееся въ предѣлахъ волости, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, но цѣнность его не превышаетъ пятисотъ рублей.

Пунктъ 1-й относится какъ бы только до крестьянъ. Можно заключить, что новый волостной судъ вѣдаетъ всѣ дѣла собственно между ними о всякомъ правѣ на недвижимое имущество, независимо отъ актовъ укрѣпленія, обезпечивающихъ право на таковое имущество, независимо также отъ цѣны иска. Достаточно, если имущество входитъ «въ составъ крестьянскаго надѣла». Такая подсудность, безъ сомнѣнія, слишкомъ широка. При крайней неопредѣлен-

ности правъ крестьянъ на надѣльную ихъ землю, господствующая неправильная практика, при новыхъ условіяхъ, можетъ приводить къ еще болѣе частымъ явленіямъ обезземеленія крестьянъ, при посредствѣ суда. Въ общемъ, неправильное обезземеленіе и происходитъ въ смыслѣ перехода земельной собственности отъ большинства крестьянъ въ руки ограниченнаго меньшинства изъ ихъ же среды. Далѣе, сопоставленіе п.п. 1 и 2 показываетъ, что подсудность крестьянъ и новыхъ подвѣдомственныхъ волостному суду лицъ, дѣйствительно, не представляется общею. Подъ именемъ лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, въ п. 2-мъ подразумѣваются, надо полагать, и крестьяне, и эти новыя лица. Но и у этихъ послѣднихъ также можетъ быть недвижимое имущество, входящее въ составъ крестьянскаго надѣла и присвоиваемое ими въ собственность, хотя бы то по актамъ, утвержденнымъ беззаконною практикою. Какъ должна опредѣляться подсудность дѣлъ, относящихся къ такого рода имуществу? Одного этого признака для подсудности волостному суду недостаточно. Но практика можетъ довольствоваться имъ и утверждать весьма много неправильныхъ сдѣлокъ силою рѣшеній судебнаго мѣста, правильность дѣйствій котораго весьма мало обезпечена. Притомъ же слова: «имущество, входящее въ составъ крестьянскаго надѣла», если и опредѣленнѣе словъ статьи 96 Общ. Пол.: «въ предѣлы крестьянскаго надѣла», возбуждающихъ весьма частыя недоразумѣнія,—то все же не представляются вполнѣ ясными и обезпечивающими дѣятельность суда отъ дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Пунктъ 2 ст. 15 вообще способенъ породить много затрудненій. Слова—«за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ»,—напоминаютъ п. 1 ст. 31 уст. гр. судопр., по которому изъ вѣдомства мироваго судьи исключаются также «иски о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, утвержденномъ на формальномъ актѣ». Но п. 1 ст. 31,—и въ примѣненіи людьми, гораздо болѣе свѣдущими въ юридическихъ понятіяхъ, сравнительно съ волостными судьями,—вызвалъ великое множество недоразумѣній. Самъ сенатъ высказывался не всегда одинаково. Недостатокъ же п. 2 ст. 15 врем. правилъ, сравнительно съ п. 1 ст. 31 уст. гр. суд., дѣлающій его еще болѣе способнымъ вызывать недоразумѣнія, заключается въ замѣнѣ словъ «формальный

актъ»—словами: «крѣпостной и явочный», несогласованными со ст. 707 т. X, ч. 1 зак. гр., изд. 1887 г., и съ положеніемъ о нот. части.

Что вообще означаетъ это исключеніе относительно неднижимыхъ имуществъ, указываемое въ п. 2 ст. 15? Предполагая, что составители отправлялись въ немъ отъ опредѣленныхъ юридическихъ понятій и что по отношенію къ землѣ, входящей въ составъ крестьянскаго надѣла, вопросъ исчерпывается пунктомъ 1 статьи 15, слѣдуетъ признать указанныя слова п. 2 ст. 15 въ томъ же смыслѣ, какой совершенно правильно былъ приданъ сенатомъ соотвѣтствующимъ словамъ п. 1 ст. 31 у. гр. суд (№ 290 за 1872 г., № 1042 за 69 г.), а именно, что *изъ вѣдомства вол. суда изъяты иски о правѣ на владѣніе недвижимымъ имѣніемъ, утвержденномъ на формальномъ актѣ, и всѣ иски о правѣ собственности на недвижимое имѣніе, безразлично, основано ли это послѣднее право на актѣ формальномъ, или неформальномъ.* Но усвоятъ-ли себѣ такое пониманіе п. 2 ст. 15 вол. судьи и повѣряющіе окончательно ихъ дѣятельность земскіе начальники и уѣздные съѣзды? Между прочимъ, г. Муравьевъ исключаетъ изъ вѣдомства волостнаго суда «иски о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимымъ имуществомъ, основанномъ на крѣпостномъ или нотаріальномъ актѣ, то есть,—говоритъ онъ—на формальномъ документѣ, совершенномъ у нотаріуса или вообще *не въ волостныхъ, а въ другихъ учрежденіяхъ*». Понятно, какъ легко могутъ сбиться волостные суды въ этихъ вопросахъ и какъ разныя злоупотребленія могутъ быть закрѣплены и покрыты силою судебнаго рѣшенія. Въ волостныхъ правленіяхъ совершается множество актовъ—правильно и неправильно. И вотъ, чего бы они ни касались, дѣла по нимъ, какъ основанныя на неформальныхъ документахъ, станутъ приниматься волостными судами, въ виду разъясненія г. Муравьева.

Затѣмъ, спрашивается, подлежатъ ли вол. суду *иски о нарушеніи дѣйствительнаго владѣнія?* Принятіе въ указанномъ смыслѣ п. 2 ст. 15 собственно не исключаетъ изъ вѣдомства волостнаго суда подобныхъ дѣлъ. Но гдѣ ограниченіе такихъ исковъ опредѣленнымъ, обыкновенно короткимъ срокомъ? Вопросъ же о такого рода искахъ весьма затруднялъ и волостной судъ по полож. 19-го февраля 1861 г., въ особенности благодаря тому, что первый

доепартаментъ сената, въ рѣшеніи отъ 18-го сентября 1875 года (Сборникъ Данилова за 1862—1869 гг., стр. 107) призналъ иски нарушенномъ владѣніи подсудными волостному суду; гражданскій же кассаціонный департаментъ отнесъ такіе иски, какъ не подлежащіе оцѣнкѣ, къ вѣдомству мироваго, а не волостнаго суда (№ 162 за 1882 г.). При меньшей важности подвѣдомственныхъ дѣлъ, вовсе не разрѣшая исковъ о недвижимомъ имуществѣ, волостной судъ прибалтійскихъ губ. получаетъ право разбирать дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Въ объяснительной запискѣ министра юстиціи это оправдывается именно тѣмъ соображеніемъ, что «по дѣламъ этого рода волостнымъ судамъ не придется разрѣшать вопросовъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, а только охранять или возстановлять владѣніе, между тѣмъ,—справедливо говорится здѣсь—иногда чрезвычайно важно немедленное разслѣдованіе, притомъ на мѣстѣ, факта нарушенія владѣнія и, въ случаѣ если онъ подтвердится, немедленное принятіе мѣръ къ устраненію нарушенія, во избѣжаніе могущихъ произойти убытковъ, и все это удобнѣе и скорѣе можно сдѣлать ближайшему мѣстному суду». Затрудненія же, имѣющія свою исторію въ прежнемъ волостномъ судѣ, не устранены и по отношенію къ новому суду внутреннихъ губерній. Они уже и возникли. Такъ, черниговскій губернаторъ г. Анастасьевъ свидѣтельствуетъ: «на практикѣ является, что дѣлами этими вѣдаютъ въ нѣкоторыхъ участкахъ земскіе начальники, а въ другихъ—волостные суды» («Руководство для земскихъ начальниковъ» и пр., т. I, пред.). Какъ же думаетъ объ этомъ вопросѣ самъ г. Анастасьевъ, считающій его «однимъ изъ существеннѣйшихъ?» Слова этого (бывшаго) предсѣдателя черниговскаго губернскаго присутствія,—какъ высшаго мѣстнаго кассаціоннаго суда,—лучше всего показываютъ, въ какой мѣрѣ желательно, чтобы вопросы о толкованіи новыхъ законоположеній, дѣйствительно, передавались въ установленномъ порядкѣ въ центральныя учрежденія, дабы не являлись неудачныя попытки самостоятельнаго разрѣшенія на мѣстахъ, при отсутствіи надлежащихъ силъ. «Если смотрѣть—говоритъ г. Анастасьевъ—съ точки зрѣнія *буквальнаго* примѣненія закона, то такія дѣла, между кѣмъ бы они ни возникали, подсудны *земскому начальнику* въ предѣлахъ его участка». Почему именно представился такимъ г. Анастасьеву буквальный смыслъ закона—онъ не объясняетъ. Но казалось бы, что если, по его мнѣнію, та-

ковъ буквальный смыслъ закона, то его надлежитъ и исполнять, ибо, согласно ст. 65 Законовъ Основныхъ,—законы должны быть исполняемы «по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія» и безъ допущенія... «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій». Черниговскому губернатору, дающему, по ст. 102 положенія о земск. нач., «указанія къ единообразному примѣненію законовъ», надлежало бы тотчасъ принять мѣры къ возстановленію законнаго теченія дѣлъ. Но—совершенно неожиданнаго—онъ замѣчаетъ, что разсмотрѣніе волостными судами дѣлъ о нарушенномъ владѣніи «*практичнѣе*»... ибо—«никто съ такою ясностью не можетъ разобрать, въ предѣлахъ казачьихъ и крестьянскихъ земель, дѣйствительную грань фактическаго владѣнія, какъ мѣстный крестьянинъ». Еще неожиданнѣе онъ продолжаетъ, послѣ приведеннаго категорическаго мнѣнія о буквальномъ смыслѣ закона, что—«высказаться опредѣленно, что подобное направленіе дѣлъ о нарушенномъ владѣніи (то есть, направленіи ихъ въ волостные суды) согласно съ закономъ,—*не представляется возможнымъ*»... «Этотъ вопросъ—заключаетъ г. Анастасьевъ—*какъ и многіе другіе*, есть вопросъ *будущаго*, который можетъ быть рѣшенъ лишь въ *законодательномъ* порядкѣ»... Въ такомъ случаѣ, впредь до подобнаго, единственно надежнаго разрѣшенія вопроса, слѣдовало бы *пріостановить* производство всѣхъ дѣлъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія волостными судами и земскими начальниками. Но, по мнѣнію г. Анастасьева,—опять нѣсколько неожиданному,—«нынѣ *приходится* (почему?) оставлять настоящій вопросъ въ его неопредѣленномъ до извѣстной степени положеніи и не *настаивать на томъ или иномъ направленіи дѣлъ*»... Другими словами, подобнымъ дѣламъ предоставляется совершенно *произвольное* теченіе, и они могутъ разрѣшаться не только не на основаніи закона, но даже не по указаніямъ практики, подъ которою разумѣется все же нѣчто болѣе или менѣе твердое и ясное... Любопытно, что то, на чемъ г. Анастасьевъ не счелъ возможнымъ настаивать, вызвало болѣе или менѣе рѣшительное разъясненіе со стороны г. Муравьева. Пройдя молчаніемъ настоящій вопросъ въ первомъ изданіи своего «Руководства», онъ прямо призналъ во второмъ изданіи иски о нарушенномъ владѣніи *неподлежащими* волостному суду. Казалось бы, нужно было, по крайней мѣрѣ, попытаться обосновать такое мнѣніе на временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ, такъ какъ именно ими опредѣляется под-

судность этому суду. Но вмѣсто того—г. Муравьевъ ссылается въ подтвержденіе своего мнѣнія... на п. 2 ст. 49 положенія о земскихъ начальникахъ, хотя, какъ извѣстно, подсудность дѣлъ земскимъ начальникамъ была опредѣлена въ правилахъ 29 декабря 1889 г. нѣсколько иначе, и эти правила именно остаются руководственными...

Пунктъ 4 возбуждаетъ не меньшія сомнѣнія. Дѣло о наслѣдованіи или раздѣлѣ становится подсуднымъ волостному суду, коль скоро предметомъ его служитъ крестьянское имущество. Но имущества не различаются подобными признаками. Сословной собственности нынѣ не существуетъ. Общинная земля составляетъ, правда, такую собственность. Но, вопервыхъ, практика закона (хотя и неправильная) не обнаруживаетъ строго подобнаго воззрѣнія, и вопросъ требуетъ многочисленныхъ законодательныхъ разъясненій; а, вовторыхъ, общинная земля имѣется и не у однихъ крестьянъ, но и у другихъ сельскихъ обывателей и инородцевъ. Что же такое «крестьянское имущество»? Если тутъ разумѣется именно имущество, принадлежавшее крестьянину и послѣ его смерти оставшееся, то, значитъ, дѣла по наслѣдству, оставшемуся, напримѣръ, послѣ башкиръ, тептярей, царанъ, среди которыхъ можетъ быть учрежденъ преобразованный волостной судъ, становятся неподсудными названному суду? Но какъ согласовать подобное положеніе съ «общею» для крестьянъ и этихъ лицъ подсудностью? Неужели, напримѣръ, мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, постоянно проживая въ селеніяхъ, при жизни могутъ и должны обращаться къ волостному суду за защитою и возстановленіемъ своихъ правъ по имуществу,—послѣ же смерти ихъ, наслѣдственныя права къ этому же имуществу родными же дѣтьми ихъ должны предъявляться въ иномъ судѣ, и именно у уѣзднаго члена окружнаго суда, помимо земскаго начальника, такъ какъ послѣднему дѣла охранительныя неподсудны? Нельзя не остановиться съ сомнѣніемъ передъ такимъ буквальнымъ смысломъ закона. Съ своей стороны, г. Муравьевъ призналъ возможнымъ остановиться на буквальномъ смыслѣ закона и высказать прямо въ своемъ «Руководствѣ», что волостному суду *не подлежатъ* дѣла по наслѣдству и раздѣламъ имущества проживающихъ въ селеніяхъ мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ (стр. 17). Буквальный смыслъ закона нашелъ возможнымъ принять также и г. Вербловскій. «Если—говоритъ онъ—наслѣдственное иму-

щество не крестьянское, то дѣла по наслѣдованію и раздѣлу этого имущества подсудны уѣздному члену окружнаго суда, хотя бы участвующія въ дѣлѣ лица подчинены были вообще вѣдомству волостнаго суда» («Законоположенія 12 іюля 1889 г. съ объясненіями», стр. 103).

Казалось бы, что, по крайней мѣрѣ, относительно охранительныхъ дѣлъ крестьянъ, не можетъ уже быть сомнѣній: пунктъ 4 ст. 15—столь рѣшительно, даже безъ ограниченія суммы, относитъ эти дѣла къ вѣдомству волостнаго суда. Но вотъ что происходитъ въ Черниговской губ. Г. Анастасьевъ, воздерживаясь вообще въ своемъ «Руководствѣ» отъ разъясненій «всѣхъ нерѣшенныхъ закономъ вопросовъ», не находитъ, однако, возможнымъ «пройти молчаніемъ одной весьма распространенной въ волостныхъ судахъ *ошибки*, которую санкціонируютъ нѣкоторые уѣздные съѣзды»... «Ошибка эта—продолжаетъ онъ—проистекаетъ изъ неправильнаго толкованія п. 4 ст. 15 врем. правилъ. Многіе волостные суды, усматривая, что дѣла по наслѣдованію, за силою сказаннаго пункта, подсудны имъ, принимаютъ къ своему разбору, въ порядкѣ охранительномъ, утвержденіе въ правахъ наслѣдства по духовнымъ завѣщаніямъ и въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, на основаніи улиточныхъ записей. Такая ошибка — объясняетъ г. губернаторъ — прямо противорѣчитъ пункту 2 ст. 15 тѣхъ же правилъ, гдѣ прямо сказано, что волостному суду не подлежатъ дѣла о правѣ собственности, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ, и ст. 14 тѣхъ же правилъ, которая прямо говоритъ, что волостной судъ вѣдаетъ споры и тяжбы по имуществамъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ, слѣдовательно, *всякій судейскій актъ, не разрѣшающій спора или тяжбы, лежитъ внѣ компетенціи волостнаго суда*. Да и странно было бы — заключаетъ г. Анастасьевъ — ожидать отъ простаго народнаго суда по обычаю правильнаго толкованія актовъ, требующаго обширныхъ юридическихъ познаній»...

Такова эта попытка толкованія временныхъ правилъ: считается вполнѣ возможнымъ предоставить волостному суду *рѣшеніе,—опредѣленіе-же* оказывается непосильнымъ для него; безповоротно разрѣшить гражданское дѣло волостной судъ можетъ, — а опредѣлить судьбу имущества, впредь до спора въ исковомъ порядкѣ, не можетъ; *споръ* о наслѣдственномъ имуществѣ подсуденъ волостному суду,—а дѣло о наслѣдствѣ, *невызывающее спора*, неподсудно...

Забывается, что утвержденіе въ правахъ наслѣдства не требуется иногда даже и для не-крестьянъ; что относительно крестьянъ и вовсе подчасъ отвергается необходимость утвержденія въ правахъ наслѣдства, и что коль скоро наслѣдованіе крестьянъ опредѣляется мѣстными обычаями, то именно волостной судъ наиболѣе и компетентенъ въ дѣлахъ этого рода...

V.

Опредѣленія *подсудности уголовныхъ дѣлъ* и *вообще карательной власти* волостнаго суда страдаютъ еще большими недостатками.

Волостной судъ 19 февраля 1861 г. вовсе не предполагалось поставить въ то положеніе, которое онъ занялъ по Общему Положенію. Субъектомъ права наказанія должно было, по этимъ предположеніямъ, оставаться государство. Подлежали примѣненію опредѣленные уголовные законы. Подобное право, долженствующее всегда принадлежать государству, не имѣлось въ виду передавать кому либо, въ какой либо степени или видѣ. Не признавалось возможнымъ допустить здѣсь какой либо произволъ. Считалось съ самаго начала необходимымъ указать освобождавшимся крестьянамъ, что̀ запрещено и что̀ дозволено, съ точнымъ обозначеніемъ отвѣтственности за дѣянія наказуемыя. Въ «Извлеченіи» изъ всеподданнѣйшихъ писемъ Ростовцева говорилось совершенно ясно: «Мѣры карательныя за преступленія уголовныя опредѣляются и приводятся въ исполненіе на основаніи *существующихъ уголовныхъ законовъ*». (Матеріалы, т. II, кн. 2, стр. 240). Согласно съ этимъ, первоначальный проектъ волостнаго суда опредѣлялъ: «вѣдомству волостнаго суда подлежатъ и имъ, на *одинаковомъ* основаніи съ волостными расправами вѣдомства государственныхъ имуществъ, окончательно рѣшаются *тѣ же дѣла по проступкамъ и преступленіямъ*, по коимъ предоставлено волостнымъ расправамъ постановлять окончательные приговоры» (тамъ же, стр. 263).

Но впослѣдствіи — силою крѣпостническихъ вліяній — не взирая на всю естественность и необходимость такого порядка, была устранена возможность учрежденія суда для освобожденныхъ крестьянъ по образцу суда, дѣйствовавшаго среди государственныхъ крестьянъ. Положеніе государственныхъ крестьянъ служило бѣльмомъ на обоихъ

глазахъ для помѣщичьей власти. Положеніе это именно и устраивалось съ тѣмъ, чтобы перевести на него впослѣдствіи крѣпостныхъ крестьянъ. Такова была мысль императора Николая и гр. Киселева. Еще и раньше осуществленія киселевскихъ проектовъ, переходъ въ государственные крестьяне служилъ предметомъ нетерпѣливыхъ ожиданій для закрѣпощенныхъ крестьянъ. Слухи о подобномъ переходѣ вызывали среди крѣпостныхъ движенія, неповиновеніе, бунтъ. «Чего желаетъ крѣпостной крестьянинъ?» — задавался вопросомъ, въ 1819 г., Сперанскій и отвѣчалъ на него: «желаетъ быть казеннымъ». («Въ память гр. Сперанскаго», стр. 811). — И это было въ то время, когда самъ казенный крестьянинъ желалъ: «чтобы подати были умѣренны, чтобы онѣ были соразмѣрны землѣ и промысламъ, чтобы онѣ были уравнительны, чтобы надѣлъ земель былъ достаточенъ и чтобы все сіе опредѣлено было *закономъ*, а не произволомъ мѣстныхъ начальниковъ» (стр. 812). Когда же почти всѣ эти желанія казеннаго крестьянина были исполнены учрежденіями и уставами 1838 и 1839 гг., то желаніе помѣщичьяго крестьянина превратиться въ казеннаго, конечно, усилилось.

Это же обстоятельство создало непримиримую ненависть крѣпостниковъ къ учрежденіямъ гр. Киселева. Послѣдній былъ уже не у дѣлъ во время составленія положеній 19 февраля 1861 г. Подъ его учрежденія и велся тогда подкопъ, окончательно ихъ разрушившій. Примѣненіе учрежденія судебной части 23 марта 1839 г. къ крѣпостнымъ крестьянамъ должно было встрѣтиться съ застарѣлымъ кореннымъ препятствіемъ. Оно не могло также согласоваться съ главою IX-ою программы занятій губернскихъ комитетовъ, составленной въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу и разосланной начальникамъ губерній министромъ внутреннихъ дѣлъ при циркулярѣ отъ 21 апрѣля 1858 г. («Сборникъ узаконеній и распоряженій о крестьянахъ», изд. земскаго отдѣла, т. I, стр. 137). Съ независимостью двухъ степеней домашняго суда, дѣйствовавшаго среди государственныхъ крестьянъ, не могло примириться предоставленіе помѣщику званія «начальника общества» съ правами, между прочимъ, «по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами».

Такимъ образомъ, только проектъ костромскаго губернскаго комитета предлагаетъ опредѣлить предметы вѣдомства сельской расправы, предѣлы власти и порядокъ дѣйствій «согласно постановленіямъ по учрежденію государственныхъ имуществъ». (Матеріалы,

т. I, кн. 2, стр. 1146). Всѣ же прочіе комитеты дѣлали предложенія иныя, но однородныя въ отношеніи неопредѣленности власти, при большомъ пристрастіи къ «мѣстнымъ обычаямъ», то есть, очевидно, *къ обычаямъ крѣпостническимъ*. Всякая неясность, неопредѣленность и шаткость постановленій была въ интересахъ «начальника общества». Эти интересы и обезпечивались. Учрежденіе начальниковъ обществъ, какъ ведущее къ возстановленію крѣпостной зависимости, было рѣшительно отвергнуто въ редакціонныхъ коммиссіяхъ (съ оставленіемъ, всетаки, правъ вотчинной полиціи). Но указанными вліяніями, тѣмъ не менѣе, опредѣлилась судьба крестьянскаго суда. Новый видоизмѣненный проектъ коммиссіи, хотя и постановлялъ: «разбору волостнаго суда подлежатъ дѣла лишь по тѣмъ проступкамъ, которые *подробно* исчисляются въ сельскомъ уставѣ»,— но дальше уже, *согласно* съ предложеніями губернскихъ комитетовъ, въ немъ говорилось: «Волостной судъ властенъ приговаривать виновныхъ къ денежному взысканію до 3 р. с., къ общественнымъ работамъ до 6 дней, къ аресту до 7 дней и къ наказанію розгами до 30 ударовъ. Назначеніе въ этихъ предѣлахъ *рода* и *мѣры* наказанія за каждый отдѣльный случай предоставляется *усмотрѣнію* самого суда». (Матеріалы, ч. XII, стр. 111). Наконецъ, уже только при самомъ обсужденіи проектовъ, явилось примѣчаніе къ ст. 102 Общаго Положенія: «До изданія общаго сельскаго судебнаго устава, волостные суды, а также волостные старшины и сельскіе старосты, при опредѣленіи на точномъ основаніи статей 64, 86, 102, *мѣры* наказаній за маловажные преступленія и проступки, *примѣняются* къ правиламъ, по сему предмету установленнымъ въ сельскомъ судебномъ уставѣ для государ. крестьянъ (уст. казен. сел., ст. 440—536)».—Однако, не далѣе какъ 27 іюля 1861 г., журналомъ новаго главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія было косвенно *уничтожено* значеніе даже и подобной поправки. Вслѣдствіе возникшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вопроса о снабженіи волостныхъ старшинъ, судовъ и сельскихъ старостъ экземплярами отдѣльно отпечатанныхъ статей 440—536 т. XII, уст. о благ. въ каз. сел., главный комитетъ, не соглашаясь съ этимъ, нашелъ, что въ удовлетвореніе подобныхъ настояній «можно было бы указать волостнымъ судамъ *только одну* статью сельскаго судебнаго устава, въ коей исчислены нѣкоторые изъ проступковъ, *не подлежащихъ* обсужденію крестьянскихъ судовъ». (Сборникъ, изд. зем. отдѣла,

т. II, ч. 2, стр. 14). Такимъ образомъ, *въ исполнительномъ порядкѣ*, какъ дѣйствовалъ здѣсь комитетъ, былъ нѣкоторымъ образомъ отмѣненъ законъ, составлявшій Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта. Предположенный же сельскій уставъ, составленіе котораго, какъ оказывается изъ настоящаго же положенія, было передано изъ главнаго комитета во II отдѣленіе,—если и составлялся, то не получилъ никакого движенія.

Отсюда-то, изъ подобнаго отклоненія отъ основныхъ началъ карательной власти въ государствѣ, полнаго отрицанія для крестьянъ правильности древнѣйшаго изреченія, что нѣтъ ни преступленія, ни наказанія *безъ закона*,—и возникло развитіе обычнаго уголовнаго права, то есть *полнаго произвола* въ признаніи наказуемости дѣяній и въ опредѣленіи за нихъ самаго наказанія, не только по отношенію къ бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, но и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ сельскимъ обывателямъ, на которыхъ было послѣдовательно распространено Общее Положеніе 19 февраля 1861 г.

Временными правилами, *повидимому*, измѣнено указанное положеніе, созданное волостному суду 19-го февраля 1861 г. Но представляющаяся на первый взглядъ выгодною сторона этихъ правилъ обставлена такими условіями, что уголовная отвѣтственность лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, и дѣятельность суда вновь оказываются погруженными въ туманъ, несовмѣстный съ *государственностью* наказанія. Опять въ отношеніи волостнаго суда представляются нарушенными *основныя начала* уголовнаго права.

Ст. 17 опредѣляетъ: «Изъ числа дѣлъ уголовныхъ, разбирательству волостнаго суда подлежатъ проступки подвѣдомственныхъ ему лицъ, *предусмотрѣнные* статьями 30, 31, 33—39, 41—43[1], 45—47, 49—51, 52, 55—57, 61, 65, 66, 69, 70, 72, 73, 88, 89, 91, 92, 94—96, 98, 111, 115—118, 119—128, 130, 131, 132—137, 139—142, 143, 145—153 и 178—180[1]—устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, а также статьями 169, 170 и 172—174 того же устава, если цѣна похищеннаго или присвоеннаго имущества не превышаетъ пятидесяти рублей и если притомъ кража или мошенничество учинены въ первый или во второй разъ».

Трудно сказать, чѣмъ именно объясняется выборъ указываемыхъ статей изъ устава о наказаніяхъ. При распредѣленіи уголовныхъ дѣлъ между различными судебными установленіями, главнымъ руко-

водственнымъ началомъ служитъ обыкновенно *размѣръ наказаній*, налагаемыхъ за преступныя дѣянія. Но въ настоящемъ опредѣленіи подсудности не замѣчается подобнаго признака. Волостному суду подчинены дѣянія, караемыя, съ одной стороны, замѣчаніями, а съ другой,—и тюремнымъ заключеніемъ до одного года (ст. 169—170). Въ этихъ широкихъ предѣлахъ заключены всѣ дѣянія, подсудныя волостному суду. Сужденію его подлежатъ проступки, караемые и арестомъ до трехъ мѣсяцевъ (31, 132, 143), и денежнымъ взысканіемъ до 300 р. (ст. 38). Мало того, дѣянія, влекущія за собою весьма важное наказаніе, объявляются здѣсь подсудными волостному суду, и, наоборотъ, оказываются неподлежащими ему другія дѣянія, менѣе важныя, предусматриваемыя статьею, рядомъ стоящею. Почему, напримѣръ, порча дорогъ, шоссе и т. п., караемая по ст. 30 денежнымъ взысканіемъ не свыше 15 р., подсудна волостному суду,—а прогонъ скота по шоссе, караемый по ст. 71 штрафомъ не свыше 5 р., не подлежитъ тому же суду? Имѣется ли въ виду здѣсь то, что правила для прогона скота могутъ быть неизвѣстны или трудно уловимы для волостнаго суда? Но, вопервыхъ, что же это за правила, которыя неизвѣстны даже судьямъ изъ мѣстнаго сельскаго населенія; а вовторыхъ, отъ судей требуется тутъ же и несравненно больше знаній. Или, быть можетъ, судьи-крестьяне въ подобныхъ дѣлахъ могутъ выказывать излишнее пристрастіе? Но какъ можно обнаруживать подобныя опасенія въ настоящемъ случаѣ и, идя послѣдовательно, не выказывать того же въ другихъ случаяхъ? Какъ вообще совмѣстить подобное недовѣріе съ тѣмъ большимъ довѣріемъ, которое выражается установленіемъ указанной широкой подсудности? Или почему неявка на пожаръ съ надлежащими огнегасительными инструментами (ст. 96) подсудна волостному суду, а необъявленіе полиціи въ надлежащее время о случившемся пожарѣ—неподсудно?

Въ то же время, въ это опредѣленіе наказуемыхъ дѣяній внесенъ рядъ неясностей и сомнѣній, а то и прямо неразрѣшимыхъ вопросовъ... Вторая часть ст. 17 временныхъ правилъ подчиняетъ волостному суду, въ качествѣ *проступка*,—«нарушеніе рабочимъ договора найма, заключеннаго безъ договорнаго листа, недобросовѣстною, по полученіи задатка, неявкою на работы или самовольнымъ уходомъ съ работъ, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ». Есть ли это *новое* положеніе матеріальнаго уголовнаго права,

или это есть простая ссылка на положеніе о наймѣ 12 іюня 1886 года въ тѣхъ частяхъ его, которыя получили уголовно-матеріальное значеніе и вошли въ уставъ о наказ.? По мнѣнію г. Муравьева, эта часть ст. 17 представляетъ собою ссылку на положеніе о наймѣ. На послѣднее онъ именно и указываетъ на стр. 75 втораго изданія своего «Руководства». Но если это такъ, если это есть ссылка на положеніе о наймѣ, то составители временныхъ правилъ и г. Муравьевъ, вмѣстѣ съ ними, упустили изъ виду, что хотя положеніе о наймѣ дѣлаетъ уголовнымъ правонарушеніемъ нарушеніе договора найма рабочимъ, нанятымъ *по договорному листу*, пріурочивая это къ неисполненію законныхъ требованій полиціи,—то ни первонально, ни послѣ не признано было преступленіемъ—нарушеніе условій найма рабочимъ, нанятымъ *безъ договорнаго листа*; согласно же статьямъ 56 и 61 положенія о наймѣ, въ подобныхъ случаяхъ нанимателю предоставляется лишь прекратить договоръ найма и—«искать съ рабочаго вознагражденія въ размѣрѣ, не превышающемъ опредѣленной въ договорѣ наемной платы за три мѣсяца», очевидно, въ порядкѣ гражданскаго суда. Какой же смыслъ пріобрѣтаетъ указываемая вторая часть ст. 17, если это не есть ссылка на положеніе о наймѣ? Нельзя не остановиться и на предположеніи, что это есть новое уголовно-матеріальное постановленіе. Судопроизводственный характеръ временныхъ правилъ слишкомъ очевиденъ. Они вовсе не направлены къ созданію матеріальныхъ уголовныхъ постановленій, кромѣ той части ихъ, въ которой говорится о предоставляемыхъ ими новому волостному суду наказаніяхъ. Самыя наказуемыя дѣянія устанавливаются въ нихъ только путемъ ссылокъ на уголовно-матеріальное законодательство. Такимъ характеромъ явно отмѣчена и настоящая статья. Притомъ же, еслибы дѣлались въ подобномъ смыслѣ измѣненія въ положеніи о наймѣ,—измѣненія столь существенныя,—то это и было бы прямо выражено въ законоположеніяхъ 12 іюля 1889 г. Однако, что же такое вторая часть ст. 17 временныхъ правилъ, если она не представляетъ собою ни ссылки, ни новаго уголовно-матеріальнаго постановленія? Вѣдь, если не принять ни того, ни другаго толкованія—а ни то, ни другое принять невозможно—то выйдетъ, что временныя правила предоставляютъ новому волостному суду *наказывать за такое дѣйствіе, которое не объявлено наказуемымъ ни этими правилами, ни существующими уголовными законами.*

Слѣдующій вопросъ находится въ связи съ первымъ. Во врем. правилахъ не соблюдены указанія относительно ссылокъ на законы, дѣлаемыя въ приложеніи къ ст. 66 учрежденія правит. сената, изд. 1886 г. Въ нихъ дѣлается ссылка на уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, но не означается изданіе устава. Собственно этотъ вопросъ, конечно, можетъ быть разрѣшенъ въ пользу дѣйствующаго изданія 1885 г. Но въ какомъ отношеніи ссылка на уставъ находится къ продолженіямъ 1886 и 1887 гг., также къ вышедшему, черезъ мѣсяцъ послѣ обнародованія правилъ, продолженію 1889 г., равно къ появившемуся въ позднѣйшее время продолженію 1890 г.? Какъ принимать статьи устава, обязательныя для волостнаго суда, но измѣненныя по тому или иному продолженію? Г. Муравьевъ, повидимому, не признаетъ продолженій обязательными для волостнаго суда. Поэтому, ссылаясь въ отношеніи указаннаго выше дѣянія—самовольнаго ухода—на положеніе о наймѣ 12 іюня 1886 г., онъ не устанавливаетъ, что преслѣдованіе рабочаго возможно не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, и что по такимъ дѣламъ возможно въ каждый моментъ примиреніе «виновнаго» съ «обиженнымъ»,—что именно указано, вообще, касательно нарушеній положенія о наймѣ въ ст. 18 устава, по *продолженію* 1886 г. Но изъ этого непризнанія имъ обязательности «продолженій» возникаетъ явная *несообразность:* согласно ст. 12 устава по продолженію 1886 или 1890 г., за дѣяніе, *неподсудное* волостному суду, предусмотрѣнное статьею 51-ою по тѣмъ же продолженіямъ (а именно, за полученіе рабочимъ, нанятымъ по *договорному листу*, задатковъ отъ *нѣсколькихъ* работодателей за исполненіе сдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ, которыхъ онъ *завѣдомо* не въ состояніи выполнить, и въ случаѣ, притомъ, дѣйствительнаго ихъ *невыполненія*),—за это дѣяніе, имѣющее довольно явный характеръ мошенничества, преслѣдованіе возможно не иначе, какъ *по жалобѣ потерпѣвшаго* и съ правомъ для сторонъ на *примиреніе* во всякомъ положеніи дѣла. Преслѣдованіе же за разсмотрѣнное выше дѣйствіе неопредѣленнаго значенія, *подсудное* волостному суду, какъ имѣющее *менѣе важное и болѣе частное* значеніе, можетъ быть, наоборотъ, начинаемо безъ жалобы «потерпѣвшаго» и безъ предоставленія сторонамъ возможности примиренія... Несообразность, отсюда возникающая, тѣмъ очевиднѣе, что если наниматель не пожелаетъ обвинять рабочаго вмѣстѣ съ поли-

ціей, то послѣдней придется выполнять невыполнимую обязанность доказывать,—что рабочій ушелъ отъ нанимателя самовольно, что въ его уходѣ выразилась недобросовѣстность и что онъ ушелъ, не отработавъ забранныхъ впередъ денегъ...

Статьею 19, изъ числа проступковъ, означаемыхъ въ ст. 17, исключаются, какъ не подлежащіе волостному суду: «1) кража лошади и крупнаго домашняго скота; 2) утайка найденнаго цѣною свыше 100 р., если хозяинъ находки извѣстенъ; 3) необъявленіе о находкѣ цѣною свыше 300 р.; 4) нарушеніе условій найма, заключеннаго по договорному листу». Послѣдній пунктъ, между прочимъ, вновь возбуждаетъ вопросъ о томъ, разумѣются ли въ ст. 17 дѣянія, предусмотрѣнныя только статьями устава о наказаніяхъ, изд. 1885 г., или тѣми же статьями по послѣдующимъ продолженіямъ, ибо въ этомъ пунктѣ исключаются изъ вѣдомства волостнаго суда именно дѣянія, предусмотрѣнныя статьями 51^1, 51^2, 51^3, 51^4 уст. о нак., по прод. 1886 г. Не разумѣются ли въ ст. 17 также прод. 1886 и 1887 гг.?

Вообще, уже одно опредѣленіе подсудности, съ чрезвычайнымъ трудомъ уловимое для частныхъ лицъ, требуетъ отъ волостныхъ судей такихъ знаній, которыхъ очень часто можетъ не оказываться и у состава того высшаго кассаціоннаго суда, которымъ является губернское присутствіе по дѣламъ болѣе важнымъ, сравнительно съ подсудными волостному суду. Понятно, какъ затруднительно будетъ новымъ волостнымъ судьямъ дѣйствовать по уставу о наказ., изъ котораго извѣстныя статьи выбраны какъ бы случайно, въ которомъ статьи обязательныя чередуются съ неимѣющими отношенія къ волостному суду, а статьи необязательныя прерываются обязательными. Понятно также, какъ легко будетъ для нихъ выходить изъ предѣловъ подсудности, разрѣшать дѣла неподлежащія и не принимать дѣлъ, подлежащихъ ихъ суду.

Такимъ образомъ, невозможно установить правильную *лѣстницу преступленій*, подсудныхъ волостному суду. Совсѣмъ не указана также *и лѣстница наказаній*, и изъ новаго отступленія отъ основныхъ началъ карательной дѣятельности въ государствѣ возникаютъ еще бо́льшія затрудненія. Положеніе дѣлъ въ отношеніи наказаній мало или вовсе не мѣняется противъ прежняго. Мѣра отвѣтственности за наказуемыя дѣянія опять точно не указывается. Въ подлежащихъ статьяхъ устава о нак. опредѣляются только пре-

ступныя дѣянія, подсудныя волостному суду. Но волостнымъ судамъ не предоставляется налагать за нихъ тѣ же наказанія, къ которымъ присуждаютъ, по уставу, мировые судьи, земскіе начальники и городскіе судьи. Волостной судъ — говоритъ ст. 33 — назначаетъ за подсудные ему проступки: «1) выговоръ въ присутствіи суда; 2) денежное взысканіе отъ двадцати пяти копѣекъ до тридцати рублей; 3) арестъ до пятнадцати дней, простой или строгій (съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ), а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ статьею 38,—до тридцати дней, и 4) лицамъ, неизъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній (Улож. наказ., прил. къ статьѣ 30, п. 2 и слѣд.)—наказаніе розгами до двадцати ударовъ». Таковы общіе предѣлы уголовной власти волостнаго суда. Они шире, сравнительно съ прежнимъ судомъ, и уже сравнительно съ предѣлами власти мироваго судьи. Далѣе, согласно ст. 38, — «за кражу, мошенничество, присвоеніе чужаго имущества и за покушеніе на эти проступки (уст. наказ., ст. 169 и 172—174), за мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство, а также за нарушенія условій найма, перечисленныя въ статьѣ 17, волостной судъ приговариваетъ виновныхъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или къ аресту отъ семи до пятнадцати дней, или къ тѣлесному наказанію, или же, въ особо важныхъ случаяхъ, къ аресту и наказанію розгами, причемъ за кражи, мошенничества и присвоеніе чужаго имущества срокъ ареста можетъ быть продолженъ до тридцати дней». Такимъ образомъ, въ подобныхъ случаяхъ, карательная власть суда сравнительно увеличивается. Арестъ можетъ быть продолженъ и до 30 дней. Устанавливаются *смѣшанныя наказанія*,—арестъ и наказаніе розгами лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія неизъятыхъ. Смѣшанныя же наказанія назначаются, по смыслу ст. 41, и для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Именно, взамѣнъ его, они приговариваются: «1) къ денежному взысканію — до тридцати рублей, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 169 и 172 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, причемъ взысканіе это назначается независимо отъ ареста, и 2) къ строгому аресту на время до пятнадцати дней во всѣхъ остальныхъ случаяхъ». Смыслъ ст. 41, впрочемъ, несовсѣмъ ясенъ, въ особенности по отношенію къ «остальнымъ» случаямъ. Является вопросъ, — присоединяется ли въ этихъ случаяхъ къ аресту денежное взысканіе, или нѣтъ?

Замѣчательно, что смѣшанное наказаніе можетъ постигать лицо,

нарушившее условія найма, совершоннаго безъ договорнаго листа. То есть, это дѣяніе, которое, быть можетъ, не сдѣлано и преступнымъ временными правилами, можетъ караться наравнѣ съ важнѣйшими дѣяніями, подвѣдомыми волостному суду... Откуда же такая строгость наказанія за подобное дѣйствіе, въ то время какъ уголовная отвѣтственность сельскихъ обывателей вообще *смягчается* въ значительной степени врем. правилами? Какимъ образомъ г. Муравьевъ, указывая такое смѣшанное чрезвычайное наказаніе, не остановился съ сомнѣніемъ передъ смысломъ закона, не предположилъ какой-либо ошибки и нашелъ возможнымъ признать, что законодатель имѣлъ все это въ виду, что это была его прямая цѣль, что имъ предусмотрѣны всѣ послѣдствія?..

Упоминаніе ст. 38 *о покушеніи* на кражу, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества должно также приводить къ недоразумѣніямъ. Какія покушенія имѣются здѣсь въ виду? Повидимому, остановленныя *по независѣвшимъ* отъ подсудимыхъ обстоятельствамъ, ибо въ ст. 35, путемъ ссылки, дѣлается обязательною для волостнаго суда ст. 17 уст. о нак., по которой являются ненаказуемыми вообще покушенія, остановленныя *по собственной волѣ* подсудимаго. Но въ самой ст. 38 не дѣлается этой ссылки. Затѣмъ, въ указываемой въ ней ст. 172 устава говорится лишь объ остановленномъ, по независѣвшимъ отъ подсудимаго обстоятельствамъ, покушеніи на кражу. Наконецъ, вовсе нигдѣ не указывается въ руководство волостному суду статья 176 уст., въ которой требуется и къ покушенію на мошенничество примѣнять ст. 172. Какъ же будутъ поступать волостные судьи въ этихъ случаяхъ, а также и въ случаяхъ покушеній на присвоеніе чужаго имущества, о каковомъ покушеніи въ уставѣ вовсе не упоминается?

Въ такихъ предѣлахъ волостной судъ получаетъ право наказывать подвѣдомственныхъ ему лицъ. Сравненіе его власти съ властью мироваго судьи, земскаго начальника или городскаго судьи обнаруживаетъ устанавливаемое здѣсь чрезмѣрное *неравенство наказаній* за одни и тѣ же преступленія для лицъ подчасъ одного и того же сословія. Согласно второй части ст. 18,—«лица другихъ состояній, противъ которыхъ совершены проступки лицами, подвѣдомственными волостному суду, могутъ, буде пожелаютъ, отыскивать слѣдующее имъ удовлетвореніе въ волостномъ судѣ, у земскихъ начальниковъ или въ подлежащихъ судебныхъ установленіяхъ». Но обвинен-

ный волостнымъ или земскимъ начальникомъ несетъ далеко не одинаковое наказаніе. Подлежать волостному суду — значитъ подвергнуться карѣ, смягченной на нѣсколько видовъ. Лицо потерпѣвшее можетъ соглашать виновнаго противъ него на крупное удовлетвореніе, обязываясь только воспользоваться факультативнымъ правомъ вчинанія жалобы въ волостномъ судѣ. Для лицъ привилегированнаго сословія, потерпѣвшихъ оскорбленіе чести, является возможность получать совсѣмъ особаго рода безчестіе, не по гражданскимъ законамъ, а по весьма вредному и разлагающему обычаю, который можетъ развиться... Замѣчательно, далѣе, что временныя правила не сдѣлали обязательною для волостныхъ судовъ и статью 138. Вслѣдствіе же этого, можетъ быть выводимо, что тѣ же привилегированные люди, взявъ безчестіе *по обычаю*, какъ-бы могутъ требовать еще *наказанія* обидчика и также не лишаются права искать съ него *опредѣленнаго въ законахъ гражданскихъ безчестія*... Такъ какъ, далѣе, участіе привилегированнаго лица въ преступленіи, совершонномъ нѣсколькими подвѣдомственными волостному суду лицами, дѣлаетъ самое преступленіе (по смыслу ст. 18) неподсуднымъ волостному суду, то опять на практикѣ возможны еще болѣе гнусныя и унизительныя для привилегированныхъ сословій послѣдствія, — когда подобное лицо будетъ выгораживаться остальными отъ соучастія и тоже, пожалуй, получать вознагражденіе, лишь бы не мѣнялась подсудность.

Какъ общее и независящее отъ какихъ-либо соглашеній правило, устанавливается поразительное неравенство наказаній для лицъ подвѣдомственныхъ волостному суду и *принадлежащихъ къ податному сословію*, и для лицъ, подлежащихъ суду прочихъ судебныхъ властей, т. е. *привилегированныхъ* (какъ равно тѣхъ же мѣщанъ, ремесленниковъ, посадскихъ и цеховыхъ, не живущихъ въ селеніяхъ постоянно). Это чрезвычайное различіе выясняется изъ ст. 34, по которой — «за проступки, влекущіе за собою по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, денежное взысканіе или арестъ, волостной судъ опредѣляетъ тѣ же наказанія, въ мѣрѣ предоставленной ему власти, но имѣетъ право, при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, назначать, вмѣсто ареста, денежное взысканіе и замѣнять вышеуказанныя наказанія выговоромъ». Такимъ образомъ, денежное взысканіе до 300 руб. или арестъ до 3 мѣсяцевъ, налагаемые на лицо привилегированнаго сословія земскимъ началь-

никомъ, — волостнымъ судомъ, для лица непривилегированнаго, могутъ быть замѣнены арестомъ до 15 дней и взысканіемъ до 30 р. То-есть, лицо непривилегированное можетъ быть наказано въ одномъ случаѣ *вшестеро*, а въ другомъ *вдесятеро* слабѣе. Оно можетъ даже отдѣлаться и выговоромъ. Ст. 36 также постановляетъ: «За проступки, предусмотрѣнные статьями 30 (вторая часть), 35 и 36 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, при обстоятельствахъ увелачивающихъ вину, можетъ быть назначенъ строгій арестъ, а за проступки, указанные въ статьяхъ 31, 38, 49, 132, 134, 135, 140—143 и 180 (первая часть) того же устава,—наказаніе розгами, если судъ признаетъ необходимымъ подвергнуть виновнаго именно сему наказанію». Трудно сказать, какъ слѣдуетъ разсматривать *замѣну*, устанавливаемую здѣсь. Тѣлесное наказаніе налагается тутъ вмѣсто ареста, денежнаго взысканія и, въ одномъ случаѣ, тюремнаго заключенія отъ двухъ недѣль до одного мѣсяца (ст. 49). Служитъ ли это къ сравнительной выгодѣ или невыгодѣ для лицъ, подсудныхъ волостному суду? Во всякомъ случаѣ, подобное различіе не можетъ имѣть для всѣхъ одинаковое значеніе. Для однихъ—оно ничтожно; для другихъ—тяжко, страшно. Слѣдовательно, и устанавливаемая замѣна лишается извѣстныхъ основаній, на которыя должна бы опираться.

При указаніи на ст. 38, относительно предѣловъ власти волостнаго суда, мы видѣли, что въ ней заключаются также и правила замѣны тюремнаго заключенія извѣстными смѣшанными наказаніями за дѣянія, предусмотрѣнныя ст. 169, 172—174. Тутъ различіе въ наказаніяхъ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ и земскимъ начальникомъ за одно и то же преступленіе,—представляется еще болѣе значительнымъ: тюремное заключеніе до 6 мѣс. можетъ быть превращено въ арестъ до 15 дней, то есть, уменьшено слишкомъ въ 10 разъ. Если же въ ст. 37 разумѣются дѣянія, предусмотрѣнныя и ст. 170,—хотя прямой ссылки на эту статью здѣсь не дѣлается,—то замѣна годичнаго тюремнаго заключенія можетъ и еще дальше провести различіе наказаній какъ для лицъ разныхъ состояній, такъ иногда для лицъ одного и того же состоянія...

Нечего и говорить, что всѣ указываемыя выше неравенства въ размѣрахъ отвѣтственности за преступныя дѣянія не имѣютъ достаточныхъ основаній. Даже и не раздѣляя воззрѣній современной науки уголовнаго права на необходимость *равенства наказаній для всѣхъ*

сословій, никакъ нельзя оправдать или понять подобныхъ различій, тѣмъ болѣе по отношенію къ лицамъ одного и того же состоянія. Впрочемъ, временныя правила вовсе не обнаруживаютъ стремленія провести какую-либо опредѣленную карательную систему. Въ частности же, эта мягкость наказаній не находится ни въ какой связи съ проектомъ новаго уголовнаго уложенія. Настоящая сторона, какъ и все прочее, носитъ здѣсь скорѣе характеръ случайный, невытекающій и изъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Кстати сказать, едвали удобно ограничивать наименьшій размѣръ штрафа 25-тью копѣйками. Въ сельскомъ быту наказаніе и въ видѣ меньшаго денежнаго взысканія бываетъ достаточно чувствительно. Въ столицахъ даже мировые судьи довольствуются нерѣдко 10-ю копѣйками. Точно также едва-ли можно чѣмъ-нибудь оправдать исключеніе изъ числа наказаній—*присужденія къ общественнымъ работамъ*, какъ вполнѣ соотвѣтствующаго условіямъ сельскаго быта. Общественныя работы оставлены лишь для замѣны ими штрафа въ случаѣ несостоятельности, по ст. 40.

Въ примѣненіи карательной власти, волостному суду, по статьѣ 35-ой, вмѣнено въ обязанность руководствоваться, кромѣ указанныхъ статей устава, также статьями: 2, 9, 10, 11, 17—20 и 22—26. Ст. 39, въ отличіе отъ прежняго порядка, вовсе не касавшагося настоящаго предмета, устанавливаетъ, далѣе, *уголовную давность*, буквально воспроизводя ст. 21 устава о наказ. и освобождая отъ наказанія виновныхъ, коль скоро кража, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества втеченіе 2 лѣтъ, а прочіе проступки втеченіе 6 мѣс. со времени ихъ совершенія, не сдѣлались извѣстными волостному суду или полиціи, или когда втеченіе тѣхъ же сроковъ не было по нимъ никакого производства. Никакихъ иныхъ руководящихъ правилъ волостному суду бо́льше не предписано. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ временныхъ правилъ говорится объ обстоятельствахъ, *увеличивающихъ и уменьшающихъ вину*, но опредѣленія этихъ обстоятельствъ не сдѣлано и здѣсь. Не сдѣланы также обязательными для новаго волостнаго суда статьи 13, 14, 171 и др. устава о наказ. Понятно, что эти обстоятельства будутъ указываемы волостному суду земскими начальниками, и въ столь важный вопросъ будетъ вноситься на практикѣ произволъ.

При обсужденіи проекта законоположеній 12 іюля 1889 г., была ясно сознана затруднительность для новаго волостнаго суда руковод-

ствоваться указанными ему нѣкоторыми статьями устава, приговаривая за предусмотрѣнныя ими дѣянія къ другимъ меньшимъ наказаніямъ. Вслѣдствіе этого, и явилось постановленіе о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ составить, по соглашенію съ министромъ юстиціи,—«наставленіе касательно примѣненія устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, къ дѣламъ о проступкахъ, подвѣдомственныхъ волостному суду». Такое наставленіе справедливо сочтено было необходимымъ. Но, по крайней недостаточности постановленій, изданныхъ для волостнаго суда, подобная задача была чрезмѣрно затруднительна. Названнымъ министерствамъ пришлось бы установлять *мѣру уголовной отвѣтственности* для лицъ сельскаго состоянія,—то есть, принимать на себя полномочія *субъекта права наказанія*, каковымъ можетъ быть, по основному началу науки уголовнаго права, только высшая государственная власть, осуществляющая притомъ это право въ *законодательномъ порядкѣ*. Сознаніемъ крайней трудности задачи и величиною отвѣтственности только и можно объяснить себѣ, что министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи не составили до сихъ поръ такого наставленія. Понятно, что подобная задача тѣмъ менѣе могла быть разрѣшена г. Муравьевымъ въ его многократно упоминавшемся «Руководствѣ». Изъ дальнѣйшихъ его ошибокъ необходимо указать на слѣдующую, какъ наиболѣе существенную. Какъ было видно, временныя правила установляютъ болѣе мягкую отвѣтственность для лицъ сельскаго состоянія за извѣстныя дѣянія, подвергавшія ихъ до сихъ поръ суду мироваго судьи. Такое начало совершенно ясно представляется при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи временныхъ правилъ. Начало это, конечно, должно примѣняться ко всѣмъ дѣяніямъ, подсуднымъ новому волостному суду. Ст. 34 прямо говоритъ: «за проступки, влекущіе за собою по уставу о наказан., налаг. мир. судьями, денежное взысканіе или арестъ, волостной судъ опредѣляетъ тѣ же наказанія *въ мѣрѣ предоставленной ему власти*», — то есть, въ *меньшей* мѣрѣ. Менѣе всего эта *меньшая* мѣра власти могла быть непримѣняема къ маловажнымъ дѣяніямъ. Никакъ нельзя сказать, чтобы такимъ путемъ имѣлось въ виду смягчить и ослабить наказаніе только *важнѣйшихъ* преступленій, въ родѣ кражи, мошенничества и обмана, дѣйствительно подлежащихъ менѣе строгому преслѣдованію. Болѣе мягкому взысканію явно подлежали *и менѣе важныя дѣянія*. Конечно, трудно думать, чтобы смягченіе

наказаній за маловажныя дѣянія допускалось въ той *многократной* мѣрѣ, въ какой оно состоялось относительно кражъ, мошенничествъ и пр. Но, во всякомъ случаѣ, смягченіе наказанія за маловажныя дѣянія было необходимо, по смыслу ст. 34, *какъ постоянное явленіе*, такъ какъ, согласно той же статьѣ, при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, волостной судъ можетъ назначать вмѣсто ареста денежное взысканіе и даже замѣнять арестъ или штрафъ—выговоромъ. Смягченіе наказаній установлялось, слѣдовательно, *общее* для всѣхъ преступленій однимъ путемъ и другимъ — *спеціальное*, при извѣстныхъ условіяхъ, принимаемыхъ во вниманіе и прочими судами. Между тѣмъ, г. Муравьевъ толкуетъ врем. правила именно въ наименѣе допустимомъ смыслѣ,—*смягченія наказаній за важныя дѣянія* въ бо̀льшей установленной мѣрѣ и *оставленія въ силѣ прежнихъ наказаній для менѣе важныхъ проступковъ, или ослабленія въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ за болѣе важные...* Тамъ, гдѣ, по уставу, мировой судья могъ налагать штрафъ до 300 руб.,—г. Муравьевъ правильно указываетъ на возможность для волостнаго суда приговорить виновнаго къ штрафу до 30 р.; точно также тамъ, гдѣ мировой судья могъ присуждать виновнаго къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ или къ аресту до 3 мѣсяцевъ,—тамъ и г. Муравьевъ опять совершенно правильно указываетъ на право волостнаго суда приговорить виновнаго къ двухнедѣльному аресту. Отъ этихъ указаній закона составитель «Руководства» не отступаетъ. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по уставу *за менѣе важное* преступленіе налагалось мировымъ судьею наказаніе арестомъ или штрафомъ въ размѣрѣ, не превосходящемъ предѣловъ карательной власти новаго волостнаго суда, — тамъ г. Муравьевъ и волостному суду указываетъ налагать арестъ или штрафъ *въ томъ же самомъ размѣрѣ, къ какому присуждали за данныя дѣянія мировые судьи.* Такъ, положимъ, за ссоры, драки и пр. въ публичныхъ мѣстахъ, по ст. 38, мировой судья могъ присуждать къ аресту на время до 7 дней и штрафу до 25 р. По мнѣнію г. Муравьева, и волостной судъ долженъ присуждать за это къ *такимъ же* наказаніямъ (стр. 70). Выходитъ даже, что волостной судъ долженъ наказывать строже за эти маловажныя дѣянія, такъ какъ мировой судья могъ назначить съ виновнаго штрафъ и въ 10 к., а волостной судъ не можетъ присудить за нихъ менѣе чѣмъ къ двадцатипятикопѣечному штрафу... Такихъ примѣровъ въ «Руко-

водствѣ» очень много (стр. 72, 73, 78, 81 и пр.). Но—конечно, никакъ нельзя было приписывать законодателю подобное странное желаніе разрушить въ сознаніи населенія различіе въ отвѣтственности за болѣе и менѣе важныя дѣянія. Уголовная политика этого не можетъ допускать,—ибо отсюда можетъ возникнуть только ослабленіе страха предъ совершеніемъ болѣе крупныхъ дѣяній...

Но самое крупное упущеніе, допускаемое г. Муравьевымъ, состоитъ въ томъ, что наказуемыя дѣянія обозначаетъ онъ не словами закона, а своими *собственными* словами. Онъ приводитъ статьи устава о наказаніяхъ, обязательныя для новаго волостнаго суда, не такъ, какъ онѣ изложены въ уставѣ, а въ измѣненномъ видѣ, въ самостоятельной обработкѣ. Этимъ нарушается одно весьма существенное начало, провозглашенное во временныхъ правилахъ. Прекращая дѣйствіе обычнаго уголовнаго права въ отношеніи наказуемыхъ дѣяній, указывая прямо, за какія именно дѣянія долженъ наказывать новый волостной судъ, временныя правила тѣмъ самымъ распространяли на крестьянъ статью 1 уложенія, по которой преступленіемъ или проступкомъ признается какъ само противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что̀ подъ страхомъ наказанія закономъ предписано. Волостному суду, подобно всѣмъ прочимъ присутственнымъ мѣстамъ, предписывалось само собою основывать свои приговоры на точныхъ словахъ закона. Измѣненіе редакціи устава сдѣлано г. Муравьевымъ, повидимому, съ почтенною цѣлью — представить требованія закона въ болѣе ясномъ и понятномъ видѣ. Къ сожалѣнію, нарушеніе столь важнаго начала не оправдывается и результатами. Измѣненія точныхъ словъ закона, мѣстами, сдѣланы такъ неудачно даже съ этой точки зрѣнія, что должны вызывать существенныя недоразумѣнія, такъ какъ смыслъ закона совершенно извращается. Такъ напримѣръ, въ ст. 61,—«за отлучку или проживательство безъ *установленныхъ видовъ*, тамъ, гдѣ они требуются, или же съ видами просроченными, или *ненадлежащими*, виновные, независимо отъ внесенія слѣдовавшей съ нихъ платы» и пр.—г. Муравьевъ слова: «установленные виды» замѣняетъ словомъ: «паспорты», а вмѣсто «ненадлежащіе» ставитъ «неправильные». Оставляя въ сторонѣ послѣднюю, также едвали правильную замѣну, нельзя не признать, что слова «установленные виды» точнѣе и лучше выражали требованія закона. Ими имѣлось въ виду указаніе отвѣтственности за отлучку и проживательство безъ всякихъ вообще до-

кументовъ этого рода, въ частности же, безъ «письменныхъ видовъ» и «билетовъ», опредѣленныхъ для крестьянъ и мѣщанъ уставомъ о паспортахъ. Благодаря же замѣнѣ, допущенной г. Муравьевымъ, легко можетъ возникать на практикѣ предположеніе, что новому волостному суду подсудно только проживательство или отлучка безъ паспортовъ, проживательство же безъ другихъ установленныхъ краткосрочныхъ видовъ ему неподсудно...

VI.

На первый взглядъ можетъ казаться, что примѣненіе тѣлеснаго наказанія *ограничивается* новыми правилами о волостномъ судѣ, что оно ставится въ извѣстные предѣлы, ибо при наложеніи этого рода наказанія необходимо руководствоваться нѣкоторыми, хотя и недостаточно ясными, указаніями закона и, кромѣ того, приговоръ о тѣлесномъ наказаніи не можетъ быть приведенъ въ исполненіе безъ *разрѣшенія* земскаго начальника. Формально это, дѣйствительно, такъ, ибо волостной судъ 19 февраля 1861 г. не былъ стѣсненъ никакими постановленіями въ этомъ отношеніи и могъ приговаривать къ тѣлесному наказанію, когда только признавалъ это за благо, причемъ, внѣ порядка обжалованія, такого рода приговоры не подчинялись никакому утвержденію или измѣненію. На самомъ же дѣлѣ вышло, что съ новымъ волостнымъ судомъ тѣлесное наказаніе не стало примѣняться рѣже, и—это составляетъ весьма любопытное и характерное явленіе. Дѣло въ томъ, что *тѣлесное наказаніе отжило свой вѣкъ въ понятіяхъ самого народа.* Поэтому, волостной судъ 19 февраля 1861 г. весьма мало пользовался принадлежавшимъ ему широкимъ правомъ примѣненія тѣлеснаго наказанія. Къ этому наказанію виновные присуждались слишкомъ рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ. *Создавалось даже, мѣстами, убѣжденіе, что къ тѣлесному наказанію волостной судъ вовсе и не имѣетъ права присуждать.* Съ этимъ мнѣніемъ встрѣчалась уже коммисія 1871 г. по изслѣдованію волостныхъ судовъ. Понятно, какое дѣйствіе должны были получить, хотя бы то и ограничительныя противъ прежняго, постановленія 12 іюля 1889 года. Временныя правила о волостномъ судѣ 12 іюля пріобрѣли огромное распространеніе повсюду. Люди, не читавшіе никогда Общаго Положенія 19 февраля 1861 года, прочли законоположенія 12 іюля 1889 г.,

и—ясно убѣдились въ томъ, что новый судъ будетъ присуждать къ тѣлесному наказанію. То, что считалось мѣстами исчезнувшимъ, то оказалось возстановляемымъ. Съ другой стороны, хотя исполненіе приговора волостнаго суда о тѣлесномъ наказаніи ставилось въ зависимость отъ разрѣшенія земскаго начальника, но первоначально существовали если не предположенія, то слухи о предположеніяхъ—облечь самого земскаго начальника властью присуждать къ тѣлесному наказанію. Вообще, земскому начальнику придавалось значеніе нѣсколько устрашающее... При такихъ условіяхъ, возобновленіе въ памяти населенія понятія о розгахъ—и создавало ожиданіе, что при земскихъ начальникахъ будутъ сильно и часто сѣчь... Притомъ, хотя правила 12 іюля 1889 г. ограничивали примѣненіе тѣлеснаго наказанія противъ Общаго Положенія,—однако, все же они допускали его еще довольно широко. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что власть новаго волостнаго суда значительно расширена, число дѣлъ, ему подлежащихъ, весьма увеличилось, и волостной судъ можетъ присуждать къ тѣлесному наказанію за такія дѣянія, которыя до сихъ поръ подлежали мировому судьѣ, не имѣвшему права примѣнять тѣлесное наказаніе. И вотъ, пишущему эти строки пришлось слышать отъ крестьянъ Владимірской и Костромской губерній—о томъ, что будто бы до земскихъ начальниковъ волостной судъ вовсе не могъ присуждать къ розгамъ («насъ—говорили они—давно уже не наказывали тѣлесно»), но что при земскихъ начальникахъ у нихъ «стало строже и *дерутъ* часто». Относительно же одного изъ уѣздовъ Московской губерніи, пришлось слышать, по поводу слишкомъ частаго примѣненія тѣлеснаго наказанія, — соединеннаго съ лишеніемъ права быть избираемымъ въ общественныя должности,—что крестьяне не безъ горечи шутятъ, что скоро имъ придется выбирать на общественныя должности лицъ изъ другихъ губерній, такъ какъ годные люди у себя подвергались тѣлесному наказанію и не могутъ уже быть избираемы. Такое же опасеніе, на основаніи данныхъ, обнаружившихся вскорѣ же по введеніи реформы, высказалъ внутренній обозрѣватель «Вѣстника Европы» (№ 2 за 1891 г.).

Дальнѣйшіе факты, отчасти указанные внутреннимъ обозрѣвателемъ названнаго журнала и г. Обнинскимъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“—еще болѣе оправдали всѣ эти сопоставленія. Вскорѣ послѣ введенія положенія о земскихъ начальникахъ въ Новгородской

губерніи, въ газетѣ „Сынъ Отечества“ появилась корреспонденція изъ Улома, Череповецкаго уѣзда, о томъ, что мѣстный земскій начальникъ г. Юреневъ запретилъ такъ называемыя „бесѣды“ и нѣкоторыхъ парней посадилъ „въ кутузку“; на будущее же время обѣщалъ „угостить ихъ березовою кашею“. Вскорѣ же, въ № 288 означенной газеты за 1890 г., отсюда появилась другая корреспонденція, содержавшая въ себѣ дословно циркуляръ г. Юренева, въ которомъ онъ опровергалъ распускаемыя «злоумышленниками» слухи о томъ, что „земскіе начальники вводятъ для наказанія крестьянъ розгами какія-то особыя машинки (?!)“. Дымъ былъ тутъ, какъ видно, не безъ огня... „Я—писалъ одинъ земскій начальникъ въ газетѣ „Гражданинъ“—не другъ розогъ, но и не врагъ ихъ. *Надо быть глупымъ, чтобы не уважать розогъ.* Я хлопочу, чтобы отучить крестьянъ *цѣнить розги дешево* и зря къ нимъ прибѣгать, а хочу, чтобы *розги имѣли устрашающее и грозное дѣйствіе*“... Въ этихъ документальныхъ словахъ вполнѣ обнаружилось преувеличенное значеніе, придаваемое земскимъ начальникомъ принадлежащему ему праву тѣлеснаго наказанія,—значеніе, которое не оправдывается дѣйствующимъ закономъ, но совпадаетъ съ тревожными ожиданіями народа.

Уже вскорѣ по введеніи въ Нижегородской губерніи положенія о земскихъ начальникахъ, мѣстному губернатору пришлось обратиться ко вновь назначеннымъ дѣятелямъ съ особымъ циркуляромъ, въ которомъ было засвидѣтельствовано, что „нѣкоторые изъ земскимъ начальниковъ приступили къ собиранію свѣдѣній о неприведенныхъ въ исполненіе приговорахъ дореформенныхъ волостныхъ судовъ, громогласно заявляя, что всѣ приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ и прочихъ карахъ ими, земскими начальниками, немедленно будутъ приведены въ исполненіе“ [1]). Далѣе, въ „Русскія Вѣдомости“ сообщалось изъ Черниговской губ., вскорѣ же по введеніи тамъ земскихъ начальниковъ, что волостные суды—очевидно, подъ прямымъ и ближайшимъ вліяніемъ земскихъ начальниковъ — поняли свое право присуждать къ тѣлесному наказанію такъ, что стали

[1]) Возбуждавшійся тутъ весьма существенный вопросъ, упущенный правилами 12 іюля 1889 г.,—вопросъ о порядкѣ исполненія приговоровъ прежняго волостнаго суда,—такъ и не выясненъ до сихъ поръ, тогда какъ онъ весьма обстоятельно разрѣшенъ для прибалтійскихъ губерній въ положеніи 9 іюля 1889 г.

примѣнять его *къ самымъ незначительнымъ проступкамъ*. „Этому наказанію начали подвергать—по словамъ корреспондента—не только лицъ крестьянскаго сословія, но и казаковъ, которые до сихъ поръ считались свободными отъ него“. При такихъ же условіяхъ дѣлаются весьма возможными на практикѣ случаи примѣненія тѣлеснаго наказанія къ мѣщанамъ, посадскимъ, ремесленникамъ и цеховымъ, что было бы, однако, также совершенно несогласно съ закономъ.

„Полагаемъ, что законодательство наше могло бы теперь оставить въ этомъ вопросѣ—справедливо говоритъ г. Тютрюмовъ—путь колебаній и сомнѣній. Тѣлесныя наказанія по суду уже отжили свое время. Въ виду ихъ унизительности, вреднаго вліянія на психическую сторону наказуемаго и закрѣпленія и безъ того грубыхъ сельскихъ нравовъ, пора отъ нихъ отказаться разъ и навсегда. Кто близко наблюдалъ народную жизнь за послѣдніе годы, тотъ помнитъ много случаевъ, гдѣ публичная волостная расправа—порка—была послѣднимъ толчкомъ крестьянина на путь безшабашности, пьянства и разоренія. *Не рѣдки послѣ подобнаго событія и случаи самоубійства*“ („Журн. Гр. и Угол. Права“, № 1 за 1890 годъ).

Нельзя, поэтому, понять: какимъ образомъ тѣлесное наказаніе сохранилось въ числѣ каръ, примѣняемымъ волостнымъ судомъ прибалтійскихъ губ., и по новому уставу 9 іюля 1889 г. Развитому въ значительной степени населенію этихъ губерній, въ особенности, не соотвѣтствуетъ уже старозавѣтная порка. Впрочемъ, примѣненіе ея здѣсь будетъ довольно ограниченно, какъ потому, что волостному суду подсудны весьма немногіе проступки и за нихъ только изрѣдка можетъ быть налагаемо тѣлесное наказаніе, такъ и потому, что суду предоставлено *замѣнять* тѣлесное наказаніе арестомъ „тѣмъ изъ осужденныхъ, которые будутъ *просить* о сей замѣнѣ“.

VII.

Невзирая на усилившееся значеніе волостнаго суда, правила его дѣятельности весьма мало обезпечиваютъ охрану ввѣряемыхъ ему правъ. Волостной судъ 12 іюля 1889 г. замѣняетъ во многихъ отношеніяхъ судъ мировой. Между тѣмъ, *порядокъ производства дѣлъ* въ немъ остается прежнимъ, попытки же частныхъ измѣненій никакъ не могутъ быть признаны удачными. До сихъ поръ

отсутствіе нѣкоторыхъ необходимыхъ опредѣленій закона восполнялось сенатскою практикою и примѣромъ судопроизводства у мировыхъ судей. Нынѣ законъ обнаруживаетъ стремленіе восполнить два-три такихъ недостатка, но дѣлаетъ это едвали лучше, сравнительно съ практикою. Все прочее остается безъ измѣненія. Произволъ и усмотрѣніе, попрежнему, главнымъ образомъ, опредѣляютъ существеннѣйшія части судопроизводства.

Прежній порядокъ (или, лучше, отсутствіе порядка) имѣлъ нѣкоторыя основанія въ примѣненіи къ освобождавшимся крестьянамъ. Поголовная безграмотность дѣлала неудобною обязательность для избираемыхъ крестьянами судей какихъ-либо сложныхъ правилъ. Не было уже основаній примѣнять въ 1866 году къ государственнымъ крестьянамъ то же судебное устройство, не заключавшее въ себѣ никакихъ правильныхъ началъ. Среди государственныхъ крестьянъ не только имѣла значительное распространеніе грамотность, благодаря мѣрамъ, принятымъ въ управленіе графа Киселева; но среди нихъ, почти 30 лѣтъ передъ тѣмъ, дѣйствовало уже вполнѣ приспобленное къ сельскому быту, старательно выработанное, устройство судебной части 23 марта 1839 г. Уравненіе государственныхъ крестьянъ съ бывшими крѣпостными въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, служило простымъ выраженіемъ крайней *реакціи*, постигшей крестьянское дѣло вслѣдъ за 19 февраля. Но еще менѣе основаній—оставлять нынѣ производство дѣлъ въ волостномъ судѣ въ томъ же положеніи,—при требованіи отъ судей болѣе зрѣлаго возраста, при общемъ, значительно ушедшемъ впередъ развитіи сельскаго населенія, при широкомъ распространеніи грамотности, при значительномъ расширеніи власти суда.

Согласно ст. 8, судъ собирается «не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, преимущественно по воскреснымъ и другимъ праздничнымъ днямъ; въ случаѣ надобности, волостной старшина созываетъ его чаще и въ другіе дни». Постановленіе это почти буквально воспроизводитъ статью 94 Общ. Положенія. Право объявлять экстренныя засѣданія вновь возлагается на старшину, хотя у новаго суда есть предсѣдатель, ближе стоящій къ дѣлу. Но если и прежде, при сравнительно маломъ числѣ дѣлъ, подобное правило было недостаточно, вызывало затрудненія и неудобства, то теперь это становится еще очевиднѣе. Неопредѣленность дней засѣданія суда составляетъ большое неудобство какъ для судей, такъ и для частныхъ лицъ. Судья,

не знающій о томъ, что завтра волостной старшина разсудитъ за благо созвать засѣданіе, можетъ уѣхать, начать дѣло, требующее его личнаго присутствія, и пр. Отсюда—возможность частыхъ неявокъ, а при четырехъ только постоянныхъ судьяхъ—возможность и частыхъ несостоявшихся засѣданій. Съ другой стороны, частныя лица, не зная времени засѣданій, ставятся въ невозможность словесно заявлять самому суду прошенія, жалобы и обстоятельства дѣлъ. Отсюда же можетъ возникнуть весьма нежелательное развитіе письменныхъ сношеній. Точно также, вслѣдствіе этого, должна получить широкое примѣненіе ст. 22, въ силу которой судъ приступаетъ къ разбору дѣлъ не только по словеснымъ и письменнымъ жалобамъ, ему самому приносимымъ, но также по жалобамъ, приносимымъ волостному старшинѣ или земскому начальнику. Ни съ какой стороны не можетъ быть желательно расширеніе подобнаго посредничества. Оно можетъ быть допускаемо въ исключительныхъ случаяхъ, но не имѣетъ основаній, какъ общее правило, развитію котораго не ставится никакихъ препятствій въ самой ст. 22,—да и не можетъ ставиться, за отсутствіемъ опредѣленныхъ дней засѣданій суда. Для самихъ посредниковъ заключаются въ этомъ большія неудобства. Необходимымъ дѣлается записывать получаемыя заявленія и по тому же поводу входить въ письменныя сношенія съ судомъ. Простое дѣло, которое могло бы разрѣшиться скоро и ясно, затягивается и осложняется. Будучи дѣломъ вполнѣ частнымъ, не требующимъ ничьего участія, кромѣ участія суда, оно вызываетъ, при такихъ условіяхъ, такъ или иначе, вниманіе посторонняго начальства. Можетъ развиться — не предполагаемый закономъ — родъ особой судебной дѣятельности означенныхъ властей даже не въ порядкѣ примиренія только...

Должны ли происходить засѣданія новаго волостнаго суда *при открытыхъ, или при закрытыхъ дверяхъ?* И такой важный вопросъ не разрѣшенъ твердо и прямо временными правилами... Съ своей стороны, г. Муравьевъ въ первомъ изданіи своего «Руководства» нашелъ возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ отрицательно. «При разбирательствѣ дѣлъ въ волостномъ судѣ — категорически замѣтилъ онъ — могутъ находиться только участвующія въ дѣлѣ лица, стороны и свидѣтели; *постороннія же въ засѣданіе суда не допускаются*» (стр. 23). Это разъясненіе г. Муравьева особенно характерно. Полное молчаніе закона не возбудило въ немъ ника-

кихъ сомнѣній, хотя онъ не могъ не знать, что публичность засѣданій суда есть одно изъ основныхъ и незыблемыхъ началъ новѣйшаго судебнаго права. Повидимому, составитель «Руководства» полагалъ, что начало это неприменимо къ простѣйшимъ формамъ сельскаго суда. Приэтомъ, онъ не почелъ нужнымъ принять во вниманіе прежнія, какъ и новыя узаконенія касательно низшихъ формъ народнаго суда. Между тѣмъ, именно съ точки зрѣнія этихъ формъ, въ особенности неожиданнымъ представляется его разъясненіе. Нечего уже говорить о томъ, что публичность судебнаго разбирательства свойственна древнѣйшимъ обычно-правовымъ судебнымъ установленіямъ. Государственнымъ крестьянамъ, по законамъ, относящимся къ началу нынѣшняго столѣтія, предоставлялось разбирать маловажныя уголовныя дѣла на сходахъ,—слѣдовательно, публично, въ широкомъ и полномъ смыслѣ этого слова (т. II, изд. 1832 г., ст. 1103). Казачье населеніе пользовалось такими же правами, по законамъ 26 февраля 1851 г. (т. II, ч. 2, изд. 1857 г., гражданское управленіе казаковъ, ст. 461, 462). Общее Положеніе 19 февраля 1861 г. прошло полнымъ молчаніемъ настоящій предметъ. Но то обстоятельство, что во времена освобожденія общій судъ не былъ гласнымъ, вовсе не давало повода думать, что законодательство 19 февраля относилось неблагопріятно къ публичности правосудія собственно въ крестьянскомъ волостномъ судѣ. Напротивъ, достойно особаго вниманія, что *еще до 20 ноября 1864 г. начало публичности было провозглашено именно законодательствомъ 19 февраля 1861 г.*,—такъ какъ, по положенію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, сдѣланы были публичными засѣданія мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ. И вотъ,—волостной судъ башкиръ (по положенію 2 іюля 1865 г.) и станичный судъ казаковъ (по положенію 13 мая 1870 г.), составляющіе точную копію съ волостнаго суда 19 февраля 1861 г., содержатъ въ себѣ прямыя поясненія, что въ засѣданіяхъ означенныхъ судовъ могутъ присутствовать и постороннія лица. Понятно, что эти же начала были сохранены и въ волостномъ судебномъ уставѣ 9 іюля 1889 г. Обычай и соотвѣтственное толкованіе закона объявляли, насколько извѣстно, публичными и засѣданія волостнаго суда по Общему Положенію 19 февраля. Оттого, указываемое заключеніе г. Муравьева и въ простой сельской средѣ вызвало немалое изумленіе, такъ что во второмъ изданіи своего «Руководства» г. Муравьевъ

и не повторяетъ его. Но здѣсь онъ также и не исправляетъ своей ошибки. Исправленіе сдѣлано только въ «Дополненіи къ Руководству»,—да и то недостаточно твердо. Между тѣмъ, опираясь на его слова, земскіе начальники могутъ установить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непубличность засѣданій волостныхъ судовъ, откуда можетъ возникнуть только крайній вредъ для законныхъ интересовъ частныхъ лицъ и для успѣха дѣятельности новаго суда.

Временныя правила, попрежнему, не различаютъ также *порядковъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства*, откуда возникаютъ существенныя недоразумѣнія. Статья 23, требуя вообще личной явки сторонъ, допускаетъ для лицъ, проживающихъ внѣ предѣловъ волости и далѣе 15 верстъ отъ мѣста нахожденія суда, — замѣну ихъ представителями «изъ числа своихъ родныхъ, домашнихъ или односельцевъ, если только эти послѣдніе не занимаются ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ за вознагражденіе». Такая замѣна можетъ быть разрѣшена судомъ особо и другимъ лицамъ. Наконецъ, «лица, не подвѣдомственныя волостному суду, какъ потерпѣвшія отъ преступныхъ дѣйствій, такъ равно и истцы, могутъ замѣнять себя своими управляющими, приказчиками, старостами и другими лицами, завѣдующими у нихъ хозяйствомъ, либо сообщать суду свои заявленія письменно». Въ прежнихъ правилахъ о вол. судѣ вовсе не упоминалось о *представительствѣ* въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ. Нынѣ же, на указанныхъ условіяхъ, по точному смыслу ст. 23, представительство допускается безъ всякихъ различій, какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Но уголовный и гражданскій процессы въ этомъ отношеніи необходимо должны различаться и всегда различаются. Невозможно предоставлять обвиняемому право во всѣхъ случаяхъ замѣнять себя повѣреннымъ. Обвиняемый передъ мировымъ судьею и пользовался этимъ правомъ только по дѣламъ о проступкахъ, грозящихъ наказаніемъ не свыше ареста, причемъ судья могъ требовать его лично во всѣхъ другихъ случаяхъ (ст. 60 уст. уг. суд.). То же самое, за исключеніемъ послѣдняго правила, устанавливаетъ ст. 180 правилъ производства уголовныхъ дѣлъ земскими начальниками и городскими судьями. Понятно, что отсюда должны являться существенныя сомнѣнія касательно точнаго смысла ст. 23. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, обвиняемый во всякаго рода проступкахъ получаетъ право замѣнять себя повѣреннымъ передъ волостнымъ судомъ?— Въ отношеніи гражданскихъ

дѣлъ, означенная статья, съ выгодою противъ общихъ правилъ, расширяетъ право быть повѣреннымъ. Но упоминаніе о вознагражденіи будетъ приводить къ оспариванію правъ повѣреннаго и къ осложненію разбирательства частными производствами. Наоборотъ, необычно расширенное право замѣны себя представителемъ въ дѣлахъ уголовныхъ встрѣчаетъ препятствіе въ ограниченіи числа лицъ, могущихъ быть повѣренными. Въ то же время, для лицъ подвѣдомственныхъ волостному суду является нѣкоторымъ ограниченіемъ въ правахъ состоянія стѣсненіе въ выборѣ повѣренныхъ; для суда же будетъ неудобно имѣть дѣло съ ихъ письменными заявленіями каждый разъ, когда они окажутся лишенными возможности избрать повѣреннаго изъ тѣснаго круга, который имъ указанъ для этого. Наконецъ, общимъ неудобствомъ для всѣхъ явятся частые случаи оспариванія правъ повѣренныхъ, которые возникнутъ изъ естественнаго несоблюденія подобныхъ правилъ. Однимъ словомъ, невозможно открыть какія либо общія начала въ ст. 23, нарушающей всѣ установившіяся начала и процесса, и матеріальнаго права.

Временныя правила устанавливаютъ отводъ судьи, воспрещая ему, статьею 9, принимать участіе въ разрѣшеніи дѣла, касающагося «его самого или неотдѣленныхъ членовъ его семейства». Общее Положеніе вовсе не касалось этого обстоятельства. Но недостатокъ закона восполнялся зато практикою сената, которая не подвергала безпристрастія судьи столь тяжелому испытанію, и требовала отказа его отъ участія въ дѣлѣ при наличности и болѣе отдаленныхъ связей съ участвующими лицами.

Ст. 26 постановляетъ: «При разсмотрѣніи *споровъ и тяжбъ*, судъ, выслушавъ тяжущіяся стороны, старается склонить ихъ къ примиренію. По окончаніи разбирательства тяжебныхъ дѣлъ, по которымъ не состоялось примиренія, *а равно дѣлъ о проступкахъ*, судъ, обсудивъ обстоятельства дѣла, постановляетъ свое рѣшеніе, которое немедленно записывается въ заведенную для сего книгу и затѣмъ объявляется сторонамъ въ томъ же засѣданіи».

Такимъ образомъ, тутъ, какъ и по Общему Положенію, выходитъ, что волостной судъ дѣйствуетъ въ порядкѣ примиренія только по дѣламъ гражданскимъ. И, дѣйствительно, правилами 12 іюля 1889 г. не вмѣняется волостному суду въ опредѣленную обязанность предлагать примиреніе въ тѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, которыя могутъ быть окончены такимъ образомъ. Но подобное упущеніе въ

Общемъ Положеніи оправдывалось тѣмъ, что волостному суду 19 февраля 1861 г. не указывались опредѣленныя подсудныя дѣянія: онъ дѣйствовалъ въ большей мѣрѣ на основаніи обычнаго уголовнаго права. Наоборотъ, сужденію волостнаго суда 12 іюля 1889 г. подчиняются извѣстныя, предусмотрѣнныя закономъ, дѣянія. Въ числѣ этихъ дѣяній означены и такія, дѣла по которымъ начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ, и также могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ. По подобнымъ дѣламъ даже и предсѣдателю мироваго съѣзда вмѣняется въ обязанность склонять стороны къ примиренію. Безъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе необходимо было установить подобную обязанность точнымъ постановленіемъ по отношенію къ новому волостному суду.

Всѣ недостатки производства дѣлъ новымъ волостнымъ судомъ внутри Россіи особенно ярко выступаютъ изъ дальнѣйшаго сопоставленія его съ волостнымъ судомъ прибалтійскихъ губерній. Вѣдая дѣла меньшей важности, волостной судъ этихъ губерній обставленъ, однако, такими условіями, которыя, дѣйствительно, обезпечиваютъ правильность его дѣйствій и ограждаютъ законныя права частныхъ лицъ.

Волостной судебный уставъ, естественно, заключаетъ въ себѣ отдѣльныя правила для производства уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Основныя черты ихъ таковы: Весьма важный моментъ въ гражданскомъ процессѣ есть моментъ *предъявленія иска, начатія дѣла*. Необходимость ясныхъ опредѣленій закона по этому предмету совершенно очевидна. Вол. суд. уставъ и удовлетворяетъ ей вполнѣ, тогда какъ врем. правила для внутреннихъ губерній совершенно упускаютъ ее изъ вида. Желающій предъявить искъ обращается въ судъ съ словесною или письменною просьбою, причемъ послѣдняя можетъ быть подана и черезъ повѣреннаго. Словесная просьба записывается писаремъ или однимъ изъ волостныхъ судей, прочитывается истцу и подписывается имъ, если онъ грамотный, или—по довѣренности его — другимъ лицомъ. Вторымъ столь же важнымъ моментомъ является *вызовъ отвѣтчика* въ судъ, предъявленіе ему возникшихъ требованій. Временныя правила не говорятъ ничего объ этомъ моментѣ, подобно тому, какъ не опредѣлялся онъ и по Общему Положенію. На практикѣ, все же, вызовъ дѣлается большею частью черезъ повѣстки. Но г. Муравьевъ относительно новаго суда находитъ возможнымъ выводить правило о томъ, что волостной судъ

вызываетъ стороны и свидѣтелей — «черезъ *приказы сельскимъ властямъ* того общества, гдѣ живетъ вызываемый, а если онъ проживаетъ въ другой волости, то черезъ мѣстное волостное правленіе». Дальнѣйшихъ объясненій г. Муравьевъ не даетъ. Понятно, что въ новой практикѣ, — несмотря на гораздо большую важность дѣлъ, вѣдаемымъ преобразованнымъ волостнымъ судомъ,—можетъ установиться, подъ такимъ вліяніемъ, словесный вызовъ отвѣтчика. Волостной же судебный уставъ прибалтійскихъ губерній положительно требуетъ для этого разсылки повѣстокъ въ двухъ экземплярахъ, съ точнымъ опредѣленіемъ ихъ содержанія. Такой порядокъ устанавливается именно въ отмѣну существовавшаго дотолѣ словеснаго вызова. Основаніемъ къ такой отмѣнѣ—справедливо говорится въ объяснительной запискѣ—«послужило то обстоятельство, что съ неявкой тяжущихся соединяются извѣстныя послѣдствія, которыя,—какъ, напримѣръ, указанное въ ст. 33, — чрезвычайно важны, а потому, какъ для самого тяжущагося, такъ и для суда, необходима гарантія въ томъ, что тяжущимся было извѣстно, и притомъ своевременно, о вызовѣ къ суду».—Глубокое различіе наблюдается, далѣе, между временными правилами и волостнымъ судебнымъ уставомъ въ отношеніи представительства. Само собою разумѣется, что послѣдній *различаетъ представительство въ судѣ гражданскомъ и уголовномъ*. Приэтомъ, о временныхъ правилахъ можно сказать, что они, крайне ограничивая вообще представительство и уравнивая его въ отношеніе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, въ то же время своею неясностью и неопредѣленностью дѣлаютъ то или иное участіе повѣренныхъ необходимымъ. Наоборотъ, волостной судебный уставъ, допуская широко это представительство, въ то же время,— какъ общимъ своимъ характеромъ, такъ и цѣлымъ рядомъ частныхъ постановленій, — старается о томъ, чтобы заинтересованныя лица какъ можно менѣе были поставляемы въ необходимость обращаться къ повѣреннымъ. Это выражается, между прочимъ, въ предоставленіи права приносить словесно частныя жалобы и даже апеляціонныя и кассаціонныя въ верхній крестьянскій судъ. А это право, въ связи съ заботами о наилучшемъ составѣ судей, и есть самый вѣрный способъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ о повѣренныхъ. При разборѣ дѣлъ, волостной судебный уставъ особенно настаиваетъ на обязанности суда склонять стороны къ *примиренію*. «Способствовать всѣми средствами къ миролюбивому окончанію дѣла—справед-

ливо говорится въ объяснительной запискѣ—должно быть одною изъ главныхъ обязанностей волостныхъ судовъ. Миролюбивый способъ окончанія дѣлъ всего болѣе соотвѣтствуетъ волостнымъ судамъ и по роду дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдомству, и по самому составу суда. Большинство споровъ, возникающихъ между крестьянами, основано не на письменныхъ, формальныхъ договорахъ, а на словесныхъ сдѣлкахъ, слѣдовательно, на взаимномъ довѣріи. А посему, правильно, т. е., справедливо, разрѣшать такіе споры — скорѣе всего возможно по совѣсти». Начало это было проведено также и въ сельскомъ судебномъ уставѣ для бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Помимо того, вол. суд. уставъ прибалт. губерній особо и весьма удовлетворительно опредѣляетъ правила *охранительнаго судопроизводства* по дѣламъ о наслѣдованіи, объ опекѣ и попечительствѣ, объ усыновленіи и пр., равно правила засвидѣтельствованія актовъ, производства дѣлъ о несостоятельности и пр. Особаго вниманія заслуживаютъ, приэтомъ, правила производства наслѣдственныхъ дѣлъ. Волостной судъ, получающій сообщеніе о каждомъ случаѣ смерти крестьянъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ обязанъ принимать самостоятельно мѣры къ охранѣ наслѣдственнаго имущества, безъ чьей либо просьбы; при другихъ же,—по просьбѣ извѣстныхъ лицъ. Мѣры охраны заключаются въ описи и оцѣнкѣ имущества. Затѣмъ, дѣлается вызовъ наслѣдниковъ. Если мѣръ къ охранѣ имущества не было принято, то наслѣдники, какъ по закону, такъ и по завѣщанію, могутъ вступать во владѣніе имуществомъ безъ утвержденія ихъ въ правахъ наслѣдства. Въ противномъ случаѣ, а равно и тогда, когда сами наслѣдники о томъ просятъ, — совершается утвержденіе въ правахъ наслѣдства. О днѣ засѣданія суда по такому поводу объявляется въ околодкѣ особо и независимо отъ вызова повѣстками участвующихъ лицъ.

Говоря о прежнемъ положеніи *уголовнаго судопроизводства*, вол. суд. уст. замѣчаетъ: «Исходя, очевидно, изъ того воззрѣнія, что полицейская дѣятельность вообще не должна подчиняться строго опредѣленнымъ нормамъ, крестьянскія положенія въ прибалтійскихъ губерніяхъ не устанавливаютъ вовсе какихъ-либо правилъ для разрѣщенія волостными судами дѣлъ о проступкахъ». Что же вышло здѣсь изъ подобнаго условія, общаго съ внутренними губерніями? «Отсутствіе, въ этомъ отношеніи, процессуальныхъ нормъ весьма вредно повліяло—говоритъ объяснительная записка—на дѣятельность

мѣстныхъ волостныхъ судовъ, которые, какъ видно изъ многолѣтней ихъ практики, не только отличаются медленностью и нерѣдко произволомъ, но и вообще усвоили себѣ *большинство недостатковъ, присущихъ общимъ дореформеннымъ судамъ*». То же можно сказать о дѣйствіи этого условія и въ отношеніи волостнаго суда 19 февраля 1861 г. И вотъ, волостной суд. уставъ 9 іюля 1889 г. стремится исправить очевидный недостатокъ; временныя же правила оставляютъ все попрежнему, несмотря на усиленіе карательной власти новаго волостнаго суда.

VIII.

Ст. 13 «Временныхъ правилъ» предоставляетъ земскому начальнику «ближайшій и непосредственный надзоръ за всѣми волостными судами земскаго участка», съ обязанностью производить не менѣе двухъ разъ въ годъ ревизію каждаго суда. Въ порядкѣ надзора, земскому начальнику предоставляется возстановленіе надлежащей подсудности по дѣламъ, неправильно принятымъ. Статья 20, далѣе, гласитъ: «въ случаѣ постановленія волостнымъ судомъ рѣшенія о проступкѣ, нарушающаго предѣлы его власти или же явно неправосуднаго, земскій начальникъ останавливаетъ исполненіе рѣшенія и представляетъ оное уѣздному съѣзду, хотя бы и не было въ виду жалобы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ». Постановленіе это напоминаетъ вторую часть статьи 2-й правилъ объ отмѣнѣ приговоровъ и рѣшеній вол. суда 14 февраля 1866 г. (прил. къ ст. 109 Общ. Пол.); но право вмѣшательства земскаго начальника здѣсь представляется болѣе широкимъ, сравнительно съ таковымъ же правомъ мироваго посредника, предоставленнымъ ему означенными правилами. Земскимъ же начальникомъ разрѣшаются пререканія о подсудности, возникающія между волостными судами его участка (ст. 21). Отсюда, какъ и изъ указанныхъ выше обстоятельствъ, возникаетъ *чрезвычайное вліяніе* земскаго начальника на отправленіе правосудія волостнымъ судомъ. Вліяніе это распространяется на начало, продолженіе и конецъ всякаго дѣла. *Новый волостной судъ, какъ и судъ по Общему Положенію, не получилъ въ руководство точнаго и яснаго закона; за то онъ поставленъ подъ всесильное руководство единоличной власти.* Такъ какъ, далѣе, относящіяся къ волостному суду немногія постановленія закона крайне неясны и неудовлетво-

рительны, то руководительство земскаго начальника пріобрѣтаетъ еще большее значеніе и безусловность.

Особенное, совсѣмъ исключительное вліяніе усвоено земскому начальнику на ходъ *обжалованія* приговоровъ и рѣшеній волостнаго суда. Чрезвычайно трудно понять *юридическое существо* того совершенно *необычайнаго*, неизвѣстнаго никакимъ судопроизводственнымъ правиламъ, положенія, которое предоставляется въ этомъ отношеніи земскому начальнику. Во всякомъ случаѣ, положеніе это таково, что собственно отъ земскаго начальника зависитъ во многихъ случаяхъ предоставленіе самаго права на обжалованіе частнымъ лицамъ. Оттого и право это является до крайности неопредѣленнымъ, подчасъ однимъ *видомъ права*, намекомъ на него...

Во второй части ст. 27-й постановляется: «Рѣшенія, подлежащія обжалованію, записываются съ тѣми подробностями, которыя необходимы для разъясненія сущности обвиненія или спора и рѣшенія». Здѣсь дѣлается указаніе на то, что *не всѣ* рѣшенія и приговоры волостнаго суда подлежатъ обжалованію, ибо не всѣ они одинаково записываются въ извѣстную книгу. Но ст. 30-я предоставляетъ, вообще, «участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ» приносить *жалобы*,—въ тридцатидневный срокъ со дня объявленія рѣшенія,—«*земскому начальнику*, черезъ волостной судъ, рѣшившій дѣло, съ приложеніемъ копіи». Въ свою очередь, судъ сообщаетъ копію противной сторонѣ и представляетъ жалобу земскому начальнику, вмѣстѣ «съ точною выпискою изъ книги рѣшенія и всѣми, представленными сторонами, документами». Но это вовсе не значитъ, что именно земскій начальникъ является второю инстанціею, разсматривающею приговоры и рѣшенія волостнаго суда. Власть его тутъ совсѣмъ особенная. Слѣдующая ст. 31-я вмѣняетъ ему въ обязанность представлять уѣздному съѣзду втеченіе двухъ недѣль со дня полученія: 1) жалобы по дѣламъ о тѣхъ проступкахъ, за которые виновный приговоренъ къ аресту на время свыше трехъ дней, либо къ тѣлесному наказанію, либо къ денежному взысканію свыше пяти рублей, а также по спорамъ и тяжбамъ, по которымъ присуждено болѣе тридцати рублей, и 2) жалобы на всѣ прочія рѣшенія въ томъ случаѣ, если они постановлены съ нарушеніемъ предѣловъ власти суда или оказываются явно неправосудными». Значитъ, земскій начальникъ лишь опредѣляетъ, какіе именно изъ обжалуемыхъ приговоровъ и рѣшеній суда подлежатъ разсмотрѣнію съѣзда. Слѣдова-

тельно, опять не всѣ рѣшенія и приговоры волостнаго суда могутъ быть обжалуемы. Право обжалованія относительно приговоровъ и рѣшеній, перечисляемыхъ въ п. 1, приэтомъ представляется безусловнымъ. Частныя лица, интересы которыхъ затронуты въ указываемомъ смыслѣ, могутъ, значитъ, направлять свои жалобы земскому начальнику чрезъ волостной судъ съ твердою надеждою на то, что онѣ будутъ переданы дальше. Однако, если земскій начальникъ оставляетъ и такія жалобы безъ движенія,—что дѣлать жалобщикамъ? Опредѣленно ничего, ибо права жалобы на земскаго начальника, ни здѣсь, ни въ положеніи о земскихъ начальникахъ, не предоставляется заинтересованнымъ лицамъ. Во всякомъ случаѣ, даже предполагая, что земскій начальникъ всегда будетъ дѣйствовать здѣсь правильно, и никому не откажетъ въ правосудіи,—невозможно понять, зачѣмъ эта потеря времени, эта напрасная задержка и замедленіе въ теченіи дѣла, которое и такъ не будетъ отличаться быстротою?.. Если это поведетъ къ усиленію значенія земскаго начальника, и безъ того поставленнаго исключительно-высоко, то, съ другой стороны, это же послужитъ и къ безплодному обремененію его чисто внѣшними обязанностями...

Еще бо̀льшее значеніе имѣетъ земскій начальникъ для жалобъ, указываемыхъ въ п. 2 ст. 31-й. Тутъ онъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, является властью, опредѣляющею неправильность или правильность рѣшеній и приговоровъ суда, по существу и по формѣ. Ему, значитъ, можно представлять доказательства неправосудности рѣшенія. Но, какъ видно, судъ не можетъ точно знать, какія дѣла подлежатъ разсмотрѣнію съѣзда. Какъ же можетъ онъ одни изъ нихъ заносить въ протоколъ кратко, другія—съ большими подробностями? Будетъ ли основательно подвергать судей отвѣтственности за то, что дѣло, перенесенное земскимъ начальникомъ на разсмотрѣніе съѣзда, окажется записаннымъ слишкомъ кратко? А, съ другой стороны, допустимо ли проистекающее отсюда нарушеніе существенныхъ интересовъ частныхъ лицъ?—Въ случаѣ признанія неправильности рѣшенія или приговора суда, земскій начальникъ предоставляетъ заинтересованнымъ лицамъ выслушать окончательное мнѣніе съѣзда; коль скоро же рѣшеніе или приговоръ признаются имъ правильными,—земскому начальнику не предписывается даже сообщать заинтересованнымъ лицамъ о томъ, что они лишены права жалобы, что это право не признано за ними, что они напрасно давали себѣ

трудъ составлять жалобу, изготовлять копію, напрасно обременяли волостной судъ передачею жалобы на разсмотрѣніе земскаго начальника; ему не предписано и возвращать заинтересованнымъ лицамъ подобныя жалобы. Всѣ правила его дѣятельности въ этомъ отношеніи заключаются въ ст. 31. Никакихъ иныхъ указаній больше не дѣлается въ руководство ему или для соображенія лицамъ заинтересованнымъ. Лицамъ этимъ не предоставляется прямо и права жаловаться на подобныя распоряженія земскаго начальника, когда они узнаютъ о нихъ. Тутъ онъ дѣйствуетъ вполнѣ по своему усмотрѣнію. Кстати сказать, едва ли можно оправдать нѣсколько безразличное употребленіе, въ статьяхъ 20 и 31, слова «неправосудные» по отношенію къ приговорамъ и рѣшеніямъ волостнаго суда. Слово это имѣетъ слишкомъ опредѣленный смыслъ, и въ случаяхъ подобнаго примѣненія земскимъ начальникомъ означенныхъ статей будетъ заключаться, вѣдь, обвиненіе суда по ст. 366 уложенія о нак., грозящей лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и ссылкою въ Сибирь на поселеніе... Между тѣмъ, въ такихъ случаяхъ, повидимому, не предполагается уголовнаго преслѣдованія виновныхъ, дисциплинарное же взысканіе не можетъ быть примѣнено къ такому слишкомъ важному дѣянію. Г. Муравьевъ замѣняетъ въ своемъ «Руководствѣ» слово «явно-неправосудные» словами: «явно-неправильные», «неправильные», «несправедливые». Можетъ быть, это и такъ, но затруднительность толкованія слишкомъ очевидна, и дѣйствіе г. Муравьева можетъ быть признано только произвольнымъ. Съ своей стороны, г. Вербловскій, придерживаясь буквальнаго значенія слова «неправосудные» ссылается, въ отношеніи его смысла, прямо на статьи 366 — 370 уложенія о наказаніяхъ («Законоположенія», стр. 114).

Въ какой мѣрѣ ограждаются, по крайней мѣрѣ, интересы жалобщиковъ въ уѣздномъ съѣздѣ? — Всѣ правила дѣйствій и съѣзда ограничиваются ст. 32: «Уѣздный съѣздъ, по разсмотрѣніи поступившихъ отъ земскаго начальника рѣшенныхъ волостнымъ судомъ дѣлъ, отмѣняетъ рѣшенія, постановленныя съ нарушеніемъ подсудности, а по остальнымъ или оставляетъ въ силѣ рѣшеніе волостнаго суда, или постановляетъ новое рѣшеніе по существу, или же передаетъ дѣло въ другой волостной судъ, для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія». Затѣмъ, ст. 99 полож. о земскихъ начальникахъ указываетъ, что, при пересмотрѣ рѣшеній и приговоровъ волостнаго суда,

уѣздный съѣздъ дѣйствуетъ «на основаніяхъ, опредѣленныхъ временными правилами о немъ». Не устанавливается здѣсь ни вызова сторонъ, ни выслушанія ихъ, ни дальнѣйшаго порядка дѣйствій, ни объявленія постановленій... Статья же 98-я опредѣляетъ, что подобныя постановленія почитаются «окончательными и подлежатъ исполненію»... Очевидная недостаточность всѣхъ этихъ опредѣленій вскорѣ и была замѣчена. Между прочимъ, статьею 128 правилъ производства судебныхъ дѣлъ 29 декабря 1889 г. предписано уѣздному съѣзду,—при разрѣшеніи дѣлъ гражданскихъ, разсмотрѣнныхъ волостными судами,—дѣйствовать «примѣнительно» къ постановленіямъ гл. XII, разд. 2. Точно также относительно уголовныхъ дѣлъ предписано статьею 236-ю означенныхъ правилъ примѣняться къ постановленіямъ гл. VIII, разд. 2. Но, какъ видно, и тутъ весьма краткія и несовершенныя правила не сдѣланы обязательными для съѣзда. Выраженіе «примѣняться» имѣетъ слишкомъ расплывающееся значеніе...

Какъ ни мало удовлетворительны правила 14 февраля 1866 г. касательно обжалованія приговоровъ и рѣшеній волостнаго суда по Общему Положенію, все же предоставлявшееся ими право обжалованія могло быть названо этимъ словомъ и было опредѣленнѣе. Притомъ постановленія съѣзда мировыхъ посредниковъ по этимъ дѣламъ свободно обжаловывались въ губернское по кр. дѣл. присутствіе, а постановленія послѣдняго—въ сенатъ, пока 22 декабря 1878 г., по дѣлу Долгановой и Ишпехтуровой, сенатъ неожиданно не выразилъ, что подобныя дѣла должны оканчиваться въ съѣздѣ, что послѣдній составляетъ «кассаціонную» инстанцію... Въ самомъ съѣздѣ жалобы на приговоры и рѣшенія волостнаго суда разсматривались съ соблюденіемъ тѣхъ правилъ, обязательность которыхъ можно было установить по положенію объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, между прочимъ, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи лицъ заинтересованныхъ. (Такъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, по статьямъ 116, 117, 118, 119, 120 и 121 Пол. объ учр., сокращеннымъ, благодаря опечаткѣ въ Особомъ приложеніи къ тому IX). Дѣла меньшей важности прямо имѣли—значитъ—нѣкоторое обезпеченіе, не предоставляемое нынѣ точно дѣламъ гораздо болѣе важнымъ... Во всякомъ случаѣ, по крайней неопредѣленности закона, возникнутъ неизбѣжно затрудненія съ обжалованіемъ уже только въ губернское присутствіе...

Такимъ образомъ, временныя правила, оставивъ безъ надлежащаго устройства самое главное—первую инстанцію и порядокъ производства дѣлъ въ ней,—не обезпечили законнаго теченія дѣлъ и во второй инстанціи, не установили прочнаго корректива, который дѣлался столь необходимымъ. Волостной же судебный уставъ, обставивъ всѣми необходимыми гарантіями теченіе дѣлъ въ первой инстанціи, блестяще разрѣшилъ и вопросъ о дальнѣйшемъ обжалованіи ея постановленій.

Въ настоящее время является общепризнанною необходимость установленія двухъ инстанцій для разбора сколько-нибудь важныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ по существу и—одной инстанціи для разсмотрѣнія приговоровъ и рѣшеній по формѣ. Это испытанное начало своеобразно примѣнено и къ волостному суду прибалтійскихъ губ. Подобно тому, какъ волостная расправа среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и здѣсь вторая инстанція организована въ средѣ, *ближайшей* къ волостному суду. Инстанція эта есть верхній крестьянскій судъ, простирающій свою власть на нѣсколько волостныхъ судебныхъ участковъ и состоящій изъ предсѣдателя, назначаемаго министромъ юстиціи изъ числа лицъ съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ (подобно требуемому отъ мировыхъ судей) и изъ предсѣдателей волостныхъ судовъ, засѣдающихъ по очереди. Въ верхній крестьянскій судъ предоставляется, прежде всего, приносить *частныя жалобы* — неизвѣстныя вовсе врем. правиламъ — на медленность производства, на непринятіе искового прошенія или жалобы и пр. Движеніе дѣлъ обезпечивается, слѣдовательно, и этимъ общепринятымъ способомъ. Далѣе, постановляя рѣшеніе или приговоръ по существу, волостной судъ обязанъ объяснять сторонамъ *порядокъ и срокъ обжалованія.* Окончательно рѣшенныя дѣла обжалуются въ кассаціонномъ порядкѣ, неокончательно—въ апеляціонномъ. Изъ дѣлъ гражданскихъ волостной судъ разрѣшаетъ окончательно дѣла на сумму до 15 руб. По уголовнымъ же дѣламъ считаются окончательными приговоры, когда ими назначаются денежный штрафъ не свыше 5 руб. или, въ видѣ замѣны его, арестъ не свыше 3 дней, если притомъ сумма предъявленнаго гражданскаго иска не превышаетъ 15 руб. Всѣ прочіе приговоры и рѣшенія волостнаго суда суть неокончательные.—На эти послѣднія рѣшенія могутъ быть приносимы апеляціонныя жалобы въ верхній крестьянскій судъ черезъ волостной судъ, рѣшившій дѣло. Жалобы

эти могутъ быть предъявляемы *и словесно* въ томъ же самомъ порядкѣ, который указанъ для предъявленія иска, — то есть, заявленія записываются писаремъ, прочитываются жалующемуся и подписываются имъ. Протоколъ, въ который вписана такимъ образомъ словесная жалоба, вносится волостнымъ судомъ въ верхній крестьянскій судъ, а копія его сообщается противной сторонѣ. Стороны вызываются. При этомъ неявка ихъ по уголовнымъ дѣламъ не останавливаетъ разбирательства, — по гражданскимъ же дѣламъ служитъ причиною къ тому, чтобы отложить дѣло до другаго засѣданія. Здѣсь, по усмотрѣнію суда или по требованію одной изъ сторонъ, свидѣтели приводятся къ присягѣ. Установляя, далѣе, поводы для просьбъ о кассаціи рѣшеній, составители устава справедливо нашли необходимымъ для крестьянской среды *точно обозначить* эти поводы. Просьбы о кассаціи рѣшеній именно допущены: 1) въ случаѣ принятія волостнымъ судомъ къ своему разбору такого дѣла, которое, по закону, не подлежитъ его вѣдомству; 2) въ случаѣ разрѣшенія дѣла безъ вызова тяжущихся или ихъ законныхъ представителей, или безъ допущенія ихъ къ словеснымъ объясненіямъ, или въ случаѣ непринятія отъ тяжущихся доказательствъ, или неудовлетворенія законныхъ требованій объ отводѣ судей, свидѣтелей и свѣдущихъ людей; 3) въ случаѣ постановленія волостнымъ судомъ рѣшенія, которое противорѣчитъ состоявшемуся по тому же дѣлу въ волостномъ или иномъ судѣ и вошедшему въ законную силу; 4) въ случаѣ постановленія рѣшенія въ составѣ менѣе трехъ судей; 5) въ случаѣ постановленія рѣшенія о такомъ предметѣ, о которомъ не было предъявлено требованія, или въ случаѣ присужденія болѣе того, что требовалось тяжущимися. Число кассаціонныхъ поводовъ, слѣдовательно, довольно значительно. Заинтересованнымъ лицамъ предоставляется широкая возможность обжаловать окончательное рѣшеніе маловажнаго дѣла волостнымъ судомъ или болѣе важнаго—верхнимъ крестьянскимъ судомъ. Къ сожалѣнію только, среди этихъ поводовъ не указывается нарушеніе закона или обычая. Неуказаніе этого повода мотивировано такъ: «Отъ крестьянъ, вообще, нельзя требовать знанія закона—говорится въ объяснительной запискѣ. — Въ своихъ дѣлахъ они лучше всего разбираются домашнимъ способомъ, руководствуясь не законами, а просто здравымъ смысломъ». Допустимъ. Но, вопервыхъ, кассаціонное производство имѣетъ цѣлію обезпеченіе точнаго примѣненія

нормъ права вообще; вовторыхъ-же, судъ долженъ всегда имѣть извѣстное объективное основаніе для того или иного рѣшенія. Оно должно заключаться для него въ законѣ или въ обычаѣ. Обычаемъ же крестьянскому суду только предоставлено руководствовать чаще и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Основаніе это должно быть ясно выражено и въ рѣшеніи. А потому нарушеніе закона вполнѣ надлежало бы сдѣлать поводомъ къ кассаціи рѣшенія. Самое простое и естественное чувство возстаетъ противъ невозможности обжаловать рѣшеніе, въ которомъ обнаружилось нарушеніе судомъ закона, какъ бы ни было маловажно это нарушеніе. Если же былъ бы установленъ порядокъ удостовѣренія или доказательства обычая, на которомъ основывается рѣшеніе, то и нарушеніе обычая также долженствовало бы составлять поводъ къ кассаціи рѣшенія. Оно могло бы, впрочемъ, составить такой поводъ и теперь, потому что отъ обычая, какъ объективнаго основанія для рѣшенія, требуется *общеизвѣстность*. Допущеніе въ число поводовъ къ кассаціи нарушенія обычая имѣло бы и то важное значеніе, что обычаи эти дѣйствительно дѣлались бы извѣстными, подвергались бы разработкѣ и могли бы имѣть вліяніе на кодификацію гражданскаго права. Кассаціонныя жалобы, по указаннымъ поводамъ, на окончательныя рѣшенія волостнаго суда разсматриваются верхнимъ крестьянскимъ судомъ. Онѣ могутъ быть *и словесныя*, будучи приносимы въ такомъ случаѣ порядкомъ, установленнымъ для предъявленія иска. Верхній судъ вызываетъ стороны, но неявка ихъ не останавливаетъ опредѣленія. Въ случаѣ принятія волостнымъ судомъ дѣла ему неподсуднаго, верхній крестьянскій судъ уничтожаетъ все производство по немъ; въ другихъ же случаяхъ, отмѣняя рѣшеніе, передаетъ дѣло въ *сосѣдній* волостной судъ. По тѣмъ же поводамъ предоставляется приносить жалобы на рѣшенія верхняго крестьянскаго суда, постановленныя въ порядкѣ апелляціонномъ. Едвали только можно признать цѣлесообразнымъ требованіе *залога*, хотя бы въ размѣрѣ одного рубля. Право обжаловать неправильное рѣшеніе не можетъ быть поставляемо въ зависимость отъ средствъ жалующагося: правосудіе дѣлается тогда неодинаковымъ для бѣдныхъ и богатыхъ. Поэтому, залоги основательно устранены въ правилахъ производства дѣлъ земскими начальниками.

IX.

Въ отношеніе *порядка исполненія приговоровъ и рѣшеній* волостнаго суда, временныя правила, вновь смѣшивая тѣ и другіе, опредѣляютъ,—что «рѣшеніе вступаетъ въ законную силу, если оно не было обжаловано въ установленный срокъ, или же оставлено въ силѣ при разрѣшеніи принесенной на него жалобы»;—затѣмъ, что вступившее въ законную силу «рѣшеніе приводится немедленно въ исполненіе, по распоряженію и подъ наблюденіемъ вол. старшины» (ст. 29). Наконецъ, здѣсь же суду предоставляется «право, въ случаѣ присужденія обвиняемаго къ аресту, *отсрочить*, въ виду особо уважительныхъ причинъ, исполненіе такого рѣшенія, на время не далѣе шести мѣсяцевъ, съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, земскаго начальника».

Въ столь сложномъ дѣлѣ, каково исполненіе судебныхъ приговоровъ и рѣшеній, новыя правила ограничиваются настоящими опредѣленіями. Никакихъ иныхъ, естественно возникающихъ здѣсь, вопросовъ—они не ставятъ и не разрѣшаютъ. Чрезвычайно важныя отношенія должны попрежнему разрѣшаться по силѣ произвольныхъ вліяній и обстоятельствъ. Новымъ и весьма цѣлесообразнымъ постановленіемъ является только право *отстрочки ареста*, которое нужно было бы, впрочемъ, разъяснить указаніемъ хотя на одну особо-уважительную причину. Кѣмъ именно, по крайней мѣрѣ, должны приводиться въ исполненіе постановленія суда, если собственно волостному старшинѣ принадлежитъ «распоряженіе объ исполненіи и наблюденіе» за нимъ? При меньшей важности дѣлъ, разрѣшаемыхъ волостнымъ судомъ по Общ. Пол., ст. 110 все же опредѣлительнѣе и заключаетъ въ себѣ большее обезпеченіе для лицъ заинтересованныхъ: «приговоры вол. суда, какъ по спорамъ и тяжбамъ, такъ и по проступкамъ—говорилось въ ней—приводятся въ исполненіе сельскими старостами, или,—когда волость состоитъ изъ одного сельскаго общества,—помощникомъ волостнаго старшины, подъ наблюденіемъ старшины и за общею ихъ отвѣтственностью».

Изъ всѣхъ прочихъ важнѣйшихъ вопросовъ, подлежалъ бы также непремѣнному разрѣшенію вопросъ весьма большаго значенія, — вопросъ *о мѣстѣ и порядкѣ заключенія* лицъ, приговариваемыхъ къ аресту. Вопросъ этотъ старый, но, несмотря на всю его важ-

ность, до сихъ поръ незатронутый ни наукою, ни законодательствомъ... По отношенію къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, существовали еще опредѣленія статей 429—434 устава о благоустр. въ казен. сел.—о томъ, что содержаніе подъ стражею бываетъ простое и строгое; что присужденный къ простому содержанію можетъ употреблять пищу по своему состоянію, а приговореннымъ къ строгому наказанію не дается ничего, кромѣ воды, и наказаніе этого рода считается тѣлеснымъ; что присужденные подъ стражу заключаются «въ тюрьму, при сельской расправѣ находящуюся», и состоятъ подъ надзоромъ сельскаго старосты и десятскаго; что приговоренныхъ къ строгому содержанію дозволяется употреблять на общественныя работы и пр. Опредѣленія эти, конечно, весьма слабы и недостаточны. Ими допускалось, между прочимъ, смѣшеніе половъ въ заключеніи. Но все же были въ русскомъ законодательствѣ хотя такія указанія относительно весьма часто примѣняемаго у насъ вида лишенія свободы. Общее Положеніе 19 февраля 1861 г. вовсе не коснулось ни одного изъ этихъ вопросовъ. По распространеніи же, 18 января 1866 г., на государственныхъ крестьянъ общественнаго устройства и управленія, созданнаго для бывшихъ крѣпостныхъ,—и указанныя выше опредѣленія начали показываться по всѣмъ продолженіямъ, начиная съ продолженія 1868 г.,—*отмѣненными*. Въ законодательствѣ осталось, такимъ образомъ, *пустое мѣсто*.

Какими же условіями обставлялось, въ дѣйствительности, содержаніе подъ стражею по приговорамъ сельскихъ властей? Никакихъ матеріаловъ по этому вопросу не имѣется. Самое напоминаніе о томъ, что подобный вопросъ *существуетъ*, возникало весьма рѣдко. Случалось, что въ «клоповникъ», «яму», «подвалъ» и пр.—попадалъ человѣкъ привилегированный, вслѣдствіе злоупотребленія или подозрительности сельскихъ властей. Такой случай описывался въ газетахъ. Условія содержанія потерпѣвшаго въ теченіе двухъ-трехъ часовъ или сутокъ оказывались *ужасными*. Но этимъ дѣло и оканчивалось. Оставляли въ сторонѣ, что тѣ же условія не теряли своего ужаснаго значенія для тѣхъ лицъ низшихъ сословій, которыя постоянно «отсиживаютъ» въ клоповникахъ и болѣе продолжительные сроки заключеній, по постановленіямъ волостнаго суда, старшинъ и сельскихъ старостъ... Уставъ о содержащихся подъ стражею до сихъ поръ переименовываетъ всѣ мѣста заключенія, кромѣ находя-

щихся при волостныхъ и сельскихъ управленіяхъ. Понятно, какіе должны образовываться *обычаи* относительно содержанія заключенныхъ въ этихъ мѣстахъ и какой долженъ здѣсь господствовать произволъ.

Но если Общее Пол. 19 февраля 1861 г. не разрѣшало относящихся сюда вопросовъ, въ виду предположеннаго скорѣйшаго изданія общаго сельскаго устава,—то трудно понять, какимъ образомъ въ правилахъ 12 іюля 1889 г. могли они остаться незатронутыми; какимъ образомъ, заимствуя изъ устава о благоустр. виды ареста,—*простой и строгій*,—правила эти не возстановили, по крайней мѣрѣ, прочихъ, указанныхъ выше, опредѣленій устава? До сихъ поръ заключеніе при волости не могло продолжаться болѣе семи дней; нынѣ же оно можетъ быть опредѣляемо до 30 дней. До сихъ поръ ему могли подвергаться одни крестьяне; нынѣ къ нему могутъ быть присуждаемы и нѣкоторыя другія лица. Наконецъ, до сихъ поръ сами крестьяне могли подвергаться заключенію здѣсь сравнительно рѣдко; нынѣ, вслѣдствіе расширенія власти суда, вмѣсто одного заключеннаго можетъ оказываться три, и т. д. Какъ же приговариваемые къ аресту новымъ волостнымъ судомъ должны быть содержимы? на чей счетъ должно быть относимо ихъ довольствіе и прочія статьи расхода? какими они должны быть занимаемы работами? какова власть надъ ними надсмотрщиковъ? и пр., и пр.

Всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только въ *законодательномъ* порядкѣ, ибо рѣчь идетъ здѣсь о наложеніи на крестьянскія общества весьма тяжелой *повинности*. Всякая же повинность можетъ быть налагаема у насъ на населеніе не иначе, какъ *закономъ*. Это — основное начало дѣйствующаго финансоваго права. Всѣмъ центральнымъ и мѣстнымъ учрежденіямъ вмѣняется, поэтому, въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы на населеніе не было налагаемо повинностей, неустановленныхъ закономъ. По тому же самому, уложеніе о наказаніяхъ устанавливаетъ извѣстную кару за взиманіе съ населенія неустановленныхъ закономъ сборовъ и наложеніе неуказанныхъ въ законѣ повинностей. Разрѣшеніе закономъ всѣхъ вопросовъ, относящихся до мѣста и порядка содержанія приговариваемыхъ къ аресту волостными судами, тѣмъ болѣе необходимо, что, согласно ст. 8 устава уголовнаго судопроизводства, никто не долженъ быть, между прочимъ, содержимъ подъ стражею— «въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ» — то есть,

не установленныхъ спеціально для этой цѣли. Статья эта введена и въ правила производства судебныхъ дѣлъ земскими начальниками и городскими судьями. Въ неразрывной же связи съ 8-ою статьею находится ст. 11, по которой судья или прокуроръ, до свѣдѣнія котораго дошло, что въ предѣлахъ его участка кто либо содержится «не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія», долженъ принять мѣры къ содержанію его «въ установленномъ закономъ порядкѣ». Въ такой мѣрѣ важнымъ почитается дѣйствующимъ законодательствомъ настоящій вопросъ. Но нельзя же считать, что подобное начало, обезпечивающее законномѣрную свободу, имѣется въ виду только въ отношеніи лицъ прочихъ сословій, а *не крестьянъ*. Общее значеніе его слишкомъ очевидно.

Вопросъ объ исполненіи приговоровъ волостнаго суда, которыми виновные присуждаются къ аресту, составляетъ также слабую сторону волостнаго судебнаго устава. Въ немъ говорится только: «присужденные къ аресту содержатся въ помѣщеніяхъ, устроенныхъ въ волостныхъ судебныхъ участкахъ». Такія помѣщенія, по крайней мѣрѣ, являются «установленными въ законѣ». Но затѣмъ, остается невыясненнымъ, какъ они должны быть устраиваемы, какъ арестуемые должны содержаться въ нихъ и пр. Статья 20 правилъ о наказаніяхъ обезпечиваетъ только источникъ, изъ котораго должны быть извлекаемы средства для устройства арестныхъ помѣщеній для приговариваемыхъ,—постановляя, что на этотъ предметъ должны поступать денежныя взысканія, налагаемыя въ видѣ наказанія. Зато волостной судебный уставъ прибалтійскихъ губерній прекрасно разрѣшаетъ вопросъ объ исполненіи рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ. Находя, что и правила исполненія рѣшеній новаго волостнаго суда должны соотвѣтствовать началамъ устава гражданскаго судопроизводства, составители, однако, не признали возможнымъ ограничиться ссылкою на соотвѣтствующія статьи этого устава. Для большаго удобства и ясности, существеннѣйшія постановленія устава гражданскаго судопроизводства изложены въ возможно простыхъ и общедоступныхъ выраженіяхъ, съ измѣненіями, оправдываемыми особенностями крестьянскаго быта и условіями сельской среды. Къ числу такихъ измѣненій относится весьма цѣлесообразное правило объ исполненіи рѣшеній *самимъ судомъ*, при посредствѣ отряжаемыхъ для этого членовъ суда. Начало это примѣнено также и къ исполненію уголовныхъ приговоровъ новаго волостнаго суда.

X.

Таково—въ существенныхъ чертахъ—положеніе, даваемое крестьянскому суду новыми правилами.

Въ весьма значительномъ расширеніи вѣдомства преобразованнаго волостнаго суда внутреннихъ губерній выразилось извѣстное довѣріе къ крестьянскому суду (не проведенное только во многихъ другихъ отношеніяхъ). Съ этой именно точки зрѣнія, временныя правила 12 іюля 1889 г. были приняты сочувственно. Но, радуясь этому съ своей стороны, г. Тютрюмовъ справедливо находитъ, что *необходимымъ* условіемъ правильной и полезной дѣятельности новаго суда послужила бы «цѣлесообразная и независящая отъ постороннихъ вліяній организація его»; что при неудовлетворительной организаціи, волостной судъ, въ особенности съ расширенною властью, можетъ, наоборотъ, «много и серьезно вредить населенію». Къ этому можно добавить, что отъ новаго волостнаго суда, получившаго много въ смыслѣ власти, многое можетъ и потребоваться... Но, не пріобрѣтя надлежащей организаціи, онъ, можетъ не оправдать и самымъ скромныхъ требованій. Приэтомъ, не всѣмъ будетъ понятна и *истинная* причина его неудовлетворительности. Легко могутъ возникнуть и поддерживаться объясненія, въ смыслѣ непризнанія народа способнымъ пользоваться собственнымъ судомъ. Отсюда же—возможность если не полнаго упраздненія народнаго суда, то, по крайней мѣрѣ, уменьшенія его значенія. Естественнѣе, поэтому, путь постеннаго улучшенія организаціи волостнаго суда и *постепеннаго* же расширенія его власти и вліянія. Такой путь твердо намѣченъ волостному суду прибалтійскихъ губерній. Будущее же крестьянскаго суда во внутреннихъ губерніяхъ сомнительно... Во всякомъ случаѣ, если не явится рѣзкаго поворота въ отношеніяхъ къ нему со стороны закона, то во мнѣніи самого народа собственный судъ, несомнѣнно, потеряетъ немало... Народъ и такъ не особенно высоко цѣнитъ собственныхъ судей. «Что можетъ сдѣлать хорошаго въ качествѣ судьи необразованный мужикъ?» — приходилось слышать замѣчанія самихъ крестьянъ. Надлежащее же устройство суда и уваженіе къ нему въ особенности необходимы для сельской среды. Правильно устроенный судъ именно дѣлаетъ законы дѣйствующими, живыми, право — обезпеченнымъ,

свободу—законом*ѣ*рною. Только такой судъ способенъ воспитывать въ населеніи чувство *законности*. А это чувство потерпѣло уже тяжелое и продолжительное испытаніе у крестьянъ, благодаря крайне несовершеннымъ и недостаточнымъ уставамъ и учрежденіямъ, дѣйствовавшимъ въ ихъ средѣ.

По всѣмъ этимъ основаніямъ, положительно необходимо въ скорѣйшемъ времени *отмѣнить* временныя правила о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 г., создавъ вмѣсто нихъ новыя, на основаніи научной разработки имѣющагося матеріала и въ виду прекраснаго образца, даннаго 9 іюля 1889 г. прибалтійскимъ губерніямъ. При этомъ слѣдуетъ поставить вопросъ о примѣненіи къ крестьянскому суду единоличнаго начала и объ устраненіи коллегіальности въ первой инстанціи. Продолжительное же примѣненіе этихъ правилъ во что бы то ни стало лишь усилитъ тяжесть испытанія, которому подвергаются существенные интересы сельскаго населенія, требующіе *дѣйствительной законной охраны*. Скорѣйшая же замѣна временныхъ правилъ придала бы имъ ту хорошую сторону и то полезное значеніе, что, своею неудовлетворительностью, они обратили особое вниманіе на устройство судебной части для сельскаго населенія и укрѣпили сознаніе необходимости пересоздать его *на новыхъ началахъ*, указываемыхъ наукою и опытомъ, и сообразныхъ съ *законностью и законом*ѣ*рною свободою*.

Юридическая безпомощность крестьянъ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Г. И. Успенскій, со свойственною ему чуткостью и обычнымъ талантомъ, подмѣтилъ и весьма ярко выразилъ существованіе въ народѣ одной весьма важной потребности*).

Въ одномъ вновь возникшемъ городкѣ Кубанской области пришлось встрѣтить ему на базарѣ слѣпца, разыгрывавшаго на старомъ гармоніумѣ псалмы и разныя духовныя пѣснопѣнія съ замѣчательнымъ искусствомъ, привлекавшимъ громадную толпу народа. Музыкантъ произвелъ на автора сильное впечатлѣніе. Но ближе узнать его не удалось. Только въ вагонѣ третьяго класса, уѣзжая изъ городка, возстановилъ онъ отчасти для себя эту замѣчательную фигуру. Здѣсь, между пассажирами, зашелъ разговоръ о псалмопѣвцѣ...

— «Хочешь знать, кто таковъ Семенъ Васильевъ?—громко и храбро провозгласилъ какой-то мастеровой изъ желѣзнодорожныхъ.

— «Коли знаешь, такъ скажи.

— «*Адвокатъ*!—вотъ кто Семенъ Васильевъ.

— «Слѣпой-то?—въ изумленіи спросили мужики, да и я не могъ—говоритъ авторъ—не воскликнуть:

— «Какъ? Этотъ слѣпой и пѣвецъ—адвокатъ? Какъ можетъ это быть?

— «Очень просто. Прималъ дѣла, *рѣшалъ по законамъ*.

— «Слѣпой?

---

*) «Грѣхи тяжкіе», въ № 2 «Русской Мысли» за 1889 г.

— «Окончательно!

— «Вѣрно, вѣрно!—подтвердилъ слова мастерового новый собесѣдникъ, по внѣшности мелкій торговецъ.—Вѣрно. Дѣйствительно, былъ когда-то... занимался. Теперича онъ оставилъ это занятіе, а два года тому назадъ очень много дѣловъ дѣлалъ.

— «Да какъ же онъ могъ дѣлать это?

— «А очень просто: были у него законы, книги... И вотъ, онъ заставлялъ ихъ читать свою жену. Она читаетъ, а онъ запоминаетъ... А какъ вытвердилъ, такъ приказалъ женѣ сдѣлать сбоку книги обрѣзъ. Какъ каждая часть оканчивается, такъ она и вырѣжетъ... Такъ оно, если сбоку смотрѣть, ступеньками выходило. И онъ щупомъ зналъ, на какомъ вырѣзѣ нужно отвернуть и по какому дѣлу какой вырѣзъ. Покажетъ женѣ пальцемъ, на какомъ мѣстѣ надо книгу открыть, и заставляетъ ее читать законъ. «Читай мнѣ статью такую-то»,—ну, та и читаетъ, а потомъ и пишетъ, что онъ приказываетъ, и бумаги за него подаетъ...

— «Да кому же охота идти къ слѣпому, когда есть настоящіе, зрячіе адвокаты?

— «Э-э-э! господинъ, развѣ мало тутъ темнаго народу-то по Кавказу ходитъ?.. Пришлый онъ, темный, гдѣ ему адвоката искать? Онъ и такъ-то путается, *какъ во тьмѣ кромѣшной*. Здѣсь его, пришлаго-то, иногородняго, любятъ теребить. Тамъ отдадутъ въ аренду, деньги возьмутъ и гонятъ, а иной, недобрый, мало́ прогонитъ, еще и взыскиваетъ... И условіе написать на аренду земли, и отъ напраснаго взыска вывернуться... Мало ли дѣловъ! *Темный, несвѣдущій человѣкъ, какъ паутиной, ими опутанъ*. Тутъ и слѣпому будешь радъ-радешенекъ,—только бы заступился.

— «А заступался?

— «А какъ же? Прежде оченно его хвалили... Все подробно разсудитъ, распроситъ, бумагу напишетъ, укажетъ, къ кому идти. Посовѣтуетъ, хорошо посовѣтуетъ... Хвалили».

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ оказалось, что жена Семена Васильева убѣжала отъ него... «И вотъ, какъ она ушла-то—объяснилъ автору сосѣдъ-торговецъ—ему ужъ пришлось судейскія-то дѣла бросить. Куда! И много по этому случаю огорчается на него народу. Гдѣ какія бумаги—не знаетъ, самъ сыскать не можетъ... Много убытку натворилъ. Напуталъ. А то, бывало, день псалмы поетъ, а послѣ обѣда по судебнымъ дѣламъ принимаетъ»...

Такова картина. Она, очевидно, списана съ натуры. На ней изображена голая, ничѣмъ неподкрашенная, неприглядная дѣйствительность. Дѣйствительность, впрочемъ, не вполнѣ изображенная: на картинѣ нѣтъ описанія той страшной сумятицы, которая господствуетъ во внутренней деревенской жизни, которая преслѣдуетъ крестьянина дома, дѣлая его здѣсь еще болѣе безпомощнымъ, чѣмъ каковъ онъ въ качествѣ «иногородняго» въ Кубанской области. На чужой сторонѣ представленъ онъ удрученнымъ гражданскими дѣлами. Тамъ, онъ—арендаторъ, батракъ, поденьщикъ. Дома—онъ также арендаторъ, батракъ, поденьщикъ, должникъ. Сверхъ же всего этого, дома—онъ лицо, находящееся въ гораздо болѣе сложныхъ отношеніяхъ публичнаго характера: членъ прихода, общества, волости... Выразить ярче потребность народа въ юридической помощи, чѣмъ это сдѣлано Г. И. Успенскимъ, во всякомъ случаѣ трудно. Да,—и къ слѣпымъ адвокатамъ, вродѣ Семена Васильева, народъ обращается. Не такъ легко найти «настоящихъ», зрячихъ. Имѣющіеся—хуже Семена Васильева, хотя онъ и могъ только «щупомъ» отыскивать подходящія статьи въ нашихъ многочисленныхъ законахъ, разбросанныхъ притомъ по крайне разнообразнымъ и неудовлетворительнымъ источникамъ. И этотъ Семенъ Васильевъ есть, прежде всего, адвокатъ (и можно полагать также совѣстный судья, дѣйствующій въ порядкѣ примиренія). Въ этомъ, несомнѣнно, его главное общественное служеніе, а не въ пѣніи псалмовъ.

II.

Какимъ же образомъ возникла и какими условіями опредѣляется столь ярко выраженная Г. И. Успенскимъ нужда крестьянъ въ юридическихъ совѣтахъ, въ юридической помощи?

Крестьянство обладаетъ наименьшею возможностью и способностью усвоенія касающихся его законоположеній. Для него нужно писать особые законы,—въ смыслѣ особой ясности, точности, опредѣленности, доступности. Съ тѣмъ вмѣстѣ необходимы особые способы и мѣры распространенія среди крестьянъ свѣдѣній о законахъ, ихъ касающихся. Къ нимъ наименѣе приложимо то положеніе, по которому «никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ». По отношенію къ крестьянамъ въ особенности недостаточенъ существующій

порядокъ обнародованія законовъ, въ дѣйствительности далеко не обезпечивающій доведеніе ихъ до общаго свѣдѣнія. Для того, чтобы подобное требованіе было справедливо, для крестьянъ долженъ бы существовать особый порядокъ какъ обнародованія, такъ и изданія законовъ. Новыя узаконенія, дѣйствительно, должны доходить до нихъ, равно какъ прежнія должны быть заключаемы въ доступные для нихъ источники познанія.

Прежде всего, по мѣрѣ того, какъ главнѣйшія положенія, изданныя первоначально исключительно для освобожденныхъ крестьянъ, и то на переходное время, стали потомъ обобщаться, будучи прямо, иногда даже безъ редакціонныхъ измѣненій, распространяемы на всѣ прочіе разряды сельскихъ обитателей — прежде всего, при такихъ условіяхъ, законодательство о крестьянахъ пріобрѣло внутренній характеръ, сдѣлавшій его въ высшей степени запутаннымъ. Сами по себѣ законоположенія 19 февраля 1861 г. были несовершенны, какъ составленныя съ крайнею спѣшностью, при условіяхъ неблагопріятныхъ, подъ вліяніями, противоположными ихъ идеѣ, при необходимости для составителей дѣлать всевозможныя уступки, совмѣщать несовмѣстимое... Одновременно и освободить крѣпостныхъ крестьянъ, и хорошо устроить ихъ было слишкомъ трудно, почти невозможно. Послѣдняя задача и не могла быть, и не была достигнута. И по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ, которые только и имѣлись въ виду законоположеніями 19 февраля, послѣднія представляли цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ обыкновеннымъ путемъ вопросовъ, сомнѣній и противорѣчій. На самые существенные вопросы не давали они подчасъ никакого отвѣта. Исполнитель долженъ былъ идти ощупью. Усмотрѣніе образованныхъ для завѣдыванія крестьянскими дѣлами учрежденій могло расширяться еще дальше тѣхъ широкихъ предѣловъ, которые были ему предоставлены. Сдѣлались возможными разнообразныя злоупотребленія. Что же стало съ законоположеніями 19 февраля, когда они были сдѣланы въ значительной степени *общими* для всѣхъ сельскихъ обывателей, даже для инородцевъ. — и для бывшихъ государственныхъ, и для бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, и для башкиръ и пр.? Какая получилась тогда возможность разбираться въ нихъ и руководствоваться ими? «При такомъ *хаотическомъ* положеніи законовъ о сельскомъ состояніи, вновь назначенные крестьянскіе начальники, будутъ, по необходимости, или бездѣйствовать, или проявлять свою власть въ произволѣ», говорилъ

бывшій оберъ-прокуроръ завѣдывающаго исключительно крестьянскими дѣлами и толкующаго крестьянскіе законы второго департамента сената, Г. А. Евреиновъ, въ книгѣ своей «Замѣтки о мѣстной реформѣ», вышедшей въ 1889 году (стр. 44).

Между тѣмъ, затруднительность положенія усугублялась не только существомъ, но и формою законодательства о крестьянахъ, внѣшнимъ его характеромъ и условіями распространенія свѣдѣній объ его постановленіяхъ.

Съ распространеніемъ дѣйствія Общаго Положенія о крестьянахъ крѣпостныхъ на всѣхъ сельскихъ обывателей Россіи, всѣ способы и условія доведенія новыхъ законоположеній до свѣдѣнія крестьянъ ограничились неопредѣленнымъ постановленіемъ пункта перваго статьи 83 Общаго Положенія, вмѣнявшаго волостному старшинѣ одвосложно въ обязанность — «объявлять, по предписаніямъ мѣстной полиціи, законы и распоряженія правительства». Слишкомъ недостаточно было подобное опредѣленіе для важнѣйшаго предмета. Оно никакъ и не примѣнялось, и не примѣняется. Между тѣмъ, съ его изданіемъ, отмѣнены были всѣ прежнія болѣе вѣрныя и дѣйствительныя постановленія, существовавшія по этому предмету для бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Недостатокъ былъ восполненъ лишь съ изданіемъ «Сельскаго Вѣстника» въ 1881 г. Но и «Сельскій Вѣстникъ» въ недостаточной мѣрѣ выполнялъ ту важнѣйшую часть своей программы, которая обозначается словами: «законы и распоряженія высшаго правительства, какъ относящіеся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія». Правда, новые законы до извѣстной степени вводятся имъ въ сельскую среду. Но дѣло не столько въ новыхъ, сколько въ прежнихъ законоположеніяхъ, въ ихъ малодоступности, при наибольшемъ ихъ значеніи. Само упомянутое изданіе крайне затрудняется въ нихъ, и на немъ самомъ отражаются всѣ ихъ недостатки. Въ руководственномъ источникѣ своемъ, въ Особомъ Приложеніи къ тому IX, Зак. о сост., постановленія о крестьянахъ пріобрѣли форму особенно неудовлетворительную, особенно затрудняющую ихъ усвоеніе. Приложеніе это вышло въ 1876 году. Тогда въ него не вошли многія изъ весьма часто представляющихся еще необходимыми законоположеній, касающихся сельскихъ обывателей. Въ дополненіе же къ нему вышло съ тѣхъ поръ десять продолженій. Несовершенное существо слилось съ еще менѣе совершенною формою,

и, при указанныхъ условіяхъ среды и способѣ обнародованія законовъ, образовало смѣшеніе, весьма мало сообразное, какъ съ государственными видами, такъ и съ настоятельными, очевидными нуждами населенія. И самый образованный классъ лицъ врядъ ли могъ бы правильно руководствоваться законами въ такой формѣ, какая предлагается для наиболѣе темной массы.

Были ли, по крайней мѣрѣ, удовлетворительны должностныя лица и учрежденія, завѣдывавшія ближайшимъ образомъ крестьянскими дѣлами, — были ли они способны сглаживать указанные главнѣйшіе недостатки положенія дѣлъ? Достаточно яснымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ реформа 12 іюля 1889 г., вызванная безпорядками въ сельской средѣ, необезпеченностью правъ сельскихъ обывателей и неудовлетворительною дѣятельностію мѣстныхъ учрежденій и—*усилившая* всѣ эти явленія, по общему и единодушному отзыву... Недостатки законодательства о крестьянахъ поддерживали и увеличивали недостатки ближайшимъ образомъ поставленныхъ надъ ними учрежденій,—дѣлали эти недостатки необходимыми, *органическими*. При всемъ же томъ оставался крайне неудовлетворительнымъ, ухудшался, вмѣсто того чтобы улучшаться, составъ волостныхъ писарей, — этихъ ближайшихъ совѣтниковъ народа, руководителей сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, являющихся очень часто фактически и самолично заправскими «начальниками»,—при полнѣйшей безличности своей передъ дѣйствительнымъ начальствомъ.

III.

Такъ или иначе, но крестьянамъ нужно было отыскивать свои права, защищать ихъ, хотя бы на основаніяхъ нелегко уловимыхъ. Неудовлетворительность состава ближайшаго крестьянскаго управленія дѣлала это тѣмъ болѣе необходимымъ. И стали крестьяне пользоваться широко услугами тѣхъ «законовѣдовъ», которые находились подъ руками. Законовѣды эти начали расти, какъ грибы,—появились на всѣхъ ступеняхъ лѣстницъ присутственныхъ мѣстъ, въ ближайшихъ переулкахъ и кабакахъ. Получались въ громадномъ большинствѣ случаевъ невозможныя жалобы, прошенія, обращенія къ власти. То, что требовалось просителямъ, извращалось до крайности. Прошенія и бумаги направлялись неподлежаще. Темный

людъ нерѣдко возбуждался къ неосновательнымъ и безполезнымъ прошеніямъ и жалобамъ, отнюдь не обладая страстью къ сутяжничеству, какъ это нерѣдко утверждаютъ тѣ самыя лица, которыя подаютъ своею дѣятельностью особо частые поводы къ жалобамъ. Тутъ происходили вещи по истинѣ изумительныя. Поразительное невѣжество, соединенное съ алчностью и недобросовѣстностью, подвергало народъ самой наглой эксплуатаціи. *И какъ могло быть иначе, коль скоро лучшій составъ крестьянскихъ повѣренныхъ и составъ телей дѣловыхъ бумагъ ничѣмъ не былъ обезпеченъ, а между тѣмъ, ходатаи и юридическіе совѣтники дѣлались болѣе и болѣе необходимыми?*

Дѣйствуя на слѣдствіе, законоположеніе 12 іюля 1889 г. сократило право жалобъ, въ то время, какъ примѣненіе его само особенно часто вызывало необходимость обжалованія основывавшихся на немъ дѣйствій и новыхъ властей. Въ настоящее же время, по слухамъ, проектируется изданіе въ законодательномъ порядкѣ особыхъ мѣръ ограниченія дѣятельности крестьянскихъ повѣренныхъ.

Но борьба, направленная на слѣдствіе, не можетъ, разумѣется, уничтожить дѣйствія причинъ. Какъ ни сокращено право жалобъ на постановленія новыхъ административно-судебныхъ органовъ, тѣмъ не менѣе, засвидѣтельствовано о поступленіи такихъ жалобъ во всѣ учрежденія въ подавляющемъ множествѣ. Какъ также ни сокращается административнымъ путемъ дѣятельность повѣренныхъ, — тѣмъ не менѣе, желающіе находятъ у кого получить совѣтъ, еще менѣе удовлетворительный, и написать прошеніе или жалобу, еще менѣе основательно выражающія ихъ желаніе и права *). Населе-

*) Нѣкоторыми уѣздными съѣздами сдѣланы прямыя постановленія о недопущеніи повѣренныхъ, хотя, по закону, они могутъ лишь отказывать, по неформальнымъ причинамъ и безъ права обжалованія, лицамъ, возбуждающимъ ходатайства о выдачѣ свидѣтельствъ, то есть, могутъ устранять повѣренныхъ и такимъ «законнымъ» путемъ. Какъ ни широкъ этотъ законный путь, тѣмъ не менѣе, страннымъ образомъ, и онъ оказывается недостаточнымъ. Борьба направляется заранѣе противъ *всѣхъ* лицъ, могущихъ изъявить желаніе выступать открыто въ защиту чужихъ интересовъ, и она облекается при томъ въ форму постановленій, неправильность которыхъ столь очевидна, что вызываетъ изумленіе... По крайней мѣрѣ, приведя въ № 12 за 1893 г., со словъ г. Unus'a, сообщеніе о томъ, что «одинъ изъ уѣздныхъ съѣздовъ Х... губерніи постановилъ *не имѣть частныхъ повѣренныхъ въ 1893 году* (постановленіе это отпечатано въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ»), «Юридическая Газета» замѣтила: «фактъ, о которомъ сообщаетъ Unus, не только

нію слишкомъ трудно усвоить себѣ мысль о томъ, что не всякое дѣйствіе ближайшихъ къ нему учрежденій и лицъ можетъ быть обжалуемо. Да и постановленія ихъ бываютъ иногда въ такой мѣрѣ несогласны съ законами, слишкомъ обширными и малодоступными, что и фактически не могутъ оставаться неподлежащими отмѣнѣ или измѣненію по жалобамъ, волей-неволей принимаемымъ, или по свѣдѣніямъ, доходящимъ въ порядкѣ надзора. Къ чему приведутъ новыя предполагаемыя ограничительныя мѣры? Извѣстная настоятельнѣйшая потребность въ юридической помощи, создаваемая нынѣшнимъ положеніемъ крестьянъ,—удовлетворяется крайне плачевно. Вмѣсто хлѣба, крестьянскіе ходатаи подаютъ часто камень. Но когда не будетъ и теперешнихъ ходатаевъ или число ихъ сильно сократится, указываемая потребность не ослабѣетъ, а *усилится*. И когда крестьянамъ не къ кому или еще менѣе къ кому возможно будетъ обращаться для написанія жалобъ на неправильные постановленія, приговоры и рѣшенія,—число послѣднихъ *не уменьшится, а увеличится*. Да и какъ уничтожить повѣренныхъ? Какъ устранить слѣдствіе, не касаясь причины?

Очевидно, что вопросъ объ юридической помощи крестьянамъ есть одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ сельской жизни. Онъ находится въ связи со многими другими сторонами крестьянскаго быта и коренится довольно глубоко. Соотвѣтственными должны быть и мѣры къ его разрѣшенію. Какія же именно мѣры могли бы послужить для этой цѣли?

IV.

Усовершенствованіе съ внутренней и внѣшней стороны законодательства о крестьянахъ—должно, безъ сомнѣнія, стоять на первомъ планѣ среди желательныхъ мѣръ въ настоящемъ напра-

---

наводитъ на «размышленія», но и способенъ внушить положительныя сомнѣнія въ его дѣйствительности,—*настолько постановленіе съѣзда расходится со смысломъ дѣйствующаго устава...*» Опроверженія этого факта, однако, до сихъ поръ не послѣдовало. Не вызвало опроверженія и сообщенное въ № 16 «Судебной Газеты» за 1891 г. извѣстіе о томъ, что луганскій уѣздный съѣздъ въ январѣ этого года постановилъ «упразднить всѣхъ частныхъ повѣренныхъ, прекративъ выдачу *кому бы то ни было* свидѣтельствъ на право ходатайства по чужимъ дѣламъ...» Оказались достовѣрными и нѣкоторыя другія сообщенія въ этомъ родѣ, потверждающія общую картину дѣйствія на мѣстахъ усмотрѣнія вмѣсто закона... Насколько же еще болѣе *необходимыми*, чѣмъ прежде, дѣлаются хотя безправные ходатаи?

вленіи. Кодификація этого законодательства необходима болѣе, чѣмъ кодификація права уголовнаго, гражданскаго, торговаго, которою въ настоящее время занято правительство. И во всякомъ случаѣ было бы слишкомъ печально, если бы будущіе кодексы, результаты многолѣтняго чисто ученаго труда, оказались не для крестьянъ. Чѣмъ *совершеннѣе будутъ законы*, тѣмъ болѣе будутъ обезпечены права сельскаго населенія, равно какъ исполненіе имъ своихъ обязанностей, меньше будетъ неправильныхъ постановленій и распоряженій, меньше произвола и непониманія въ исполненіи законовъ, меньше нарушеній правильныхъ интересовъ, меньше поводовъ обращаться къ высшей власти и — меньше необходимости для крестьянъ въ посредникахъ, ходатаяхъ и совѣтникахъ.

Улучшатся законы,—лучше станутъ и люди. Таково ихъ необходимое взаимодѣйствіе. И уже однимъ этимъ будетъ наполовину разрѣшена долженствующая стоять на второмъ планѣ *забота — о наилучшемъ составѣ должностныхъ лицъ, стоящихъ надъ крестьянствомъ*. Но до того должны быть предприняты въ этомъ направленіи и частныя мѣры. Кругъ лицъ, изъ которыхъ вербуются крестьянскія власти, долженъ быть расширенъ. Чѣмъ шире выборъ, тѣмъ лучше можно его сдѣлать. Къ участію въ завѣдываніи крестьянскими дѣлами должны быть привлечены всѣ лучшія наличныя *образованныя силы*. Ни прямыя постановленія, ни общій духъ реформы не должны устранять отъ дѣла тѣхъ, кто способенъ послужить ему. Сословныя рамки неумѣстны здѣсь болѣе, нежели гдѣ либо. Доброжелательное отношеніе къ народу со стороны нашего образованнаго класса не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Изъ него, а не изъ состава помѣстнаго дворянства, должны быть вербуемы должностныя лица. Помѣстное дворянство, исключительно призывавшеся до сихъ поръ къ управленію крестьянскими дѣлами, не выполнило своей задачи, не обезпечило порядка въ сельской средѣ. Реформа 12 іюля 1889 г. въ особенности ясно обнаружила его несостоятельность въ этомъ отношеніи.— Составъ волостныхъ писарей долженъ также, между прочимъ, обратить на себя вниманіе. Больной и застарѣлый вопросъ о нихъ требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія. Вредъ, получающійся отъ неудовлетворительнаго состава волостныхъ писарей,—неисчислимъ. Это описывалось и доказывалось достаточно ярко. Значеніе вопроса выяснено вполнѣ. Лучшею же мѣрою обезпеченія состава волостныхъ писарей можетъ послужить *точное и*

ясное опредѣленіе ихъ правъ и обязанностей и устраненіе крайней обезличенности и зависимости ихъ положенія, выражающейся, напр., въ томъ, что нынѣ они могутъ быть увольняемы земскими начальниками по самымъ неопредѣленнымъ поводамъ, какъ напр. за «неблагонадежность», подъ которою, очевидно, можно подразумѣвать что угодно. Только при такомъ условіи пойдутъ въ волостные писаря лучшія силы.

Указанныя мѣры сократятъ уже потребность въ повѣренныхъ для крестьянъ. При болѣе опредѣленныхъ законахъ и удовлетворительномъ составѣ должностныхъ лицъ, интересы населенія будутъ лучше ограждены и число поводовъ къ жалобамъ и обращеніямъ къ высшей власти будетъ меньше. Но потребность въ повѣренныхъ все же сохранится, хотя и въ несравненно меньшей степени: потребность эта такова, что она существуетъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе невозможности для частныхъ лицъ каждый разъ обращаться къ власти непосредственно и необходимости спеціальныхъ знаній для составленія дѣловыхъ бумагъ. Въ этихъ видахъ, должны быть, прежде всего, хотя временно, учреждены *повѣренные по крестьянскимъ дѣламъ*, которые обязаны были-бы безвозмездно составлять дѣловыя бумаги и брать на себя веденіе дѣлъ крестьянъ и проживающихъ въ селеніяхъ мѣщанъ во всѣхъ судебныхъ и административныхъ установленіяхъ. На нихъ же могли бы быть возложены обязанности по изслѣдованію на мѣстахъ юридическаго быта крестьянъ и по собиранію всѣхъ данныхъ, необходимыхъ для дѣйствительной реформы положенія крестьянъ. Затѣмъ, должно быть вообще улучшено и упрочено положеніе лицъ, принимающихъ на себя юридическую защиту. Они должны быть поставлены совершенно независимо отъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ представляютъ ввѣряемые имъ интересы. Независимость — это необходимѣйшее свойство адвокатуры. Безъ независимости невозможно правильное служеніе дѣлу. Нынѣ же независимость эта уничтожается тѣмъ, что самое право на веденіе чужихъ дѣлъ повѣренные получаютъ отъ тѣхъ самыхъ учрежденій, въ которыхъ ведутъ дѣла и на дѣйствія которыхъ имъ приходится нерѣдко приносить жалобы высшей власти, причемъ эти учрежденія пользуются надъ ними значительною дисциплинарною властію и могутъ отказывать въ возобновленіи адвокатскихъ полномочій безъ права обжалованія. Такимъ же образомъ можетъ происходить только вредный подборъ и вырожденіе типа по-

вѣреннаго. Лучшія силы не могутъ подчиниться подобнымъ условіямъ и—защита правъ оказывается въ рукахъ низкопоклонныхъ и аккуратныхъ дѣльцовъ, не имѣющихъ въ виду ничего, кромѣ наживы. Такимъ путемъ сокращается самое число повѣренныхъ и создается крайне вредная монополія подобныхъ дѣльцовъ, дѣлающая населеніе уже совершенно *беззащитнымъ*. Слѣдуетъ совершенно устранить обязательность исходатайствованія свидѣтельствъ на право веденія чужихъ дѣлъ и защиты нарушенныхъ интересовъ. Выдержаніе въ опредѣленномъ порядкѣ, непремѣнно при учебномъ заведеніи, извѣстнаго испытанія или обладаніе извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ было бы вполнѣ достаточно для того, чтобы имѣть право представлять, по уполномочіямъ частныхъ лицъ, интересы ихъ во всѣхъ учрежденіяхъ. Приэтомъ, однако, не могутъ быть допускаемы репрессивныя мѣры противъ лицъ, неимѣющихъ свидѣтельствъ, но составляющихъ дѣловыя бумаги и дающихъ совѣты: нельзя создать изъ этого, безъ особыхъ основаній, уголовное правонарушеніе. Должно быть уничтожено, далѣе, взиманіе извѣстной довольно высокой платы за право веденія чужихъ дѣлъ. Подобная плата не можетъ быть оправдана никакимъ правильнымъ юридическимъ основаніемъ. Отъ нея и освобождены присяжные повѣренные. Требованіе этой платы, въ свою очередь, только сокращаетъ число лицъ, могущихъ защищать нарушаемыя права, усиливаетъ монополію этого важнаго дѣла и является одною изъ причинъ, благодаря которымъ веденіе чужихъ дѣлъ превращается въ ремесло.

Но — чѣмъ меньше необходимости въ профессіональныхъ повѣренныхъ, тѣмъ лучше. Составляя ремесло, защита правъ опредѣляется и направляется нерѣдко посторонними соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ торжествомъ порядка и правды. Необходимо, чтобы крестьянинъ и вообще темный человѣкъ легко находилъ если не лицо, готовое и способное непосредственно выступать въ защиту его правъ, то, по крайней мѣрѣ, лицо, могущее написать ему правильно надлежащую бумагу, дать совѣтъ, разъяснить встрѣченное имъ сомнѣніе. Въ такой же формѣ защита правъ можетъ быть обезпечена лучше всего возможно широкимъ развитіемъ юридическаго образованія. *Право должно быть преподаваемо во всѣхъ школахъ.* Знакомство съ нимъ необходимо каждому человѣку, живущему въ обществѣ. Лишь знаніе своихъ правъ и обязанностей дѣлаетъ человѣка гражданиномъ. Въ прежнихъ школахъ право и

преподавалось довольно широко *). Оно должно быть, потому же самому, предпочтительнымъ предметомъ самообразованія. Желательно, поэтому, развитіе популярной юридической литературы. Если незначительны запросы профессіональныхъ юристовъ на ученую литературу (вслѣдствіе того, что образовавшаяся указаннымъ путемъ монополія веденія чужихъ дѣлъ, напримѣръ, не создаетъ для представителей нынѣшней адвокатуры побужденій къ восполненію своихъ знаній), если не оказалось достаточнаго числа подписчиковъ для немногочисленныхъ спеціально-юридическихъ изданій, если и изъ этихъ немногихъ изданій два журнала («Юридическій Вѣстникъ» и «Юридическая Лѣтопись») должны были съ 1893 г. прекратить свое существованіе,—то потребность въ популяризаціи права со стороны читающей массы, потребность въ доступномъ для нея освѣщеніи занимающихъ ее юридическихъ вопросовъ, наоборотъ, несомнѣнно, весьма велика, и работа на этомъ полѣ можетъ быть вполнѣ плодотворною. Значительна уже заслуга «Сельскаго Вѣстника» передъ крестьянскою массою въ этомъ отношеніи. Давая послѣдніе годы отвѣты на юридическіе вопросы крестьянъ, изданіе это выводитъ юридическую консультацію *изъ мрака къ свѣту*. «Сельскій Вѣстникъ» доказываетъ, между прочимъ, и то, насколько привилась уже къ сельской средѣ принятая имъ форма юридической консультаціи и какъ великъ запросъ на юридическіе отвѣты со стороны крестьянской массы. Письма съ юридическими вопросами получаются въ такомъ подавляющемъ количествѣ, что газета съ приведеннымъ выше пунктомъ программы, имѣющая спеціальное назначеніе давать крестьянамъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ ихъ быта, и какъ органъ правительственный, заинтересованная, ради порядка, въ предоставленіи такихъ разъясненій всѣмъ, кто о нихъ проситъ,—вынуждена крайне ограничивать эту свою дѣятельность, вѣроятно, по недостаточности ассигнуемыхъ на нее средствъ...

«Во всякомъ случаѣ — подробно объявляется отъ редакціи вначалѣ каждаго года—*будутъ оставляемы безъ отвѣта:* 1) письма лицъ, не состоящихъ подписчиками «Сельскаго Вѣстника» болѣе года или хотя и подписчиковъ, но не приложившихъ къ своимъ письмамъ адресныхъ билетиковъ (которые, поясняется тутъ — слѣдуетъ приклеивать или пришивать къ письмамъ, чтобы не потеря-

*) См. очеркъ исторіи преподаванія права въ Россіи въ книгѣ моей «Общедоступное руководство къ изученію законовъ».

лись); 2) письма подписчиковъ не по личнымъ своимъ, а по чужимъ дѣламъ, или написанныя такъ, что изъ нихъ не видно, до кого касаются излагаемые въ нихъ вопросы, — до самихъ пишущихъ или кого либо другого; 3) письма должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія (не выписывающихъ «Сельскаго Вѣстника») не по служебнымъ ихъ дѣламъ, а по частнымъ своимъ, или своихъ обществъ, или другихъ лицъ, не состоящихъ подписчиками; 4) письма, написанныя необстоятельно, непонятно или неразборчивымъ почеркомъ; 5) письма по дѣламъ не сельскаго быта; 6) письма съ такими вопросами, на какіе уже были даны объясненія втеченіе года».

Вотъ сколько запросовъ заранѣе и безусловно отвергается, несмотря ни на какое ихъ существо и значеніе! Но и на прочія письма, написанныя съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ весьма сложныхъ и подчасъ мелочныхъ условій, отвѣты вовсе не слѣдуютъ непремѣнно. «Въ каждомъ нумерѣ—говорится въ томъ же объявленіи—можетъ быть отведено для отвѣтовъ редакціи не болѣе одной или двухъ страницъ, на которыхъ можетъ помѣститься не болѣе пяти или десяти отвѣтовъ; затѣмъ, сколько бы ни поступило вопросныхъ писемъ за недѣлю, редакція не можетъ давать больше отвѣтовъ, чѣмъ дается теперь. И всѣ письма, не попавшія въ число отвѣченныхъ, должны откладываться въ сторону и оставаться вовсе безъ отвѣта. Такимъ образомъ—буквально поясняется въ объявленіи—*выходитъ какъ бы лотерея, въ которой постоянно попадается нѣсколько счастливыхъ писемъ, получающихъ отвѣты, а прочія остаются безъ таковыхъ*». Другими словами, авторы цѣлой массы писемъ, истратившись и на газету, и на составленіе и высылку писемъ съ вопросами, и тщетно прождавъ отвѣтовъ, должны, въ большинствѣ случаевъ, обращаться со своими юридическими запросами къ услугамъ той же «адвокатуры», которая именуется не иначе, какъ «кабацкою»... Но понятно, что еслибы удовлетвореніе всѣхъ безъ исключенія дѣлаемыхъ редакціи «Сельскаго Вѣстника» юридическихъ запросовъ стоило бы пять тысячъ рублей въ годъ, напримѣръ, то «адвокатура» эта возьметъ уже за свои «отвѣты» милліонъ, и, плодясь и множась при такихъ условіяхъ, никоимъ образомъ не можетъ быть ограничена въ своей дѣятельности... И вотъ что замѣчательно: какъ ни сложны требованія, которымъ должны удовлетворять письма подписчиковъ «Сельскаго Вѣстника», для того, чтобы авторы ихъ могли имѣть нѣкоторую надежду на полученіе отвѣтовъ,

какъ ни трудно, а подчасъ и невозможно выполнить эти требованія (за утратою, напримѣръ, билетиковъ отъ предшествующей подписки), какъ ни сильно должно бы отбивать охоту обращаться въ редакцію съ юридическими запросами то обстоятельство, что и изъ удовлетворяющихъ всѣмъ этимъ требованіямъ лишь нѣкоторые — «счастливые» — вызываютъ отвѣты, тѣмъ не менѣе, число писемъ не уменьшается, а увеличивается. Увеличивается и число подписчиковъ на газету, безъ сомнѣнія, въ значительной степени, привлекаемыхъ именно надеждою на полученіе отвѣтовъ на свои юридическіе запросы и составившихъ уже въ 1893 году почтенную цифру — 50 тысячъ. Понятно теперь, что для обезпеченія крестьянамъ юридической помощи и для огражденія ихъ отъ эксплуатаціи темною адвокатурою, одною изъ ближайшихъ и вѣрнѣйшихъ мѣръ, входящею въ составъ общей задачи развитія популярной юридической литературы, должно быть расширеніе отдѣла «*Отвѣты редакціи*» въ «*Сельскомъ Вѣстникѣ*», По тому же самому, *желательно образованіе подобныхъ отдѣловъ и въ прочихъ, въ особенности доступныхъ для народа изданіяхъ*. Пусть притомъ и печатные отвѣты оказывались бы иногда ошибочными. Въ дѣлѣ трудномъ, каково толкованіе нашихъ законовъ, ошибки неизбѣжны. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Ошибки могутъ быть здѣсь притомъ легко исправляемы. Отвѣты получались бы во всякомъ случаѣ неизмѣримо болѣе правильные, добросовѣстные и ясные, чѣмъ тѣ, которые получаются отъ всѣхъ возможныхъ призванныхъ и непризванныхъ юридическихъ совѣтниковъ. Они были бы полезны не только для тѣхъ, кто вызывалъ бы ихъ, но и для тѣхъ, кому приходилось бы ихъ прочитывать. Юридическіе запросы, предъявленію которыхъ былъ бы данъ прямой поводъ, могли бы оживлять самое содержаніе каждой данной газеты и придавать ему болѣе общественный характеръ. Получался бы богатый и животрепещущій матеріалъ для истинной публицистики, подъ которою разумѣется разработка публичнаго права. Общество въ лучшей его части осуществляло бы строгій надзоръ за нерушимостію правъ. Создавалась бы настоящая нелицепріятная прокуратура — «око общественное»...

Съ расширеніемъ юридическаго образованія и самообразованія, съ развитіемъ популярной юридической литературы, съ образованіемъ въ возможно большемъ числѣ изданій юридическихъ отдѣловъ съ вопросами и отвѣтами и съ развитіемъ открытой, печатной, вы-

веденной изъ мрака къ свѣту, юридической консультаціи, не замедлятъ явиться и тѣ условія, которыя наилучшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ разрѣшатъ настоящую задачу: пріобрѣтя необходимыя *юридическія* знанія, крестьянинъ будетъ въ состояніи чаще обходиться безъ какихъ бы то ни было повѣренныхъ, безъ посторонней юридической помощи, въ дѣлѣ защиты своихъ правъ. Необходимость же знаній этого рода для крестьянина предполагалась еще при составленіи законоположеній 19 февраля 1861 г. Слѣдующими соображеніями доказывалась тогда, между прочимъ, потребность въ начальныхъ школахъ для освобождавшихся крестьянъ: «Вопросъ этотъ не только важенъ по отношенію къ нравственному улучшенію крестьянскаго сословія и усовершенствованію нашего сельскаго хозяйства, но онъ находится въ ближайшей связи съ осуществленіемъ всей реформы, предпринимаемой нынѣ правительствомъ: ибо *большая часть начертываемыхъ постановленій тогда только вполнѣ достигнетъ своей цѣли, когда крестьянское сословіе въ состояніи будетъ знать права и обязанности, усвояемыя ему новымъ положеніемъ*, что, конечно, невозможно безъ распространенія между крестьянами грамотности и необходимыхъ въ ихъ быту первоначальныхъ свѣдѣній». («Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости» часть XVII, о сельскихъ училищахъ, стр. 3). Ясно, о какихъ говорилось здѣсь „необходимыхъ“ въ крестьянскомъ быту свѣдѣніяхъ. И вотъ, грамотность, хотя и медленнно, но всетаки развивается среди крестьянства. А существуетъ ли условіе, указывавшееся дѣятелями 19 февраля, какъ необходимое, для успѣха самой реформы,—знаетъ ли крестьянское сословіе свои права и обязанности и способно ли защищать свои законные интересы?..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . I—V

Юридическое положеніе крестьянъ.

I. Задачи 19 февраля 1861 г.

Трудность освобожденія крестьянъ. — Особая важность этой задачи.—Затруднительность одновременнаго разрѣшенія второй задачи,—устройства быта освобожденныхъ.—Положеніе государственныхъ крестьянъ. — Почему крѣпостные крестьяне не были прямо переведены въ положеніе государственныхъ крестьянъ? — Основные недостатки законоположеній 19 февраля 1861 г. 1

II. Образованіе и развитіе права.

Первоначальное всеобъемлющее дѣйствіе обычая.—Послѣдствія.—Мѣры упроченія общаго юридическаго порядка 6

III. Очеркъ кодификаціи русскаго права.

Первые памятники отечественнаго законодательства. — Уложеніе 1649 г.—Петровскія мѣры.—Коммиссія 1767 г.—Сперанскій и его дѣятельность при Николаѣ I.—Что такое законъ? 8

IV. Крѣпостные крестьяне передъ закономъ.

Образованіе крѣпостной зависимости.—Фактъ—не право.—Какое значеніе могла бы имѣть кодификація права для крѣпостныхъ крестьянъ? — Существо преній о помѣщичьихъ крестьянахъ въ коммиссіи 1767 г.—Куда устремлены были всегда надежды закрѣпощенныхъ крестьянъ? 18

Стр.

V. **Накануне 19 февраля 1861 г.**

Внезаконное или безправное положеніе помѣщичьихъ крестьянъ.—Управленіе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.—Повинности крѣпостныхъ крестьянъ.—Имущественное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.—Уголовная отвѣтственность ихъ 23

VI. **Право жалобы и отношеніе къ власти.**

Дѣйствительно ли законъ лишалъ крѣпостныхъ крестьянъ права жалобы на своихъ помѣщиковъ? — Постановленія уложенія 1649 г., неограничивавшія въ этомъ отношеніи даже холоповъ.— Разборъ сенатскаго указа отъ 22 августа 1767 г., неправильно истолковавшаго уложеніе 1649 г. — Ошибка Свода Законовъ перваго и послѣдующихъ изданій.—Невмѣшательство власти въ отношенія крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ помѣщиковъ 28

VII. **Что должно было послужить исходною точкою при освобожденіи?**

Необходимость примѣненія начала законности къ освобождавшимся крестьянамъ. — Основныя черты русскаго государственнаго устройства и управленія.—Отношеніе къ нимъ состоянія крѣпостной зависимости.—Ясность задачи, но трудность ея разрѣшенія 39

VIII. **Организація освободительныхъ работъ.**

Образованіе губернскихъ дворянскихъ комитетовъ. — Цѣль работъ, имъ предложенныхъ. — Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. — Редакціонныя коммиссіи. — Организація ихъ дѣятельности.— Гласность. — Значеніе принятой постановки работъ редакціонныхъ коммиссій 43

IX. **Крѣпостническія вліянія.**

Обязательность освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, предписанная губернскимъ комитетамъ.—Глава IX программы для занятій губернскихъ комитетовъ.—Притязанія, ею возбужденныя.—Возраженія, вызванныя этими притязаніями въ средѣ самихъ губернскихъ комитетовъ. — Фактическое устраненіе главы IX.—Вліяніе, ею полученное въ концѣ концовъ.—Дальнѣйшія притязанія помѣщиковъ . . 48

X. **Общій характеръ освобожденія.**

Законоположенія 19 февраля 1861 г., освободивъ крѣпостныхъ крестьянъ, не дали имъ прочнаго юридическаго положенія. — Особая тяжесть положенія освобожденныхъ крестьянъ въ первые

Стр.

два года по освобожденіи. — Добровольные договоры о землѣ, заключавшіеся при подчиненіи одной договаривавшейся стороны другой. — Помѣщики-начальники обществъ освобожденныхъ крестьянъ . 57

XI. **Первоначальныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.**

Основныя начала, преподанныя первоначально для устройства учрежденій по завѣдыванію крестьянскими дѣлами. — Своеобразное примѣненіе этихъ началъ. — Мировые посредники и ихъ права. — Уѣздные съѣзды мировыхъ посредниковъ и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. — Характеръ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. — Ограниченія права жалобы на дѣйствія этихъ учрежденій. — Государственная власть - въ сторонѣ 60

XII. **Собственное управленіе освобожденныхъ крестьянъ.**

Сельскія общества. — Безправность положенія общинъ, несоставляющихъ сельскихъ обществъ. — Послѣдствія. — Неосуществившіяся предположенія редакціонныхъ коммиссій. — Составъ сходовъ. — Неопредѣленность правъ и обязанностей должностныхъ лицъ. — Обычаи крѣпостныхъ отношеній. — Общая шаткость положенія и безправіе освобожденныхъ крестьянъ 69

XIII. **Надѣленіе землею освобожденныхъ крестьянъ.**

Обязательность пріема земельныхъ надѣловъ для крестьянъ. — Облегченіе въ повинностяхъ. — Условія опредѣленія постояннаго размѣра повинностей. — Неравноправность сторонъ. — Ограниченность владѣнія и пользованія надѣльною землею. — Тяжесть обязанностей крестьянъ. — Слишкомъ высокая цѣна надѣла. — Выкупался-ли крестьянами при освобожденіи личный трудъ? 76

XIV. **Имущественныя права освобожденныхъ крестьянъ.**

Предѣлы гражданской правоспособности освобожденныхъ. — Условія судебной защиты правъ. — Недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время на имя своихъ помѣщиковъ. — Опять обычаи крѣпостныхъ отношеній. — Неполнота гражданскихъ правъ освобожденныхъ крестьянъ 82

XV. **Отвѣтственность освобожденныхъ крестьянъ за проступки.**

Дисциплинарная власть. — Значеніе приговоровъ и рѣшеній волостнаго суда, какъ окончательныхъ. — Неопредѣленность подсудности. — Отсутствіе указаній на мѣру дозволеннаго и запрещеннаго 86

Стр.

XVI. **Продолженіе освободительнаго дѣла.**

Общій характеръ постановленій о крѣпостныхъ крестьянахъ Закавказья. — Устраненіе здѣсь безправнаго положенія отдѣльныхъ селеній, несоставляющихъ каждое сельскаго общества 88

XVII. **Крестьянское дѣло послѣ отмѣны крѣпостной зависимости.**

Реакція. — Послѣдующія задачи, препятствовавшія завершенію реформы.—Настоящій моментъ. 92

XVIII. **«Обобщеніе».**

Преобразованіе положенія крестьянъ государевыхъ, удѣльныхъ и дворцовыхъ имѣній.—Устройство вольныхъ людей.—Положеніе о башкирахъ. — Новое устройство государственныхъ крестьянъ. — Устройство колонистовъ. — Устройство государственныхъ крестьянъ девяти западныхъ губерній. — Устройство царанъ Бессарабской губерніи. — Устройство государственныхъ крестьянъ Сибири. — Положенія о крестьянахъ губерній Остзейскихъ и Царства Польскаго. . 95

XIX. **О дальнѣйшемъ развитіи законоположеній 19 февраля 1861 г.**

Мѣстныя изъятія.—Расширеніе установленныхъ предѣловъ исполнительной власти. — Крайняя недостаточность развитія, даннаго Общему Положенію о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости 101

XX. **Исключительное положеніе мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.**

Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія.—Безконтрольность мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Постепенно и слабо осуществляющаяся необходимость болѣе близкаго вмѣшательства государственной власти въ дѣла освобожденныхъ крестьянъ.—Сенатъ.—«Кассаціонный» порядокъ обжалованія постановленій съѣздовъ мировыхъ посредниковъ. — Правила обжалованія приговоровъ и рѣшеній волостнаго суда. — Общія замѣчанія о правѣ принесенія жалобъ крестьянами 103

XXI. **Смѣшеніе властей.**

Законъ 25 октября 1865 г.—Дѣла судебнаго свойства.—Оставленіе въ вѣдѣніи административныхъ учрежденій попрежнему нѣкоторыхъ дѣлъ судебнаго свойства 113

Стр.

XXII. **Преобразованіе уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.**

Начало предположеній о переустройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Единодушно неблагопріятные отзывы губернаторовъ о мировыхъ посредникахъ. – Преобразованіе 27 іюня 1874 г. — Крайняя неопредѣленность состава новыхъ уѣздныхъ присутствій. -- Неопредѣленность въ распредѣленіи правъ и обязанностей между членами. — Полузаконодательныя полномочія уѣздныхъ присутствій.—Порядокъ дѣйствія присутствій.—Опечатка 115

XXIII. **Послѣдствія преобразованія 1874 г.**

Признаніе недостаточности преобразованія 1874 г. — Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 декабря 1880 г.—Нужны-ли особыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ? 126

XXIV. **Большая свобода и новыя ограниченія.**

Значеніе обязательнаго выкупа 1881 г.—Переходъ на выкупные платежи государственныхъ крестьянъ.—Расширеніе правъ крестьянъ на землю и сокращеніе права ихъ борьбы съ кабакомъ. — Юридическое и экономическое значеніе пьянства.—«Кабацкая конституція».—Ограничительное значеніе для крестьянъ правилъ 14 мая 1885 г.—Что нужно?—Законъ 5 мая 1892 г. и винная монополія 129

XXV. **Измѣненія въ порядкѣ высшаго завѣдыванія крестьянскими дѣлами.**

Упраздненіе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. — Новое признаніе недостатковъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Образованіе особаго департамента для разрѣшенія крестьянскихъ дѣлъ въ сенатѣ.—Значеніе новыхъ преобразованій 134

XXVI. **Отношеніе со стороны общества къ реформѣ 12 іюля 1889 г.**

Ожиданія реформы. — Широкій интересъ къ ней. — Какіе факты изъ дѣятельности вновь учрежденныхъ властей привлекали къ себѣ особое общественное вниманіе?—Выводы 137

XXVII. **Настоящее положеніе учрежденій 12 іюля 1889 г.**

Вліяніе, произведенное на реформу 12 іюля 1889 г. общественнымъ мнѣніемъ и новыми формами жизни.—Благодѣтельное предостереженіе. — Законность, какъ явно и особо настоятельно необходимое нынѣ средство для излѣченія недуговъ мѣстнаго управленія . . 145

Стр.

XXVIII. **Общія черты реформы 12 іюля 1889 г.**

Естественность положительнаго результата, вытекающаго изъ отрицательныхъ условій.—Доведеніе до крайности началъ, по существу и исторически несостоятельныхъ 149

XXIX. **Смѣшеніе властей, произведенное реформою 12 іюля 1889 г.**

Инструкціи для крестьянскихъ обществъ и должностныхъ лицъ.—Правила дѣлопроизводства для уѣздныхъ съѣздовъ. — Непосильная задача.—Восполненіе правилъ волостнаго суда. 151

XXX. **Судъ по законоположеніямъ 12 іюля 1889 г.**

Различія въ уголовной отвѣтственности въ зависимости отъ подсудности и подвѣдомственности. — Раздробленіе подсудности и подвѣдомственности. — Различіе судебныхъ гарантій для лицъ разныхъ сословій, и общее пониженіе этихъ гарантій. — Безпомощность населенія.—Усиленіе вліянія канцеляріи на ходъ судебныхъ дѣлъ . . . 160

XXXI. **Дисциплинарная власть земскихъ начальниковъ и отношеніе ихъ къ приговорамъ сходовъ.**

Судья въ собственномъ дѣлѣ.—Зависимость должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія отъ земскихъ начальниковъ.—Неопредѣленность права обжалованія постановленій земскихъ начальниковъ о дисциплинарной отвѣтственности должностныхъ лицъ.—Уменьшеніе самостоятельности крестьянскихъ сходовъ . . . 168

XXXII. **Составъ и отвѣтственность земскихъ начальниковъ.**

Общее сокращеніе права обжалованія дѣйствій установленій 12 іюля 1889 г.— Неорганизованныя ревизіи. — Случайность надзора и отвѣтственности. — Помѣстно-дворянскій составъ новыхъ установленій. — Порядокъ назначенія земскихъ начальниковъ. — Законъ и личность 171

XXXIII. **Нѣкоторыя общія замѣчанія.**

Улучшилось-ли юридическое положеніе сельскихъ обывателей?— Неодинаковое значеніе въ этомъ отношеніи разныхъ законодательныхъ актовъ 178

XXXIV. **Законность управленія и кодификація права.**

Условія законности. — О формѣ законодательныхъ проектовъ.— Отмѣна представленія законодательныхъ проектовъ въ кодификаціонное учрежденіе.— Несогласованность законовъ о крестьянахъ.— Не-

Стр.

опредѣленность порядка дѣятельности кодификаціоннаго учрежденія.—Усиленіе вліянія исполнительной власти 180

XXXV. **Недостатки кодификаціи собственно крестьянскихъ законовъ.**

Какимъ требованіямъ должны удовлетворять источники познанія законовъ о крестьянахъ?—Свойства особаго приложенія къ тому IX, изданнаго въ 1876 г.—Ошибки и упущенія 186

XXXVI. **Отмѣна права частнаго законодательнаго почина.**

Что такое частный законодательный починъ?—Прежнія опредѣленія по этому предмету.—Ограничительныя правила 9 іюня 1884 г.—Особое значеніе частнаго законодательнаго почина для крестьянъ въ настоящее время 197

XXXVII. **Что нужно крестьянамъ въ настоящее время?**

Коренная нужда крестьянъ, указываемая и Основными Законами.—Та же потребность, указываемая и современной безурядицей сельской жизни. — Значеніе чувства законности въ крестьянствѣ.—Необходимость мѣстнаго изслѣдованія юридическаго положенія крестьянъ, какъ основы коренной реформы.—Неотложныя мѣропріятія. 200

Статьи:

I. Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія 205
II. Крестьянская женщина 236
III. „Вы“ и „ты“ 268
IV. Наказаніе безъ суда 277
V. Преобразованный волостной судъ. 298
VI. Юридическая безпомощность крестьянъ 371

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. №

30.50